Э. В. Севортян

АФФИКСЫ ГЛАГОЛООБРАЗОВАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

ИВЛ

69570 E

€12,-

Innengelenk
geklebt

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Э. В. СЕВОРТЯН

АФФИКСЫ ГЛАГОЛООБРАЗОВАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Sprachwissenschaftliches
Institut
der Universität Bonn
Inv.-Nr. 10995

Ausgeschieden

V E 9 191

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962

ПРЕДИСЛОВИЕ

Некоторые из основных идей и положений данного исследования вместе с частью материала были изложены автором в его статьях, посвященных вопросу о соотношении грамматики и лексики [1] и проблеме словообразования в тюркских языках [2].

Соображения, высказанные в этих статьях, нашли в предлагаемой книге свое дальнейшее развитие и уточнение на материале глагольного словообразования.

Наше исследование не ставит перед собой специальных историко-лингвистических задач. Оно посвящено описанию грамматических форм глаголообразования в современном его состоянии по данным азербайджанского и других тюркских языков.

В процессе изучения форм глагольного словопроизводства выяснилось, однако, что различные типичные значения глаголообразующих форм неравноценны в современном языке, что среди них необходимо различать значения развивающиеся, или продуктивные, и значения неразвивающиеся, или непродуктивные.

При таких обстоятельствах выявление возможно полного состава значений (и до некоторой степени динамики) живых словопроизводных форм глагола в азербайджанском, частично в других тюркских языках, стало невозможным без учета определенных данных истории тюркских языков и без отдельных исторических экскурсов.

Выяснилось также, что непродуктивные формы глаголообразования и их судьбы теснейшим образом связаны с системой ныне действующих продуктивных форм и значения отмерших форм не исчезли, а перешли в состав значений продуктивных аффиксов азербайджанского и других тюркских языков.

---

[1] См.: сб. «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952, стр. 306—367; сб. «Вопросы узбекского языкознания», Ташкент, 1954, стр. 60—81.

[2] «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, — «Морфология», М., 1956, стр. 314—328.

Почти с первых же шагов работы над темой стало ясно, что основная часть фактов, наблюдаемых в сфере значений форм (не говоря уже о самих формах, общность которых в языках тюркской группы известна в науке давно), в области глагольной омонимии, параллелизма форм и т. д., прослеживается в большинстве тюркских языков — в том числе и в древних — и что, следовательно, формы глагольного (как, впрочем, и именного) словопроизводства берут свое начало в глубочайшей древности, задолго до появления первых памятников письменности на тюркских языках, вероятнее всего в эпоху максимальной общности тюркских языков.

Поэтому в исследовании по мере углубления в тему обозначился общетюркологический аспект и стала очевидной необходимость привлечения сравнительных фактов из других тюркских языков, в том числе и древних, сведений из средневековых филологических сочинений о тюркских языках, написанных на Востоке и отчасти на Западе, материала из древних словарей и глоссариев, составленных тюрками, арабами или европейцами.

Все это вместе взятое внесло в исследование элементы историзма — в одних случаях больше, в других меньше, но повсюду эти элементы являются лишь вспомогательным средством или иллюстративным материалом, подчиненным выяснению вопросов современного глагольного словообразования, а не его истории.

В работе освещены также некоторые семасиологические вопросы, как, например, вопрос о собственном значении глаголообразующей формы, о составе, структуре и источниках значения производной глагольной формы. Однако настоящая работа не может, разумеется, заменить специального семасиологического исследования, в котором были бы поставлены и решены вопросы семантических закономерностей в области азербайджанского и тем более вообще тюркского глагола.

Значительное место в книге отведено залоговой системе. Залог, по мнению автора, исторически является категорией переходной от словообразовательной к грамматической. В разных тюркских языках одни залоги ближе к сфере словопроизводства, другие — к сфере словоизменения. Принимая это во внимание, при освещении залоговой категории автор стремился лишь определить, какое место занимает категория залога в отношении системы азербайджанского глаголообразования.

В настоящей работе опущена категория глагольного вида в азербайджанском и других языках, поскольку она еще не может считаться окончательно выясненной, несмотря на некоторые специальные исследования [3].

---

[3] См., например, З. И. Алиева, *Категория глагольного вида в азербайджанском языке*, автореф. канд. дисс., М., 1953.

Мы сознательно оставили в стороне вопросы этимологии словообразовательных аффиксов, за исключением тех, состав которых прозрачен (*-лан-, -лат-, -лашдыр-* и т. п.).

Несмотря на заметное число различных этимологий тюркских форм, встречающихся в грамматиках, монографиях, статьях и просто маленьких заметках, публикуемых в разнообразных периодических органах, эти этимологии нередко остаются скорее продуктом остроумных догадок, чем результатом этимологических изысканий на строго исторической основе.

В области этимологизации форм в распоряжении тюрколога пока нет достаточно надежных установок, гарантирующих исследование от субъективизма и произвола. Поэтому автор воздерживается в неясных случаях от этимологических построений в области глаголообразующих форм, предпочитая сосредоточить свои усилия на исследовании не менее важных вопросов, поддающихся, однако, объективному научному анализу.

В связи с этим в исследовании оставлены в стороне все морфологически неясные формы глаголов, в которых невозможно выделить с достаточной научной обоснованностью их структурные элементы и составить мнение о словопроизводном значении этих элементов, без чего исследование словообразовательных форм было бы неполным. Читатель не найдет здесь специального очерка истории вопроса о глагольном словообразовании в азербайджанском и других тюркских языках. Нам казалось более целесообразным изложить историю изучения глаголообразующих форм при анализе самих этих форм.

В работе учтены специальные монографии, посвященные в основном описанию фактического состава словообразовательных, в частности глагольных, аффиксов тюркских языков (например, работы Улуг Турсуна, П. Азымова, исследования А. Г. Гулямова об узбекском глаголе и формах его образования, наконец, книга Л. Н. Харитонова о глагольных основах якутского языка и другие исследования). Учтены также работы зарубежных тюркологов и в первую очередь ценные труды Г. Рамстедта, Ж. Дени и В. Банга о глаголообразовании. Преследуя научные цели, мы не могли, естественно, останавливать наше внимание на работах, не представляющих научной ценности (как, например, любительский опыт разбора турецких глагольных корней, предпринятый С. В. Кёлле [4] в прошлом веке и носящий местами анекдотический характер, а также ряд аналогичных работ). Обращаясь к фактам старых памятников, в частности к тем из них, которые объединяются под названием «кыпчакские», мы оставляем в стороне многочисленные вопросы, относящиеся к их составу, языковым особенностям и языковой принадлежности,

[4] S. W. Kölle, *Über türkische Verbal-Wurzeln*, — ZDMG, Bd XXIV, 1870.

лингвистической интерпретации содержащихся в этих памятниках терминов «кыпчакский», «чисто тюркский», «огузский», «туркменский», «туркестанский» и т. д.[5], поскольку они непосредственно не соприкасаются с темой настоящего исследования, так как в последнем речь идет о таких элементах конкретных тюркских языков, которые являются общетюркским достоянием и начало которых уходит в далекую предысторию.

Оставлены без внимания и недостатки в изданиях некоторых из перечисленных памятников, поскольку эти недостатки не отражаются на разработке темы данной монографии. Так, например, можно отметить ряд неточностей в чтении кыпчакского памятника, изданного М. Хоутсма (см. список источников): ср. *aman* امان вместо *ämän* 'дуб' (Houtsma, стр. 54); *äil* ايل 'рука' (Houtsma, стр. 58); *äilkäk* ايلكاك вместо *ilgäk* или *ilkäk* (там же). Слово چيكات (Houtsma, стр. 72, 73) почему-то разъяснено в качестве тюркского слова چيك, оформленного арабским или монгольским показателем множественности, тогда как оно читается просто: *čik* 'сырое' и *ät* 'мясо' (Abu-Hay., 29)[6]; слово سرمساق переведено 'лук' (Houtsma, стр. 76), и А. фон Лекок в своем экземпляре книги М. Хоутсма карандашом справедливо исправляет *Lauch* 'лук' на *Knoblоch* 'чеснок'; глагол صن Хоутсма читает как *son-* (стр. 81) вместо правильного *sun-* 'преподносить'; كينك читает *käing* (стр. 101) вместо правильного *käñ* или *kiñ* и т. д. Однако неверные чтения тюркских слов, допущенные М. Хоутсма, не препятствуют пользованию этим старейшим памятником кыпчакского языка, так как рядом с транскрипцией автор приводит текст оригинала в арабской графике.

Предлагаемое исследование не выходит за пределы материала тюркских языков. Факты монгольских и тем более тунгусо-маньчжурских языков в работе не привлекаются, так как поставленные в ней вопросы должны прежде всего освещаться и, где возможно, решаться на материале самих тюркских языков, сравнительное изучение которых еще сильно отстает от того, что сделано в этой области, например, в индоевропейском языкознании. Поэтому, прежде чем обращаться к тунгусо-маньчжурским и даже монгольским языкам, имеющим с тюркскими языками много схождений, тюркологу необходимо разобраться в соб-

[5] Из последних работ, затрагивающих перечисленные вопросы, может быть названа статья Абдюлькадира Инана: A. Inan, *XIII—XIV yüzyıllarda Mısır'da Oğuz-Türkmen ve Kıpçak lehçeleri ve «halis türkçe»*, — «Türk Dili araştırmaları yıllığı», Belleten, Ankara, 1953.

[6] Это исправление было внесено еще К. Фоем, см. K. Foy, *Türkische Vokalstudien, besonders das Köktürkische und Osmanische betreffend*, — MSOS Abt. 2, Westasiatische Studien, Jahrgang III, Berlin — Stuttgart, 1900, S. 214.

ственно тюркологических вопросах, тем более что алтайская общность языков, к которым Е. Д. Поливановым, а затем и Г. Рамстедтом был присоединен и корейский язык, а еще раньше японский, не может считаться окончательно доказанной, несмотря на все усилия ее сторонников.

До сих пор не потеряло своего значения высказывание В. Банга-Каупа по поводу более узкой тюрко-монгольской общности: «Чем старее я становлюсь, тем более считаю прямо-таки абсурдным сравнивать два языка — скажем, монгольский и тюркский, — прежде чем мы точно не установили, что́ заимствовано, вдвойне заимствовано и обратно заимствовано. И как мы можем, не ставя себя и свою науку в смешное положение, сравнивать оба языка, когда мы прежде всего не знаем, образованы ли сотни слов одним суффиксом или нет?» [7].

Та же мысль, но более завуалированно высказывается некоторыми современными исследователями, которые, например, даже считают, что «удалось установить некоторое число безукоризненных (? — *Э. С.*) фонетических законов и найти также отдельные грамматические соответствия. Но что остается еще открытым по-прежнему, — это вопрос о том, как следует их толковать» [8]. Наиболее трезвый взгляд на алтайскую теорию сформулирован проф. Ж. Дени в его последнем труде: «Что касается термина „алтайский", то он может сохраниться, хотя и в более узком смысле, лишь временно, пока более углубленное сравнение не позволит выработать общую грамматику тюркских и монгольских диалектов, родство которых с маньчжурским представляется более отдаленным, если не проблематичным» [9].

Следует сказать также несколько слов о живых тюркских языках, привлекаемых нами для сравнения. В монографии использованы тюркско-русские и русско-тюркские словари следующих языков (без их диалектов): азербайджанского, туркменского, турецкого, узбекского, казахского, каракалпакского, киргизского, татарского, хакасского, тувинского, якутского, чувашского и глоссарий при гагаузских текстах В. Мошкова. Таким образом, в книге отсутствуют лексические материалы из уйгурского, башкирского [10], кумыкского, отчасти крымско-татарского, карачаево-балкарского, сарыг-уйгурского, саларского, кюэрикского и

---

[7] W. Bang, *Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut.* Sechster Brief: *Varia varii momenti,* — «Ungarische Jahrbücher», Bd XII, H. 1—2, Berlin — Leipzig, 1932, S. 103, 104.

[8] J. Benzing, *Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie,* Wiesbaden, 1953, S. 62.

[9] J. Deny, *Principes de grammaire turque («Turk» de Turquie),* Paris, 1955, p. 11.

[10] Мы не смогли воспользоваться «Башкирско-русским словарем» (М., 1958) и «Каракалпакско-русским словарем» (М., 1959), вышедшими уже после окончания работы над данной книгой.

некоторых других тюркских языков или диалектов, стоящих особняком, так как для большинства из них еще не изданы национально-русские словари, поскольку не всегда изучены сами языки и диалекты. Использованные нами языки (современные и древние) в общем являются типичными представителями различных групп, по которым распределяются тюркские языки в классификациях В. В. Радлова, Ф. Е. Корша и в сводной классификации А. Н. Самойловича. Поэтому можно допустить, что наиболее существенное и общее, свойственное грамматическому глагольному словообразованию тюркских языков, в предлагаемом исследовании не пропущено.

Приводя сравнительные данные из разных тюркских языков, мы не всегда делаем ссылки на довольно обширную в настоящее время научную литературу, затрагивающую или освещающую какую-либо специальную область фонетических соответствий в тюркских языках (например, явления «ротацизма» или «ламбдаизма»). По мере необходимости приводятся ссылки на сводные или итоговые работы по фонетике тюркских языков, выходившие в последние годы, как, например, «Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen» (Helsinki, 1949) [11].

К сожалению, нам не удалось ознакомиться с некоторыми работами, тесно связанными с темой нашего исследования и потому важными для последнего. К их числу относятся:

«Divan-i-Türki-i-Basit», müellifi Edirneli Nazmi, İstanbūl, 1928.

Saadet Schakir geb. Is'haki (Çağatay), *Denominale Verbbildungen in den Türksprachen*, Roma, 1933.

Çağatay, *Eski osmanlıcada fiil müştakları*, — «Dil ve tarihcoğrafya fakültesi dergisi, Ankara Universitesi», Ankara, 1947, kasım-aralık, cilt V, 5.

Emre Ahmet Cevat, *Türkçenin yaplışı. Mukayeseli Türk gramerine hazırlık irdemleri*, İstanbul, 1943.

Нам не удалось также воспользоваться новым трудом по глаголообразованию «Система словообразования и спряжения в башкирском языке» А. А. Юлдашева (М., 1958), изданным после написания настоящей работы.

Поскольку перед автором вообще не стояли проблемы фонетики, нам не пришлось специально заниматься вопросами транскрипции. Мы пользуемся в работе радловской академической транскрипцией (в тех случаях, когда цитируются труды В. В. Радлова). Транскрипция других источников сохранена без изменения. Общетюркские формы приводятся или в транскрипции, базирующейся на латинском алфавите, или в русской графике с добавлением *ä*//*ə*, *ө*, *ɣ*, *ķ*, *ƃ*//*ғ*, *ң*, *h*, *ж*, значения которых в тюркском языкознании общеизвестны.

[11] Имеется русский перевод: М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955.

ВВЕДЕНИЕ

I

В тюркологической лингвистике словообразование нередко выделяется в особый раздел учения о языке.

Не всегда, однако, бывает ясным, к какой сфере языка следует отнести словообразование. По давней традиции оно включается в отдел морфологии и занимает особое место рядом со словоизменением. Вместе с тем в науке пока не возникал вопрос относительно теоретических оснований, по которым словообразование следовало бы отнести к морфологии или другому отделу учения о языке. У дореволюционных тюркологов для постановки подобного вопроса еще не было оснований, так как внимание исследователей сосредоточивалось на описании фонетических и грамматических средств в целом без анализа внутренних отношений между частями и элементами, образующими структуру тюркских языков. Теоретические изыскания в области морфологии ограничивались главным образом выяснением вопроса о структурных различиях между флективными и агглютинативными языками [1], наиболее характерную группу которых составляют тюркские языки. Основное же внимание русских и зарубежных тюркологов дореволюционного периода было сосредоточено в области морфологии прежде всего на формальном описании аффиксации, что выражало необходимость накопления фактических сведений о тюркских языках.

Нельзя не сказать в этой связи об известном схематизме подобного рода формальных описаний, что уже отмечалось в научной литературе [2].

---

[1] W. Radloff, *Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen,* СПб., 1906.

[2] R. R. Arat, *Türkçede kelime ve eklerin yapısı,*— «Türk Dili», cilt IV, Ankara. 1955, s. 43.

Углубленное изучение тюркских языков в советское время, вызванное бурным развитием национальных литературных языков тюркских народов (некоторые из них до Октябрьской социалистической революции не имели письменности), значительно повысило интерес советских тюркологов к частным вопросам тюркского языкознания, в первую очередь к проблеме словообразования.

Приемы и пути словообразования в языках тюркской группы разнообразны и до известной степени имеют собственную область применения. Наиболее важной среди них по праву считается аффиксация. Однако она не является единственным и универсальным приемом словообразования. Наряду с аффиксацией уже давно определились другие способы, в своей совокупности образующие средства аналитического словообразования— в отличие от аффиксации, составляющей синтетический тип словообразования.

Существенное значение для пополнения словарей тюркских языков имеют процессы лексикализации грамматических форм слов, т. е. переход грамматической функции слова в его грамматическое значение, а также процессы десемантизации, т. е. потеря словом прежнего и приобретение им нового значения.

В меньшей степени определился фонологический способ словообразования, что, впрочем, едва ли может считаться основанием для исключения его из обзора действующих словообразовательных средств в современных тюркских языках, как это иногда наблюдается в практике научной работы и преподавания.

При изучении источников словообразования наряду с установлением их конкретных особенностей и возможностей необходимо также выяснить вопрос о месте словообразовательных средств в системе данного языка.

Как уже указывалось, словообразование обычно включается в морфологию в качестве ее составной части. Однако в морфологии рассматривается главным образом аффиксальное словообразование. Что касается аналитических форм, то, за исключением составных глаголов, они нередко в обзорах опускаются, так как традиционное ограничение словообразования рамками аффиксации еще окончательно на практике не изжито.

В тех же случаях, когда аналитическое словообразование включается в обзор, исследователи решают этот вопрос каждый по-своему, относя словообразование то к морфологии, то к синтаксису.

Рассмотрение всех этих вопросов следует начать с выяснения того, что мы будем понимать в дальнейшем под словообразованием.

В грамматической литературе о тюркских языках словообразованием принято называть совокупность форм и приемов, при

помощи которых в языке из одних слов или основ создаются другие слова, служащие для обозначения явлений действительности и понятий, отличных от тех, которые выражаются исходными словами.

Естественно было бы поэтому заключить, что словообразование относится непосредственно к словарю и должно рассматриваться в разделе лексики. Но подобный вывод окажется односторонним.

Словообразование в тюркских языках, в том числе в азербайджанском, имеет прямое отношение и к грамматическому строю языка.

Как известно, в грамматике фигурируют весьма обобщенные категории, в которых необходимо различать две стороны, неразрывно связанные между собой: 1) универсальность категорий (или форм), позволяющую охватывать все относящиеся к ним конкретные случаи и разновидности; 2) регулярную воспроизводимость категорий на основании правила или закона, что позволяет постоянно пользоваться ими в процессе общения.

Все словообразовательные формы, в том числе синтетические (аффиксальные), обнаруживают отмеченные свойства грамматических категорий. Для иллюстрации может быть приведена любая из форм. Так, например, глаголообразующий аффикс *-лан-* и близкий ему по значению показатель *-лаш-*, объединяя в обширную группу большое число глаголов с разнообразными значениями, выделяют в них то общее, что лежит в основе всех конкретных глаголов данной группы. Общей чертой глаголов с показателями *-лаш-* и *-лан-* является идея превращения или развития в определенном направлении.

Глаголообразующие аффиксы *-лан-* и *-лаш-* вместе с тем составляют живые словопроизводные формы азербайджанского языка. Они включаются в правила об образовании новых глаголов, обслуживая определенную сферу значений.

Ближайшее отношение аффиксальных форм словообразования к категориям грамматики становится еще яснее, если принять во внимание, что образование нового слова приемом аффиксации есть в то же время образование новой единицы какой-либо части речи. Можно было бы возразить, сказав, что каждое слово, входящее в данную часть речи, тем самым является ее конкретным представителем, но что это обстоятельство не дает права на сближение любой единицы данной части речи с грамматической категорией. Убедительность приведенного возражения на самом деле лишь кажущаяся, так как слова, образовавшиеся в тюркских языках неграмматическим путем, как правило, восходят или к другим частям речи, или к синтаксическим сочетаниям. Так, например, существительное *ағзыгара* 'волк', 'овчарка', 'волко-

дав' является результатом номинализации синтаксического сочетания *ғзы гара* (букв. 'пасть его черная'), прилагательное *башыәтли* 'состоятельный', 'богатый' развилось из словосочетания *башы әтли* (букв. 'голова его мясистая') в результате лексикализации данного словосочетания и т. д. Между тем формы аффиксального словообразования в современном азербайджанском языке, как и в других языках тюркской группы, образуют прямо и непосредственно определенную часть речи, и, таким образом, они дифференцированы по частям речи. Иными словами, *ағзыгара, башыәтли* не образуют форм существительных и относятся к последним благодаря своему значению предметности и способности сочетаться с грамматическими формантами существительного. Существительные же, образованные при помощи именных аффиксов, входят в категорию существительных прежде всего благодаря своей форме, которая является носительницей грамматического значения предметности.

Для вполне развитых грамматических категорий, помимо сказанного, типично еще объединение их в целостные ряды или системы, каждая из которых имеет свое особое грамматическое содержание. Так, например, азербайджанский язык располагает различными временами глагола со своим составом значений и функций, но они, кроме того, объединяются еще и в отдельную систему, служащую для выражения последовательности действий, состояния и отношения к моменту речи. Другое объединение представляет собой падежная система, служащая главным образом для выражения объектно-субъектных и атрибутивно-обстоятельственных отношений. Точно так же обособляются в отдельные системы формы грамматической принадлежности имен, залоги, виды, наклонения и иные грамматические категории азербайджанского языка.

Словообразовательные формы в этом отношении также обнаруживают сходство с грамматическими категориями. Так, словообразовательные (прежде всего аффиксальные) формы имен объединяются в особую, богато развитую систему образования имени со своими специфическими аффиксами, отличными от аффиксов глаголообразования, в свою очередь составляющими особую систему глагольного словопроизводства. Каждая из систем замкнута по отношению к другой. Например, аффиксы глагольного словообразования не приложимы к именам и наоборот. Внутри же систем наблюдаются еще более тесные объединения, в результате чего, например, в именном словообразовании особо выделяется разряд аффиксов, при помощи которых образуются существительные лишь от именных основ, и особо — другой разряд для производства существительных лишь от глагольных основ.

Устанавливая близость или общность аффиксальных форм

словообразования с грамматическими формами, следует вместе с тем отграничить первые от вторых. В тюркологии существует мнение, что границы между формами словообразования и словоизменения подвижны и что деление аффиксальных форм на словообразовательные и словоизменительные до некоторой степени условно. Уместно выяснить, в какой мере такой взгляд отражает объективное положение вещей.

Грамматические формы словообразования и формы словоизменения прежде всего различаются областью своих значений. Словоизменительные формы выражают обобщенные типы различных отношений между словами и устанавливают связи между словами, как правило, безотносительно к их конкретным значениям.

Область применения словообразования принципиально иная. Словообразовательные формы выражают не отношения между словами, а создают само слово.

В сфере своего применения словоизменительная категория универсальна. Ее функции распространяются на все слова данной части речи, равно как и на слова других частей речи, когда они используются взамен первых. Например, категория падежа или грамматической принадлежности охватывает все разновидности существительных, независимо от способа их образования, но, кроме того, и все многочисленные случаи постоянной субстантивации несубстантивных частей речи (например, прилагательных, порядковых числительных, причастий и некоторых других глагольных форм).

Словоизменительную форму можно образовать от любой единицы данной части речи. Словообразовательная же форма не универсальна. Она не обладает способностью создавать новые единицы данной части речи из любого словесного материала. Так, например, аффикс *-ла-//-лә-*, образующий глаголы от именных основ, не может быть использован при любой именной основе. Для образования глаголов с названным аффиксом пригодны не всякие существительные или прилагательные, а лишь такие, которые по отношению к действию, выражаемому глаголом в форме *-ла-//-лә-*, обозначают орудие или средство действия, предмет действия, результат, признак, форму (способ, вид), название действия, место, время и субъект действия.

Разъясним сказанное на примерах. В глаголах *белләмәк* 'вскопать', 'раскопать заступом, железной лопатой', *аддымламаг* 'шагать', 'вымерять шагами', 'широко шагать', 'идти крупным шагом', *мазутламаг* 'обмазать мазутом' основы *бел* 'заступ', 'лопата', *аддым* 'шаг' и *мазут* 'мазут' означают предметы, при помощи которых осуществляется действие, названное в производном глаголе. В первом глаголе именная основа *бел* означает орудие, таково же значение именной основы *аддым*

во втором глаголе; в третьем глаголе основа *мазут* означает материал, при помощи которого материализуется действие, названное в глаголе *мазутламаг*. В глаголе *арпаламаг* 'кормить ячменем' именная основа *арпа* 'ячмень' означает уже не орудие, а средство для осуществления действия *арпаламаг*.

В глаголах *аловламаг* 'воспламенять', 'разжигать', *иринләмәк* 'гноиться', *мумијаламаг* 'бальзамировать' именные основы *алов* 'пламя', *ирин* 'гной' и *мумија* 'мумия' означают вещественный результат, наступающий при осуществлении действий, названных в производных глаголах, которые образованы от перечисленных имен.

В глаголах *hазырламаг* 'готовить', 'приготовить', 'подготовить', 'изготовить', *јарымламаг* 'сделать половину дела', 'довести до половины', *итиләмәк* 'точить', 'оттачивать', 'острить' именные основы *hазыр* 'готовый', *јарым* 'половина' и *ити* 'острый', 'резкий' означают признаки или свойства, которые возникают у предмета по мере осуществления или же в результате процессов, указанных в производных глаголах, образованных от этих основ.

В глаголах *гыдыгламаг* 'щекотать', *овламаг* 'охотиться' и *hипнозламаг* 'гипнотизировать' существительные *гыдыг* 'щекотка', *ов* 'охота', 'добыча', 'лов' и *hипноз* 'гипноз', лежащие в их основе, ~~означают~~ названия выражаемых этими глаголами процессов.

В глаголах *голтугламаг* 'брать кого-либо под руку', *наллламаг* 'подковать' исходные именные основы *голтуг* 'подмышки', *нал* 'подкова' означают предметы действия двух названных глаголов.

Исходные именные основы *лүлә* 'трубка', 'жерло', 'ствол' и *сыра* 'ряд', 'строй', 'вереница', 'шеренга', 'черед', 'очередь', 'цепь (горная)' в образованных от них глаголах *лүләләмәк* 'свертывать в трубку' и *сыраламаг* 'ставить в ряд (рядком, по порядку, в порядке очереди)' означают форму, вид или строение, которое сообщается предмету действиями, обозначенными в производных глаголах.

В глаголах *ирәлиләмәк* 'идти', 'двигаться вперед', 'быть впереди' и т. д., *далдаламаг* 'укрывать', 'припрятывать', 'прикрывать', 'заслонять', 'скрывать за собой' именные основы *ирәли* 'вперед', 'впереди' и *далда* 'укромное место', 'скрытое, уединенное или защищенное место' являются обозначением направления в пространстве или места.

В глаголе *ахшамламаг* 'вечереть'; 'остановиться на ночь', 'переночевать' именная основа *ахшам* означает «вечер».

В глаголе *ота-* (Радл., Сл., I, 1103), образованном от именной основы *от* 'трава' при помощи аффикса *-а-*, имеется два значения: «быть на пастбище», «пастись» и «полоть». В отношении

первого значения основа *от* является обозначением места или предмета действия. В отношении второго значения основа *от* также является названием предмета действия, но в первом случае *от* 'трава' отнесено к животному, во втором — к человеку, чем и объясняются разные значения глагола *ота-*.

Приведенные примеры значений именных основ в производных глаголах на *-ла-* и *-а-* являются закономерными не только для всех глаголов с данным показателем, но и вообще для производных глаголов, образованных при помощи как продуктивных, так и непродуктивных аффиксов отыменного глаголообразования. В последующих главах читатель найдет достаточно обширный материал на все приведенные значения именных основ. Важность перечисленных выше значений именных основ состоит в том, что одни из них формируют переходные, а другие непереходные значения глаголов. Одни именные значения приводят к образованию глаголов с семантикой производительного действия, другие — глаголов состояния. Иными словами, указанные значения именных основ известным образом определяют значения производного глагола (подробно об этом см. в гл. I).

Сказанным выше не исчерпываются различия между словообразованием и словоизменением. Нельзя не упомянуть, например, тот общеизвестный факт, что значительная часть производных слов в свою очередь может быть основой для образования новых слов, между тем как словоизменительные формы такой способностью не обладают. Правда, в тюркских языках к словообразовательным относят также некоторые формы, в структуре которых участвуют словоизменительные аффиксы. Таковы показатель субстантивированных притяжательных местоимений *-ынки* (а также *-ыңки, -ықы, -ники* и др.), показатель атрибутивности *-даки* (а также *-дақы-, -дағы, -даги* и др.), в которых элементы *-ын* (а также *-ның, -ны, -ни* и др.) и *-да* представляют собой падежные аффиксы (первый — родительного или винительного, второй — местного падежей).

Второй аффикс может иметь и более сложное строение. Помимо падежного показателя, в его состав включаются также показатели грамматической принадлежности: *-(ы)м* для первого лица, *-(ы)н* [или *-(ы)ң*] для второго лица и т. д., в результате чего в названном аффиксе оказываются рядом две словоизменительные формы: падежа и принадлежности, к которым уже присоединяется словообразовательный показатель *-ки*. Например, от существительного *ев* 'дом' можно образовать прилагательные *евдəки (ев+дə+ки)* 'находящийся в доме' и *евимдəки (ев+им+дə+ки)* 'находящийся в моем доме', а также все остальные формы по лицам (в значении «находящийся в твоем доме», «находящийся в его доме» и т. д.). Таким образом, словоизменительные аффиксы форманта *-(ы)мдаки* и т. д. являются

живыми и подвижными, благодаря чему рассматриваемый аффикс не имеет постоянного состава. То же следует сказать относительно форм субстантивированной принадлежности. Они образуются от родительных падежей личных местоимений и существительных, и так как показатели родительного падежа у личных местоимений (1-го и 2-го лица в ряде языков) различны, то в данных формах также наблюдается подвижность структурных элементов. При этих условиях едва ли можно формы описанного типа безоговорочно относить к словообразовательным. Во всяком случае их тесные связи со словоизменительными категориями не подлежат сомнению.

Итак, слова, образованные при помощи словопроизводных аффиксов, сами могут быть основами для дальнейшего словообразования, между тем как словоизменительные формы такой способности не обнаруживают. Констатируя этот факт, мы оставляем пока открытым трудный и еще не исследованный вопрос о причинах инертности словоизменительных форм в явлениях словообразования грамматическими способами (т. е. в первую очередь при помощи аффиксов).

Для полноты характеристики различий между словообразовательной и словоизменительной категориями необходимо выяснить также их отношения внутри слова.

Словоизменительная категория представляет собой форму применения слова в процессе речевого общения. В морфологически развитых языках слово не может участвовать в речевом общении без формы словоизменения. Однако последняя непостоянна в слове, так как выбор ее зависит от грамматических (синтаксических) отношений, которые устанавливаются между данным словом и остальными в предложении. Включаясь в акт общения, слово каждый раз облекается в одну из форм словоизменения, с тем чтобы в дальнейшем, освободившись от одной, облечься в другую форму. Словоизменительная категория является организующей частью слова, но поскольку формы «организации» все время меняются, словоизменительная категория может лишь сопровождать слово, не входя постоянно в его семантическое строение.

Словообразовательная категория в этом отношении существенно отличается от словоизменительной. Она не только органически входит в семантическую структуру слова, но составляет ведущую часть этой структуры, так как именно значение словопроизводной формы позволяет объединять в отдельные ряды различные по своему материальному значению слова. О ведущей роли словообразовательной категории в семантическом строении слова можно, конечно, судить и по тому факту, что изъятие ее из структуры слова приводит к разрушению последнего, так как остающаяся основа представляет собой уже дру-

гое слово. Ср., например, в приводившихся уже тюркских глаголах со словообразовательными показателями *-лан-, -лаш-* и *-ла-* их значения и значения исходных основ.

Суммируя сказанное относительно сходства и различий между словообразовательными категориями грамматического типа и категориями словоизменения, мы устанавливаем, что словообразование грамматического типа сближается со словоизменением своим обобщенным содержанием и воспроизводимостью в речи. Словообразовательные формы грамматического типа, образуя новое слово, в то же время создают новую единицу в составе данной части речи. Как и категории словоизменения, словообразовательные формы объединяются в ряды или системы, замкнутые по отношению друг к другу.

Обслуживая словарь и завися от него, словообразование грамматического типа осуществляется, однако, средствами грамматики. Такое своеобразие словообразования ставит его в особое положение среди составных частей языка — грамматического строя и основного словарного фонда. Словообразование и прежде всего его грамматические формы образуют тот механизм, через который осуществляется связь обеих частей языка и поддерживается их взаимодействие. Через словообразование грамматика оказывает влияние на весь словарь в целом, сообщая ему определенное строение.

Из сказанного относительно словообразования грамматического типа в тюркских языках вполне очевидно, что в делении аффиксальных форм на словообразовательные и словоизменительные нет условности, так как те и другие существенно различаются между собой.

Отграничивая словообразование от словоизменения, вполне уместно выяснить также отличие его от форм частей речи.

Формы аффиксального словообразования отличаются от форм частей речи, во-первых, областью своего применения. Если словообразование обслуживает лексику, то образование форм частей речи ориентировано на грамматику. В тюркологических работах иногда говорится, что первое представляет собой словообразование лексическое, второе — словообразование грамматическое. Однако «грамматическое» словообразование является в сущности мнимым понятием, так как при его помощи новые слова не создаются, но меняются формы слов, так же как при словоизменении. Природа, например, деепричастия или причастия в принципе та же, что и любой грамматической формы, и отличается от последней лишь сферой применения. Следует, впрочем, отметить, что в производных именных и глагольных основах лексическое и «грамматическое» словопроизводство формально совпадают, так как образование нового слова со значением предметности, признака, признака признака, процесса

и т. д. есть вместе с тем образование новой единицы именной либо глагольной части речи.

В азербайджанском или ином тюркском языке, равно как и во многих других языках, не существует единой универсальной формы части речи специально для существительного, для прилагательного и т. д. Причастия, деепричастия и глагольные имена также не имеют универсальных, единых форм отдельно для каждой из перечисленных категорий. Глагольные имена в азербайджанском и других языках тюркской группы представлены в нескольких разновидностях. Еще больше форм в составе причастий и значительно больше их в отделе деепричастий. Следовательно, само по себе количество форм, представленных в рамках отдельных частей речи, не имеет никакого значения для выяснения различий между формами словообразования и формами частей речи. Зато несомненно должно иметь значение в данном случае положение различных частей речи по отношению к словарю и грамматике. С этой точки зрения части речи в азербайджанском языке распределяются на две неравные группы. В первую, бóльшую, группу входят все части речи именного характера (существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения, подражательные слова), а также глагольные основы. Во вторую, меньшую, группу входят причастия, глагольные имена, деепричастия. Формы первой группы образуют лексические и одновременно грамматические значения. Взятые вне связной речи, они обозначают названия вещей, явлений, процессов и признаков и потому сами по себе могут служить целям общения. Формы второй группы образуют лишь грамматические значения, так как вне связной речи они не обозначают названий явлений, процессов и признаков и потому сами по себе не могут служить средством коммуникации.

Части речи, входящие во вторую группу, до известной степени напоминают категории словоизменения. Не образуя новых лексических значений, они служат формами выражения грамматических отношений глагола к другим словам в предложении.

Они так же универсальны, как и словоизменительные категории. Причастие, глагольное имя и деепричастие во всех их разновидностях свободно образуются от любого глагола безотносительно к его лексическому значению.

Как и словоизменительные категории, названные части речи в принципе инертны в словообразовании и не могут служить базой для производства новых слов.

Несмотря, однако, на отмеченные пункты сходства, причастия и остальные глагольные части речи все же нельзя отождествлять с формами глагольного словоизменения, так как словоизменительные глагольные категории составляют свойства глагольных частей речи, в том числе причастий, глагольных имен и

деепричастий. Всем глагольным частям речи присуща, например, способность меняться по аспектам глагола (положительному и отрицательному), по его залогам и видам. Некоторые причастия и глагольные имена, кроме того, могут выражать время, а в ряде языков они даже соотносительны с модальностью. Однако две последние категории, т. е. грамматическое время и особенно модальность, в причастиях и глагольных именах развиты неравномерно, а категория модальности вообще находится в стадии начального становления. Таким образом, будучи категориями грамматики и сближаясь между собой, глагольные части речи и словоизменительные формы глагола тем не менее представляют разные грамматические явления.

Различия между теми и другими проявляются еще рельефнее, если обратиться к их функциям. Личные формы глагола выступают, как известно, преимущественно в функции независимого предиката. Для перечисленных выше глагольных частей речи функция независимого предиката не типична, а для причастий и подавляющего большинства деепричастий она вообще невозможна. Большинство разновидностей причастий не может выступать в функции независимого предиката, так как в этой позиции причастия сливаются с временны́ми основами глагола. Сфера применения причастий ограничена преимущественно определительными отношениями. Деепричастие функционирует лишь в качестве зависимого предиката и обстоятельства. Глагольное имя выступает в тех же синтаксических функциях, что и существительное, но в отличие от последнего оно образует особые определительные конструкции, на которых мы здесь не останавливаемся.

Разумеется, указанными синтаксическими функциями характеристика глагольных частей речи не исчерпывается, но и они позволяют отграничить глагольные части речи от остальных и отвести им особое место в грамматическом строе языка.

* *
*

Рассмотренные выше аффиксальные формы словообразования грамматического типа занимают ведущее место в тюркских языках, но не являются единственными. К грамматическому типу словообразования относятся или во всяком случае тяготеют также некоторые аналитические формы, которые развиты как в области глагольного, так и именного словопроизводства. К формам аналитического словообразования грамматического типа относятся парные имена — в первую очередь редупликации, — а также составные глаголы.

Описание составных глаголов и тем более парных имен не входит в задачу данной книги, и мы можем ограничиться сказанным.

II

Определив отличительные особенности словообразования в сравнении его со словоизменением, а также условия применения грамматических форм словообразования, обратимся к морфологическому анализу производного глагола, являющегося предметом данного исследования.

Предварительно заметим, что деление формальных словопроизводных элементов на суффикс и аффикс, как это предложил Г. Рамстедт [3], имеет известный смысл с этимологической точки зрения, но оно лишено значения при морфемном анализе слова, так как для выделения в нем лексического и формального элементов, т. е. основы и словопроизводного аффикса, происхождение последнего безразлично.

Что касается лексической основы, от которой образован производный глагол, то очевидна условность нередко применяемого в таких случаях термина «корень». «Термины *корень*, *первообразное слово* и *непроизводное слово* имеют условное и временное значение, — писал Ж. Дени. — Несмотря на прозрачность тюркской морфологической системы, сравнительная грамматика алтайских языков не продвинулась еще настолько, чтобы всегда можно было бы наверняка знать, принадлежит ли данный элемент корню или он образует мертвую морфему (более не ощущаемую говорящим в качестве суффикса)» [4].

Поэтому применяемый в данной книге термин «корень» означает лишь то, что определяемое им слово, живое или вышедшее из употребления, дальше не поддается морфемному членению.

Основой называют то непосредственное слово, живое или вышедшее из употребления (и нередко восстанавливаемое теоретически), из которого образовано исследуемое производное слово.

Мы сохраняем также признаваемые большинством специалистов значения терминов «продуктивный аффикс» и «непродуктивный аффикс», установленные еще О. Бётлингом и подтвержденные впоследствии В. В. Радловым, хотя в толковании этих терминов с тех пор произошли изменения. В настоящее время

[3] «Если окончание (тюркского слова. — *Э. С.*) исторически является древним, то мы его называем суффиксом, если первоначально оно было особым словом, утерявшим свою самостоятельность вследствие потери ударения, то мы называем его аффиксом или говорим об аффигированном слове» (см. G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, Bd 2. *Formenlehre*, Helsinki, 1952, S. 16).

[4] J. Deny, *Principes de grammaire turque («Turk» de Turquie)*, Paris, 1955, § 226.

нельзя в применении к словопроизводным аффиксам утверждать, повторяя слова В. В. Радлова, что к ним относятся «такие, которые могут присоединяться к любой основе или отделяться от них и которые могут во всякое время появляться в сознании в качестве таковых...» [5]. По-видимому, более прав был А. А. Потебня, когда он писал о структурных элементах слова: «Моменты вещественный и формальный различимы для нас не тогда, когда говорим, а лишь тогда, когда делаем слово предметом наблюдения» [6]. Если отмечаемый здесь момент требует, возможно, дальнейших уточнений, то положение В. В. Радлова о возможности присоединения словопроизводного аффикса к любой основе уже нельзя принять.

Морфологический анализ слова внешне начинается, как известно, с того, что изучающий старается выделить в слове такие значащие элементы (морфемы), которые повторяются в других словах. Это первое указание на достоверность морфологического членения слова. Так, анализируя морфемный состав азербайджанского глагола *туршлаш-* 'делаться кислым', 'скисать', мы без колебаний расчленяем его на *турш-* и *-лаш-*, руководствуясь, с одной стороны, тем, что первый элемент *турш-* встречается самостоятельно или в составе ряда других слов: *турш* 'кислый', *туршлуг* 'кислота', *туршу* 'кислота', 'кислятина'; 'маринад', 'маринованные овощи', *туршу-* 'закисать', 'скисать', 'окисляться' и др., с другой же стороны, тем, что второй элемент *-лаш-* в свою очередь встречается также в составе многих слов: *шитлəш-* 'стать пресным'; *фəлдлəш-* 'становиться проворным', *сənаjелəш-* 'индустриализироваться'; *садəлəш-* 'упрощаться', 'становиться простым'; *кəнилəш-* 'молодеть', *битəрəфлəш-* 'нейтрализоваться' и др.

Основания для такого членения слова *туршлаш-* следует искать не только в том, что нам удалось подобрать два ряда слов, из которых в одном все время повторяется первый элемент *турш-*, а в другом — второй элемент *-лаш-*, но главным образом в том, что каждый из элементов относится к определенной морфологической категории и имеет свойственный последней тип значений. Первый элемент является цельной именной основой— корнем, самостоятельным словом со значением «кислый», второй элемент — словообразовательной грамматической формой, глаголообразующим формантом со значением развития, изменения, превращения, перехода в другое состояние.

Как вещественное значение прилагательного *турш*, так и глаголообразующее значение аффикса *-лаш-* входят в слитном

---

[5] W. Radloff, *Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen*, S. 26.

[6] А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, I, Воронеж, 1874, стр. 37.

виде в состав всех перечисленных слов, что в свою очередь подтверждает правильность нашего морфологического анализа.

Таким образом, одной лишь повторяемости в различных рядах элементов исследуемого слова, предположительно выделяемых в нем, недостаточно. Важны еще существующие в языке словарные и грамматические значения этих элементов.

Идя указанным путем, можно, например, выделить глаголообразующий аффикс *-ла-*, при помощи которого в азербайджанском и остальных тюркских языках образовалось несколько сотен глаголов. Однако это еще не значит, что при соблюдении названных выше условий можно относить к глаголам на *-ла-*, например глаголы *ағла-* 'плакать', *сахла-* 'хранить', 'сохранять', 'беречь', 'оберегать', *динлә-* 'слушать', 'выслушать', поскольку в азербайджанском языке нельзя подобрать такой ряд слов, в которых элементы *ағ, сах* или *дин* повторялись бы с одними и теми же значениями или близкими семантическими вариантами. За исключением производных форм от самих этих глаголов, приведенные элементы в других словах не встречаются. Впрочем, для решения вопроса о морфологическом составе всех трех глаголов достаточно, может быть, и того, что аффикс *-ла-*, входящий в состав глаголов *ағла-*, *сахла-* и *динлә-*, является вполне реальной и высокопродуктивной словообразовательной категорией в азербайджанском языке, а остающиеся элементы *ағ*, *сах* и *дин* восходят, по-видимому, к каким-то именам, задача выяснения которых принадлежит исторической лексикологии.

Однако, рассуждая подобным образом, было бы логично отнести к образованиям на *-ла-* и такие глаголы, как *була-* 1) 'мешать', 'смешивать'; 2) 'разбалтывать'; 3) 'пачкать', 'марать'; 4) 'намазывать'; *дола-* 'обматывать', 'крутить', 'обвивать', 'обхватывать'; *гала-* 1) 'наваливать', 'накладывать'; 2) 'затопить (например, печь)'; *бәлә-* 'пеленать ребенка'; *дала-* 'кусать', 'кусаться'; 'обжигать крапивой'; *түлә-* 'линять (о птицах)', *тала-* 'грабить', 'ограбить', 'разграбить'; *әлә-* 'просеивать', 'отсеивать', 'пропускать через сито'; *дилә-* 'желать', 'просить', 'умолять'; *јала-* 1) 'лизать'; 2) 'слегка касаться', 'слегка задевать', в которых после отделения элемента *ла-* остаются основы *бу*, *до*, *га*, *бә*, *да*, *тү*, *та*, *ә*, *ди*, *ја*, большинство которых лишено значения или же имеет такие значения, которые никак не соотносительны со значениями соответствующих глаголов (*бу* 'этот', *да* — союз «и»). Таким образом, морфологическое членение приведенных глаголов, по-видимому, неверно, в чем мы убеждаемся окончательно, когда выясняется, что два последних глагола *дилә-* и *јала-* образованы не при помощи аффикса *-ла-*, а посредством другого

аффикса *-а-* от именных основ *дил-* 'язык' и *јал* 'жидкая пища', 'месиво (для собак)' и что рядом с *јала-* от той же основы существует глагол с аффиксом *-ла-* — *јалла-* со значением «кормить собак жидкой пищей».

Из этих сопоставлений следует уже известный читателю вывод о том, что части слова — его основа и словообразовательный показатель — взаимосвязаны, и выяснение значения одного из них невозможно без выяснения значения второго. Поэтому для надежного морфологического анализа глаголов *ағла-*, *сахла-* и *динлә-* необходимо снова вернуться к элементам *ағ*, *сах* и *дин*, которых не оказалось в азербайджанском языке.

Учитывая генетическую общность тюркских языков, можно выяснить вопрос об этих элементах сравнительным путем. Тогда окажется, во-первых, что все три глагола в фонетически соответствующих формах и в тех же значениях известны в абсолютном большинстве тюркских языков. Выяснится, во-вторых, что корни *ағ*, *сах* и *дин* имеются в тюркских языках или легко восстанавливаются.

Корень *ағ* известен в тюркских языках в основном в двух формах — с широким гласным (*ағ*) в языках огузского типа и с узким гласным (*ығ//йығ//йый//йы//жы//жы//йи*) — в остальных [в составе глаголов тат. *ела-*, казах. *жыла-*, кирг. *йыла-*, узб. *йиғла-*, уйг. *йығла-*, так же в армяно-команском (Deny, 82), тув. *ыгла-*, так же в староосманском (*ïġla-*, Rossi, 341)]. С широким гласным корень *ағ* известен в туркменском языке в форме распространенной основы[7] *āгы* со значением «плач», «стенание» (азерб. «причитание») и *āгы этмек* 'плакать', 'рыдать'. С узким гласным рассматриваемый корень известен в алтайском — *ий* 'плач', 'рыдание' (Грамм. алт. яз., 79, 162), хакасском — *ыы* (< *ығ*) в том же значении, а также со значением «причитание». С начальным *й* и *с* этот же корень восстанавливается в форме **juγ* и **syγ* из парного слова *juγču syγytču* 'плачущие и стонущие при погребениях' (Малов, Пам., 390 со ссылкой на П. М. Мелиоранского), которое встречается в «Памятнике в честь Кюль-Тегина».

Корень *сах* и его фонетически более первичная форма *сақ* в составе глагола *сахла-* (так же в армяно-команском: *saḫla-*, Deny, 68) и в соответствующих формах *сақла-//сақта-* известен во многих тюркских языках со значением «бдительный», «чуткий», «осторожный», «зоркий» (казах., кирг., тат., узб., др.-уйг. — Малов, Пам., 417) и вошел в ряд выражений или образований, как, например, кирг. *сак-сактап уктабай карап отурдук* 'мы не спали и зорко сторожили' (Юдах., 434),

[7] О «распространенных» основах см. в гл. III.

казах. *сақ бол-* 'быть осторожным'. Более соответствующее семантике глагола *сахла-* 'охранять', 'сохранять' значение восстанавливается при сравнении со словом *сақчы* (кирг., туркм., тат., узб. и др.) 'сторож', 'стража', 'караульщик', 'караул', 'часовой', образованного при помощи аффикса названия действующего лица *-чы*, как и в предыдущем парном существительном.

Корень *дин* известен в нескольких фонетических разновидностях, отмечаемых в соответственных языках: *тингла-* (узб.), *тыңла-* (орхон., тат.), *дыңна-* (тув.), *тынъна-* (хак. «прислушиваться», «подслушивать»), *тыңда-* (казах.) и др. Анализ этого корня произвести сложнее, так как в тюркских языках имеется по меньшей мере три фонетически близких корня *тын*. Первый из них—со значением «спокойствие», «безмолвие», «тишина», «тихий», «спокойный». С таким значением корень *тын//тин//дин* известен во многих тюркских языках, в которых рядом с именем *тын//тин//дин* существует также генетически общий с ним глагол *тин-//дин-*. Ср., например, в узбекском имя *тин* с указанным значением и глагол *тин-* 'успокаиваться', 'переставать', 'прекращаться', 'отстаиваться (о жидкости)', кирг. *тын-* 'отдыхать' (так же в куманском: KW, 262), 'делать остановку', 'успокаиваться' и *тын* 'отдых', 'передышка', тат. *тын* 'тихий', 'спокойный', 'безмятежный' (так же в KW, 262) и т. д. и *тын-* 'притихать', 'затихать', 'успокаиваться'. В казахском языке от *тын* при помощи глаголообразующего аффикса *-ық-* оформился глагол *тынық-* 'отдыхать', в турецком наряду с *din-* 1) 'успокаиваться'; 2) 'отдыхать' образовался глагол *din/en-* 'отдыхать', 'униматься', 'успокаиваться', известный также в крымско-татарском, татарском, команском [*tın/an-*, Deny, 75; однако в «Codex Cumanicus» (R.,CC) — *tyŋla-*, KW, 262] и некоторых других тюркских языках. Сопоставление *din-* и *din-len-* позволяет восстановить имя *din* приблизительно с тем же значением «покой», «отдых», как и в узбекском, киргизском, татарском языках, примеры из которых приводились выше. Имя *тын* в атрибутивном значении зарегистрировано также в словаре Махмуда Кашгарского: تِين كِشى *tin kişi* 'успокоившийся человек', 'ничем не занятый, праздный человек' (M. Kāşgarī, III, 138). Второй омонимичный корень *тын*, также известный во многих тюркских языках, означает «дыхание», «дух», далее — «душа» (хак.). Ср., например, данный корень в узбекском языке: *тин* 'дыхание', *тин ол-* 'дышать', 'вздыхать', 'передохнуть', 'переводить дух'; в кирг., тат., хак. *тын* 'дыхание'; *tin* (M. Kāşgarī, Dizin, 616) 'дух', 'дыхание':

آر تینی اُجْدی *er tini uçti* 'у человека прервалось дыхание', (I, 164); *din* (Abū-Hay., 35) 'дыхание'; в словосочетании *тын ата* 'святой дух' («Codex Cumanicus», passim); в производной форме *tynlyγ*, известной в древнеуйгурском языке со значением «живая душа» (Малов, Пам., 436); в распространенных в разных языках выражениях типа тат. *тавышы тыны юк* 'нет ни слуху (букв. 'ни звука'), ни духу', крым.-тат. *ын тын эшитильмей* в том же значении; с аллитерацией *үн-түн жок* с тем же значением в казахском и киргизском. Сюда же, по-видимому, относится кирг. *үнү дымы жок* 'безмолвие', 'тишина', 'абсолютное безмолвие' (букв. 'нет ни звука, ни дыхания', с диссимиляцией *дын* > *дым*).

Весьма возможно, что оба рассмотренных корня *тын* генетически тождественны.

Третий корень отличается от первых двух своим конечным согласным, т. е. *тың//тиң//диң*, что фонетически совпадает с искомым элементом *диң//дин//тың* общетюркского глагола *тыңла-//тыңда-//диңле-//динлә-*. Он имеется в туркменском языке в составном глаголе *диң сал-* 1) 'слушать', 'выслушивать'; 2) 'подслушивать', в староосманском *diñ diñlemek* 'слушать', 'подслушивать', 'шпионить' (Rossi, 338), в казахском *тың тыңда-* 'подслушивать', 'шпионить', в производном от *тың* существительном *тыңшы* 'шпион', в аналогичном слове *тыңчи* в киргизском языке с тем же значением «подслушивающий», «соглядатай», «тайный агент», «шпион».

Из трех форм, рассмотренных выше, с глаголом *тыңла-// тыңда-//диңле-//динлә-* смыкается и фонетически, и семантически третий корень, значение которого достаточно четко определяется из всех приведенных форм, в частности из туркменского составного глагола *диң сал-*. Учитывая семантическую структуру подобных составных глаголов, необходимо для именной части (*диң*) допустить значение «слушание», «подслушивание». Такое же значение следует допустить и в казах. *тың*, так как выражение *тың тыңда-* построено по общетюркскому типу: внутренний объект в виде названия действия + глагол (ср. общеизвестные *аш аша-*, *иш ишле-*, у Махмуда Кашгарского *уруғ ур-*, *барығ бар-* и т. п.). То же значение *тың//диң* должно быть в производных формах *тыңшы//тыңчы*, поскольку в существительных или причастиях на *-чы* основа их (в данном случае *тың//диң*), как правило, означает предмет деятельности или занятия лица либо же название самой деятельности. Итак, в результате исследования выяснилась реальность всех трех элементов — *ағ*, *сах* и *дин* — в современных, старых или древних тюркских языках. Зная, таким образом, корень-основу и словопроизводный аффикс,

можно без колебаний расчленить исследуемые глаголы на *ағ-ла-*, *сах-ла-* и *дин-лə-*.

Таким образом, вновь подтверждается необходимость знания обоих элементов слова для его правильного морфологического анализа, при котором не обязательно наличие искомого корня в исследуемом языке, но достаточно существования его в других родственных языках.

Выделение частей слова в тюркских языках чисто внешним путем возможно лишь в отдельных случаях на основании определенных фонетических закономерностей. Так, известно, что односложный корень и слог в языках тюркской группы не могут иметь в начале и конце слога геминаты. Поэтому нельзя глаголы типа *əллə-* 'пробовать рукой', 'щупать', *салла-* 'опускать вниз', 'спускать', *бəллə-* 'наметить', 'определить' и т. п. расчленять на *əлл* + *ə-*, *салл* + *а-*, *бəлл* + + *ə-*, но лишь на *əл* + *лə-*, *сал* + *ла-*, *бəл* + *лə-* и затем выяснять реальность элементов *əл*, *сал*, *бəл* и их семантическую соотносительность с глаголами *əллə-*, *салла-*, *бəллə-*.

При морфологическом анализе глагола нельзя замыкаться в рамках современного языка; следует, как это принято давно, в случае необходимости обращаться к другим тюркским языкам, к их истории, так как словопроизводная морфема может быть вполне продуктивной, тогда как корневая морфема уже мертва, и ее возможно восстановить лишь сравнительным путем.

Те же требования и приемы анализа сохраняются и в обратных случаях, т. е. когда ясен первый элемент (корень-основа), но неясен второй. Из довольно многочисленных примеров этого рода можно привести глагол *күəн-* 'тужиться', 'напрягаться', известный и в других языках (казах. *күшен-*, хак. *кӱчен-*, тув. *күжен-*, узб. *кучан-* и др.). Зная о том, что значение именной основы в преобразованном виде входит в значение производного глагола[8], нетрудно установить прямую связь между существительным *күи* 'сила', 'усилие', 'насилие', 'мощь', его производными (*күилəн-* 'усиливаться', *күилү* 'сильный', *күисүз* 'бессильный', *күүнə* 'силой', 'в силу' и т. д.) и предполагаемой основой глагола *күəн-* — *күи*. Поскольку в азербайджанском языке нет глагольной формы *күə-*, как нет соответствующей формы в перечисленных выше языках, то элемент *ən* (*күи-ən-*) можно рассматривать в качестве глаголообразующего аффикса, уже непродуктивного в современном языке. Аналогичные образования в словарном составе азербайджанского языка не столь уж редки, что видно из сопоставления следующих пар, состоящих из глагола и имени:

[8] Об этом подробно см. в гл. I.

утан- 'стыдиться', 'смущаться', 'конфузиться', 'стесняться' и اوڈ 'стыд' (Буд., I, 118; «Türkçe sözlük», 1955, s. 752; 1959, s. 783: *ut*), ایمانمق 'давать знак', 'махать', 'намекать', 'говорить знаками' и ایم 'знак' (Буд., I, 90), اُستان 'подниматься кверху' (Мел., Ар. фил., XXVIII[9]) и *үст* 'верх', 'верхняя часть' и другие случаи[10]. И тем не менее предложенный выше морфологический анализ глагола *күчән-* не может считаться бесспорным, так как в киргизском и некоторых других языках имеется глагол *күчө-* 'усилиться', 'забрать силу', а у Маҳмуда Кашгарского тот же глагол *küçedi* (M. Kāşgarī, III, 259) отмечен с переходным значением «совершать насилие», откуда могла образоваться форма с возвратным аффиксом *-н-*.

Таким образом, данный случай подтверждает, что морфологический анализ глагола с непродуктивными элементами (корневой или аффиксальной морфемой) невозможен без тщательного учета всей совокупности сравнительных и исторических данных, прямо или косвенно связанных с исследуемым глаголом.

Для полноты анализа типов производных глагольных основ необходимо остановиться еще на случае, когда обе части основы, т. е. корень и словопроизводный формант, в современном языке являются мертвыми. В качестве примера можно взять уже упомянутый глагол *утан-* 'стыдиться', 'смущаться', 'конфузиться', 'стесняться'. Как уже было сказано, глагол *утан-* образован от существительного *ут//уд* 'стыд', указание на которое имеется также в чувашском (*вăтан-*), у Абу-Хайяна (Abu-Hay., 113) и у Ахмеда Югнаки[11] (Atebet., Fihr., LXIX), но который вышел из употребления в азербайджанском языке, сохранившись лишь в глаголе *утан-* и производных от него. В данном случае отпадает сама возможность повторения существительного *уд//ут* в ряду однокоренных слов и его словарного обособления. Мертвыми оказываются при этом как именной корень, так и остающийся элемент *-ан-*, который, кроме того, не поддается анализу, поскольку неизвестно количество его составляющих аффиксов (*-ан-* или *-а-* + + *-н-*). Неясность состава элемента *-ан-* происходит от того, что в других тюркских языках (узбекском, туркменском, киргизском, казахском, кумыкском, башкирском, татарском, каракалпакском, алтайском, тувинском, хакасском) глагол

[9] П. М. Мелиоранский был склонен рассматривать здесь *-н-* в качестве залогового показателя.

[10] Подробно об аффиксе *-ән-* см. в гл. II.

[11] У последнего еще в форме *uvut* (Atebet., Fihr., LXX), что, возможно, представляет собой более старую форму *ut;* так же у Махмуда Кашгарского (Dizin, 703, 704).

«стыдиться» и существительное «стыд» имеют иные формы: *уял-* (тув. и хак. *ыят-*, *уят-*) и *уят* (так же в туркменском). Сонорный *й* здесь (*уйал-*, *уйат-*) корреспондирует с *т//д* (в куманском параллельно *ujal-//ujat-*, KW, 264) по известному правилу.

Отсюда можно заключить, что форму *уял-* следует морфологически расчленить на *уй-ал,* где *-ал-* — хорошо известный в тюркских языках глаголообразующий аффикс, выражающий превращение, изменение, переход в какое-либо состояние, название или признак которого выражается именной основой. Но глаголообразующему формативу *-ал-//-әл-*, как будет видно дальше, соответствуют определенные аффиксы, а именно: *-р-*, *-а-*, *-лан-* и некоторые другие, на основании чего *утан-* можно расчленить на *ут-а-н-*, где *-н-* — показатель возвратного залога, *-а-* — формант отыменного глаголообразования.

Как показывает разбор глагола *утан-*, в случаях омертвелости обоих структурных элементов производного глагола требование о повторяемости того и другого элемента в разных рядах живых слов данного языка — с чего был начат выше анализ морфологического строения производного глагола — не всегда осуществимо, и, следовательно, выяснение производного, а также отыменного характера исследуемого глагола возможно лишь сравнительно-историческим путем. Для современного состояния азербайджанского языка глаголы типа *утан-* и ему подобные оказываются неразложимыми.

Эта особенность глагольных основ с обоими омертвелыми элементами составляет их существенное отличие от рассматривавшихся выше глаголов с одним омертвелым элементом. Если в производном глаголе омертвелым является аффикс, но именная основа употребляется в языке, то такой глагол соотносится обычно с двумя рядами слов, в одном из которых повторяется именная основа, а в другом — омертвелый аффикс. Случаев, когда омертвелый аффикс имеется только в одном глаголе конкретного исследуемого языка, в тюркских языках мало, но и тогда омертвелый аффикс можно признать за формант при том условии, что он встречается в других словах родственных языков [12]. В противном случае исследователь имеет дело со струк-

[12] Так, например, в азербайджанском языке имеется глагол *јадырға-* 'отвыкать от кого-, чего-либо', 'забывать', 'чуждаться', 'дичиться', именной корень которого *јад* 'чужой' встречается в составном глаголе *јад ол-* 'быть чужим', *јадлаш-* 'стать чужим' 'охладеть к кому-либо', *јаделлі* 'иноземец', 'чужеземец'. Однако остающаяся часть *ырға* в других глаголах не встречается если не считать глагола *әсиркәмәк* 'отказывать в чем-нибудь', 'жалеть что-либо для кого-либо', 'жалеть дать или сделать что-нибудь', 'воздерживаться от чего-либо', 'скупиться', основа которого *әс* остается не совсем ясной, поскольку ее значение «память», «ум», известные из других тюркских языков, трудно связать со значением глагола *әсиркәмәк.* И тем не менее

турно неопределенной глагольной основой и предпочтет воздержаться от попыток его морфемного анализа.

Если же омертвелой является корневая морфема, а словопроизводный аффикс продуктивен, то в этом случае данный глагол соотносится с таким рядом слов, в которых повторяется продуктивный показатель. Таким образом, в обоих случаях глагол с частично омертвелыми элементами соотносится с рядами живых слов, и хотя одна лишь внешняя повторяемость структурных элементов производного глагола в других словах недостаточна, но она тем не менее может оказаться намеком на производный характер такого глагола, и задача дальнейшего анализа — точно установить разложимость или неразложимость такого глагола.

Глаголы двух последних типов по характеру их морфемного состава могут рассматриваться как переходные от первого типа с его живыми структурными элементами (глагол типа *туршлаш-*, с которого начинался анализ) к последнему типу с омертвелостью обоих элементов.

Изложенные здесь соображения не представляют собой чего-либо принципиально нового в лингвистике, однако в тюркологии они еще не выдвигались.

Более важны выводы, которые можно сделать из анализа морфологического строения производного глагола.

1. Хотя в отделе словообразования в описательной грамматике какого-либо живого языка рассматривается вопрос о том, «как можно делать новые слова» [13], т. е. продуктивные формы словопроизводства, нельзя в то же время отвлечься от вопроса о том, «как сделаны готовые слова» [14], и обойтись без «готовых слов», нередко даже таких, у которых состав не сразу поддается членению. Это значит, что современное словообразование тесным образом связано со словообразованием историческим и не всегда может быть понято без последнего. Более того, система современного глаголообразования вообще находит свое объяснение в словообразовании историческом, что подробно будет изложено дальше.

2. Именная основа и глаголообразующий аффикс в производном глаголе могут считаться установленными лишь в том слу-

-ырга — подлинный аффикс глаголообразования, так как он известен в ряде глаголов различных тюркских языков, что можно видеть на следующих примерах: чув. *асăрха-* 'замечать', 'подмечать', 'запоминать', 'обращать внимание' и т. д.— от существительного *ас* = общетюрк. *äс*, о котором только что шла речь; туркм. *дүйшүрге-* 'видеть сон'; 'бормотать', 'бредить' — от существительного *дүйш* 'сон', *месирге-* 'буйствовать', 'буянить', 'возбуждаться' — от прилагательного *мес* (из иран.) 'пьяный', 'буйный'; хак. *күчүрке-* 'считать себя сильным, могущественным' — от существительного *күс* 'сила', 'мощь' и т. д.

[13] Л. В. Щерба, *Очередные проблемы языкознания*,— «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. IV, вып. 5, М., 1945, стр. 181.

[14] Там же.

чае, если они повторяются в других словах исследуемого языка или родственных ему языков и если выяснены их значения. В противном случае тот, кто изучает язык, может впасть в ошибку при анализе слова. Даже при знании одного из элементов исследуемого слова, но при невыясненности второго элемента механический анализ морфемного состава слова и, в частности, глагола недопустим. Нельзя, например, расчленять алтайский глагол *унчук-* 'проговорить', 'возгласить', известный и в киргизском, на *ун* и «аффикс» *-чук-*, так как здесь произошло слияние существительного *ун* 'голос' и глагола *чык-* 'выходить', 'исходить', что справедливо разъясняли составители «Грамматики алтайского языка» (стр. 283).

Даже в случаях правильного морфологического членения глагола не исключается иногда возможность и иной его интерпретации. Так, например, туркменский глагол *отар-* 'пасти' можно представить в виде *от* + *-ар-*, где *от* — именная основа со значением «трава», *-ар-* — глаголообразующий аффикс, имеющий как переходное, так и непереходное значение (см. гл. II). Но глагол *отар-* можно представить и в виде *ота-* + *-р-*, где *ота-* — глагол со значением «пастись», образованный при помощи аффикса *-а-* (см. гл. II) от того же имени *от* 'трава', *-р-* — аффикс понудительного залога, придающий основе *ота-* переходное значение.

Вопрос о большей достоверности одной из этих двух этимологий может быть решен лишь с учетом сравнительных данных тюркских языков, из которых выясняется, что глагол *ота-*, действительно существующий в тюркских языках, повсюду означает «полоть», значение же «пастись» нигде не отмечается. В свете этих данных вторая этимология, как не подтверждающаяся материалом тюркских языков, должна быть оставлена. Правильность первой этимологии может быть подтверждена в свою очередь также фактами из тюркских языков, где мы находим глагол *отар-* с тем же значением «пасти».

3. Поскольку основа и аффикс являются категориями, которыми оперируют носители живого языка, то эти категории соотносительны с действующей системой словообразования, и возможно, что исторически производная основа для существующей в настоящее время словообразовательной системы может оказаться корнем, хотя теоретически и разложимым.

4. Если в производной форме в сравнении с исходным словом значение предстает изменившимся, то одно это еще не означает, что перед нами словообразовательная форма. Например, в лексикализованных падежных формах, в сложнообразованных словах, а также в отдельных залоговых формах, как будет видно дальше, налицо изменившееся в сравнении с первоначальным вещественное значение слова. Но эти изменения внесены не фор-

мами производных слов, а индивидуальным семантическим развитием каждого слова в отдельности, между тем как в каждом слове, принадлежащем определенной словопроизводной форме, повторяется типичное значение, специфическое для данной словообразовательной серии в целом, и, следовательно, в таком слове вместе с индивидуальным значением выражается также и значение групповое, принадлежащее словообразовательной форме.

III

Система глаголообразующих форм азербайджанского языка, как и соответствующих форм всякого другого тюркского языка, есть прежде всего система типов значений, присущих языку в определенную эпоху его развития. Подобно тому как не существует словопроизводных форм, выражающих субстантивность вообще (возможны лишь особые значения субстантивности), так и не существует словопроизводных форм, выражающих глагольность вообще. Каждая глаголообразующая форма обладает присущим ей типичным значением или системой типичных значений. Совокупность всех значений глаголообразующих форм характеризует состояние глаголообразования в исследуемый период времени.

Известно, что глаголообразующие формы, равно как и именные, представлены в словарях тюркских языков не единичными словами, а по большей части сериями слов [15], иногда состоящими из нескольких сотен единиц.

В то же время наблюдения показывают, что, несмотря на процессы обобщения значений в ряде производных глаголов (см. гл. I), а также известную распространенность семантического сращения производных глаголов с подчиненными им словами, основная масса отыменных глаголов сохраняет как систему значений, присущих данной форме, так и особые отношения, существующие между значениями основы и производного глагола.

Так как сказанное касается всех форм, сыгравших заметную роль в истории глаголообразования в тюркских языках, то

[15] Словообразовательные формы, представленные в словаре единичными или немногими словами, если только они не поддерживаются такими же словообразовательными формами родственных языков, остаются всегда непонятными в отношении своего морфемного состава, так как теоретически не исключается возможность возведения таких слов к сращениям, на что указывалось выше. Вместе с тем нельзя забывать, что многие давно исчезнувшие особенности тюркских языков, в частности категории словообразования, уже для нас утеряны, вследствие чего весьма важен учет всех окаменелостей языка. Анализ и квалификация их, однако, представляют особую задачу, выполнимую лишь методами сравнительно-исторического языкознания.

имеется возможность воссоздать объективную историю глаголообразования для эпох, непосредственно примыкающих к нашей, и поставить изучение динамики и направления развития глаголообразования в тюркских языках на твердую и надежную почву, исключающую субъективизм и произвол.

В этой связи следует коснуться вопроса о продуктивности и непродуктивности глаголообразующей формы. В практике тюркологических исследований понятие продуктивности формы иногда начинает колебаться и приобретает неверную интерпретацию, особенно в работах начинающих тюркологов [16]. Поэтому целесообразно вкратце остановиться на понятиях продуктивности, непродуктивности и производительности аффикса, с которым иногда смешивают продуктивность.

Продуктивностью словопроизводной формы и, в частности, аффикса называют способность формы создавать новые слова. Производительностью формы следует назвать ее способность к массовому производству слов.

Аффикс может быть в изучаемую эпоху уже непродуктивным, но исторически производительным. Таковы в огузских языках, например, аффиксы *-қ, -ын* и некоторые другие, образовавшие большое количество имен от глагольных основ, но в нашу эпоху ставшие непродуктивными.

Именной аффикс *-(ӣ)ыжы,* образующий существительные и прилагательные от глагольных основ, вполне продуктивен, но малопроизводителен: в этой форме образовалось сравнительно небольшое число производных слов.

Требует некоторых уточнений также вопрос о критериях древности словопроизводных, в том числе и глаголообразующих, форм.

Необходимость постановки вопроса о критериях древности обусловлена по меньшей мере двумя обстоятельствами: 1) известным произволом в этой области, когда вопрос о древности формы иногда решается каждым автором по-своему, нередко без видимых оснований, и 2) смешением вопроса о продуктивности аффикса с его производительностью, о чем сказано выше.

Проблема древности словопроизводного аффикса сложна и подчас решается в зависимости от того, с какой формой мы имеем дело. Древность словопроизводного аффикса обычно рассматривается лишь в одном плане — этимологическом. Считается древним тот аффикс, который является базой для образования последующих производных, вторичных аффиксов. Но это древность относительная — в пределах родственных форм. В качестве иллюстраций могут быть приведены аффиксы *-ла-*, произ-

---

[16] См., например, Б. Б. Кульмагамбетов, *Аффиксальное образование глаголов в современном казахском языке,* автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1955.

водные от него *-лан-, -лаш-, -лат-*, производные от последних двух — *-ландыр-* и *-лашдыр-*. По отношению к неродственным формам вопрос о древности аффикса решить трудно, так как при современном состоянии сравнительно-исторических исследований в области тюркских языков тюркология не может предложить даже самой приближенной схемы периодизации словообразовательных форм. Сторонники алтайской теории, наиболее регулярно пользующиеся сравнительно-историческим методом, считают вопрос о данной форме в основном выясненным, если ее можно возвести к монгольскому или тунгусо-маньчжурскому архетипу, на основании которого затем реконструируется исходная форма алтайского праязыка.

Но и оставаясь на позициях алтаистики, нельзя ничего узнать о главном — об истории глаголообразования, т. е. содержании и направлении процесса изменения типов глагольных значений и условий их образования. Для выяснения этого важнейшего вопроса пригодны не всякие формы, но лишь те, которые внесли заметный вклад в словари, образовав известное количество слов, дошедших до нас. Особенно ценные результаты дает исследование многозначных форм глаголообразования. Среди значений полисемантических форм обычно обнаруживаются продуктивные и развивающиеся значения и значения отмирающие, или непродуктивные. И те и другие, кроме того, связаны с продуктивностью и непродуктивностью определенных категорий именных основ, от которых образованы производные глаголы исследуемой формы. Одни основы продуктивны, другие нет. Установить это сравнительно нетрудно, так как именные основы глаголообразования распределяются по группам значений, приводившихся нами в первом разделе «Введения». Учет значений глаголообразующих аффиксов и соотношений между основами и производными глаголами позволяет значительно облегчить, а в некоторых случаях и обеспечить решение важнейшей задачи при изучении истории глаголообразования — выяснения содержания и направления процесса глаголообразования в истории тюркских языков.

Для выяснения исторического положения словообразовательной формы существенное значение имеет также происхождение именных основ наряду со значениями глаголообразующих аффиксов. Так, например, известно, что аффикс *-ла-* образовал в огузских языках большое число глаголов от арабских, а в последнее время и русских основ, тогда как аффикс *-а-* образовал в тех же огузских языках глаголы почти от одних лишь односложных корней или основ тюркского происхождения и в отдельных случаях — глаголы от иранских заимствований. Отсюда справедливо заключить, что аффикс *-а-* относится к более старым эпохам глаголообразования, тогда как формант *-ла-* — к эпо-

Sprachwissenschaftliches Institut
der Universität Bonn

хам более новым [17]. Это не имеет, однако, отношения к вопросу о времени образования самих аффиксов. Оба они могут иметь весьма древнее происхождение, но разное направление развития, в результате чего один аффикс прекратил свое существование в языке, тогда как другой оказался достаточно гибким и для новых эпох языка и сохранился в употреблении.

Важным показателем древности аффикса является также его нейтральность по отношению к категории переходности-непереходности. В то время как все продуктивные аффиксы современного глаголообразования под действием основной тенденции развития глагольных значений строго разделились на переходные и непереходные, те же аффиксы или же их часть, а также омертвелые аффиксы в предшествующие эпохи имели как переходное, так и непереходное значение. В этом отношении довольно типична, например, судьба аффикса *-ла-*, который еще в исторически обозримое время мог образовать глаголы и переходные и непереходные, но в наше время образует глаголы лишь с переходным значением.

Можно выдвинуть еще один критерий древности и архаичности глаголообразующего аффикса — критерий грамматического синкретизма, т. е. способности глаголообразующего аффикса создавать глаголы как от имен, так и от глаголов. Однако исторически эта черта свойственна в принципе всем аффиксам глаголообразования, она характеризует определенный этап в истории тюркского словообразования, который прошли все формы, в том числе и сохранившие свою продуктивность до нашего времени (как, например, аффикс *-ла-*).

* *
*

Высказанные здесь соображения, разумеется, не исчерпывают всех теоретических вопросов, относящихся к словообразованию в различных его аспектах, но вводят читателя в круг идей и мыслей, возникающих при исследовании грамматических форм глаголообразования в азербайджанском и в других тюркских языках.

---

[17] При таком объективном сравнении должна, по-видимому, отпасть мысль о происхождении аффикса *-а-* из *-ла-* (как полагают А. Г. Гулямов, Н. А. Баскаков и др.), ибо производная, т. е. более новая, форма (в данном случае в ее роли выступает аффикс *-а-*) не может образовать слова только от древнейших корней или основ, а исходная, т. е. более старая, форма (в данном случае — аффикс *-ла-*) — от любых основ, в том числе и от новейших, заимствованных из других языков в последнее время, — иными словами, не может быть непродуктивной производная форма, когда продуктивна исходная форма. Общеизвестно, например, что, действительно, производные формы, такие, как *-лан-, -лаш-, -лат-, -ландыр-* и *-лашдыр-*, все продуктивны.

Глава I

ФОРМЫ ОТЫМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ

ПРОДУКТИВНЫЕ ФОРМЫ

АФФИКС *-ла-//-лə-*

Группировка производных глаголов на *-ла-//-лə-* по значениям их основ

Вместе с аффиксами *-лан-* и *-лаш-* аффикс *-ла-//-лə-* является наиболее распространенным в азербайджанском языке и известен в нем с древнейших времен. Количество глаголов, образованных при помощи этого аффикса, исчисляется сотнями и продолжает неуклонно расти[1]. Возникнув в отдаленную эпоху жизни языка, аффикс *-ла-* все еще сохраняет свою продуктивность и с успехом обслуживает глагольную словообразовательную систему современного азербайджанского языка.

Рассматриваемый аффикс известен в двух фонетических вариантах: *-ла-//-лə-*. Разновидностью аффикса *-ла-* является показатель *-да-//-дə-*. Судя по некоторым примерам в средневековых лингвистических трудах, посвященных тюркским языкам, исторически не исключена, по-видимому, также форма аффикса *-ла-* с узким гласным, например, в «Диване» Махмуда Кашгарского форма *тумлыды* вместо *тумлады:* سوڤْ تُمْلِيدِى *suw tumlıdı*

---

[1] Продуктивность или широкая употребительность отыменных глаголов, образованных при помощи аффикса *-ла-*, отмечается многими тюркологами. См.: J. Deny, *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*, Paris, 1920, § 839; Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948, стр. 178 (автор квалифицирует эту форму как «наиболее продуктивный аффикс отыменного образования глаголов»); А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, М.—Л., 1941, § 224—227; А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, Ташкент, 1948, § 250, 251; В. М. Насилов, *Грамматика уйгурского языка*, М., 1940, стр. 77; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, *Фонетика и морфология*, ч. 1 *(Части речи и словообразование)*, М., 1952, стр. 313; H. Jansky, *Lehrbuch der türkischen Sprache*, Leipzig, 1943, S. 281.

А. фон Габен указывает на «неограниченную возможность применения аффикса *-ла-*» (A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, Aufl. 2, Leipzig, 1950, § 80).

'вода охладилась' (M. Kāşgarī, III, 294). Едва ли в написании глагола *тумлыды* арабская буква «йа» является опиской, тем более что она поддерживается подстрочным диакритическим знаком «кесрой», обозначенной под согласным «лям» [2]. Параллелизм широких и узких гласных в одних и тех же аффиксах, не говоря уже о многочисленных корнях-основах, относится к числу явлений, довольно широко распространенных в тюркских языках [3]. Можно назвать, например, показатель исходного падежа *-dyn* (уйг.) и *-dan* (в остальных тюркских языках); узкий гласный в аффиксе принадлежности 3-го лица единственного числа во всех тюркских языках и широкий гласный в якутском языке; широкие и узкие гласные в ряде именных словообразовательных аффиксов нередко в одних и тех же языках, например *-qan//-qyn, -an//-yn, -žaq//žyq* (уменьш.-ласк. аффикс), *-am//-ym, -aq//-yq, -qa//-qy, -qač//-qyč* и другие формы именного словообра-

---

[2] Глагол *tumly-* приводится С. Е. Маловым (С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 433) вместе с глаголом *tumyl-*—в обоих случаях со значением «холодеть». Оба глагола образованы от именного корня *tum*, который лежит в основе и существительного *tumluγ* 'холод', 'стужа'; ср. еще якут. *тымныы* 'стужа', 'мороз', 'холод', 'холодный', 'морозный'. Однако названные глаголы независимы друг от друга, так как *tumyl-* образован от имени *tum* посредством аффикса *-yl-*, тогда как первый глагол имеет, как уже указывалось, формант *-ly-*. К глаголам на *-лы-* следует отнести также кирг. *тиштик-* 'стиснуться (о зубах)' — от *тиш* 'зуб', 'зубы', *соктук-* 'задирать', 'быть задирой', 'наталкиваться', 'сталкиваться' от глагола *сок-, создук-*, 'тянуться', 'длиться'— от глагола *соз-, қарлық-* (телеут., сагайск., казах.) 1) 'отхаркнуться', 'давиться'; 2) 'каркать' (Радл., Сл., II, 197) рядом с *қаргыр-* 'отхаркнуться' (бараб.).

Во всех глаголах выделяется показатель *лы-қ-*, где *-қ-* является приглагольным аффиксом с медиопассивным значением, о чем см. в главе II (аффикс *-ыг-*).

[3] Чередование широких и узких гласных в основах отмечалось еще В. В. Радловым в его «Фонетике». Значительная часть основ или корней с чередующимися широкими и узкими гласными приведена в книге М. Рясянена «Материалы по исторической грамматике тюркских языков» (М., 1955, стр. 55—58). Однако автор воздерживается от показа того же явления на материале словообразовательных и словоизменительных форм.

Чередование широких и узких гласных, в частности *ы* и *а*, отмечал также В. Банг, считая это явление закономерным для тюркских языков (см. W. Bang, *Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut*, Dritter Brief: *Vorläufiges über Herkunft des türkischen Ablativs*, — «Ungarische Jahrbücher», Bd V, H. 4, Berlin—Leipzig, 1925, S. 403).

Ср. также замену *а*, иногда *о* в ряде общетюркских корней узким *ы* в тувинском языке, что имеет ближайшее отношение к затронутому вопросу (Ф. Г. Исхаков, *Тувинский язык. Материалы для научной грамматики. Очерк по фонетике*, М.—Л., 1957, стр. 27—31).

О некоторых случаях чередования широких и узких гласных см. J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 847. К сожалению, нам не удалось воспользоваться диссертацией Хасана Эрена (H. Eren, *A török magánhangzó váltakozások*, Budapest, 1942), специально посвященной чередованию широких и узких гласных в тюркских основах, так как мы смогли ознакомиться с ней лишь во время печатания книги.

зования. То же явление наблюдается в глагольных формах. Ср. узкий гласный в форме 1-го лица единственного числа настоящего и будущего времени глагола в большинстве тюркских языков и широкий гласный в тех же формах азербайджанского языка, модальная форма *iken//ikin,* глаголообразующие формы *-ar-//-yr-, -al-//-yl-, -qalа-//-qyla-, -qar-//-qyr-, -ša-//-šy-,* залоговые формы с параллельными широкими и узкими гласными *-aš-//-yš-, -at-//-yt-, -qar-//-qyr-, -qaz-//-qyz-, -dar-//-dyr-,* деепричастные аффиксы *-qanča-//-qynča-, -(j)a//-(j)y* и др.

Необходимо, наконец, сослаться на Махмуда Кашгарского, который в своем труде приводит специальные глагольные формы с узким гласным *-lyn-* и *-lyš-* (см. о них в гл. IV), происхождение которых от *ly+n, ly+š* едва ли может быть подвергнуто сомнению.

На фоне приведенных данных о параллелизме широких и узких гласных в грамматических и словообразовательных формах имени и глагола пример Махмуда Кашгарского с аффиксом *-ly-* не должен вызывать сомнений, как и вопрос о том, существовал ли в эпоху орхонских надписей показатель исходного падежа, хотя в этом случае надгробные надписи дают нам единственный пример *qandyn* 'откуда?'

Как уже указывалось во «Введении», для производства глаголов от имен используются лишь такие основы, которые по отношению к производному глаголу обозначают орудие или средство осуществления действия, обозначают материал или предмет, при помощи которого овеществляется действие, называют процесс или его признак, а также предмет (объект), форму или образ процесса, его результат или последствие, место или направление процесса, время его протекания, а также действующее лицо.

Если сравнить количественные соотношения всех этих значений и глаголов с показателем *-ла-,* то окажется, что основы со значением орудия или средства действия составляют приблизительно 43%, со значением названия процесса или его признака — 12%, результата процесса — 15%, предмета действия — 9%, формы или образа процесса — 4%, места и направления процесса — 3%, времени — 0,6%, со значением действующего лица — 0,2% и со смешанными значениями — 0,9%, прочие значения — 12,3%.

Как показывают эти цифры, подавляющее большинство основ — почти 80% — составляют первые четыре рубрики, из них самую крупную группу образуют основы со значением орудия или средства действия. Можно уже предварительно отметить, что бóльшая часть глаголов на *-ла-* со значением производительных и активных действий образована в азербайджанском языке от этих основ.

Обратимся к глаголам по указанным группам значений основ [4].

1. Глаголы, образованные от основ, обозначающих орудия или средства осуществления действия.

а) От существительных со значением орудия и средства:

ағыламаг 'отравлять' — от существительного *ағы* (*ағу*) 'яд', 'отрава', служащего средством осуществления действия *ағыламаг*;

аршынламаг (ср. Мел., Ар. фил., 067: آرشنلَ) 'измерять аршином'—от *аршын* 'аршин';

аjагламаг 'топтать ногами' — от *аjаг* 'нога', 'ноги';

бармагламаг 'трогать', 'набирать на палец'; 'делать в чем-либо углубление пальцем' — от *бармаг* 'палец', 'пальцы';

бейбудламаг 'наносить рану финским ножом'—от *бейбуд* (из перс. بيبود *бейбут* 'род кинжала', Гафф., 112) 'финский нож';

бизләмәк 'колоть шилом', *метаф.* 'понукать', 'понуждать', 'подгонять', 'торопить'—от *биз* 'шило';

билөвләмәк 'точить', 'острить на точильном камне' — от *билөв* 'точильный камень', 'оселок', 'брусок';

буjнузламаг 'бить рогами', 'бодать' — от *буjнуз* 'рог', 'рога';

бычагламаг 'нанести рану ножом' — от *бычаг* 'нож';

вәрдәнәләмәк 'катать (тесто)' — от *вәрдәнә* (из перс. وَرْدَنْ وَرْدَنه, Гафф., 889) 'скалка';

гандалламаг 'заковать в кандалы' — от *гандал* 'кандалы';

гарышламаг 'измерять пядью' — от *гарыш* 'пядь';

гуршагламаг 'хватать за пояс' (прием борьбы) — от *гуршаг* (производное от глагола *гуршамаг* 'опоясывать') 'пояс', 'кушак';

гучагламаг 'обнимать' — от *гучаг* (производное от глагола *гучмаг* 'обнимать') 'объятия', 'охапка';

дашламаг 'побивать камнями' — от *даш* 'камень';

дишләмәк 'кусать', 'откусывать', 'жалить' — от *диш* 'зуб', 'зубы';

әлләмәк 'трогать (рукой)', 'копаться', 'рыться (в чем-либо)', 'переворачивать', 'прощупывать' — от *әл* 'рука';

килидләмәк 'запирать на замок' — от *килид* 'замок';

топламаг 'бомбардировать' — от *топ* 'пушка' и многие другие.

[4] Русские эквиваленты тюркских слов даны преимущественно так, как они приводятся в соответствующих словарях.

В составе глаголов данной группы имеются слова, образованные от основ, заимствованных из русского языка, хотя подобных глаголов значительно меньше, чем в следующей группе, относящейся также к данному разряду. Из глаголов с заимствованными из русского основами со значением орудия можно привести глагол *гандалламаг* 'заковать в кандалы' — от *гандал(аг)* 'кандалы' и *тормозламаг* 'тормозить' — от *тормоз* 'тормоз'.

Значения основ приведенных глаголов показывают, что последние могут образоваться лишь от существительных, так как предметные значения орудия и средства осуществления действия выражаются существительными.

б) Бо́льшая часть глаголов, образованных посредством аффикса *-ла-*, произведена от существительных, означающих материал, предмет, при помощи которого овеществляется действие. Такое значение основы представляет разновидность значения средства действия, но все же с ним не совпадает. Различие между глаголами этой группы и предшествующей состоит в том, что в глаголах первой группы доминирует представление о том, каким способом осуществляется действие, в глаголах же данной группы — представление о том, какой облик или вид придается действием.

Отличительной чертой глаголов рассматриваемой группы можно считать то, что среди них наблюдается, кажется, наибольшее число новообразований. К ним относятся:

асфалтламаг 'асфальтировать' — от *асфалт* 'асфальт';
балзамламаг 'бальзамировать' — от *балзам* 'бальзам';
бетонламаг 'бетонировать' — от *бетон* 'бетон';
гипсләмәк 'гипсовать' — от *гипс* 'гипс';
мазутламаг 'обмазать мазутом' — от *мазут* 'мазут';
нөмрәләмәк 'нумеровать' — от *нөмрә* 'номер';
гримләмәк 'гримировать' — от *грим* 'грим' и некоторые другие.

К более старым образованиям принадлежат:

ашыламаг 'прививать'; 'дубить' — от *ашы* 'прививка', 'вакцина';
бафталамаг 'обшивать позументом, тесьмой, галуном' — от *бафта* 'тесьма', 'позумент', 'галун';
бәхҗәләмәк 'прострочить швом' — от *бәхҗә* 'строчка' (шов);
гараламаг 'чернить', 'грязнить', 'пачкать' — от *гара* 'черный', 'темный';
гарламаг 'покрыть снегом', 'идти снегу' — от *гар* 'снег';
гатранламаг 'смолить', 'заливать смолой'; 'покрывать дегтем', 'смазывать дегтем' — от *гатран* 'смола', 'деготь';
гатыгламаг 'сдабривать', 'приправлять кислым молоком' — от *гатыг* 'кислое молоко', 'простокваша' (в свою очередь

образованного от глагола *гат-*: قاتماق ، قاتيماق 'твердеть', 'крепнуть', 'засыхать', 'загрубеть', 'сседаться', 'свернуться', 'замерзнуть' (Буд., II, 5—в современном азербайджанском языке не сохранился).

гызылламаг 'золотить' — от *гызыл* 'золото';

гырламаг 'покрыть киром'; *метаф.* 'замазывать', 'скрывать' — от *гыр* 'особый вид глины';

дашламаг 'устилать камнем' — от *даш* 'камень' и др.

Различие между глаголами указанных двух групп видно из последнего глагола *дашламаг*, в котором основа *даш* 'камень' означает орудие действия по отношению к значению «побивать камнями» (см. то же значение в первой группе) и материал по отношению к значению «устилать камнями».

В отношении морфологического состава именных основ в глаголах второй группы уже было указано, что все они состоят из имен существительных. Даже там, где в единичных случаях именная основа глагола в современном языке перешла в категорию прилагательного, правомерно допустить исторически субстанциональное значение таких основ, поскольку они принадлежат основной части азербайджанского словаря, и, следовательно, образованные от них глаголы должны иметь большую историческую давность. Из немногих глаголов этого рода может быть назван уже приводившийся *гараламаг* 'чернить', 'грязнить', 'пачкать' от прилагательного *гара* 'черный', 'темный'. Исторически слово *гара* означало понятие типа «чернота», о чем можно судить по некоторым старым и современным языкам, в которых оно в фонетически соответствующей форме означает или «чернота» (как, например, в турецком), или имеет близкое этому понятию субстанциональное значение, как, например, «траур» (*кара*) — в киргизском и казахском, «силуэт», «призрак» — в киргизском и узбекском, «темное пятно», «точка» — в узбекском; парное существительное *jaruqly-qaraly* — в древнеуйгурском (Малов, Пам., 411) со значением «свет» и «мрак», которое позволяет восстановить значение «чернота», «мрак» и т. д.

Обозначая именные основы как орудие, средство, материал и т. д., мы отмечаем лишь преобладающие значения основ, под которые подводятся все или почти все имена, служащие базой глаголообразования. Однако нельзя оперировать указанными понятиями с математической точностью во всех без исключения случаях, так как здесь возможны переходные случаи от значения орудия к значению средства, от последнего — к значению материала. Иногда именная основа глагола означает одновременно орудие и средство или средство и материал, что нетрудно заметить на следующих примерах: в значении орудия и средства — *күлләләмәк* 'рас-

стреливать' — от *күллә* 'пуля'; *сәсләмәк* 'звать', 'окликать' — от *сәс* 'голос'; в значении средства и материала — *сиимләмәк* 'обвязывать шерстяной веревкой' — от *сиим* 'шерстяная веревка'; *сабунламаг* 'мылить', 'намыливать' — от *сабун* 'мыло'; *мыхламаг* 'пригвоздить', 'прибить', 'заколотить гвоздями' — от *мых* 'гвоздь' и др. Как показывают примеры, значение средства действия часто образует переход между более далекими значениями орудия и материала (ср. глагол *сабунламаг*), которые одновременно в именных основах глаголов на *-ла-* не встречаются.

Необходимо подчеркнуть продуктивность рассматриваемого разряда именных основ для глаголов с аффиксом *-ла-*: в азербайджанском языке, например, продолжают появляться новые глаголы, образованные из русских заимствований, равно как и глаголы от собственно азербайджанских именных основ. Следует сказать, что далеко не всегда удается установить время образования того или иного глагола, так как в большинстве случаев остается неизвестным время включения в речевой обиход именной основы, от которой образовался данный глагол. Причины этого общеизвестны: слабая разработанность тюркской лексикологии и особенно исторической лексикологии, без помощи которой во многих случаях невозможно установить появление в языке словообразовательных серий и отдельных слов. Одним из объективных признаков недавнего образования производного глагола остается критерий заимствования его основы, время появления которой в языке во многих случаях устанавливается и без помощи исторической лексикологии. К таким заимствованиям относятся русские лексические элементы или интернациональные слова, вошедшие в тюркский язык через русский. В большинстве случаев в этом слое лексики в азербайджанском и других тюркских языках удается довольно легко определить заимствования дооктябрьские и послеоктябрьские. Глаголы, образованные от заимствованных основ, соответственно распределяются по времени их образования на дооктябрьские и послеоктябрьские. Такое деление позволяет делать заключения о большей или меньшей производительности данного типа основ.

2. Следующую группу образуют глаголы, основы которых обозначают результат процесса. Значительную часть этих основ составляют существительные со значением вещественного результата процесса или его признака.

Ср. например:

аловламаг 'разжигать', 'воспламенять' — от *алов* 'пламя'; *дәмләмәк* 'заваривать' — от *дәм* (ср. перс. دم کردن 'за-

варивать' от существительного دم со многими значениями, среди которых наиболее близко к значению названного глагола «веяние», «благоухание» — Гафф., 346);

дағламаг//дамғаламаг 'выжигать клеймо, тавро' — от *дағ//дамға* 'клеймо', 'тавро';

иринләмәк 'гноиться' — от *ирин* 'гной';

кәләфләмәк 'наматывать мотки ниток' — от *кәләф* 'моток';

көзләмәк 'перегорать, превращаясь в раскаленный уголь' — от *көз* 'горячие угли', 'жар';

ләпәләмәк 'очищать орехи (и т. п.)', 'извлекать ядро', 'вылущивать' — от *ләпә* 'ядро ореха (и других косточковых)';

маһлыиламаг 'очищать хлопок от семян' — от *маһлыи* 'очищенный от семян хлопок';

мумијаламаг 'бальзамировать' — от *мумија* 'мумия';

одламаг 'поджечь', 'опалить' — от *од* 'огонь';

чешидләмәк 'сортировать' — от *чешид* 'вид', 'сорт', 'род'; 'выбор', 'ассортимент'; 'образец', 'образчик';

чәпәрләмәк 'огородить', 'загородить', 'перегородить', 'отгородить' — от *чәпәр* 'забор', 'тын', 'частокол', 'плетень', 'живая изгородь' и др.

Здесь также можно выделить глаголы, основы которых имеют смешанные значения, смыкаясь нередко со значением действия, формы его протекания или его признака. Такая связь значений обусловлена тем, что вид, форма, строение, которые придаются предмету или которые он принимает имманентно, являются результатом определенного процесса, обозначенного в производном глаголе точно так, как признак, характеризующий данное действие, нередко выявляется лишь в конце процесса, в его результате.

Для пояснения сказанного об основах со смешанным значением результата-формы можно привести глагол *дилимләмәк* от существительного *дилим* 'вырезанный кусок, ломоть (арбуза, дыни, огурца)', в свою очередь образованного от глагола *дил-*, не сохранившегося в азербайджанском языке. Для определения значения глагола *дил-* ср.: دلمك, تيلمك 'резать', 'вырывать' (Буд., I, 373); تيلمك 'trouer'; 'diviser en petits morceaux' (Pav., 265); ديلمك [(տելմեք) շերտ շերտ ընել, Պ. Կարապ., 368]; кирг. *тил-* 'разрезать на узкие полоски, на ломтики' (Юдах., 501). Из всех значений глагола *дил-//тил-* наиболее близко к существительному *дилим* значение турецкого (по П. Карапетяну) и киргизского глагола, которое вновь воспроизводится в азербайджанском глаголе *дилимләмәк*. Во всех этих глаголах обозначается особая форма действия «резать», о котором, однако, можно судить лишь по мере появления его результата. Следовательно, форма и результат действия в данном

случае трудно отделимы друг от друга, что и отражается в смешанном типе значений основы *дилим*.

Другой пример. Глагол *гыjғалламаг* 'сложить', 'резать (материю, бумагу и пр.) наискось' образован от прилагательного *гыjғал* 'кривой', 'косой', также имеющего глагольное происхождение (ср. в кирг. *кый-* 'резать наискось', Юдах., 408). Основа *гыjғал* по отношению к глаголу *гыjғалламаг* составляет лишь признак результата. Одновременно она выражает частную форму действия «резать» или «складывать». Следовательно, здесь также обнаруживается внутренняя связь формы и результата процесса, которая отмечалась в первом примере. К этим двум разновидностям и относятся все глаголы, имеющие основы смешанного значения результата-формы:

киплəмəк 'класть вплотную', 'ставить плотно друг к другу' — от прилагательного *кип* 'плотный';

чиликлəмəк 'разбить на мелкие, короткие палочки', 'приготовить черенки' — от существительного *чилик* 'отрубленный кусок прутика, палочки';

hачаламаг 'раздваивать', 'делать вилообразным, в виде рогатки' — от существительного *hача* 'рассоха', 'развилка', 'сошка', 'подпорка, подставка с раздвоенным концом';

чатагламаг 'привязывать, прикреплять друг к другу' — от прилагательного *чатаг* 'сросшиеся друг с другом', 'привязанные друг к другу', образованного от глагола *чатмаг*, из значений которого для данного случая важно «складывать», «привязывать», «прикреплять концом к концу».

Еще больше отмечено глаголов со вторым типом смешанных основ, означающих результат-признак процесса или, реже, сам процесс:

бошламаг 'опускать', 'оставлять', 'покидать'; 'бросать', 'отказываться' — от прилагательного *бош* 'пустой', 'порожний', 'незанятый', 'свободный' и т. п.;

гуруламаг 'вытирать досуха'—от прилагательного *гуру* 'сухой';

jеддиləмəк 'увеличить в семь раз', 'повторить семь раз'— от количественного числительного *jедди* 'семь';

jумруламаг 'делать круглым', 'закруглять'—от прилагательного *jумру* 'круглый';

сарсагламаг 'с ума сходить', 'глупеть', 'ерундить', 'говорить глупости'—от существительного *сарсаг* 'глупец';

сеjрəкləмəк 'разрежать'—от прилагательного *сеjрəк* 'редкий', 'разреженный';

сыхъаламаг 'мять', 'помять', 'давить'; *метаф.* 'потрепать', 'пощипать'; 'взять в оборот'; 'тормошить'—от наречия *сыхъа* 'часто', 'тесно', 'плотно', 'густо' и ряд других.

Основы приведенных глаголов заслуживают внимания еще в одном отношении. Как можно заметить, для образования глаголов двух последних групп не имеет значения грамматический разряд исходной основы, т. е. ее принадлежность к конкретной части речи. Для данной рубрики важно лишь общее именное значение признака. Например, существительное *сарсаг* 'глупец' является названием человека по определенному признаку, и для образования глагола с показателем *-ла-* важен именно этот реальный признак, а не его грамматическая форма имени существительного. Такое существительное входит в состав производного глагола *сарсагламаг* 'глупеть' как обозначение реального признака. Точно так же глагол *началамаг* 'раздваивать', 'делать вилообразным' включает в свое смысловое значение признак раздвоенного предмета, вилообразности, между тем как сама основа *нача* грамматически представляет собой существительное. Приведем еще примеры:

арыгламаг 'худеть'—от прилагательного *арыг* 'худой', 'тощий';

ахмагламаг 'глупеть', 'стать глупым', 'действовать необдуманно, глупо'—от существительного *ахмаг* 'глупец', 'дурак'

икиләмәк 'удвоить', 'делить на две части'—от числительного *ики* 'два';

инчәләмәк 'делать тонким', 'утончать'—от прилагательного *инчә* 'тонкий';

итиләмәк 'точить', 'оттачивать', 'острить'—от прилагательного *ити* 'острый', 'резкий';

нахошламаг 'захворать', 'разболеться', 'занедужиться'—от прилагательного *нахош* 'больной', 'хворый' и др.

Что касается основ рассматриваемого типа, то среди глаголов исследуемой рубрики новообразования насчитываются единицами, как, например, *брошюраламаг* 'брошюровать' и *мумијаламаг* 'бальзамировать'; в этом отношении данная рубрика значительно менее производительна в сравнении со второй группой первой рубрики, рассмотренной выше.

3. Глаголы, основы которых означают название процесса или его признака.

Для образования глаголов данной рубрики вовсе не обязательно, чтобы их основы выражали имя действия или прилагательное. Имен действия в составе этих основ вообще нет, а прилагательных немного. Как и в предшествующей рубрике, здесь также важны лишь реальные, вещественные значения, в данном случае процесса или признака, которые обозначены в именной основе. Например, в глаголе *абырламаг* 'стыдить', 'укорять', 'пристыдить' основа *абыр* (перс. *аб-*

ру) 'стыд', 'честь', 'репутация', 'достоинство' является существительным, но означает не предмет, а состояние. Значение состояния и переходит в семантику глагола *абырламаг*. Другой пример: в глаголе *ишләмәк* 'работать', 'действовать', 'функционировать' и т. д. основа *иш* 'дело', 'занятие', 'работа', 'профессия', 'служба' также означает не предмет, а процесс, общее значение которого и входит в значение названного глагола.

Другие примеры глаголов, основы которых означают процесс или его признак:

арзуламаг 'желать', 'хотеть', 'стремиться к чему-либо', 'мечтать'—от существительного *арзу* 'желание', 'стремление', 'цель', 'мечта';

бадагламаг 'ударить ногой под ногу', 'дать подножку (прием борьбы)'—от существительного *бадаг* 'удар ногой под ногу', 'подножка';

банламаг 'петь', 'кричать (о петухе)'—от существительного *бан* 'пение петуха';

вәрәмләмәк 'чахнуть', 'получить туберкулез'—от существительного *вәрәм* 'чахотка', 'туберкулез';

күјләмәк 'раздувать слух', 'преувеличивать'—от существительного *күј* 'звук', 'шум', 'крик';

мүркүләмәк 'дремать', 'вздремнуть'—от существительного *мүркү* 'дремота', 'дрема';

назламаг 'ласкать', 'баловать'—от существительного *наз* 'нега', 'кокетство', 'жеманство';

сөјләмәк 'говорить', 'рассказывать', 'передавать', 'сообщать', 'высказывать'—от не сохранившегося в тюркских языках слова *сөј*; в науке уже неоднократно отмечалось, что оно восстанавливается в связи с существительным *сөз* 'слово', 'речь', с одной стороны, и, с другой стороны, в связи с глаголом *сөзләмәк-сөјләмәк*, имеющимся в узбекском (*сўзламоқ*), киргизском, где параллельно употребляются *сүйлө-* и *сөздө-* 'говорить', хакасском *сöсте-* 'наговаривать', 'нашептывать' (о знахарке во время лечения), древне- и староуйгурском *sözlä-* 'говорить', 'рассказывать' (Малов, Пам., 422). Особенно интересна тувинская форма *сөглээ-* 'говорить', которая дает нам третье звено фонетического соответствия *з~й~г;*

һипнозламаг 'гипнотизировать'—от заимствованного слова *һипноз.*

Глаголы данной рубрики следует считать продуктивными, о чем свидетельствует, быть может, не столько литературный язык (хотя и в нем имеются неологизмы), сколько диалекты азербайджанского языка, в которых встречается ряд новообразований с аффиксом *-ла-*. Ср., например, в западных говорах Апшерона: *ходдамаг* < *ходламаг* 'ускорять', 'давать ход', *к'ачатдамаг* <

к'ачајламаг 'извлекать', 'выкачивать (нефть)', *маздамаг* < *мазламаг, газдамаг* < *газламаг,* 'мазать', 'смазывать' и др.[5]. Глагольные образования с русским существительным «ход» имеются и в литературном языке, но все они аналитического образования (ср. *ход вермәк, ходуну азалтмаг* и др.).

Возможно, что и от русского «валяй» происходит глагол *валајламаг* 'качаться', 'шататься' с основой *валај* 'качка', 'шатание'. На примерах приведенных диалектальных образований можно, между прочим, наглядно убедиться в том, что для образования производного глагола не имеет существенного значения принадлежность заимствованной основы к определенной части речи в том языке, откуда заимствовано слово: в глаголе *ходдамаг* в качестве основы использовано существительное, в глаголе *качатдамаг* — русский инфинитив, а в глаголе *маздамаг//газдамаг* — корень русского глагола «мазать» и существительное «газ». Но эти различия несущественны, поскольку и в данном случае важно прежде всего то, что эти основы в реальном, вещественном смысле означают или «намекают» (как в случае с корнем *маз-*) на понятие процесса.

Описанные особенности глаголообразования от заимствованных русских слов наблюдаются и в других тюркских языках. Можно, например, сослаться на якутский язык, где встречается значительное число образований подобного рода; ср. *дакастаа-* 'доказывать' с основой *дакаас (<доказ-*), *боруобуйдаа-* 'пробовать' с основой *боруобуй* (*<пробуй*) и *торгуйдаа-* 'торговать' с основой *торгуй*. В первом примере глагол образован из глагольного корня, как и в азербайджанском *маздамаг*. В двух других примерах глаголы образованы от повелительной формы русских глаголов.

4. Основы данной рубрики обозначают предмет (объект) действия. Такое значение выражается, как известно, существительными, поэтому основы здесь все являются существительными.

Примеры:

алагламаг 'полоть'— от существительного *алаг* 'сорная трава', 'сорняк'; параллельно с *алагламаг* составные глаголы *алаг вурмаг, алаг чалмаг* со значениями «полоть», «удалять сорняк кетменем» *(алаг вурмаг),* «удалять сорняк косой» *(алаг чалмаг)*;

арпаламаг 'кормить ячменем'— от существительного *арпа* 'ячмень';

астарламаг 'подшивать подкладку'— от существительного *астар* 'подкладка', 'изнанка';

---

[5] А. Г. Велиев. *Говоры западных районов Апшеронского полуострова*, автореф. канд. дисс., М., 1952, стр. 132 (на азербайджанском языке).

ашыламаг 'прививать вакцину', 'дубить'— от существительного *ашы* 'вакцина', 'прививка', 'дубильная замесь', 'дубильный экстракт'; производный глагол образован от обоих значений исходной основы;

бағышламаг 'дарить что-нибудь', 'награждать', 'жаловать', 'извинять', 'прощать', 'помиловать', 'амнистировать'— один из древнейших глаголов, известный во многих языках; образован, по-видимому, от существительного *бағыш* со значением «жертвоприношение», «дар», не сохранившегося в азербайджанском языке;

бирчəкləмək 'хватать, брать за кудри'— от существительного *бирчək* 'кудри', 'локон';

бурунламаг 'относиться, принимать недружелюбно', 'вытеснять, выживать кого-либо своим недружелюбным отношением', 'часто выговаривать кому-либо', 'часто упрекать кого-нибудь'— от существительного *бурун* 'нос', использованного в этом глаголе в метафорическом значении;

варагламаг 'перелистывать'— от существительного *вараг* 'лист';

голтугламаг 'брать кого-либо под руку', *метаф.* 'льстить'— от существительного *голтуг* 'подмышки';

гохуламаг 'нюхать', 'обнюхивать'— от существительного *гоху* 'запах';

гуjругламаг 'хватать за хвост', *метаф.* 'ловить', 'поймать'— от существительного *гуjруг* 'хвост';

гулагламаг 'хватать за ухо', *метаф.* 'крепко держать', 'не выпускать из рук'— от существительного *гулаг* 'ухо';

дəнələмək 'отделять, выковыривать зерна', 'выбирать по зернышку', 'дробить'— от существительного *дəнə* 'зерно', 'косточка в плодах', 'крупинка', 'бусина';

дəстəкləмək 'приделывать ручку'— от существительного *дəстək* 'ручка', 'подпорка'; как показывает сравнение, значение производного глагола образовано лишь от первого значения исходной основы;

Основы со значением предмета действия являются продуктивными. Среди них имеются формы, образованные от русских заимствований, как, например, *пистонламаг* 'заложить пистон', 'надевать пистон на запал (ружья и пр.)'—от существительного *пистон* 'пистон'; *патронламаг* 'зарядить ружье патроном', 'заложить (вложить) патрон'—от существительного *патрон* 'патрон'; *винтləмək* 'винтить', 'навинчивать'—от существительного *винт* 'винт'.

5. Заметное количество глаголов с аффиксом *-ла-* образовано от основ со значением 1) формы, образа, способа дей-

ствия или 2) вида, формы, строения, которые предмет получает в результате процесса. Глаголов с первым значением основ значительно больше, чем со вторым. К первым относятся: *jелләмәк* 'раздувать', 'развевать', 'качать' - от *jел* 'ветер'; *сиҳилләмәк* 'многословить', 'говорить длительно, пространно'—от существительного *сиҳил* арабского происхождения, которое не фиксируется в азербайджанских словарях, но имеется, например, в турецком в качестве юридического термина со значениями: 1) «реестр судебных решений»; 2) «реестр»; 3) «досье, личное дело служащего». Как показывают оба глагола, семантика их связана со значениями основ уподобительной связью. Более чистое значение формы процесса можно видеть в основах глаголов *тәкләмәк* 'отделять, выделять одного из числа многих', 'изолировать', 'напасть на кого-нибудь, воспользовавшись тем, что он один'—от *тәк* 'один'; *томарламаг* 'гуртить скот', 'гнать гуртом' от *томар* 'гурт' и другие значения; *hеҳаламаг//hеҳәләмәк* 'складывать звуки', 'читать по слогам', *метаф.* 'твердить одно и то же', 'повторять', 'говорить об одном и том же'—от *hеҳа* 'слог'; *чеврәләмәк* 'обводить', 'заключать в круг'—от *чеврә* 'круг', 'окружность', в свою очередь произведенного от глагола *чевирмәк* 'поворачивать', 'переворачивать' и т. п. Приведем еще примеры:

лүләләмәк 'свертывать в трубку'—от *лүлә* 'трубка', 'жерло', 'ствол';

орталамаг 'делить пополам'—от *орта* 'середина', 'средина';

сыраламаг 'ставить в ряд (рядком, по порядку, в порядке очереди)'—от *сыра* 'ряд', 'строй', 'вереница', 'шеренга'; 'черед', 'очередь', 'цепь (горная)';

үүтләмәк 'ставить', 'считать попарно'—от *үүт* 'пара', 'чета';

үчләмәк 1) 'довести числом до трех'; 2) 'сложить втрое'; 3) 'разделить на три части'—от числительного *үч* 'три' и ряд других.

В последнем глаголе его значения отражают различные отношения к именной основе: в значении первом основа глагола—числительное *үч*—является признаком результата действия; в значении втором—формой совершения действия; в значении третьем—формой результата действия.

К значению формы результата действия примыкает также значение основы глагола *параламаг* 'делить', 'разрывать', 'рассекать на две части'—от существительного *пара//парә* 'кусок', 'часть' и немногие другие.

Глаголов с основами, означающими форму результата, немного.

Что касается грамматической принадлежности основ, то

большинство их относится к существительным, некоторые основы—к прилагательным (*тәк*) и числительным (*үч*).

6. Следующую по численности рубрику образуют глаголы на *-ла-*, в которых основа означает место, направление. К ним относятся:

архаиламаг 'сгонять стадо на место отдыха'—от существительного *архаи* 'место отдыха скота в поле';

габагламаг 'опередить', 'предупредить'—от наречия *габаг* 'перед', 'впереди';

гаршыламаг 'встречать', 'идти навстречу'—от прилагательного *гаршы* 'противоположный', 'противный';

гуjуламаг 'зарывать', 'закапывать в землю'— от существительного *гуjу* 'колодец';

далдаламаг 'укрывать', 'припрятывать', 'прикрывать', 'заслонять', 'скрывать за собой'—от существительного *далда* 'укромное место', 'скрытое, уединенное или защищенное место';

ирәлиләмәк 'идти, двигаться вперед', 'быть впереди'—от наречия *ирәли* 'вперед', 'впереди';

кериләмәк 'отступать', 'отставать (в пространстве, деятельности)'—от прилагательного *кери* 'обратный' и ряд других глаголов;

чибләмәк 'прикарманивать'—от существительного *чиб* 'карман'.

О продуктивности глаголов с данным типом основ можно судить по некоторым неологизмам в диалектах типа *назаддамаг*>*назадламаг* 'отступать, отходить назад' [6].

Основы глаголов шестой рубрики относятся к именам (существительным, прилагательным, наречиям) с пространственным значением.

7. Небольшая группа глаголов на *-ла-* образована от основ со значением в р е м е н и:

ахшамламаг 1) 'вечереть'; 2) 'остановиться на ночь', 'переночевать' — от существительного *ахшам* 'вечер' (ср. آخْشَام 'вечер'; 'ночь', Буд., I, 18);

гышламаг 'зимовать'—от существительного *гыш* 'зима';

кечәләмәк 'ночевать', 'провести ночь где-нибудь'—от существительного *кеч* 'ночь'.

Основы этих немногих глаголов до известной степени отражают также объектные отношения, ввиду чего они имеют отношение и к четвертой рубрике, рассмотренной выше.

---

[6] Там же, стр. 132.

8. В единичных глаголах основы их означают носителя действия, что можно заметить на примерах: *оғурламаг* 'украсть', 'похитить', 'воровать'—от существительного *оғру* 'вор'; *кәкәләмәк* 'заикаться' — от существительного *кәкә* 'заика'; *гарламаг* 1) 'покрывать снегом'; 2) 'идти (о снеге)'—от существительного *гар* 'снег', который для второго значения является носителем процесса.

Как показывают наблюдения, очерченные выше отношения между значениями именных основ и производных глаголов без существенных изменений наблюдаются и в других тюркских языках. Мы ограничимся иллюстрациями из разных языков для каждой классификационной рубрики. Правда, такой сокращенный способ имеет и свои недостатки, главный из которых заключается в том, что остаются невыясненными количественные соотношения между глаголами разных рубрик по разным тюркским языкам. Но так как для нас важно установить само наличие описанных выше классификационных рубрик глаголов в различных тюркских языках, то можно оставить без внимания отмечаемый недостаток. Обратимся к примерам.

1. Глаголы, основы которых означают орудие, средство, материал.

Туркм.: *шемалламак* 'проветриваться', 'освежаться'—от существительного *шемал* 'ветер';

гүнешлемек 'греться на солнце'—от существительного *гүнеш* 'солнцепек';

бойламак 1) 'мерить глубину реки ростом'; 2) 'погрузить, ся в реку во весь рост'—от существительного *бой* 'рост', которое по отношению к первому значению производного глагола (т. е. значению «мерить глубину реки ростом») является орудием действия, а по отношению ко второму значению—формой действия;

тур.: *soğuklamak* 'простудиться'—от существительного и прилагательного *soğuk* 'холод', 'холодный';

гагауз.: *лакламак* 'лакировать'—от существительного *лак* 'лак';

тат.: *обойла-* 'оклеивать обоями'—от существительного *обой* 'обои';

гипсла- 'гипсовать'—от существительного *гипс* 'гипс';

гримла- 'гримировать'—от существительного *грим* 'грим';

грунтла- 'грунтовать'—от существительного *грунт* 'грунт';

адымла- 'шагать'—от существительного *адым* 'шаг', 'шаги';

борынла- 'проклевываться', 'выклевываться (о цыпленке)', 'всходить', 'прорастать (о семенах)'—от существительного *борын* 'нос';

казах.: *бетонда-* 'бетонировать'—от существительного *бетон* 'бетон';

бороздала- 'бороздить'—от существительного *борозда* 'борозда';

бомбала- 'бомбить'—от существительного *бомба* 'бомба';

узб.: *печатламоқ* 1) 'отпечатывать'; 2) 'приложить печать', 'припечатывать'; здесь два глагола, образованных от разных основ: первый глагол образован от основы русского глагола «печатать», второй глагол—от существительного «печать»;

лакламоқ 'покрывать лаком'—от существительного *лак* 'лак';

асфальтламоқ 'асфальтировать' — от существительного *асфальт* 'асфальт';

якут.: *буруустаа-* 'точить'—от русского заимствования *буруус* 'брус';

кэмнээ- 'мерить', 'измерять', 'отмеривать'—от существительного *кэм* 'мера (времени, длины и пр.)';

буоскалаа- 'вощить', 'наващивать'—от русского заимствования *буоска* 'воск';

көмүстээ- 'серебрить', 'золотить'—от существительного *көмүс* 'серебро';

чув.: *магнитла-* 'намагничивать'—от существительного *магнит* 'магнит';

апатла- 'кормить', 'накормить (обедом, ужином или завтраком)'; 'дать корм скотине'—от заимствованного существительного *апат* со значением «пища», «корм», «обед», «завтрак», «ужин»;

ăнла- 'понимать', 'вникать'—от существительного *ăн* 'ум', 'соображение', 'сознание', 'память';

Houtsma: بلاوولا *biläwülä-* 'точить'—от بلاوو *biläwü* 'точильный камень', 'брусок' (63); برمقلا *barmakla-* 'показывать пальцем' (основа этого глагола—существительное بـــرمـــق— в словаре, опубликованном Хоутсма, отсутствует) и ряд других.

Основная часть примеров представляет глагольные новообразования, возникшие на базе русских заимствований. Такой подбор примеров может иллюстрировать, с одной стороны, известный параллелизм в глагольном словообразовании на *-ла-* в тюркских языках, с другой стороны,— продуктивность именных основ со значением орудия, средства, материала.

2. Основы со значением результата или его признака.

Туркм.: *селчеңлемек* 'прорежаться', 'делаться редким'; 'попадаться редко', 'изредка'—от прилагательного *селчең* 'редкий';

тур.: *altmışlamak* 'достигнуть 60-летнего возраста'—от числительного *altmış* 'шестьдесят';

anaçlamak 'состариться в делах', 'приобрести большой опыт', 'стать ловким, хитрым'—от прилагательного *anaç* 'опытный в делах', 'хитрый';

казах.: *бракта-* 'браковать'—от существительного *брак* 'брак';

нормала- 'нормировать'—от существительного *норма* 'норма';

сортта- 'сортировать', 'делить по сортам'—от существительного *сорт* 'сорт'.

В азербайджанском языке нам удалось при внимательном подборе обнаружить два новообразования с русскими основами в результативном значении, тогда как в казахском языке при беглом просмотре глаголов с русскими основами этого значения оказалось больше. Таким образом, хотя разновидности именных основ глаголов на *-ла-* в тюркских языках одни и те же, однако производительность их в разных языках неодинакова.

хак.: *пуста-* 1) 'замерзать'; 2) 'покрываться льдом', 'леденеть'—от существительного *пус* 'лед'. По отношению к двум последним значениям основа *пус* имеет результативное значение, но в первом случае она означает признак результата (что можно выразить словом «мерзлость»);

ханна-[7] 'кровоточить'—от существительного *хан* 'кровь';

Радл., Сл.: *аста-* (койб., сагай., из *ас+ла*, ср. *ачла-*) 'голодать', 'быть голодным' (I, 549; глагол *ачла-*, с которым Радлов сравнивает *аста-*, в словаре, однако, отсутствует).

якут.: *буомнаа-* 'загораживать'—от существительного *буом* 'препятствие', 'узкое место', 'ущелье';

дагдалаа- 'взбивать сливки'—от существительного *дагда* 'взбитые сливки';

дэхсилээ-//лэхсилээ- 'сглаживать', 'уравнивать', 'выравнивать', 'сравнивать'—от прилагательного *дэхси* 'ровный', 'гладкий', 'сплошной'.

3. Глаголы, основы которых означают название процесса или его признак.

---

[7] Образовано из *ханла-* в результате прогрессивной ассимиляции согласных $\frac{\text{-нл-}}{\text{-нъл-}}$ >*-нн-*, широко известной в тюркских языках, ср. в хакасском: *санъна-* 'звенеть'—от *санъ*~общетюрк. *чаң* 'колокол'; *сиденне-* 'огородить', 'окружить забором'—от *сиден* 'забор', 'изгородь', ср. узб. *четан* 'плетенка', 'кузов'; *тинъне-* 'равнять', 'выравнивать'—от прилагательного *тинъ*, общетюрк. *тең* 'равный', 'одинаковый'; *тубанна-* 'покрыться туманом, мглой', 'затуманиться'—от существительного *тубан* 'туман' и т. п.

туркм.: *гудузламак* 'взбеситься'—от прилагательного *гудуз* 'бешеный';

санжыламак 'чувствовать колики, рези в животе и боку'—от существительного *санжы* 'колики', 'резь (в животе и в боку)', 'острая боль';

тур.: *beklemek* 'ждать', 'поджидать', 'ожидать', 'охранять', 'сторожить', 'караулить', 'смотреть за кем-либо'—от существительного **bek*, которое не сохранилось в турецком языке, но засвидетельствовано памятниками тюркских языков, где оно означало «охрана», «защита», «замок», «безопасность» (Atebet., Fihr., VIII). От этого существительного произведено турецкое *bekçi* 'сторож', 'караульщик' (ночной);

sangılamak 'быть изумленным (ошеломленным, пораженным)', 'изумляться', 'поражаться'—от прилагательного *sangı* 'изумленный', 'пораженный', 'ошеломленный', 'оглушенный';

тат.: *чатанла-* 'хромать', 'ковылять'—от прилагательного *чатан* 'хромой', 'колченогий';

казах.: *сақта-* 'хранить', 'беречь', 'оберегать' (ср. у Хоутсма ﻫﺎﻗﻠﻪ , арм.-ком. *saḫla-*, Deny, 68). Для основы *сақ* ср. еще тур. *saklı* 1) 'спрятанный', 'скрытый'; 2) 'тайный';

сақтық 1) 'осторожность'; 2) 'сбережение', откуда восстанавливается и субстанциональное значение имени **сақ* 'охрана';

блокадала- 'блокировать'—от существительного *блокада* 'блокада';

хак.: *наала-* 'обновлять', 'подновлять'; 'делать заново'—от прилагательного *наа* (<*н'аңа*), соответствующего общетюркскому *яңы||яңа* 'новый';

чув.: *агитацилe-* 'агитировать'—от существительного *агитация* 'агитация';

айăпла- 'винить', 'обвинять', 'осуждать'—от существительного арабского происхождения *айăп* 'стыд';

мухмăрла- 'хмелеть'—от существительного *мухмăр* 'похмелье', восходящего к арабскому причастию *mahmur* со значением «опьяненный», «пьяный»;

пахала- 'ценить', 'оценивать', 'дорожить'—от существительного персидского происхождения *baha* со значением «цена»;

якут.: *атыылаа-* 'продавать'—от существительного *атыы* (общетюрк. *саты*) 'торговля', 'товар', 'продажа', 'купля';

өйдөө- 'разуметь', 'понимать'—от существительного *өй* 'ум', 'память', 'разум', 'рассудок', 'понимание';

бэлэмнээ- 'готовить', 'приготовлять', 'изготовлять'—от прилагательного *бэлэм* 'готовый'.

Как видно из данных (даже немногочисленных) примеров, в тюркских языках основы со значением названия процесса или его признака являются продуктивными.

4. Глаголы с основами, означающими предмет действия.

Тат.: *авансла-//аванс бир-* 'авансировать', 'давать аванс' — от существительного *аванс* 'аванс'; так же в киргизском и чувашском;

адресла- 'адресовать', 'посылать по адресу'—от существительного *адрес* 'адрес';

казах.: *бауызда-* 'зарезать', 'заколоть (скот)', 'перерезать (горло)'—от не сохранившегося в современном языке существительного *бауыз* 'горло';

хак.: *мискеле-* 'собирать грибы', 'ходить по грибы'—от существительного *миске* 'гриб';

өртекте- 'охотиться на уток'—от существительного *өртек* 'утка';

одунъна- 'поехать за дровами (в лес)'—от существительного *одунъ* 'дрова'; ср. также *одуӈа-* 'поехать за дровами', 'собирать дрова' (Радл., Сл., I, 1126), *одуӈна-* (там же, 1129)—то же;

якут.: *ааттаа-* 'называть', 'прозывать'—от существительного *аат* 'имя', 'название';

күөстээ- 'варить (обед)'—от существительного *күөс* 'горшок (для пищи)';

эттээ- 'рубить', 'разрубать (мясо)'—от существительного *эт* 'тело', 'мясо', 'мякоть'.

5. Глаголы, основы которых означают форму действия.

Наиболее ясно значение образа, формы процесса в общетюркском глаголе *айла-:*

туркм.: *айламак* 'вертеть', 'кружить', 'вращать'; 'водить', 'ознакомить';

алт.: *айла-* 'вертеть', 'окружать' (Грамм. алт. языка, 142);

кызыл.: *ajla-//äjlä-*[8] 'кружить', в этом же значении в Ettuhfet. (Dizin, 145). Основа этого глагола—существительное *ай* 'месяц', с которым глагол находится в уподобительной связи;

якут.: *дьапталаа-* 'нагромождать'—от существительного *дьап* 'слой';

төмчөхтөө- 'складывать', 'собирать в кучу'—от существительного *төмчөк* 'куча', 'ворох'.

6. Глаголы с основами, означающими место или направление.

Туркм.: *сāяламак* 'находиться в тени', 'отдыхать в тени'—от существительного *сāя* 'тень', 'сень', восходящему к перс.

---

[8] Aulis J. Joki, *Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache,* — «Studia Orientalia», vol. XIX, Helsinki, 1953, S. 7.

سَايَه с тем же значением;

ашāкламак 'опускаться', 'понижаться', 'спускаться'—от *ашāк* 'низ', 'нижняя часть', 'вниз'.

кирг.: *чөлдө-* 'жаждать'—от существительного *чөл* 'пустыня', 'степь', 'равнина';

хак.: *тайғала-* 'ездить по тайге'—от существительного *тайға* 'тайга';

Радл., Сл.: *алтаіла-* 'ехать по Алтаю' (I, 403);

ічкäрlä- (телеут.) 'войти внутрь', 'войти', 'приблизиться' (I, 1518);

якут.: *бадарааннаа-* 'вязнуть в болоте'—от существительного *бадараан* 'болото', 'топь';

сирдээ- 'указывать дорогу', 'проводить (докуда)', 'наделять земельным участком'—от существительного *сир* (общетюрк. *ер*) 'земля', 'страна', 'местность', 'место', 'почва', 'грунт'.

Как ни малочисленны приведенные примеры, они тем не менее подтверждают общность для тюркских языков системы особых семантических отношений между производным глаголом на *-ла-* и его основой, которые не только лежат в основе правил образования глаголов в данной форме, но также формируют их значения в определенном направлении, как это видно на примерах из азербайджанского и других тюркских языков, приводившихся выше: *тәкләмәк* с двумя разными значениями—«отделять», «выделять одного из числа многих» и «напасть на кого-нибудь, воспользовавшись тем, что он один», по отношению к которым основа *тәк* 'один', 'в единственном числе', 'одинокий', 'единственный' в первом случае является формой действия, во втором—предметом действия; глагол *үчләмәк* с тремя значениями—«довести числом до трех», «сложить втрое» и «разделить на три части», по отношению к которым *үч* является соответственно признаком результата процесса, формой совершения действия и формой результата действия; туркменский глагол *бойламак* с двумя значениями—«мерить глубину реки ростом» и «погрузиться в реку во весь рост», для которых *бой* 'рост' в первом случае является орудием действия, во втором—формой действия; хакасский глагол *пуста-* с двумя родственными значениями—«замерзать» и «покрываться льдом», «леденеть», в отношении которых основа *пус* 'лед' в одном случае является признаком результата, в другом—предметным результатом.

Значения производных глаголов на *-ла-//-лә-*

В этой важнейшей области необходимо выделить по меньшей мере три вопроса: 1) источники значений глагола (или: от чего зависит значение производного глагола?); 2) структу-

ра значений глагола и 3) значения глагола в зависимости от аффиксов, в частности значения аффикса *-ла-*.

Вопрос об источниках значения глагола становится более ясным после сделанного выше обзора глаголов на *-ла-* по значениям их основ. Как показывают примеры, вещественное значение глагола определяется вещественным значением именной основы, значение последней в преобразованном виде входит в значение производного глагола. Особенно это ясно в тех случаях, когда именная основа и производный глагол имеют близкие значения: именная основа обозначает признак или название процесса, глагол обозначает самый процесс. Ср. следующие пары, состоящие из производного глагола и его основы: *һәдәләмәк* 'угрожать', 'запугивать', 'страшить', 'грозить'—*һәдә* 'угроза', 'запугивание', 'острастка'; *һәрбәләмәк* 'грозить'—*һәрбә* 'угроза'; *чәрәнләмәк* 'говорить пустое, глупости', 'нести вздор'—*чәрән* 'пустяк', 'болтовня', 'вздор'; *чимдикләмәк* 'щипать', 'ущипнуть кого-либо'—*чимдик* 'щипок'; *чуғулламаг* 'доносить на кого-либо', 'делать доносы', 'наговаривать на кого-либо'—*чуғул* 'донос', 'наговор' и т. п. (остальные примеры см. в рубрике 3).

Во всех этих примерах основа и образованный от нее глагол обозначают какой-либо процесс объективной действительности, но выражают его различно: в виде процесса или в виде его названия, а также признака (именная основа). Следовательно, различие между производным глаголом и его именной основой в данном случае больше грамматическое, и глагольное словообразование от основ рассматриваемого типа сводится к тому, что именное обозначение процесса трансформируется в глагольное.

Отношения именной основы и глагола становятся более тесными, когда именная основа сама является производной от глагола. Следует заметить, что среди отглагольных имен, служащих основами глаголообразования, не встречаются продуктивные глагольные имена на *-ма//-мә, -(j)ыш* (с вариантами), *-дыг* (с вариантами), *-(j)ачаг//-(j)әчәк* — все со значением названия или факта действия, наблюдаются только непродуктивные или малопроизводительные глагольные имена, которые имеют ту особенность, что их значения также подводятся под известные уже понятия орудия, средства, результата, процесса и т. д. Среди таких отглагольных имен встречаются существительные, в которых без труда восстанавливается их процессуальное значение, как, например, существительное *jуху* 'сон', 'сновидение', известное и в кыпчакских языках и представляющее глагольное имя от корня **у-* 'спать' с аффиксом *-қу* [9]. Глагольным именем является также *бағ* 'связь', 'узы' и с рядом других значений,

[9] В памятниках древнетюркской письменности не встречается глагол ** у-* 'спать', сохранилось лишь существительное *у* 'сон' (Малов, Пам., 437). Учи-

образованное от вышедшего из употребления глагола *ба-* 'привязывать' (Малов, Пам., 367). К древнейшим глагольным именам следует отнести также существительное *сығал* 'поглаживание', 'приглаживание', образованное при помощи аффикса *-ыл* (фонетической разновидности аффикса *-ɑш*[10], сохранившейся в немногих словах) от глагола *сығамаг* 'делать массаж', 'массировать (живот, горло)', более старое значение которого — «гладить», «проводить рукой» — сохранилось в турецком языке. От приведенных отглагольных имен образованы глаголы *юқла-* (в кыпчакских языках), *бағламаг* и *сығалламаг* (в азербайджанском), в которых вновь восстанавливаются значения первоначальных глагольных корней: 1) «спать», «дремать»; 2) «завязывать», «связывать», «привязывать», «обвязывать»; 3) «гладить», «поглаживать», «приглаживать» и новейшее — «делать массаж». Таким образом, субстанциональное значение приведенных отглагольных имен переходит снова в глагольное значение.

Сходная картина наблюдается и в тех случаях, когда именная основа имеет смешанное значение результата-признака процесса и, в отдельных случаях, значение направления движения (примеры см. в рубриках 2 и 6).

Когда же именная основа не имеет указанных выше значений и когда переход значения из одной грамматической категории (имени) в другую категорию (глагола) невозможен, в глаголе фиксируется значение исторически закрепившейся за ним функции соответствующего предмета в общественной практике данного языкового коллектива. Например, когда именная основа означает орудие или средство действия, материал, результат

тывая, однако, широкую омонимию имен и глаголов, известную абсолютно во всех тюркских языках, теоретически нет препятствий для реконструкции названного глагола, тем более что такие реальные формы, как *ukla-* (чагат. — Радл., Сл., I, 1613) ||*uxla-* (там же, 1616) и более распространенная *юқла-*|| ||*юхла-*, могут быть удовлетворительно разъяснены лишь при допущении производного характера именной основы всех этих глаголов, а именно: *уқ*||*юқ*<*у-*+ +*қ*, со значением «сон».

Вместе с тем возможна и другая этимологизация *юху* — его можно рассматривать как метатезу от *уйуқу* 'сон', образованного от глагола *уйу-*<*уды-* 'спать', известного из орхонских памятников (Малов, Пам., 437).

О глаголах «спать», «просыпаться» и «будить» см. у В. Банга: W. Bang, *Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut*, Sechster Brief: *Varia varii momenti*, — «Ungarische Jahrbücher», Bd XII, H. 1—2, Berlin — Leipzig, 1932, S. 93—95.

[10] Греческая буква ɑ здесь и дальше означает любой гласный. В последней работе Г. Рамстедта, вышедшей уже после смерти автора (G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, Bd 2. *Formenlehre*, Helsinki, 1952), нет указаний относительно связи между отглагольно-именным показателем *-л* и показателем *-ш*, фонетически родственными и семантически совпадающими, хотя, вообще говоря, Г. Рамстедт довольно широко пользовался законом ламбдаизма и не отказывался от ряда смелых фонетико-морфологических сопоставлений между тунгусо-маньчжурскими, монгольскими, тюркскими и корейским языками.

и т. д., значение глагола выражает основную типичную функцию или положение предмета.

Чем одностороннее реальные функции предмета, тем ограниченнее значение глагола. Наоборот, чем многостороннее его функции, тем многозначнее глагол. Например, существительное *аршын,* составляющее основу глагола *аршынламаг* 'измерять аршином', означает предмет, основной функцией которого является быть орудием измерения, отсюда — однозначность глагола *аршынламаг.* Подобное же семантическое отношение существует между глаголом *бурғуламаг* 'буравить' и существительным *бурғу* 'бурав', основная функция которого отражена в семантике глагола. То же можно сказать о глаголе *ғылынчламаг* 'срубать саблей' и существительном *ғылынч* 'сабля'; о глаголе *димдикләмәк* 'клевать' и существительном *димдик* 'клюв'; о *гамчыламаг* 'бить, хлестать нагайкой, кнутом' и существительном *гамчы* 'нагайка', 'кнут' и т. д. Все подобные глаголы, за исключением отдельных слов с метафорическим значением, являются в общем однозначными. Этого нельзя сказать, однако, о глаголе *бармагламаг* 'трогать пальцем', 'брать пальцем', 'набирать на палец', 'делать в чем-либо углубление пальцем', так как реальные функции предмета *бармаг* 'палец' имеют разносторонний характер, и выделить среди них какую-нибудь одну в качестве основной трудно. Глаголы типа *бармагламаг* сравнительно редки в азербайджанском языке.

Подобная же зависимость существует между значением глагола и основой, когда она означает материал, при помощи которого овеществляется действие. Значения глаголов здесь также отражают основные, типичные функции материалов, названных в основах, как, например: *асфалтламаг* 'асфальтировать', *балзамламаг* 'бальзамировать', *бетонламаг* 'бетонировать', *гипсләмәк* 'гипсовать' и другие глаголы, приведенные уже на стр. 39.

Следует отметить конкретность и однозначность большинства глаголов с аффиксом *-ла-*. Многозначных глаголов с этим аффиксом немного [11]. К ним можно отнести глагол *башламаг* 'начинать', 'приступить к чему-либо', 'приниматься за что-либо', основа *баш* которого имеет свыше десятка значений и среди них значение «начало», которое в чистом виде в языке не сохранилось, но косвенно подтверждается другим значением *баш* — 'начало', 'верховье', 'исток (реки, ручья)', а также формами *башда* 'вначале', *башдан* 'поначалу', 'сначала', 'снова'. Далее можно назвать глагол *ирәлиләмәк* 'идти', 'двигаться вперед', 'успевать', 'преуспевать', 'получать повышение по службе', 'выдвигаться'

[11] Конкретность глаголов на *-ла-* и количественная ограниченность форм с отвлеченным значением отмечаются отдельными специалистами (см. А. К. Боровков, *Учебник уйгурского языка,* Л., 1935 стр. 83 и сл.).

с многозначной основой *ирəли* 'вперед', 'находящийся или идущий впереди', 'передний', 'передовой', 'вожак'; 'перед', 'передняя часть'; *кериләмәк* 'отступать', 'отставать', 'худеть', 'ослабевать' с основой *кери* 'назад', 'обратно'; богатый по значениям глагол *ишләмәк* 'работать', 'действовать', 'функционировать' и т. д. с основой *иш* 'дело', 'работа', 'занятие', 'профессия', 'служба'; 'беда', 'неприятность', 'грех' и некоторые другие. Помимо своей многозначности, названные и аналогичные им по семантическому объему глаголы на *-ла-* характерны еще и тем, что их семантическое развитие и обогащение пошло самостоятельным путем, вне зависимости от семантического развития их основ. Еще большее развитие получает производный глагол при его метафорическом применении или расширении первоначального объема значений. В таких случаях собственная семантическая эволюция производного глагола происходит в полном отрыве от дальнейшего развития именной основы. Глаголов этого типа в отыменных образованиях сравнительно немного, в частности в формах на *-ла-*. Но они важны при выяснении вопроса о внутренних отношениях между лексическим значением именной основы и производного от нее глагола, так как благодаря им выясняется, что образование отыменного глагола есть сложение новой лексической единицы, имеющей свой собственный путь и направление в последующем развитии и употреблении. Так, в глаголе *бурунламаг* 'относиться, принимать недружелюбно', 'вытеснять, выживать кого-либо своим недружелюбным отношением'; 'часто выговаривать кому-либо', 'часто упрекать кого-либо' именная часть *бурун* 'нос' не заключает в своем значении метафорических элементов, и, следовательно, отмеченное значение глагола сложилось на почве метафоризации самого действия. Другой пример. В глаголе *јастыгламаг* 'подкладывать подушку', 'убаюкивать', 'обманывать' третье значение вовсе не продиктовано значением именной основы *јастыг* 'подушка', так как в ней мы не можем обнаружить значения, связанного с действием «обманывать». То же самое в глаголах *гулагламаг* 'хватать за ухо'; *метаф.* 'крепко держать', 'не выпускать из рук', *һечаламаг//һечəләмәк* 'складывать звуки', 'читать по слогам'; *метаф.* 'твердить одно и то же', 'повторять', 'говорить об одном и том же'. Метафорические значения этих глаголов не имеют связи со значением их именных основ *гулаг* и *һеча,* так как последние соответственно означают «ухо» и «слог» и как самостоятельные слова употребляются только в этих значениях. Однако, сопоставляя метафорические и неметафорические значения приведенных глаголов, нетрудно представить себе образную сторону обозначаемых ими действий.

В сравнении с приведенными выше глаголами однозначные глаголы на *-ла-* как бы привязаны к своим основам, которые

определяют значения произведенных от них глаголов. Если и возможны какие-либо смысловые отступления таких глаголов от соответствующих основ, то скорее всего в области словоупотребления. В отдельных случаях возможно метафорическое использование глаголов с конкретным значением, как, например, *бизләмәк* 'колоть шилом' (от основы *биз* 'шило') в фигуральном значении «понукать», «понуждать», «подгонять». Впрочем, и это значение, по-видимому, имеет связь с существовавшим на Востоке способом понукания буйволов.

Так как степень конкретности глаголов на *-ла-* зависит от значения именной основы, то среди глаголов, образованных, например, от названий места и направления, первые более конкретны, чем вторые. Ср., с одной стороны, глаголы *архаҷламаг* 'сгонять стадо на место отдыха', *гамбламаг* 'паковать', 'укладывать вещи', *барданламаг* 'наполнять, набивать барданы', образованные от названий места, и, с другой стороны, *гаршыламаг* 'встречать', 'идти навстречу', уже приводившиеся *ирәлиләмәк* 'идти, двигаться вперед', 'преуспевать', 'прогрессировать', *кериләмәк* 'отступать', 'отставать' и другие, образованные от слов, указывающих направление. Значения основ *архаҷ* 'место отдыха скота в поле', *габ* 'посуда', 'сосуд', 'футляр' и *бардан* 'большой мешок для сырцовых волокнистых продуктов', обозначающих предметы, конкретнее значений основ *гаршы* 'противоположный', *ирәли* 'передний', *кери* 'обратный', выражающих признаки предметов. Семантический объем первых основ у́же, поэтому и глаголы, образованные от предметных названий, конкретнее и по объему значений у́же, чем глаголы второй группы. То же соотношение получится при сравнении глаголов с основами, означающими названия материалов, и глаголов, основы которых обозначают действия, состояния, свойства и признаки.

Отмечаемое различие становится особенно наглядным, когда сравниваются лексико-синтаксические связи тех и других глаголов. Чем конкретнее именная основа, чем у́же ее семантический объем, тем ограниченнее сочетаемость ее со словами, и наоборот, чем шире и отвлеченнее значение отыменного глагола, тем свободнее его сочетаемость со словами.

При образовании глагола от именной основы глагольного происхождения семантика производного глагола может вернуться к семантике исходного, как это было показано выше (глаголы *бағламаг, јухуламаг* и др.). К уже приведенным примерам могут быть присоединены еще *гучагламаг* 'обнимать'— от существительного *гучаг* 'объятия', восходящего к глаголу *гучмаг* 'обнимать'; *тәпикләмәк* 'брыкаться', 'лягаться'— от существительного *тәпик* 'пинок', 'брыканье', 'пинок ногой', восходящего к глаголу *тәпмәк* 'пинать', 'лягать' и т. д.

Однако не во всех подобных случаях значения вторичных

глаголов возвращаются к первичным. Часто семантика их видоизменяется, сужаясь по сравнению со значениями первообразных глаголов, и выражает более частное проявление действия. Например, глагол *гапагламаг,* образованный от отглагольного существительного *гапаг* 'крышка', восходящего к глаголу *гапамаг* 'закрывать', по отношению к последнему означает его частную разновидность, выражая действие «покрыть», «закупорить», «положить крышку на что-либо». Глагол *гашовламаг*, образованный от отглагольного имени *гашов* 'скребница', восходящего к древнему глаголу *гашы-* 'чесать', 'скоблить', обозначает «чистить скребницей» и т. д.

Нередко семантика вторичного глагола смещается в сравнении со значением первичного. Ср. глагол *бурғуламаг* 'буравить', 'сверлить', образованный от существительного *бурғу* 'бурав', 'сверло', 'коловорот', 'отвертка', 'штопор', 'винт', в свою очередь образованный от глагола *бурмаг* 'закручивать', 'скручивать'; глагол *гуршагламаг* 'хватать за пояс' (прием борьбы), произведенный от *гуршаг* 'пояс', 'кушак', образованного от глагола *гуршамаг* 'опоясывать'; глагол *дарагламаг* 'подбирать косы гребешками', образованный от существительного *дараг* 'гребень', 'расческа', в свою очередь произведенного от глагола *дарамаг* 'чесать', 'причесывать', 'расчесывать', 'сгребать' и т. д.

Случаи смещения значений вторичных глаголов объясняются тем, что основы, образованные от первообразных или древних глаголов, обычно обозначают конкретные предметы, функции которых могут быть разнообразными или, наоборот, односторонними. Так, в первом глаголе *бурғуламаг* основа *бурғу* 'бурав', 'сверло' и т. д. означает предмет с односторонней функцией. Но основа второго глагола *гуршаг* 'пояс', кроме известного во всех языках действия *гуршамаг* 'опоясывать', допускает и другие функции, поскольку *гуршаг* является непременной принадлежностью национальной формы борьбы, откуда разъясняется другое значение этого глагола — «хватать за пояс».

Вопрос, следовательно, заключается в том, насколько расходятся между собой значения первообразного глагола и функции предмета, обозначенного образованным от глагола именем. Так как, например, существительное *дилим* (см. стр. 42), образованное от глагола *дил-* 'разрезать на полоски, куски', в значении «вырезанный кусок», «полоска» полностью отражает семантику названного глагола, смыслового смещения между обоими словами не происходит, и нет основания ждать, что вторичный глагол *дилимләмәк* приобретет какое-то иное значение, кроме «разрезать на полоски, куски».

Подобное же семантическое соответствие существует между первообразным глаголом *гучмаг* 'обнимать' и образованным от него именем *гучаг* 'объятия', на основании чего значение вто-

ричного глагола *гучагламаг* повторяет значение первообразного глагола. Смысловые отношения между первообразным глаголом, образованным от него именем и произведенным от последнего вторичным глаголом во всех случаях остаются теми же, независимо от исторического возраста указанных форм. Если даже и допустить какие-либо коренные качественные изменения в значениях первообразных глаголов за время их существования, то это никак не отражается на смысловых отношениях между членами ряда, что в глаголообразовании на *-ла-* с семасиологической точки зрения имеет решающее значение.

Впрочем, вряд ли имеются серьезные основания допустить, что глаголы *гучмаг* 'обнимать', *бичмәк* 'резать', 'кроить', *дарамаг* 'чесать', 'причесывать' и многие другие основные глаголы первоначально означали нечто совершенно иное. Во всяком случае нельзя отметить никаких коренных различий в значениях основных глаголов в древнейших памятниках тюркских языков и в современном их употреблении.

Действительное различие между корневыми и производными глаголами состоит в том, что в последних совершенно ясно семантическое строение, характеристика действия по его орудию, форме, результату и т. д., между тем как в большинстве корневых глаголов семантическое строение, их внутренняя форма остаются скрытыми.

Говоря о сохранении в коренных глаголах их исконной семантики, необходимо иметь в виду то значение, которое извлекается как объединяющее из всех существующих значений данного глагола в различных тюркских языках. В отдельных языках значения некоторых коренных глаголов могут смещаться, не порывая вместе с тем с основным значением, а более или менее модифицируя его. К числу таких случаев в азербайджанском языке относятся приведенное выше *тәпмәк* 'отдавать, осаживать после выстрела (об огнестрельном оружии)'; 'затыкать', 'всовывать', 'впихивать' против первоначального 'пинать', 'лягать'; *дүртмәк* 'совать', 'пихать' против первоначального 'толкать', 'тыкать'. Однако случаев семантических смещений в первообразных глаголах мало, немногим больше и число таких коренных глаголов, в которых исчезли их древнейшие значения, но сохранились последующие. Ср., например, *чөкмәк* 'опускаться', 'оседать'; 'приседать' с отсутствующим значением «опускаться на колени». Как выяснится дальше, в данном глаголе произошел процесс обобщения значения, в результате которого из семантической структуры глагола выпало значение внутреннего обстоятельства. Исчезли древнейшие значения также в глаголах *чәкмәк* и *сезмәк*. В первом исчезло значение «тянуть», но сохранилось «втянуть», «тянуться», а также большое число вторичных и дальнейших значений. Во втором глаголе исчезло более древнее

значение «чувствовать» и остались значения «понять», «догадаться», «почуять». Все эти примеры, демонстрируя некоторые отступления от древнейших значений коренных глаголов, могут служить вместе с тем иллюстрацией необычайной стойкости древнейших значений коренных глаголов: среди свыше двухсот первообразных глаголов оказалось не более пяти случаев, т. е. примерно 2%, отступлений от древнейших значений.

Подытоживая все сказанное об источниках значения производного глагола на *-ла-*, можно пока констатировать, что вещественные значения глаголов с аффиксом *-ла-* обусловливаются значениями их именных основ как в отношении состава, так и качества глагольных значений. Обратимся к структуре глагольного значения.

Как известно, проблема семантической структуры слова имеет довольно продолжительную историю, в которой наряду с заблуждениями, ошибками и неудачами были и блестящие достижения русских лингвистов, в первую очередь А. А. Потебни и акад. М. М. Покровского.

«По отношению к слову, — писал А. А. Потебня, — возможны два вопроса: что оно значит и как (каким образом) значит? Ответом на второй вопрос служит указание на значение предшествующего слова и на отношение этого значения к новому» [12]. В применении к производному глаголу это означает, что анализ семантического строения глагола, поскольку он образуется от имени, сводится к вопросу о том, как в значении производного глагола предстает значение именной основы. Ответ на этот вопрос как будто нам известен из предшествующего: именная основа может быть орудием, средством, материалом, результатом и т. д. по отношению к процессу, обозначенному в глаголе. Однако это касается отношения между значениями двух слов — именной основы и производного глагола, тогда как в рассматриваемом случае речь идет о семантической структуре одного слова — производного глагола. Для выяснения поставленного вопроса можно обратиться к описанным выше группам глаголов с показателем *-ла-* и проанализировать представленные в них значения. Разбирая последние, а также значения других глаголов на *-ла-*, опущенных в перечнях, мы отмечаем следующие четыре случая или типа семантического строения производного глагола в связи со значением именной основы:

1) значение именной основы, выражающей название процесса или его признак, отчасти название результата и направление процесса, предстает в производном глаголе в грамматически преобразованном виде — как глагол;

---

[12] А. А. Потебня, *Из записок по теории словесности*, Харьков, 1905, стр. 17.

2) значение именной основы сливается со значением основной функции, прямо или косвенно связанной с предметом (явлением), названным в именной основе;

3) значение именной основы сохраняется и входит в семантику производного глагола с теми же значениями орудия, средства, материала, предмета действия и т. д. Собственное значение производного глагола выражает один из типичных процессов, осуществляемых с участием предмета или, наоборот, процессов, приводящих к образованию явления (предмета), обозначенного в основе;

4) значение основы исчезает в производном глаголе, при этом: а) глагол теряет свой «внутренний объект» или «внутреннее обстоятельство» и семантически обобщается; б) глагол метафоризуется.

Разберем все эти случаи семантической структуры производного глагола на примерах.

Первый тип не требует анализа, так как он достаточно был разъяснен при освещении вопроса об источниках значения в глаголах с аффиксом *-ла-*.

Второй семантический тип охватывает такие глаголы, как *ағыламаг* 'отравлять' — от существительного *ағы* 'яд', *аддымламаг* 'зашагать', 'вымерять, измерять шагами', 'широко шагать', 'идти крупным шагом'—от существительного *аддым* 'шаг', *бурғуламаг* 'буравить', 'сверлить' — от существительного *бурғу* 'бурав', 'сверло', 'бур' и др. Едва ли было бы правильно значения производных глаголов представлять соответственно как: «давать яд», «ходить шагами», «проделывать отверстие сверлом», потому что «давать яд» составляет частный случай действия «отравлять» (осуществить отравление можно различными действиями, в том числе и «дать яд»), и первым нельзя заменить второе; «шагать» не тождественно «ходить», так как первое составляет разновидность второго (ср. «семенить», «ковылять», также представляющие собой частную разновидность действия «ходить»); в глаголе «сверлить» или «буравить» важно его значение винтообразного и поступательного движения, а не то, что этим действием производится отверстие. Сделанные разъяснения на русских переводах азербайджанских глаголов полностью применимы и к последним, так как семасиологические отношения между ними и их синонимическими описательными обозначениями в принципе те же, что и в их русских переводах.

На основании изложенного можно считать, что в приведенных и аналогичных им глаголах значение именной основы сливается со значением типичной функции, прямо или косвенно связанной с предметом (явлением), названным в именной основе.

Третий тип семантического строения производного глагола охватывает наибольшее число глаголов с аффиксом *-ла-*. Его ос-

новное отличие от предыдущих типов состоит в том, что в значении производного глагола одновременно сосуществуют представления о процессе и о предмете (явлении), с которым процесс связан. Сравним следующий ряд глаголов: *гамчыламаг* 'хлестать, бить кнутом', 'бичевать' — от существительного *гамчы* 'кнут', 'плеть', 'хлыст', 'нагайка', 'бич'; *гырманчламаг* 'стегать, хлестать, сечь кнутом, хлыстом' — от существительного *гырманч* 'кнут', 'хлыст'; *шаллагламаг* 'бить плетью, хлыстом', 'хлестать' — от существительного *шаллаг* 'плеть', 'хлыст'; *тохмагламаг* 'бить колотушкой' — от существительного *тохмаг* 'колотушка', 'деревянный молоток'; *чубугламаг* 'бить, сечь прутиком, хворостиной, розгами', — от существительного *чубуг* 'прут', 'прутик', 'тонкая палочка', 'хворостина', 'розга'; *шапалагламаг* 'давать пощечины', 'шлепать' — от существительного *шапалаг* 'пощечина', 'оплеуха'; *шиллəлəмəк* 'дать пощечину' — от существительного *шиллə* 'пощечина', 'оплеуха'; *jумругламаг* 'бить, лупить кулаками' — от существительного *jумруг* (из *jумуруг* < *jум-ур-уг* — отглагольное существительное от *jум-* 'сжимать пальцы в кулак') 'кулак'; 'удар кулаком'; *дизлəмəк* 'ударять коленом' — от существительного *диз* 'колено'. Все перечисленные глаголы объединяются общим для них значением «бить» — азерб. *вурмаг*. Большинство этих глаголов можно было бы заменить аналитическими образованиями, состоящими из обобщающего глагола *вурмаг* 'бить' и именных основ перечисленных глаголов, т. е. *гамчыламаг* заменить через *гамчы вурмаг, шиллəлəмəк* через *шиллə вурмаг* и т. д. При такой замене лексические, вещественные значения глаголов с аффиксом *-ла-* не подверглись бы никаким изменениям, однако смысловое строение их значений, скрытое за формой единого слова, выступило бы яснее. Оказалось бы, что все глаголы, перестроенные аналитическим способом, образованы слиянием двух значений — глагольного значения «бить», «ударять» и именного значения «таким-то предметом» или «таким-то способом» (плеткой, кулаком, плетью, нанесением пощечины и т. д.), каждое из которых выражено отдельным словом — в виде «имя + глагол». То, что дано в аналитическом глаголе «имя + *вурмаг*» как лексическое сочетание двух слов, в синтетическом глаголе с показателем *-ла-* дано в виде сочетания двух представлений: «бить» и «таким-то предметом» или «таким-то образом». В этом и состоит смысловое строение глаголов описываемого типа.

Принципиально такую же структуру имеют и глаголы с общим значением «запирать», «замыкать», а именно: *гыфылламаг* 'запирать на замок', 'замыкать' — от существительного *гыфыл* 'замок'; *ишкиллəмəк* 'запирать на крючок' — от существительного *ишкил* 'крючок'; *килидлəмəк* 'запирать на замок' — от существительного *килид* (из греч.) 'замок', 'затвор'; *hалгаламаг*,

'запереть на крючок, петлю' — от существительного *һалга* 'кольцо', 'круг', 'кружок', 'обруч', 'звено (цепи)', 'петля'; *чәнкәлләмәк* 'запирать на крючок', 'надевать крюк' — от существительного *чәнкәл* 'крюк'; 'крючок'; *чәфтәләмәк//чифтәләмәк//чифтәләмәк* 'запирать на задвижку, на крючок' от существительного *чәфтә//чифтә//чифтә* 'задвижка', 'дверной крючок', 'затвор'. Эти глаголы уже нельзя заменить аналитическими образованиями, наподобие приведенных выше. Но можно, выражаясь математически, «подставить» вместо них лексические сочетания с глаголом *бағламаг,* который в числе своих значений имеет также значения «запирать», «замыкать», «закрывать». При такой «подстановке» эти глаголы примут вид: *гыфылла бағламаг* 'запирать на замок', *ишкиллә бағламаг* 'запирать на крючок', *килидлә бағламаг* 'запирать на замок', *һалга илә бағламаг* 'запереть на кольцо' и т. п. с повторением тех же самых значений, но представленных аналитически в виде «конкретное имя + послелог *-ла//-лә* + глагол *бағламаг*». Таким образом, и здесь можно повторить сказанное выше: то, что дано в виде сочетания двух слов с глаголом *бағламаг,* может быть дано в виде сочетания двух представлений — «запирать», «замыкать» и представления «таким-то предметом» — в приведенных производных глаголах с аффиксом *-ла-*.

Опираясь на эти примеры, можно сделать два вывода:

1) глаголы с аффиксом *-ла-* действительно обладают определенной семантической структурой;

2) значение именной основы входит составной частью в значение глагола и точно в том отношении, в каком основа находится к производному глаголу [13]. Если именная основа выступает в значении орудия, предмета, результата действия и т. д., то в семантическую структуру производного глагола именной элемент входит с тем же значением — в приведенных примерах со значением орудия или средства реализации процесса.

Однако в смысловом строении отыменного глагола с аффиксом *-ла-* воспроизводятся и другие значения основы, рассматривавшиеся выше в рубриках 1—8 (стр. 38—50).

Так, например, в глаголах *асфалтламаг* 'асфальтировать', *бетонламаг* 'бетонировать', *пудраламаг* 'пудрить', *лакламаг* 'лакировать', *галајламаг* 'лудить' — от существительного *галај* 'олово', *гатранламаг* 'смолить', 'заливать смолой', 'покрывать дегтем', 'смазывать дегтем' — от существительного *гатран* 'смола', 'деготь', *гызылламаг* 'золотить' — от существительного *гы-*

---

[13] Присутствие именного элемента в составе глагольного значения подметил еще В. Банг (см. W. Bang, *Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen,* 2. Stück: *Über das Verbum al- «nehmen» als Hilfszeitwort,*— SPAW, Jahrgang 1916, Halbband 2, Berlin, 1916, S. 921).

зыл 'золото' и др. значения их строятся по схеме «покрывать» + + «тем-то».

Проанализируем смысловую структуру еще следующих глаголов: 1) *көзләмәк* 'перегорать, превращаясь в раскаленный уголь' — от существительного *көз* 'горячие угольа', 'жар'; *ирнләмәк* 'гноиться' — от существительного *ирин* 'гной'; *сарсагламаг* 'сходить с ума', 'глупеть' — от существительного *сарсаг* 'глупец'; *субајламаг* 'стать холостяком' — от существительного *субај* 'холостяк' и 2) глаголов *мумијаламаг* 'бальзамировать' — от существительного *мумија*; *јумруламаг* 'делать круглым', 'закруглять' — от прилагательного *јумру* 'круглый'.

В каждом из значений приведенных глаголов можно различить две стороны: одна из них заключает в себе представление общего для всех этих глаголов процесса, которое можно обозначить словом «превращаться» (в глаголах *көзләмәк, сарсагламаг, субајламаг*) или «становиться», а другая сторона — конкретизацию общего процесса «превращаться» или «становиться» в виде представления о вещественном результате (названном в именных основах приведенных глаголов). Таким образом, например, значение глагола *көзләмәк* 'перегорать, превращаясь в раскаленный уголь' необходимо представить в виде семантического комплекса, куда входит, с одной стороны, значение «превращаться», с другой,— значение «в раскаленный уголь».

Во второй группе глаголов можно различить общее для всех них значение процесса, приблизительно выражаемое словом «делать», или «превращать», и конкретное для каждого глагола значение имени, которое можно обозначить словами «(делать) то-то или тем-то». Например, значение глагола *јумруламаг* 'делать круглым', 'закруглять' можно представить в виде сложного целого, в котором одна сторона выражает значение «делать», другая — «круглым», «закругленным» и т. п.

Неоднородность глагольных значений описанного здесь типа, внутренняя связь их с категориями орудия, средства, результата процесса и т. д. очевидны и находят свое подтверждение в процессах обобщения глагольных значений рассмотренного типа в четвертом типе семантического строения глагола.

Строго говоря, четвертый тип строения глагольного значения не является обособленной и самостоятельной структурой, независимой от остальных, как, например, первый тип. Он представляет дальнейшее закономерное развитие преимущественно третьего типа. Развитие это протекает в двух направлениях:

1) из семантической структуры производного глагола постепенно исчезает указание на предмет, «видовое» значение глагола перерастает в «родовое», обобщается и получает независимое от именной основы развитие;

2) значение производного глагола получает метафорическое употребление, закрепляется в нем и, порывая связи с давшей ему начало именной основой, развивается дальше независимо от нее. Первый путь развития глагольного значения является более производительным, чем второй.

Оба указанных направления нередко сливаются вместе, и в результате образуется обобщенно-метафорическое значение, т. е. значение, сначала получившее метафорическое применение и затем подвергшееся обобщению или, наоборот, подвергшееся обобщению и затем получившее метафорическое применение.

Обобщение первоначально двусоставного значения может привести к односоставности глагольной семантики, что наблюдается во многих случаях. Однако в других случаях предметное значение в смысловой структуре глагола с течением времени сильно обобщается, но окончательно не исчезает, и благодаря этому глагол сохраняет двучленную семантическую структуру.

Таким образом, при четвертом типе семантической структуры мы имеем дело все с теми же основными типами — первым и третьим, получившимися в результате семантической эволюции. Чтобы отличить их от тех, в которых первый или третий тип является исходным, мы сохраняем в книге термин «четвертый тип семантической структуры глагола».

Сказанное о четвертом типе подтвердим примерами, которые привлекаются как из азербайджанского, так и из других родственных языков, так как описываемые явления и процессы присущи всем тюркским языкам.

Глагол *дашла-//ташла-//таста-* известен во всех огузских и во многих кыпчакских языках. Наиболее старые его значения сохранились в азербайджанском, турецком, киргизском, тувинском и команском. Наиболее новые, уже обобщенные и освободившиеся от предметного элемента значения можно найти в киргизском языке, а также в казахском и в значительно более обогащенном составе значений — в узбекском, татарском, туркменском, кумыкском, хакасском языках. В первой группе языков глагол *дашла-* отражает различные действия, связанные с хозяйственным и бытовым применением камня: «устилать камнями» (азерб.) или «мостить» (тув.), «очищать от камней» (кирг.), «побивать камнями» (азерб., тур., коман.), ср. *tazbile tazlap öldürdiler* 'побили его камнями' (R., CC, 83; KW, 237). Во второй группе языков значение «камень» исчезает, и значения «кидать», «бросать» предстают, так сказать, «очищенными» от конкретизирующего и ограничивающего значения «камень», как в киргизском или казахском. С этого момента обобщенное значение глагола *дашла-//ташла-//таста-* получает собственное развитие и возможность дальнейшего обобщения всех оттенков значений, которые он приобретает в словоупотреблении. Узбекские и та-

тарские, равно как и кумыкские[14], туркменские и хакасские, значения глагола фиксируют результаты указанного процесса. В этих языках мы находим следующие значения глагола *дашла-//ташла-*: «бросать», «отбрасывать», «выбрасывать», «выкидывать», в узбекском и татарском еще «покидать», «оставлять кого-, что-либо».

С точки зрения семантического охвата глагол *дашла-* проходит, таким образом, путь развития от частного к общему[15].

Принципиально таков же путь семантического развития и у глагола *гатламаг* 'складывать', 'сгибать' (азерб.) — от существительного *гат* 'слой', 'складка', 'этаж', обозначающего форму и способ производства действия. Относительно первичное значение этого глагола можно найти в киргизском и хакасском языках; в киргизском языке глагол *катта-* означает «положить слоями», «наслоить» — от существительного *кат* 'пласт', 'ряд', 'слой'; в хакасском рассматриваемый глагол образован при помощи ныне уже непродуктивного аффикса *-а-//-е-* (см. гл. II, стр. 203—230), т. е. в форме *хата-*,— от существительного *хат* 'слой', 'ряд' со значением «наслаивать что-либо», «класть один слой на другой», и так как существительное *хат* имеет и другое, более отвлеченное значение «раз», то от последнего образовалось значение «умножать», в котором еще довольно ясно проглядывает начальное значение «класть один слой на другой» (соотв. «прибавлять данное количество несколько раз»). Переход от значения «накладывать слоями» к «складывать», «сгибать» семантически понятен, хотя для показа того, как это совершается, было бы нужно промежуточное значение, но у нас его нет (промежуточные значения приводятся ниже при других глаголах).

Аналогичный путь обобщения значения прошли также многие другие производные глаголы, из числа которых можно назвать глагол *пәрдәләмәк* 'закрывать занавесом', более обобщенное значение — «занавешивать» и наиболее обобщенные значения — «завешивать» и «завуалировать»; глагол *ләнкәрләмәк* 'накреняться', 'наклоняться в ту или иную сторону' — от существительного *ләнкәр* 'шест, которым балансируют канатные плясуны'. Во втором глаголе значение обобщено в максимальной степени, и распознать исходное значение именной основы трудно. Однако из всех значений существительного *ләнкәр* 'балласт', 'тяжесть', 'якорь' и 'шест, которым балансируют канатные плясуны', более всего соответствует семантике данного глагола («на-

---

[14] Ср. *taš-la* 'брось', 'кинь' (*taš* 'камень'), — N. K. Dmitrijew, *Morfologia della lingua turca dei Cumucchi (Caucaso)*, — «Rivista degli Studi orientali», vol. XV, fasc. 2, Roma, 1934, p. 180(30).

[15] О проблеме развития от частного к общему см., например, E. Benvenist, *Problèmes sémantiques de la reconstruction*, — «World», vol. 10, 1954, № 2—3, August—December, p. 257—259.

клоняться в ту или другую сторону» с указанием к а́ к наклоняться) именно последнее значение существительного *ләнкәр*.

Эти наблюдения необходимо дополнить указаниями на то, к а́ к приблизительно протекает процесс развития глагола от конкретного двусоставного значения к обобщенному двусоставному. Нельзя проиллюстрировать все ступени семантической эволюции производного глагола, так как промежуточные звенья значений часто выпадают, но можно выбрать отдельные глаголы, значения которых дошли, так сказать, до середины своей эволюции или сохранили одно из промежуточных значений на пути своего развития от двусоставного к односоставному значению. Переходное положение значения производного глагола обычно характеризуется тем, что значение предмета в нем обобщается. Этим подготавливается почва для следующей, завершающей ступени семантической эволюции, когда обобщенное значение предмета более уже не может поддерживать первоначальное конкретно-ограниченное значение производного глагола и поглощается общим глагольным значением, составляющим вторую сторону первоначально двусоставного значения производного глагола.

Возникает вопрос о том, какими внутренними ресурсами, способными обеспечить перерастание первоначально конкретного и ограниченного значения в обобщенное, обладает отыменный глагол. Ответ на этот вопрос был дан еще А. А. Потебней:

«Уже при самом возникновении слова между его значением и представлением, т. е. способом, каким обозначено это значение, существует неравенство: в значении всегда заключено больше, чем в представлении» [16].

Примером такого рода семантической эволюции отыменного глагола может служить хакасский глагол *хуста-*, образованный от существительного *хус* 'птица' и означающий «охотиться за птицами» и «охотиться за дичью», где предметный элемент глагольного значения уже обобщен (т. е. не «птица», а «дичь вообще»). Сейчас нельзя сказать, обобщится ли дальше семантика этого глагола, но если подобный процесс будет развиваться, то промежуточным этапом эволюции может явиться второе значение глагола *хуста-*.

Приведем еще примеры. Глагол *сусәр-* в татарском языке, образованный от имени существительного *сус* 'кудель', 'пакля' (так же в чувашском: *сӳс*) при помощи непродуктивного глаголообразующего аффикса *-ар-//-әр-*, означает «распадаться на отдельные волокна» (в чувашском с аффиксом *-лан-: сӳслен-*). В свете сказанного выше следует признать, что перед нами уже в значительной степени обобщенное значение глагола, но что

[16] А. А. Потебня, *Из записок по теории словесности*, стр. 21.

первоначально оно было, очевидно, более ограниченным и означало примерно «становиться паклей» или «становиться паклеобразным» (ср. в чувашском *сӳслен-* 'измочалиться', откуда путем обобщения предметного значения в семантической структуре глагола развилось приведенное значение «распадаться на отдельные волокна»).

Глагол *дала-//тала-*, известный в ряде тюркских языков, этимологически пока не ясен, и потому нет возможности сказать что-либо как о корне, так и о словопроизводном формативе этого глагола, если только он вообще производный [17]. Однако и в данном случае предложенный выше семасиологический анализ можно применить к глаголу *дала-//тала-*, установив его более старые и более новые значения. Глагол *дала-//тала-* и его производные имеют следующие значения в тюркских языках: азерб. *дала-* 'кусаться', 'кусать', 'обжигать (крапивой)', *далаш-* 'ссориться', 'драться'; тат. *тала-* 'искусать (о зверях)', *талаш-* 'грызться (о животных)'; 'ссориться', 'браниться' (так же в куман.: *talaš-*, KW, 232); казах. *тала-* 'искусать', *талас-* 'грызться (о животных)'; 'спорить', 'оспаривать', 'претендовать'; тур. *dalamak* 'впиваться зубами', 'кусать'; 'жечь', 'обжигать (о крапиве)', *dalaşmak* 'грызться', 'ссориться'; Dast. Harami, 92: *dala-* 'кусать (о бешеной собаке)'; хак. *тала-* 'рвать (одежду)' и некоторые другие значения; в узбекском языке исходной формы *тала-* нет,

---

[17] Положение об исконной односложности корней в тюркских языках, составлявшее один из отправных пунктов классической тюркологии, ныне не находит всеобщего признания. Уже В. Банг колебался в вопросе о количестве слогов в тюркском корне, отражая позицию некоторой части тюркологов. Еще решительнее высказался за возможность существования в генезисе не только односложных, но и двусложных корней Г. Рамстедт. В одной из своих итоговых работ Г. Рамстедт писал: «Корни, насколько их можно проследить во всех четырех алтайских языках, были либо односложными, либо двусложными» (G. J. Ramstedt, *Über die Struktur der altaischen Sprachen*, — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. LV, Helsinki, 1951, S. 100).

Поскольку ряд односложных корней одних алтайских языков в других имеет в качестве соответствия двусложные (например, тюрк. *al-* 'получать' — маньчж. *ali*), то «соответственно этому необходимо прежде всего допускать двусложные корни как в глаголах, так и именах, а конечную часть многосложного слова анализировать в виде одного или многих окончаний. Первоначальная форма корня поэтому часто находится под вопросом» (ibid., S. 101). Та же мысль повторяется в другой его работе (см. G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 19).

В своих суждениях об алтайских языках Г. Рамстедт исходил преимущественно из данных монгольских и маньчжурских языков, по отношению к которым тюркские языки рассматривались им в качестве более поздней ступени развития.

В советской тюркологии, как и в значительной части тюркологии зарубежной, по-прежнему господствует мнение об исконной односложности корней, и мы можем присоединиться к словам Ж. Дени, который в своем последнем труде писал: «Мы рассматриваем как нечто вполне усвоенное, что турецкий корень генетически был односложным» [J. Deny, *Principes de grammaire turque («Turk» de Turquie)*, Paris, 1955, p. 93].

фиксируется только *талаш-* 'ссориться', 'браниться', 'препираться'; 'претендовать (взаимно на одну и ту же вещь)', 'оспаривать (друг у друга)'; туркм. *даламак* 'нападать', 'набрасываться (о собаке)'.

Сравнивая между собой все приведенные значения глагола в разных языках, нетрудно выделить среди них почти общее для всех значение «кусать», «искусать», «кусаться», которое в сочетании со значениями туркм. «нападать», «набрасываться», тур. «впиваться зубами» и хак. «рвать (одежду)» позволяет рассматривать глагол *дала-//тала-* в качестве обозначения действия, первоначально относившегося к собаке. Без уточнений из трех последних языков значение глагола *дала-//тала-* следует относить к животным и зверям вообще, поскольку представление об этом еще живо в некоторых языках (ср. татарский) и поддерживается значением взаимной формы этого глагола («грызться») в татарском, казахском, турецком. Вместе с тем взаимный залог рассматриваемого глагола создает переход, благодаря которому осуществляется обобщение значений глагола *дала-//тала-*. В узбекском языке это значение окончательно исчезает, и мы не ощущаем даже его следов в форме взаимного залога с обобщенным значением «ссориться», «браниться», «препираться» (из значения «грызться») и даже «претендовать (взаимно на одну и ту же вещь)», «оспаривать (друг у друга)». Однако все они восходят к древнейшему значению глагола *дала-//тала-*, связанному с собакой. Обобщенное значение данного глагола во взаимной форме, как показывают примеры, наблюдается также в азербайджанском, казахском, турецком. В азербайджанском и турецком языках, кроме того, имеется значение «обжигать (о крапиве)», представляющее собой метафоризацию исходного значения «кусать», «искусать» [18].

Предлагаемый прием семасиологического анализа может быть в некоторых случаях проверен также на неразложимых глаголах для выяснения их более старых значений. Так, изучая значения турецкого глагола *çatmak*, можно прежде всего установить, что они относятся по крайней мере к двум глаголам, как это можно видеть при сравнении *çatmak* с азербайджанским *чатмаг:*

çatmak 1) 'сооружать', 'строить'; 2) 'складывать концом к концу'; 3) 'приметывать на живую нитку'; 4) 'навьючивать (лошадь и пр.)'; 5) 'сталкиваться', 'натыкаться', 'стукаться', 'задевать', 'приставать'; 6) 'пойти ко дну (при столкновении)'; 7) 'войти в милость к кому-либо', 'снискать покровительство'; 8) 'приближаться', 'приставать';

---

[18] Несомненно, этот глагол имеет отношение к слову *дал-дал* 'изодранный в клочья', которое мы находим в киргизском и казахском языках.

чатмаг 1) 'складывать', 'привязывать', 'прикреплять концом к концу', 'ставить в козлы (ружья)', 'навьючивать'; 2) 'дойти', 'добраться', 'доходить', 'доехать', 'прибыть', 'приехать'; 3) 'догнать', 'добиться', 'достигнуть'; 4) 'дожить', 'дождаться'; 5) 'наступать', 'наставать (о времени)'; 6) 'хватать', 'быть достаточным'; 7) 'достаться', 'причитаться'. Значения 1, 2 и 3 турецкого глагола принадлежат одному глаголу, значение 8 (в азербайджанском — значения 2—7) — другому, представляющему собой фонетическую модификацию глагола *yetmek~jетмәк* с аналогичными значениями: 1) 'хватать', 'быть достаточным'; 2) 'достигать', 'доходить'.

Среди значений первого глагола выделяются два основных: «складывать концом к концу», общее для турецкого и азербайджанского языков, и «сооружать», принадлежащее турецкому.

Для того чтобы теоретически восстановить ход развития турецкого значения «сооружать», необходимо установить именную часть двусоставного значения, сохранившуюся в каком-либо производном слове от глагола *чатмаг*. Таким словом может быть общетюркское *чадыр//чодир//шатыр* 'шатер', 'палатка' [19], образованное на основе значения «складывать», «привязывать», «прикреплять концом к концу» глагола *чат-*, сохранившегося не во всех тюркских языках, но к которому восходят, кроме *чадыр*, еще тур. *çatı* 'крыша', 'кровля'; 'гребень кровли'; 'стропило', 'навес', азерб., тур. *çatal* (с аффиксом *-л* типа азерб. *сығал* 'поглаживание', 'приглаживание'; 'лоск', 'полировка' — от глагола *сығмаг* 'делать массаж', 'массировать' или алт. *јыргал* 'веселье', 'ликование' — от глагола *јырга-* 'ликовать', 'наслаждаться', 'веселиться', 'торжествовать',— Грам. алт. яз., 181) со значением «раздвоенная, вилообразная ветвь», «вилообразное разветвление», «шест с разветвлением для подпорки», «сросток», кирг. *чат* 'место соединения ног (с внутренней стороны)'; 'шаг', тат. *чат* 'перекресток', 'место пересечения двух дорог, улиц'; 'развилка', 'развилина', казах. *шат* 'спайка тазовых костей', тув. *чадык-* 'срастаться (о костях при переломе)'. Все эти значения, поддерживающие связь *чадыр* с *чат-*, позволяют нам восстановить в глаголе *çat-, чат-* значение «делать, сооружать шатер», откуда с отпадением ограничивающего значения «шатер» развилось в турецком обобщенное значение «сооружать», «строить».

Применяемый прием семасиологического анализа позволяет более уверенно намечать контуры семантического развития производных глаголов, особенно если имеются данные о его именной основе. И так как очерченные выше особенности семантиче-

---

[19] Если только *чадыр* не восходит к персидскому *чатр* (<общеиндоевр. **чаттра-*), как это считал акад. Ф. Е. Корш (см. Ф. Е. Корш, *По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве»*, — «Известия ОРЯС», т. XI, кн. 1, СПб., 1906, стр. 265).

ского строения, направления и способа развития производного глагола прослеживаются и в других глаголообразующих формах, в числе их и непродуктивных, то описанным здесь приемом можно пользоваться для историко-семасиологических исследований в области тюркского словаря наряду с другими приемами, которых, к сожалению, пока еще крайне мало.

Из приведенного описания следует, что необходимым, а во многих случаях и обязательным, условием плодотворного применения этого способа является максимально полное использование материалов по тюркским языкам.

Поиски и находки в области лексико-семасиологических разысканий полезно подтвердить конкретной историей изучаемого языка и сравнительными данными других тюркских языков. Даже при методологически правильном подходе к реконструкции выпавшей из языка именной основы производного глагола в частных случаях возможны неточности и даже ошибки, хотя бы потому, что именная основа может иметь до восьми типовых значений, разобранных в начале данной главы.

К приводившимся примерам семасиологического анализа присоединим следующие дополнительные иллюстрации.

Глагол *салламаг* 'опускать вниз', 'спускать' не ясен в отношении своей именной основы. То, что аффикс этого глагола может иметь лишь форму *-ла-*, легко устанавливается его фонетическим анализом (невозможны как основа *салл*, так и аффикс *-лла-*). Предположительная именная основа данного глагола *сал* известна в большинстве тюркских языков со значением «плот», а также «сплав леса» (кирг., казах.). От нее образованы глаголы тув. *салда-* со значениями «плавать на плоту»; «плавать на поверхности воды», из которых второе является обобщением первого, и тат. *салла-* со значением «плотить», «связать, сплотить плот». В тувинском имеется также от глагола *салда-* именное образование с аффиксом *-м* — *салдам* 'место с медленным течением (на реке)', которое позволяет восстановить в глаголе *салда-* еще оттенок значения «медленно плыть (по реке)». Сопоставление всех этих значений дает возможность наметить схему двух линий развития семантики глагола *салла-*: 1) от основы *сал* 'плот' — глагол *салла-* 'сплотить плот', 'плотить'; 2) от основы *сал* 'сплав леса' — глагол *салла-* 'плавать на плоту'; 'плавать на поверхности воды' и 'медленно плыть (по реке)', а в качестве промежуточного значения — «плыть вниз (по реке)», с которым можно связать азербайджанские «спускать», «опускать вниз».

Глагол *бәлләмәк* 'наметить', 'определить' также неясен в отношении своей именной основы, которая в данном случае должна быть * *бәл*, ибо иной основы по фонетическим законам в данном глаголе выделить нельзя (невозможно ни *бә-ллә-*, ни

бəлл-ə-). От предполагаемого корня-основы **бəл* в азербайджанском языке образовано прилагательное *бəлли,* имеющее два значения, из коих первое означает «имеющий отличительный знак, признак», например: *мəним ағаҗым бəллидир* 'моя трость имеет отличительный знак', второе же представляет обобщение первого и означает, как в турецком и некоторых других языках, «явный», «ясный», «определенный», «очевидный». Присоединяя к этому производному слову казах. *белде-* 'целиться', 'прицеливаться' и сопоставляя его с азербайджанским *бəллə-* 'наметить', 'определить', мы намечаем схему семантического развития глагола *бəллə-//белде-:* от именной основы *бəл//бел* со значением *«знак», «мишень» глагол *бəллə-//белде-* со значением *«метить», «целиться в знак, мишень», далее казах. «целиться», азерб. «наметить» и более далекое «определить» [20].

Глагол *тулламаг* 'бросать', 'отбрасывать', 'выбрасывать', 'метать', 'кидать', 'швырять' должен иметь именную основу, которая по фонетическим признакам предположительно выделяется в виде *тул.* Звуковой комплекс *тул* в значении, соответствующем семантике глагола *тулла-*, в большинстве тюркских языков также отсутствует. В казахском языке имеется глагол *тула-* 'встать на дыбы, чтобы сбросить седока (с лошади)', в хакасском — глагол *тулға-* 'брыкаться', 'становиться на дыбы', 'взвиваться', 'нести (о лошади)', *метаф.* 'биться (например, о рыбе)'. Сопоставление всех трех глаголов помогает выяснить сразу несколько вопросов.

1. Казахский и хакасский глаголы являются производными, так как они оба имеют объединяющее значение «становиться на дыбы», общий элемент *тул* и различающиеся элементы *-а-* и *-га-*, известные в тюркских языках в качестве параллельных и уже непродуктивных аффиксов отыменного глаголообразования.

2. Элемент *тул* действительно является реальной основой глагола и притом именной основой, поскольку сопоставляемые глаголы имеют в качестве общего элемента основу *тул* и в качестве дифференциальных элементов — аффиксы *-ла-, -а-* и *-га-*, образующие глаголы от имен.

---

[20] Едва ли можно корень *бəл||бел* рассматривать в качестве монгольского заимствования, которому в тюркских языках будто бы соответствует глагол *бил-* (см. St. Mladenov, *Vestiges de la langue des protobulgares touraniens d'Asparuch en bulgare moderne,* — «Revue des études slaves», t. I, fasc. 1—2, Paris, 1921, p. 46, 47). Не исключая возможности общего происхождения обоих корней на тюркской же почве, нельзя, однако, оставлять без внимания то обстоятельство, что исторически корень *бел* известен в качестве имени или глагольно-именного омонима, давшего начало ряду производных именных и глагольных основ *(белги, белли, белир-, белле-* и др.), что, между прочим, ослабляет версию о его монгольском происхождении, тогда как корень *бил-* повсюду отмечается лишь в глагольном значении.

3. В казахском и хакасском языках значение основы *тул* относится к действию лошади — «становиться на дыбы».

В свете этих выводов азербайджанские значения глагола *тулламаг* законно рассматривать как обобщения значений «брыкаться», «становиться на дыбы, чтобы сбросить седока». Значения глаголов в процессе обобщения освобождаются от конкретных ограничений: 1) от глагольного значения отпадает представление о том, кем конкретно совершается данное действие (в нашем примере — лошадью); 2) обобщается одна какая-либо сторона конкретного действия (здесь — «сбрасывать седока»), которое составляет лишь элемент единого действия «встать на дыбы, чтобы сбросить седока». При разной семантической структуре производного глагола момент обобщения значения одной из сторон или составных частей конкретного процесса имеет важное значение.

Обобщение значения более или менее улавливается при сравнении отвлеченных значений глагола *дашла-//ташла-* 'бросать', 'отбрасывать', 'выбрасывать', 'выкидывать', при анализе значения глагола *ләнкәрләмәк* 'накреняться', 'наклоняться (в ту или иную сторону)' и в других глаголах. Исходя из того, что производные глаголы на *-ла-* часто развиваются от двусоставного значения к односоставному, можно объяснить разнообразие отвлеченных значений глагола *дашла-//ташла-* обобщением разных моментов исходного конкретного действия «побивать камнями» или «бросать камни в кого-либо»: в первом значении («бросать») обобщился момент бросания вообще, во втором значении («отбрасывать») — направленность этого действия, в третьем значении («выбрасывать», «выкидывать») — элемент намерения, которое едва ли может быть связано с исходным действием «побивать камнями» или «бросать камни». Оно скорее предполагает в качестве начального значение «очищать от камней», известное в киргизском языке, откуда появилось «выбрасывать камни» и далее — обобщенное значение «выбрасывать», «выкидывать». Имеющееся в узбекском языке значение глагола *ташла-* 'бросаться', 'прыгать' (например, с парашютом), которое обычно приводится в одной словарной статье с указанными и аналогичными значениями, едва ли произведено от основы *даш//таш* 'камень', скорее оно восходит к существительному *тош‖тыш* 'наружная сторона', 'внешность', и, следовательно, здесь мы имеем два омонимичных глагола *ташла-*$_1$ и *ташла-*$_2$.

Что касается глагола *ләнкәрләмәк*, то из его предполагаемого исходного значения *«ходить, накренясь в ту или другую сторону» обобщилось значение формы, способа хождения, само же значение «хождение» не стало объектом семантической эволюции.

Процесс обобщения глагольного значения для всех тюркских языков остается единым.

Обратимся ко второму направлению семантического развития производного глагола на *-ла-*, к его метафоризации, понимая под этим термином как употребление производного глагола в переносном значении, так и закрепление за ним переносного значения при отпадении исходного, основного значения. Как уже отмечалось раньше, путь метафоризации производного глагола является менее продуктивным, чем путь обобщения значения. Объясняется это тем, что подавляющая часть форм с постоянным метафорическим значением образовалась на базе семантически сращенных глагольных выражений, во многих случаях превратившихся в идиомы и вошедших во фразеологический арсенал тюркских языков. К тому же отдельные глаголы, имеющие метафорическое применение или значение, употребляются большей частью с определенными словами или в определенных контекстах, чем заранее создаются предпосылки для развития на их основе различных фразеологических единств.

Примерами метафорического значения производных глаголов на *-ла-* могут быть уже частично приводившиеся *бурунламаг* 'относиться, принимать недружелюбно', *јастыгламаг* 'подкладывать подушку', 'убаюкивать', 'обманывать', *гулагламаг* 'крепко держать, не выпускать из рук' — при основном значении «хватать за ухо», *hеҹаламаг* 'твердить одно и то же'— при основном значении «складывать звуки», «читать по слогам». В первом глаголе метафорическое значение основное, в остальных — метафорические значения являются дополнительными. Метафорические значения можно обнаружить в составе значений и других глаголов азербайджанского языка, как, например, в упоминавшемся глаголе *hалгаламаг* 'запирать (на крючок, петлю)', в котором имеется уже не осознаваемое в качестве метафорического значение «окружать», «осаждать», «обступать». Происхождение этого значения можно считать метафорическим, но нельзя вместе с тем отвергать возможность развития его из метафорического употребления самой именной основы *hалга*, которая в составном глаголе *hалга вурмаг* 'собираться в круг', 'образовывать круг' обнаруживает переносное, а возможно и сильно обобщенное значение «круг» из первоначального «кольцо», «петля».

Метафорическими по происхождению представляются также в глаголе *гараламаг* значения «грязнить», «пачкать», «замарать» рядом с прямыми значениями «чернить», «зачернить».

Приведенные примеры иллюстрируют типичные случаи метафорических значений глаголов, которые сводятся к следующим:

1) метафорическое применение прямых значений производного глагола;

2) закрепление метафорического значения на правах прямого в ряду остальных значений глагола;

3) фиксация в производном глаголе метафорического значения в качестве основного и прямого, которое возможно либо в результате образования производного глагола от метафорического значения именной основы, либо образного представления действия с момента образования производного глагола (как в глаголе *бурунламаг*).

Метафорическое значение слова, в частности производного глагола, является в тюркологии, быть может, труднейшей проблемой семасиологии. Оно нуждается в систематических и детальных наблюдениях, привлечении всего материала, относящегося к фразеологическим единицам тюркских языков, очевидно, даже в обращении к эстетике и психологии, поскольку неизбежным объектом при изучении метафорического значения становится образ, в рамках которого метафорическое значение употребляется. В настоящее время пока нет возможности оперировать какими-либо установленными положениями, относящимися к метафоризации значений, и тем более — закономерностями в этой области [21].

Обратимся к типам значений аффикса *-ла-*.

Если не считать попутных замечаний в отдельных грамматиках тюркских языков относительно того, что производные глаголы с аффиксом *-ла-* означают действия переходные и непереходные, или средние [22], в научных работах, посвященных тюркским языкам, нельзя найти специальных указаний о значениях этого аффикса. Исключение составляют некоторые старые работы, как, например, грамматика Джемса Редгауза, отмечавшего у аффикса *-ла-* значение «снабжать» и «делать» [23], и отдельные современные работы, из числа которых можно назвать грамматику проф. Ж. Дени, где указано частное значение аффикса *-ла-* — «считать за», «рассматривать в качестве» [24], и небольшую грамматику турецкого языка Ю. Немета, в которой выделено три значения аффикса *-ла-*: «делать каким-либо», «снабжать

---

[21] Приходится также пока оставлять открытым и весьма важный вопрос о том, являются ли вторичные и метафорические значения в общетюркских глаголах также общими или здесь наблюдается индивидуальное своеобразие каждого языка, обусловленное его историей.

[22] Эту особенность глаголов на *-ла-* отметил еще М. А. Казем-Бек (см. М. А. Казем-Бек, *Общая грамматика турецко-татарского языка*, изд. 2, Казань, 1846, стр. 172—173).

[23] J. W. Redhouse, *Grammaire raisonnée de la langue Ottomane*, Paris, 1846, p. 185.

[24] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, p. 529. — В своем последнем труде Ж. Дени ставит под сомнение возможность возведения к образованиям на *-ла-* многих разрядов глаголов с этим аффиксом (J. Deny, *Principes de grammaire turque*, § 139, 142).

чем-либо», «действовать, орудовать чем-либо» [25]. Среди старых работ по тюркским языкам лучше всего даны значения аффикса *-ла-* в «Грамматике алтайского языка» [26]. Составители этой грамматики, говоря о глаголах на *-ла-*, указывают, что «такие глаголы (имеющие, кажется, некоторую связь с производным именем на *-лу, -ду, -ту,* § 22) означают: производить качество или предмет, который выражается коренным словом, иногда — принимать это качество; добывать, быть в известном месте или в известное время; наполниться чем и другие; некоторые, впрочем, выражают и иные действия или состояния в отношении к коренному понятию...».

Все значения, указанные в грамматике, можно найти как в современном азербайджанском, так и в других тюркских языках [27].

Первая по времени наиболее обстоятельная и углубленная разработка вопроса о фонетических модификациях и значениях аффикса *-ла-* была дана А. Г. Гулямовым в его статье «Об аффиксе *-ла-* в узбекском языке» [28]. Оставляя в стороне некоторые дискуссионные моменты в формальных сопоставлениях автора, следует отметить большое количество (около двадцати) конкретных значений глаголов на *-ла-*, которые находит в узбекском языке А. Г. Гулямов.

Несколько меньшее число значений глаголов на *-ла-* и с иной классификацией имеется у Н. А. Баскакова в его исследовании о словообразовании и частях речи в каракалпакском языке [29]. Н. А. Баскаков распределяет глаголы, с одной стороны, по их конкретным групповым значениям, с другой — по частям речи, от которых они образованы, к чему прибегают и другие авторы.

Последней из работ, где специально разбирается вопрос о глаголообразовании, в частности аффикс *-ла-*, является исследо-

---

[25] J. Németh, *Türkische Grammatik*, Berlin—Leipzig, 1917, S. 94.

[26] «Грамматика алтайского языка», составлена членами алтайской миссии, Казань, 1869.

[27] Особую позицию в вопросе о значениях аффикса *-ла-* занимает проф. Бесим Аталай, который вообще отказывается признать за этим аффиксом определенные значения. Бесим Аталай пишет: «Следует хорошо помнить, что для функций и значений аффикса *-ла-||-ле-* нет строгих критериев, неизменного правила... Семантические различия между глаголами, образованными при помощи данного аффикса, можно узнать, лишь если их услышать. Точно так же слуховым путем выясняется, с какого типа словами он (аффикс. — *Э. С.*) соединяется» (B. Atalay, *Turkçede kelime yapma yolları*, Istanbul, 1946, s. 125, 126).

[28] См. «Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института», 1947, вып. 1. См. также: А. Ғ. Ғуломов, *Фе'л (Ҳозирги замон ўзбек тили курсидан материаллар)*, Тошкент, 1954, б. 69, 70.

[29] Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, — т. II, *Фонетика и морфология*, ч. 1, М., 1952, стр. 313—318.

вание[30] и статья[31] Л. Н. Харитонова, который уделяет большое внимание также значениям глаголов на *-ла-* и распределяет глаголы на *-ла-* по их принадлежности к определенным частям речи[32]. Внутри одной из таких групп, охватывающей глаголы с субстантивными основами, Л. Н. Харитонов распределяет глаголы на *-ла-* по значениям, которых он насчитывает до четырнадцати.

Отвлекаясь от более конкретных значений, обусловленных групповыми (не единичными!) значениями основ, можно все глаголы на *-ла-* объединить в следующие более крупные группы:

1) глаголы, означающие активные, конкретные, в числе их многие производительные, действия, направленные или распространяющиеся на предметы;

2) глаголы со значением действий, сообщающих предмету какое-либо состояние, признак, свойство, форму, вид, строение;

3) глаголы, означающие самопроизвольный переход в другое состояние, вид, форму, строение, процесс, в том числе движение, а также появление в предмете нового признака, формы, свойства или предмета.

К первой группе значений относятся глаголы, рассматривавшиеся в начале рубрик 1а, частично 2, 3, 4, 5 и 6 (см. стр. 38—49), в которых именные основы глагола означают орудие (средство, материал), результат, предмет, название, форму (образ, вид, строение) и место действия, например глаголы типа: *буховламаг* 'приковать цепью', 'заковать в кандалы'— от *бухов* 'цепи'; *бизләмәк* 'колоть шилом'— от *биз* 'шило'; *дишләмәк* 'кусать'— от *диш* 'зубы'; *кәркиләмәк* 'обработать теслом, мотыгой'— от *кәрки* 'тесло', 'мотыга'; *мыхламаг-* 'гвоздить', 'прибивать', 'забивать, заколачивать гвоздями' — от *мых* 'гвоздь'; *сабунламаг* 'мылить'— от *сабун* 'мыло'; *чилдләмәк* 'переплетать'— от *чилд*

---

[30] Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке*, М.—Л., 1954, стр. 91—121.

[31] Л. Н. Харитонов, *Значение глаголов с аффиксом -лаа*, — «Якутский филиал АН СССР, Доклады на третьей научной сессии», вып. 1, «История и филология», Якутск, 1953, стр. 7—20.

[32] По частям речи распределены иллюстрации Г. Рамстедта в одной из его работ (G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. XXVIII, Helsinki, 1912, § 99, 100). Не совсем понятно распределение глаголов на *-ла-* у А. Дж. Эмре. Он также делит эти глаголы по основам, но в самом перечне основ отсутствует ясный принцип деления. Глаголы на *-ла-*, согласно А. Дж. Эмре, образуются от слов, означающих подражание, орудие, материал, детенышей, прилагательные, числительные [A. C. Emre, *Türk dilbilgisi (Türkçenin bugünkü ve geçmişteki gelişmeleri üzerine gramer denemesi)*, Istanbul, 1945, s. 123—128]. Ясно, что объединение в одном классификационном перечне всех этих значений невозможно, поскольку не выяснено, что их объединяет.

По частям речи рассматриваются также глаголы в работе А. Хасеновой, «Қазақ гіліндегі *-ла-/-ле-* аффиксті туынды түбір етістіктер» (Алматы, 1957).

'переплет'; *парчаламаг* 'рвать', 'разрывать', 'дробить', 'ломать на части', 'кромсать' — от *парча* 'кусок', 'обломок', 'отрывок', 'отрезок', 'осколок'; *јарыламаг* 'достигнуть половины чего-нибудь', 'дойти до половины чего-нибудь'— от *јары* 'половина'; *чәпәрләмәк* 'огородить', 'загородить', 'перегородить', 'отгородить'— от *чәпәр* 'забор', 'тын', 'частокол', 'плетень', 'живая изгородь'; *назламаг* 'ласкать', 'баловать' — от *наз* 'нега', 'кокетство', 'жеманство'; *саламламаг* 'приветствовать', 'салютовать'— от *салам* 'слово приветствия', 'привет'; *чеврәләмәк* 'обводить', 'заключать в круг' — от *чеврә* 'круг'; *араламаг* 'раздвигать', 'разъединять', 'отодвигать', 'разнимать' — от *ара* 'промежуток'; *архаламаг* 'сгонять стадо на место отдыха'— от *архаҹ* 'место отдыха скота в поле'; *габагламаг* 'опережать', 'предупреждать' — от *габаг* 'передняя сторона', 'перед', 'впереди'; *далдаламаг* 'укрывать', 'припрятать', 'прикрывать', 'заслонять', 'скрывать за собой' — от *далда* 'укромное место', 'скрытое, уединенное или защищенное место'; *јолламаг* 'посылать', 'отправлять'— от *јол* 'путь', 'дорога'; *чибләмәк* 'прикарманивать'— от *чиб* 'карман' и т. п.

Ко второй группе значений относятся глаголы тех же рубрик, за исключением первой. Примеры: *гумламаг* 'покрывать песком'— от *гум* 'песок'; *палчыгламаг* 'мазать, замазывать глиной' — от *палчыг* 'грязь из глины', 'разведенная глина', а также все глаголы рубрики 2 со значением «покрывать что-нибудь», «наносить что-нибудь на что-либо» (*бетонламаг, мазутламаг, пудраламаг, замазкаламаг* и т. д.), рассмотренные в начале главы и составляющие 15% от общего числа глаголов на *-ла-*. Ко второй группе относятся также глаголы *чызыгламаг* 'проводить линию', 'линовать'— от *чызыг* 'линия', 'черта'; *тәмизләмәк* 'чистить', 'вычищать', 'очищать'— от *тәмиз* 'чистый'; *гатарламаг* 'строить вереницей' — от *гатар* 'состав', 'поезд', 'вереница', 'караван'; *симләмәк* 'натягивать струны (на музыкальном инструменте)' — от *сим* 'струна (металлическая)', 'проволока', 'провод'; *лүләләмәк* 'свертывать в трубочку'— от *лүлә* 'трубка', 'полый', 'свернутый в трубку предмет', 'сверток'; *орталамаг* 'делить пополам'; 'обхватить руками у пояса' — от *орта* 'середина', 'средина'; *јумарламаг* 'скатывать', 'катать' — от *јумар* 'круглый' и некоторые другие.

Третью, численно наименьшую, группу образуют глаголы, основы которых относятся к тем же рубрикам, что и рассмотренные первые две группы. Однако в третьей группе нет глаголов из рубрик 1 и 2, составляющих главную массу всех производных глаголов на *-ла-*. Их немного и в остальных рубриках. Преобладающее же большинство рассматриваемой группы образуют глаголы, основы которых входят во вторую и третью рубрики. Из глаголов второй рубрики выделяется группа глаголов со значе-

нием «появление, возникновение у предмета других предметов, в том числе потомства», как, например, *балаламаг* 'выводить детенышей, птенцов, цыплят (преимущественно о птицах)'; 'размножаться', 'плодиться', 'увеличиваться' (в применении не к людям) — от существительного *бала* 'детеныш', 'птенец', 'ребенок', 'малыш'; *бәчәләмәк* 'роиться'; 'давать побег (о растении)'— от *бәчә* 'рой'; 'побег (растения)'; *бузовламаг* 'отелиться'— от существительного *бузов* 'теленок'; *зоғламаг* 'пустить ростки, отростки'—от существительного *зоғ* 'росток', 'побег', 'отросток'; *көпүкләмәк* 'пениться', 'выделяться (о пене)', 'покрываться пеною'— от *көпүк* 'пена'; *күчүкләмәк* 'щениться', 'ощениться'— от существительного *күчүк* 'щенок'; *пөһрәләмәк* 'появиться (о побегах)' 'прорастать'— от существительного *пөһрә* 'побег'; *тәрләмәк* 'потеть'— от *тәр* 'пот'; *тохумламаг* 'семениться', 'наливаться (о растениях)'— от существительного *тохум* 'семя', 'семена'; *үчүгламаг* 'покрываться волдырями, сыпью'; 'обметывать (о губах во время лихорадки)'— от *үчүг* 'волдыри'; 'сыпь на губах (при лихорадке)' и ряд других. Особое значение описываемого разряда глаголов обусловлено специфическим значением их именных основ, означающих предметные результаты. Их групповая семантика обусловлена специфическим характером орудийного значения именной основы.

Другие примеры на третью группу значений: *вәрәмләмәк* 'чахнуть', 'получать туберкулез' — от *вәрәм* 'туберкулез'; *сајыгламаг* 'бредить' — от *сајыг* 'бред'; *отламаг* 'пастись' — от *от* 'трава'; *јејинләмәк* 'идти быстрее', 'прибавлять шагу' — от *јејин* 'быстрый'; *ирәлиләмәк* 'идти, двигаться вперед' и другие значения— от *ирәли* 'вперед', 'передний', 'передовой'; *кериләмәк* 'отступать' и другие значения— от *кери* 'назад', 'обратно', 'обратный'; *јанламаг* 'подходить', 'приближаться', 'подступать'— от *јан* 'бок'; *кәкәләмәк* 'заикаться' — от *кәкә* 'заика' и др.

Рассмотренные три группы значений глаголов на *-ла-* могут быть характеризованы также в их отношении к категории переходности-непереходности, которая имеет решающее значение при оценке процесса глаголообразования в тюркских языках. Глаголы первых двух групп являются переходными, глаголы третьей группы — непереходные. Первые охватывают 87% всех глаголов на *-ла-*, вторые — 13%. Цифры эти отражают основную тенденцию в развитии отыменного глаголообразования в форме *-ла-*: подобно тому как в современном азербайджанском языке существуют продуктивные и непродуктивные глаголообразующие формы, так и в составе значений глаголов на *-ла-* необходимо различать продуктивные и развивающиеся значения и уже непродуктивные или умирающие значения.

Такое дифференцированное рассмотрение значений одного и того же аффикса возможно лишь при условии, что он многозна-

чен, но как раз наиболее употребительные в современном азербайджанском языке продуктивные аффиксы глагольного словообразования, такие, как *-ла-* и *-лан-*, исторически являются полисемантичными.

Мертвым или умирающим является в форме на *-ла-* третье значение — переход в другое состояние, вид, форму, строение, приобретение нового признака, свойства, формы, размножение, образование или появление новых предметов, движение. Остаются продуктивными два значения: 1) действия, которые сообщают предмету или вызывают в нем какое-либо состояние, признак, свойство, форму, вид, строение; 2) активные, большей частью сознательные действия, распространяющиеся на предметы. Иными словами, пассивные значения аффикса *-ла-* отмирают, активные развиваются и становятся господствующими.

Господствующие значения аффикса *-ла-* развиваются на базе именных основ со значением орудия (средства, материала), предмета и формы действия. Остальные продуктивные основы имеют дополнительное значение.

Из этого следует, что наиболее продуктивными являются глаголы, семантическая структура которых двусоставна, т. е. представляет собой сочетание общего глагольного и конкретного именного значений, чем и обеспечивается конкретность преобладающего большинства новообразований в форме на *-ла-* в современном азербайджанском языке. Глаголы более отвлеченного значения, обычные среди древних образований (типа *башла-*, *анла-* и т. п.), в настоящее время почти не воспроизводятся [33].

Активное восприятие значений формы на *-ла-* весьма типично, между прочим, для носителей живого языка, а также для языковедов и является осознанной или неосознанной регистрацией основной тенденции ее развития.

Сказанное выше об отмирающих и развивающихся значениях формы на *-ла-* интересно сравнить с наблюдениями Махмуда Кашгарского. Такое сравнение может пролить некоторый свет на состояние глаголообразования при помощи аффикса *-ла-* в исторические времена [34] и динамику его развития.

---

[33] Эту особенность глаголообразования отмечает А. К. Боровков: «Что касается образования глагольных основ от имен о т в л е ч е н н ы х, то надо заметить, что в массе образование от них глагольных основ с аффиксом *-la, -lə* н е в о з м о ж н о» (А. К. Боровков, *Учебник уйгурского языка*, стр. 83).

[34] О глагольных, в том числе глаголообразующих формах в словаре Махмуда Кашгарского см.: C. Brockelmann, *Mahmūd al-Kāšgharīs Darstellung des türkischen Verbalbaus*, — «Keleti Szemle», t. XVIII, 1—3 szam, Budapest, 1918—1919; С. Муталлибов, *XI аср ёзма ёдгорликларида фе'л категорияси*, Тошкент, 1956. — В исследовании имеются параллели из староузбекского (Навои) и староуйгурского («Кутадгу билиг») языков, привлекаемые автором в связи с поставленной им задачей выяснения исторического положения приводимых Махмудом Кашгарским глагольных форм. Автор приводит, в частности, отмеченные Махмудом Кашгарским значения аффикса *-ла-*.

Махмуд Кашгарский говорит о глаголах на *-ла-*, как и о других формах, в разных местах своего труда, что связано с известным приемом классических арабских грамматик рассматривать формы применительно к количественному составу корневых звуков. Подробнее всего об аффиксе *-ла-* говорится в третьей части «Дивана», в которой отмечены следующие значения (стр. 329, 330):

1. «Во-первых, прибавлением [к имени.—*Э. С.*] لادى образуется глагол, который означает, что в названном глаголе действующее лицо совершает какое-то действие...»

2. «Во-вторых, когда прибавлением لادى к имени образуется глагол, он означает, что имя приписывается тому предмету, который назван [в речи.—*Э. С.*]: *ol erig akıladı* 'он приписал человеку щедрость, счел его щедрым'; *ol anı karıladı* 'он приписал ему старость, счел его старым'».

3. «В- третьих, другие значения не имеются в виду, глагол остается в своем значении, как, например, *ol anı kiçiladı*, которое означает 'он пощекотал его'».

Далее Махмуд Кашгарский приводит дополнительные значения аффикса *-ла-* (стр. 346, 347):

4. «В-третьих, означает „бить по органу (по части тела), о котором говорится", как, например, *ol anı karıniadı*, *ol anı bögürledi*, которые означают „он ударил его по животу, в грудь". Во всех тюркских языках от имен с этим значением образуются глаголы».

5. «В-четвертых, означает, что подлежащее действует на дополнение при помощи орудия, названного в речи: *ol anı kılıçladı* 'он ударил его мечом'».

6. «В-пятых, означает, что упоминаемый в речи предмет отделяется от своей породы: *pamuk urugladı* 'он отделил хлопок от коробочки', *taluladı nengni* 'он выбрал вещь'».

7. «В-шестых, не имеется в виду ни одно из перечисленных мною значений, как, например, *ol manğa at bagışladı* 'он подарил мне лошадь', *teñri meni agırladı* 'бог благословил меня'. После этого... надлежит тебе знать, что не от всякого имени можно образовать глагол, например, от слова *kosık*, означающего „орех", ты не сможешь образовать глагол *kosıkladı*. Опять, подобно этому, ты не сможешь сказать *at konakladı—konak* 'сорт грубого проса'. И вот от одной части указанных тебе имен глаголы образуются, а от другой части не могут образоваться».

В начале «Дивана» отмечается еще одно значение (стр. 91):

8. «Берется название того, что рождается от животного, и с прибавлением частицы لادى образуется глагол; говорится: *ingek buzaguladı*, что означает „корова отелилась"».

Как показывают выдержки, Махмуд Кашгарский не придерживался определенной системы при выделении значений, вследствие чего в его рубриках наряду с общими значениями (как, например, первое значение по нашей нумерации) оказались и особые значения (2 и 8), а также более узкие значения (4) и частные значения (6) — все обусловленные групповыми лексическими значениями именных основ. Однако все описанные Махмудом Кашгарским значения для нас весьма важны, так как они представлялись ему для той эпохи существенными и актуальными. Сравнивая значения формы на *-ла-* в «Диване» с современными, нетрудно установить, что все они имеются и в современных тюркских языках, хотя и не бросаются в глаза при изучении семантики глаголов на *-ла-*. Но гораздо важнее другая особенность значений, отмеченных Махмудом Кашгарским. Все значения, за исключением восьмого, передают активные, сознательные действия, направленные на предмет и грамматически имеющие переходный характер. Интересно, что в конкретном материале «Дивана» можно найти не много глаголов, означающих самопроизвольный переход в другое состояние, вид, форму, строение, процесс, в том числе и движение, что определяет отмирающее значение формы на *-ла-*, значение непереходного действия. Махмуд Кашгарский отметил лишь одно непереходное значение (появление, возникновение у предмета других предметов, в том числе потомства). Это говорит о том, что уже для его эпохи переходность значений глаголов на *-ла-* была ведущей, тогда как непереходность в целом являлась умирающей, почему Махмуд Кашгарский и не заметил в форме на *-ла-* значения перехода предмета в другое состояние, вид, форму и пр.

Не менее важны в наблюдениях Махмуда Кашгарского отмеченные им значения именных основ. Махмуд Кашгарский называет значение орудия и имеет еще в виду значение названия действия, о чем можно судить по его примерам (см. знач. 3 и 7), а также и по указаниям автора о том, что «глагол остается в своем значении» (ср. знач. 3). Но из предыдущего известно, что именные основы в значении орудия наиболее распространены, а в значении названия действия — в меньшей степени.

Наконец, заслуживает внимания и последнее замечание Махмуда Кашгарского о том, что не от всякого имени можно образовать глагол с аффиксом *-ла-*. Следовательно, в большинстве тюркских языков в XI в. аффикс *-ла-* также имел ограниченные словообразовательные возможности.

Можно сказать, что современный якутский язык с его почти неограниченной способностью образования глаголов на *-ла-*[35] должен быть признан в этом отношении архаичным.

---

[35] Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке,* стр. 92.

Приведенные факты из «Дивана» Махмуда Кашгарского показывают, что переходность как ведущая черта глаголообразующей формы *-ла-* берет свое начало из древности, когда начали отмирать непереходные значения данного аффикса.

В свете изложенного в настоящем разделе следует вновь вернуться к вопросу об источниках значения производных глаголов.

Для формирования семантики производного глагола недостаточно лишь одного вещественного значения именной основы, так же как недостаточно и только одной типичной функции предмета, обозначенного в именной основе. Необходимо, чтобы именная основа относилась к производному глаголу как обозначение орудия, результата, объекта и т. д. Одна и та же именная основа в многозначном глаголе находится в разных отношениях к каждому из значений. Например, в глаголе *этэкләмәк* 'хватать за полы', 'собирать в подол', 'раздувать огонь подолом' основа *этэк* 'подол', 'пола' является объектом по отношению к первому значению, местом — ко второму значению, орудием действия по отношению к третьему значению. В глаголе *саманламаг* 'покрывать, настилать саманом', 'кормить саманом, сечкой' именная основа *саман* 'саман', 'мякина', 'сечка (соломы)' является материалом по отношению к первому значению и средством — ко второму.

Таким образом, для глаголообразования важно, какая сторона значения основы дает начало значению производного слова. Это касается всего словообразования в целом. Например, *киши* как название человека в производной форме *кишилик* обусловливает значение «человечество». Но *киши* может употребляться и в качестве единицы для исчисления или расчета, и в таком случае *кишилик*—уже прилагательное со значением «рассчитанный на... человек». Отметим, что разные значения (именно собственные значения основы) являются источником разных производных значений: *киши* 'человек' в противоположность *hejван* 'животное' дает *кишилик* в значении не «человечество», а «человечность» и т. п.

Сказанное о функциональных отношениях между значениями основы и глагола не может вместе с тем разъяснить тех случаев, когда одно и то же отношение в одном и том же глаголе с показателем *-ла-* иногда приводит к расхождению значений в разных языках.

Точно так же, зная основную, важнейшую функцию предмета, обозначенного в основе, и многообразие действий, связанных с ним, нельзя подчас объяснить, почему в одних тюркских языках типичная функция предмета и многообразие его применений нашли свое словесное выражение в конкретном производном глаголе, а в других тюркских языках при тех же условиях аналогичного глагола не образовалось.

Но здесь мы подошли к вопросу о том, при каких условиях создается специальное слово или значение для передачи данного явления и когда в языке употребляется описательный способ. Ответить на этот вопрос, очевидно, помогли бы факты конкретной истории данного языка и народа, без знания которых остается загадочным ряд случаев.

В якутском, например, языке невозможно образовать глаголы на *-ла-* от названий столь привычных орудий действия, как *иинэ* 'иголка', *сүгэ* 'топор', *быһах*, 'нож', *бүргэс* 'шило' [36]. В других же тюркских языках такие глаголы имеются: ср. азерб. *ијнәлә-* 'колоть', 'делать уколы', 'прокалывать иглой', *балтала-* 'рубить топором', 'подрубать', *бычагла-* 'нанести рану ножом', *бизлә* 'колоть шилом'; кирг. *балтала-* 'рубить топором', *бычакта-* 'ударять ножом', 'наносить рану ножом'; тур. *iğnele-* 'прокалывать иглой, булавкой', *baltala-* 'рубить топором', 'подрубать', 'ломать', 'уничтожать', 'сносить', *bıçakla-* 'ударять, ранить ножом'; узб. *болтала-* 'рубить топором', 'подрубать', *пичоқла-* 'ранить', 'наносить ножевую рану'; хак. *пычахта-* 'ударять ножом', 'наносить раны ножом'; казах. *балтала-* 'рубить что-нибудь топором', *пышақта-* 'наносить удары ножом'.

Невозможно сомневаться в жизненной важности топора и производимых им многочисленных операций для всех тюркских народов. И, однако, глагол *балтала-* имеется у южнотюркских народов и отсутствует у якутов.

Трудно отрицать также социальную типичность действия «ударить ножом», обозначение которого можно найти в различных тюркских языках, как показывают приведенные нами примеры, хотя они не могут считаться полными, поскольку привлечены не все тюркские языки. Но в якутском языке нет глагола с указанным значением.

Наоборот, глагол *хаарда-* в якутском, образованный от существительного *хаар* 'снег' и имеющий по крайней мере пять значений: 1) «идти (о снеге)»; 2) «очищать от снега»; 3) «набирать снег»; 4) «подбавлять, подмешивать снег» [37] и 5) «проваливаться в снег» [38],—полностью отсутствует в таких языках, как тувинский, киргизский, казахский, носителям которых понятие «снег» известно. В азербайджанском языке глагол *гарла-* имеет значения: 1) «покрывать снегом»; 2) «идти (о снеге)», хотя в этом языке, как и во многих других, где нет глагола *хаарда//-гарла-*, существует специальный глагол *јағ-* (в других языках *йā-//жаў-//жаў-* и т. д.), обозначающий «выпадение атмосферных осадков». Для тувинского,

[36] Там же, стр. 96.
[37] Там же, стр. 93.
[38] Л. Н. Харитонов, *Значение глаголов с аффиксом -лаа*, стр. 9.

киргизского и казахского языков словари отмечают единственный глагол, связанный с понятием «снег»: *харых-//карык-// қарық-* со значением «быть ослепленным и испытывать боль в глазах от блеска снега».

По-видимому, приходится пока оставлять открытым вопрос о том, когда в языке для передачи явления употребляется специальное слово, когда — специальное значение. Поэтому основное внимание наших лингвистов обращено на выяснение чисто лингвистических моментов глаголообразования от имени.

В этом плане существенным представляется соотношение вещественных значений именной основы и производного глагола. Анализ показал, что вещественное значение именной основы вливается в значение производного глагола не непосредственно, а через систему особых отношений, каждое из которых придает производному глаголу присущий этому отношению тип глагольного значения.

Но и словообразующий глагольный формант *-ла-* не просто превращает имя в глагол, название предмета или его признака в обозначение процесса. Он формирует значение производного глагола согласно одному из типов своих значений (а не по признаку глагольности вообще), совокупность которых и образует значение глагольности у аффикса *-ла-*.

Итак, формирование значений производного глагола представляет двусторонний процесс, исходящий как от именной основы, так и от глаголообразующего форманта.

Из сказанного следует также, что многозначность производного глагола имеет своим источником не только многозначность именной основы, но и многозначность функциональных отношений между значениями именной основы и глагола, кроме того, многозначность глаголообразующего аффикса, т. е. полисемантизм производного глагола, есть результат взаимодействия трех факторов, а не одного.

* *
*

В предшествующем разделе были приведены примеры глагольных образований на *-ла-*, в которых можно легко отделить их именные основы. Таких глаголов преобладающее большинство.

Помимо них, в азербайджанском языке, как и в других тюркских языках, существуют глаголы, принадлежность которых к форме на *-ла-* не вполне достоверна. К подобным глаголам относятся:

үзләмәк ‘выбирать самые крупные, хорошие плоды’. Состав этого глагола неопределенный, так как однокоренное

прилагательное *үзлү* 'цельный (о молоке)', 'приготовленный из цельного молока' семантически трудно связать с глаголом *үзләмәк*. Еще труднее связать с ним другое, омонимичное с первым прилагательное *үзлү* 'развязный', 'нахальный', 'наглый', 'беззастенчивый' — от существительного *үз* 'лицо'; 'верх'; 'уровень', 'поверхность' и т. д.;

шәкләмәк 'навострить уши'—от корня *шәк*;

әйләмәк 'останавливать', 'задерживать', 'удерживать'—от основы *әй* или *әйл*, если только Хоутсма верно читал ايل как *äil*, *äl* (Houtsma, 58), что нам представляется сомнительным.

Более отчетливы по составу следующие глаголы:

јохламаг 'проверять', 'ревизовать', 'подвергать испытанию', 'щупать'. По-видимому, значение глагола в азербайджанском (а также в турецком) языке сильно обобщено, но генетически оно восходит к двусоставному значению, которое еще не утеряно в казахском *жоқта-* 'обнаружить пропажу' с корнем *жоқ* 'пропажа', отсутствующим в казахском, но имеющимся в этом значении в киргизском (ср. казах. *жоқшы* 'ищущий пропажу', где восстанавливается тот же корень **жоқ* 'пропажа'). В остальных тюркских языках глагол *јохла-* (*жокто-*, *йўқла-*, *чокта-* и т. д.), подобно азербайджанскому, также имеет обобщенное значение, а именно «справляться (о комлибо)», «наводить справки», «проверять» (кирг., узб.), «поверять», «делать перекличку»; «справляться», «искать», «обыскивать», «зондировать» (тур.); «замечать отсутствие кого-, чего-либо» (тув.) и т. д.;

шејтанламаг 'доносить на кого-либо', 'шпионить', 'наговаривать'—от существительного *шејтан* 'сатана' и другие недостающие значения, без которых анализ глагола не может считаться законченным;

дығырламаг 'катить', 'выкатить', по-видимому, от подражательного слова *дығыр*;

данламаг 'упрекать', 'выговаривать кому-либо', 'укорять', 'журить', 'бранить', 'корить', 'бросать упрек'—от существительного *дан*, которое мы видим в составе аналитического глагола دان صاتمق 'осуждать', 'порицать' (Буд., I; 550), и другие глаголы.

* *
*

Во «Введении» были изложены некоторые критерии архаичности глаголообразующих форм. Согласно критериям, архаичность определяется не только временем возникновения формы, но и характером ее значений и условиями применения. Все глаголообразующие формы (за исключением новейших, образован-

ных от аффикса *-ла-*) на определенном историческом этапе своего существования могли образовать глаголы как от имен, так и от глаголов. В современных тюркских языках от глаголов образуются обычно лишь залоговые формы, выражающие отношение процесса к его носителю. Аффиксы же глаголообразования, которые рассматриваются нами, при глагольных основах исторически выражали не залоговые отношения (хотя в отдельных случаях могли приобретать и залоговые значения, точно так, как залоговые формы первоначально имели словообразовательное значение), а количественные и модальные характеристики действия. В дальнейшем развитии глагольной системы в тюркских языках эти характеристики стали передаваться аналитически (например, значения интенсивности или учащательности) либо же посредством специальных грамматических форм (как, например, модальное значение желательности).

Аффикс *-ла-* придавал глаголам количественное значение учащательности, которое еще достаточно ощутимо в некоторых из современных тюркских языков, например в узбекском [39].

Учащательное и интенсифицирующее значение формы *-ла-* частично сохранилось и в некоторых глаголах, образованных от имен действия глагольного происхождения с аффиксом *-аг* [40]: азерб. *сүрүкләмәк* 'тащить', 'волочить', 'тянуть'— от глагольного имени *сүрүк* (глагол *сүрү-*); в тур. *sürüklemek (mahkemelerde sürüklemek* 'таскать по судам'); азерб. *сорагламаг* и в более усиленной форме *сораглашмаг* 'расспрашивать', 'разузнавать', 'собирать сведения' — от глагольного имени *сораг* 'расспрос', 'допрос' (глагол *сора-*); *чалагламаг* 'притачивать', 'пришивать', 'прививать (растения)'— от глагольного имени *чалаг* 'прививка', 'приделка', 'кайма', 'нецельный', 'составной', 'надставной' (глагол *чала-*); туркм. *омзакламак* 'напирать плечами', 'проталкиваться', 'энергично продвигаться', 'просовываться' — от теоретического глагольного имени *омзак*, в свою очередь образованного от глагола *омзамак* с глаголообразующим аффиксом *-а-* и именной основой *омуз* 'плечо'; поскольку *омзак* в качестве глагольного имени в туркменском языке не является реальной величиной, то глаголообразующим аффиксом здесь правильнее

---

[39] А. Г. Гулямов, *Об аффиксе -ла- в узбекском языке,* стр. 49. — Об аффиксе *-ла-* при глагольных основах см. также: A. Zajączkowski, *Słownik arabsko-kipczacki z okresu Pan's'twa Mameluckiego (Bulġat al-Muštaq fi luġat at-turk wa-l-gijžaq),* Częs'c' 2, *Verba,* Warszawa, 1954, s. 27, 28.

[40] О глаголах, образованных от имен на *-аг,* см. W. Bang, *Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut,* Dritter Brief.., S. 397. Ж. Дени глаголы от имен на *-аг* выделяет особо в качестве образований с аффиксом *-ekle-(-ikle-),* имеющим «учащательное значение» (J. Deny, *Grammaire de la langue turque,* § 864). Н. П. Дыренкова аффикс *-ғла-||-гле-||хла-||-кле-* называет формой многократного глагола (Н. П. Дыренкова, *Грамматика хакасского языка, Фонетика и морфология,* Абакан, 1948, § 67).

считать *-(ɑ)кла-*; к рассматриваемым образованиям можно отнести также татарское *аксакла-* 'прихрамывать', 'ковылять' при основном глаголе *акса-* 'хромать'.

Поскольку категория учащательности в азербайджанском языке не получила такого развития, как, например, в татарском или ногайском языках, то в ряде случаев учащательно-интенсивные значения стерлись и даже исчезли, и значения глаголов вернулись в исходное состояние (см глагол *чалагламаг*).

Учащательно-интенсивное значение таких глаголов, как *сурукләмәк*, можно было бы связать с учащательным значением самого глагольного имени на *-ɑг*, которое выявляется в выражениях типа *ol barığ bardı*[41] 'он все ходил и ходил', 'он не раз ходил' (M. Kāşgarī, II, 40). Однако подобное значение сохраняется и при других формах глагольных имен, например в глаголе *сурутләмәк* 'волочить', 'тащить волоком', основа которого **сурут* является глагольным именем на *-т*; *дөјәчләмәк* 'поколачивать', 'бить кнутом', 'выравнивать, поколачивая'—от глагольного имени *дөјәч* с показателем *-ч*; в уже приводившемся глаголе *сығалламаг* с учащательным значением «гладить», «поглаживать», «приглаживать», «массировать»—от глагольного имени *сығал-* 'поглаживание', 'приглаживание'. Следовательно, учащательность здесь и в других глаголах выражается самим аффиксом *-ла-*, что показывают и следующие примеры:

Радл., Сл.: *атла-* (с примечанием: «наверно—*атыла*, ср. *atkyla-*», I, 467) 1) 'бросать туда и сюда'; 2) 'прыгать', 'скакать', 'делать прыжки'. У Радлова смешаны здесь два глагола: 1) *ат-* 'бросать'—учащательная форма *атла-* и 2) *атла-* с исходным значением *«прыгать», «скакать, как конь»—от существительного *ат* 'лошадь';

ötlä- 'петь, щебетать' (I, 1273)—от глагола *ött-* 'петь';

уала- (бараб.) 'растирать', 'давить', 'месить' (I, 1592)—от глагола *уа-* 'раздавливать', 'сжимать рукой' (там же);

акла- (со ссылкой на османский) 'перелить из одного сосуда в другой' (I, 113)—от глагола *ак-* 'течь'.

---

[41] Учащательность в примере выражена удвоением глагольной основы *bar-*, что еще яснее проявляется в образованиях типа *boy boylamaq* 'рассказывать', 'прославлять деяния племени, рода' (Rossi, 335), *söy söylemek* 'говорить' (Rossi, 325), *qov qovlamaq* 'клеветать', *quš qušlamaq* 'ловить птиц', 'охотиться на птиц' (Rossi, 348), *čux čula-* 'шуметь' (KW, 77) — от не отмеченного в «Codex Cumanicus» существительного **čux*, другая форма которого *čuv* выделяется в глаголе *čuvla-* 'шуметь' (там же), а также в парном существительном *зий-чув* 'шум', 'гам' (крым.-тат.); *jarγu jar-* 'выносить судебное или административное решение' (KW, 115) — от глагола *jar-* 'решать' (KW, 1014). Ср. также азерб. *ов овламаг* 'охотиться', *су суламаг* 'поливать', *из изләмәк* 'искать следы' и т. д.; крым.-тат. *экин экмек* 'сеять', *оракъ орамакъ* 'жать', *чалгъы чалмакъ* 'играть на музыкальном инструменте' и т. д.

ўркlä- (со ссылкой на уйгурский) 'испугать', 'внушить страх' (I, 1838). Два последних примера интересны тем, что в них аффикс *-ла-* придает обоим глаголам переходное значение. Возможно, *ak* и *ўрк* являются здесь именными основами;

туркм.: *серлемек||сермелемек* 'шарить', 'щупать', 'ощупывать'—от глагола *сермек* близкого значения;

узб.: *саваламоқ* 'стегать', 'бить прутом', 'хлестать', 'бичевать'—от глагола *савамоқ* 'перебивать вату прутьями';

қашламоқ 'почесывать'—от глагола *қашимоқ* 'чесать';

қувламоқ 'гоняться', 'преследовать'; 'изгонять'—от глагола *қувмоқ* 'преследовать'; 'гонять', 'прогонять', 'изгонять';

кирг.: *жаскала-* 'отмахиваться'; 'махать' — от глагола *жаска-* 'замахнуться';

чапчыла- учащательная форма глагола *чапчы-* 'бить передней ногой', 'бить копытом о землю'. Как видно из примера, исходный глагол *чапчы-* является отглагольным образованием (корень **чап-* 'бить') с аффиксом *-чы-*, по-видимому, также с учащательным значением;

тат.: *алдала-* 'обманывать', 'плутовать', 'надувать' — от глагола *алда-* с тем же значением;

хак.: *одала-* 'пропалывать — от глагола *ода-* с тем же значением;

пўкте- (диал.) 'сгибать', 'загибать', 'свертывать', 'складывать (в складки)' — от глагола *пўк-* с тем же значением.

Как показывают примеры из хакасского и татарского языков, учащательное значение аффикса *-ла-* в современных языках в ряде случаев уже исчезло, и вторичная глагольная форма вернулась к первоначальному значению. Случаи деградации учащательного значения аффикса *-ла-* имели место еще в древности, о чем можно судить, например, по кыпчакскому словарю, опубликованному Хоутсма: ср. دلّ *dillä-* 'разрезать на куски' (74) от глагола *dil-* с тем же значением.

Деградацией учащательного значения аффикса *-ла-* можно объяснить случаи вытеснения основных форм глаголов учащательными формами на *-ла-*, что наблюдается в хакасском вторичном глаголе *пахла-* 'подсматривать', 'заглядывать куда-либо', 'выглядывать из-за чего-либо', 'высовываться из чего-либо', первичная форма которого *пах-* уже исчезла из языка. Нечто подобное произошло и с глаголом *хах-*, значения которого «вытряхивать», «трясти», «выбивать (пыль)» остались на положении диалектальных, тогда как те же значения в учащательной форме *хахта-* закрепились в качестве литературной нормы. Учащательное значение аффикса *-ла-* исчезло в азербайджанских глаголах:

говламаг 'гнать', 'выгнать', 'изгнать', 'прогнать'; 'гнаться', 'скакать', 'пускаться вскачь' — от глагола *говмаг* с тем же значением;

гурдаламаг 'ковырять', 'трогать' — от ныне не употребляющегося глагола **гурдл-*, образованного от существительного *гурд* 'червь';

јырғаламаг 'качать' — от глагола **јырғамаг*, который сохранился в азербайджанском языке в наращенной форме с аффиксом возвратного значения — *јырғанмаг* 'качаться', 'шататься', 'колыхаться'; кирг. и хак. *йырга-* 'наслаждаться', 'получать удовольствие'.

кәртләмәк 'делать надрез', 'зарубцевать' — от глагола **кәртмәк* с тем же значением, не сохранившимся, однако, в современном языке; производные формы от него имеются: ср. *кәртик* (*кәрт-ик*) 'рубец', 'зарубка';

пөртләмәк 'обварить', 'ошпарить', 'тушить (мясо и пр.)'— от глагола *пөртмәк* с теми же значениями;

тапдаламаг 'топтать', 'растоптать'; *метаф.* 'побить', 'избить ногами' — от глагола **тапдамаг*, не сохранившегося в азербайджанском языке, но известного в ряде других языков, в частности в узбекском — со значением «топтать», «попирать», «мять (ногами)»;

чулғаламаг 'окутывать', 'обволакивать' — от глагола *чулғамаг* с тем же значением.

Как видно из примеров, в азербайджанском и хакасском языках в некоторых случаях основные глаголы вытеснены их вторичными учащательными формами: глагол *гурдаламаг* вытеснил *гурдамаг*, *кәртләмәк* вытеснил *кәртмәк*, *тапдаламаг* вытеснил *тапдамаг*.

Признавая реальность приглагольного употребления аффикса *-ла-* со значением учащательности или интенсивности, не следует вместе с тем забывать и того, что глагольно-именная омонимия (см. гл. III) иногда приводит к образованию глаголов на *-ла-* от имен, омонимичных с существующими в языке глаголами и весьма близких им по значению.

АФФИКС *-лан-//-лән*

Отыменные глаголы с показателем *-лан-//-лән-* образованы на базе формы *-ла-//-лә-*, к которой они непосредственно восходят, исторически унаследовав многие значения этой формы.

Выше отмечалось, что переходность и непереходность глаголов на *-ла-* прямо зависит от значения их именных основ.

Категории переходности и непереходности глаголов с аффиксом *-ла-* исторически предшествуют представления об актив-

ности и пассивности предметов, явлений, признаков и свойств, выражаемых исходными именными основами.

В отличие от обычных реальных понятий активности и пассивности, непосредственно связанных с действием человека или переживаемым им состоянием, эти понятия в применении к именным основам глаголов на *-ла-* имеют иное значение. Активными считаются все предметы, при помощи которых или при посредстве которых совершается производительное действие. К ним относятся орудия, средства действия и материал.

К активной категории причисляется также форма (вид, образ, строение), придаваемая предмету деятельностью человека. Поэтому глаголы, образованные от перечисленных значений основ, все переходные (иллюстрации см. в рубриках 1, 5 на стр. 38—41, 47—49). Следовательно, в отличие от обычного понятия активности, связанного с человеком, в именных основах глаголов на *-ла-* понятие активности имеет недостаточно расчлененное значение, вследствие чего оно распространяется не только на орудие или средство, которые непосредственно воздействуют на объект, но и на пассивный, с реальной точки зрения, материал, а также на строение или форму, являющиеся уже результатом процесса. Но переходными являются, как это уже выяснилось, и все глаголы рубрики 4 с основами, означающими предмет (объект) действия. Таким образом, в категорию активных предметов включаются все составные элементы, из которых складывается реальное производительное действие, и в центре всех представлений об активности оказывается деятельность человека. Примечательно, что почти все переходные глаголы на *-ла-* прежде всего означают действия человека.

Категория активности никак не тождественна переходности, хотя и является ее предшественницей. Она менее «грамматична» и более реальна, более конкретна, чем переходность.

И все же активность в известном смысле связывается с переходностью, поскольку глаголы, выражающие активную деятельность, направленную на объект, мы и сейчас чаще всего относим к переходным. Преемственность здесь ясна.

Активность и пассивность значений глаголов, образованных от основ, индифферентных к признаку активности-пассивности, зависит от того, вызвано ли обозначаемое состояние, свойство и т. д. человеком или оно проявляется без его участия. В первом случае производный глагол приобретает активное, resp. переходное значение. Если же процесс совершается без участия человека и происходит, по крайней мере внешне, чисто самопроизвольно, то глагол приобретает пассивное, resp. непереходное значение. Так, например, глагол *абырламаг,* образованный от существительного *абыр* (более правильная форма *абру*) 'стыд', 'честь', 'репутация', 'достоинство', имеет переходное значение, потому

что состояние, обозначаемое существительным *абыр,* наступает под влиянием внешнего воздействия, прежде всего человека, откуда — *абырламаг* 'стыдить', 'укорять'. Переходное значение имеет и синонимичный с ним глагол *аjыбламаг* 'пристыдить', 'заставить краснеть', 'давать наставления', образованный от существительного *аjыб* 'стыд', 'срам', 'недостаток', 'порок'. Таково же значение глагола *аjыбламаг* в узбекском, турецком и других тюркских языках. Напротив, глаголы *азарламаг (=азарланмаг)* 'заболеть', 'захворать', *арыгламаг* 'худеть', *гартламаг (=гартланмаг)* 'стареть', 'терять свежесть', 'делаться жестким' и аналогичные им имеют непереходное значение, так как обозначаемые их именными основами состояния *азар* 'болезнь', признаки состояний *арыг* 'худой' и *гарт* 'несвежий', 'жесткий', 'старый' внешне наступают под влиянием сил, действующих изнутри, без видимого воздействия извне.

Активность и пассивность в изложенном здесь понимании разъясняет также, почему названия основ глаголов, включенных в рубрику 2 со значением результата, в одних случаях дают переходные, в других — непереходные глаголы. Глаголы *дамғаламаг* 'выжигать метку на теле животного', 'клеймить' и *дəстəклəмəк* 'приделывать ручку' имеют переходное значение, поскольку обозначаемые их именными основами явления *дамға* 'клеймо', 'тавро', 'метка', 'знак' и *дəстəк* 'ручка' есть результаты активного воздействия человека. Однако глаголы *готурламаг* 'стать чесоточным', *гаjсагламаг* (= *гаjсаг бағламаг*) 'покрываться твердым слоем', 'затвердевать' и *гозаламаг* 'покрываться коробочками (о хлопке)' являются непереходными, так как обозначаемые их именными основами состояние *готур* 'чесотка', и предметы *гаjсаг* 'корка', 'твердый слой', 'затвердение' и *гоза* 'хлопковая коробочка', 'кокон'— результаты самопроизвольного процесса, внешне свободного от вмешательства человека.

Таким образом, в рассмотренных здесь случаях понятие активности также прямо связывается с деятельностью человека, и переходность-непереходность глаголов в исторически более раннем значении этой категории оказывается обоснованной единым принципом, обнаруживающим живую связь с практической деятельностью человека.

Аспект активности-пассивности предшествует аспекту переходности-непереходности. Его действие проявлялось уже тогда, когда категорий переходности и непереходности в языке не было и активное или пассивное значение именной основы непосредственно входило в лексическое значение отыменного глагола на *-ла-*. Это позволяло довольно строго и последовательно создавать обозначения действий, направленных на объект, равно как и действий, ограниченных рамками субъекта.

Тем не менее этот принцип оказался недостаточным и внутренне противоречивым. Хорошо регулируя образование переходных и непереходных глаголов, означающих действия и состояния человека, он не был, во-первых, пригоден для обозначения процессов окружающей действительности, где также имеются, с одной стороны, действия, распространяющиеся на объект, а с другой стороны — состояния; во-вторых, одни и те же процессы, обозначенные глаголами на *-ла-*, могли быть в одних случаях активными, в других — пассивными, о чем свидетельствует ряд глаголов с аффиксом *-ла-*, часть которых приводится в главе IV; в-третьих, на выработку значения активности (resp. переходности) и пассивности (resp. непереходности) показатель *-ла-* не оказывал никакого влияния, так как он был индифферентен к названным категориям, между тем как все современные продуктивные аффиксы глаголообразования строго подразделяются по признаку переходности-непереходности.

По указанным причинам глагольное словопроизводство на *-ла-* вступило в противоречие с необходимостью дальнейшего создания новых производных глаголов, в которых точно указывалась бы направленность процесса вовне или внутрь, а в дальнейшем — переходность и непереходность. Это противоречие, обнаружившееся постепенно и действовавшее в азербайджанском глаголообразовании в течение длительного времени, обострялось по мере выработки категорий переходности и непереходности, результатом чего и явилось постепенное отмирание третьего, непереходного, значения аффикса *-ла-* (см. стр. 80).

Противоречие было преодолено тем, что в азербайджанском языке сложился новый аффикс отыменного глаголообразования *-лан-//-лэн-*. С его появлением действия, направленные внутрь, стали обозначаться глаголами с этим аффиксом. Обозначение же действий, направленных вовне, осталось за глаголами с формантом *-ла-*, но лишь от основ, означающих орудие (средство, материал), объект и форму (вид, образ, строение). Противоречие между необходимостью разграничения переходных и непереходных глаголов и потенциальными возможностями формы на *-ла-* было разрешено, следовательно, путем сохранения лишь активных, соответственно переходных, значений этой формы и лексических условий их образования, а также созданием новой формы для передачи непереходных значений на базе той же глаголообразующей формы на *-ла-*.

Новый глаголообразующий аффикс азербайджанского языка возник из готового морфологического материала — двух аффиксов *-ла-* и *-н-*. В новой форме соединились непереходные значения первого аффикса и медиальное значение второго аффикса, что сделало новый аффикс более гибким и точным в сравнении с его предшественниками.

Вопрос о положении аффикса *-лан-* в системе глаголообразующих аффиксов решается в науке неодинаково. Признавая эту форму в качестве особого показателя, авторы грамматик вместе с тем склонны ее считать скорее модификацией аффикса *-ла-*, чем следующей ступенью его развития. Почти все специалисты рассматривают аффикс *-лан-* как возвратную форму от *-ла-*[42]. Лишь некоторые придерживаются другой точки зрения[43].

Приходится отметить и такой факт, что не все тюркологи видят необходимость выделения аффикса *-лан-* в некоторых из отечественных работ по тюркским языкам[44].

Между тем возвратного значения залогового показателя *-н-* в аффиксе *-лан-* вообще не было, другие же значения исчезли окончательно, уступив свое место медиальному значению формы на *-н-*, получившему максимальное развитие уже в эпоху, близкую к современной.

Подобно глаголам на *-ла-*, глаголы в форме *-лан-* также могут образоваться лишь от таких основ, которые по отношению к семантике производного глагола означают орудие, результат, предмет, форму действия и т. д., т. е. и для данной формы глаголов лексические условия его образования те же, что и для глаголов на *-ла-*. Однако между главными значениями основ у глаголов обеих форм имеется существенное различие, состоящее в том, что у переходных глаголов на *-ла-*, составляющих 87% всего их количества, основы означают орудие (средство, материал), объект и форму действия, тогда как у глаголов на *-лан-* эти основы составляют 11% (5% со значением объекта, столько же со значением формы, вида, образа и 1% со значе-

---

[42] См.: А. М. Казем-Бек, *Общая грамматика турецко-татарского языка*, стр. 173; Н. Ф. Катанов, *Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня*, Казань, 1903, стр. 471; А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 227; В. М. Насилов, *Грамматика уйгурского языка*, стр. 77; С. Муталлибов, *XI аср ёзма ёдгарликларида фе'л категорияси*, б. 70; I. Kunós, *Wortbildung im Osmanischen (Szókézés az oszman-török nyelvben)*, — «Keleti Szemle», t. VI, Budapest, 1905, p. 3—5; J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 840; A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodnio-karaimskim*, Kraków, 1932; J. Németh, *Türkische Grammatik*, S. 94; M. Horten, *Kleine türkische Sprachlehre*, Heidelberg, 1916, S. 47 и др.

В своей работе Х. Мирзазаде высказал мысль о происхождении глаголов на *-лан-* из глаголов аналитического строения (Һ. Мирзәзадә, *Азәрбајчан дилинин тарихи грамматикасына аид материаллар (Фонетика—Морфолокија)*, Бакы, 1953, с. 70), что, конечно, неверно.

[43] Ср. H. Janski, *Lehrbuch der türkischen Sprache*, S. 281. — Автор правильно называет глаголы на *-лан-* медиальными. См. также: V. H. Hagopian, *Ottoman-turkish conversation-grammar*, p. 180. — Автор обозначает форму на *-лан-* как непереходную.

[44] См.: В. А. Гордлевский, *Грамматика турецкого языка*, М., 1928; Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II; Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, М.—Л., 1941.

нием места и орудия). Наоборот, значения результата и названия процесса или его признака в глаголах на *-лан-* образуют ведущую часть значений их основ. Так как названий состояний, их признаков, обозначений всевозможных свойств, качеств и признаков в азербайджанском языке чрезвычайно много и последние можно отвлечь от обозначений ряда предметов, то лексические условия глаголообразования в форме *-лан-* становятся потенциально шире, чем у глаголов в форме *-ла-*. Это составляет существенное различие между обеими формами отыменного глаголообразования.

В то время как основная часть переходных глаголов на *-ла-* образуется от названий орудий (средств, материалов), основная часть глаголов на *-лан-* образуется от названия результата или его признака, составляющих 58% всех основ глаголов на *-лан-*. Если сюда присоединить 14% основ, имеющих смешанное значение названия процесса-результата, то это составит почти три четверти всех основ глаголообразования с аффиксом *-лан-*.

Группировка производных глаголов на *-лан-* по значениям их основ

1. Глаголы, образованные от основ со значением результата или его признака.

а) Со значением результата процесса:

барланмаг 'давать плоды, завязи (о плодовых деревьях)'; 'покрываться налетом (о зубах, языке)' — от существительного *бар* (из перс. بار 'плод' и ряд других значений, Гафф., 88) 'плод (растения, дерева)';

бәдирләнмәк 'приближаться к полнолунию' — от существительного *бәдир* (араб. بدر 'луна') 'полнолуние';

буғланмаг 'испускать пар', 'выделять пар' — от существительного *буғ* 'пар';

будагланмаг 'делаться ветвистым', 'пускать ветки' — от существительного *будаг* 'ветка', 'ветвь';

булутланмаг 'покрываться облаками, тучами', 'становиться пасмурным' — от существительного *булут* 'облако', 'туча';

бухарланмаг 'испаряться' — от существительного *бухар* 'пар', 'испарение';

габарланмаг 'мозолиться' — от существительного *габар* 'мозоль', 'волдырь';

габыгланмаг 'покрываться корой', 'обрастать корой' — от существительного *габыг* 'кора', 'шкурка', 'оболочка', 'скорлупа', 'шелуха';

газланмаг 'превращаться в газ' — от существительного *газ* 'газ';

газмагланмаг 'покрываться коркой' — от существительного *газмаг* 'корка';

гајмагланмаг 'давать сливки', 'образовывать сливки (о молоке)', 'покрываться сливками' — от существительного *гајмаг* 'каймак', 'сливки, снятые с топленого молока';

гартмагланмаг 'покрываться струпьями' — от существительного *гартмаг* 'струп', 'корка';

гығылымланмаг 'заискриться', 'образовать искры'—от существительного *гығылым* 'искра';

көлләнмәк 'образоваться (о пруде)', 'превращаться в пруд' — от существительного *көл* 'озеро';

нәтиҹәләнмәк 'иметь своим результатом', 'привести к какому-нибудь результату', 'привести к чему-нибудь'; 'сбыться', 'осуществиться', 'оправдаться', 'довершиться' — от существительного *нәтиҹә* 'последствие', 'результат', 'исход'; 'вывод', 'заключение';

сәсләнмәк 'издавать звук', 'звучать', 'звенеть', 'крикнуть', 'звать', 'отзываться', 'откликаться' — от существительного *сәс* 'голос', 'звук', 'шум'; 'зов', 'крик';

сүдләнмәк 'прибавиться (о молоке)', 'давать обильное молоко' — от существительного *сүд* 'молоко';

һисләнмәк 'покрываться копотью, сажей', 'закоптеться' — от существительного *һис* 'копоть', 'сажа';

чилләнмәк 'покрываться веснушками' — от существительного *чил* 'веснушки';

чичәкләнмәк 'цвести', 'распускаться (о цветах)', 'покрываться цветами', 'процветать' — от существительного *чичәк* 'цветок';

чолагланмаг 'стать калекой' — от существительного *чолаг* 'калека' и др.

б) Со значением признака результата:

арсызланмаг 'потерять самолюбие', 'стать бесстыдным, циником' — от прилагательного *арсыз* 'бесстыдный', 'циник', 'человек без самолюбия';

баһаланмаг 'вздорожать', 'дорожать', 'подниматься в цене' — от прилагательного *баһа* 'дорогой';

ејбәҹәрләнмәк 'стать уродливым' — от существительного *ејбәҹәр* 'урод';

әтләнмәк 'стать мясистым'; 'полнеть', 'толстеть', 'тучнеть' — от существительного *әт* 'мясо';

јалғызланмаг 'стать одиноким' — от прилагательного *јалғыз* 'один', 'одинокий';

јашланмаг 'увлажняться', 'стать мокрым' — от *јаш* 'влага', 'мокрый', 'влажный';

кирдәләнмәк 'стать круглым', 'округлиться' — от прилагательного *кирдә* 'круглый', 'округлый';

лүлләнмәк 'напиться вдрызг', 'быть мертвецки пьяным' — от прилагательного *лүл* 'мертвецки пьяный';

пиjләнмәк 'разжиреть', 'ожиреть' — от существительного *пиj* 'жир'.

рүтубәтләнмәк 'отсыреть', 'стать сырым, влажным' — от существительного *рүтубәт* 'сырость', 'влага', 'влажность';

сәрвәтләнмәк 'разбогатеть' — от существительного *сәрвәт* 'богатство';

сәрхошланмаг 'опьянеть', 'стать пьяным' — от прилагательного *сәрхош* 'пьяный';

тәравәтләнмәк 'освежиться' — от существительного *тәравәт* 'свежесть';

хошланмаг 'быть довольным чем-нибудь', 'одобрять что-нибудь'; 'нравиться', 'быть по нраву';

һамарланмаг 'стать гладким, ровным', 'разровняться' — от прилагательного *һамар* 'ровный', 'гладкий', 'плавный';

чилвәләнмәк 'стать ласковым'; 'кокетничать' — от существительного *чилвә* 'ласка', 'прелесть', 'очарование', 'кокетство';

шүурланмаг 'стать сознательным, рассудительным, разумным' — от существительного *шүур* 'сознание'.

Глаголы из других тюркских языков с основами, означающими результат или его признак:

туркм.: *гадырланмак* 'стать любезным, ласковым, вежливым' — от существительного *гадыр* 'тесная дружба', 'уважение', 'достоинство', 'ценность';

гүйчленмек 'усиливаться', 'становиться сильным' — от существительного *гүйч* 'сила';

тур.: *buzlanmak* 'покрыться льдом', 'обледенеть', 'заледенеть', 'замерзнуть', 'заиндеветь' — от существительного *buz* 'лед';

çeşnilenmek 'приобретать вкус', 'стать вкусным' — от существительного *çeşni* 'вкус';

derinleşmek 'делаться глубоким', 'углубляться' — от прилагательного *derin* 'глубокий', 'глубина';

göllenmek 'скопляться (о воде)', 'образовать озеро' — от существительного *göl* 'озеро';

узб.: *бахтсизланмоқ* 'стать несчастным' — от прилагательного *бахтсиз* 'несчастный'; 'несчастливый', 'неудачливый', 'злосчастный';

буйланмоқ (редк.) 'протухнуть', 'приобрести скверный запах' — от существительного *буй* 'запах';

казах.: *белестен-* 'постепенно возвышаться (о местности)' — от существительного *белес* 'холм', 'перевал';

гүлден- 'цвести' — от существительного *гүл* 'цветок';

демократтан- 'демократизироваться' — от заимствованной основы *демократ*;

жиілен- ‘учащаться’ — от прилагательного *жиі* ‘частый’;

сараңдан- ‘скупиться’, ‘становиться скупым’ — от прилагательного *сараң* ‘скупой’;

кирг.: *адептен-* ‘стать вежливым, воспитанным, учтивым’ — от существительного *адеп* ‘воспитанность’, ‘вежливость’, ‘учтивость’;

булуттан- ‘покрываться тучами, облаками’ — от существительного *булут* ‘туча’, ‘облако’;

эттен- ‘пополнеть’ — от существительного *эт* ‘мясо’;

тат.: *абстрактлан-* ‘абстрагироваться’, ‘стать абстрактным’ — от основы заимствованного прилагательного *абстрактный*;

аеклан- ‘отрезвляться’ — от прилагательного *аек* ‘трезвый’;

алмалан- ‘появиться (о яблоках на яблоне)’ — от существительного *алма* ‘яблоко’;

аңғыралан- ‘глупеть’, ‘тупеть’, ‘дуреть’ — от прилагательного *аңғыра* ‘глупый’, ‘непонятливый’ и т. д.;

ялкынлан- ‘пламенеть’, ‘воспламеняться’ — от существительного *ялкын* ‘пламя’, ‘пыл’;

хак.: *көбіктен-* ‘пениться’, ‘покрываться пеной’ — от существительного *көбік* ‘пена’;

пасхалан- ‘изменяться’, ‘чуждаться’ — от прилагательного *пасха* ‘другой’, ‘иной’, ‘прочий’; *метаф.* ‘чужой’. По отношению к первому значению глагола основа *пасха* является признаком результата процесса; по отношению ко второму — предметом действия;

пӱрлен- ‘покрываться листьями’, ‘распускаться (о листьях, почках)’; ‘зазеленеть (о листе)’ — от существительного *пӱр* ‘лист’;

тӱктен- ‘обрастать волосами’, ‘обрастать шерстью’, ‘покрываться перьями’ — от существительного *тӱк-* ‘волосы’, ‘шерсть’, ‘перья’;

чув.: *аванлан-* ‘улучшаться’, ‘стать лучше’, ‘хорошеть’ — от прилагательного *аван* ‘хороший’, ‘удобный’, ‘пригодный’;

сайралан- ‘становиться редким’, ‘редеть’ — от прилагательного *сайра* ‘редкий’;

Радл., Сл.: *аҕырлан-* (кюэрик., осм.) ‘быть тяжелым’, ‘делаться тяжелым’, ‘чувствовать тягость, боль’, ‘заболеть’, ‘делаться неповоротливым’ (I, 160) — от прилагательного *аҕыр* ‘тяжелый’;

якут.: *ириҥэлен-* ‘гноиться’ — от существительного *ириҥ* ‘гной’;

оҕолон- ‘родить’, ‘рожать’ — от существительного *оҕо* ‘дитя’, ‘ребенок’; ср. *оҕолоо-* ‘ухаживать за ребенком’, ‘нянчить’;

силистэн- ‘укореняться’ — от существительного *силис* ‘корень’.

Sprachwissenschaftliches Institut
der Universität Bonn

Аьу-Нау.: *uslandı* 'он поумнел' — от существительного *us* 'ум' (113);

İzbudak: *çağalandı eti* 'его мясо стало мягким, дряблым' (9);

çöplendı 'засорился' — от существительного *çöp* 'сор', 'мусор' (13);

Малов, Пам.: *öglän-* 'одуматься', 'прийти в чувство (после обморока)' — от существительного *ög* 'мысль' (406);

Ettuhfet., Dizin: *bulutlan-* 'покрываться облаками, тучами' — от существительного *bulut* 'облако', 'туча' (158);

M. Kāşgarī: *iğlen-* 'заболеть' — от *iğ* 'больной' (Dizin, 176);

telilendi 'он обезумел' — от *teli* 'безумный' (Dizin, 17);

küçlendi 'он стал сильным' — от существительного *küç* 'сила' (Dizin, 18);

paslandı 'заржавел' — от существительного *pas* 'ржавчина' (Dizin, 229);

uslandı 'поумнел' — от существительного *us* 'ум' (Dizin, 271);

Bulğat. II: *ajyγlan-* 'oprzytomnieć', 'wytrzeźwieć' (41);

Atebet. Fihr.: *yalınlan-* 'воспламеняться' — от *yalın* 'пламя' (LXXI);

Turf., VIII: *čäčäklän-* 'расцветать' — от *čäčäk* 'цветок' (88);

irkäklän 'становиться мужественным' — от *irkäk* 'муж', 'мужчина' (91);

ögläп- 'прийти в себя' — от *ög* 'мысль', 'сознание', 'понимание' (94);

KW: *bürlen-* 'набухать (о почках)', 'распускаться' (71) — от *bür* 'почка'.

Касаясь морфологического состава именных основ в группах «а» и «б», можно отметить, что в группе «а» все основы состоят из существительных, в группе «б» — они смешаны. Основы глаголов группы «а» обозначают предметы, появляющиеся в результате процесса, выраженного производным глаголом. Основы глаголов группы «б» обозначают признаки, образующиеся как результаты процессов, выраженных в производных глаголах.

Аналогичное явление описано в рубрике 2 предыдущего раздела (стр. 41—44).

В одном случае (в глаголах группы «а») в значение производного глагола включается субстанциональная семантика существительного, в другом случае (в глаголах группы «б») — атрибутивная семантика существительного. Иными словами, вещественно-предметное понятие существительного в глаголах группы «а» целиком входит в значение глагола, а в глаголах группы «б» от значения существительного отвлекается лишь понятие . признака этого существительного.

Следовательно, при образовании производного глагола на *-лан-* не имеет существенного значения принадлежность его основы к конкретной именной части речи (существительному, прилагательному, числительному и т. д.).

Отсюда можно сделать вывод о том, что часть речи характеризуется не своим вещественным значением (в приведенных примерах вещественным значением предмета или признака), что под оболочкой одной части речи могут скрываться не одно, а два обобщенных вещественных значения, например предмета и признака (это наглядно выявляется в процессах отыменного глаголообразования).

Основы приведенных выше глаголов на *-лан-* интересны еще в одном отношении. В группе «а» подавляющее большинство именных основ состоит из слов азербайджанского корня, арабо-персидских элементов здесь не более 15%. В группе «б» они составляют большую часть всех основ. В следующем разделе (см. стр. 104—105) все основы арабо-персидского происхождения. Такое увеличение числа арабо-персидских элементов в составе именных основ глаголов на *-лан-* не случайно и находится в связи с уровнем обобщенности значения производного глагола. В группе «а» глаголы на *-лан-* обозначают процессы с материальным предметным результатом. В группе «б» глаголы на *-лан-* обозначают процессы с результатом в виде признака, который более абстрактен, чем предмет. Но арабские и отчасти персидские заимствования в словарях азербайджанского, узбекского, татарского и других старописьменных языков до недавнего времени составляли отдел наиболее абстрактной лексики. Использование арабских глагольно-именных образований («масдаров») в новообразованиях на *-лан-* в азербайджанском языке еще продолжается, тогда как глаголов с основами, заимствованными из русского языка, очень немного.

Другим важным источником глаголообразования при помощи аффикса *-лан-* являются имена, в семантике которых можно выделить значение признака или которые сами служат обозначениями признаков. Таких слов тюркского корня или заимствованных из арабского и персидского языков в азербайджанском языке весьма много. Словообразование при помощи аффикса *-лан-* происходит преимущественно на основе этих имен, а производство глаголов от русских основ и в данном случае носит частный характер.

Поэтому критерий продуктивности-непродуктивности по признаку употребления русских заимствований для образования производного глагола, применявшийся при анализе глаголов на *-ла-*, здесь в известной мере теряет свою силу, и о продуктивности различных именных основ приходится судить, учитывая тип значения глаголов в форме на *-лан-*.

Необходимо отметить также почти полное отсутствие среди глаголов на *-лан-* отглагольных имен тюркского корня, которых довольно много в глаголах на *-ла-*. В связи с этим обозначаемые ими действия лишь в единичных случаях возвращаются к значению исходного глагола, от которого была образована именная основа.

2. Основы глаголов с аффиксом *-лан-* означают названия процесса или его признак. Первых случаев больше, вторых меньше. Здесь также значение признака следует понимать прежде всего чисто семантически, т. е. как понятие о признаке, которое можно отвлечь от названия процесса. Но кроме таких основ, в значении признака процесса могут употребляться, правда более редко, и чистые прилагательные как тюркского, так и арабо-персидского происхождения.

а) Со значением названия процесса:

арланмаг 'стесняться', 'стыдиться'—от существительного *ар* 'стыд', 'стыдливость';

вәһимәләнмәк 'страшиться', 'бояться', 'пугаться', 'опасаться'—от существительного *вәһимә* 'призрак', 'страх', 'паника';

дәһшәтләнмәк 'страшиться', 'ужасаться', 'приходить в ужас'—от существительного *дәһшәт* 'страх', 'ужас';

зөвгләнмәк 'наслаждаться', 'получать удовольствие'—от существительного *зөвг* 'наслаждение', 'удовольствие';

истифадәләнмәк 'пользоваться', 'извлекать пользу'—от существительного *истифадә* 'извлечение пользы', 'использование';

ләрзәләнмәк 'содрогаться', 'трепетать', 'приходить в содрогание, в трепет'—от существительного *ләрзә* 'дрожь', 'содрогание', 'трепет';

марагланмаг 'интересоваться', 'заинтересоваться'—от существительного *мараг* 'интерес', 'стремление к чему-нибудь';

никаһланмаг 'совершать обряд бракосочетания', 'заключать брачный договор', 'вступать в брак'— от существительного *никаһ* 'бракосочетание';

кәдәрләнмәк 'огорчаться', 'печалиться', 'горевать' 'грустить'—от существительного *кәдәр* 'скорбь', 'печаль', 'тоска', 'горе', 'грусть';

күчләнмек 'усиливаться', 'становиться сильным'—от существительного *күч* 'сила', 'усилие', 'насилие', 'мощь';

мә'рифәтләнмәк 'становиться вежливым, учтивым, воспитанным'—от существительного *мә'рифәт* 'учтивость', 'вежливость', 'воспитанность';

нифрәтләнмәк 'чувствовать отвращение, ненависть', 'питать ненависть'—от существительного *нифрәт* 'отвращение', 'омерзение', 'ненависть', 'презрение';

сәфаланмаг 'получать удовольствие', 'наслаждаться'—от

существительного *сәфа* 'удовольствие', 'приятность', 'радость', 'наслаждение';

тәәҗүбләнмәк 'удивляться'—от существительного *тәәҗүб* 'удивление', 'изумление';

фәргләнмәк 'различаться'—от существительного *фәрг* 'разница', 'различие', 'отличие';

фәрәһләнмәк 'радоваться', 'веселиться', 'развеселиться'—от существительного *фәрәһ* 'радость'. 'веселость', 'отрада';

фырланмаг 'вертеться', 'кружиться', 'вращаться'—от подражательного слова *фыр*, имитирующего быстрое вращение;

хофланмаг 'испугаться', 'оробеть' 'растеряться от испуга', 'опешить'—от существительного *хоф* 'страх', 'боязнь', 'ужас', 'опасение';

ҷәсарәтләнмәк 'набраться храбрости, смелости', 'осмелиться', 'отважиться', 'расхрабриться'—от существительного *ҷәсарәт* 'смелость', 'храбрость', 'отвага', 'мужество', 'бесстрашие', 'дерзновенность', 'дерзновение' и ряд других глаголов, основы которых означают название процесса.

б) Со значением признака процесса:

мәғрурланмаг 'гордиться', 'кичиться', 'хвастаться'—от прилагательного *мәғрур* 'надменный', 'высокомерный', 'гордый', 'горделивый' и некоторые другие глаголы, у которых основа означает признак процесса.

В рассматриваемом разряде значительно больше производных глаголов, основы которых имеют смешанные значения процесса-результата:

абырланмаг 'стать приличным (о человеке)', 'принять приличный, благообразный вид'— от существительного *абыр* 'стыд', 'честь', 'репутация', 'достоинство';

гејзләнмәк 'гневаться', 'сердиться'—от существительного *гејз* 'гнев', 'злоба', 'озлобление';

гејрәтләнмәк 'стать старательным, усердным, прилежным'—от существительного *гејрәт* 'ревность', 'ревностное отношение'; 'усердие', 'старание', 'усилие', 'энергия';

гәзәбләнмәк 'приходить в гнев, ярость', 'гневаться', 'озлобиться', 'раздражаться'—от существительного *гәзәб* 'гнев', 'ярость', 'негодование';

гәмләнмәк 'опечалиться', 'запечалиться'—от существительного *гәм* 'печаль', 'скорбь', 'прискорбие', 'горе', 'грусть', 'тоска';

руһланмаг 'воодушевляться', 'вдохновляться', 'приободриться'—от существительного *руһ* 'дух', 'душа', 'дыхание';

тәрбијәләнмәк 'стать воспитанным'—от существительного *тәрбијә* 'воспитание';

һејрәтләнмәк 'изумляться', 'удивляться', 'недоумевать', 'очаровываться'—от существительного *һејрәт* 'изумление', 'удивление', 'недоумение', 'очарование' и др.

Примеры из других тюркских языков:

туркм.: *пикирленмек* 'мыслить', 'думать', 'обдумывать', 'задумываться', 'замышлять', 'соображать'—от существительного *пикир* 'мысль', 'соображение', 'дума';

кейпленмек 'хмелеть', 'получать наслаждение'—от существительного *кейп* 'легкое опьянение', 'хмель';

азарланмак 'болеть', 'быть больным заразной болезнью'—от существительного *азар* 'болезнь';

ādатланмак 'приучаться', 'привыкать'—от существительного *ādат* 'адат', 'обычай', 'привычка';

тур.: *alacalanmak* 'пестреть', 'делаться пятнистым, полосатым'—от прилагательного *alaca* 'разноцветный', 'пестрый', 'пятнистый';

aceplenmek 'удивляться', 'изумляться', 'поражаться'—от существительного *acep* 'удивление', 'удивительная вещь';

dinlenmek 'отдыхать', 'униматься' 'успокаиваться'—от существительного **din* 'отдых', ср. кирг. *тын* 'отдых';

Şeyhi: *avlanmak* 'выходить на охоту', 'охотиться' (стр. 9);

узб.: *орланмоқ* 'считать для себя постыдным'—от существительного *ор* 'стыд';

жафоланмоқ 'испытывать мучения или страдания (от кого-либо)'—от существительного *жафо* 'мука', 'мучение', 'страдание';

афсусланмоқ 'сожалеть (о чем-либо)', 'огорчаться'—от существительного *афсус* 'сожаление', 'огорчение';

ажабланмоқ 'удивляться', 'изумляться', 'поражаться'—от прилагательного *ажаб* 'удивительный', 'изумительный', 'странный';

Радл., Сл.: *ōклān-* (уйг.) 'размышлять', 'прийти в себя' (I, 1181)—от *ōк* (уйг.) 'мысль' (I, 1177);

казах.: *бейнеттен-* 'мучиться', 'испытывать затруднения'—от существительного *бейнет* 'мука', 'мученье', 'страданье';

еңбектен- 'трудиться'—от существительного *еңбек* 'труд';

жалқаулан- 'лениться', 'лодырничать'—от имени *жалқау* 'лодырь', 'ленивый';

қытықтан- 'бояться щекотки'; *метаф.* 'обижаться'—от существительного *қытық* 'щекотка';

кирг.: *адаттан-* 'приобрести привычку'—от существительного *адат* 'обычай', 'привычка', 'традиция';

акыштан- 'жеманиться', 'делать кокетливые ужимки', 'кокетливо взвизгивать'—от существительного *акыш* 'жеманство', 'кокетливые ужимки';

чычкылан- 'выражать крайнее нетерпение', 'с нетерпением ждать'—от существительного *чычкы* 'нетерпение', 'нетерпеливость';

тат.: *батырлан-* 'осмеливаться', 'отваживаться', 'решать-

ся', 'храбриться'—от существительного *батыр* 'богатырь', 'смельчак', 'силач', 'витязь', 'атлет';

ваклан- 'быть мелочным', 'придавать значение мелочам'—от прилагательного *вак* 'мелкий', 'дробный'; 'маленький', 'мелочной';

гайрәтлән- 'храбриться', 'делаться мужественным', 'проявлять смелость'—от существительного *гайрәт* 'мужество', 'храбрость', 'неустрашимость', 'энергия';

чаялан- 'быть отчаянным'—от прилагательного *чая* 'лихой', 'смелый', 'бойкий', 'ловкий', 'изворотливый', 'пронырливый', 'отчаянный';

якут.: *эгэлгэлэн-* 'капризничать', 'делаться изысканным, причудливым'—от существительного *эгэлгэ* 'каприз', 'прихоть', 'изысканность', 'причудливость';

идэлэн- 'приобрести навык', 'научиться ремеслу'—от существительного *идэ* 'навык', 'привычка', 'профессия', 'ремесло';

Мел., Ар. фил.: آرقَنْ 'быть слабым' (067) — от существительного آرِق 'тощий' (067); يِرَاقْنَنْ 'удаляться' (0116)—от прилагательного ايراق 'далекий' (077);

Abu-Hay.: *tamaşalandı* 'он смотрел, созерцал' (97);

Ettuhfet.: *yiglendi* 'он заболел' (11)—от существительного *jig* 'болезнь', 'тягота' (Малов, Пам., 387);

KW: *čovlaŋ-* 'шуметь'—от *čov* 'шум' (76);

öktemlen- 'хвалиться'—от *öktem* 'гордый', 'задорный' (182);

suxlan- 'быть алчным, жадным', 'требовать', 'желать'—от *sux* 'жадность', 'алчность' (225).

Основы глаголов второй рубрики теснейшим образом связаны с основами глаголов первой рубрики, так как обозначаемые ими признаки процессов во многих случаях появляются по мере развития процесса или же при его завершении. Общим для именных основ глаголов обеих рубрик является значение результата.

Глаголы первой и второй рубрик составляют основную часть производных форм на *-лан-*.

3. Основы глаголов означают предмет—объект действия:

гидаланмаг 'питаться', 'получать пищу'—от существительного *гида* 'пища', 'питание', 'еда', 'пропитание';

әвләнмәк 'жениться', 'вступать в брак'—от существительного *әв* 'дом';

зинәтләнмәк 'украшаться', 'наряжаться'—от существительного *зинәт* 'украшение', 'убранство', 'наряд';

jарагланмаг 'вооружаться', 'снаряжаться', 'украшаться', 'наряжаться'—от существительного *jараг* 'оружие', 'снаряжение', 'инструмент';

силаһланмаг 'вооружаться'—от существительного *силаһ* 'оружие';

фајдаланмаг 'пользоваться', 'извлекать пользу, барыш, выгоду'—от существительного *фајда* 'польза', 'выгода', 'барыш', 'прок';

түфәнкләнмәк 'вооружаться винтовкой'—от существительного *түфәнк* 'ружье', 'винтовка';

чадраланмаг 'надевать на себя чадру', 'закутываться в чадру'—от существительного *чадра* 'чадра', 'покрывало'.

Примеры из других тюркских языков:

туркм.: *āзыкланмак* 'запасаться продуктами', 'питаться', 'прокармливаться'—от существительного *āзык* 'пища', 'продукты';

тур.: *faydalanmak* 'пользоваться', 'извлекать пользу, выгоду, барыш', 'воспользоваться'—от существительного *fayda* 'польза', 'выгода', 'барыш';

çöplenmek 'подбирать, собирать крохи', 'довольствоваться малым'—от существительного *çör* 'щепка', 'соломинка', 'былинка', 'палка', 'палочка', 'мусор', 'сор', 'грязь';

узб.: *озиқланмоқ* 'питаться', 'есть', 'принимать пищу'—от существительного *озиқ* 'пища', 'провизия', 'съестные припасы'.

казах.: *борыштан-* 'задолжать'—от существительного *борыш* 'долг', 'задолженность';

тістен- 'стиснуть зубы'; *метаф.* 'разозлиться', 'прийти в ярость'—от существительного *тіс* 'зуб', 'зубы';

кирг.: *кулдан-* (фольклор) 'приобрести раба, рабов'—от существительного *кул* 'раб';

тат.: *дәвалан-* 'лечиться', 'пользоваться лекарствами'—от существительного *дәва* 'лекарство', 'медикаменты';

хак.: *маллан-* 'обзаводиться скотом'—от существительного *мал* 'скот';

чув.: *ĕмĕтлен-* 'надеяться', 'питать надежду', 'рассчитывать', 'намереваться'—от существительного *ĕмĕт* 'надежда', 'ожидание';

Мел., Ар. фил.: آطْلَنْ 'садиться на лошадь' (стр. 069) (в «Codex Cumanicus»—'ездить верхом', KW, стр. 45)—от существительного آط 'лошадь' (стр. 068); آوْلَنْ 'жениться' (стр. 075)—от существительного آوْ 'дом' (стр. 072); صَقْلَانْ

'приобрести бороду' (стр. 0100)—от существительного تَقَل 'борода' (стр. 096);

Малов, Пам.: *ašlan-* 'прельщаться', 'соблазняться', 'прицепляться' (стр. 361)—от существительного *aš* 'пища' (стр. 360);

KW: *saɣytlan-* 'вооружаться'—от *saɣyt* 'оружие' (стр. 212);

Turf. VIII: *ẏarïqlan-* 'надевать латы' (стр. 103) от *ẏarïq* 'латы' (стр. 102).

4. Основы глаголов означают форму, вид или образ действия. Однако в отличие от глаголов на *-ла-* с тем же значением именной основы здесь последняя означает не форму, которая придается предмету, а форму, вид, образ, к которому стремится предмет. Благодаря этому глагол приобретает более конкретное (в сравнении с глаголами на *-ла-*) значение подражания кому-нибудь или чему-нибудь. К глаголам этой рубрики принадлежат:

аға̄ланмаг 'важничать', 'корчить из себя господина, барина'—от существительного *аға* 'ага', 'господин', 'хозяин', 'барин', 'сударь';

арвадланмаг 'корчить из себя взрослую женщину, женщину-хозяйку'—от существительного *арвад* 'женщина', 'жена', 'супруга';

бөјүкләнмәк 'важничать', 'чваниться', 'задирать нос'—от прилагательного *бөјүк* в его субстантивированном значении «начальник», «старший»;

тирләнмәк 'растянуться', 'вытянуться', 'лечь во весь рост'—от существительного *тир* 'бревно', 'балка';

хорузланмаг 'петушиться', 'задираться', 'хорохориться'—от существительного *хоруз* 'петух';

чәркәләнмәк 'становиться в ряд, в шеренгу', 'строиться рядами'—от существительного *чәркә* 'ряд', 'шеренга', 'строй';

еркәкләнмәк 'петушиться', 'хорохориться'—от существительного *еркәк* 'самец' и некоторые другие глаголы с основами, означающими форму, вид, образ процесса.

Примеры из других тюркских языков:

гагауз.: *кирпилен-* 'съежиться'—от существительного *кирпи* 'еж';

казах.: *түлкілен-* 'льстить', 'хитрить'—от существительного *түлкі* 'лиса';

кирг.: *далылан-* 'формой плеч напоминать кого-либо, что-либо'—от существительного *далы* 'плечо';

көздөн- 'уподобляться (кому-либо или чему-либо) в отношении глаз'—от существительного *көз* 'глаз';

тат.: *алкалан-* 'принять форму сережки'—от существительного *алка* 'серьга', 'сережка';

балалан- 'заниматься ребячеством', 'поступать, как ребенок'—от существительного *бала* 'дитя', 'младенец', 'малыш'; 'детеныш', 'птенец';

хак.: *матырлан-* 'хвастаться'—от существительного *матыр* 'герой', 'смелый', 'храбрый', 'неустрашимый';

Радл., Сл.: *аіналан-* 'быть ровным, гладким'; 'хорошо одеваться', 'заботиться о туалете'—от существительного *аіна* 'зеркало'.

5. Основы немногочисленных глаголов пятой группы имеют смешанное значение формы и результата. К ним относится, например, глагол *тифтикләнмәк* 'истрепаться', 'разлезться (о материи)', 'ворситься'—от существительного *тифтик* 'козий пух', 'подшерсток' и некоторые другие.

6. В эту рубрику входят немногочисленные глаголы, образованные от основ со значением орудия действия:

архаланмаг 'полагаться', 'надеяться', 'опираться на кого-нибудь'—от существительного *арха* 'спина', 'поддержка', 'опора';

ганадланмаг 'окрыляться', 'подбодриться'—от существительного *ганад* 'крыло';

гуршагланмаг 'опоясываться'—от существительного *гуршаг* 'пояс';

диллəнмəк 'заговорить', 'проговорить', 'промолвить'—от существительного *дил* 'язык';

дирсəкләнмəк 'облокотиться'—от существительного *дирсəк* 'локоть', 'изгиб', 'сгиб'.

Примеры из других тюркских языков:

тур.: *güneşlenmek* 'греться на солнце'; 'сушиться', 'обсушиться на солнце'—от существительного *güneş* 'солнце';

seslenmek 'крикнуть', 'подать голос', 'отозваться', 'откликаться'—от существительного *ses* 'голос', 'звук', 'крик', 'шум';

silâhlanmak 'вооружаться'—от существительного *silâh* 'оружие';

тат.: *авызлан-* 'принимать первый раз пищу (о новорожденном)'—от существительного *авыз* 'рот', 'уста', 'пасть', 'зев';

хак.: *азахтан-* 'начать ходить'—от существительного *азах* 'нога', 'лапа';

якут.: *быһахтан-* 'вооружиться ножом'—от существительного *быһах* 'нож'.

7. К глаголам, основы которых означают место или направление, относятся:

атланмаг 'сесть на коня'—от существительного *ат* 'конь';
дикләнмәк 'всходить на высоту', 'подниматься', 'взбираться наверх', 'лететь вверх'—от имени *дик* 'вертикальный', 'прямой'; 'бугор', 'возвышенность';
јајлагланмаг 'жить на даче', 'отдыхать в дачной местности'—от существительного *јајлаг* 'дачное место';
тарланмаг 'садиться на насест (о курах)'—от существительного *тар* 'насест', 'жердочка для птиц' и некоторые другие глаголы.

8. Основы глаголов данной рубрики имеют значение nominis actoris. Число глаголов этой рубрики сравнительно невелико:
буғланмаг 'испускать пар', 'выделять пар', 'подниматься (о паре)'—от существительного *буғ* 'пар';
ијләнмәк 'пахнуть', 'вонять', 'тухнуть', 'портиться'—от существительного *ај* 'запах', 'аромат';
ләпәләнмәк 'волноваться (о воде)'—от существительного *ләпә* 'волна';
пахылланмаг 'завидовать'—от существительного *пахыл* 'завистник';
саһибләнмәк 'взять в свое владение', 'захватить', 'овладеть', 'завладеть'—от существительного *саһиб* 'хозяин', 'владелец', 'господин', 'обладатель', 'обладающий'.

Примеры из других тюркских языков:
узб.: *нурланмоқ* 'сиять'—от существительного *нур* 'луч', 'сияние', 'свет';
казах.: *иелен-* 'присваивать', 'завладеть'—от существительного *ие* 'хозяин', 'владелец', 'обладатель';
иістен- 'вонять', 'издавать дурной запах'; 'начинать портиться'—от существительного *иіс* 'запах';
хак.: *пастахтан-* 'шалить', 'баловаться'—от существительного *пастах* 'баловник';
Izbudak: *irklenmek*: *irklendi* 'он стал владельцем предмета'; 'он стал главой' (25);
iylenmek 'пахнуть дурно', 'портиться'; *iylendi su* 'вода испортилась' (26).
Примеры показывают, что подавляющее большинство глаголов с аффиксом *-лан-* образовано от существительных, из семантики которых в одних случаях в глагольное значение включается название процесса (как, например, в глаголах 2-й рубрики), в других же случаях—значение конкретного предмета или признака (как, например, в глаголах 4—8 и отчасти 3-й рубрик).

Значения производных глаголов на *-лан-*

Сказанное в предыдущем разделе относительно источников и структуры глагольного значения в производных формах относится и к производным глаголам с аффиксом *-лан-*. В них также реальное значение производного глагола — результат взаимодействия трех факторов: вещественного значения именной основы, семантических отношений между производным глаголом и его именной основой и собственного значения глаголообразующего аффикса. Как и в глаголах на *-ла-*, здесь также при основах с семантикой названия процесса или его признака образование глагольного значения сводится к грамматической трансформации имени в глагол, к преобразованию статического значения имени в динамическое значение глагола, в результате чего, например, подражательное образное слово *фыр*, имитирующее вращение, трансформируется в глагольное значение «вертеться», «вращаться» с сохранением исходного материального значения, или имя прилагательное *мәғрур* 'гордый', 'надменный' преобразуется в глагол *мәғрурланмаг* 'гордиться' без нарушения вещественного родства в значении обоих слов и т. д.

То же происходит и в глаголах с основами, имеющими смешанное значение названия процесса-результата, как, например, *гычыгланмаг* 'раздражаться'— от существительного *гычыг* 'подразнивание', 'возбуждение зависти', 'раздражение', между которыми различие не вещественное, а грамматическое; *гејзләнмәк* 'гневаться', 'сердиться', образованное от существительного *гејз* 'гнев', 'злоба', 'озлобление', где различие также носит грамматический характер, и т. д.

Как уже известно из предыдущего, не во всех случаях возможно простое грамматическое преобразование именной основы в глагол. Этому препятствуют значения почти всех именных основ, кроме глаголов второй рубрики, к которым примыкают еще семантически смешанные основы, означающие процесс-результат. В таких случаях, как и в глаголах на *-ла-*, фиксируется значение основной типичной функции предмета или явления, обозначенного в именной основе.

Нет надобности развивать также положение о более абстрактных и более конкретных типах значений. Очевидно, например, что семантика глаголов второй рубрики, у которых основы означают название процесса или его признака, в общем более абстрактна, чем семантика глаголов первой рубрики с основами, означающими предметный результат процесса. Однако различие между ними меньше, чем в глаголах с показателем *-ла-*, где конкретные значения представлены шире и разнообразнее. В целом глаголы с *-лан* являются чаще носителями более абстрактных значений. Этим прежде всего и объясняется не столь

развитый, как в глаголах на *-ла-*, процесс дальнейшего обобщения глагольных значений в производных формах на *-лан-*.

В глаголах на *-лан-* нет иных типов семантической структуры, кроме указанных выше. Их смысловое строение укладывается в те же четыре типа, которые были установлены для глаголов с аффиксом *-ла-*, но с тем отличием, что в глаголах на *-лан-* господствующими являются первый и третий типы.

К первому семантическому типу принадлежат глаголы второй рубрики (с основами, означающими название процесса или его признака).

К третьему типу принадлежат наиболее конкретные глаголы следующих рубрик: 1а, 3 (такие глаголы, как *чадраланмаг* 'надевать на себя чадру') и 6 (такие глаголы, как *гуршагланмаг* 'опоясываться').

Значения всех этих глаголов двусоставны, так как в их семантике рядом с представлением о процессе сосуществует представление о предмете, находящемся в таком же отношении к процессу, в каком находится значение именной основы к значению производного глагола. В глаголах третьего типа представление о процессе носит, как и в глаголах на *-ла-*, общий характер и передает одну из основных функций предметов, однородных с обозначенным в именной основе; конкретное же представление о предмете ограничивает общее представление о процессе. Например, в глаголах *барланмаг* 'давать плоды, завязи (о плодовых деревьях)' — от *бар* 'плод', *будагланмаг* 'делаться ветвистым', 'пускать ветки'— от *будаг* 'ветка', *булутланмаг* 'покрываться облаками, тучами', 'становиться пасмурным' — от *булут* 'облако', 'туча', *габыгланмаг* 'покрываться корой' 'обрастать корой'— от *габыг* 'кора' и т. п. глагольное значение образуется из представления о процессе, которое можно обозначить в виде «образование», «появление», «возникновение», и представления о конкретных предметах *бар, будаг, булут, габыг* и т. д., появляющихся в результате процесса «образования», «появления», «возникновения».

Довольно многочисленные глаголы группы «б» первой рубрики, как и соответствующие глаголы на *-ла-* из второй рубрики с основами, означающими результат — признак процесса, имеют семантическое строение первого типа. Правда, на основании результативного значения основ и здесь можно было бы допустить двусоставность семантического строения глагольного значения, приблизительно в виде сочетания общего процессуального представления «становиться» и атрибутивного представления «таким-то». Но подобному допущению препятствует, во-первых, семантическая родственность процессуального и атрибутивного представлений, т. е. тот факт, что оба они означают признаки, благодаря чему значения их сливаются, и, во-вторых,

отсутствие процессов семантического обобщения в подобных глаголах. Это в свою очередь свидетельствует об отсутствии внутренних условий для возникновения таких процессов и, следовательно, об односоставности семантики производного глагола. Поэтому в глаголах рассматриваемой группы правильнее допустить трансформацию статического признака основы — прилагательного — в динамический признак производного глагола.

Сюда же относится некоторая часть глаголов рубрик 3—8. Другая ее часть относится к третьему семантическому типу, остальные глаголы — к четвертому семантическому типу.

Ко второму семантическому типу принадлежат глаголы, в которых значение именной основы сливается со значением основной функции предмета (явления), названного в именной основе: *зинәтләнмәк* 'украшаться', 'наряжаться'— от *зинәт* 'украшение', 'убранство', 'наряд'; *фајдаланмаг* 'пользоваться', 'извлекать пользу, барыш, выгоду'— от *фајда* 'польза', 'выгода', 'барыш'; *силаһланмаг* 'вооружаться' — от *силаһ* 'оружие'; *арвадланмаг* 'корчить из себя взрослую женщину, женщину-хозяйку'— от *арвад* 'женщина'; 'жена', 'супруга'; *ушагланмаг* 'ребячиться' — от *ушаг* 'дитя', 'ребенок'; *хорузланмаг* 'петушиться', 'задираться', 'хорохориться' — от *хоруз* 'петух' и др.

К четвертому семантическому типу относятся глаголы, в значениях которых уже исчезло или сильно ослабело указание на предмет, и глаголы получили более обобщенное значение, например: *архаланмаг* 'полагаться', 'надеяться', 'опираться на кого-нибудь' — от существительного *арха* 'спина'; 'поддержка', 'опора', *ганадланмаг* 'окрыляться', 'подбодриться' — от *ганад* 'крыло' (здесь обобщение глагольного значения оказалось возможным на почве метафоризации первоначального значения «приобрести крылья») и др.

По значениям аффикса *-лан-* глаголы могут быть объединены в следующие шесть групп:

1) означающие переход в какое-либо состояние или пребывание в нем [45];

2) означающие появление или развитие какого-либо признака, качества, свойства;

3) означающие превращение;

4) означающие появление или образование каких-либо предметов;

---

[45] Ср. у Дж. Редгауза: «Глагол (на *-лан-*. — *Э. С.*), образованный от существительного... означает „становиться носителем"..., образованный от прилагательного — означает „становиться"... Примеры: *şüphelenmek* 'сомневаться' ('становиться носителем сомнения') — от *şüphe* 'сомнение'; *güzellenmek* 'хорошеть' ('становиться красивым') — от *güzel* 'красивый'» (J. W. Redhouse, *Grammaire rainsonnée de la langue ottomane*, p. 1185).

5) означающие приобретение, добывание себе чего-нибудь, оснащение себя чем-нибудь;

6) со значением уподобления.

Перечисленные значения количественно неравноценны. Наиболее важны первые два, на которые приходится 73% всех глаголов с аффиксом *-лан-* (26% — на первое значение и 47% — на второе). Из остальных значений наиболее распространено четвертое — 14%, третья группа составляет 3%, пятая и шестая — 10%.

Указанные соотношения не случайны, поскольку они отражают наиболее важные, развивающиеся значения и значения второстепенные, частные или отмирающие.

Ведущим и развивающимся значением является второе, что подтверждается прежде всего тем, что в древности, судя по «Дивану» Махмуда Кашгарского, оно было не очень развито, а также тем, что именно это значение является центральным у новейшего глаголообразующего аффикса *-лаш-* с медиальным значением.

Глаголы первых двух семантических групп образуются от основ со значением результата и процесса или их признаков, вместе составляющих 87% всех именных основ глаголов на *-лан-*.

Можно, таким образом, констатировать, что удельный вес ведущих и развивающихся значений у глаголов с аффиксом *-ла-* и *-лан-* прямо противоположен: те значения, которые в глаголах на *-ла-* являются непродуктивными и отмирающими, в глаголах на *-лан-* будут ведущими и развивающимися, и наоборот, развивающиеся и продуктивные значения глаголов на *-ла-* в глаголах с показателем *-лан-* отсутствуют, поскольку эта форма имеет медиальное значение.

В то время как основную группу значений глаголов на *-ла-* составляют обозначения активных процессов, воздействующих на предмет, в первую очередь действия, основную группу значений глаголов на *-лан-* составляют обозначения процессов, совершающихся по отношению к действующему лицу, в первую очередь процессов изменения и развития.

Отсюда ясно, что важнейшие непереходные значения, отмирающие в глаголах на *-ла-* вследствие внутренних противоречий (см. стр. 96), сохранились в словообразующей системе азербайджанского языка, получив широкое развитие в рамках производной формы *-лан-*. Различие между обеими формами следует видеть в том, что в форме на *-ла-* значение перехода в другое состояние или приобретения признака в большинстве случаев относится к человеку (например, *арыгламаг* 'худеть', *азарламаг* 'заболевать' и т. п.), реже — это наступление какого-либо состояния в природе (например, *ахшамламаг* 'вечереть', 'наступать вечеру').

Другое принципиальное различие между обеими формами состоит в том, что направленность действия вовне или внутрь в глаголах на *-ла-* не составляет собственного значения формы, между тем как направленность процессов внутрь составляет главную часть значений формы на *-лан-*, а в некоторых случаях даже определяет его более частные значения. Отсюда можно сказать, что форма на *-лан-* в сравнении с формой на *-ла-* более свободна от влияния лексико-семантической природы именной основы. Это свидетельствует о большем ее грамматическом совершенстве. Обратимся к примерам на значения глаголов с показателем *-лан-*.

1. Переход в какое-либо состояние или пребывание в нем: *арланмаг* 'стесняться', 'стыдиться' — от *ар* 'стыд'; *гычыгланмаг* 'раздражаться' — от *гычыг* 'раздражение'; *зөвгләнмәк* 'наслаждаться' — от *зөвг* 'наслаждение'; *иштаһланмаг* 'проявить желание', 'аппетит' — от *иштаһ* 'аппетит'; *маарифләнмәк* 'просвещаться' — от *маариф* 'просвещение'; *пахылланмаг* 'завидовать' — от *пахыл* 'завистник'; *фәргләнмәк* 'различаться' — от *фәрг* 'различие'; *хофланмаг* 'испугаться', 'оробеть', 'растеряться от испуга', 'опешить' — от *хоф* 'страх', 'боязнь' 'ужас', 'опасение'; *јалтагланмаг* 'льстить', 'угождать', 'подлизываться' — от *јалтаг* 'льстец', 'подхалим', 'подлиза' и др.

Приведем примеры из текстов:

Тәрлан көнлүм јенә уча дағлара
һаваланыб һәркиз гонмаз бу јердә
(Вагиф, 29)
'Душа моя — сокол, вновь поднявшись
над высокими горами,
Не опустится никогда на это место'.

Тәсбиһ кими гатарыныз дүзәрсиз,
һаваланыб әрз үзүндә сүзәрсиз
(Вәдади, 23)
'Выстроив, как четки, свой караван,
Вы подымаетесь и плавно летите над землей...'

Хош нағмәлләниб бүлбүли-шеjда өтәр олду,
Ачылды ирәмләр...
(Вәдади, 58)
'Настроившись на сладкие напевы,
Запел влюбленный соловей, зацвели
райские сады...'

Бәдирләнмиш, ја бир маһи-табансан,
ја ҹәннәт бағында күли-хәндансан...
(Вагиф, 36)
'Или ты полноликая, сверкающая луна,
Или ты смеющаяся роза в райском саду...'

2. Значение появления или развития какого-либо признака, качества, свойства: *алчагланмаг* 'стать низким', 'снижаться', 'понижаться'—от *алчаг* 'низкий'; *аналланмаг* 'стать крупным'—от *анаи* 'большой', 'крупный'; *баһаланмаг* 'вздорожать', 'дорожать', 'подниматься в цене'—от *баһа* 'цена', 'стоимость'; *варланмаг* 'богатеть', 'разбогатеть', 'сделаться имущим, состоятельным'—от *вар* 'имущество', 'состояние'; *лалыгланмаг* 'переспеть', 'перезреть (о плодах)'—от *лалыг* 'переспелый', 'перезрелый (о плоде)'; *пијләнмәк* 'разжиреть', 'ожиреть'—от *пиј* 'сало', 'жир'; *пулланмаг* 'разбогатеть'—от *пул* 'монета', 'деньги'; *рүтубәтләнмәк* 'отсыреть', 'стать сырым, влажным'—от *рүтубәт* 'сырость', 'влага', 'влажность'; *тәрбијәләнмәк* 'стать воспитанным'—от *тәрбијә* 'воспитание'; *хәстәләнмәк* 'болеть', 'заболеть'—от *хәстә* 'больной'; *ҹанланмаг* 'ожить', 'оживать', 'оживляться'—от *ҹан* 'душа', 'дух'; 'жизнь'; *чолагланмаг* 'стать калекой'—от *чолаг* 'калека'; *ҹамалланмаг* 'хорошеть', 'становиться красивым, миловидным'—от *ҹамал* 'красивое лицо', 'красота', 'миловидность'; *шәфәгләнмәк* 'приобрести блеск', 'становиться блестящим', 'блистать', 'блестеть'—от *шәфәг* 'блеск', 'сияние'; *јаваланмаг* 'стать дурным, плохим; робким, несмелым'—от *јава* 'дурной', 'плохой'; 'робкий', 'несмелый' и др. Ср. примеры из текстов:

Көнүл Мәҹнун тәки диванәләнмиш...
(Вәдади, 24)
'Сердце обезумело, как Меджнун...'

Мухәммәс демәјин сејрәкләнибдир,
Бајатыда зеһнин зирәкләнибдир,
Гочалыбсан, гәлбин көврәкләнибдир,
Ишдән, күчдән олуб бекар ағларсан
(Вагиф, 178)
'Ты не говоришь пятистиший, они стали редкими,
В баяты твой ум стал сметливым,
Ты постарел, и сердце твое стало хрупким,
Оставшись без дел, ты плачешь'.

Подобно тому как среди именных основ глаголов на *-ла-* имеются основы со смешанными значениями смежных рубрик,

здесь также выделяется известное число случаев, когда глаголы имеют смешанное значение, обозначая как переход в какое-либо состояние, так и появление признака, качества, свойства. К числу таких глаголов относятся, например, *кефләнмәк* 'опьянеть', 'одурманиваться', 'напиться допьяна', 'пьянствовать'—от *кеф* 'хорошее состояние или настроение человека', 'удовольствие', 'блаженство', 'наслаждение'; *нәш'әләнмәк* 'прийти в хорошее настроение'—от *нәш'ә* 'хорошее, приподнятое настроение', 'легкое опьянение'; *hиддәтләнмәк* 'разгневаться', 'рассердиться', 'прийти в ярость, бешенство, неистовство', 'рассвирепеть'—от *hиддәт* 'гнев', 'бешенство', 'ярость' и др.

3. Значение превращения. К глаголам с этим значением относятся: *бухарланмаг* 'испаряться' — от *бухар* 'пар', *көлләнмәк* 'образоваться (о пруде)', 'превращаться в пруд' — от *көл* 'озеро' и несколько других глаголов. Ср. в тексте:

Атәши-ешгиндән дил кабаб олмуш,
Доланыр, чөврүнүр пәрванәләнмиш
(Вәдади, 24)

'От огня любви сердце сгорело (букв. 'изжарилось'),
Кружится, носится, превратившись в мотылек'.

4. Эта семантическая группа включает глаголы со значением появления, возникновения у предмета других предметов (см. третью группу значений аффикса *-ла-*). Глаголы на *-лан-* с данным значением также образуют компактную и достаточно большую группу, составляющую 14% общего количества глаголов на *-лан-*. Таким образом, мы видим здесь одно из преемственных значений глаголов на *-ла-*. Однако в форме на *-лан-* оно предстает уже в более распространенном виде. В глаголах на *-ла-* это значение относилось преимущественно к появлению потомства, в глаголах же на *-лан-* к появлению и многих других предметов. Ср., например, *гурдланмаг* 'стать червивым'—от *гурд* 'червь', 'червяк'; *дүjмәләнмәк* 'образоваться (о бутонах)', 'появиться (о бутонах)'— от *дүjмә* 'завязь', 'бутон'; *jосунланмаг* 'покрываться водорослями'— от *jосун* 'водоросли'; *кәфләнмәк* 'покрываться пенкой (при варке)'—от *кәф* 'пена', 'пенка'; *көкләнмәк* 'пускать корни', 'укорениться', 'укрепляться', 'обосноваться'—от *көк* 'корень'; *колланмаг* 'зарастать', 'покрываться кустами', 'образовать кусты'—от *кол* 'куст', 'заросль'; *көпүкләнмәк* 'пениться', 'выделяться (о пене)', 'покрываться пеной'—от *көпүк* 'пена'; *отланмаг* 'покрываться травой'—от *от* 'трава'; *түкләнмәк* 'оперяться', 'покрываться, обрастать шерстью, пухом, волоса-

ми'— от *түк* 'волос', 'волосок', 'шерсть', 'пух', 'пушок', 'перья'; *чадарланмаг* 'покрываться трещинами', 'трескаться'— от *чадар* 'трещина (в грунте, на коже, в почве)', *јарпагланмаг* 'покрываться листьями', 'зазеленеть (о деревьях)'—от *јарпаг* 'лист', *јунланмаг* 'покрываться шерстью'—от *јун* 'шерсть' и некоторые другие. Ср. в тексте:

Ганлы јашым күндән-күнә болланды,
Ахды, ахды синәм үстә көлләнди...
(Ведади, 20)

'Моих кровавых слез день ото дня становилось больше,
Они текли, текли и на груди моей образовали озеро'.

Как видно из примеров, значительная часть приведенных глаголов объединяется более узким значением: «покрываться чем-нибудь».

5. Глаголы пятой группы значений образуют частную группу, семантически обусловленную одним из основных значений показателя *-н-*, входящего в состав аффикса *-лан-*.

Как будет показано в главе о залоговых формах, аффикс *-н-*, показатель возвратного залога, весьма часто означает действие, совершаемое в интересах действующего лица. Это значение, одно из центральных в возвратном залоге, почти не оставило следа в азербайджанском языке, тогда как в других тюркских языках оно до сих пор учитывается в грамматических описаниях. В азербайджанском языке значение действия, совершаемого в интересах действующего лица, сохранилось главным образом в глаголах рассматриваемой группы, хотя и здесь оно уже ослабло.

Описываемое значение аффикса *-лан-* Махмуд Кашгарский специально отмечает в своем «Диване», из чего можно заключить, что для его эпохи такое значение аффикса воспринималось как вполне актуальное. Оно составляло важнейший признак целого комплекса более конкретных, чем теперь, значений глаголообразующего аффикса *-лан-*, который был связан тогда семантически и с аффиксом *-ла-* и с аффиксом *-н-*, сохранявшим в ту отдаленную эпоху некоторые следы своего дозалогового состояния.

Из числа глаголов пятой группы значений могут быть приведены: *зинәтләнмәк* 'украшаться', 'наряжаться'—от *зинәт* 'украшение', 'убранство', 'наряд'; *саһибләнмәк* 'взять в свое владение', 'захватить', 'овладеть', 'завладеть'—от *саһиб* 'хозяин', 'владелец', 'господин', 'обладатель'; *силаһланмаг* 'вооружаться'—от *силаһ* 'оружие'; *түфәнкләнмәк* 'вооружаться винтовкой'—от *түфәнк* 'ружье', 'винтовка; *фајдаланмаг* 'пользоваться', 'извлекать пользу, барыш, выгоду'—от *фајда*

'польза', 'выгода', 'барыш, 'прок'; *јарагланмаг* 'вооружаться', 'снаряжаться'; 'украшаться', 'наряжаться'—от *јараг* 'оружие', 'снаряжение', 'инструмент'; *ганадланмаг* 'окрыляться', 'подбадриваться'—от *ганад* 'крыло'; *гуршагланмаг* 'опоясываться'—от *гуршаг* 'пояс', 'кушак'. В последнем глаголе значение аффикса *-лан-* полностью совпадает со значением возвратного залога, что легко устанавливается не только из непосредственного значения указанного глагола, но также при сравнении его с возвратной формой глагола *гуршамаг*, т. е. *гуршанмаг*, которая также означает «опоясываться».

6. Глаголы на *-лан-* со значением уподобления, составляющие столь же незначительную группу, что и названные выше (см. группу 5), сохраняют преемственность с некоторыми из значений глаголов на *-ла-*, принадлежащих ко второй группе (стр. 80). В глаголах на *-лан-* этот процесс благодаря присутствию показателя возвратного залога обращен на самого производителя действия и принимает конкретное значение «действовать», «вести себя подобно...», что видно из примеров: *ағаланмаг* 'важничать', 'корчить из себя господина, барина'—от *аға* 'ага', 'господин', 'хозяин', 'барин', 'сударь'; *арвадланмаг* 'корчить из себя взрослую женщину, женщину-хозяйку'—от *арвад* 'женщина', а также все глаголы с основами, означающими форму, вид, образ процесса и отнесенными по этому признаку к четвертой рубрике (см. выше, стр. 118). Ср. еще *бөјүкләнмәк* 'важничать'; 'чваниться', 'задирать нос'—от *бөјүк* 'старший', 'начальник'; *хорузланмаг* 'петушиться', 'задираться', 'хорохориться'—от *хоруз* 'петух'; *шешәләнмәк* 'петушиться', 'гордиться', 'хвастаться'—от *шешә* 'высокомерный' 'горделивый', 'спесивый' и др.

Для глаголов на *-лан-* сохраняет свое значение зависимость семантики производного глагола от различных отношений, которые могут сложиться между ним и многозначной глагольной основой. Так, например, по отношению к глаголу *газланмаг* основа *газ* может выступать как название результата и как название признака результата. В первом случае глагол означает «превращаться в газ», во втором — «быть газированным». Аналогично этому основа *чилвә* 'ласка', 'кокетство' по отношению к производному от него глаголу *чилвәләнмәк* означает в одном случае результат, в другом случае название процесса, чему соответствуют значения «стать ласковым» и «кокетничать». Важнейшую роль играет, конечно, также и то обстоятельство, что основа *чилвә* имеет разные вещественные значения. Но одного этого для образования глагольного значения недостаточно, так как оно формируется в результате действия трех факторов: значений именной основы, семантического отношения последней к произ-

водному глаголу как орудия, результата и т. д. и собственного значения глаголообразующего аффикса.

Приведенные группы значений глаголов на *-лан-* сближаются между собой, что позволяет объединить их в более широкие разряды и сократить нашу классификационную схему. Так, несомненно близки между собой группы 2, 3 и 4, объединив которые мы получаем классификацию из четырех значений:

1) глаголы, означающие переход в какое-либо состояние или пребывание в нем;

2) глаголы, означающие появление или развитие какого-либо признака, качества, свойства предметов, а также глаголы со значением превращения;

3) глаголы, означающие приобретение, добывание себе чего-нибудь, оснащение себя чем-нибудь;

4) глаголы со значением уподобления и подражания.

Возвращаясь к описанию примеров на обобщение значений глаголов в форме *-лан-*, напомним, что из-за большей отвлеченности их ведущих значений процессы обобщения и метафоризации значений здесь развиты слабее, чем в форме на *-ла-*.

Одним из наиболее интересных примеров семантического обобщения является глагол *атланмаг*, в других языках *аттан-* и даже *алтан-* (с метатезой). Исходным значением этого глагола в большинстве языков является «садиться на коня». В азербайджанском, хакасском *(алтан-*, см. также Радл., Сл., I, 404) и туркменском *атлан-* имеет только это значение. Так же у Абу-Хайяна (стр. 7), в армяно-команском *(atlandı atka,* Deny, 45), киргизском *(аттан-)*, татарском, тувинском *(аъттан-)* и некоторых других языках. Процесс обобщения значения развивается по нескольким линиям: 1) обобщается само предметное понятие, в результате чего *атлан-* означает «садиться не только на коня, но и на любой предмет»; такую эволюцию значения глагол претерпел в татарском языке, где он означает «садиться верхом на коня, бревно и т. д.»; 2) обобщается момент посадки на коня, в результате развивается значение «подпрыгивать», «вскакивать», которое имеется в турецком глаголе; 3) значение глагола обобщается в отношении цели, ради которой человек в прошлом садился на коня; так можно, по-видимому, объяснять значение «выступать в поход», «отправляться в поход», имеющееся в казахском и киргизском языках, и от которого образовалось наиболее обобщенное значение «отправляться» — в казахском. Очевидно, таково же происхождение якутского *аттан-* 'отправляться в путь', 'уезжать', 'пускаться в дорогу', 'отъезжать' и значения этого глагола в узбекском, киргизском и хакасском — «собираться, снаряжаться в путь». Как показывает пример, процесс обобщения в глаголе на *-лан-* оказался возможным потому, что первоначальное значение глагола *атлан-* является конкрет-

ным и двусоставным (представление о действии — «садиться» и представление о предмете — «на коня»).

Обобщенным предстает также второе значение в глаголе *архаланмаг:* 1) 'опираться на кого-нибудь'; 2) 'полагаться', 'надеяться' — от *арха* 'спина'. Исходя из именной основы необходимо допустить, что первоначальным значением глагола было *«опираться спиной». Следовательно, первое значение «опираться на кого-нибудь» уже обобщенное. Оно вполне объясняет второе значение, не лишенное метафоричности. Если бы глагол *архаланмаг* означал «опираться на что-нибудь», то едва ли отсюда могло бы развиться значение «полагаться», «надеяться». Поэтому в семантической эволюции глагола *архаланмаг* важнейшая роль принадлежит второй части первого значения («опираться на кого-нибудь»), благодаря которой удается восстановить полный состав первоначального значения как *«опираться спиной на кого-нибудь».

Не вызывает особых сомнений обобщение значения в широко известном в тюркских языках глаголе *евләнмәк,* распространенном также в формах *үйлен-* (казах.), *үйлөн-* (кирг.), *ибленн-* (хак.) и др. Исходя из описанных выше групп значений, можно допустить, что исходное значение глагола *евләнмәк* образовалось по пятой группе («приобрести что-либо», «обзавестись чем-либо») и выражало «обзавестись домом». Именно такое значение имеется в хакасском языке, наряду с которым отмечено и значение «обзавестись семьей». Второе значение хакасского глагола в сущности выражает то же, что и русский глагол «жениться», ибо в обоих случаях имеется в виду образование семьи. По своей внутренней форме русскому глаголу соответствует лишь тувинский *кадайлан-*, образованный от *кадай* 'жена'. Отметим, что в хакасском глаголе сохранилась первоначальная семантика рассматриваемого глагола, тогда как в большинстве остальных тюркских языков, не исключая и некоторых старых (например, Ettuhf., Dizin, 171, 228), имеется лишь обобщенное значение «жениться». Особое, локальное значение *эвлән-//ӱйлен-* имеет в алтайском языке, где он значит «поселиться в доме», «водвориться» (Грам. алт. яз., 285).

Вполне ясен путь обобщения в глаголе *jujәләнмәк* 'завладеть', 'захватить', 'присвоить' — из первоначального *«стать хозяином, владельцем». Очевидно, что обобщение произошло за счет способа, при помощи которого происходило в древности и в позднейшее время превращение в хозяина (*jujә*).

Путь обобщения значения глагола *кирпилен-* 'съежиться' в гагаузском языке иной. По семантическому типу глагол *кирпилен-* принадлежит к четвертой группе, имеющей значение уподобления, и первоначально передавал более конкретное понятие *«съеживаться подобно ежу».

К глаголам на *-лан-* можно было бы отнести также турецкий глагол *kullanmak* 'употреблять', сравнивая его с идентичным глаголом *қолдан-* в казахском языке. Правда, в турецком глаголе *kullanmak* вместо широкого гласного *о*, который имеется в казахском глаголе и его именной основе *қол* 'рука', равно как и в турецкой именной основе *kol* 'рука (до плеча)', закрепился узкий гласный *и*. Но главное препятствие для признания формы *kullanmak* производным глаголом с аффиксом *-лан-* заключается в том, что *kullanmak* управляет винительным падежом, а это не свойственно глаголам на *-лан-* в турецком языке. Правильнее допустить, что *kullanmak* представляет собой возвратную форму от исчезнувшего глагола **kulla-*, который мы находим с разными значениями в ряде тюркских языков (например, в узбекском *қўлламоқ* значит «употреблять»).

Из немногочисленных глаголов на *-лан-*, в которых развилось метафорическое значение, вытеснив основное, или же метафорическое значение возникло одновременно с основным, могут быть приведены следующие.

Глагол *аяқлан-//аяқтан-*, который известен в туркменском, турецком, казахском, татарском, хакасском (*азахтан-*) и некоторых других языках. Исходное значение этого глагола — «стать на ноги» (турецкий, казахский, татарский — о животных) или «начать ходить» (туркменский, хакасский). В турецком наряду с первым значением развилось вторичное, метафорическое значение «возмущаться», «взбунтоваться», воспринимаемое в современном языке как основное.

Азербайджанский глагол *үрәкләнмәк* с момента своего функционирования имел метафорическое значение «ободрять-ся», «смелеть», «набраться храбрости», объясняемое вторичным, метафорическим значением самой именной основы *үрәк* 'сердце', 'душа'; 'смелость', 'храбрость'. Такие же значения имеются в турецком и киргизском, тогда как в большинстве остальных языков (казахском, узбекском, татарском, хакасском, тувинском и др.) известно лишь первое значение—«сердце». Однако производные формы *юрекли, юрексиз* и т. д. с показателями *-ли* и *-сиз* означают в этих же языках соответственно «храбрый», «смелый» и «робкий», «трусливый».

Метафорическое значение является основным и единственным также в другом азербайджанском глаголе *күлләнмәк* 'слоняться', 'шататься без дела', 'болтаться' — от существительного *күл* 'пепел', 'зола'. В данном случае неясен источник приведенного значения, так как последнее не подсказывается ни значением именной основы, ни семантическими возможностями его применения. Отметим попутно, что существительное *күл* в большинстве тюркских языков известно лишь в своем прямом значении «пепел», «зола», а производные от него глаголы, имеющие-

ся в отдельных тюркских языках, означают «превращаться в пепел» (тур. *küllenmek*, азерб. *күлләшмәк*, тув. *хүлден-*).

* *
*

Сказанное выше о значениях глаголов с показателем *-лан-* целесообразно сопоставить с наблюдениями Махмуда Кашгарского, как это было сделано при описании глаголов с аффиксом *-ла-*.

Махмуд Кашгарский в своем труде[46] несколько раз специально останавливался на значениях аффикса *-лан-*, о которых он писал, в частности, следующее (M. Kāşgarī, II, 269—278):

«Во-первых, означает „быть владельцем названного [в глаголе. — *Э. С.*] предмета", подобно *er tarıglandı, er kaşuklandı,* которые означают „человек стал владельцем посева", „человек стал владельцем ложки".

Во-вторых, означает „считать себя из рода того предмета, о котором говорится", „принять его [предмета. — *Э. С.*] облик": *er oguzlandı, er çigillendi* 'человек принял облик огуза', 'человек счел себя огузом', 'человек принял облик чигиля', 'человек счел себя чигилем'[47]. Это правило распространяется на все глаголы.

В-третьих, означает, что данный предмет свойствен действующему лицу: *yıgaç butaklandı, yıgaç yemişlendi* 'дерево разветвилось, пустило ветви', 'дерево дало плоды'.

В-четвертых, не имеется в виду ни одно из этих значений, а слово остается в своем значении (II, 270. — *Э. С.*) подобно *er katıglandı, kişi yumurlandı,* которые означают „человек поработал", „народ собрался"».

Значения глаголов на *-лан-*, устанавливаемые во второй части «Дивана», уточняются и детализируются в третьей части. Так, автор указывает (III, 198): «Первое из значений: „быть вместе с названным [в глаголе.— *Э. С.*] предметом", или „быть его обладателем" подобно *er tayuklandı, süt kayuklandı,* которые означают „человек стал обладателем трости", „молоко покрылось сливками".

Во-вторых, означает, что говорящий счел данный предмет принадлежащим к тем, о которых сказано в речи, подобно *er atığ kızlandı, ol anı kızlandı*, которые означают „человек

---

[46] Mahmūd Kāşgarī, *Divanü lûgat-it-Türk tercümesi,* çeviren Besim Atalay, I—III, Ankara, 1939—1941. См.: ч. I, стр. 255—259, 289—299, 311—315 и некоторые другие; ч. II. стр. 238—269; ч. III, стр. 1110—1117, 196—206.

[47] Огуз и чигиль — названия тюркских племен. Для значения «принимать вид» ср. у Радлова: *обурлан-* '(крым.тат.) 'состариться' (в дурном смысле, т. е. иметь вид старого злого духа или ведьмы) (Сл., I, 1161).

нашел лошадь дорогой", „он отнес ее к числу своих дочерей, счел ее своей дочерью" [48].

В-третьих, имеет значение неизвестного [страдательного.— *Э. С.*] глагола, подобно *tawar çoğ.andı*, *böz çıglandı*, которые означают „товар был уложен в сумы", „материя была измерена".

В-четвертых, образуется глагол, который означает „быть похожим на названный [в глаголе.—*Э. С.*] предмет", подобно *er tayuklandı*, которое значит „человек облагородился, принял благородный облик"».

Примеры на перечисленные Махмудом Кашгарским значения приведены не только при определениях значений, но рассеяны во всем тексте. Особенно много примеров дано в «Диване» для первых трех значений. Приведем некоторые из них:

Для первого значения «быть обладателем предмета» или «быть вместе с предметом, названным в речи»: *er çawlandı* (II, 245) 'человек прославился'; *er tuşgutlandı* (II, 270) 'человек стал хозяином слуги'; *er saʃdıçiandı* (II, 271) 'человек стал владельцем корзины'; *er saglıklandı* (II, 275) 'человек стал обладателем дойной овцы'; *er kısraklandı* (там же) 'человек стал обладателем кобылицы'; *kul çükreklendi* (II, 277) 'невольник стал обладателем шерстяной одежды'; *kız monçuklandı* (II, 276) 'девушка приобрела бусы'; *er başmaklandı* (II, 274) 'человек приобрел обувь' и др.

Для второго значения «считать себя тем-то», «принимать облик того-то», «считать предмет за то-то»: *er tawgaçlandı* (II, 271) 'человек принял облик китайца'; *er karlıklandı* (II, 275—276) 'человек принял облик карлука'; *er kençeklendi* II, 277) 'человек принял облик кенчека, превратился в кенчека'; *er kıwçaklandı* (II, 276) 'человек принял облик кыпчака и воспринял их нрав'; *er yagmalandı* (III, 203) 'человек принял облик ягма и воспринял их привычки' [49] и другие глаголы с аналогичным значением. К этой группе по классификации Махмуда Кашгарского принадлежат глаголы типа *ol anı kızlandi* (II, 251) 'он сделал ее своей дочерью' и подобные.

Для третьего значения: *buçgaklandı neng* (II, 273) 'в предмете появились углы'; *ter burçaklandı* (там же) 'пот образовал капельки'; *ton künçüklendi* (II, 277) 'к одежде пришили ворот'; *er beçkemlendi* (там же) 'человек [в день сражения] надел значок' (?); *tağ kadruklandı* (II, 275) 'выступов, впадин

---

[48] Значение «считать», «рассматривать в качестве...» встречается и в глаголах некоторых из современных языков. Ср. у Радлова: *ӱлдан-* 1) 'усыновлять'; 2) 'держать как сына', 'обходиться с кем-либо как бы с собственным сыном' (Сл., I, 1700).

[49] Карлук, кенчек, кыпчак и ягма — названия племен.

и отвесных мест на горе стало больше'; *yer yulaklandı* (III, 115) 'вокруг стало больше источников'; *yığaç yıldızlandı* (III, 116) 'дерево пустило корни'; *art karlandı* (III, 187) 'горный хребет покрылся снегом', 'на горном хребте выпал снег'; *süt kayuklandı* (там же) 'на молоке образовались сливки'; *yer yığaçlandı* (III, 113) досл. 'на местности выросли деревья'. Автор добавляет: «когда деревьев становится больше, то говорят то же» (там же); *tewey yagirlandı* (III, 113, 114) 'у верблюда стало больше ссадин'; *er saçlandı* (II, 246) 'человек оброс волосами'; *suwlandı neng* (II, 247) 'предмет пропитался водой... как это бывает, когда плод становится мягче вследствие изобилия сока, или когда рана набухает из-за появления сукровицы' (там же) и др.

Исходя из перечисленных Махмудом Кашгарским значений глаголов на *-лан-*, можно выделить следующие семантические группы:

1) стать обладателем, владельцем предмета, названного в глаголе, быть вместе с этим предметом;

2) считать себя или предмет чем-нибудь, кем-нибудь;

3) образование или появление предметов, свойственных природе носителя действия;

4) быть похожим на предмет, названный в речи, принимать вид или облик предмета, названного в глаголе.

Страдательное значение в перечень Махмуда Кашгарского попало ошибочно, так как исходными формами в этих случаях являются глаголы на *-ла-*, а не *-лан-*, и последняя представляет здесь залоговую форму с показателем *-н-*.

Что касается группы, о которой сказано, что «слово остается в своем значении», то речь идет, как и в разделе об аффиксе *-ла-*, не о производном глаголе, а о семантике его именной основы, которая, судя по примерам, означает название процесса или его признака.

При сопоставлении значений глаголов на *-лан-* со значениями глаголов на *-ла-*, взятыми из «Дивана», можно отметить преемственность значения «принимать предмет за что-либо», «считать предмет чем-нибудь», которое сохраняется и в глаголах на *-лан-*. Различие между теми и другими состоит в следующем; в глаголах на *-ла-* это значение не включает в себя лицо субъекта (глагол на *-ла-* в подобных случаях означает, что содержащееся в глагольной основе «имя приписывается тому предмету, который назван в речи»), в глаголах на *-лан-*, наоборот, имеется в виду и само действующее лицо, что полностью обусловлено возвратным значением залогового показателя *-н-*.

Преемственным является также третье значение аффикса *-лан-* — «появление предметов, свойственных природе дейст-

вующего лица», которое отмечается Махмудом Кашгарским при обзоре значений глаголов с аффиксом *-ла-* («берется название того, что рождается от животного, и с прибавлением частицы ىلاU образуется глагол»). В этом случае элемент *-н-* имеет уже медиальное значение и указывает на ограниченность процесса сферой действующего лица.

Сравнивая классификацию значений глаголов на *-лан-* у Махмуда Кашгарского с классификацией значений таких же глаголов в азербайджанском языке, можно установить, что для автора «Дивана» наиболее заметными оказались наименее существенные и второстепенные значения глаголов на *-лан-* в современном азербайджанском языке, а именно те, которые входят в третью и четвертую группы нашей сокращенной схемы. Но ведущих и развивающихся в современных тюркских языках значений глаголов на *-лан-* — с семантикой перехода в какое-либо состояние и появления или развития признака, качества, свойства и т. д.—Махмуд Кашгарский не отметил [50]. В его классификации названо лишь значение превращения, довольно редко встречающееся у глаголов с аффиксом *-лан-* в современном азербайджанском языке, и значения образования или появления предметов. Последнее составляет 14% всех значений азербайджанских глаголов.

Второе значение в перечне Махмуда Кашгарского, т. е. значение «принимать, считать себя или предмет чем-нибудь, кем-нибудь», в современном азербайджанском языке как групповое не прослеживается и может рассматриваться в качестве одного из первоначальных значений глаголов на *-лан-*. В этом случае показатель *-н-* еще не приобрел медиального значения, которое впоследствии стало важнейшим. В результате глаголы на *-лан-* перестали управлять винительным падежом, тогда как в эпоху составления «Дивана» это было еще возможно, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры (*er atığ kızlandı*, *ol anı kızlandı* и др.).

Управление винительным падежом у глаголов на *-лан-* объясняется неразвитостью медиального значения показателя *-н-*.

Нельзя предположить, что Махмуд Кашгарский смешивал производные глаголы на *-лан-* с залоговыми формами на *-н-*, образованными от переходных глаголов с аффиксом *-ла-*,

---

[50] Значения развития в аффиксе *-лан-* в ряде старо- и древнетюркских памятников нет вообще, в частности они отсутствуют в сводном словаре к избранным текстам в книге С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности» (М.—Л., 1951). Глаголы с указанным значением могли уже существовать в старых и древних тюркских языках, но они были еще немногочислены и не характерны для древнейших значений глаголов в данной форме.

поскольку в «Диване» нет глаголов на *-ла-*, семантически идентичных глаголам с показателем *-лан-*. Отсюда мы заключаем, что во всех следующих ниже примерах с прямым дополнением глаголы образованы непосредственно от имени с показателем *-лан-*, но в них еще ощущается значение действий, совершаемых для или в интересах действующего лица, специфичное для возвратного залога. Например: *ol bu ogurni tumluglandi* (M. Kāşgarī, II, 272) 'он нашел это время [года.— *Э. С.*] холодным'; *er tonin mançuklandı* (II, 276) 'человек положил свою одежду в переметную суму и повесил ее за седло'; *ol bu yerig kışlağlandı* (II, 273) 'он устроил в этом месте зимовку и перезимовал'; *ol bu aşığ çiwgünlendi* (II, 278) 'он счел эту пищу пригодной'; *ol yerig yıraklandı* (III, 115) 'он счел местность далекой'; *ol aşığ yawganlandı* (III, 116) 'он нашел обед невкусным' и некоторые другие.

Как было сказано выше, два наиболее важных из современных значений аффикса *-лан-* в перечне Махмуда Кашгарского отсутствуют. Однако глаголы с этой семантикой в «Диване» все же имеются.

Поскольку этих глаголов немного, они теряются среди других глаголов на *-лан-*, преобладающее большинство которых имеют значения приобретения и обладания, а также образования или появления предметов. Ср. следующие примеры:

Глаголы, означающие переход в какое-либо состояние или пребывание в нем: *er işlan kızgutlandı* (II, 271) 'человек уклонился от работы'—от *kızgut* 'наказание', 'мучение' (Dizin, 326); *ol mendin turkığlandı* (II, 272) 'он постеснялся меня'; *oglan tugraglandı* (там же) 'юноша сел на боевого коня'—*tugrag* 'боевой конь' (Dizin, 649); *er bürgelendi* (III, 202) 'человек от гнева начал прыгать словно блоха', 'человек пришел в возбужденное состояние'—от *bürge* 'блоха' (Dizin, 125); *er tilkülendi* (там же) 'человек схитрил, стал льстивым'—от *tilkü* 'лиса' (Dizin, 624); *bulut bognaklandı* (II, 274) 'туча разделилась на части'; *suw tarmutlandı* (II, 270) 'река разделилась на рукава'—от *tarmut* 'вершины и ущелья в горах' (Dizin, 580) и др.

Глаголы, означающие появление, развитие какого-либо признака, свойства, качества: *er tıgraklandı* (II, 274) 'человек проявил отвагу'—от *tıgrak* 'отважный' (Dizin, 613); *er yüreklendi* (III, 115) 'человек проявил мужество'; *kız kırtışlandı* (II, 272) 'девушка стала красивой', 'лицо девушки похорошело'—от *kırtış* 'цвет лица', 'лицо' (Dizin, 320); *koy yakrılandı* (III, 203) 'овца стала жирной, разжирела'—от *yakrı* 'жир', 'жирный' (Dizin, 732); *ogul yuwgalandı* (там же) 'ребенок стал слабым'—от *yuwga* 'слабый', 'худой' (Dizin, 819); *suw*

sayramlandı (III, 205) 'вода упала (об уровне)'; *er özi çerlendi* (II, 244) 'человек заболел'—от *çer* (Dizin, 141); *er küçlendi* (II, 252) 'человек стал сильным'—от *küç* 'сила' (Dizin, 392); *er yawaşlandı* (III, 114) 'человек смягчился', 'характер человека смягчился'—от *yawaş* 'имеющий мягкий характер' (Dizin, 761) и др. Некоторые из глаголов приведены и самим Махмудом Кашгарским при перечне значений, но в совершенно ином толковании.

Махмуд Кашгарский не отметил также в своем словаре небольшую группу глаголов, означающих «оснащение себя чем-нибудь» и входящих в основную группу со значением приобретения и владения. Из глаголов этой группы могут быть названы: *er yarıklandı* (III, 114) 'человек надел латы, кольчугу'—от *yarık* 'доспехи' (Dizin, 749); *uragut saraguçlandı* (III, 205) 'женщина закрылась покрывалом' — от *saraguç* 'покрывало для лица' (Dizin, 490); *işler bilezüklendi* (там же) 'женщина надела браслет' — от *bilezük* 'браслет' (Dizin, 92) и др.

При несомненной самостоятельности аффикса *-лан-* как особой словообразовательной формы в современном азербайджанском языке на практике, особенно в словарной работе, нередки случаи смешения его с формой возвратного или страдательного залога в разных тюркских языках. Из весьма заметного числа случаев такого рода можно привести следующие.

В некоторых азербайджанских словарях приводятся, например, в одной словарной статье при глаголе *јумруламаг* значения «делаться, становиться круглым», «превращаться в шарик» — от *јумру* 'круглый'. Между тем здесь два глагола: 1) возвратно-медиальная форма на *-н-* от глагола *јумруламаг* 'делать круглым', 'закруглять' и 2) производный глагол на *-лан-* со значением «превращаться в шарик».

При глаголе *чаталланмаг* даны значения: 1) «разветвляться»; 2) «подпираться вилообразным шестом (о дереве)». Здесь также два разных глагола: страдательная или медиальная форма от глагола *чаталламаг* 'подпирать, подставлять вилообразный шест как подпорку (о дереве)' и производный глагол на *-лан-* («разветвляться») — от *чатал* 'раздвоенная вилообразная ветвь', 'вилообразное разветвление'. Другое значение этого существительного — «шест с разветвлением для подпорки» — вошло в семантику первого глагола. Таким образом, здесь и исходные значения основ для обоих омонимичных глаголов различны.

Два глагола объединены также в словарной статье для *јумагланмаг,* где даны значения «сматываться в клубок», «образовывать комок», «превращаться в комок». Первое значение относится к медиальной и страдательной форме глагола *јумагла-*

маг 'сматывать в клубок', два других значения относятся к производному глаголу на *-лан-*.

К глаголу *jaғланмаг* даны значения: «быть смазанным маслом, жиром, салом», «жиреть», «становиться жирным, полным». Фактически здесь два глагола: страдательная форма глагола *jaғламаг* 'смазывать маслом, жиром, салом' и производный глагол на *-лан-* 'жиреть' и т. д. — от *jaғ* 'масло', 'жир', 'сало'.

Два разных значения объединены в глаголе *чимләнмәк* 'покрываться дерном', 'быть заложенным дерном'. Первое значение принадлежит производному глаголу на *-лан-* от основы *чим* 'дерн', второй омонимичный глагол представляет собой страдательную форму на *-н-* от глагола *чимләмәк* 'закладывать, запружать дерном', образованного от той же именной основы.

Разные глаголы объединены в форме *һалланмаг*, при котором приводятся значения «быть склоняемым», «склоняться», «получать удовольствие». Первое значение принадлежит медиально-страдательной форме, образованной от глагола *һалламаг* 'склонять' — от существительного *һал* 'падеж'. Второе значение принадлежит производному глаголу на *-лан-* от омонимичного существительного со значением «экстаз», «настроение». Следовательно, у обоих глаголов их именные основы имеют разные значения.

Значения глагола *хырдаланмаг* 'мельчать', 'становиться мелким', 'быть размененным (о деньгах)' относятся к разным глаголам: производному глаголу на *-лан-* со значением «мельчать», «становиться мелким» — от *хырда* 'маленький', 'мелкий', и страдательной форме глагола *хырдаламаг* 'разменивать (деньги)' — от существительного *хырда* 'мелочь (о деньгах)'. Таким образом, и в данном случае, помимо разных форм словообразования и разного грамматического значения, наши глаголы восходят и к разным именным основам.

Смешаны также значения разных глаголов в форме *көкләнмәк*, при которой приведены значения «пускать корни», «укореняться», «укрепляться», «обосновываться», «прошиваться», «простегиваться»; «настраиваться (о музыкальном инструменте)». Здесь уже три глагола: *көкләнмәк* $_1$ 'пускать корни' и т. д. — производный глагол с аффиксом *-лан-* от основы *көк* 'корень', 'основа', 'основание'; *көкләнмәк* $_2$ — страдательно-медиальная форма глагола *көкләмәк* 'прошивать', 'проводить шов', 'стегать', образованного от омонимичного существительного со значением «строчка», «шов»; *көкләнмәк* $_3$ — страдательно-медиальная форма от глагола *көкләмәк* 'настраивать (музыкальный инструмент)' — от другого омонимичного существительного *көк* (из перс. كوك 'гармония звуков', 'созвучие', 'стройность', 'настройка' — Гафф., 676), отсутствующего в словаре. Как показы-

вает данный пример, одной из причин, приводящих к смешению омонимичных глаголов, следует считать смешение самих омонимичных основ.

В глаголе *комаламаг* 'собираться в кучу', 'образовывать ком' необходимо отделить первое значение, принадлежащее медиальной форме на *-н-*, от глагола *комаламаг* 'собирать в кучу', и второе значение, которое принадлежит производной форме на *-лан-*, образованной от той же именной основы *кома* 'комья', 'куча'.

Таким же образом необходимо разделить значения глагола *лилләнмәк:* 1) страд. от *лилләмәк;* 2) «мутиться», «становиться мутным», «покрываться илом». Первое значение принадлежит глаголу *лилләмәк* 'синить (белье)' и представляет его страдательную форму, как это и указано в словаре. Второе значение принадлежит производному глаголу на *-лан-*, образованному от другой именной омонимичной основы *лил* со значением «ил», «муть».

В словарной статье при *суланмаг* объединены два глагола: производная форма на *-лан-—суланмаг* 'наливаться водой', 'становиться сочным'— от существительного *су* 'вода', 'сок' и страдательная форма от глагола *суламаг* 'поливать что-либо водой', 'обливать водой'.

Количество приведенных примеров может быть увеличено, но в этом нет необходимости, так как из иллюстраций становится ясным, в чем источники смешения разных глаголов и их значений.

Один из источников ошибок был уже указан. Другой источник необходимо видеть в отсутствии критериев различения залоговых и словообразовательных форм. Чтобы отличать одно от другого, можно пользоваться простым правилом, согласно которому форма на *-лан-* относится к глаголообразующим, если нет глагола с тем же вещественным значением, образованного от той же основы при помощи аффикса *-ла-*. Или: если значения глаголов с элементами *ла* и *лан*, образованных от одной и той же основы, в вещественном смысле расходятся, очевидно, что перед нами два разных глагола.

Вместе с тем могут встретиться случаи, когда решить вопрос о принадлежности глагола на *-лан-* затруднительно. Как правило, это бывает, когда значения залоговой и словообразующей форм совпадают. Поэтому нередко то, что́ с первого взгляда кажется возвратной формой, может быть фактически самостоятельным глаголом, образованным при помощи аффикса *-лан-*. Более того. Поскольку возвратная форма не образуется автоматически от любого глагола, то зачастую глаголы, принимаемые нами за возвратную форму, с неменьшим основанием могут относиться к словообразовательной форме на *-лан-*.

Так, например, глагол *пудраланмаг* 'пудриться' мы в праве рассматривать в качестве возвратной формы от *пудраламаг* 'пудрить'. Однако вполне допустим здесь также глагол, образованный от той же основы при помощи аффикса *-лан-*.

Глагол *јавашланмаг* можно рассматривать в качестве страдательно-медиальной формы со значением «замедляться», «затихать», «быть замедленным» — от глагола *јавашламаг* 'замедлять шаги', 'идти тише' — от основы *јаваш* 'тихий', 'медленный', 'смирный'. Но со значением «замедляться», «затихать» вполне возможен также глагол *јавашланмаг,* образованный от той же основы при помощи аффикса *-лан-*.

Аналогичное совпадение можно отметить и в глаголе *һамарланмаг* 'становиться гладким, ровным', 'разравниваться' — от глагола *һамарламаг* 'делать гладким, ровным', 'выравнивать'. *һамарланмаг* вполне законно рассматривать и в качестве возвратной, и в качестве словообразовательной формы.

То же можно сказать относительно глагола *көлкәләнмәк* 'укрываться в тени', 'пользоваться тенью' при *көлкәләмәк* 'покрывать тенью', 'затенять' — от *көлкә* 'тень'; относительно глагола *сазланмаг* 'поправляться', 'налаживаться', 'настраиваться', 'готовиться' при *сазламаг* 'поправлять', 'исправлять', 'налаживать', 'настраивать' — от *саз* 'находящийся в хорошем состоянии, порядке, в исправности, в хорошем настроении', 'настроенный'; относительно глагола *јастыланмаг* 'становиться плоским', 'сплющиваться' при *јастыламаг* 'делать плоским', 'сплющивать' — от *јасты* 'плоский', 'приплюснутый' и некоторых других глаголов, которые можно рассматривать и в качестве залоговых, и в качестве словообразовательных одновременно. Непременным условием подобного толкования является, конечно, наличие глагола с аффиксом *-ла-,* семантически идентичного глаголу на *-лан-*.

Приведенные и подобные им случаи морфологического синкретизма имеют особо важное значение для понимания процессов сложения новых форм, так как в них налицо те семантические условия, при которых могло произойти переосмысление старой формы с залоговым показателем *-н-* и выделение новой словообразовательной формы на *-лан-*.

Из сказанного следуют некоторые общие выводы.

Принимая во внимание то обстоятельство, что словообразование в форме на *-лан-* продолжается и дальше и нет оснований ожидать прекращения дальнейшего образования залоговых форм с аффиксом *-н-,* можно сказать, что число омонимичных глаголов на *-лан-* и *-ла-* + *-н-* будет не убывать, а возрастать. Если учесть, что аналогичный параллелизм форм наблюдается и в отношении некоторых других аффиксов, необходимо прийти к выводу о дальнейшем росте глагольной омонимии как в азер-

байджанском, так и в других тюркских языках, поскольку и в них рост глаголообразования продолжается.

Итак, современные ведущие значения глаголов на *-лан-* в «Диване» представлены слабо, они заслонены значениями обладания или приобретения предмета либо его появления. Если оба эти значения распространить на признаки, свойства и качества, то состав глаголов с таким распространенным значением необычайно расширяется и может рассматриваться в качестве основного источника развития современных значений глаголов на *-лан-*. Распространение идеи обладания и приобретения также и на признаки можно найти у самого автора «Дивана». Ср., например, *er çawlandı* (II, 245) 'человек прославился, стал обладателем славы'— от *çaw* 'слава' (Dizin, 138).

АФФИКС *-лаш-//-ləш-*

Отыменные глаголы на *-лаш-//-ləш-* являются наиболее новыми по времени своего функционирования в азербайджанском и в других тюркских языках, причем динамика роста этих глаголов в старописьменных языках (азербайджанском, турецком, туркменском, узбекском и татарском) заметно выше, чем в младописьменных.

Особенно интенсивно развиваются глаголы на *-лаш-* в языках юго-западной группы.

При оценке аффикса *-лаш-* как самостоятельной формы исследователи высказывают противоречивые мнения, поскольку в этой форме нередко смешивают два омоморфных образования с разными значениями — медиальным и взаимным, не говоря уже о том, что форма на *-лаш-* именуется почти во всех работах «взаимной», т. е. рассматривается в качестве взаимной формы от аффикса *-ла-*, точно так, как *-лан-* считается возвратной формой от того же аффикса [51].

Характерно в этом отношении отсутствие даже упоминания о медиальной форме на *-лаш-* у М. А. Казем-Бека, который находит в турецком языке лишь омоморфный показатель со взаимным значением [52]. В грамматике турецкого языка Дж. Редгауза, вышедшей в один год с грамматикой М. Казем-Бека, составитель приводит также взаимную форму на *-лаш-* с при-

[51] См.: J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 840; J. Németh, *Türkische Grammatik*, S. 94; A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 149; M. Horten, *Kleine türkische Sprachlehre*, S. 47; H. Jansky, *Lehrbuch der Türkischen Sprache*, S. 281; «Азәрбајчан дилинин грамматикасы», I hissə, Бакы, 1951, с. 171; J. Kunós, *Wortbildung im Osmanischen (Szóképzes az oszmán-török nyelvben)*, S. 3—5; А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 227.

[52] М. А. Казем-Бек, *Общая грамматика турецко-татарского языка*.

мерами *dostlaşmak* 'становиться друзьями', 'подружиться', *mektublaşmak* 'переписываться', сопроводив эту форму и форму на *-лан-* следующей оговоркой: «Нельзя, однако, всегда быть уверенным в действительном значении слова, когда речь идет о глаголах, образованных согласно двум последним правилам, так как слово *güzellenmek,* собственно говоря, является пассивным глаголом и означает скорее „быть украшенным", а глаголы, образованные присоединением к прилагательным слога *laş,* являются средними, а не взаимными. Например, *güzelleşmek* есть слово для точной передачи „становиться красивым", а *derinleşmek* — от *derin* 'глубокий' значит „становиться глубоким'"» [53].

Умолчание М. А. Казем-Беком медиального значения показателя *-лаш-* и осторожность, проявленная Дж. Редгаузом в признании этой формы, говорят, по-видимому, о том, что еще в середине прошлого века форма на *-лаш-* не заняла заметного места в глаголообразующей системе турецкого и, добавим, азербайджанского языков. Просмотр наиболее полных словарей первой половины прошлого века подтверждает это предположение [54].

Указаний о форме на *-лаш-*, как и о форме на *-лан-*, нет и в «Грамматике алтайского языка» [55].

Кажется, единственный глагол из числа имеющихся в приложениях к грамматике, — *канатташ-* (стр. 189) 'составлять сонм, свиту при сопровождении важного лица' может быть интерпретирован и как медиальный, и как происходящий от взаимной формы глагола *канатта-*.

Не упомянул рассматриваемый аффикс и Н. Ф. Катанов в своем известном труде об урянхайском (тувинском) языке [56].

В дореволюционных азербайджанских словарях форма на *-лаш-* занимает относительно скромное, а в более ранних лексикографических трудах малозаметное место.

Все эти обстоятельства позволяют утверждать, что развитие данной глаголообразующей формы приходится на новейшее время, охватывающее период в несколько десятилетий. Особенно интенсивное развитие формы на *-лаш-* в азербайджанском языке относится к послеоктябрьскому времени. За короткий

---

[53] G. Redhouse, *Grammaire raisonnée de la langue ottomane,* p. 186.

[54] Ср. J. D. Kieffer et T. X. Bianchi, *Dictionaire turc-français,* I—II, Paris 1835—1837.

[55] Однако довольно много глаголов на *-лан-* приведено в словарях, приложенных в конце грамматики. Ср., например, *ачулан-* 'печалиться', *јаштан-* 'источать слезы из глаз', 'страдать слезоточением', *јыттан-* 'пахнуть', 'издавать запах (хороший или дурной)', *каршулан-* 'противиться', 'упорствовать', *курлан-* 'подпоясываться', *ойлон-* 'понимать', 'разуметь', *кыбылан-* 'ухитряться', 'умудряться' и др.

[56] Н. Ф. Катанов, *Опыт исследования урянхайского языка...*

исторический срок при помощи аффикса *-лаш-* в языке было создано столько же глаголов, сколько существует глаголов с аффиксом *-лан-*, образование которых шло в течение ряда столетий в истории азербайджанского языка.

Показатель *-лаш-* (и его фонетические разновидности в других тюркских языках: *-даш-//-таш-, -заш-, -наш-* и др.) является по происхождению таким же составным, как и форма на *-лан-*. Подобно форме на *-лан-*, он представляет собой дальнейшую трансформацию показателя *-ла-*, наращенного аффиксом *-ш-*, в котором большинство тюркологов признает лишь взаимно-совместное значение[57]. К сожалению, в науке пока не делалось попыток теоретически разъяснить возможность выработки медиального значения у семантически весьма богатого показателя *-ш-*, который в разных языках означает: взаимность, совместность, множественность лиц, многократность и полноту, а также усиление[58], интенсивность и продолжительность действия, соревнование, помощь при совершении действия, начало действия[59] и некоторые другие значения. Несомненно, в данном перечне имеются центральные значения, каковыми в современных языках принято считать взаимное и совместное. Однако аффикс *-лаш-* не связан с ними.

Естественно поэтому выработку медиального значения формы на *-ш-* связать с дозалоговой историей этой формы и с процессом фонетической эволюции тюркских языков. Однако в силу недостаточности результатов сравнительно-исторического изучения тюркских языков дозалоговая история показателя *-ш-* остается пока неясной. В некоторых производных глаголах аффикс *-ш-* можно рассматривать в качестве словообразовательного. Возможно, например, что следующие глаголы с медиальным значением следовало бы считать образованными от имен при помощи аффикса *-ш-* в его дозалоговом словообразовательном значении: тур. *gırgırişmak* 'болтать', 'трещать без умолку' — от звукоподражательного слова *gırgır*, передающего несмолкаемую болтовню, трескотню; тур. *öngüşmek* 'упрямиться', упорствовать'—от существительного *öngü* 'упрямство', 'упорство'; казах. *монтаныс-* 'лицемерить', 'притворяться'; 'ехидничать' — от *монтаны* 'притворщик', 'лицемер'; 'ехидный' и некоторые другие. По аналогии следовало бы, по-видимому, отнести к словообразовательным формам с аффиксом *-ш-* также глаголы: *arqaš-* (Turf., VIII, 86) 'помогать'; азерб.

---

[57] Ср., например, J. Deny, *Grammaire de la langue turque*.

[58] Ср. у М. Казем-Бека: *чалишмагк* 'биться или стараться всеми членами тела' («Общая грамматика турецко-татарского языка», стр. 161).

[59] Типа азерб., тур. *киришмək* 'приступать к чему-нибудь', 'начать заниматься чем-нибудь', 'пускаться во что-нибудь' и др., узб. *қурушмоқ* 'начинать засыхать' и т. п.

jовушмаг 'приближаться', 'подходить близко'; *өиəшмək* 'взаимно питать вражду, неприязнь', 'находиться во враждебных отношениях'; 'спорить', 'пререкаться', 'препираться'; туркм. *өжешмек* 'враждовать', 'злиться друг на друга', 'питать взаимную вражду' — от *өч* 'месть', 'мщение', 'пререкание', 'препирательство'; азерб., тур. и др. *јанашмаг* 'подходить вплотную', 'причаливать к берегу', 'подступать', 'обращаться к кому-нибудь', 'общаться', 'дружить с кем-нибудь' — от *јан* 'бок', 'сторона' и некоторые другие глаголы, в составе которых как будто можно различить основу — имя и глаголообразующий аффикс *-ш-*. На самом деле эти и подобные им глаголы или образованы при помощи глаголообразующего форманта *-а-//-ə-*, одного из самых древних и исторически высоко производительных аффиксов (см. гл. II, раздел 7), или же они представляют собой производные формы на *-ш-*, образовавшиеся от особого типа древнейших основ, которые имеют как глагольное, так и именное значение. Например, первый глагол *арқаш-*, который приводится также у Махмуда Кашгарского с более первичным значением «помогать нагружать, навьючивать» (Dizin, 35), восходит к глаголу *arqa-* 'вьючить', 'собирать доказательства' (Малов, Пам., 360) и непосредственно связан с омонимичным ему именем *arqa* 'спина'. Второй глагол восходит к *jaq-* 'приближаться' (Малов, Пам., 384) и непосредственно связан с омонимичным ему именем *jaq* 'сторона', широко известным в тюркских языках, ср. *оякъ буякъ//оякъкъа буякъкъа* (крым.-тат.) 'туда, сюда', 'там-тут'. Через формы يوقتاويسوو ,ياوقلانمق ,ياومق ,ياوقمق ,ياويمق (Буд., II, 345), т. е. *явымақ, явықмақ, явмақ явықланмақ, яву-* и *явуқта-* — все со значением «приближаться» — *jaq-* связывается с азерб. *јовушмаг* и *јовуг* 'близкий' (*jaq-*> **jaɣ-*>**jaw-*>*jow-*).

Третий глагол *өиəшмək* восходит к производной форме с аффиксом *-а-* — **өиə-//өжə-*, которую мы находим в алтайском языке в виде *өчө-* (у черн. тат.) *//өжө-//өчүк-//өштө-* с тем же значением «питать злобу», «враждовать» (Грамм. алт. яз., 231) — от имени *өч* 'злоба', 'мщение' (там же, 230).

Четвертый глагол *јанашмаг* восходит к **ян-*, который сохранился в некоторых языках, в частности в языке енисейско-орхонских памятников со значением «возвращаться» (Малов, Пам., 384), и непосредственно связан с омонимичным ему именем *ян* 'бок', 'сторона'.

Таким образом, в приведенных глаголах показатель *-ш-* является вторичным и имеет медиальное (как в глаголах *јовушмаг, јанашмаг*, отчасти *өиəшмək*) или взаимно-совместное (как в глаголах *arqaš-*, отчасти *өиəшмək*) значение.

Учитывая сказанное, мы с большей вероятностью можем предположить, что глаголы с показателем *-ш-* даже при фак-

тическом отсутствии в других языках промежуточных форм без показателя *-ш-* все же восходят или к глаголам на *-а-*, или к особому типу основ, вместе с однозначным именем составляющих омонимичную пару (см. гл. III).

Как бы, однако, мы ни объясняли образование глаголов приведенного типа, все равно медиальное значение большинства этих форм несомненно, и в анализе его мы не продвигаемся вперед. Остается на данном этапе исследования еще фонетический аспект интерпретации формы на *-ш-* с медиальным значением. Представляется возможным сблизить показатель *-ш-* как фонетически, так и семасиологически с показателем *-л-*, а через него семантически и с показателем *-н-*. Относительно соответствия *ш ~ л* («ламбдаизм») в алтайском языкознании существует большая литература, и у специалистов определились две противоположные точки зрения. Представители одной из них признают первичность *л* и *р* и вторичность *ш* и *з*, представители другой — обратный порядок в генетическом соотношении названных согласных. Известны также особые, или компромиссные, точки зрения в данном вопросе. В ряде работ, изданных за последние годы, сжато или обстоятельно подытоживаются определившиеся направления и взгляды на проблему о важном для истории тюркских языков соотношении указанных согласных [60].

Для сближения показателей *-ш-* и *-л-* безразлично генетическое отношение между ними. Более важен вопрос о том, в каких языках прослеживаются соотношения *р ~ з*, *л ~ ш*. Можно считать общепринятым мнение о том, что в ряде случаев *р* и *л* образуют чувашские и древнебулгарские (предположительно также печенежские) соответствия *з* и *ш* большинства тюркских языков. Вместе с тем нельзя отрицать следов указанных соответствий и в других тюркских языках, что дает право обратиться к ним в связи с вопросом об источнике медиального значения в аффиксе *-ш-*. Из наблюдений в области ламбдаизма и отчасти ротацизма можно привести такие примеры, как орх. *ӧзä//üzä* 'наверху' (Малов, Пам., 441) и алтайское *ӧрӧ* (конд. *ӱре*) 'возвышенность', 'верх' (Грамм. алт. яз., 230); хак. *азырал* 'пропитание' — от *азыра-* 'кормить' и пр., хотя некоторые отглагольные существительные образованы в хакасском языке при помощи аффикса *-с-*, соответствующего аффиксу *-ш-* других тюркских языков, как, например, *айдыс* 'разговор', *айланыс* 'кружение', 'вращение', *алғас* 'благословение'; 'благодарность', *анънас* (из *анъ-ла-с*) 'охота на зверя' и др. Больше имен с аффиксом *-л-* в алтайском языке (ср. *йыргал* 'веселье', 'ликование' — от *йырга-*

[60] М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955, стр. 23—28; A. Dilâçar, *Batı türkçesi*, — «Türk dili araştırmaları yıllığı, Belleten», Ankara, 1953, s. 73—92 и др.

'ликовать', 'наслаждаться', 'веселиться', 'торжествовать', *чыдал* 'терпение', 'сила', 'достаток' — от *чыда-* 'сносить', 'терпеть'; 'мочь', 'иметь силу что-нибудь сделать'). Сюда же относится уже отмечавшееся С. Е. Маловым соответствие тур. *baş*, якут. *баас*, шорск., сагайск. *палыг*, телеут., алт. *палӱ* 'рана' (Ибн-Мух., 238); بلدى 'печь', 'варить' (M. Kāşgarī, II, 250), بلتماق 'приказать варить (мясо в котле)' (Ибн-Мух., 235); можно было бы отнести сюда и орх. *jokkыш-//-jokkыл-* 'уничтожать' (Малов, Пам., 389).

Представляют также большой интерес глаголы, в которых показатель *-л-* выступает с некоторыми значениями аффикса *-ш-*. Ср., например, следующие глаголы: казах. *жабыл-* — страд. от *жап-* 'дружно взяться за какое-либо дело'; 'набрасываться толпой, массой'; *жұмыл-* 'дружно взяться за какое-либо дело' и пр.; *ағыл-* 'хлынуть', 'появляться во множестве' — от *ақ-* 'течь', то же в кирг. *агыл-* 'двигаться потоком, толпой, массой'; *ilin-* 'вмешиваться', 'смешиваться' (Ettuhfet., Dizin, 177). В приведенных глаголах с формантом *-л-*, а в последнем примере — с *-н-*, выражена множественность — одно из старейших значений показателя *-ш-*.

Отметим также довольно многочисленные случаи параллелизма в употреблении показателей *-л-* и *-ш-*, как, например, تغرشدى تون كيردن *ton kirdin tograşdı* наряду с تغرلدى تون كيردن *ton kirden tograldı* 'от грязи одежда разлезлась' (M. Kāşgarī, II, 212, 230).

Приведенные факты позволяют допустить возможность исторического параллелизма в значении и употреблении аффиксов *-ш-* и *-л-* (отчасти *-н-*), благодаря чему показатель *-ш-* выражал такие же медиальные значения, как и аффикс *-л-*, и наоборот. Ввиду фонетического параллелизма обеих форм показатель *-л-* в некоторых случаях замещал аффикс *-ш-*, из которого развился современный показатель взаимно-совместного залога. Иными словами, нельзя исключить возможность развития показателя *-ш-* в качестве фонетической параллели аффикса *-л-*, закрепившейся лишь в одном, медиальном, значении последнего. И так как глаголообразующий аффикс *-лаш-* имеет медиальное значение, обусловленное элементом *-ш-*, то последний можно было бы возвести к указанной разновидности показателя *-л-*. Таким образом, аффикс взаимно-совместного залога и показатель *-ш-* с медиальным значением могли быть разными аффиксами, восходящими к разным источникам.

Группировка глаголов на *-лаш-* по значениям их основ

Глаголы на *-лаш-* можно образовать лишь от основ, которые находятся в тех же самых отношениях к значению производного глагола, что и основы глаголов на *-ла-* и *-лан-*.

Сохраняя преемственность по форме, новейший аффикс глаголообразования *-лаш-* сохраняет так же, как и показатель *-лан-*, преемственность условий глаголообразования. Однако большое разнообразие отношений, наблюдавшееся в глаголах на *-ла-* и сократившееся в глаголах на *-лан-*, еще больше сужается в глаголах на *-лаш-*. Для последних следует говорить об одном по существу типе основ, означающих признак результата, отчасти процесса, и охватывающих 81% всех основ на *-лаш-*. На основы со значением предметного результата приходится 10%, остальные же основы распределяются следующим образом: основы, означающие названия процессов, состояний, — 4%, основы со значением пространства и направления — 4% и примерно 1% составляют основы со значением формы, вида, образа.

Если сравнить эти цифры с соответствующими цифрами, приводившимися для глаголов на *-лан-*, то можно заметить тенденцию к всемерному росту и унификации основ со значением признака. Обратимся к примерам.

1. Глаголы, образованные от основ со значением признака результата, отчасти процесса, а также со значением предметного результата процесса.

а) Со значением признака результата, отчасти процесса.

Строгого различия между теми и другими провести нельзя, так как признак результата часто сливается с признаком процесса, на что указывалось в предыдущих разделах. Значение признака результата, процесса имеют следующие глаголы:

абстрактлашмаг 'абстрагироваться', 'стать абстрактным' — от основы русского прилагательного «абстрактный»;

башгалашмаг 'меняться', 'изменяться', 'принимать другой вид, другую форму' — от прилагательного *башга* 'другой', 'иной';

бикарлашмаг 'стать бездельным, праздным' — от прилагательного *бикар* 'свободный', 'незанятый', 'праздный';

битәрәфләшмәк 'нейтрализоваться' — от прилагательного *битәрәф* 'нейтральный', 'беспристрастный';

вәһшиләшмәк 'одичать', 'озвереть' — от прилагательного *вәһши* 'дикий';

габалашмаг 'грубеть', 'становиться грубым' — от прилагательного *габа* 'грубый', 'неотесанный', 'громоздкий', 'неуклюжий';

гансызлашмаг 'стать малокровным', 'обескровливаться' — от прилагательного *гансыз* 'бескровный', 'малокровный';

говраглашмаг 'стать бодрым, здоровым', 'поправляться' — от прилагательного *говраг* 'бодрый';

гошалашмаг 'стать парным', 'стоять попарно', 'принять парный вид' — от прилагательного *гоша* 'парный';

ећлиләшмәк 'приручаться' — от прилагательного *ећли* 'ручные, домашние животные';

икиләшмәк 'удвоиться' — от числительного *ики* 'два';

интенсивләшмәк 'интенсифицироваться' — от прилагательного *интенсив* 'интенсивный';

механикләшмәк 'механизироваться' — от прилагательного *механик* 'механический';

мәдәниләшмәк 'становиться культурным, цивилизованным', 'усваивать культуру, цивилизацию' — от прилагательного *мәдәни* 'цивилизованный', 'культурный';

мискинләшмәк 'становиться жалким, бедным, несчастным, беспомощным' — от прилагательного *мискин* 'жалкий', 'бедный', 'несчастный', 'беспомощный', 'убогий';

нишастасызлашмаг 'стать лишенным крахмала' — от прилагательного *нишастасыз* 'без крахмала';

нормаллашмаг 'нормализоваться' — от прилагательного *нормал* 'нормальный';

пинтиләшмәк 'стать неряшливым, неряхой' — от прилагательного *пинти* 'грязный', 'неряшливый'; 'неряха';

сусузлашмаг 'стать безводным' — от прилагательного *сусуз* 'безводный';

сү'ниләшмәк 'стать искусственным' — от прилагательного *сү'ни* 'искусственный';

тәрсләшмәк 'стать упрямым', 'заупрямиться' — от прилагательного *тәрс* 'упрямый', 'упорный', 'непослушный', 'строптивый';

узунлашмаг 'удлиняться', 'стать длинным' — от прилагательного *узун* 'длинный', 'долгий', 'продолжительный';

хараблашмаг 'приходить в запустение', 'превращаться в развалины' — от прилагательного *хараб* 'плохой'; 'испорченный';

шитләшмәк 'стать пресным' — от прилагательного *шит* 'пресный', 'малосольный';

јадлашмаг 'стать чужим', 'охладеть к кому-либо' — от прилагательного *јад* 'чужой';

јахшылашмаг 'улучшаться', 'хорошеть' — от прилагательного *јахшы* 'хороший' и др.

Все приведенные выше глаголы образованы от прилагательных. В принципе глаголы на *-лаш-* могут образоваться от любого прилагательного, чем следует объяснить быстроту их количественного роста. При этих условиях отпадает необходимость вы-

явления критериев продуктивности основ глаголообразования. Но сам факт массового появления данных глаголов лишь в новейшее время уже является доказательством «молодости» формы на *-лаш-*.

Возможность образования глаголов на *-лаш-* от любого прилагательного, а также сближение вещественных значений именной основы и производного глагола свидетельствует о большей «грамматичности» данной глаголообразующей формы в сравнении с предшествующими двумя, о большем совершенствовании грамматических способов отыменного глаголообразования в азербайджанском языке.

Незначительная часть глаголов на *-лаш-* образована от существительных, из семантики которых отвлекается признак, а затем от значения последнего производится глагол, что наблюдалось в предыдущих двух формах, особенно в глаголах на *-лан-*.

Различие между обеими формами в этом пункте внешне чисто количественное: образованных по такому принципу глаголов на *-лан-* значительно больше, чем глаголов на *-лаш-*. Однако количественная противоположность свидетельствует о том, что в форме на *-лаш-* производство глаголов от существительных с отвлечением значения признака идет на убыль, хотя и остается еще источником глаголообразования.

От существительных в атрибутивном значении образованы следующие глаголы на *-лаш-:*

автоматлашмаг 'автоматизироваться', 'стать автоматическим'— от заимствованного из русского языка существительного *автомат* 'автомат';

гәрарлашмаг 'установиться', 'определиться' (о месте) — от существительного *гәрар* с рядом значений, среди которых имеются также «положение», «образ», «порядок»;

готурлашмаг 'становиться чесоточным' — от существительного *готур* 'чесотка';

гәһәтләшмәк 'оскудевать', 'исчезать' — от существительного *гәһәт* 'нужда', 'голод', 'недостаток', 'неурожай';

јетимләшмәк 'осиротеть', 'стать беспомощным', 'остаться одиноким' — от существительного *јетим* 'сирота';

магнитләшмәк 'намагничиваться' — от заимствованного существительного *магнит* 'магнит';

мәркәзләшмәк 'концентрироваться' — от существительного *мәркәз* 'центр';

сәмәрәләшмәк 'поднять, повысить продуктивность', 'рационализироваться' —от существительного *сәмәрә* 'плод', 'результат', 'польза', 'выгода';

советләшмәк 'советизироваться' — от заимствованного существительного *совет* 'совет';

сүмүкләшмәк 'окостеневать' — от существительного *сүмүк* 'кость'.

Три глагола из этого перечня образованы от русских заимствований. Но для производства азербайджанских глаголов с данными значениями могут быть использованы только эти три заимствованных существительных, так как соответствующими прилагательными азербайджанский язык не располагает. Таким образом, данные случаи следует принципиально отделить от других, в которых проявляется старая тенденция к использованию существительных в значении признака.

Небольшая часть глаголов на *-лаш-* образована не от прилагательных, а от имен со значением существительного и прилагательного. Грамматическая нерасчлененность основ данного типа не позволяет точно установить, от атрибутивного или предметного значения основ образованы глаголы на *-лаш-*. Учитывая, однако, тенденцию к семантической и грамматической унификации основ в глаголах с аффиксом *-лаш-*, имеется больше оснований возводить все подобные глаголы к атрибутивным значениям именных основ. Сюда относятся следующие глаголы:

гаранлыглашмаг 'темнеть', 'наступать (о темноте)' — от *гаранлыг* 'темнота', 'сумрак', 'мрак'; 'темный', 'мрачный';

касыблашмаг 'обеднеть', 'впасть в нужду' — от *касыб* 'бедняк', 'бедный';

керчәкләшмәк 'оказаться верным' — от *керчәк* 'правдивый', 'верный', 'достоверный'; 'правда';

сојуглашмаг 'постепенно охлаждаться', 'стать холоднее' — от *сојуг* 'холод', 'мороз', 'стужа'; 'холодный';

тәнбәлләшмәк 'предаваться лени', 'лениться', 'разлениться', 'облениться' — от *тәнбәл* 'лентяй'; 'ленивый';

хәсисләшмәк 'стать скупым', 'превратиться в скупого' — от *хәсис* 'скупой', 'скряга';

чиркләшмәк 'грязниться', 'мараться', 'загрязняться' — от *чирк* 'грязь', 'грязный';

чаванлашмаг 'молодеть', 'стать более молодым на вид' — от *чаван* 'молодой', 'юный'; 'юноша';

чинсләшмәк 'улучшаться' — от *чинс* 'сорт', 'порода', 'род'; 'породистый', 'хорошего качества', 'доброкачественный' и др.

По-видимому, в эту же группу входит глагол *бүркүләшмәк* 'становиться душным', 'наступать (о духоте)' (ср. Буд., I, 253: بُرکُو 'душный'; 'духота', 'испорченный воздух').

Глаголы на *-лаш-* из других тюркских языков с основами, означающими признак результата:

туркм.: *агырлашмак* 'становиться, делаться тяжелым', 'тяжелеть'; 'осложняться', 'ухудшаться' — от прилагательного *агыр* 'тяжелый', 'трудный' (оба в прямом и переносном значениях);

тур.: *ağırlaşmak* 'тяжелеть', 'становиться тяжелым', 'ухудшаться' (о болезни, положении); 'начинать портиться'—от прилагательного *ağır* 'тяжелый', 'трудный'; 'медленный', 'важный', 'серьезный', 'степенный'; 'ценный', 'драгоценный', 'дорогой';

тат.: *авырлаш* 'тяжелеть', 'почувствовать тяжесть'; 'грузнеть'; 'ухудшаться (о состоянии больного)'; 'становиться тяжелым, затруднительным'—от прилагательного *авыр* 'тяжелый', 'тяжкий', 'тягостный'; 'трудный', 'затруднительный'; 'сложный'; 'грузный', 'веский', 'увесистый' и др.;

туркм.: *айдыңлашмак* 'выясняться'; 'проясняться', 'становиться ясным, очевидным'—от прилагательного *айдың* 'ясный', 'очевидный' и др.;

аңсатлашмак 'облегчаться', 'становиться легким, простым, нетрудным'—от прилагательного *аңсат* 'легкий', 'нетрудный', 'простой';

гургунлашмак 'выздоравливать'; 'становиться зажиточным'—от прилагательного *гургун* 'здоровый'; 'зажиточный';

меркезлешмек 'централизоваться'—от существительного *меркез* 'центр';

четинлешмек 'становиться трудным, затруднительным', 'осложняться'—от прилагательного *четин* 'трудный', 'затруднительный', 'сложный';

ширинлешмек 'становиться сладким, сахарным'—от *ширин* 'сладкий'; 'сладость';

тур.: *bayatlaşmak* 'потерять свежесть', 'стать старым'; 'зачерстветь'; 'выйти из моды'; 'устареть'—от прилагательного *bayat* 'старый', 'устаревший'; 'несвежий', 'черствый' (о хлебе); 'невкусный';

bollaşmak 'делаться обильным, просторным, широким, полным'; 'расширяться'—от прилагательного *bol* 'обильный', 'полный'; 'обширный', 'пространный', 'широкий';

boylaşmak 'удлиняться', 'увеличиваться'; 'становиться выше ростом', 'вытягиваться', 'расти'—от существительного *boy* 'рост', 'стан', 'фигура'; 'вышина'; 'длина', 'протяжение';

çatallaşmak 'раздваиваться', 'разветвляться'; 'усложняться', 'запутываться (о деле)'—от имени *çatal* 'вилы'; 'вилка'; 'раздвоенный', 'разветвленный';

derinleşmek 'делаться глубоким', 'углубляться'—от прилагательного *derin* 'глубокий';

iyileşmek 'улучшаться'; 'поправляться', 'выздоравливать'; 'помириться с кем-либо'—от прилагательного *iyi* 'хороший', 'добрый'; 'достаточный'; 'здоровый';

sertleşmek 'становиться твердым, острым, резким, суровым', 'твердеть'—от прилагательного *sert* 'твердый', 'жесткий'; 'острый', 'резкий'; 'сильный'; 'строгий', 'суровый'; 'грубый';

узб.: *активлашмоқ* 'активизироваться'—от прилагательного *актив* 'активный';

тат.: *активлаш-* 'становиться активным', 'активизироваться'—от основы прилагательного «активный»;

узб.: *аниқлашмоқ* 'уточняться', 'выясняться'—от прилагательного *аниқ* 'ясный', 'точный' и др.;

арзонлашмоқ 'подешеветь'—от прилагательного *арзон* 'дешевый', 'недорогой';

дағаллашмоқ 'огрубеть (о человеке)'—от прилагательного *дағал* 'грубый';

ёмонлашмоқ 'ухудшаться'—от прилагательного *ёмон* 'плохой', 'дурной', 'скверный', 'злой', 'недобрый';

йириклашмоқ 'укрупняться'—от прилагательного *йирик* 'крупный';

лойлашмоқ 'замутиться'—от существительного *лой* 'глина (замешанная с водой)'; 'грязь (на улице, во дворе и т. п.)';

сийраклашмоқ 'становиться редким', 'редеть'—от прилагательного *сийрак* 'редкий';

тезлашмоқ 'ускоряться'—от прилагательного *тез* 'скорый', 'быстрый';

тат.: *автоматлаш-* 'автоматизироваться', 'стать автоматическим'—от существительного *автомат* 'автомат';

демократлаш- 'демократизироваться' —от существительного *демократ* 'демократ';

читенләш- 'становиться затруднительным, затрудненным, трудным'—от прилагательного *читен* 'трудный', 'тяжелый'; 'тягостный', 'затруднительный';

кирг.: *аскерлеш-* 'военизироваться'—от существительного *аскер* 'войско'.

б) Со значением предметного результата процесса.

Основы со значением предметного результата процесса составляют, хотя и небольшую (приблизительно 9%), но вполне продуктивную группу в глаголообразовании на *-лаш-*. Значительная часть относящихся сюда глаголов состоит из неологизмов. К данной группе принадлежат глаголы:

гатлашмаг 'образоваться слоям'—от существительного *гат* 'слой', 'складка';

гарылашмаг 'превращаться в старуху', 'стареть'—от существительного *гары* 'старуха';

дашлашмаг 'окаменеть'—от существительного *даш* 'камень';

диләнчиләшмәк 'стать нищим'—от *диләнчи* 'нищий';

дуллашмаг 'овдоветь'—от существительного *дул* 'вдова'; 'вдовец';

кокслашмаг 'коксоваться'—от существительного *кокс* 'кокс';

коллективләшмәк 'коллективизироваться'—от существительного *коллектив* 'коллектив';

колхозлашмаг 'коллективизироваться'—от существительного *колхоз* 'колхоз';

кооперативләшмәк 'кооперироваться'—от существительного *кооператив* 'кооператив';

көмүрләшмәк 'превращаться в уголь'—от существительного *көмүр* 'уголь';

кристаллашмаг 'кристаллизоваться'—от существительного *кристалл* 'кристалл' и др.

туркм.: *булутлашмак* 'покрываться тучами, облаками', 'становиться облачным'— от существительного *булут* 'облако', 'туча';

колхозлашмак 'коллективизироваться'—от существительного *колхоз* 'колхоз'; ср. узб. *колхозлашмоқ//коллективлашмоқ* в том же значении;

машынлашмак 'машинизироваться'; 'быть машинизированным, индустриализованным'—от существительного *машын* 'машина'; ср. узб. *машиналашмоқ* в том же значении;

электриклешмек 'электрифицироваться'; 'быть электризованным' (физ.)—от существительного *электрик* 'электричество'; ср. кирг. *электрлеш-* в том же значении;

узб.: *бюрократлашмоқ* 'обюрократиться'—от существительного *бюрократ* 'бюрократ';

кооперативлашмоқ 'кооперироваться'—от существительного *кооператив* 'кооператив';

тур.: *kanatlaşmak* 'окрыляться'—от существительного *kanat* 'крыло';

karıncalaşmak 'наполняться муравьями'; 'онеметь'; 'быть разъеденным ржавчиной'—от существительного *karınca* 'муравей'; 'следы ржавчины'.

Небольшая часть рассматриваемых глаголов образована от имен с нерасчлененным значением существительного и прилагательного, например:

бәдбинләшмәк 'становиться пессимистом'—от *бәдбин* 'пессимист'; 'пессимистический';

мәjеләшмәк 'обратиться в жидкость'; 'стать жидким'—от *мәjе* 'жидкость', 'жидкий';

мешшанлашмаг 'омещаниться'—от *мешшан* 'мещанин'; 'мещанский';

түләкләшмәк 'стать хитрым'; 'превратиться в пройдоху'—от *түләк* 'пройдоха'; 'хитрый';

харабалашмаг 'приходить в запустение'; 'превращаться в развалины'—от *хараба* 'руины', 'развалины'; 'разоренный', 'разрушенный', 'опустошенный' и некоторые другие.

Атрибутивная и субстанциональная семантика именных основ не безразлична для значения глаголов на *-лаш-*, как это показывают глаголы *маҗеләшмәк*, *түләкләшмәк и харабалашмаг*. В каждом из них по два значения, из коих одно продиктовано предметным значением основы, другое—атрибутивным. Предметными значениями основ обусловлены глагольные значения «обратиться в жидкость», «превратиться в пройдоху» и «превращаться в развалины». Остальные значения связаны с атрибутивной семантикой именных основ *маҗе*, *түләк* и *хараба*.

Немногочисленные или единичные глаголы с аффиксом *-лаш-* образованы от основ со значением признака состояния (процесса), места и направления, а также формы и строения.

2. К глаголам, образованным от основ со значением признака состояния или использованным в этом значении, относится небольшая группа (не более 4%) слов:

гоншулашмаг 'быть в соседстве'—от существительного *гоншу* 'сосед';

гызғынлашмаг 'разгораться', 'быть в разгаре', 'оживляться'; 'быть в разъяренном состоянии'—от *гызғын* 'горячий', 'жаркий', 'буйный', 'объятый страстью';

әсәбиләшмәк 'нервничать', 'раздражаться'—от *әсәби* 'нервный', 'раздражительный';

кәнәкләшмәк 'упрямиться'—от прилагательного *кәнәк* 'упрямый';

кәркинләшмәк 'напрягаться', 'быть натянутым'—от прилагательного *кәркин* 'напряженный', 'натянутый';

касадлашмаг 'быть в недостаточном количестве', 'не хватать (о предметах потребления, о товарах)'; 'быть застою, затишью, кризису в торговле'—от существительного *касад* 'застой в торговле', 'отсутствие сбыта'. Первые два значения этого глагола образованы от прилагательного *касад* 'скудный';

сәһманлашмаг 'быть приведенным в порядок', 'упорядочиться', 'устроиться'—от существительного *сәһман* 'порядок', 'расположение'; 'граница', 'окрестность';

таблашмаг 'выдержать', 'вынести', 'устоять', 'перенести'—от *таб* 'сила', 'мощь' (моральная и физическая);

фикирләшмәк 'обдумывать', 'обсуждать', 'мыслить'—от *фикир* 'мысль', 'идея', 'дума' и т. д.;

һазырлашмаг 'готовиться', 'приготовиться', 'подготовиться'; 'собираться (идти, ехать куда-нибудь)'—от прилагательного *һазыр* 'готовый';

тур.: *aliklaşmak* 'быть одураченным', 'иметь дурацкий вид'—от прилагательного *alik* 'слабоумный', 'придурковатый', 'дурашливый';

denkleşmek 'быть в равновесии', 'уравновешиваться'—от существительного *denk* 'равновесие';

gerçekleşmek 'подтверждаться', 'сбываться'; 'оказываться верным, истинным'—от имени *gerçek* 'истинный', 'достоверный', 'верный'; 'настоящий', 'действительный'; 'правдивый'; 'правда', 'истина';

узб.: *асабийлашмоқ* 'нервничать', 'разнервничаться'; *устарел.* 'защищать свою нацию или расу (споря с кем-нибудь)'. В словаре ошибочно объединены два глагола от разных основ и с разными глаголообразующими аффиксами: *асабийлашмоқ*, образованный при помощи рассматриваемого аффикса *-лаш-* от прилагательного арабского происхождения *асабий* (араб. عصبى 'нервный', 'раздражительный'), и глагол *асабийлашмоқ*, образованный при помощи другого глаголообразующего аффикса *-лаш-* с взаимно-совместным значением от омоморфного прилагательного в значении «родственный»;

мувофиқлашмоқ 'приспосабливаться', 'применяться' (к местности, обстановке и пр.)—от прилагательного *мувофиқ* 'соответствующий', 'подходящий';

хароблашмоқ 'разрушаться'—от прилагательного *хароб* 'разрушенный', 'разоренный', 'опустошенный';

тат.: *законлаш-* 'принимать законную силу'—от существительного *закон* 'закон';

мутлаш- 'хитрить'—от существительного *мут* 'мот', 'гуляка'; 'расточительный, хитрый человек'.

3. Глаголы, образованные от основ со значением места, пространства (или его меры), направления:

туркм.: *базарлашмак* 'ходить на базар', 'бывать на базаре'—от существительного *базар* 'базар', 'рынок';

узб.: *бозорлашмоқ* 'ходить на базар', 'бывать на базаре'—от существительного *бозор* 'базар';

туркм.: *орунлашмак* 'помещаться', 'размещаться', 'располагаться'—от существительного *орун* 'место';

тур.: *yerleşmek* 'помещаться', 'поселяться'; 'оседать'; 'устраиваться'—от существительного *yer* 'земля', 'земной шар'; 'место'; 'след'; 'знак';

тат.: *җирләш-* 'поселяться (на новой земле)', 'устраиваться'—от существительного *җир* 'место', 'местность' и др.

туркм.: *дашлашмак* 'удаляться', 'отделяться', 'быть далеким'—от *даш* 'далекий'; 'окрестность', 'даль'; 'наружность'; 'лицевая сторона';

узб.: *йироқлашмоқ* 'удаляться', 'отдаляться'—от имени *йироқ* 'даль'; 'далекий'; то же в тат. *ераклат-*;

баландлашмоқ 'повышаться'—от прилагательного *баланд* 'высокий';

тур.: *yakınlaşmak* 'приближаться' – от прилагательного *yakın* 'близкий';

гагауз.: *јаклаш* 'приближаться', 'подкрадываться'—от существительного *јак* 'сторона';

кирг.: *отурукташ-* 'оседать', 'переходить на оседлость'—от *отурук* 'пункт оседлости', 'селение'; 'оседлый'.

4. Глаголы, образованные от основ со значением формы, вида, строения:

группалашмаг 'группироваться'—от существительного *группа* 'группа';

кишиләшмәк 'бравировать', 'изображать из себя мужчину', 'хорохориться', 'петушиться'—от *киши* 'мужчина', 'муж'; 'храбрый', 'мужественный';

киплəшмəк 'плотно расположиться'—от прилагательного *кип* 'плотный';

чəркələшмəк 'становиться в ряд, в шеренгу', 'строиться рядами'—от существительного *чəркə* 'ряд', 'шеренга', 'строй'.

Как видно из примеров, медиальное значение глаголов на *-лаш-* более всего представлено в старописьменных языках: турецком, туркменском, узбекском и татарском. Основным значением именных основ здесь также является значение признака результата, чаще всего выражаемого прилагательным, хотя среди основ встречаются и существительные (*мəркез, boy, yer, лой, такмил, автомат, демократ*), из семантики которых отвлечено значение признака. Предметные значения существительных представлены в именных основах глаголов рубрики 1б, отчасти они представлены в третьей рубрике глаголов с пространственным значением основ.

В сравнении с азербайджанским языком данная группа глаголов в других тюркских языках, возможно, несколько больше, что, однако, нуждается в дополнительной проверке.

Касаясь грамматической природы именных основ, следует отметить господствующую роль прилагательных в глаголообразовании на *-лаш-*, за исключением основ со значением пространства или предметного результата процесса (см. стр. 144—148), а также существительных, используемых взамен отсутствующих в языке прилагательных.

Сопоставив этот вывод с данными других тюркских языков, можно сказать, что тенденцию к унификации атрибутивного значения именных основ глаголообразования и к вытеснению основ с предметными значениями, за исключением специальных случаев, допустимо рассматривать в качестве межтюркской. Межтюркским же, по-видимому, является параллельный процесс грамматической унификации, в результате которого среди основ глаголообразования в форме на *-лаш-* господствующими стано-

вятся прилагательные, вытесняющие имена с предметным значением. Процесс семантико-грамматической унификации основ глаголообразования, незаметный еще в форме на *-ла-*, обнаруживается в форме на *-лан-* и полностью развивается в глаголообразовании на *-лаш-*. Форма на *-лан-* с этой точки зрения представляет переход от системы многозначных отношений между семантикой основы и образованного от нее глагола к системе однозначного отношения между ними. В связи с этим понятно, почему в переходной форме на *-лан-* случаи использования существительных в чисто атрибутивном значении так многочисленны. В форме на *-лан-* еще достаточно продуктивен старый способ глаголообразования (от имен, обозначающих предметы), унаследованный этой формой от аффикса *-ла-*. В противоречии с этим способом находится стремление к семантической и грамматической однородности именных основ глаголообразования. В форме на *-лаш-* это противоречие уже теряет свою остроту, поскольку оно разрешается в пользу прилагательного, но не исчезает полностью, так как приблизительно 15% именных основ представляют собой частью существительные, от которых отвлекается значение признака (около 9%), частью же формы со значением существительного и прилагательного (около 6%).

Сравнивая условия глаголообразования в описанных трех формах, можно вновь подтвердить то, что уже говорилось в разделе об аффиксе *-лан-*: во всех трех глаголообразующих формах глаголы образованы не от субстанциональности или атрибутивности в грамматическом смысле, а от предметных, процессуальных (в формах *-ла-* и *-лан-*) и атрибутивных значений в реально вещественном смысле этих терминов. От конкретной основы в производный глагол входит ее реальное, но не грамматическое значение. Принимая словопроизводный аффикс, основа теряет все свои грамматические свойства как единицы определенной части речи и приобретает те свойства, которые присущи всем словам данной словопроизводной формы как единицам другой части речи [61]. Отсюда следует, что в производной форме создается новое слово с новым словарным и с новым грамматическим значением, а не «функциональная» разновидность той же части речи.

Значения производных глаголов на *-лаш-*

Не повторяя того, что говорилось в предыдущих разделах относительно источников глагольного значения и структурных типов последнего, необходимо лишь констатировать, что семан-

[61] Только в одном случае грамматическое значение основы переходит также и в производную форму: когда основа представляет собой форму глагольной части речи — причастия, глагольного имени, деепричастия.

тика глаголов на *-лаш-* также является продуктом взаимодействия трех источников: вещественного значения именной основы, ее результативного и других отношений к значению производного глагола и собственного значения глаголообразующего аффикса. Строение глагольного значения в форме на *-лаш-* также укладывается в рамки намеченных ранее четырех типов, среди которых господствующим и развивающимся для глаголов на *-лаш-* является первый тип. Он наблюдается во всех глаголах группы «а» первой рубрики, глаголах второй и третьей рубрик. В остальных рубриках глаголы имеют двусоставную семантическую структуру, связанную со значением аффикса *-лаш-*. Двусоставность семантического строения прослеживается яснее всего в глаголах группы «б» первой рубрики с основами, означающими предметный результат действия. Глаголы этой группы имеют комплексное значение, состоящее из общего процессуального значения «превращаться в ...» и предметного значения «кого-то», «что-то», ограничивающего и конкретизирующего названное процессуальное значение. Например, глаголы *гарылашмаг* 'превращаться в старуху' — от *гары* 'старуха', *дашлашмаг* 'окаменеть' — от *даш* 'камень', *кокслашмаг* 'коксоваться' — от *кокс* 'кокс', *кристаллашмаг* 'кристаллизоваться' — от *кристалл* 'кристалл', *сиркәләшмәк* 'превращаться в уксус',— от *сиркә* 'уксус' и т. п. — все имеют значения, складывающиеся из общего процессуального значения превращения или видоизменения и указания на предметный результат этого процесса, придающий последнему конкретный и ограниченный характер.

Таково же строение некоторых глаголов четвертой рубрики, в которых основы, означая форму или строение процесса, выражают вместе с тем материальный предметный результат последнего. Ср., например, глаголы *группалашмаг* 'группироваться', *чәркәләшмәк* 'становиться в ряд, в шеренгу', 'строиться рядами' — от *чәркә* 'ряд', 'шеренга', 'строй'. Значения их складываются из представления о процессе со значением «строиться в ...», «образовать ...» и представления о предмете, выражаемого основами этих глаголов, т. е. существительными «группа», «группы» и «ряд», «ряды». Очевидно, аналогичное строение имеет также глагол третьей рубрики *јерләшмәк* 'помещаться', 'умещаться', 'укладываться'; 'поселяться', 'устраиваться на какой-нибудь земле' — от существительного *јер* 'место', так как в его значении, по-видимому, еще не угасло предметное представление о «месте».

Глаголов со вторым типом семантической структуры среди форм на *-лаш-* не имеется.

Как видно из примеров данного раздела, глаголов с абстрактным значением в форме на *-лаш-* больше, чем глаголов с этим значением в форме на *-лан-* и на *-ла-*, что вытекает из

большей абстрактности атрибутивного значения в сравнении с предметным.

Отмечавшаяся выше однородность глаголов на *-лаш-* (как в отношении вещественного и грамматического значения их основ, так и семантической структуры) находит свое выражение и в большей, сравнительно с двумя другими формами, однородности глагольных значений. Центральным и господствующим здесь является значение развития, становления, изменения и превращения.

Близкое к данному значение отмечается в качестве центрального, например, и в башкирском языке. «Он (аффикс *-лаш-*. — *Э. С.*) указывает на переход из одного состояния в другое и образует, таким образом, глаголы непереходного типа», — писал Н. К. Дмитриев [62].

Значение развития и становления для аффикса *-лаш-* отмечал в турецком языке В. Акопьян: «Некоторые непереходные глаголы образуются прибавлением *-leşmek, -laşmak,* означающего „делаться", „становиться (постепенно)"»,— с примерами *fenalaşmak, kötüleşmek, eyileşmek* [63]. Следует отметить, что В. Акопьян ясно различал обе омонимичные формы на *-лаш-*: «Однородное окончание, — писал он относительно аффикса *-лаш-* со взаимным значением, — присоединенное к имени, образует взаимные глаголы, например, *mektuplaşmak, haberleşmek*» [64].

Глаголы со значением становления составляют 90% всех глаголов на *-лаш-*. Среди них необходимо различать глаголы, означающие появление, развитие какого-либо признака или качества, приобретение предметом какого-либо признака или качества, т. е. значение развития и становления в прямом смысле, — и глаголы, означающие изменение и превращение в какой-то предмет. Ввиду указанного различия глаголы этой объединенной обширной группы можно подразделить на две подгруппы: а) глаголы, означающие развитие и становление, и б) глаголы, означающие изменение и превращение.

Глаголы первой подгруппы составляют 81%, второй — 9%.

К первой подгруппе принадлежат глаголы, которые по значениям их основ относятся к рубрикам 1а, в значительной степени 3 и 4, например: *асанлашмаг* 'облегчаться', 'упрощаться', 'становиться легким' — от прилагательного *асан* 'легкий', 'простой' и т. д.; *бабатлашмаг* 'поправляться', 'улучшаться' — от прилагательного *бабат* 'сносный', 'удовлетворительный' и т. д.; *бәдбинләшмәк* 'становиться пессимистом' — от *бәдбин* 'пессимист'; 'пессимистический'; *бикаралашмаг* 'стать неважным, негодным, бесполезным' — от прилагательного *бикара* 'малопри-

[62] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 178.
[63] V. H. Hagopian, *Ottoman-turkish conversation-grammar*, § 279.
[64] Ibid., § 280.

годный', 'бесполезный' и т. д.; *гыврaглашмаг* 'наловчиться'; 'становиться здоровым', 'выздоравливать' — от прилагательного *гыврaг* 'ловкий'; 'находящийся в добром здравии', 'здоровый'; *гытлашмаг* 'уменьшаться в количестве', 'становиться редким, трудно находимым' — от прилагательного *гыт* 'малый', 'недостаточный'; *зорбалашмаг* 'здороветь', 'становиться большим, крепким, сильным' — от прилагательного *зорба* 'громадный', 'здоровый' и т. д.; *зырпылашмаг* 'здороветь', 'становиться дюжим' — от прилагательного *зырпы* 'здоровенный', 'дюжий'; *јохсуллашмаг* 'обеднеть' — от прилагательного *јохсул* 'неимущий', 'нуждающийся'; *сәмтләшмәк* 'приноравливаться' — от существительного *сәмт* 'сторона', 'направление'; *јовуглашмаг* 'приближаться', 'сближаться' — от прилагательного *јовуг* 'близкий'; *узаглашмаг* 'удаляться', 'отдаляться' — от прилагательного *узаг* 'далекий', 'дальний'; *киплəшмәк* 'плотно расположиться' — от прилагательного *кип* 'плотный' и ряд других глаголов.

Ко второй подгруппе принадлежат глаголы, которые по значениям их основ относятся к рубрикам 1б, отчасти 3 и 4: *дуллашмаг* 'овдоветь' — от существительного *дул* 'вдова'; *кооперативләшмәк* 'кооперироваться' — от существительного *кооператив* 'кооператив'; *лотулашмаг* 'становиться плутом, пройдохой' — от существительного *лоту* 'плут', 'пройдоха'; *мајеләшмәк* 'обратиться в жидкость', 'стать жидким' — от *маје* 'жидкий'; 'жидкость'; *мешшанлашмаг* 'омещаниться' — от существительного *мешшан* 'мещанин'; *харабалашмаг* 'приходить в запустение', 'превращаться в развалины' — от *хараба* 'руины', 'развалины' и т. д.

К этой же подгруппе относятся упоминавшиеся ранее глаголы третьей и четвертой рубрик, означающие изменение и превращение в какой-либо предмет. Данное значение глаголов на *-лаш-* является вполне продуктивным, и именно этим обстоятельством объясняется дальнейшее производство глаголов на *-лаш-*, основы которых означают предметный результат процесса.

Небольшая группа, по численности равная примерно предыдущей (т. е. не более 9%), объединяет глаголы со значением перехода в какое-либо состояние или пребывание в нем. Сюда входят глаголы второй рубрики, в которой основы означают признак состояния (процесса), т. е. глаголы *гоншулашмаг* 'быть в соседстве' — от существительного *гоншу* 'сосед'; *гызғынлашмаг* 'разгораться', 'быть в разгаре', 'оживляться'; 'быть в разъяренном состоянии' — от прилагательного *гызғын* 'горячий', 'жаркий', 'буйный', 'объятый страстью'; *әсәбиләшмәк* 'нервничать', 'раздражаться' — от прилагательного *әсәби* 'нервный', 'раздражительный'; *кәнәкләшмәк* 'упрямиться' — от прилагательного *кәнәк* 'упрямый' и другие глаголы рубрики 2.

Вопрос о степени производительности данного значения решить трудно. Но описываемое значение в сравнении с первым безусловно менее производительно, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что неологизмы в этой группе встречаются крайне редко.

Сравнивая глаголы на *-лаш-* и *-лан-*, можно констатировать, что среди них отсутствуют третье и четвертое значения глаголов на *-лан-*, т. е. значения приобретения, добывания себе чего-нибудь, оснащения себя чем-нибудь и значение уподобления или подражания. Последнее значение в глаголах на *-лаш-* встречается только в отдельных случаях, как, например: *кишиләшмәк* 'бравировать'; 'изображать из себя мужчину', 'хорохориться', 'петушиться' — от *киши* 'мужчина', 'муж', 'храбрый', 'мужественный'. Среди глаголов на *-лаш-* крайне редки глаголы со значением появления или развития у предмета других предметов.

Таким образом, и в данном случае проявляется тенденция к унификации и однородности основ и значений глаголов на *-лаш-*. Аффиксы *-ла-*, *-лан-* и *-лаш-* образуют цепочку форм, каждая из которых представляет звено по отношению к другой, повторяя некоторые значения предыдущего звена, но особенно развивая свои специальные значения, малозаметные в предшествующем звене. Через эту цепочку преемственных семантических связей проходит значение развития, становления и превращения. Вначале оно малозаметно в аффиксе *-ла-*, затем четко выступает в аффиксе *-лан-* и, наконец, становится основным в глаголах на *-лаш-*. Так завершается путь развития от многозначности аффикса *-ла-* к однозначности аффикса *-лаш-*.

Итак, продуктивные формы глаголообразования находятся во внутренней связи, и в языке несомненна тенденция к отпадению у различных словопроизводных форм параллельных значений, в результате чего словообразовательные формы образуют известную систему специализированных элементов.

Историческая преемственность всех трех аффиксов отыменного глаголообразования поддерживается не только их значениями, но также и формально. В большом количестве случаев одно и то же глагольное значение существует в параллельных формах *-лан-//-лаш-* и даже *-ла-//-лан-//-лаш-*, равно как и *-ла-//-лан-*.

Сосуществование параллельных форм отыменного глаголообразования есть выражение формальной и семантической преемственности глаголообразующих аффиксов *-ла-*, *-лан-* и *-лаш-*.

Параллелизм производных форм глагола объясняется и тем, что продуктивные формы глагольного словопроизводства входят в язык сериями, а не отдельными единицами. Поэтому в словарях тюркских

языков, в том числе и азербайджанского, нередки синонимические цепочки семантически тождественных глаголов, из числа которых можно привести следующие:

абадлашмаг//абадланмаг 'заселяться', 'приходить в благоустроенное состояние' — от прилагательного *абад* 'благоустроенный'; 'населенный', 'заселенный';

асудәләшмәк// асудәләнмәк 'освободиться', 'успокоиться' — от прилагательного *асудә* 'покойный', 'тихий', 'свободный';

аһыллашмаг//аһылланмаг 'достигнуть пожилого возраста' — от прилагательного *аһыл* 'пожилой';

ачызләшмәк//ачызләнмәк 'быть, стать бессильным, беспомощным' — от прилагательного *ачыз* 'слабый', 'беспомощный'; 'неспособный', 'неумелый';

баһалашмаг//баһаланмаг 'вздорожать', 'дорожать', 'подорожать', 'подниматься в цене' — от прилагательного *баһа* 'дорогой';

балачалашмаг//балачаланмаг 'мельчать', 'стать мелким' — от *балача* 'маленький (по виду и значению)', 'незначительный';

бәситләшмәк//бәситләнмәк 'упрощаться', 'становиться проще' — от прилагательного *бәсит* 'несложный', 'простой', 'незамысловатый';

боллашмаг//болланмаг 'появляться в изобилии, в большом количестве', 'стать обильным', 'увеличиваться в количестве' — от прилагательного *бол* 'обильный', 'с избытком';

галынлашмаг//галынланмаг 'делаться толстым, плотным, грубым' — от прилагательного *галын* 'толстый', 'плотный';

гәлизләшмәк//гәлизләнмәк 'сгущаться'; 'становиться напыщенным, высокопарным' — от прилагательного *гәлиз* 'густой'; 'напыщенный', 'высокопарный'; 'труднопонимаемый';

каһаллашмаг//каһалланмаг 'становиться нерасторопным', 'облениться', 'отяжелеть' — от прилагательного *каһал* 'тяжелый на подъем';

күтләшмәк//күтләнмәк 'отупеть', 'тупеть', 'становиться тупым' — от прилагательного *күт* 'тупой', 'бездарный';

көјчәкләшмәк//көјчәкләмәк 'становиться красивым'; 'хорошеть' — от прилагательного *көјчәк* 'красивый', 'прелестный', 'прекрасный';

мөһкәмләшмәк//мөһкәмләнмәк 'становиться крепким', 'крепнуть', 'закаляться' — от прилагательного *мөһкәм* 'сильный', 'крепкий', 'прочный', 'твердый', 'стойкий', 'здоровый';

нәмләшмәк//нәмләнмәк 'становиться влажным', 'впитывать влагу', 'отсыреть' — от прилагательного *нәм* 'влажный', 'сырой';

сакитләшмәк//сакитләнмәк 'становиться спокойным', 'успокоиться', 'утихать' — от прилагательного *сакит* 'тихий', 'спокойный';

сәртләшмәк//сәртләнмәк 'становиться твердым, жестким, крепким, острым, резким'— от прилагательного *сәрт* 'твердый', 'жесткий', 'крепкий'; 'острый'; 'резкий';

үчүзлашмаг//үчүзланмаг 'становиться дешевле', 'дешеветь', 'падать в цене'— от прилагательного *үчүз* 'дешевый';

һәлимләшмәк//һәлимләнмәк 'становиться мягким', 'смягчиться'— от прилагательного *һәлим* 'мягкий', 'кроткий', 'смирный';

чодлашмаг//чодланмаг 'становиться жестким, грубым', 'огрубеть'— от прилагательного *чод* 'грубый'; 'неотесанный'; 'твердый', 'жесткий';

шәнләшмәк//шәнләнмәк 'становиться радостным, веселым, оживленным', 'оживляться'— от прилагательного *шән* 'радостный', 'веселый', 'оживленный';

шәффафлашмаг//шәффафланмаг 'становиться прозрачным'— от прилагательного *шәффаф* 'прозрачный';

ширинләшмәк//ширинләнмәк 'становиться сладким'— от прилагательного *ширин* 'сладкий';

јашыллашмаг//јашылланмаг 'становиться зеленым', 'зеленеть'— от *јашыл* 'зеленый' и многие другие параллельные глаголы на *-лаш-//-лан-*, число которых приближается к сотне.

Приведенные глаголы образованы от прилагательных и по значению принадлежат к семантическому типу глаголов на *-лаш-*, означающему развитие и изменение. Они также составляют большинство параллельных форм *-лаш-//-лан-*, и, таким образом, преемственность в значениях этих глаголообразующих форм поддерживается большим числом производных форм.

Однако, кроме ведущего значения, глаголы на *-лаш-//-лан-* могут иметь и другие общие значения, установленные ранее. Например, значение превращения отмечается в глаголах:

ихтисаслашмаг//ихтисасланмаг 'специализироваться'— от существительного *ихтисас* 'специальность', 'специализация';

кәсәкләшмәк//кәсәкләнмәк 'превращаться в комок сухой глины'— от существительного *кәсәк* 'сухой ком глины';

лахталашмаг//лахталанмаг 'превращаться, переходить в сгусток (крови)'— от существительного *лахта* 'сгусток';

сулуглашмаг//сулугланмаг 'превращаться в волдыри'— от существительного *сулуг* 'волдырь'.

Параллельные формы с данным значением немногочисленны, и едва ли можно ожидать в дальнейшем увеличения их числа, поскольку в форме на *-лан-* рассматриваемое значение не может считаться продуктивным.

Значение перехода в какое-либо состояние или пребывание в нем имеют следующие параллельные глаголы:

кәркинләшмәк//кәркинләнмәк 'напрягаться', 'быть натянутым'— от прилагательного *кәркин* 'напряженный', 'натянутый';

фикирләшмәк//фикирләнмәк 'мыслить', 'думать', 'обдумывать', 'обсуждать' — от существительного *фикир* 'мысль', 'дума', 'идея', 'намерение';

һазырлашмаг//һазырланмаг 'готовиться', 'приготовиться', 'подготовиться', 'собираться (идти, ехать куда-нибудь)' — от прилагательного *һазыр* 'готовый';

чәркәләшмәк//чәркәләнмәк 'становиться в ряд, в шеренгу', 'строиться рядами' — от существительного *чәркә* 'ряд', 'шеренга', 'строй';

мәркәзләшмәк//мәркәзләнмәк 'централизоваться', 'концентрироваться' — от существительного *мәркәз* 'центр';

мәһдудлашмаг//мәһдудланмаг 'ограничиваться', 'довольствоваться' — от прилагательного *мәһдуд* 'граничащий', 'сопредельный', 'ограниченный', 'замкнутый', 'обособленный'.

Хотя настоящая группа немного больше предыдущей, но и она едва ли будет увеличиваться в дальнейшем, так как значение перехода в какое-либо состояние или пребывание в нем является продуктивным лишь в форме на *-лан-*.

В единичных случаях встречаются параллельные формы на *-лаш-//-лан-* со значением образования или появления предметов; ср., например, *чадарлашмаг//чадарланмаг* 'покрываться трещинами'; 'потрескаться' — от существительного *чадар* 'трещина в грунте, почве, на коже' и *јашыллашмаг//јашылланмаг* 'зеленеть', 'покрываться зеленью', 'становиться зеленым' — от *јашыл* 'зеленеть', 'зеленый'.

В принципе все значения сравниваемых форм, образованных от одних и тех же прилагательных, тождественны. Однако встречаются и расхождения, ср., например: *ловғаланмаг* 'хвастать', 'бахвалиться' 'щеголять, 'кичиться' и *ловғалашмаг* 'становиться заносчивым, кичливым, надменным' — от *ловға* 'бахвал', 'хвастун', 'надменный', 'высокомерный'; *пахылланмаг* 'завидовать' и *пахыллашмаг* 'становиться завистливым' — от *пахыл* 'завистливый', 'завистник'; *рәһатланмаг* 'отдохнуть', 'успокоиться', 'найти удобство, уют' и *рәһатлашмаг* 'успокоиться', 'стать спокойным, тихим' — от *рәһат* 'спокойный', 'покой', 'спокойствие', 'успокоение'; *вејлләнмәк* 'праздно шататься', 'болтаться', 'слоняться' и *вејлләшмәк* 'становиться бездеятельным, праздным, бездельным' — от *вејл* 'праздный', 'бездеятельный' и некоторые другие. Как видно из сравнения, формы на *-лан-* выражают состояние, между тем как формы на *-лаш-* выражают становление того же состояния. При образовании глаголов от имен расхождения в значениях *-лан-* и *-лаш-* возрастают, ср., например: *кишиләнмәк* 'изображать из себя мужчину', 'хорохориться', 'бравировать' и *кишиләшмәк* 'возмужать' наряду с 'хорохориться', 'петушиться' — от *киши* 'мужчина'; *сулугланмаг* 'образоваться, появляться (о волды-

рях' и *сулуглашмаг* 'превращаться в волдыри'— от *сулуг* 'волдырь'.

Однако азербайджанский язык все еще изобилует многочисленными глаголами в форме *-лан-*, означающими появление, развитие в предмете нового признака. В перспективе можно ожидать постепенного ослабления в аффиксе *-лан-* продуктивности данного значения. Следует отметить, что новейшие глаголы с указанным значением (например, *мәркәзләшмәк* 'концентрироваться', *коллективләшмәк* или *колхозлашмаг* 'коллективизироваться', *кооперативләшмәк* 'кооперироваться' и др.) образованы уже в форме на *-лаш-*, что свидетельствует о тенденции окончательного закрепления рассматриваемого значения за формой *-лаш-*.

Сопоставляя обе формы, напомним также, что глаголы на *-лан-* означают как появление в предмете нового признака, так и приобретение или появление в нем нового предмета; как переход предмета в другое состояние, так отчасти и превращение его в другой предмет (глаголы *буғаланмаг* 'стать быком', *бухарланмаг* 'испаряться', *газланмаг* 'превращаться в газ' и др.). Границы между этими значениями нередко бывают расплывчатыми, в ряде случаев можно говорить о совмещении сравниваемых значений в одном слове, как, например, в глаголах *пахырланмаг* 'покрываться окисью меди', *пијләнмәк* 'разжиреть', 'ожиреть', *харланмаг* 'засахариться'. Эта двойственность глагольного значения соответствует недостаточной или слабой расчлененности существительного и прилагательного на более ранней ступени развития азербайджанского языка.

От подобного семантического синкретизма форма на *-лаш-* в значительной мере свободна, так как она уже не может означать превращение предмета в другой предмет и одновременно приобретение им нового признака или переход в новое состояние. Глаголы на *-лаш-*, как правило, означают либо одно, либо другое. Такая однородность значения соответствует все растущей дифференциации существительного и прилагательного как особых частей речи в современном азербайджанском языке.

Параллельные глаголы с тождественными значениями наблюдаются также в формах *-лаш-* и *-ла-*.

К ним относятся:

кафтарлашмаг//кафтарламаг 'дряхлеть', 'стареть'— от прилагательного *кафтар* 'старый', 'обессилевший', 'дряхлый';

сејрәкләшмәк//сејрәкләмәк 'становиться редким', 'поредеть'— от прилагательного *сејрәк* 'редкий', 'разреженный';

сәфиһләшмәк //сәфиһләмәк 'глупеть'— от *сәфиһ* 'глупец', 'дурак', 'глупый', 'бестолковый';

пырпызлашмаг 'спутаться', 'перепутаться', 'прийти в беспорядочное состояние (о нитках, волосах)' и *пырпызламаг* 'растрепаться', 'прийти в беспорядок (о волосах)' — от существительного *пырпыз* 'волосы', 'прядь торчащих вверх волос';

һарынлашмаг//һарынламаг 'разжиреть', 'разбогатеть', 'стать самодовольным' — от прилагательного *һарын* 'сытый', 'разжиревший', 'разбогатевший', 'самодовольный'.

Как видно из сравнения, параллелизм обеих словообразовательных форм основывается на схождении основного значения аффикса *-лаш-* с аналогичным значением аффикса *-ла-* (см. третье значение у аффикса *-ла-* — появление в предмете нового признака, формы, свойства или предмета). Ср.:

көпукләмәк//көпукләнмәк 'пениться', 'выделяться (о пене)', 'покрываться пеной' — от существительного *көпук* 'пена';

лалыгламаг//лалыгланмаг 'переспевать', 'перезревать' (о плодах) — от прилагательного *лалыг* 'переспелый', 'перезрелый' (плод);

лахламаг//лахланмаг 'шататься', 'болтаться' — от прилагательного *лах* 'шаткий', 'болтающийся', 'качающийся' и т. д.;

ләнкәрләмәк//ләнкәрләнмәк 'накреняться', 'наклоняться' — от *ләнкәр* 'шест (которым балансируют канатные плясуны).'

Можно привести, наконец, ряд случаев, в которых совпадают значения всех трех аффиксов: *-ла-, -лан-, -лаш-*. В таких глаголах их преемственные связи как по форме, так и по значению выступают наиболее наглядно. К параллельным формам *-ла-// -лан-//-лаш-* относятся:

галынламаг//галынланмаг//галынлашмаг 'делаться толстым, плотным, грубым, твердым' — от прилагательного галын 'толстый', 'плотный', 'густой';

зәифләмәк//зәифләнмәк//зәифләшмәк 'чахнуть', 'слабеть, 'хиреть', 'становиться слабым, хилым, чахлым'—от прилагательного *зәиф* 'слабый', 'хилый', 'бессильный';

сарсагламаг//сарсагланмаг//сарсаглашмаг 'становиться глупым', 'поглупеть'—от *сарсаг* 'глупец'; 'глупый', 'легкомысленный';

чалламаг//чалланмаг//чаллашмаг 'седеть', 'становиться седым'—от прилагательного *чал* 'седой', 'сивый', 'поседелый', 'с проседью';

чылпагламаг//чылпагланмаг//чылпаглашмаг 'оголяться', 'становиться голым'—от прилагательного *чылпаг* 'голый', 'обнаженный';

чырламаг//чырланмаг//чырлашмаг 'вырождаться', 'терять благородство, хорошие свойства', 'дичать (о растениях)'— от прилагательного *чыр* 'дикий', 'непривитый (о плодах)'.

В дополнение к примерам из азербайджанского языка мож-

но привести отдельные иллюстрации из других тюркских языков:

туркм.: *бетёрлемек||бетёрленмек* 'ухудшаться', 'осложняться (о болезни)'; 'усиливаться (об осадках)'— от прилагательного иранского происхождения *бетёр* 'хуже', 'худший';

голайламак||голайлашмак 'приближаться' — от прилагательного *голай* 'близкий';

өкделемек||өкделешмек 'специализироваться', 'квалифицироваться', 'повышать свою квалификацию', 'овладевать чем-либо', 'становиться опытным, искусным'—от *өкде* 'искусный', 'опытный', 'специалист';

тур.: *afallamak||afallaşmak* 'быть изумленным, ошеломленным', 'растеряться', 'потерять голову', 'остолбенеть'—от прилагательного *afal*, которое имеется в составе парного прилагательного *afal tapal* 'изумленный', 'ошеломленный';

ihtiyarlamak||ihtiyarlaşmak 'стариться', 'стареть'—от прилагательного *ihtiyar* 'старый';

serinlemek||serinlenmek||serinleşmek 'становиться свежим, прохладным'; 'свежеть'; 'освежаться'—от *serin* 'прохладный';

узб.: *енгилламоқ||енгилланмоқ||енгиллашмоқ* 'облегчаться', 'делаться легким' (*енгилланмоқ* означает еще «идти на поправку», а *енгиллашмоқ* — «получать облегчение»)—от прилагательного *енгил* 'легкий';

кирламоқ||кирланмоқ, из которых первый означает «становиться грязным» (о человеке, который долго не мылся), а второй—«загрязняться», «пачкаться»—от существительного *кир* 'грязь';

секинламоқ||секинланмоқ||секинлашмоқ 'замедляться'— от прилагательного *секин* 'медленный';

казах.: *зарла-||зарлан-* 'сетовать', 'роптать'— от существительного *зар* 'рыдание', 'горький плач', 'вопль', 'жалоба';

кібіртікте-|| кібіртіктен- 'чувствовать стеснительность'— от прилагательного *кібіртік* 'нерешительный';

кірле-||кірлен- 'загрязняться'—от *кір* 'грязь', 'грязный';

тат.: *болытла-||болытлан-* 'заволакивать', 'обволакивать (небо тучами)', 'хмуриться'—от существительного *болыт* 'облако', 'туча';

Ettuhfet.: *küçle-||küçlen-* 'усиливаться'—от *küç* 'сила' (Dizin, 213).

nazla-||nazlan- (Dizin, 219) 'кокетничать', 'жеманиться', 'ломаться', 'капризничать'—от существительного *naz* 'кокетство', 'жеманство', 'каприз'.

Отметим случаи смешения этой словообразовательной формы с формой взаимно-совместного залога, хотя необходимо сказать, что количественно подобных случаев много меньше, чем в глаголах с аффиксом *-лан-*. К ним можно отнести, например, гла-

гол *бүјнүзлашмаг* со значениями «бить друг друга рогами», «бодаться друг с другом», «роговеть», «ороговеть» (анат.). Фактически здесь два глагола: взаимно-совместная форма от глагола *бүјнүзламаг* 'бить рогами', 'бодать' и словопроизводная форма глагола на *-лаш-*, образованная от существительного *бүјнүз* 'рога', 'рог'.

Несколько иного характера смешение глаголов имеет место в слове *јахынлашмаг* 'приближаться', 'подходить', 'сближаться'. Первые два значения принадлежат глаголу *јахынлашмаг*, образованному от прилагательного *јахын* 'близкий' при помощи аффикса *-лаш-* в медиальном значении. Третье значение «сближаться» принадлежит глаголу *јахынлашмаг*, образованному при помощи омонимичного аффикса *-лаш-* с взаимным значением (см. стр. 162—175).

Среди форм на *-лаш-* могут оказаться такие, которые можно толковать и как словообразовательные, и как залоговые, например глагол *ираглашмаг* 'отдаляться', 'удаляться', образованный от прилагательного *ираг* 'далекий' при помощи глаголообразующего показателя *-лаш-* с медиальным значением. Однако мы не можем исключить и происхождение этой формы от глагола ایراقمق со значением «удалять» (Буд., II, 354), наращенного показателем *-ш-* в медиальном значении.

Глаголы в форме *-лаш-* с медиальным значением в памятниках тюркских языков не встречаются. Однако это не значит, что форма аффикса *-лаш-* сложилась в новейшее время, точно так же, как относительно позднее появление показателя исходного падежа в памятниках письменности не свидетельствует о его позднем сложении в качестве особой формы. В некоторых тюркских языках исторически мог существовать аффикс *-лаш-* со значением, близким к медиальному, но он не получил распространения. Достоверным следует признать лишь то, что этот показатель появился в письменных тюркских языках в новейшее время. История же его развития остается пока скрытой. Поэтому заслуживает внимания омоморфный показатель с широким и узким гласным, приводимый в «Диване» Махмуда Кашгарского. В первой части «Дивана» неоднократно встречаются глагольные формы, наращенные аффиксом *-лаш-//-леш-* или *-лыш-//-лиш-*, например: *ötleşdi neng* 'вещи износились' (M. Kāşgarī, I, 238)—от глагола *öt-* 'пересечь'; 'продырявить'; 'опустеть'; 'слабить' (Dizin, 467), قَبُغْلارْ آڅلشدی *kapuğlar açlīşdī* 'двери открылись' (M. Kāşgarī, I, 239)—от глагола *aç-* 'открывать' (Dizin, 2); اُزْلُشْدِی نَانْكْ *üzlüşdi nenğ* 'вещь износилась, изорвалась' (M. Kāşgarī, I, 240)—от глагола *üz-* 'отрезать нитки' (Dizin, 720).

Аффикс *-лыш-* с узким гласным встречается при глагольных основах и в более поздних памятниках, например в «Codex Cumanicus»: *qystalyš-* 'сбиваться (в кучу)', 'тесниться'—от глагола *qysta-* 'сжимать' (KW, 208).

Можно думать, что в примерах из «Дивана» Махмуда Кашгарского и «Codex Cumanicus» фигурирует аффикс *-лаш-* (или с узким гласным *-лыш-*) с медиальным значением, от которого отличается другой, омоморфный аффикс *-лаш-*, имеющий взаимное значение. Ср., например, اَقْلَشْدِى كِشِى *kişi ewleşdi* 'народ собрался' (M. Kāşgarī, 240)—от глагола *ew-* 'бегать вокруг чего-нибудь' (Dizin, 203); *tegme yanğaktın budun akluşdı* 'отовсюду сбежался народ' (M. Kāşgarī, I, 241)—от *ak-* 'течь' (Dizin, 15).

Формы, приводимые Махмудом Кашгарским, подтверждаются в материалах и современных ему памятников. Ср., например, *jana bir qul alqaly mini bilän käŋiläšip turur* 'теперь он хочет расширить свое благосостояние при помощи меня,—снова взять [меня] как некоего раба' (Малов, Пам., 203 $_{30-31}$)

Глагол *käŋiläš-* является производной формой (при помощи аффикса *-läš-*) от *käŋi-*; ср. в словаре В. Радлова: *käŋi-* 'расшириться', 'распространиться' (Радл., Сл., II, 2070)—от *käŋ* 'широкий', 'обширный', 'ширина' (Радл., Сл., II, 1067).

По-видимому, в приведенных примерах Махмуда Кашгарского представлены два известных в современных языках аффикса, один — с медиальным, другой — с взаимным значением. Но в «Диване» они образуют глаголы от глагольных основ, между тем как в современных языках обе формы образуют отыменные глаголы.

Обращаясь к процессам обобщения глагольного значения, следует констатировать отсутствие этого явления в глаголах с аффиксом *-лаш-*, что объясняется характером основ глаголообразования, в целом относящихся к прилагательным, т. е. к категории в достаточной степени абстрактной по сравнению с именами существительными, имеющими предметное значение.

Как правило, процессам обобщения подвергаются преимущественно глаголы с двусоставной семантической структурой, образованные от существительных с предметным значением. Под эту категорию формально подходят те глаголы на *-лаш-*, которые означают превращение в какой-либо предмет и имеют основы со значением предметного результата. Но процессы обобщения не наблюдаются и в глаголах этой группы, так как в них обязательно имеется представление о конкретном предметном результате процесса. Иными словами, специфика этого второго значения глагола на *-лаш-* как раз в его конкретности. Нечто подобное уже встречалось раньше, при описании глаголов

на *-ла-*, большинство которых также имеет двусоставную семантическую структуру и означает конкретные действия. Следовательно, конкретность глаголов здесь также составляет их специфику, поскольку она связана с определенным типом глагольного значения.

Таким образом, необходимо различать закономерную конкретность значения производного глагола, проистекающую от значения самой глаголообразующей формы, и конкретность окказиональную, проистекающую от конкретности одной лишь именной основы. Первая, как правило, не составляет источника обобщенных глагольных значений, вторая при известных условиях может стать источником обобщенных значений.

АФФИКС *-лаш*$_1$-

Группировка глаголов на *-лаш*-$_1$ по значениям их основ

Наряду с медиальными глаголами в форме *-лаш-* можно выделить другие омоморфные глаголы, по значению весьма отличные от первых. Число таких глаголов довольно велико, поэтому важно выяснить соотношения между аффиксальными словообразовательными формами и залоговой системой азербайджанского языка.

Семантическое отличие глаголов на *-лаш-*$_1$ заключается в том, что они означают взаимодействие, иногда совместное действие и, таким образом, смыкаются со значением взаимно-совместного залога. Не зная способа образования подобных глаголов, их нелегко сразу отделить от чисто залоговых форм. Однако выделение их необходимо, так как глаголы на *-лаш-*$_1$, совпадая по значению со взаимно-совместным залогом, залоговой формы тем не менее не образуют. В языке отсутствуют исходные незалоговые формы глаголов, от которых могли бы образоваться глаголы на *-лаш-*$_1$ и что единственно явилось бы основанием для признания данных глаголов формой взаимно-совместного залога.

Глаголы на *-лаш-*$_1$ образуются непосредственно от имен, преимущественно существительных, и аффикс *-лаш-*$_1$ нельзя расчленять на *-ла-*+*-ш-*, что обязательно для любого глагола взаимно-совместного залога. Так, например, глагол *дәрдләшмәк* 'изливать друг другу горе', 'поверять друг другу печаль' не может быть возведен к глаголу *дәрдләмәк,* так как подобного глагола в азербайджанском языке нет. Форма *дәрдләшмәк* образована непосредственно от существительного *дәрд* 'горе', печаль', 'скорбь' и т. д. Точно так же нельзя возвести глагол *бәһсләшмәк* 'спорить друг с другом', 'полемизировать', 'состязаться' к глаголу *бәһсләмәк,* так как подобного глагола в язы-

ке также нет. Глагол *бəhсləшмək* образован непосредственно от существительного *бəhс* 'обсуждение', 'полемика', 'спор', 'прения', 'беседа', 'разговор'. Так же образован глагол *габагламаг* 'встречаться лицом к лицу' — от имени *габаг* 'передняя сторона', 'перед', 'впереди'; 'прежний'. В азербайджанском языке имеется, правда, глагол *габагламаг*. Однако он означает «опередить», «предупредить», и, следовательно, исходное значение здесь ориентировано не на движение, которое ясно улавливается в глаголе *габагламаг*[65].

Ср. еще глаголы *кағызлашмаг* 'переписываться', 'заключать письменный договор' — от существительного *кағыз* 'бумага', 'документ', 'письмо' и *јоллашмаг* 'приходить к соглашению (в цене)' — от *јол* 'путь', 'дорога'; 'способ', 'средство'; 'выход (из положения)'. В азербайджанском языке имеются глаголы *кағызламаг* и *јолламаг*, но сравнивать их с первыми глаголами нельзя, так как в их значениях нет ничего общего: *кағызламаг* означает «оклеивать бумагой, обоями», а *јолламаг* — «посылать», «отправлять». Таким образом, и в этом случае глаголы на *-лаш-* — *кағызлашмаг* и *јоллашмаг* — со взаимным значением образовались независимо от *кағызламаг* и *јолламаг*.

Глаголы со словообразовательным значением взаимности образуются от именных основ, которые находятся в тех же смысловых отношениях к своим глаголам, что и рассматривавшиеся раньше. Именные основы здесь также выражают названия процесса, в частности состояния или его признака (34% общего состава основ), предметный результат процесса или его признак (19% основ), предмет действия (19%), орудие действия (17%), место, пространство или направление (3%), форму или образ процесса (3%), субъект процесса (3%), другие значения (2%).

Среди глагольных основ имеется еще одна группа, которой не было в предыдущих разделах. Это — основы, означающие звуки, издаваемые предметами, в том числе речь человека. Последнее значение в большинстве случаев ослаблено, но именно таково происхождение данного типа основ. Рассмотрим примеры.

1. Глаголы, основы которых означают н а з в а н и е п р о ц е с с а (в частности, состояния) или его п р и з н а к:

базарлашмаг 'торговаться', 'заключать сделку' — от существительного *базар* 'торговля';

---

[65] Нельзя, впрочем, слишком настаивать на этом утверждении, так как глагол *габагламаг* мог иметь и другое значение; ср., например, قبـــاقلامق 'идти против кого-либо, навстречу' — от قـبـاق 'перед', 'против' (Буд., II, 36).

видалашмаг 'прощаться', 'расставаться' — от существительного *вида* 'прощание', 'расставание', те же значения в узбекском глаголе *видолашмоқ;*

зарафатлашмаг 'шутить друг с другом', 'обмениваться шутками', 'перешучиваться' — от существительного *зарафат* 'шутка';

көмәкләшмәк 'помогать друг другу', 'сообща работать' — от существительного *көмәк* 'помощь'; те же значения в казахском глаголе *көмектес-;*

сөвдәләшмәк 'заключать сделку' — от существительного *сөвдә* 'торговля', 'покупка';

худаһафизләшмәк 'прощаться', 'распрощаться' — от *худаһафиз* 'да хранит тебя бог', 'до свидания', 'прощай'.

Основой последнего глагола является выражение, заимствованное из персидского. Однако в азербайджанском языке это лексически неделимое слово.

һалаллашмаг 'признать взаимные расчеты оконченными', 'ликвидировать взаимные расчеты'; 'прощать друг другу' — от прилагательного *һалал* 'дозволенный', 'разрешенный'; аналогично и значение турецкого *helallaşmak.*

Приведем примеры из других тюркских языков:

туркм.: *вадалашмак* 'условиться', 'договориться' — от существительного *вада* 'обещание';

дәвалашмак 'спорить', 'тягаться', 'скандалить' — от существительного *дәва* 'тяжба', 'спор'; те же значения в татарском глаголе *даулаш-* и чувашском *тавлаш-;*

җенҗеллешмек 'скандалить (взаимно)' — от существительного *җенҗел* 'скандал', 'крик', 'шум';

тур.: *dertleşmek* 'изливать свое горе', 'поверять друг другу свои печали', 'жаловаться' — от существительного *dert* 'страдание', 'мучение', 'мука', 'горе'; 'тоска'; 'беда';

kavgalaşmak 'ссориться', 'спорить', 'драться' — от существительного *kavga* 'шум', 'крик'; 'спор', 'ссора';

uzlaşmak 'мириться', 'приходить к соглашению', 'сговариваться', 'договариваться', 'столковываться' — от *uz* 'мир', 'спокойствие' и т. д.;

узб.: *аразлашмоқ* 'быть в ссоре' — от *араз* 'ссора', 'находящийся в ссоре';

байлашмоқ 'торговаться' — от *бай* 'торговля', ср. *бай қилмоқ* 'торговаться';

баҳслашмоқ 'спорить' — от существительного *баҳс* 'спор', 'дискуссия';

казах.: *бәсекелес-* 'конкурировать друг с другом', 'соперничать' — от существительного *бәсеке* 'соперничество';

бәстес- 'спорить', 'держать пари' — от существительного *бәс* 'заклад';

жаулас- 'враждовать', 'находиться между собой в состоянии войны'—от существительного *жау* 'враг';

кирг.: *антташ-* 'давать друг другу клятву', 'клясться'—от существительного *ант* (уст.) 'присяга'; 'клятва';

тат.: *вәгъдәләш-* 'сговариваться (о брачном согласии)'; 'условливаться', 'уговариваться', 'соглашаться'—от существительного *вәгъдә* 'обещание', 'обязательство', 'посул', 'зарок', 'обет';

дошманлаш- 'враждовать', 'находиться в неприязненных отношениях', 'быть во вражде'—от существительного *дошман* 'враг', 'неприятель', 'противник', 'недруг', 'недоброжелатель';

якут.: *дуогабардас-* 'договариваться'—от заимствованного из русского языка *дуогабар* 'условие', 'договор';

өстөс- 'враждовать'—от существительного *өс* 'злоба', 'вражда', 'раздор', 'распря';

Houtsma: دوستلاش *dostlaš-* 'быть в дружбе' (75)—от *dost* 'друг';

Abu-Hay.: *bazlaşti* 'он помирился', 'заключил мир' (16)—от существительного *baz* 'мир'.

2. Глаголы, основы которых означают предметный результат процесса или его признак:

ашналашмаг 'подружиться', 'сдружиться'—от существительного *ашна* 'друг', 'приятель';

гардашлашмаг 'побрататься'—от существительного *гардаш* 'брат';

гohумлашмаг 'породниться', 'сродниться', 'стать родственником'—от существительного *гohум* 'родственник';

достлашмаг 'сдружиться', 'подружиться'—от существительного *дост* 'друг', 'приятель'; те же значения в татарском глаголе *дуслаш-*;

јолдашлашмаг 'стать товарищами', 'подружиться'—от существительного *јолдаш* 'товарищ'.

Примеры из других тюркских языков:

тур.: *ahbaplaşmak* 'подружиться', 'стать друзьями'—от существительного *ahbap* 'друзья', 'друг', 'приятель';

birleşmek 'соединяться', 'объединяться'—от числительного *bir* 'один'; ср. кирг. *бирелеш-* 'объединяться', 'сливаться'—от наречия *бирге* 'вместе', 'совместно'; те же значения в татарском глаголе *берләш-*—от числительного *бер* 'один';

hayırlaşmak 'прийти к соглашению', 'договориться (по поводу какой-либо сделки)'—от существительного *hayır* 'польза', 'выгода', 'успех', 'удача', 'благополучие', 'счастье';

казах.: *бауырлас-* 'побрататься'—от существительного *бауыр* в данном случае со значением «родственник (по крови)»;

буданлас- 'скрещиваться', 'гибридизироваться'—от существительного *будан* 'гибрид', 'метис';

кирг.: *жоолаш-* 'становиться во враждебные отношения', 'становиться врагом'—от существительного *жоо* 'враг', 'находящийся во вражде'.

Сравнивая основы глаголов обеих рубрик, можно заметить, что в некоторых случаях значения основ тесно сходятся, одновременно означая как признак процесса, так и признак результата. Ср., например, глаголы *бауырлас-*, *hayırlaşmak*, *жоолаш-* и *дуслаш-*. Подобное же схождение значений основ наблюдается и в азербайджанских глаголах, среди которых можно выделить *гардашлашмаг* 'брататься', *базарлашмаг* 'торговаться', 'заключать сделку', *разылашмаг* 'соглашаться', 'приходить к соглашению', *сөвдәләшмәк* 'заключать сделку'. Значение признака процесса в их основах трудно отделить от значения признака результата. Таким образом, переплетение значений именных основ, столь часто наблюдавшееся в предыдущих производных глаголах, повторяется и в данном случае.

3. Глаголы, основы которых означают предмет действия:

бейләшмәк 'заключать сделку, обеспечивая задатком'—от существительного *бей* 'задаток';

вә'дәләшмәк 'уславливаться (о сроке)'—от существительного *вә'дә* 'срок';

мәктублашмаг 'переписываться', 'быть в переписке с кем-нибудь'—от существительного *мәктуб* 'письмо'; то же значение в турецком *mektuplaşmak*;

тәдбирләшмәк 'обдумывать вместе', 'принимать меры'—от существительного *тәдбир* 'мероприятие';

hаглашмаг 'взаимно рассчитываться', 'расквитаться'—от существительного *hагг* 'плата', 'вознаграждение';

шеирләшмәк 'состязаться в декламировании стихов'—от существительного *шеир* 'стих', 'стихотворение';

шәртләшмәк 'заключить договор', 'договариваться', 'уславливаться'—от существительного *шәрт* 'условие', те же значения в турецком *şartlaşmak*.

Ср. в других тюркских языках:

тур.: *ahitleşmek* 'обязываться', 'договариваться', 'заключать между собой договор'—от существительного *ahit* 'обязательство', 'соглашение', 'договор';

senetleşmek 'обмениваться письменными обязательствами', 'заключать договор'—от существительного *senet* 'документ', 'обязательство (долговое и др.)';

şaka'aşmak 'перекидываться шутками', 'перешучиваться'—от существительного *şaka* 'шутка', 'шалость';

кирг.: *арыздаш-* ‘судиться друг с другом’, ‘ссориться’—от существительного *арыз* ‘прошение’, ‘заявление’, ‘жалоба’;
жарналаш- ‘входить в пай’—от существительного *жарна* ‘доля’, ‘пай’.

4. Глаголы, основы которых означают орудие:
аjаглашмаг ‘идти в ногу’, ‘успевать наравне с кем-либо’—от существительного *аjаг* ‘нога’;
диллəшмək ‘спорить’, ‘пререкаться’, ‘браниться’, ‘говорить друг другу дерзости’, ‘сговариваться’—от существительного *дил* ‘язык’;
көзləшмək ‘перемигиваться’, ‘переглядываться’, ‘смотреть друг другу в глаза’—от существительного *көз* ‘глаз’, ‘глаза’;
пəнiələшмək ‘сцепиться’, ‘схватиться (в бою, драке)’; ‘тягаться’—от существительного *пəнiə* ‘лапа’, ‘пятерня’, ‘когти’;
сəсləшмək ‘перекликаться’, ‘звать друг друга’—от существительного *сəс* ‘голос’;
сөзləшмək ‘сговариваться’, ‘уговариваться’, ‘приходить к соглашению’; ‘спорить с перебранкой’, ‘перебраниваться’—от существительного *сөз* ‘слово’, ‘речь’;
телефонлашмаг ‘созваниваться’, ‘телефонировать друг другу’—от существительного *телефон* ‘телефон’;
чəнələшмək ‘не уступать друг другу в споре’, ‘препираться’—от существительного *чəнə* ‘челюсть’, ‘подбородок’, *метаф.* ‘болтун’.

5. Глаголы, основы которых означают речь человека:
баjрамлашмаг ‘поздравлять друг друга с праздником’—от существительного *баjрам* ‘праздник’;
ehваллашмаг ‘здороваться’—от существительного *ehвал* ‘состояние здоровья’, ‘настроение’, ‘самочувствие’;
саламлашмаг ‘здороваться’, ‘приветствовать друг друга’—от обращения *салам* ‘привет’, ‘здорово!’, ‘здравствуй!’ или же от существительного *салам* ‘слово приветствия’ (в таком случае основа должна быть отнесена к первой рубрике);
саламатлашмаг ‘прощаться’—от прилагательного *саламат* ‘здоровый’, ‘невредимый’, ‘благополучный’; *саламат* в качестве слова прощания имеется, например, в выражении *саламат гал!* ‘будь здоров!’, ‘до свидания!’;
hаллашмаг ‘поздороваться’—от существительного *hал* ‘здоровье’, ‘сила’.

6. Глаголы, основы которых означают место (пространство), направление:
габаглашмаг ‘встречаться лицом к лицу’—от *габаг* ‘передняя сторона’, ‘перед’, ‘впереди’;

тәрклəшмək 'сесть вдвоем на одну лошадь'—от существительного *тəрк* 'круп лошади'.

Примеры из других тюркских языков:

туркм.: *ãртлашмак* 'садиться вдвоем (на лошадь, верблюда и пр.'—от существительного *ãрт* 'спина', 'задняя сторона', 'зад';

узб.: *аралашмоқ* 'смешиваться', 'вмешиваться', 'впутываться (во что-либо)', 'принимать участие в чем-либо'—от существительного *ара* (*ора*) 'промежуток', 'расстояние' или 'пространство (между двумя предметами)', 'дистанция', 'интервал';

казах.: *жақындас-* 'сближаться'; 'породниться', а также взаимно-совместная форма от глагола *жақында-* 'приближаться', 'подходить'; основа— **жақын* 'близкий'.

7. Глаголы с основами, означающими форму, образ или субъект процесса:

итлəшмək 'огрызаться', 'ссориться' (ср. русск. «собачиться»)—от существительного *ит* 'собака';

чурлашмаг 'сходиться по характеру, по работе', 'быть товарищем'—от существительного *чур* 'сверстник', 'ровня', 'товарищ'.

Примеры из других тюркских языков:

тур.: *dörtleşmek* 'объединяться', 'собираться по четыре'—от числительного *dört* 'четыре';

tilkileşmek 'сцепиться когтями'—от существительного *tilki* 'лисица', 'лиса';

Houtsma: ارقلاش *arkalaş-* 'помогать друг другу' (46).

Как можно видеть из приведенных примеров, важнейшими значениями именных основ глаголов на *-лаш-*$_1$ являются названия процесса или его признака, результата или его признака, предмета, орудия и места действия. Таким образом, в отношении условий своего образования глаголы на *-лаш-*$_1$ достаточно близки глаголам на *-ла-* и безусловно далеки от глаголов на *-лаш-* в медиальном значении, поскольку однозначным отношениям последних здесь противостоят многозначные отношения между производным глаголом и его основой. Это обстоятельство может служить одним из признаков, разграничивающих применение обоих омоморфных глаголообразующих аффиксов.

Значение глаголов на *-лаш-*$_1$

Продолжая сопоставления рассматриваемой формы с глаголами на *-ла-*, можно и в данной области установить известную аналогию, заключающуюся в том, что глаголам на *-лаш-*$_1$, как

и глаголам на *-ла-*, свойственны все четыре типа семантической структуры. Здесь также весьма многочисленна группа глаголов со значениями, относящимися к первому семантическому типу, образование глагольного значения в которых, следовательно, сводится к преобразованию имени в глагол. Особенно это ясно в тех случаях, когда именная основа означает процесс, как, например: *бәзарлашмаг* 'торговаться', *бәhсләшмәк* 'спорить друг с другом', *көмәкләшмәк* 'помогать друг другу', *хәбәрләшмәк* 'извещать, уведомлять друг друга', *мәсләhәтләшмәкәт* 'советоваться', *видалашмаг* 'прощаться' и т. п., образованных часто от арабских или персидских названий действий (перс. *базар* 'торговля', араб. *бәhс* 'спор', *хәбәр* 'извещение', *мәсләhәт* 'совет', *вида* 'прощание' и т. п.). К первому семантическому типу принадлежат также глаголы, образованные от основ с атрибутивным значением, как, например, *разылашмаг* 'соглашаться', *hалаллашмаг* 'прощать друг другу'. Сюда же может быть отнесена часть глаголов, которые по значению их основ были помещены во вторую рубрику. Поскольку основы со значением речи ближайшим образом относятся к названиям процессов, то образованные от них глаголы по своему смысловому строению также примыкают к первому семантическому типу.

Ко второму семантическому типу относится большая часть глаголов, которые по значению их основ были включены в третью, отчасти шестую и седьмую рубрики, как, например, *беhләшмәк* 'заключать сделку', *вә'дәләшмәк* 'условиться (о сроке)', *тәдбирләшмәк* 'принять меры', *итләшмәк* 'огрызаться'; 'ссориться', образованные соответственно от основ *беh* 'задаток', *вә'дә* 'срок', *тәдбир* 'мера', *ит* 'собака'. Предметное значение этих именных основ сливается с представлением о процессах, связанных с предметами или явлениями, обозначенными в основах. Например, предметное значение слова *ит* 'собака' сливается с представлением о характерном поведении этого животного в раздраженном состоянии. Предметное значение слова *беh* 'задаток' сливается с представлением о типичном акте, с данным предметом связанном, и т. д.

Третий тип с его двусоставным строением свойствен глаголам, относящимся по значениям их основ ко второй, отчасти третьей и четвертой рубрикам, например глаголам: *ашналашмаг, достлашмаг* 'сдружиться', 'подружиться', *гоhумлашмаг* 'породниться', *шеирләшмәк* 'состязаться в декламировании стихов', *аjаглашмаг* 'идти в ногу', *телефонлашмаг* 'телефонировать друг другу', *сәсләшмәк* 'перекликаться', *тәрклəшмәк* 'садиться вдвоем на одну лошадь' и др., образованным соответственно от *ашна, дост* 'друг', 'приятель', *гоhум* 'родственник', *шеир* 'стихотворение', *аjаг* 'нога', *телефон* 'телефон', *сәс* 'голос', *тәрк* 'круп лошади'.

Заметное число глаголов на *-лаш-*$_1$ принадлежит к четвертому типу, в котором значение глагола обобщается или метафоризуется. Все случаи обобщения или метафоризация значений наблюдаются в глаголах на *-лаш-*$_1$ с первоначально конкретным значением. К ним относятся производные формы от основ со значением результата, предмета и орудия действия, т. е. глаголы второй, третьей и четвертой рубрик. В качестве иллюстраций к четвертому типу семантического строения могут быть приведены следующие глаголы:

диллəшмək 'спорить', 'пререкаться', 'браниться', 'говорить друг другу дерзости', 'сговариваться' — от *дил* 'язык', откуда можно было бы допустить в качестве первоначального значения *«действовать, орудовать языком». Для выяснения негативного содержания семантики глагола *диллəшмək* следует обратиться к составным глаголам, имеющим в своей структуре это существительное, например *дилə дүшмək* 'стать предметом разговоров, пересудов'. Выясняется, что своей отрицательной семантикой глагол *диллəшмək* обязан метафорическому словоупотреблению самого существительного *дил,* которое в данном составном глаголе означает «пересуды»;

пəнчəлəшмək 'сцепиться', 'схватиться (в бою, драке)', 'тягаться' — от существительного *пəнчə* 'лапа', 'пятерня', 'когти'. Отсюда следует, что первоначальное значение глагола *пəнчəлəшмək* полностью относится к понятиям, связанным с миром животных. Средние звенья семантической эволюции этого глагола выпали, осталось лишь последнее звено, конечный результат всего развития со значением «тягаться». Не имея промежуточных значений, можно лишь предположить, что обобщение происходило путем вытеснения предметного представления («драться чем?») и абстрагирования процессов состязания в силе, откуда и могло развиться значение «тягаться», т. е. «меряться силами»;

сөзлəшмək 'сговариваться,' 'уговариваться', 'приходить к соглашению'; 'пререкаться', 'перебраниваться' — от существительного *сөз* 'слово', 'речь'; 'слух', 'молва'; 'сплетня'; 'обещание'. Первоначальным значением данного глагола было, по-видимому, *«давать друг другу слово, обещание», с этим связано обобщенное значение «сговариваться» и др. (причем представление о «слове» и «обещании» теряется). Второе, негативное значение глагола *сөзлəшмək* обусловлено, очевидно, метафорическим словоупотреблением именной основы в отрицательном значении «слух», «молва», «сплетня»;

чəнəлəшмək 'не уступать друг другу в споре', 'пререкаться' — от существительного *чəнə* 'челюсть', 'подбородок', которое, однако, не может объяснить направления семантической эволюции данного глагола. Зато метафорическое значение словосочетания *чəнəдəн мөһкəм* 'болтун' полностью объясняет зна-

чение «спор», «пререкание» в семантике производного глагола. Таким образом, метафорическое значение глагола здесь объясняется метафорическим употреблением именной основы *чәнә* 'челюсть'.

Приведенный разбор в фактическом отношении не может считаться полным, так как в нем отсутствуют соответствующие данные других тюркских языков. Но при подборе таких данных могут встретиться и некоторые трудности, причины которых следует искать в индивидуальном своеобразии конкретного тюркского языка и его истории. Так, например, окажется, что в турецком языке, относящемся, как и азербайджанский язык, к юго-западной группе, имеется метафорическое значение для существительного *чәнә*, а именно *çene çalmak* 'много говорить', 'болтать', *çenesi düşük, çal çene* 'болтун', 'говорун', 'болтливый', которое подкрепляет метафорическое происхождение семантики азербайджанского глагола. Совпадает с азербайджанским глаголом *сөзләшмәк* и омоморфный турецкий глагол. Однако в нем отсутствует второе, метафорическое, значение данного глагола и, следовательно, это значение уже не может рассматриваться в качестве межтюркского. Глагол *pençeleşmek* семантически совпадает с азербайджанским *пәнчәләшмәк*, но он не может считаться словообразовательной формой, ибо рядом с ним имеется глагол *pençelemek* 'хватать лапой, когтями', 'хватать с силой', 'царапать', 'рвать', 'разрывать', по отношению к которому *pençeleşmek* образует форму взаимно-совместного залога. Глагол *пәнчәләмәк* имеется и в азербайджанском языке, но он означает «забирать, захватывать лапой» и не содержит в своей семантике элементов значения ожесточения или ярости, которые мы видим в значениях азербайджанского *пәнчәләшмәк* и турецкого *pençelemek*. Глагол *дилләшмәк* также имеется в турецком языке *(dilleşmek)*, но семантически он далек от азербайджанского глагола, так как означает «побеседовать», «поговорить», «говорить на иностранном языке». Правда, выражение, аналогичное *дилә дүшмәк — dillere düşmek* с близким значением «попасть на язычок», «приобрести дурную славу, репутацию» встречается и в турецком языке.

Сказанным вовсе не умаляется значение межтюркских сопоставлений. Однако необходимо учитывать своеобразие изучаемого языка, показания которого в вопросах конкретной истории языкового факта играют решающую роль.

Обращаясь к семантике формы на *-лаш-*$_1$, следует отметить, что при разнообразии значений именных основ собственные значения формы не отличаются разнообразием и в основном сводятся к выражению перехода в какое-либо состояние или пребывание в нем. Этим значением охватывается более 80% всего состава глаголов на *-лаш-*$_1$, т. е. абсолютное их большинство.

Остальная часть глаголов означает развитие, появление признака, превращение. Оба названных значения унаследованы аффиксом *-лаш-*$_1$ от показателя *-ла-*, но в ином количественном соотношении. Значение перехода в состояние или пребывание в нем не является господствующим в аффиксе *-ла-*, в глаголах же на *-лаш-*$_1$ оно центральное и количественно подавляющее. Вторая сторона значения показателя *-лаш-*$_1$, т. е. значение взаимности и совместности, внесено показателем *-ш-* в его залоговом значении (это говорит о том, что аффикс *-лаш-*$_1$ сложился уже после оформления залоговой системы тюркских языков). Вместе с тем от показателя *-ш-* перешло к аффиксу *-лаш-*$_1$ одно из более узких, возможно, дозалоговых значений форманта *-ш-* — значение соревнования, состязания. Последнее обнаруживается, например, в таких глаголах, как *бәһсләшмәк* 'спорить друг с другом', 'полемизировать', 'состязаться', *шиирләшмәк* 'состязаться в декламировании стихов', *пәнчәләшмәк* 'тягаться', *чәнәләшмәк* 'не уступать друг другу в споре', 'препираться'.

Объединяя обе стороны значений рассматриваемого показателя, мы получаем: 1) взаимный, или совместный, переход в какое-либо состояние или пребывание в нем; 2) совместное появление или развитие признака, взаимное превращение.

Первое значение наблюдается в глаголах, которые по семантике их основ принадлежат ко всем рубрикам, кроме второй.

Второе значение наблюдается в глаголах второй рубрики.

Иллюстрации к обоим значениям читатель найдет в приводившихся списках глаголов по рубрикам.

Как показывает семантическая структура глаголов на *-лаш-*$_1$, семантика производного глагола включает разные значения именных основ. Так, например, от семантики именных основ первой и пятой рубрик отвлекается главным образом значение процесса или его признака (глаголы *разылашмаг* и *һалаллашмаг*), от семантики именных основ второй рубрики — предметное значение или его признак и от семантики именных основ третьей, четвертой, отчасти шестой и седьмой рубрик также отвлекается предметное значение. Следовательно, и в данном отношении глаголы на *-лаш-*$_1$ сходны с глаголами на *-ла-*, что объясняется генетической связью показателей *-ла-* и *-лаш-*$_1$.

* *
*

Глаголы на *-лаш-*$_1$ встречаются уже в самых древних памятниках тюркских языков. Примеры с этой формой имеются, в частности, в надписях в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука: *інім Күlmігін бірlä сөзläшдіміз* (Малов, Пам., 31) 'мы переговорили [о делах] с моим младшим братом Кюль-Тегином...';

ol üč qaγan ögläsip... (Малов, Пам., 62) 'эти три кагана, рассудив...' Правда, нельзя категорически утверждать, что в подобных примерах мы имеем дело с глаголообразующей формой на *-лаш-*$_1$, а не взаимно-совместной формой глагола на *-ла-* [что является вполне возможным для глагола *сӧзіäш-*, наряду с которым имеется глагол *сӧзіä-* 'говорить', 'рассказывать' (Малов, Пам., 422)]. Некоторое количество подобных схождений встречается и в современных языках. Однако это не опровергает факта существования особого глаголообразующего аффикса *-лаш-*$_1$. Исследователя в данном вопросе интересует количество глаголов на *-лаш-*$_1$, чтобы иметь возможность, с одной стороны, надежно отделять глаголы на *-лаш*$_1$- от медиальных глаголов с омоморфным показателем, с другой — от залоговых форм с аффиксом *-ш-*. В древних языках таких возможностей в распоряжении исследователя нет, так как в материале древнейших текстов формы на *-лаш*$_1$- встречаются в ограниченном числе случаев.

Для эпохи составления «Дивана» Махмуда Кашгарского форма на *-лаш-*$_1$ вполне употребительна, и Махмуд Кашгарский отмечает ее вместе с частным значением этой формы, которое для его времени, возможно, и было основным. «...В-третьих, — указывает он, — эта буква ش может появляться в именах вместе с ل и принимает значение заклада при игре, состязании, стрельбе: *oynadım atlaşu*, *oynadım altunlaşu*, которые значат „я сыграл на коня (поставив коня в заклад)", „я сыграл на золото (поставив золото в заклад)"» (M. Kāşgarī, II, 114). Как видно из этих примеров, Махмуд Кашгарский отмечает одно из типичных значений взаимно-совместного залога в его более древнем состоянии. Но это не залоговая форма, а словопроизводная, и слова автора о том, что «буква» *ш* появляется при именах вместе с «буквой» *л*, т. е. в виде *лаш*, следует понимать в качестве указания на специальный аффикс со значением соревнования.

В более позднее время форма на *-лаш-* окончательно закрепляется в тюркских языках. Ср., например, *yüzleş-* (Ettuhfet., Dizin, 291) 'встречаться лицом к лицу', а также *dostlaštï anïng birle* 'подружился с ним' наряду с *dostlanïštï anïng birle* в том же значении, но образованном в качестве залоговой формы от *dostlan-* (Ал-Замахш., 103); *antlaštï anïng birle* 'связался с ним взаимной клятвой'; *razlaštï anïng birle* 'взаимно с ним раскрывали свою тайну' (??—*Э.С.*) (Ал-Замахш., 98).

Как было замечено выше, в азербайджанском языке можно выделить заметное количество случаев тесного соприкосновения формы на *-лаш-*$_1$ с другими формами, в результате чего глаголы на *-лаш-*$_1$ допускают двоякую интерпретацию. Чаще всего

словообразовательная форма на *-лаш-*$_1$ смыкается с формой взаимного залога, что можно видеть в следующих глаголах: *бирчәкләшмәк* 'взять, хватать друг друга за кудри (при драке)', который может быть образован как от глагола *бирчәкләмәк* 'взять, хватать за кудри (при драке)', так и от существительного *бирчәк* 'кудри', 'локон'; глагол *боғазлашмаг* 'хватать друг друга за горло' вполне возможен и как взаимно-совместная залоговая форма от глагола *боғазламаг* 'схватить за горло', 'перерезать горло', 'резать', 'закалывать' и как производный глагол, образованный при помощи аффикса *-лаш-*$_1$ от существительного *бсғаз* 'горло', 'глотка'. Точно так же можно интерпретировать глаголы *гапазлашмаг* 'бить друг друга поверх головы ладонью', связанный с *гапазламаг* 'бить поверх головы ладонью' и непосредственно с *гапаз* 'удар поверх головы ладонью'; *ојнаглашмаг* 'резвиться (многим вместе)', связанный с *ојнагламаг* 'шалить', 'резвиться' и непосредственно с *ојнаг* 'подвижный', 'бойкий', 'живой', 'резвый', 'шаловливый', 'игривый'; *пајлашмаг* 'делиться', 'разделить', 'распределять между собой', связанный с *пајламаг* 'раздавать', 'распределять', 'поделить', 'разделить (между кем-нибудь)' и непосредственно с *пај* 'паек', 'доля' 'часть'; *ханчаллашмаг//хәнчәрләшмәк* 'драться на кинжалах', 'ранить друг друга кинжалами', связанный с *ханчалламаг//хәнчерләмәк* 'ранить', 'заколоть', 'пронзить кинжалом' и непосредственно с *ханчал//хәнчәр* 'кинжал'; *һесаблашмаг* 'рассчитаться', 'производить расчет', 'сводить счеты с кем-нибудь', 'расквитаться', связанный с глаголом *һесабламаг* 'считать', 'подсчитывать', 'высчитывать', 'вычислять', 'исчислять' и непосредственно с существительным *һесаб* 'счет', 'расчет', 'исчисление', 'вычисление', 'подсчет'.

Менее часты случаи схождения глаголов на *-лаш-*$_1$ с медиальными глаголами. В отличие от предыдущих случаев, в которых равно возможно как одно, так и другое происхождение глагола с показателем *-лаш-*, в следующих ниже примерах могут быть случаи, где превалирует одна возможность. Например, для глагола *нөвбәләшмәк* 'чередоваться' — от *нөвбә* 'очередь', 'смена', 'дежурство' казалось бы более основательным допустить образование его при помощи аффикса *-лаш-*$_1$, но этому препятствует форма *нөвбәләнмәк* с тем же значением, образованная при помощи аффикса *-лан-*, который, как известно, не имеет взаимного значения. Глагол *тәнләшмәк* 'уравниваться' допускает участие как показателя *-лаш-*$_1$, так и *-лаш-*, поскольку значение этого глагола может пониматься и как «превращаться в равный, одинаковый», и как «становиться одинаковым, равным с кем-, чем-нибудь». Строго говоря, трудно доказать, что глаголы типа *колхозлашмаг, коллективләшмәк* 'коллективизироваться', *кооперативләшмәк* 'кооперироваться'

и т. п., рассмотренные в предыдущем разделе, образованы только при помощи аффикса *-лаш-* в медиальном значении, т. е. что они означают «превращаться в колхоз, коллектив»; «превращаться в кооператив». С равным основанием можно толковать их значения как «взаимно объединиться в колхоз, коллектив» и «взаимно объединиться в кооператив». Такое же двоякое понимание допускают киргизский глагол *артельдеш-* и татарский *артельләш-* 'объединяться в артель' и некоторые другие, реально означающие какие-то действия или взаимодействия многих или нескольких действующих лиц. Это значение взаимности, фиксируемое почти во всех приведенных нами глаголах данной группы, должно препятствовать попыткам связать развитие медиальных глаголов на *-лаш-* с аффиксом взаимно-совместного залога *-ш-*.

АФФИКСЫ *-лат-//-лэт-, -ландыр-//-ләндир-, -лашдыр-//-ләшдир-*

В предыдущих разделах указывалось, что формы на *-лан-* и *-лаш-* в качестве самостоятельных глаголообразующих аффиксов признаются не всеми исследователями. В еще большей степени это можно сказать об аффиксах *-лат- // -лэт-, -ландыр- // -ләндир-, -лашдыр- // -ләшдир-*. Из упоминавшихся ранее работ по тюркским языкам авторы лишь шести из них — А. М. Казем-Бек, авторы казахской грамматики, А. Н. Кононов, А. Зайончковский, М. Хортен и Г. Янски — считают названные показатели особыми формами глагольного словообразования, но ошибочно рассматривают значения их, за исключением А. Н. Кононова, как понудительные [66].

Верно, что указанные выше аффиксы глагольного словопроизводства образованы с участием показателей понудительного залога *-т-* и *-дыр-*. Однако понудительных форм данные аффиксы могут и не составлять, так как во многих случаях они образуют глаголы непосредственно от именных основ, но не от глаголов, что должно быть при залогообразовании.

Все три аффикса по значению тождественны, но число глаголов, образованных при их помощи, различно. Больше всего образовано глаголов с аффиксом *-лат-*, несколько меньше — в форме на *-лашдыр-* и еще менее — на *-ландыр-*.

Аффиксы *-лат-, -лашдыр-* и *-ландыр-* в известном смысле противоположны показателям *-ла-, -лаш-* и *-лан-*, с которыми

---

[66] М. А. Казем-Бек, *Общая грамматика турецко-татарского языка*, стр. 174; А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 227; «Қазіргі қазақ тілі», Алматы, 1954, б. 284; A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasowniikowe...*, s. 149, 150; M. Horten, *Kleine türkische Sprachlehre*, S. 47; H. Jansky, *Lehrbuch der türkischen Sprache*, S. 281.

они соотносительны. Если показатели *-лан-* и *-лаш-* обозначают действия непереходные, то *-лат-, -ландыр- и лашдыр-*, наоборот, обозначают действия переходные. Появление и тех и других аффиксов в языке связано с окончательным разделением глаголов на переходные и непереходные. Сравнивая показатели *-лат-* и *-ла-*, можно отметить, что и в данном случае *-лат-* противополагается аффиксу *-ла-* в его непереходном значении.

К глаголам на *-лат-*, образованным от основ со значением названий состояний, их признаков и предметного результата процесса, индифферентных к признаку активности-пассивности, относятся:

а) глаголы на *-лат-*, с которыми соотносительны глаголы на *-лан-*:

аловлатмаг 'воспламенять'; 'вызывать сильное раздражение' — от *алов* 'пламя' (ср. *аловланмаг* 'воспламеняться', 'гореть пламенем');

алчаглатмаг 'сделать низким' — от *алчаг* 'низкий' (ср. *алчагланмаг* 'снижаться', 'понижаться', 'становиться низким');

гејзлətмək 'разгневать', 'сердить', 'вызывать гнев' — от *гејз* 'гнев', 'злоба', 'озлобление', 'ярость', 'негодование' (ср. *гејзлənмək* 'рассвирепеть', 'рассердиться', 'вспылить', 'разгневаться', 'приходить в ярость');

кирлətмək 'загрязнять', 'пачкать' — от *кир* 'грязь' (ср. *кирлənмək* 'загрязняться', 'пачкаться', 'мараться', 'засаливаться');

кеништлətмək 'делать шире', 'расширять' — от *кениш* 'широкий' (ср. *кеништлənмək* 'шириться', 'расширяться');

чинлətмək 'бесить', 'взбесить', 'привести в ярость, в неистовство' — от *чин* 'злой дух', 'бес' (ср. *чинлənмək* 'взбеситься', 'приходить в ярость, в неистовство');

јағырлатмаг 'натереть', 'образоваться ссадине, ране'; *метаф.* 'сильно надоедать кому-нибудь'; 'изнурять тяжелой работой' — от *јағыр* 'ссадина', 'рана, натертая сбруей (на теле ездовых или вьючных животных)' (ср. *јағырланмаг* 'натереться', 'образоваться ссадине'; 'быть изнуренным тяжелой работой');

тур.: *değirmiletmek* 'делать круглым'; 'делать квадратным' — от *değirmi* 'круглый'; 'сферический'; 'квадратный' (ср. *değirmilenmek* 'округляться', 'становиться круглым'; 'становиться квадратным');

казах.: *оңайлат-* 'делать удобным'; 'налаживать', 'приводить в порядок' — от *оңай* 'легкий', 'нетрудный' (ср. *оңайлан-* 'становиться легким', 'налаживаться');

тат.: *зəгыйфьлəт-* 'ослаблять', 'изнурять', 'обессиливать' — от *зəгыйфь* 'слабый', 'бессильный', 'хилый', 'тщедушный', 'немощный' (ср. *зəгыйфьлəн-* 'становиться слабым, хилым', 'слабеть', 'исхудать', 'обессилеть');

кыеклат- 'косить', 'делать наклонным, косым' — от *кыек* 'косой', 'кривой', 'наклонный' (ср. *кыеклан-* 'окриветь', 'делаться кривым, косым, наклонным');

якут.: *дэңнэт-* 'пользоваться случаем' — от *дэң* 'случайность', 'нечаянность';

б) глаголы на *-лат-*, с которыми соотносительны глаголы на *-лаш-*:

ајдынлатмаг 'сделать ясным, понятным', 'выяснять', 'разъяснять', 'освещать' — от *ајдын* 'светлый', 'ясный', 'очевидный', 'четкий', 'понятный', 'неоспоримый' (ср. *ајдынлашмаг* 'быть, становиться ясным, очевидным');

асанлатмаг 'упрощать', 'облегчать' — от *асан* 'легкий', 'простой', 'нетрудный', 'несложный' (ср. *асанлашмаг* 'облегчаться', 'становиться легким', 'упрощаться');

дәринләтмәк 'углублять', 'делать глубоким' — от *дәрин* 'глубокий', 'глубокое место' (ср. *дәринләшмәк* 'углубляться', 'делаться более глубоким');

кејләтмәк 'делать вялым, бесчувственным, нечувствительным, онемелым' — от *кеј* 'нечувствительный', 'застывший', 'омертвевший', 'вялый', 'неспособный воспринимать', 'тупой' (ср. *кејләшмәк* 'становиться вялым, бесчувственным, нечувствительным, онемелым');

чылпаглатмаг 'оголять', 'делать голым' — от *чылпаг* 'голый', 'обнаженный', 'нагой', 'раздетый', 'голыш' (ср. *чылпаглашмаг* 'оголяться', 'становиться голым');

јахынлатмаг 'приближать', 'сближать' — от *јахын* 'близкий' (ср. *јахынлашмаг* 'приближаться', 'подходить'; ср. также Буд., II, 359: يخينلامق 'приближать', со ссылкой на азербайджанский язык);

в) глаголы на *-лат-*, с которыми соотносительны глаголы на *-лан-//-лаш-*:

ачылатмаг 'делать горьким', 'делать на вкус горьким', 'придавать горький вкус' — от *ачы* 'горький', 'горечь' (ср. *ачыланмаг//ачылашмаг* 'горкнуть', 'становиться горьким');

баһалатмаг 'поднимать цену', 'вздувать цены', 'быть причиной дороговизны' — от *баһа* 'дорогой', 'цена' (ср. *баһаланмаг//баһалашмаг* 'вздорожать', 'дорожать', 'подорожать', 'подниматься в цене');

илыглатмаг 'делать теплым' — от *илыг* 'теплый' (ср. *илыгланмаг//илыглашмаг* 'делаться, становиться теплым');

итиләтмәк 'делать острым' — от *ити* 'острый' (ср. *итиләнмәк//итиләшмәк* 'становиться острым', 'заостряться');

лилләтмәк 'мутить', 'замутить', 'покрывать илом' — от *лил* 'ил', 'муть' (ср. *лилләнмәк//лилләшмәк* 'становиться мутным', 'покрываться илом'; *метаф.* 'оставаться долго где-нибудь', 'застрять', 'засесть', 'запропаститься');

назикләтмәк 'утончать', 'делать тонким' — от *назик* 'тонкий' (ср. *назикләнмәк//назикләшмәк* 'утончаться', 'стать тонким, худым, нежным');

чиркләтмәк 'грязнить', 'марать', 'пачкать', 'измазать' — от *чирк* 'грязь', 'грязный' (ср. *чиркләнмәк//чиркләшмәк* 'грязниться', 'мараться');

ширинләтмәк 'делать сладким', 'подслащивать' — от *ширин* 'сладкий' (ср. *ширинләнмәк//ширинләшмәк* 'становиться сладким');

јахшылатмаг 'улучшать' — от *јахшы* 'хороший' (ср. *јахшыланмаг//јахшылашмаг* 'улучшаться', 'хорошеть');

јашыллатмаг 'делать зеленым', 'озеленить', 'покрывать зеленью' — от *јашыл* 'зеленый', 'зелень' (ср. *јашылланмаг//јашыллашмаг* 'покрываться зеленью', 'зеленеть');

тур.: *darlatmak* 'суживать', 'уменьшать', 'сокращать', 'стеснять' — от *dar* 'узкий', 'тесный', 'сжатый', 'ограниченный', 'стесненный' (ср. *darlaşmak//darlanmak* 'делаться узким', 'суживаться', 'стягиваться', 'сжиматься');

derinletmek 'делать глубоким', 'углублять' — от *derin* 'глубокий', 'глубина' (ср. *derinleşmek//derinlenmek* 'делаться глубоким', 'углубляться').

К перечисленным глаголам нельзя подобрать пары в форме на *-ла-* с непереходным значением, поскольку подобных глаголов в языке нет, хотя теоретически их образование возможно, что подтверждается наличием таких глаголов в других языках. Так, например, в турецком языке мы находим глагол *alçaklamak*, который, с одной стороны, означает «унижать», «относиться с презрением», «презирать», с другой стороны — «унижаться», «делать низости», «низкопоклонствовать», т. е. имеет переходное и непереходное значения; глагол *aşağılamak* с непереходным значением «опускаться», «понижаться», «снижаться»; «унизиться», «пасть»; *genişlemek//genişlenmek* 'становиться широким, обширным, просторным', 'расширяться', 'распространяться'; *çirkinlemek* (с параллельными формами *çirkinlenmek//çirkinleşmek*), имеющий как непереходное, так и переходное значение: «становиться некрасивым, безобразным, гадким»; «делать некрасивым, безобразным, гадким», «безобразить», «уродовать» (в азербайджанском языке имеются лишь формы на *-лан-* и *-лаш-*: *чиркинләнмәк//чиркинләшмәк*); *ucuzlamak//ucuzlanmak* с непереходным значением «дешеветь», «падать в цене», между тем как в азербайджанском языке значение этого глагола выражается лишь в форме на *-лан-* или *-лаш-* (*уҹузланмаг//уҹузлашмаг*). Продолжая параллели с азербайджанскими глаголами, приведенными выше, мы находим и в более далеких тюркских языках соответствующие азербайджанским глаголам на *-лан-* или *-лаш-* непере-

ходные глаголы на *-ла-*, как, например, в узбекском: *кирламоқ* 'становиться грязным (о человеке, который долго не мылся)'; *енгилламоқ* 'облегчаться', 'делаться легким'; *иссиқламоқ* (ср. азерб. *ылыганмаг//ылыгашмаг*) 'страдать (от жаркого климата)', 'разгорячиться', 'распариться (например, в бане)'.

Взамен отсутствующих непереходных глаголов на *-ла-*, соотносительных с глаголами на *-лат-* (перечень которых дан выше), в азербайджанском языке существуют от тех же основ непереходные медиальные глаголы на *-лан-* (приведены в скобках при группе «а»), или глаголы на *-лаш-* (приведены в скобках при группе «б»), или, наконец, на *-лан-* // *-лаш-* (приведены при группе «в»).

Таким образом, тенденция к образованию переходных глаголов на *-лат-* и одновременно непереходных на *-лан-* и *-лаш-* является в данном случае вполне очевидной.

Глаголы на *-лат-* без соотносительных с ними форм на *-лан-* или *-лаш-* насчитываются единицами и не обнаруживают заметной тенденции к развитию. К глаголам данной группы принадлежат, например, *ашағылатмаг* 'снижать' — от *ашағы* 'низкий', 'нижний', 'ниже'; тур. *çukurlatmak* 'рыть', 'копать'; 'делать более глубоким', 'углублять (яму)' — от *çukur* 'яма', 'ров', 'впадина'; узб. *холилатмоқ* 'оставлять наедине с собой' — от *холи* 'свободный', 'пустой'; чув. *машиналат-* 'машинизировать', 'оборудовать новейшими машинами'.

Чисто словопроизводной может быть также форма на *-ландыр-* и особенно на *-лашдыр-*, которая отличается все растущей производительностью не только в азербайджанском, но и в других тюркских языках, в первую очередь старописьменных, соответствуя в этом отношении глаголообразующему медиальному аффиксу *-лаш-*. Для употребления этого аффикса в современных языках весьма характерно, что все неологизмы, образованные на базе русских заимствований, оформлены при помощи аффикса *-лашдыр-*.

В отличие от глаголов на *-лат-*, к которым почти всегда удается подобрать в азербайджанском языке соотносительные с ними непереходные глаголы в форме на *-лан-* или *-лаш-*, глаголы на *-ландыр-* и *-лашдыр-* чаще всего не имеют соотносительных словообразовательных форм с вещественно эквивалентным непереходным значением, а иногда подобные формы невозможны, поскольку этому препятствуют реальные значения именных основ в глаголах на *-ландыр-* и *-лашдыр-*.

Нельзя, однако, сказать, что рассматриваемые переходные формы вовсе не имеют соотносительных с ними непереходных глаголов. Подобные глаголы всегда имеются или могут быть образованы. Но их форма, а именно форма страдательного залога, в таких случаях получает словоизменительное, а не

словопроизводное значение, глаголы же — не медиальное, а пассивное значение. В этом формы *-лашдыр-* и *-ландыр-* существенно отличаются от рассмотренной формы *-лат-*.

Глаголы на *-лашдыр-* и *-ландыр-*, число которых возросло особенно за последние десятилетия, образуются от именных основ со значением результата, его признака, формы или строения процесса, названия процесса или его признака, в единичных случаях — от названия субъекта или обозначения речи. От названий процесса, его признака, субъекта или обозначения речи образуются глаголы преимущественно на *-ландыр-*, от первых же трех значений основ — главным образом в форме на *-лашдыр-*, при этом более чем в три раза превосходя число глаголов на *-ландыр-*, образованных от тех же разрядов основ. Обратимся к примерам.

1. Глаголы, образованные от основ со значением признака результата.

С аффиксом *-лашдыр-*

гануниләшдирмәк 'узаконить' — от прилагательного *гануни* 'законный';

дүзкүнләшдирмәк 'делать правильным, точным' — от прилагательного *дүзкүн* 'правильный', 'точный';

елликләшдирмәк 'обобществлять', 'делать народным' — от прилагательного *еллик* 'народный', 'общественный', 'принадлежащий народу, обществу';

конкретләшдирмәк 'конкретизировать' — от прилагательного *конкрет* 'конкретный';

күтләвиләшдирмәк 'делать достоянием масс', 'популяризировать' — от прилагательного *күтләви* 'массовый';

миллиләшдирмәк 'национализировать' — от прилагательного *милли* 'национальный';

нејтраллашдырмаг 'нейтрализовать' — от прилагательного *нејтрал* 'нейтральный';

объективләшдирмәк 'объективировать' — от прилагательного *объектив* 'объективный';

рәнксизләшдирмәк 'обесцвечивать' — от прилагательного *рәнксиз* 'бесцветный';

сахталашдырмаг 'подделывать', 'фальсифицировать' — от прилагательного *сахта* 'поддельный', 'фальшивый', 'поддельный';

таразлашдырмаг 'выравнивать', 'делать ровным' — от прилагательного *тараз* 'ровный';

һиссизләшдирмәк 'делать нечувствительным, бесчувственным' — от прилагательного *һиссиз* 'бесчувственный', 'нечувствительный';

чиркинләшдирмәк 'портить', 'делать некрасивым', 'безобразить', 'обезобразить' — от прилагательного *чиркин* 'некрасивый', 'отвратительный', 'непристойный', 'грязный', 'грубый';

туркм.: *миллилешдирмек* 'национализировать', 'делать национальным' — от прилагательного *милли* 'национальный';

монополлашдырмак 'монополизировать' — от прилагательного *монопол* 'монопольный';

рационаллашдырмак 'рационализировать'—от прилагательного *рационал* 'рациональный';

узб.: *абадийлаштирмоқ* 'увековечивать' — от прилагательного *абадий* 'вечный';

тат.: *гомумиләштер-* 'обобщать' — от прилагательного *гомуми* 'общий';

национальлаштыр- 'национализировать' — от прилагательного *националь* 'национальный'.

С аффиксом *-ландыр-*

дадландырмаг 'делать вкусным', 'придавать приятный вкус' — от существительного *дад* 'вкус', 'привкус', 'вкусовое ощущение';

силаһсызландырмаг 'обезоруживать' — от прилагательного *силаһсыз* 'безоружный'.

2. Глаголы, образованные от основ со значением результата.

С аффиксом *-лашдыр-*

ганунлашдырмаг 'превращать в закон', 'издавать как закон' — от существительного *ганун* 'закон';

јекунлашдырмаг 'суммировать' — от существительного *јекун* 'сумма', 'итог';

көлкәләшдирмәк//көлкәләндирмәк 'покрывать тенью', 'затенять' — от существительного *көлкә* 'тень', 'сень';

машынлашдырмаг 'механизировать', 'машинизировать' — от существительного *машын* 'машина';

металлашдырмаг 'металлизировать' — от существительного *металл* 'металл'

радиолашдырмаг 'радиофицировать' — от существительного *радио* 'радио';

телефонлашдырмаг 'телефонизировать' — от существительного *телефон* 'телефон';

туркм.: *канунлашдырмак* 'узаконить' — от существительного *канун* 'закон';

сенагатлашдырмак 'индустриализировать' — от существительного *сенагат* 'промышленность', 'индустрия';

тат.: *декретлаштыр-* 'издавать декреты', 'декретировать'— от существительного *декрет* 'декрет';

детальләштер- 'детализировать' — от существительного *деталь* 'деталь';

кирг.: *машиналаштыр-* 'машинизировать' — от существительного *машина* 'машина'.

С аффиксом *-ландыр-*

гиjмәтләндирмәк 'оценивать' — от существительного *гиjмәт* 'стоимость', 'цена';

ишыгландырмаг 'освещать', 'озарять' — от существительного *ишыг* 'свет', 'луч', 'огонек';

мешәләндирмәк 'засаживать лесом' — от существительного *мешә* 'лес', 'бор';

нурландырмаг 'освещать', 'распространять, испускать свои лучи' — от существительного *нур* 'свет', 'сияние', 'луч';

jараландырмаг 'ранить', 'поранить', 'наносить рану'— от существительного *jара* 'рана';

тур.: *ağaçlandırmak* 'производить посадку деревьев', 'обсаживать деревьями' — от существительного *ağaç* 'дерево';

тат.: *тиресләндер* 'унавоживать', 'удобрять навозом' — от существительного *тирес* 'навоз'.

3. Глаголы, образованные от основ со значением формы, вида, строения.

С аффиксом *-лашдыр-*

планлашдырмаг 'планировать' — от существительного *план* 'план';

районлашдырмаг 'районировать'—от существительного *район* 'район';

системалашдырмаг 'систематизировать' — от существительного *система* 'система';

тајлашдырмаг 'расставить', 'расположить', 'сгруппировать' — от прилагательного *тај* 'каждый из парных предметов в отдельности', 'один из пары', 'подобный', 'равный';

кирг.: *планлаштыр-* 'планировать'.

С аффиксом *-ландыр-*

лајландырмаг 'расслаивать' — от существительного *лај* 'слой', 'пласт';

хачландырмаг 'окрестить' — от существительного *хач* 'крест'.

4. Глаголы, образованные от основ со значением названия процесса.

рəғбətлəндирмək 'располагать', 'привлекать' — от существительного *рəғбət* 'сильное желание', 'сочувствие' и др.

hərəкətлəндирмək 'приводить в движение' — от существительного *hərəкət* 'движение';

узб.: *авжлантирмоқ* 'развертывать (работу и пр.)', 'развивать', 'доводить до высшей точки' — от существительного *авж* 'разгар', 'апогей', 'высшая точка', 'высь', *муз.* 'наиболее высокая нота в мелодии'.

5. Глаголы, образованные от основ со значением признака процесса, субъекта и речи:

идеаллашдырмаг 'идеализировать' — от существительного *идеал* 'идеал';

лə'нətлəндирмək 'проклинать' — от существительного *лə'нət* 'проклятие';

узб.: *гувоҳлантирмоқ* 'удостоверять', 'свидетельствовать' — от существительного *гувоҳ* 'свидетель'.

Выше указывалось, что глаголы на *-лашдыр-* и *-ландыр-* в большинстве случаев не имеют исходных медиальных форм на *-лаш-* и *-лан-*. Следовательно, формы на *-лашдыр-* и *-ландыр-* в современном азербайджанском языке составляют новейшие показатели для образования специально переходных глаголов. Однако нами отмечалось, что большое число новейших глаголов образовано также при помощи аффикса *-ла-* и что количество последних непрерывно растет.

Эти параллельные показатели, помимо своей формы, различаются лишь значениями основ. При помощи аффикса *-ла-* образуются глаголы от названий орудий, средств, материалов, объекта и формы процесса. При помощи аффиксов *-лашдыр-* и *-ландыр-* образуются переходные глаголы преимущественно от названий результата, его признака и названий процесса, которые в глаголообразовании с показателем *-ла-* вышли из употребления ввиду своей индифферентности к признаку активности-пассивности.

Таким образом, именные основы, которые вследствие внутренних противоречий в глаголообразовании на *-ла-* отпали от этой формы, сохранились в системе глаголообразования с переходным значением, но перешли в сферу действия других глаголообразующих аффиксов.

Сосуществование в современном азербайджанском языке разных аффиксов для образования глаголов с переходным значением объясняется в этой связи тем, что потребности словообразования от разных именных основ наталкиваются на исторически сложившиеся ограничения в возможности использова-

ния аффикса *-ла-*, поэтому в языке развиваются формы *-лат-*, *-лашдыр-* и *-ландыр-*, окончательный отбор которых еще не завершился.

Продолжая сравнение глаголов на *-лат-* с глаголами на *-ла-* в их переходном значении, необходимо указать также, что переходное значение глаголов на *-ла-* зависит от типов значений именных основ, в глаголах же на *-лат-*, *-лашдыр-*, *-ландыр-* их переходное значение принадлежит самому показателю. Вследствие этого значение глагола освобождается от ограничений, налагаемых именной основой.

Сопоставляя глаголы на *-лат-* с глаголами на *-лаш-* и *-лан-*, можно отметить, что, подобно последним, в них также наблюдается сильная тенденция к однородности и унификации именных основ. В глаголах на *-лат-*, *-лашдыр-* и *-ландыр-* становятся преобладающими названия признаков (процесса или результата), выраженные прилагательными. Форм, которые образованы от существительных с отвлечением от их семантики значения признака, в рассматриваемом разряде глаголов очень немного. К ним относятся *чинлətмək* 'приводить в бешенство, в ярость, в неистовство' — от существительного *чин* 'злой дух', 'бес'; *дадландырмаг* 'делать вкусным', 'придавать приятный вкус' — от существительного *дад* 'вкус', 'привкус', 'вкусовое ощущение'; туркм. *механикалашдырмак* 'механизировать' — от существительного *механика* 'механика'.

От прилагательных образованы глаголы на *-лат-* в группах «б» и «в», отчасти «а»; глаголы на *-лашдыр-* и *-ландыр-* — в группе 1, частично 3.

Однако существительные в ряде случаев также служат основами глаголообразования на *-лат-* и т. д. в качестве источников предметных, но не атрибутивных значений, что связано со значением и семантической структурой данных глаголов.

От имен существительных образована небольшая часть глаголов в группе «а», а также более значительная часть глаголов на *-лашдыр-*, *-ландыр-* в группе 2 и большей части остальных групп.

Исходя из сказанного относительно сосуществования в азербайджанском языке четырех глаголообразующих аффиксов с переходным значением, следует допустить возможность параллелизма *-ла-* и остальных аффиксов, что уже отмечалось для аффикса *-ла-* в его непереходном значении и аффиксов *-лан-*, *-лаш-*.

Параллелизм аффиксов *-ла-*, *-лат-* и т. д. наблюдается в тех случаях, когда наряду с уже существующей переходной формой на *-ла-* независимо от нее образовались медиальные формы на *-лан-* или *-лаш-* (либо обе вместе) и в противоположность им — сопряженные с ними переходные формы на *-лат-* и т. п. Таким

путем образовались в азербайджанском и других тюркских языках такие, например, параллельные переходные формы:

аловламаг//аловлатмаг (при *аловланмаг* 'гореть пламенем', 'воспламеняться') 'воспламенять', 'разжигать';

кирләмәк // кирләтмәк 'загрязнять', 'пачкать' (при *кирләнмәк* 'загрязняться', 'пачкаться', 'мараться', 'засаливаться');

дәринләмәк//дәринләтмәк 'углублять', 'делать глубоким' (при *дәринләшмәк* 'углубляться', 'делаться более глубоким');

ачыламаг // ачылатмаг 'делать на вкус горьким', 'придавать горький вкус' (при *ачыланмаг//ачылашмаг* 'становиться, делаться горьким', 'горкнуть');

итиләмәк // итиләтмәк 'точить', 'острить', 'делать острым' (при *итиләнмәк // итиләшмәк* 'становиться острым', 'заостряться');

јашыллламаг//јашыллатмаг 'делать зеленым', 'покрывать зеленью' (при *јашылланмаг // јашыллашмаг* 'зеленеть', 'покрываться зеленью', 'становиться зеленым');

тәразламаг//тәразлашдырмаг 'выравнивать', 'уравнивать' (без медиальных форм на *-лан-* или *-лаш-*);

көлкәләмәк//көлкәләшдирмәк 'покрывать тенью', 'затенять';

тат.: *тиреслә-//тирес ләндер-* 'унавоживать', 'удобрять навозом' (без медиальных форм на *-лан-* или *-лаш-*);

азерб.: *гызылламаг//гызыллатмаг* 'золотить', 'покрывать позолотой' (без медиальных форм);

зибилләмәк//зибилләтмәк//зибилләшдирмәк 'сорить', 'засорять', 'насорить' (без медиальных форм);

инчәләмәк//инчәләшдирмәк 'делать тонким', 'делать более тонким, нежным' (при медиальной форме на *-л-* —*инчәлмәк* 'становиться тонким', 'худеть', см. гл. IV);

ләкәләмәк//ләкәләндирмәк 'пятнать', 'пачкать' (при медиальной форме *ләкәләнмәк* 'пачкаться', 'покрываться пятнами'; впрочем, не исключено, что *ләкәлән-* является здесь среднестрадательной формой от *ләкәлә-*);

пајламаг//пајлашдырмаг 'раздавать', 'распределять', 'делить', 'разделять (между кем-нибудь)' (без медиальных форм);

сафламаг//сафландырмаг 'очищать', 'рафинировать', 'выбирать чистые, неповрежденные, годные, здоровые экземпляры' (при медиальных *сафлашмаг//сафланмаг* 'делаться чистым, прозрачным, ясным', 'быть, становиться чистым, приятным', 'очищаться', 'рафинироваться'; из сравнения можно видеть, что второе значение *сафламаг//сафлашдырмаг* не связано со значениями *сафланмаг//сафлашмаг*);

сәмтләмәк//сәмтләшдирмәк 'приноравливать' (при медиальном *сәмтләшмәк* 'приноравливаться');

системаламаг//системалашдырмаг 'систематизировать' (при медиальном *системаланмаг* 'систематизироваться');

таразламаг//таразлашдырмаг 'выравнивать', 'уравновешивать' (без медиальных форм);

тәзәләмәк//тәзәләндирмәк 'обновлять', 'возобновлять', 'придавать свежесть', 'освежать' (при медиальных *тәзәләнмәк//тәзәләшмәк* 'становиться свежим', 'обновляться', 'возобновляться');

һалламаг//һалландырмаг 'склонять' (при медиальном *һалланмаг* 'склоняться');

јахшытламаг//јахшыландырмаг//јахшылашдырмаг 'улучшать' (при медиальном *јахшылашмаг* 'улучшаться', 'хорошеть');

казах.: *оңайла-//оңайлат-* 'делать удобным', 'налаживать', 'приводить в порядок' (при *оңайлан-* 'становиться легким', 'налаживаться');

тат.: *кыекла-//кыеклат-* 'косить', 'делать косым, наклонным' (при *кыеклан-* 'окриветь', 'делаться кривым, косым, наклонным').

Констатируя отсутствие многих непереходных глаголов на *-лан-* и *-лаш-*, соотносительных с переходными глаголами на *-лат-*, необходимо в то же время подчеркнуть, что теоретически нет препятствий для их образования, поскольку такие глаголы производятся от основ со значением названия признака, результата или его признака, на базе которых и сложились перечисленные выше глаголы на *-лашдыр-* и *-ландыр-*.

Однако необходимо принять во внимание, что форма на *-лаш-* или *-лан-* означает самопроизвольный процесс. Между тем в азербайджанском языке, как и во всех старописьменных языках тюркской группы, при обозначении процесса учитывается, совершался ли процесс самопроизвольно или под влиянием активного воздействия человека и является ли носитель процесса человеком (или ассоциацией людей).

Старое различение в языке активных (т. е. связанных с человеком) и неактивных (т. е. не связанных с человеком) действий окончательно не исчезло, но приняло новые формы, которые выражаются в том, что процессы, воздействующие на предмет, обычно передаются страдательной формой, тогда как процессы, ограниченные сферой действующего лица, независимо от его количественного выражения,— медиальной формой. Так, процесс «коллективизироваться», т. е. действие ассоциации людей, ограниченной сферой действующих лиц, выражается глаголом *коллективләшмәк*, а «телефонизироваться», т. е. процесс, обусловленный активным воздействием человека на предмет, выражается глаголом *телефонлашдырылмаг*.

Все это усложняет процесс словообразования и показывает, что одной возможности передачи того или иного значения в данной или иной форме еще недостаточно, что для реализации

словопроизводных возможностей требуются еще и другие условия, о чем говорилось в разделе об аффиксе *-ла-*.

Источники и типы семантической структуры глаголов на *-лат-*, *-лашдыр-* и *-ландыр-* те же, что и у ранее рассмотренных форм.

Большинство глаголов на *-лат-* и остальные формы принадлежат к первому или третьему типу семантического строения.

К первому типу принадлежат: глаголы на *-лат-*, включенные в группы «б» и «в», отчасти «а»; глаголы на *-лашдыр- и -ландыр-*, включенные в группу 1, отчасти 3.

К третьему типу семантического строения принадлежит некоторая часть глаголов на *-лат-* в группе «а» и более многочисленная часть глаголов на *-лашдыр-* и *-ландыр-*, входящих во вторую группу и составляющих большинство остальных групп.

Глаголы на *-лат-* и особенно на *-лашдыр-* и *-ландыр-*, образованные от существительных со значением результата, относятся к весьма производительному разряду. Основная часть их состоит из неологизмов, образовавшихся от русских заимствований (см. глаголы на *-лашдыр-//-ландыр-* во второй группе).

Значения показателей *-лат-*, *-лашдыр-* и *-ландыр-* весьма близки значениям аффикса *-ла-*. Они выражают активные, преимущественно сознательные действия, вызывающие какие-либо признаки, свойства и предметные результаты (аффикс *-лат-*) либо влекущие за собой превращения в какие-либо предметы, а также их образование (аффикс *-лашдыр-*, отчасти *-ландыр-*).

Как и в глаголах на *-лаш-*, в данных глаголах также не наблюдается процессов обобщения и исчезновения предметного представления в семантической структуре производного глагола, так как они образуются либо от прилагательных, либо от существительных с предметно-результативным значением, обусловливающим одно из специализированных значений аффикса *-лат-* и потому остающимся неизменным в значении глагола.

Случаи метафорического применения глаголов также редки и находят свое объяснение уже в метафорическом употреблении исходной именной основы (как это можно видеть в глаголе *аловламаг*, переносное значение которого «вызывать сильное раздражение» обусловлено метафорическим употреблением именной основы *алов* ‘пламя’, ср. производное прилагательное *аловлу* ‘пламенный’, ‘взволнованный’).

АФФИКС *-да-//-дә-*

В тюркских языках юго-западной группы, в частности азербайджанском, а также в поволжско-татарском, башкирском, чувашском и некоторых других, аффикс *-да-//-дә-* (и его раз-

новидность типа чувашского *-тат-*) является специфической формой глаголов от вторичных подражательных основ, образованных от односложных подражательных корней (с количественными, или видовыми [67], как называют их в некоторых новейших работах, модификаторами либо без них) при помощи аффиксов *-л* и *-р* с предшествующим узким гласным.

Грамматическая аморфность корней подражательных слов и их своеобразная семантика, лежащая на границе понятия и образа, давно привлекала внимание тюркологов, но специальное изучение этого раздела тюркского словаря началось в послеоктябрьское время и получило наиболее обстоятельное освещение в трудах Н. И. Ашмарина [68] и Н. К. Дмитриева [69]. В исследованиях Н. И. Ашмарина привлечен широкий материал из тюркских, финно-угорских, индоевропейских (включая латинский и греческий) и семитских языков.

Предшественников у Н. И. Ашмарина в данной области было немного. В. Банг [70], занимавшийся вопросами сравнительно-исторической грамматики и структуры тюркских языков по материалам В. В. Радлова, затронул лишь некоторые частности «ономатопоэтических» слов.

Более полное исследование М. Биттнера [71] имело существенное значение для характеристики подражательных слов турецкого языка и внесло некоторую систематизацию в этот отдел грамматики. Ж. Дени [72] в своей грамматике посвятил подражательным корням и основам, а также производным от них существительным и глаголам ряд параграфов, подготовив почву для более широких выводов относительно этой категории в рамках всех языков юго-западной группы.

---

[67] Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке*, стр. 242—265; см. также: Е. И. Убрятова, *Исследования по синтаксису якутского языка*, М.—Л., 1950, стр. 176—178.

[68] Н. И. Ашмарин, *Подражание в языках Среднего Поволжья*, — «Известия Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина», серия «Общественные науки», т. 2—3, 4—5, Баку, 1925. — Предварительное сообщение об основных положениях этой работы было дано в статье Н. И. Ашмарина «Основы чувашской мимологии (о подражательных словах в чувашском языке)» (сб. «В память первого общечувашского съезда учащихся», Казань, 1918). См. также Н. И. Ашмарин, *О морфологических категориях подражаний в чувашском языке*, Казань, 1928.

[69] N. K. Dmitrijev, *Beiträge zur osmanischen Mimologie*, — WZKM, Bd XXXIV, H. 1—2, Wien, 1927; N. K. Dmitrijev, *Skizze der südtürkischen Mimologie*, — WZKM, Bd XXXVI, H. 1—2, Wien, 1929.

[70] W. Bang, *Vom Köktürkischen zum Osmanischen*, 2 Mitteilung: *Über einige Schallnachahmende Verba*, — «Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, № 5. Berlin, 1919.

[71] M. Bittner, *Die onomatopoetischen Verba des Türkischen*, — WZKM, Bd XXVI, Wien, 1912.

[72] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 37, примечание; § 850, 858, 862.

Труды Н. И. Ашмарина оказали влияние на многих тюркологов, обращавшихся к области подражательных слов. В наиболее серьезных исследованиях на эту тему, выполненных в последние годы, чувствуется плодотворное воздействие некоторых идей, высказанных Н. И. Ашмариным, в частности о количественных градациях действия в подражательных глаголах (быстрота, моментальность, ритмичность, протяженность, однократность, многократность), о специальных показателях этих градаций и т. д.[73].

Исследования Н. К. Дмитриева, выполненные на материале южнотюркских языков, явились следующим шагом в разработке подражательных слов. Не отвергая общей схемы Н. И. Ашмарина и признавая за подражательными словами экспрессивно-выразительные функции, Н. К. Дмитриев сосредоточил свое внимание на грамматической стороне проблемы. Он установил признаки выделения подражательных слов, наметил их морфологическое развитие (сначала аналитические формы с вспомогательными глаголами *эт-, сөйле-* и др., затем синтетические формы с аффиксами *-ла-* и *-да-*), выявил закономерности в структуре наиболее распространенных производных форм подражательных слов и фонетический параллелизм основных форм (*-ла-//-да-*), показав ошибочность или необоснованность морфологического анализа подражательных слов, предлагавшегося в прежних работах (М. Биттнер, В. Банг).

Труды Н. И. Ашмарина и Н. К. Дмитриева создали прочную базу для дальнейших исследований, из авторов которых, помимо уже упомянутых Л. Н. Харитонова и Б. М. Юнусалиева, можно назвать А. И. Искакова[74] и С. Кудайбергенова[75].

---

[73] Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке;* Л. Н. Харитонов, *О корнях звукоподражательных слов в якутском языке,* — «Доклады на 5-й и 6-й научных сессиях Якутского филиала АН СССР», «История и филология», Якутск, 1954, стр. 102—117; Б. М. Юнусалиев, *Развитие корневых слов в киргизском языке,* автореф. докт. дисс., М., 1953. — О количественно-модифицирующем значении узких и широких гласных в подражательных корнях см. также J. Deny, *Grammaire de la langue turque,* § 37 и примечание 1 к § 859.

Подражательным словам в турецком языке посвящена статья Г. Маршанда (H. Marschand, *Die Bildung der lautsymbolischen Wörter im Türkischen,* — «Oriens», vol. XVI, № 1, Halle, 1953). Повторяя наблюдения и идеи, уже известные из трудов Н. И. Ашмарина, Н. К. Дмитриева и других советских тюркологов, автор, однако, умалчивает о них, равно как и о зарубежных исследованиях аналогичного типа, названных нами в предыдущей сноске.

Из последних советских работ, посвященных подражательным словам, может быть названа статья В. Г. Егорова «Подражательные слова» («Материалы по грамматике современного чувашского языка», ч. I, Чебоксары, 1959).

[74] А. И. Искаков, *О подражательных словах в казахском языке,* — «Тюркологический сборник», № 1, М.—Л., 1951.

[75] С. Кудайбергенов, *Подражательные слова в киргизском языке,* Фрунзе, 1957; а также С. Кудайбергенов, *О подражательных словах и междометиях,* — «Мугалимдерге жардам», Фрунзе, 1954, № 5 (на киргизском языке).

В исследовании Л. Н. Харитонова выдвинута обоснованная теория о системе видов в образных подражательных глаголах, чем подводится итог предшествующим наблюдениям относительно грамматической природы начальных и замыкающих элементов, роль и значение которых в глагольных и других основах подражательного характера специально отмечались Н. И. Ашмариным и Н. К. Дмитриевым.

В работах Б. М. Юнусалиева и С. Кудайбергенова приведен в систему обширный материал подражательных слов в киргизском языке.

Аналогичная работа выполнена в кандидатской диссертации Ш. Сарыбаева [76] и отчасти в указанной статье А. И. Искакова.

Вышедшая уже после смерти ее автора небольшая статья Г. Рамстедта «Die onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen», повторяя некоторые положения исследования Н. К. Дмитриева (о первичности аналитических глаголов подражательного характера) и Н. И. Ашмарина (о глаголообразующих аффиксах в подражательных словах), выдвигает в дополнение к гипотезам Н. И. Ашмарина новые соображения относительно звукоподражательного происхождения некоторых слов с реальным значением.

Статья К. Броккельмана [77] из серии его публикаций о словаре Махмуда Кашгарского суммирует материал подражательных слов в «Диване».

Как показывает этот беглый экскурс в историю изучения подражательных слов и, в частности, глаголов, образованных от подражательных слов, в тюркском языкознании проведена значительная исследовательская работа, что привело к известной стабилизации общих воззрений на данную категорию.

Тем не менее большинство авторов грамматик по тюркским языкам все еще проявляют колебание в вопросе об отношении подражательных слов к категории частей речи. Во многих случаях в грамматических работах подражательные корни и основы, а нередко и производные от них существительные и глаголы не включаются в описания. Только немногие авторы в своих работах оставляют место и для подражательных слов, выделяя их на правах отдельной части речи [78] или специальной части речи вместе с междометиями [79]. Осторожность в оценке лингвисти-

[76] Ш. Сарыбаев, *Подражательные слова и их отношение к междометиям*, — «Известия Академии наук Казахской ССР», № 135, «Серия филологии и искусствоведения», вып. 1—2, Алма-Ата, 1954, стр. 46—55; Ш. Сарыбаев, *Подражательные слова в киргизском языке*, автореф. канд. дисс., Фрунзе, 1957.

[77] C. Brockelmann, *Naturlaute im Mitteltürkischen*, — «Ungarische Jahrbücher», Bd VIII, H. 3—4, Berlin—Leipzig, 1928.

[78] «Қазіргі қазақ тілі», § 67—70.

[79] Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, М.—Л., 1940, стр. 48—50; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, глава V.

ческой природы подражательных корней и основ объясняется грамматическим и семантическим своеобразием подражательных слов, их образностью, тогда как все части речи означают понятия. Поскольку среди критериев частей речи наиболее популярным остается реально-вещественное значение слова, а подражательные слова означают не понятия, а образы, то они не удовлетворяют критериям понятийной семантики частей речи. Вследствие этого большинство авторов не вводят подражательные слова в свои грамматики, распространяя ограничение и на производные формы существительных и глаголов, что является уже крайностью и наглядно обнаруживает ограниченность и ненадежность семантического принципа классификации частей речи.

Во многих грамматиках формы частей речи, произведенные от подражательных корней или их наращенных форм, оставлены без внимания. Исключение, помимо указанных выше, составляют лишь грамматики Ж. Дени [80], А. Н. Кононова [81], Ю. Немета [82] и грамматика азербайджанского языка [83].

В оценке природы подражательных слов наиболее последовательной представляется точка зрения, рассматривающая эту категорию в качестве особой части речи со свойственной ей специфической системой морфологических категорий (словообразовательных и модифицирующих), образной семантикой и ограниченностью синтаксических связей. Что касается производных от них имен существительных, прилагательных и глаголов, то, поскольку они охватываются всеми грамматическими категориями названных частей речи, включение их в эти части речи является естественным и необходимым.

Следует сказать также о термине «подражательное слово», который применяется в данном разделе. Можно согласиться с тем, что он не полностью выражает специфику обозначаемого им разряда слов, как не выражают эту специфику и другие термины, находящиеся в употреблении: «мимемы», «мимеографические слова», «ономатопоэтические слова». Они неправомерно обобщают один групповой признак на всю категорию данных слов: в звукоподражательные слова включаются и образные слова, как бы звукоописывающие зрительный образ определенного состояния или поведения; наоборот, в мимемы включаются образные слова, изображающие всякие шумы, звуки и звучания, тогда как этот термин подходит скорее к словам, означающим зрительный образ. Более всех подошел бы термин «образное слово», выделяющий главный признак, которым описываемые

[80] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 838, 850, 862.
[81] А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 228, 229.
[82] J. Németh, *Türkische Grammatik*, S. 94.
[83] «Азәрбајҹан дилинин грамматикасы», стр. 171.

слова отличаются от слов понятийных. Однако предлагаемый термин на практике чаще всего применяется для обозначения частной группы подражательных слов со значением зрительного образа. Во избежание смешения мы и сохраняем термин «подражательное слово».

Выше указывалось (см. стр. 191), что аффикс *-да-//-дә-* является фонетической параллелью аффикса *-ла-//-лә-* и закрепился в этой форме специально для глаголов подражательного происхождения как особой группы, отличной от других. Наиболее обстоятельно аргументированное фонетическое обоснование аффикса *-да-*<*-ла-* было предложено Н. К. Дмитриевым [84], которым одновременно были отклонены этимологии этого аффикса, предложенные М. Биттнером (*-да-*<глагола *де-* 'говорить') и В. Бангом (*-да-*<показатель абстрактных имен *-д*+глаголообразующий аффикс *-а-*). Аффикс *-да-* и *-ла-* Н. К. Дмитриев считал результатом диссимиляции сонорных звукосочетаний *-рл-* и *-лл-* на границе подражательной двусложной основы и глаголообразующего аффикса *-ла-*; т. е., например, *чатыр*+*-ла-* и *вызыл*+*-ла-* соответственно>*чатырда-* и *вызылда-*. Звукосоответствие *л//д* [85], широко известное в качестве комбинаторного чередования в языках кыпчакского типа (казахском, ногайском, киргизском, каракалпакском и некоторых других), не чуждо и языкам огузского типа, в частности азербайджанскому. В качестве примеров можно привести такие общетюркские или во всяком случае межтюркские формы, как *алда-*, *алдан-* и *алдат-* [86], соответственно означающие «обманывать», «обманываться» и «обманывать», происходящие из *ал*+*-ла-*, где слово *ал* значит «хитрость» (в старом азербайджанском языке; см. также Радл. Сл., I, 349: *ал* 'хитрость', 'обман', 'уловка'); *гымылда-//қыпырда-* 'шевелиться', 'двигаться' наряду с более старой казахской формой *қыбырла-* 'медленно двигаться', 'копошиться', где *гымыл//қыпыр//қыбыр* — образное подражательное слово, не сохранившееся во многих тюркских языках, но известное в казахском со значением «медленное движение». Можно привести еще следующие огузские формы: тур. *bağda-* 'складывать', 'связывать', 'закутывать', 'сплетать', 'обнимать' (Rossi, 333) — из *bağla-*, где *bağ* — отглагольное существительное с аффиксом *-ғ//-ɣ* (от *ba-* 'связывать'); азерб. *излә-* 'идти по следам', 'вы-

[84] N. K. Dmitrijev, *Beiträge zur osmanischen Mimologie*, S. 1113—115; N. K. Dmitrijev, *Skizze der südtürkischen Mimologie*, S. 39—40. — Содержится ссылка на Н. И. Ашмарина и О. Шацкую.

[85] Многие глагольные основы на *-да-* этим соответствием объяснял В. В. Радлов в своей работе «Опыт словаря тюркских наречий».

[86] Г. Рамстедт считал глагол *алда-* образованием при помощи особого глаголообразующего аффикса *да-*, который он находил также в глаголах *үндә-* 'звать', *унут-* 'забывать' и в некоторых других (G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 197).

слеживать', 'искать', 'отыскивать', 'разыскивать' и староосм. *istä-* 'szukać' (Przekł. Kalili i Dim., 128) — от одного и того же имени *из ~ is* 'след'; туркм. *исле-* 'хотеть', 'желать' [87], откуда происходит общетюрк. *исте-* с тем же значением; азерб. *бурунтаг* 'закрутка для усмирения животных' — из *бурунлаг*, анализируемого как *бурун-ла-г*, где основа восходит к существительному *бурун* 'нос', *-г* представляет указанный выше аффикс отглагольных существительных. Значительно больше случаев чередований *л//д* в диалектах азербайджанского языка. Уже Н. А. Ашмарин отмечал это явление для нухинского диалекта [88]. Последующие диалектографические разыскания подтвердили известную распространенность чередования *л//д* и в других территориальных диалектах азербайджанского языка.

Генетическую общность аффиксов *-да-//-ла-* можно подтвердить также параллельным употреблением аффикса *-да-* в азербайджанском (и вообще в огузских), татарском, башкирском и в некоторых других языках, с одной стороны, и аффикса *-ла-* в кыпчакских и многих из остальных языков — с другой. Ср., например, азерб. *гаггылдамаг* 'кудахтать', 'гоготать', 'хохотать' и узб. *қақилламоқ* 'кудахтать', азерб. *вызылдамаг* 'жужжать', 'свистеть' и узб. *визилламоқ* в том же значении, азерб. *гағылдамаг* 'каркать', 'ворковать', 'гоготать' и узб. *қағилламоқ* 'каркать', азерб. *гыырдамаг* 'хрустеть', 'скрипеть', 'лязгать' и узб. *ғижилламоқ* 'скрипеть', казах. *шықырла-* 'скрежетать', 'скрипеть', к.-калп. *қшырла-*, *шқырла-* 'скрипеть', азерб. *кумбулдамаг//куппулдамаг* 'бухать', 'грохотать' и узб. *гумбурламоқ* 'грохотать', 'греметь', казах. *күмбірле-* 'издавать глухой звук'. Уместно отметить, что в узбекском языке, в котором наиболее распространенной формой подражательных глаголов от двусложных основ является аффикс *-ла-* и где чередование *л//д* прослеживается как живая закономерность в территориальных диалектах, в некоторых случаях отмечается параллелизм аффиксов *-ла-//-да-* [89].

В свете приведенных факторов, количество которых может быть увеличено, разъяснение Н. К. Дмитриева о диссимилятивном происхождении аффикса *-да-* представляется убедительным. Различие здесь между огузскими и кыпчакскими языками в том,

---

[87] Более древнее значение — «искать» (*istä-'szukać'*. Przekł. Kalili i Dimny, 128). О глаголе *исле-* см.: J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 840, примечание 2.

Более древней формой *исле-* следует считать *изле-*, к которой в конечном счете и восходит межтюркский глагол *исте-* (*<изде-*), как правильно указал П. М. Мелиоранский («Араб филолог о турецком языке», СПб., 1900, стр. LXXXII).

[88] Н. И. Ашмарин, *Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи*, Баку, 1926, стр. 48.

[89] А. Г. Гулямов, *Об аффиксе -ла- в узбекском языке*, стр. 44.

что в первых чередование *л//д* приобрело морфологическое значение и исчезло из этих языков как живая фонетическая норма [90], сохранившись лишь в некоторых территориальных диалектах, между тем как во вторых оно осталось и сохранилось как чисто фонетическое явление.

Особо стоит вопрос о продуктивности аффикса *-да-* и связанный с ним вопрос о значении и принадлежности основ глаголов на *-да-*.

По семантике основы подражательных глаголов на *-да-* ближе всего подходят к значению процесса, так как они собственно и означают процесс, для подчеркивания которого подражательные слова обычно употребляются в парном виде, выражая таким способом протяженность звучания (ср., например, *кур кур курулдамаг* 'продолжительно грохотать') или процесса, выраженного образным словом. Поскольку процессуальное значение основ является продуктивным во всех рассмотренных выше формах отыменных глаголов, то едва ли было бы правильным относить аффикс *-да-* к числу непродуктивных форм.

Уже Ж. Дени и М. Биттнер обратили внимание на то, что показатель *-ла-* образует глаголы от односложных основ, а от двусложных основ, состоящих из тех же односложных основ и модифицирующих (по значению — интенсифицирующих) показателей *-ыл...* и *-ыр...* (в четырех вариантах по гласному) [91], подражательные глаголы образуются при помощи аффикса *-да-* [92].

Двусложные основы в подражательных глаголах, образованные от односложных корней, не всегда имеют самостоятельное употребление, и, наоборот, односложные корни в двусложных основах не всегда являются реальными величинами.

Так, например, наряду с вполне реальным междометием *вай* 'ой', 'ай', 'ох' существует чисто теоретическая производная основа *вайыл*, не имеющая отдельного употребления и служащая лишь для образования глагола *вайылдамаг* 'охать',

---

[90] Сказанное не относится к туркменскому языку, в котором произошла фонетическая дифференциация: после *-ыл||-ил* употребляется аффикс *-ла-*, после *-ыр||-ир* — аффикс *-да- (т. е. -ылда-* и *-ырда-)*. То же наблюдается в киргизском языке. Кыпчакская форма *-ылла-* встречается и в азербайджанских диалектах, как, впрочем, и другие «кыпчакизмы», столь характерные для азербайджанского и других языков юго-западной группы.

[91] Во многих случаях в азербайджанском, как и в других тюркских языках, имеются обе формы: исходная односложная и вторичная двусложная. Ср., например, такие пары: *выз-выз* и *вызыл-вызыл* — подражание жужжанию, *зыр-зыр* и *зырыл-зырыл* — подражание визгливому плачу, *мырт* 'ворчание' — *мыртылдамаг* 'ворчать', 'роптать', *пыч-пыч* 'шепот', 'шепотом', 'шушукаясь' и *пычылдамаг* 'шептать', *тыг-тыг* — подражание тиканию часов и *тыгылдамаг* 'тикать', 'издавать звук «тик-так»', *хар-хар* 'с шумом', 'с грохотом' и *харылдамаг* 'грохнуть', 'грохнуться', *наф-наф* 'тяф-тяф (о собаке)' и *нафылдамаг* 'гавкать' и ряд других соответствий.

[92] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 850, примечание 1.

'ахать', 'хныкать' и существительного *вајылты* 'оханье', 'хныканье'. Наряду с другим реально существующим междометием *оф* 'о', 'ох', 'увы', 'ах', 'уф' или *уф* 'уф', 'ох' имеются формальные производные основы *офул* и *уфул,* которые самостоятельно не употребляются, но служат основой для образования глаголов *офулдамаг* 'охать', 'ахать', 'стонать', 'кряхтеть', 'жаловаться', 'плакаться на что-нибудь' и *уфулдамаг* 'охать', 'вздыхать', 'ныть', а также существительных *офулту* 'оханье', 'стон', 'стенание' и *уфулту* 'оханье', 'вздыхание', 'нытье'.

Таким образом, довольно многочисленные случаи подобного рода в азербайджанском и других языках юго-западной группы правильнее было бы рассматривать в качестве образований по аналогии, а глагольной формой считать не *-да-*, а *-ылда-* или *-ырда-*.

Не все глаголы с двусложными основами на *-ыл* и *-ыр,* не имеющими реального употребления, следовало бы относить к образованиям по аналогии, даже если учитывать, что в азербайджанском языке в отличие, например, от турецкого, односложные редуплицированные формы употребляются чаще, чем двусложные (т. е. формы типа *выз-выз,* а не *вызыл-вызыл* и т. п.). И при наличии этой тенденции нельзя отвергать возможности исчезновения из языка вторичной основы, поскольку подражательные слова в литературных языках юго-западной группы, в частности в азербайджанском, едва ли являются категорией развивающейся.

Довольно много встречается и обратных случаев, когда при двусложной вторичной основе в языке отсутствует исходный односложный корень. Так, например, в азербайджанском языке реально употребляется глагол *гычырдамаг* 'хрустеть', 'скрипеть', 'лязгать' и существительное *гычырты* 'скрежет зубов'; 'скрип', но неупотребителен односложный корень *гыч;* употребляется глагол *зинкилдәмәк* 'визжать'; 'звенеть' и существительное *зинкилти* 'визг', 'визжание'; 'звон', но нет односложного корня *зинк;* употребительны глаголы *зыггылдамаг* 'ныть', 'стонать', и существительное *зыггылты* 'стон', 'нытье', но нереален исходный односложный комплекс *зыгг;* реальны глагол *куппулдамаг* 'бухать', 'бухнуть', 'грохнуть' и существительное *куппулту* 'бухание', 'грохот', но отсутствует в литературном языке корень *купп;* употребляются *күјүлдәмәк* 'гудеть', 'шуметь', 'выть', 'завывать' и *күјүлтү* 'гудение', 'шум', но не употребляется корень *күј* (есть корень *күј* с близким значением) и т. д.

Отсутствие исходных корней можно объяснить тем, что они исчезли из языка [93],

---

[93] Ibid.

В дополнение к сказанному необходимо указать на то, что развитие подражательных слов как особой категории сопровождалось характерным процессом частичного вовлечения реальных слов с семантикой звучания или связанной со звучанием в разряд подражательных слов [94], а также еще более значительным по своим масштабам процессом перехода форм подражательного происхождения в число слов с понятийным значением [95]. Этот процесс, хорошо известный во всех тюркских языках, ничем не отличается от обычного движения и взаимоперехода слов между частями речи, наблюдаемых в истории и современном состоянии тюркских языков, и составляет частную разновидность подобных переходов. Отсюда заключаем, что, хотя подражательные слова составляют особую категорию слов-образов, но они внутренне связаны со словами-понятиями, без чего нельзя было бы объяснить самую возможность взаимопереходов между ними.

Как известно, односложные подражательные корни представляют более раннее состояние подражательных слов, а наращенные формы с аффиксами *-ыр* и *-ыл* — более поздние, на основании чего мы заключаем, что подражательные глаголы на *-ла-* являются более старыми, глаголы же на *-да-* — новейшими. Подражательные глаголы на *-ла-*, по-видимому, уже непродуктивны, о чем свидетельствует малочисленность таких глаголов и, наоборот, многочисленность глаголов на *-да-*. Справедливость сказанного подтверждается еще и тем, что в азербайджанском языке в ряде случаев параллельно с глаголами на *-ла-* существуют однокоренные глаголы с аффиксом *-да-*, например:

---

[94] Ср., например, такие случаи, как *нәрилдәмәк* 'грохотать', 'греметь', 'ухать', 'рычать', 'рыкать' — из араб. *нә'рә* 'крик', 'гиканье'; 'рев', 'рычание'; *зинкилдәмәк* 'визжать'; 'звенеть', 'звякать' — из *зәнк* 'колокол', 'звонок', восходящего к перс. زَنْك 'колокольчик', 'звонок' (Гафф., 423); ср. также армян. *ցինգ* в том же значении. Сюда относятся и некоторые другие случаи, например узб. *иланг-биланг* 'извивающийся', откуда образовалось *биланғламоқ* 'извиваться' при *илон* 'змея'.

[95] Ср., например, *чыртламаг* 'лузгать', 'грызть (семечки)' — от *чырт* — подражание звуку скрипящего предмета; *чыртлашмаг* 'чирикать (многим вместе)', откуда восстанавливается *чыртламаг* 'чирикать', и некоторые другие глаголы, но особенно много именных частей речи — в прошлом подражательных слов, например: *зыр-зыр* 'плакса' — из звукоподражательного слова, которое в распространенной форме вошло в состав глагола *зырылдамаг* 'визгливо плакать'; *кур* 'сильный', 'мощный'; 'полный', 'обильный'; 'густой', 'звучный' из однозвучного подражательного слова *кур*, которое имеется в глаголе *курулдамаг* и в интенсивной форме этого глагола *кур-кур курулдамаг* 'сильно, продолжительно греметь, грохотать'; *мызмыз (мызмызы)* 'говорящий под нос', 'ворчун', 'брюзга' из однозвучного подражательного слова, которое в наращенном виде явилось основой глагола *мызылдамаг* 'говорить под нос, невнятно', 'бурчать', 'бормотать', 'брюзжать' и ряд других, не говоря о значительном числе аналогичных случаев в других тюркских языках (ср. общетюрк. *ур-* 'лаять', восходящее к подражательному корню, о чем свидетельствует кирг. *урулдә-* 'рычать', 'ворчать').

инләмәк 'изнывать', 'стонать', 'охать', 'мучиться', 'страдать' и *инилдәмәк* 'стонать', 'ныть'; для подражательного корня *ин*[96] ср. *ыңк этип тим болду* 'простонал и умолк' (Юдах., 562); *тим* из *тин//тын* 'молчание', 'спокойствие', 'тихо', 'безмолвно' (Юдах., 502);

парламаг//парылдамаг 'блестеть', 'заблестеть', 'сверкать', 'сиять', 'лосниться', 'мелькать', 'мерцать'; *пар пар парылдамаг* 'сильно блестеть';

партламаг 'лопаться', 'разрываться', 'взрываться', 'трескаться' и *партылдамаг* 'лопаться', 'разрываться с треском', 'трещать'. Различие между обоими глаголами чисто количественное: *партламаг* означает акт, *партылдамаг* — процесс;

сызламаг 'выть', 'ныть', 'плакать' и *сызылдамаг* 'ныть', 'болеть', 'хныкать', 'тихо и жалобно плакать'; корень *сыз* не встречается в составе подражательных слов. Форма *сыс*, которую приводит Л. Будагов (I, 699) со ссылкой на алтайский язык и к которой он возводит глагол صزلامق, означает «ломота», «нарывание», «нарыв»; в нем подражательное значение этого глагола исторически не исключается, так как в подражательных словах имитируются не только звуки и шумы, но также и состояния;

фырланмаг[97]*//фырылдамаг* 'вертеться', 'кружиться', 'крутиться', 'вращаться';

хартламаг//хартылдамаг 'хрустеть';

чағламаг 'журчать' и *чағылдамаг* 'течь с шумом (о воде)'; 'рассыпаться с шумом, грохотом (об орехах, камешках и т. п.)'; различие в данных глаголах также количественное: значение второго глагола представляет интенсификацию первого;

чатламаг 'трещать', 'треснуть', 'лопнуть' и *чартылдамаг* 'трещать', 'издавать треск'; соотношение значений в данных глаголах то же, что и в глаголах *партламаг* и *партылдамаг*.

Как показывают примеры, в значениях однокоренных форм на *-ла-* и *-да-* различия не качественные, а количественные, к тому же не во всех случаях: из приведенных восьми пар глаголов лишь в трех имеются различия количественного порядка.

Относя подражательные глаголы на *-ла-* к непродуктивным, нельзя вместе с тем забывать, что корни подражательных слов с исходом на гласный не могут образовать вторичных основ на *-ыл* или *-ыр*, следовательно, и глаголов на *-да-*. Поэтому глаголы от основ подобного фонетического строения возможны лишь в форме на *-ла-*, например:

---

[96] Гипотезу о подражательном происхождении корня *ин* высказал уже Ж. Дени (J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 850, примечание 1). В своей новой работе он предложил другую этимологию для глагола *инл-*: *inle-*<*in-il-e-* (J. Deny, *Principes de grammaire turque*, p. 122).

[97] В азербайджанском языке форма *фырламаг* не сохранилась.

мәләмәк 'блеять', 'стенать' — от подражательного *мә*;

пиләмәк//пүфләмәк 'дуть', 'вздувать', 'раздувать', 'задувать', 'тушить' — от подражательного *пи//пүф;*

уламаг 'выть', 'завывать' — от подражательного *у-у*;

моламаг 'мычать' — от подражательного *мо-о.*

Специфичными для формы *-ла-* можно, пожалуй, считать также производные глаголы от междометий с исходом на *-й* и *-ш.* Ср., например:

гыjламаг 'гикать', 'гнать с гиканьем' — от основы *гыj* 'гиканье', восходящей к подражательному слову;

кишләмәк 'отгонять кур криком «киш»' — от междометия *киш*;

hajламак 'окрикивать', 'окликать', 'звать', 'гнать (скот, стадо)' — от междометия *haj,* которое, однако, в современном языке субстантивировалось и приобрело значение «отклик», «помощь», «суматоха», «тревога»; сравнивая эти значения со значениями производного глагола, мы видим, что последний образовался от субстантивированной формы *haj* и потому не может быть отнесен к подражательным глаголам;

hejләмәк 'окликать', 'звать издали', 'аукать' — от междометия *hej* 'эй', 'ой', 'ау', 'слушай'.

Как видно из примеров, глаголы на *-ла-,* образованные от междометий, приобретают понятийную семантику и должны быть отнесены не к подражательным, а к обычным глаголам, рассмотренным в первом разделе.

По-видимому, сказанное выше наблюдается и в некоторых других тюркских языках, ср.: туркм. *вайламак* 'охать', 'ахать', 'издавать вопли', 'хныкать' — от междометий *вай* 'ой', 'ох'; тат. *ай-hайла-* 'громко кричать (при испуге и запугивании)' — от междометия *ай-hай* 'эх', 'эх-ма', *ай-вайла-* 'голосить', 'громко кричать' — от бывшего междометия *ай-вай* с уже субстантивированным значением «шум», «крик», «гам», «шум и гам»; якут. *айалаа-* 'охать', 'стонать' — от междометия *айа* 'ой!', 'ох!', 'больно!'.

Обратимся к наиболее многочисленной группе подражательных глаголов, образованных при помощи аффикса *-да-.*

Выше было указано, что форма *-ла-* нередко, хотя и не всегда, означает акт, форма *-да-* — процесс. Это относится ко всем глаголам в форме на *-да-,* не исключая и тех, которые означают не однократный, а раскатистый шум или шум вместе с его эхом, т. е. процесс, растянутый во времени. Можно было бы провести параллель между глаголами на *-да-* в отмечаемом значении и формой вторичной основы, имеющей показатель *-ыл,* иногда *-ыр.* Но так как значение протяженности действия не чуждо и глаголам на *-ла-,* то было бы неправильно целиком связывать его с модификатором *-ыл.* Значение протяженности

действия в обеих формах прежде всего связано с самими формами, означающими глагольность. Модификатор *-ыр//-ыл* закрепляет значение протяженности в подражательной основе.

При подражательной основе модификатор в редких случаях имеет форму *-ыр,* как, например, в глаголах *гычырдамаг* 'хрустеть' и *фынхырдамаг* 'фыркать'. В большинстве случаев подражательные корни наращиваются модификатором *-ыл.*

Таким образом, в подражательных глаголах на *-да-* может быть отмечена тенденция к формальной унификации вторичных подражательных основ.

Пользуясь выражением «подражательные глаголы на *-да-*», мы допускаем неточность. Поскольку большинство вторичных подражательных основ не употребляется вне глаголов, то более правильно считать формой глаголообразования в данном случае не *-да-,* а *-ылда-.* В азербайджанском языке не встречаются случаи субстантивации в форме на *-ыл,* как это наблюдается, например, в узбекском языке (типа *гулдур-гулдур* 'грохот', 'громыхание', *гумбур-гумбур* в том же значении и т. п.) или турецком *(çangır-çıngır* 'с неимоверным шумом', 'с грохотом', 'с треском', *kıtır* 'треснувшее зерно кукурузы'— от подражательного *kıtır kıtır,* имитирующего щелканье зубов, треск, хруст и т. д.). В азербайджанском языке практически известны лишь случаи субстантивации односложных корней в одинарном или парном виде (типа *тынтын* 'говорящий в нос', 'гнусавый' или *хар-хар* 'с шумом', 'шумливо', 'с грохотом', а также специфически азербайджанские формы типа *гыжhагыж* 'бурное, шумное течение воды'), что характерно вообще для большинства тюркских языков.

Подавляющая часть глаголов на *-ылда-* передает звучания и шумы, издаваемые одушевленными и неодушевленными предметами. Глаголов, звукоописующих зрительный образ, в азербайджанском языке немного в отличие от казахского, киргизского, якутского и некоторых других.

Из числа звукоподражательных глаголов могут быть приведены следующие:

вəнкилдəмək 'визжать (о собаке)';
выjылдамаг 'выть', 'завывать';
вызылдамаг 'жужжать', 'свистеть';
гаггылдамаг 'кудахтать', 'гоготать', 'хохотать';
гағылдамаг 'каркать', 'ворковать', 'гоготать';
гурулдамаг 'квакать';
дангылдамаг 'звенеть', 'греметь', 'трещать'; 'без умолку говорить';
донгулдамаг 'бурчать', 'ворчать', 'брюзжать'; 'хрюкать'; 'рычать';

дығылдамаг 'закипать', 'издавать шум при кипении', 'шуметь', 'побрякивать';
дынгылдамаг 'бренчать', 'тренькать';
зынгылдамаг 'звенеть';
кәһилдәмәк 'тяжело дышать', 'пыхтеть';
киртилдәмәк 'хрустеть', 'скрипеть после хорошего мытья';
куjулдәмәк 'гудеть', 'шуметь', 'выть', 'завывать';
лаггылдамаг 'булькать';
логгулдамаг 'лакать', 'клокотать';
марчылдатмаг 'чмокать', 'чавкать';
мызылдамаг 'говорить под нос, невнятно', 'бурчать', 'бормотать', 'визжать';
мырылдамаг 'ворчать', 'издавать сердитый негромкий звук';
пыггылдамаг 'фыркать';
пырылдамаг 'вспорхнуть';
пычылдамаг 'шептать';
таггылдамаг 'издавать стук', 'стучать';
тарпылдамаг 'издавать глухой звук (при падении)';
тыггылдамаг 'тикать', 'издавать звук «тик-тик»';
тыппылдамаг 'трепетать', 'биться (о сердце)', 'слегка стучать';
тырылдамаг 'трещать', 'тарахтеть'; 'фыркать', 'брюзжать';
тысылдамаг//фысылдамаг 'сопеть';
уғулдамаг 'гудеть';
фышылдамаг 'шипеть'; 'журчать', 'шуметь';
харылдамаг 'грохнуть', 'грохнуться';
хыртылдамаг 'скрипеть', 'хрустеть';
хырылдамаг 'хрипеть';
хышылдамаг 'производить шорох', 'шуршать', 'шелестеть', 'хрипеть, шуметь (в груди)';
һоппулдамаг 'глотать большими кусками', 'пожирать';
һырылдамаг 'хохотать', 'зубоскалить';
чаггылдамаг 'трещать', 'шуметь', 'издавать звук';
чиккилдәмәк 'чирикать';
чывылдамаг 'щебетать', 'чирикать';
чығылдамаг 'пищать', 'издавать писк';
чызылдамаг 'загудеть', 'шуметь (о самоваре при кипении)';
чынгылдамаг 'позванивать', 'звенеть';
чырылдамаг 'скрипеть', 'свиристеть (о сверчке)', 'трещать';
шаггылдамаг 'трещать', 'щелкать', 'стучать', 'хлопать'; 'петь';
шарылдамаг 'журчать', 'течь (о воде)';
шырылдамаг 'журчать';

туркм.: *вагырдамак* 'шуметь', 'галдеть', 'кричать'—от *ваг//вагыр*, которое в туркменском языке приобрело также субстантивированное значение «гул», «шум», «крик» (разговорный);

вакырдамак 'хохотать', 'шуметь';
варкылдамак 'крякать', 'квакать';
ваңңырдамак 'звонить', 'издавать сильный звон, шум';
гагауз.: *мырылдамаг* 'мурлыкать';
тат.: *ахылда-* 'охать', 'ахать'—от междометия *ах* 'ах', 'ох';
бакылда- 'квакать'; 'крякать'; *метаф.* 'галдеть';
дыңгырда- 'брякать', 'стучать', 'греметь'; 'трястись';
кытырда- 'хрустеть (на зубах)'—от подражательного корня *кыт*, хорошо известного и в языках юго-западной группы (ср., например, уже приводившееся тур. *kıtır kıtır* 'с хрустом');
кыштырда- 'шуршать', 'шелестеть';
чуваш.: *лăкăртат-* 'кипеть с шумом'; *метаф.* 'болтать всякий вздор';
машлат-//машăлтат- 'сопеть', 'пыхтеть';
мăрăлтат- 'бормотать', 'ворчать', 'мурлыкать';
патăртат- 'издавать глухие звуки';
пăшăлтат- 'шептаться', 'перешептываться';
çатăртат- 'трещать', 'скрипеть', 'шелестеть', 'гореть с треском'; 'зудеть'; *метаф.* 'придираться', 'привязываться к кому-либо', 'вспылить';
харăлтат- 'храпеть', 'хрипеть';
чанкăртат- 'звенеть', 'звякать', 'бренчать'.

Примеры на глаголы в форме *-ылда-* от основ с образным значением:

гымылдамаг[98] 'шевелиться', 'двигаться';
зиjилдəмək 'зябнуть', 'дрожать от холода';
зоггулдамаг 'ныть', 'болеть', 'ломить', 'мозжить (о длительной, глубокой, тупой боли)';
зγjγлдəмək 'скользить', 'проскользнуть';
шшылдамаг 'сверкать', 'сиять'—интересный пример подражательного глагола, основа которого *шшыл* содержит в себе вполне реальный корень *шшы*, представляющий глагольно-именное образование с глагольным значением «сверкать», «блестеть», «сиять» и именным значением *«сверкание», «сияние», «свет»; корень *ышы-* отсутствует в азербайджанском языке, но легко выделяется, например, в турецком, где имеется существительное *ışın* 'сияние', 'свет (солнца)', 'мерцающий вдали огонек'—от того же глагола *ışımak* и существительное *ışık* 'свет', 'луч', 'огонек', 'светильник', 'свеча', 'лампа', 'лампада', 'освещенный', 'светлый', также образованное от глагола *ışı-*. (Существительное с теми же значениями известно и в азербайджанском языке в форме *шшыг*.)

Izbudak: *sakıldadı soğuktan* 'он сильно дрожал от холода' (38); количество глаголов на *-да-*, отмеченных у В. Из-

[98] Ср. *qım-la-n-maq* в грамматике Ж. Дени (J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 850, примечание 1 со ссылкой на Барьбье де Мейнара).

будака, довольно велико и должно учитываться при сравнительном изучении подражательных глаголов;

туркм.: *балкылдамак* 'сверкать' с корнем *балк* (где *-к-* — количественный модификатор), типичным для неогузских языков: ср. казах. *балқы-* (<*балқ-ы-*), в числе значений которого имеется «сиять»; тат. *балку-* 'сиять', 'излучать яркий свет', 'светить', 'светиться'; узб. *балқимоқ* 'блестеть', 'сиять';

тат.: *дерелдә-* 'дрожать', 'трястись' с подражательным корнем *дер//дир//тыр//тир*, широко известным в тюркских языках;

чуваш.: *лăклат-* 'трястись на телеге', 'бултыхаться'; *лăкăштат-* 'переваливаться', 'ходить, слегка прихрамывая'.

Глава II

ФОРМЫ ОТЫМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ

НЕПРОДУКТИВНЫЕ ФОРМЫ

АФФИКС *-а-//-ə-*

В тюркологической литературе уже отмечалось, что аффикс *-а-//-ə-* должен рассматриваться в качестве одной из древнейших[1] и пережиточных[2] форм глаголообразования в тюркских языках, не исключая и азербайджанский язык. Вместе с непродуктивными аффиксами *-(а)р-*, *-(а)л-*, *-(а)қ-*, *-са-* (с производными), в кыпчакских языках еще *-(а)й*, орх.//уйг. *-(а)д-//-(а)д-*, аффикс *-а-//-ə-* входит в систему форм, которые пополняли лексику тюркских языков в основном в дописьменные эпохи. Вместе с показателем *-ла-* эти аффиксы явились главными источниками аффиксального глаголообразования в тюркских языках. Уступая аффиксу *-ла-* и производным от него в отношении продуктивности, перечисленные выше аффиксы тем не менее сыграли важную роль в глаголообразовании, так как при их участии были выработаны основные типы значений, которые в дальнейшем получили наибольшее развитие в аффиксе *-ла-* и его производных, в связи с чем существование аффиксов *-а-//-ə-*, *-(а)р-*, *-(а)л-* и других стало излишним в языке и они постепенно вышли из употребления.

У специалистов в отношении аффикса *-а-* нет единства взглядов, как и в отношении форм *-лан-* и *-лаш-*. Еще Г. Рамстедт в своей ранней работе, посвященной глагольным основам в тюркских и монгольских языках, признавая самостоятельность аффикса *-а-*, вместе с тем допускал для ряда случаев

---

[1] Н. К. Дмитриев, В. М. Чистяков, Н. З. Бакеева, *Глаголы речи (verba dicendi) в языках тюркской группы,* — сб. «Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе», М., 1952, стр. 205; см. также: Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке,* М.—Л., 1954, стр. 127.

[2] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка,* М.—Л., 1948, стр. 178.

развитие данной формы от формы *-ла-* и некоторых других. Это и привело автора к выводу о том, что «тюркские отыменные основы на *-а-* имеют разное происхождение»[3]. В новейшем издании второй части «Введения в алтайское языкознание» Г. Рамстедт признал аффикс *-а-* в качестве особого самостоятельного показателя отыменных глаголов[4].

По-видимому, независимо от Г. Рамстедта аналогичную точку зрения высказал и наш советский тюрколог А. Г. Гулямов в своей работе об аффиксе *-ла-*[5]. Н. А. Баскаков вообще отвергает морфологическую независимость формы *-а-*, во всех случаях возводя ее к аффиксу *-ла-*[6], что, однако, невозможно принять, так как аффикс *-ла-* — продуктивный, аффикс же *-а-* — непродуктивный. Преобладающее большинство тюркологов рассматривают форму на *-а-* как независимую от других и относят ее к разряду непродуктивных[7], за исключением отдельных авторов, занимающих в интерпретации основных понятий глаголообразования (продуктивность-непродуктивность, первообразный глагол, корневой глагол и др.) особую позицию[8].

В непродуктивных формах азербайджанского глаголообразования существует та же система значений именных основ, что и в продуктивных формах.

Большая часть глаголов на *-а-* в азербайджанском языке образована от основ со значением названия процесса и особенно состояния, меньшая часть — от основ, означающих результат

---

[3] G. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen,* — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXVIII, Helsinki, 1912, § 96.

[4] G. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft,* Bd 2. *Formenlehre,* Helsinki, 1952.

[5] А. Г. Гулямов, *Об аффиксе -ла- в узбекском языке,* — «Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института», вып. 1, 1947.

[6] Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык,* т. II. *Фонетика и морфология,* ч. I (*Части речи и словообразование*), М., 1952.

[7] «Грамматика алтайского языка», Казань, 1869, § 73; Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке,* стр. 126—128; Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка,* М.—Л., 1940, стр. 130; Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка,* М.—Л., 1941, стр. 142; В. М. Насилов, *Грамматика уйгурского языка,* М., 1940, стр. 76; «Азәрбајҹан дилинин грамматикасы», I hissə, Бакы, 1951, с. 171; А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка,* М.—Л., 1941, § 130; А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка,* Ташкент, 1948, § 253; «Қазіргі қазақ тілі», Алматы, 1954, б. 284; J. Deny, *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli),* Paris, 1920, § 846, 847; V. H. Hagopian, *Ottoman-turkish conversation-grammar,* London—Heidelberg, 1907, § 278; J. Németh, *Türkische Grammatik,* Berlin—Leipzig, 1917, S. 93; M. Horten, *Kleine türkische Sprachlehre,* Heidelberg, 1916, S. 47; см. также A. C. Emre, *Türk dilbilgisi (Türkçenin bugünkü ve geçmişteki gelişmeleri üzerine gramer denemesi),* Istanbul, 1945, s. 121; B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme,* Istanbul, 1942, s. 292, 298.

[8] Б. Б. Кульмагамбетов, *Аффиксальное образование глаголов в современном казахском языке,* автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1955.

или его признак, а также объект, и совершенно незначительная часть — от основ со значением орудия и формы. Заметную величину среди основ составляют подражательные слова, которые по общей семантике относятся к основам с процессуальным значением (см. аффикс *-да-*, стр. 200, 201). Следовательно, число основ с процессуальным значением возрастает еще больше.

В глаголах на *-а-* других тюркских языков наблюдается то же отношение в значениях основ: больше всего основ со значением названия процесса, меньше — со значением результата или его признака, а также признака, и совсем немного основ с остальными значениями. Отсюда можно заключить, что намечаемое соотношение в значениях именных основ является общетюркским.

Таким образом, ведущим в отыменных глаголах на *-а-* является обозначение названий процессов, результатов и признаков, т. е. господствующее положение в них занимают основы, индифферентные к значению переходности или непереходности и могущие служить источником как переходных, так и непереходных глаголов.

Поскольку аффикс *-а-* мог образовать и переходные и непереходные глаголы (о чем подробнее см. ниже), то противоречие, действовавшее в форме глаголообразования на *-ла-*, с еще большей силой должно было обнаружиться в глаголообразовании на *-а-*, в котором преобладают основы с процессуальным значением. Если учесть, что глаголообразование в тюркских языках с появлением аффикса *-ла-* развивалось дальше за счет создания производных форм, заранее обладавших непереходным (аффиксы *-лан-* и *-лаш-*) или переходным значением (аффиксы *-лат-*, *-ландыр-*, *-лашдыр)*, то становится ясным, что форма на *-а-* должна была отмереть, будучи вытесненной более гибким и богатым по своим словопроизводным возможностям аффиксом *-ла-* и его производными.

Группировка глаголов с аффиксом *-а-* по значениям их основ

1. Глаголы с основами, означающими название процесса, в том числе состояния:

гынамаг 'хулить', 'хаять', 'осуждать', 'упрекать' (так же в туркменском) — от основы *гын*, не сохранившейся в азербайджанском языке, но встречающейся в других языках; ср., например, чув. *хĕн* 'страдание', 'недуг', 'болезнь', 'мучение', 'несчастье', 'гнет', 'подневольный труд', *ҫуп* 'мучение', 'страдание' (KW, 206), *қыйын* в других языках, в которых, как и в чувашском, также не сохранилось значение *гын*~*қыйын*, соотносительных со значениями глагола *гынамаг,* но имеется

глагол *қыйна-* со значением «мучить», «пытать», «истязать» (казах., узб., тат.: «бить», «избить», «колотить») [9];

көјшәмәк//көвшәмәк 'жевать', 'пережевывать'— от существительного *көјүш* 'жвачка'; ср. туркм. *гөвүшемек* 'пережевывать жвачку'— от *гөвүш* 'жвачка';

күчәнмәк 'тужиться', 'напрягаться' — от существительного *күч;* исходной формой данного глагола является глагол *күчә-*, который не сохранился в азербайджанском, но имеется в других тюркских языках, например в киргизском *күчө-* 'усиливаться', 'забрать силу' с непереходным значением, а в Atebet., Fihr. (XLI) и Przekł. Koranu (83: *güžä-*) с переходным значением «принуждать», «заставлять силой»;

ојнамаг 'играть', 'играться', 'тешиться', 'забавляться', 'проводить время в потехе', 'заниматься чем-либо от скуки, безделья'; 'танцевать', 'плясать' и ряд других значений; основа глагола—существительное *ојун* со значениями «игра», «представление (театр.)», «танец» и т. д.;

санамаг 'считать', 'подсчитывать'—от существительного *сан* 'счет', 'число', образованного от ныне неупотребительного глагола *са-* 'считать' при помощи аффикса *-н* (ср. *sa-* 'считать', Малов, Пам., 418). Глагол *сана-* известен и во многих других тюркских языках; ср., например, тат. *сана-* 'считать', 'сосчитать' и в том же значении в армяно-коман. (Deny, 69), в Atebet. (Fihr., LIV);

сынамаг- 'испытывать', 'пробовать', 'вкушать'—от **сын*, сохранившегося в казахском: *сын//сынақ* (<*сына-*) 'испытание';

јашамаг 'жить', 'существовать', 'обитать'—от существительного *јаш* 'возраст', 'года', 'лета'[10].

Радл., Сл.: *өртә-* (чаг.) 'поджечь', 'палить'; 'дразнить', 'раздражать' (I, 1235), *өрттө-* (алт., тел., казах.) 'зажечь' (I, 1237), хак. *өрте-*, узб. *ўртамоқ*, казах. *өрте-*, ئورتە (Houtsma, 56), *örte-* (Atebet., Fihr., LI)—все со значением «жечь», «поджигать», якут. *өртөө-* 'выжигать', 'опаливать'—от существительного *өрт* 'пожар';

---

[9] Предлагаемая этимология для основы * *гын* возможна, поскольку фонетических препятствий для перехода *гыйын* в *гын* в азербайджанском языке не имеется (ср., например, стяжение комплекса *-ыјы-* в *-ы-* в средней позиции: *быг* — из *быјыг*, в других тюркских языках *быйық||мыйық*), а семантически значения *гына-* и *қыйна-* сближаются. И тем не менее данная этимология небезупречна, поскольку все глаголы, образованные от *кыйын* 'страдание', 'мучение', 'пытка' при помощи аффикса *-а-*, имеют единое значение «мучить», «истязать», «бить», «избивать», тогда как ни одного из этих значений в азербайджанском глаголе *гына-* не имеется.

[10] О семантических связях корня *јаш* см.: A. Zajączkowski, *Remarques concernant les études sémantiques turques,* — «Rocznik Orientalistyczny», t. XV, Kraków, 1949, p. 146—150. См. также A. Zajączkowski, *W sprawie badań nad semantyką turecką,* — «Sprawozdania z posiedzeń Komisji językowej Towarzystwa naukowego warszawsiego», t. III, wydział 1, Warszawa, 1949, s. 155—167.

ӧцӓ- (уйг.) 'враждовать'—от существительного *ӧц* 'вражда', 'месть' (I, 1288); данный глагол лежит в основе азербайджанского *өчәшмәк* (взаимная форма) 'враждовать';

тур.: *harcamak* 'расходовать', 'тратить' - от существительного арабского происхождения *harç* 'трата', 'расход';

kağşamak 'обрушиваться с треском', 'опускаться', 'грозить падением'; 'стареть', 'дряхлеть'—от существительного *kağış* 'грохот', 'треск', 'лязг';

казах.: *жұта-* 'лишаться скота' (из *джута*); *метаф.* 'чувствовать острый недостаток в чем-нибудь'—от существительного *жұт* 'джут', 'массовый падеж скота';

хак.: *сарна-* 'петь'—от существительного *сарын* 'песня'; ср. в армяно-коман. *sarna-* 'читать' (Deny, 69);

тӱзе- 'присниться', 'видеть во сне'—от существительного *тӱс* 'сон', 'сновидение';

KW: *saγyša-* 'намереваться'—от *saγyš* 'намерение' (212);

Ettuhfet.: *yoka-* 'искать', 'проверять' (Dizin, 287);

Малов, Пам.: *syγ(y)ta-//syqta-* 'сильно плакать'—от существительного *syγyt* 'плач', 'рыдание' (424).

2. Глаголы с основами, используемыми в значении п р и з н а к а п р о ц е с с а - р е з у л ь т а т а:

бошамаг 'давать жене развод'—от прилагательного *бош* 'пустой', 'незанятый', 'свободный'. Глагол *боша-* известен во многих тюркских языках, ср., например, туркм. *бошамак* с непереходным значением «освобождаться», «пустеть», тур. *boşamak*, Ettuhfet. *boşa-* (Dizin, 155, Battal, *boşamak*, 21);

узб.: *бошамоқ* 'дать жене развод';

Abu. Hay.: *boşadı* (21) 'он отделил (свою жену), оставил (ее) свободной';

туркм.: *бāямак* 'делаться, становиться самостоятельным, богатым'—от *бāй* 'богатый', 'состоятельный';

боламак 'изобиловать'—от прилагательного *бол* 'обильный', 'достаточный';

галңамак 'толстеть', 'становиться толстым (о слоях)'—от прилагательного *галың* 'толстый';

кемемек 'уменьшаться', 'убывать'—от *кем* 'мало';

сабамак 'очищаться', 'быть очищенным', 'выкристаллизоваться', 'иссякать'—от заимствованного из арабского прилагательного *сап* 'чистый', 'прозрачный', 'ясный';

тур.: *bunamak* 'впадать в детство', 'становиться слабоумным', 'выживать из ума (от старости)'; ср. *bön* 'глупый', 'слабоумный', 'глупец', 'идиот';

узб.: *галдирамоқ* 'запутаться', 'сбиваться с толку'—от существительного *галдир* 'простофиля';

силамоқ 'поглаживать', 'гладить'—от существительного

*сил, которое восстанавливается из прилагательного *силлик* 'гладкий', 'полированный', 'шлифованный', 'чисто отделанный'. Возможно, что с этим *сил* следует сопоставлять азерб. *сығамаг* 'делать массаж', 'массировать (живот, горло)', тур. *sığamak* 'гладить', 'проводить (рукой)', *sıvamak* 'обмазывать гипсом, известью', 'штукатурить', 'покрасить', 'побелить'; ср. еще тат. *сыла-* 'мазать', 'лепить', 'делать массаж', 'натирать', кирг. *сыла-* 'гладить', 'ласкать', казах. *сыла-* 'обмазывать', 'массировать'. Если верно данное сопоставление, то к числу глаголов на *-а-* мы отнесем все приведенные формы с основами *сыл//сил//сығ//сыв*, образованными от **сы-* при помощи именных аффиксов *-л*, *-г* (т. е. типа *сыға-л* 'лоск' и общетюрк. *ба-ғ* 'связь');

казах.: *мөлдіре-* 'быть прозрачным, чистым'—от *мөлдір* 'прозрачный', 'чистый';

түзе- 'ровнять'—от прилагательного *түз*, известного в ряде языков со значением «ровный», «гладкий», «прямой», «правильный»;

кирг.: *чыңа-* 'укреплять', 'делать крепким, стойким'—от прилагательного *чың* 'крепкий', 'сильный';

тат.: *төзә-* 'целить', 'целиться', 'прицеливаться', 'наводить (винтовку, орудие)', 'метить'—от прилагательного *төз* 'прямой', 'меткий';

өстә- 'прибавлять', 'добавлять', 'набавлять', 'дополнять'—от существительного *өст* 'верх', 'вершина', 'поверхность', 'верхняя часть';

Atebet. Fihr.: *te͡nge-* (LXI) 'сравнивать'—от *te͡ng* 'равный', 'подобный', 'парный';

якут.: *бергее-* (*бергие-*) 'усиливаться'—от **берк* 'сильный', ср. *берке* 'очень сильно';

кэҥээ- 'делаться широким', 'расширяться', 'раздаваться', 'увеличиваться'—от прилагательного **кэҥ//киэҥ* 'просторный', 'обширный', 'пространный';

чугаһаа- (*учугаһаа-*) 'приближаться', 'подходить', 'подъезжать', 'подплывать'—от прилагательного *чугас* 'близкий'.

3. Глаголы с основами, обозначающими результат:

ганамаг 'кровоточить', 'показываться (о крови)', 'появляться (о крови)'—от существительного *ган* 'кровь'; глагол *гана-* в той же форме (*қана-*, *кана-*, *капа-*) и с тем же значением имеется также в туркменском, турецком, татарском, узбекском (*қонамоқ*), казахском, киргизском, каракалпакском и других языках. В хакасском языке глагол с данным значением образован с аффиксом *-ла-* (*ханна-<ханла-*). В тувинском языке имеются параллельные глаголы на *-а-* и *-ла-* (*хана-*, *ханна-*—из *ханла-*) –оба со значением «пускать кровь»;

дишәмәк 'зазубривать'—от существительного *диш* 'зуб', 'зубец' и некоторые другие значения. Глагол *дишә-* известен в большинстве тюркских языков, где он имеет как переходные, так и непереходные значения. Переходные значения отмечаются в ряде языков: туркм. *дӣшемек* 'точить (зубчатый инструмент)', 'фрезеровать', узб. *тишамоқ* 'точить зубья пилы', тат. *тешә-* 'зубрить (серп, жернов)'; непереходные значения имеются в казах. *тісе-* 'выпадать (о молочных зубах)', кирг. *тише-* с тем же значением, тув. *диже-* 'выпадать (о молочных зубах)', 'появляться (о постоянных зубах)';

Радл., Сл.: *ӓрӓ-* 'возмужать', 'достигнуть возраста взрослого мужчины'—от существительного *ӓр* 'муж', 'мужчина' (I, 755);

тур.: *oramak* 'окапывать рвом'—от существительного *or* 'ров', 'канава', 'яма', 'земляной вал', 'окоп';

tozamak//tozutmak 'поднимать пыль', 'пылить'—от существительного *toz* 'пыль';

узб.: *довдирамоқ* 'опешить', 'растеряться'—от прилагательного *довдир* 'ненормальный (человек)';

Abu-Hay.: *qulnadı* (81) '(кобыла) ожеребилась'.

4. Глаголы с основами, обозначающими предмет действия:

ата- (Радл., Сл., I, 452), кирг. *ата-*, хак. *ада-*, Atebet., Fihr. *ata-* (13), Ettuhfet. *ada-* (Dizin, 136), Izbud. *ayamak* (6)—все со значением «называть», «давать имя» (у Радлова еще «назначать», «обозначать», «обручать», «обещать»)—от существительного *ад//ат* 'имя', 'название';

гапамаг 'закрывать', 'затворять', 'закупоривать', 'замыкать'—от существительного *габ~гап*, сохранившегося в ряде тюркских языков (турецком, туркменском, татарском и др.) со значением «мешок», «чехол», «покрышка», «сосуд», а также с некоторыми другими значениями; азерб. «сосуд», «футляр»;

өдәмәк 'удовлетворять', 'исполнять', 'выполнять', 'погашать', 'возмещать'—от существительного *уд* со значением «заем», «долг» (Буд., I, 118, со ссылкой на чагат.);

јаламаг 'лизать', 'слегка касаться', 'слегка задевать'—от существительного *јал* 'жидкая пища', 'месиво (для собак)'; ср. данный глагол с *јалламаг* 'кормить собак жидкой пищей';

Радл., Сл.: *аша-* 'кушать', 'есть' (I, 587, 588); глагол *аша-* с тем же значением известен во многих тюркских языках: узб.—«есть», «кушать руками или из чьих-либо рук»; тат.—«есть», «кушать», «хлебать (жидкую пищу)», «разъедать (кислотой)», «размывать», «подмывать (водой)», «подтачивать»; казах. *ет аса-* 'принимать мясо из руки угощающего'; кирг.—«вкушать», «есть (закладывая в рот помногу)»; якут. *ahaa-*

'есть', 'кормиться', 'кушать', 'принимать пищу', 'обедать', 'закусывать' — от *ас* 'пища', 'еда', 'кушанье' — и в некоторых других языках. Глагол *аша-* в отличие от общетюркского *е-//же-//же-//йи-* и т. п. с его единым значением «есть», «кушать» сложился в тюркских языках уже после их разделения, что и обусловило развитие особых значений данного глагола в каждом тюркском языке;

туркм.: *отамак* 'окучивать', 'полоть' — от существительного *от* 'трава'. Глагол *ота-* известен почти во всех тюркских языках (турецком, узбекском, казахском, киргизском, татарском, хакасском, каракалпакском) и имеет переходное значение, тогда как однокоренной глагол *отла-//отта-* и в других формах, образованный при помощи аффикса *-ла-*, имеет непереходное значение «пастись»;

казах: *міне-* 'устранять недостатки, шероховатости'; *метаф.* 'выявлять недостатки', 'устранять недостатки', 'критиковать' — от существительного *мін* 'недостаток', 'дефект', 'шероховатость';

якут.: *бултаа-* 'добывать', 'добывать ловлей, охотой'; 'промышлять', 'охотиться' — от существительного *булт* 'добыча', 'промысел', 'ловля дичи' (от глагола *бул-* 'находить', 'доставать');

Малов, Пам.: *топа-* 'одевать' — от существительного *топ* 'одежда' (432);

KW.: *čine-* 'вышивать шелком' (75) — от **čin* 'шелк'; этого слова в «Codex» нет.

5. Глаголы с основами, означающими орудие, материал:

диләмәк 'желать', 'просить', 'умолять' — от существительного *дил* 'язык'. Глагол *дилә-//тила-//тіле-* известен с тем же значением в большинстве тюркских языков, в ряде случаев отмечается еще значение «искать», для хакасского являющееся основным; глагол *тиле-* встречается также в памятниках тюркской письменности с древнейших времен: ср. *tilä-* 'желать' (Малов, Пам., 430, со ссылкой на памятник в честь Тоньюкука, «Кутадгу билиг», Рабгузи и др.), *tile-* 'желать', 'искать' (Atebet., Fihr., LXIII), *tilä-* 'искать', [illegible] (Houtsma, 68);

Радл., Сл.: *äзä-* (тел., куманд., из *äс+ä-*) 'вспоминать', 'припоминать' — от существительного *äс* 'ум', 'память' (I, 8[illegible]8);

туркм.: *агзамаг* 'упоминать', 'говорить о ком-либо' — от существительного *агыз* 'рот', 'уста';

елмемек 'приклеивать', 'склеивать', 'наклеивать', 'прилеплять' — от существительного *елим* 'клей', 'гуммиарабик';

омзамак 'напирать плечами', 'проталкиваться', 'энергично продвигаться', 'просовываться'—от существительного *омуз* 'плечо', 'плечи';

казах.: *қына-* 'крепко прижимать', 'плотно охватывать', 'сделать в обтяжку'—от существительного *қын* 'ножны'; тот же глагол в киргизском языке имеет еще дополнительное значение—«наложить отделку»;

хак.: *сине-* 'мерить', 'измерять кого-, что-либо', 'примерять что-либо'—от существительного *син* 'мера', 'размер', 'пора', 'время', 'возраст', 'уровень' (из араб. *син* 'возраст');

тув.: *дажа-* 'бросать', 'кидать'—от существительного *даш* 'камень'; но глагол *дашта-*, образованный от того же корня *даш* при помощи аффикса *-ла-*, означает, как и в азербайджанском, «мостить (камнем)»;

Atebet, Fihr.: *an͡ga-//on͡ga-* 'понимать', 'знать'—от существительного *an͡g* 'сознание' (Fihrist, III, L); учитывая, что общетюркским глаголом со значением «понимать» в современных языках является *аңламак//анламақ* и т. п., образованный при помощи аффикса *-ла-*, приведенную форму можно рассматривать в качестве более ранней.

6. Глаголы с основами, означающими место, а также форму, вид, время:

туркм.: *янамак* 'останавливать животное около забора и т. п., чтобы сесть на него'; *метаф.* 'приставать', 'преследовать', 'придираться'—от *ян* 'бок', 'сторона';

казах.: *орна-* 'укрепляться на месте', 'заселяться'—от существительного *орын* 'место'; *orna-* (от *orun* 'место', KW, 179) 'жить', 'обитать' (там же);

азерб.: *бәнзәмәк* 'походить', 'быть похожим', 'смахивать на кого-, что-нибудь', 'быть подобным'—от существительного *бәниз* 'лицо'; глагол известен в туркменском (*мәңземек*), турецком, гагаузском и некоторых других тюркских языках; ср. еще *täңzä-* с переходным значением «сравнивать», «уподоблять» (Малов, Пам., 400);

казах.: *түне-* 'ночевать', 'проводить ночь'—от существительного *түн* 'ночь'. Глагол *түне-* с тем же или весьма близким значением известен также в киргизском, узбекском, каракалпакском, хакасском, древнеуйгурском (*tünä-*, Малов, Пам., 435), Przekł. Kalili i Dim. (122: *tüne-*) и в некоторых других языках.

Сравнивая основы приведенных глаголов с аффиксом *-а-*, можно заметить, что абсолютное большинство их представляет односложные основы-корни (*бол, гын, бош, ган, ӓр, гап, дил, гурд, диш, күн, даш, äс, өн, өд, сын, јал, јаш, аш, öрт, от, бай, ян, тоз, берк, сил, жұт, қын, мін, түз, түш, түн,*

чың, *өст*, *син*, *teng͡*, *toz*, *yok*, *кэҥ*, *bön*, *ang͡*, *or*), в отдельных случаях—односложные или двусложные основы древнего образования (*сан*, *булут*>*булт*, *sγγt*, *čin*, *saγyš*, *kağış*) или весьма древние двусложные основы, не поддающиеся разложению (*бәниз*, *көjүш*, *ojун*, *ағыз*, *галың*, *омуз*, *орун*, *елим*, *сарын*, *qulun*). Лишь в единичных случаях можно отметить арабские или иранские основы (как, например, иранск. *кем* и араб. *сап* в туркменских глаголах *кеме-* и *саба-*; араб. *harc* в турецком глаголе *harcamak*). Приведенные нами примеры не исчерпывают всего состава глаголов на *-а-* в азербайджанском языке и тем более в остальных языках тюркской группы. Но соотношение представленных выше основ является в общем правильным: древнейших именных корней—максимальное число, производных имен—минимальное число, заимствования встречаются в единичных случаях (в азербайджанском языке в глаголах на *-а-* они почти не наблюдаются).

Таким образом, для большинства тюркских языков глаголы на *-а-* могут считаться не только непродуктивными, но и архаичными. Исключение составляют лишь некоторые старописьменные языки (например, туркменский и турецкий), в которых глаголообразование в форме на *-а-* прекратилось лишь в эпоху, близкую к современной.

На большой исторический возраст глаголов с аффиксом *-а-* указывают также их значения. Среди глаголов на *-а-* имеется значительное число слов с весьма обобщенной семантикой, что свойственно глаголам древнего образования. Как известно, наиболее абстрактные значения встречаются в коренных односложных глаголах, а также морфологически неразложимых глаголах с бóльшим числом слогов. И те и другие относятся к древнейшей части тюркской лексики. Из предыдущего изложения выяснилось, что глаголы с абстрактным значением образуются также при помощи аффиксов *-ла-* (*-лан-*, *-лаш-*, *-лат-* и т. п.), но от именных основ с отвлеченным значением, например от арабских масдаров (глагольных имен), тюркских имен действия и прилагательных. Некоторая часть глаголов на *-а-* также образована от прилагательных. Таковы глаголы *бошамаг* 'дать жене развод', *боламак* 'изобиловать', *галҥамак* 'толстеть', 'становиться толстым', *сабамак* 'очищаться', *мөлдіре-* 'быть прозрачным', *түзе-* 'ровнять', *чыҥа-* 'укреплять'. Значения приведенных глаголов достаточно абстрактны и обусловлены прежде всего абстрактным значением их именных основ. Но, помимо них, имеются и другие глаголы на *-а-* с отвлеченными значениями, которые, однако, непосредственно не вызваны значениями именных основ, поскольку последние в общем конкретнее производных глаголов. К таким глаголам относятся: *örtä-* 'поджигать', 'палить' — от

ӧрт 'пожар', *јашамаг* 'жить', 'существовать' — от *јаш* 'возраст', *өстә-* 'прибавлять', 'дополнять', — от *өст* 'верх', 'вершина', *гапамаг* 'закрывать', 'затворять' — от *гап* 'покрышка', 'сосуд', *дилəмək* 'желать', 'просить'— от *дил* 'язык', *агзамак* 'поминать', 'говорить о ком-либо' — от *агыз* 'рот', *дажа-* 'бросать', 'кидать' — от *даш* 'камень', *орна-* 'заселяться' — от *орын* 'место', *қына-* 'крепко прижимать', 'плотно охватывать'— от *қын* 'ножны', *омзамак* 'проталкиваться', 'энергично продвигаться'— от *омуз* 'плечо', 'плечи'. Во всех этих глаголах их абстрактные значения выработались в результате эволюции первоначально двусоставного значения путем постепенного обобщения и в дальнейшем отпадения конкретного ограничительного значения имен, выраженных основами («пожар», «вершина», «язык», «рот» и т. д.).

Переходных глаголов на *-а-* больше, чем непереходных, но в общем отношение первых ко вторым едва ли превышает 10 : 7. Однако существенного значения эта пропорция не имеет, так как и в глаголах на *-а-* переходные и непереходные значения в некоторых случаях зависят от семантики основ. Так, от основ со значением предмета и орудия действия (в примерах — группы 4 и 5) образуются переходные глаголы. От значений других основ образуются как переходные, так и непереходные глаголы, причем дифференциация этих значений в зависимости от активности и пассивности среди глаголов на *-а-* не наблюдается. Можно даже отметить случаи, когда один и тот же глагол в одном языке имеет переходное, а в другом — непереходное значение. Ср., например, уже приводившиеся межтюрк. *қана-* 'кровоточить' с непереходным значением и тув. *хана-//ханна-* < *ханла-* 'пускать кровь' с переходным значением; кирг. *күчө-* 'усиливаться', 'забрать силу', но в Atebet., Fihr. этот глагол имеет переходное значение «принуждать», «заставлять силой». Таким образом, в глаголах на *-а-* состояние категории переходности и непереходности носит более неопределенный характер, и это обстоятельство должно было, как и в случае с глаголами на *-ла-*, сыграть большую роль в дальнейшей судьбе аффикса *-а-*.

Помимо приводившихся выше глаголов с аффиксом *-а-*, в азербайджанском, как и в других тюркских языках, можно выделить довольно большое число случаев, когда при помощи аффикса *-а-* образованы глаголы от подражательных слов. Так как подражательные глаголы, основы которых по общему их значению могут быть отнесены к обозначениям процессов, в грамматическом отношении ничем не отличаются от остальных глаголов, они должны рассматриваться среди глаголов с данным показателем. Выделение же их вызвано тем, что в научной литературе встречаются мнения, отвергающие существование под-

ражательных глаголов с аффиксом *-а-*. Например, В. Банг, специально занимаясь подражательными глаголами на *-қыр-*, попутно высказывал сомнение относительно возможности возведения некоторых из них к образованиям на *-а-*, предпочитая видеть в таких глаголах словопроизводный аффикс *-ра-* [11]. Скептическое отношение к подражательным глаголам на *-а-* замечается также у А. Г. Гулямова, который склонен соответствующие глаголы возводить к форме на *-ла-*, например: *гулдура-* < *гулдурла-* 'греметь', *шалдира-* < *шалдирла-* 'греметь', 'журчать' [12].

Наиболее серьезное теоретическое обоснование для положительного решения вопроса о том, возможно ли образование подражательных глаголов при помощи аффикса *-а-*, следует видеть в том, что подражательные глаголы могут образовываться не только при помощи специальных аффиксов (*-да-*, *-гыр-* и т. д.), но и при помощи многих глаголообразующих аффиксов вообще. Отметим, что подражательные основы в глаголах на *-а-* почти все без исключения имеют форму *-ыр*, которая обычно участвует в глаголообразовании с аффиксом *-да-*. Это обстоятельство, кажется, и составляет главное препятствие для признания аффикса *-а-* в качестве формы глаголов с подражательным значением. Особое значение аффиксов *-ыр//-ыл* в подражательных основах специально подчеркивалось Н. К. Дмитриевым, считавшим анализ их основной проблемой наряду с анализом других форм, образующих подражательные глаголы [13]. Между тем вопрос значительно упрощается, если принять во внимание роль аффикса *-а-* в системе глаголообразования, в основном совпадающую с ролью аффикса *-ла-*. Поскольку аффикс *-а-* создавал глаголы от тех же разрядов основ, что и аффикс *-ла-*, то среди различных глаголов образовались также подражательные формы [14], из числа которых можно привести следующие:

---

[11] W. Bang, *Vom Köktürkischen zum Osmanischen.* 2 Mitteilung. *Über einige schallnachahmende Verba,* — «Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, № 5, Berlin, 1919.

[12] А. Г. Гулямов, *Об аффиксе -ла- в узбекском языке.*

[13] N. K. Dmitrijev, *Beiträge zur osmanischen Mimologie,* — WZKM, Bd XXXIV, H. 1—4, Wien, 1927; *Skizze der südtürkischen Mimologie,* — WZKM, Bd XXVI, H. 1—2, Wien, 1929, S. 99.

[14] Словопроизводная роль показателя *-а-* в образовании подражательных глаголов учитывалась Н. И. Ашмариным, который этот аффикс приводит наряду с аффиксами *-ла-*, *-лат-* и другими («О морфологических категориях подражаний в чувашском языке», Казань, 1928, стр. 142—144).

На высокую производительность аффикса *-а-* обратил также внимание Ж. Дени. Он выдвинул мысль о том, что многие глаголообразующие аффиксы, в их числе и *-ла-*, восходят к глаголообразующему показателю *-а-* и образовались путем переразложения определенных глагольных основ, откуда в тюркских языках по аналогии образовались новые глаголы [например, *čik-ir-e-*>*čikre-*>*čik-re-*; *čat-ıl-a-*>*čatla-*>*čat-la-* и т. п. — См. J. Deny, *Principes de grammaire turque («Turk» de Turquie),* Paris, 1955, § 139, 142].

бүдрәмәк 'спотыкаться'—от основы *бүд-үр*, наличной в парном прилагательном *бүдүр-сүдүр* 'шероховатый'; ср. якут. *бүдүрүй-* 'спотыкаться';

титрәмәк 'дрожать', 'трястись'—от удвоенной подражательной основы **тиртир*[15]; глагол *титрә-* ср. с казах., кирг. *тітіре-*, *титире-* и фонетически более полной формой узб. *дилдира-* наряду с *титра-* 'дрожать'; таким образом, основой глагола является *дилдир//тилтир*, наряду с которой во многих тюркских языках существует исходная и более известная удвоенная форма *тиртир//тыртыр//дырдыр* или производная *тырыл-тырыл//дырыл-дырыл*, очень часто употребляющаяся перед глаголами *титре-* или *қалтыра-* для усиления значения «дрожать»; ср. узб. *дир-дир титрамоқ*, тур. *titril titril titremek* 'сильно дрожать', крым.-тат. *дыр-дыр къалтыра-* 'сильно дрожать', кирг. *дыр берип үрк-* 'шарахнуться в испуге' (Юдах., 219), тат. *дер-дер ит-* 'дрожать', 'трястись', тув. *дидирэ-* 'дрожать', 'трястись' из **дирдирэ-*, якут. *титир гын-* (где *гын-* — вспомогательный глагол со значением «делать») 'содрогнуться напряженно'[16] и т. д. На основании всех этих данных фонетически более полную форму рассматриваемого глагола следует представить в виде **тиртире-*, где корнем является подражательное слово *тир*, а основой — удвоенный корень *тиртир*;

казах.: *жалбыра-//желбіре-* 'развеваться', 'колыхаться'—от подражательной основы *жалбыр*, которая отдельно не употребляется, но реально имеется в составе парного прилагательного *жалбыр-жұлбыр* 'изодранный в клочья', 'оборванный', восходящего к подражательному слову. О реальности корня *жалб* (в составе *жалб-ыр*) можно судить по следующим глаголам: казах. *жалп-жалп ет-* 'продолжительно хлопать крыльями (о птице)', узб. *елпимоқ* 'опахивать', 'обмахивать (веером)', образованному от корня *елп* при помощи аффикса *-и-*, кирг. *желпи-* с тем же значением, кирг., казах. *желпилде-* (*желп-ил-де-*) 'развеваться', 'колыхаться', образованному от вторичной основы *желпил* (*желп-ил*) при помощи аффикса *-ла-*, тат. *җилбер-җилбер* в составе выражения *җилбер-җилбер килә* 'колышется (на ветру)', образованного

---

[15] Г. Рамстедт возводил рассматриваемый глагол к образованиям на *-ра-* от глагольной основы *тит-* 'расщипывать', 'теребить', имеющейся также в азербайджанском языке (*дидмәк*) со значением «терзать», «теребить», «трепать», «рвать», «щипать» (шерсть, пух, кожу зубами, клювом), «клевать», «дергать», «расчесывать». Хотя между значениями *титрә-* и *тит-* имеется каузативная связь (см. стр. 429—434 наст. изд.), но: 1) глагол *титрә-* восходит к *титирә-*, 2) его подражательная основа в свою очередь восходит к **тиртир*, что в совокупности отклоняет этимологию Г. Рамстедта (G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, S. 34).

[16] Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке*, стр. 299.

из вторичной основы того же корня *жилб* путем наращения его аффиксом *-ир*, алт. *ялбыракта-*, образованного при помощи аффикса *-ла-* из отглагольного имени *ялбырак*, в свою очередь произведенного от глагола в форме на *-а-*, т. е. *ялбыр-а-*, и т. д.;

тур.: *yıldırmak* 'сверкать', 'сиять', 'блистать'—от вторичной подражательной основы *yıldır*, не сохранившейся в турецком языке, но известной в других языках; подражательное происхождение *yıldırmak* в турецком уже затемнено, объективным показателем чего является озвончение *t* в *d* (*yıltır*>*yıldır*), но оно вполне ощутимо, например, в крым.-тат. *ялт-ялт ялтыра-* 'ярко сиять', чув. *ялт* — подражание быстрому, порывистому движению, *ялтăра-* 'блестеть', 'блистать', 'светиться', казах. *жылт-жылт ет-* 'сверкать', 'поблескивать', 'мерцать', в субстантивированном *жылтыр* (<*жылт-ыр*) 'блеск', 'лоск', 'глянец', *жылтыра-* 'светить', например: *алыста от жылтырайды* 'вдали светит огонек', кирг. *жылт жулт эт-//жалт- жулт эт-* 'поблескивать', *жалтыра-//жылтыра-* 'блестеть', 'сверкать', узб. *ялт этиб* 'поблескивая', 'сверкая' и т. д.;

узб.: *гулдурамоқ* 'греметь', 'громыхать'—от подражательной основы вторичного порядка *гулдур-гулдур*, имитирующей грохот, громыхание;

жавдирамоқ 'искриться', 'сверкать', 'блестеть' (о глазах) —от вторичной подражательной основы *жавдир-жавдир*, звукоописующей быстрые движения высматривающих глаз;

инграмоқ//инкилламоқ 'тихо стонать', в языках южной группы — *инле-* или *инилде-* (азербайджанский, турецкий), но в туркменском — *ыңранмак* 'реветь', 'мычать'//*эңремек* 'плакать', 'кричать', 'визжать', 'ныть'; ср. также *ӣңлемек* 'стонать', 'рыдать', 'жаловаться'; 'звучать', 'издавать звуки'; казах. *ыңқыл* 'стон', представляющее собой субстантивацию (или именной омоним) вторичной подражательной основы, затем образованный отсюда при помощи аффикса *-ла-* глагол *ыңқылда-*, киргизский составной глагол *ыңк эт-* 'стонать', аффиксальные глаголы *ыңқылда-* 'стонать', *ыңғыран-* 'тихо стонать' и т. д.; таким образом, из приведенного сравнительного материала нетрудно восстановить подражательный корень **ин//иң//эң//ың*, а также его наращенную форму *ыңк*, от которой образовалась приведенная именная основа *ыңқыл* и другая фонетическая разновидность той же основы *ыңқыр* или узбекские глаголы *ингир-//инқил-*, сложившиеся на базе перечисленных вторичных подражательных основ: первый (*инг-ир-а-*) — при помощи аффикса *-а-* и второй (*инк-ил-ла-*)— при помощи аффикса *-ла-*;

сирқирамоқ 'мозжить', 'давать ощущение ноющей тупой боли'—от подражательной основы *сирқ* с субстантивированным значением «тупая боль, дающая о себе знать», «нытье»; казахский глагол *сырқыра-* со значением «ломить», «ныть (о боли)» образован от вторичной основы подражательного корня *сырқ* (где *қ* — количественный модификатор при подражательном корне), т. е. *сырқыр*; другое образование — от *сырқ*, а именно прилагательное *сырқау* 'больной', 'хворый' (кирг. *сыркоо* 'болезнь'), позволяет восстановить глагол *сырқа-* 'болеть', 'хворать', образованный при помощи того же аффикса *-а-* от подражательного корня *сырқ*;

казах.: *салдыра-* 'грохотать', 'громыхать'—от вторичной подражательной основы *салдыр*, которая имеет субстантивированное значение «шум», «грохот» и вместе с *гүлдір* (*салдыр-гүлдір*) означает «сильный грохот»;

кирг.: *күркүре-* 'греметь', 'грохотать'; 'хрюкать'—от удвоенного подражательного корня *күр*, имитирующего гром, грохот и широко известного в большинстве тюркских языков; от корня *күр//гүр* или *гул* (ср. узб. *гул-д-ир*) образовались глаголы *гүрле-*, *гүрүлде-* 'греметь', 'грохотать', известные в некоторых огузских (азербайджанский, турецкий) и кыпчакских (крымско-татарский, каракалпакский и др.) языках;

кыңгыра- 'бренчать', 'звякать' — от вторичной подражательной основы *кыңгыр* (состоящей из корня *кың* и аффикса *-гыр*, представляющего собой более древнее состояние показателя вторичной основы *-ыр*) с субстантивированным значением «звон», «лязг»; корень глагола *кыңгыр-* сохранился в парном *кыңк-кыңк* (где конечное *к* — количественный модификатор), также имеющем субстантивное значение «бренчание»;

хак.: *күгре-* (из *күг-ür-е-*)*//күзүре-* 'греметь', 'стучать', 'бренчать'—от подражательной основы вторичного порядка *күгүр//күзүр*, образованной от **күг//күз*; обе формы ср. с азербайджанским *күj* в составе *haj-күj* (где *haj* — субстантивированное междометие со значением «отклик», «помощь», «суматоха», «тревога») 'шум', 'крик', 'суматоха', 'переполох', 'тревога', с хак. *күзүрт-хазырт* (т. е. *күз-ür-т — хаз-ыр-т*, где хак. корень *хаз-* = азерб. *haj*) 'шум', 'гам', 'гром', 'стук', 'грохот', 'шумный', с кирг. *күү* 'разброд', 'разноголосица'; 'несогласие';

мүүре- 'мычать (о коровах, телятах)'—от подражательной основы вторичного порядка *мүүр*, восходящей к **мүңгүр*, которая имеется в казах. *мөңіре-* 'мычать', к.-калп. *монгре-*, туркм. *мөңре-*, др.- тюрк. *тӱңгä-* 'реветь', 'мычать' (об олене) (Малов, Пам., 402), узб. *маъра-* (<*манра-*) и т. д. В наиболее полной форме вторичная основа сохранилась в казах-

ском глаголе. Односложная подражательная основа **мӱнъ//мөң* (по-видимому, *мӱ-нъ//мө-ң*) не отмечается в словарях; в научной литературе предлагалась иная этимология рассматриваемого глагола: *муң-ре* [17]; что касается нашей этимологизации *мӱӱре-<мӱнъре-* с фонетической точки зрения, то стяжение групп «гласный+ң+гласный» в долгий гласный для хакасского языка является обычным; ср. *мӱӱс<мӱнъӱс* 'рог', 'рога', *наа<нанъа* 'новый', 'свежий' и т. д.;

сынъра- (*<*сынъыра-*) 'звенеть', 'звонить' (о звонке) — от вторичной подражательной основы *сынъыр* (*сынъ-ыр*), корень которой *сынъ* имеется в парном подражательном слове *сынъсанъ* 'динь-динь'; хак. *сынъра-* ср. с казах. *сыңғыр* 'лязг', 'эхо', *сыңғырла-* (*сың-ғыр-ла-*) 'издавать металлический звук', 'звенеть'; 'отдаваться', 'отозваться (эхо)';

тарсыла- 'звучать', 'издавать звук', 'шуметь', 'стучать', 'грохотать'—от вторичной основы *тарсыл*, которая имеется в казахском языке с субстантивированным значением «стук», «грохот», а односложный корень этой основы, т. е. комплекс *тарс*, имеется в киргизском языке со значением «стук!», «бряк!» и в производном глаголе *тарс эт-* 'сильно стукнуть', 'бахнуть', а также в парном существительном подражательного происхождения *тарс-турс//тарса-тарс* 'трескотня'; *тарс* имеется также в узбекском языке со значением 'треск', в тувинском в составном глаголе *даърс де-* 'треснуть', 'издать треск', 'грохнуть' и в других языках;

тибіре- 'шевелиться', 'двигаться', 'тронуться (о льде)'— от вторичной подражательной основы *тибір*[18]; глагол *тибіре-* широко известен в большинстве тюркских языков (казах. *тебірен-* 'шевелиться', тат. *тибрән-* 'чуть-чуть колыхаться', 'трястись', 'колебаться', узб. *тебранмоқ* 'двигаться', 'шевелиться', 'колебаться', 'колыхаться', 'качаться', азерб. *тәрпәнмәк* 'двигаться', 'колебаться', 'колыхаться', 'шевелиться', 'трястись', 'метаться', тур. *tepremek//teprenmek//tepreşmek* 'двигаться', 'колебаться', 'колыхаться', 'шевелиться', 'трястись', 'метаться', 'возиться' и т. д.);

нінъре- 'греметь', 'производить громкие звуки'—от вторичной подражательной основы *нінъир* (т. е. *нінъир-е->нінъре-*), корень которой *нінъ* сохранился в другом хакасском глаголе *нінъле-* (*<нінъ-ле-*) 'звенеть' и известен также и в некоторых других тюркских языках, например тур. *yankılamak* 'раз-

---

[17] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 851, 3 : *muñra-, mükrä-; mañga-, magra-*.

[18] Считая обоснованным предлагаемый морфологический анализ данного глагола, мы не исключаем и возможности иного объяснения глагола *тибіре-*|| *тепре-*, связав его с общетюркским глаголом *теп-* 'лягать', 'пинать'.

носить эхо'; *нінъре-* ср. с узб. *янғира-* 'звучать', 'раздаваться (о звуке)', тат. *яңыра-* 'звенеть', 'греметь', 'издавать звук', 'звучать', 'раздаваться', 'отдаваться' (о звуке), ср. еще *...jaryn jaŋrajur kičä käŋräńür tir* 'утром она плакала (о потере), а вечером она рыдала — говорят' [Малов, Пам., стр. 81_{34}; *jaŋra-* 'звучать', *jaŋγur-* 'звучать', 'раздаваться (о звуке)', 384].

Заканчивая обзор материала, относящегося к подражательным глаголам на *-а-*, остановимся вкратце также на случаях параллелизма форм *-а-* и *-да-* или *-ла-*:

туркм.: *гыжамак* 'скрежетать' (например, *диш гыжамак* 'скрежетать зубами'); ср. с *гыжырдатмак*, тур. *gicirdamak* 'скрежетать зубами'; в первом глаголе с аффиксом *-а-* подражательная основа *гыж*, во втором глаголе с аффиксом *-да-* та же основа, наращенная аффиксом *-ыр*;

пай(ы)рамак 'падать дождем (в большом количестве)'; 'быстро распарываться'—от вторичной основы *пайыр* и *пайырдамак* 'падать дождем'; 'скакать'; 'быстро распарываться'— от вторичной подражательной основы *пайыр*;

сам(ы)рамак//самырдамак 'бормотать во сне', 'бредить', 'говорить глупости', 'болтать'—от подражательной основы вторичного порядка *самыр*;

хыкыламак//хыкгылдамак 'ныть', 'стонать', 'охать'; в приведенной паре глаголов имеются параллельные основы вторичного порядка, образованные от корня *хык*, но в первом глаголе при помощи аффикса *-ыл*, во втором — при помощи аффикса *-еыл*; это довольно распространенная форма вторичной основы в туркменском языке; после *ң* и *н* начальный *г* этого аффикса переходит в *ң*, в связи с чем и *н* переходит в *ң*, например: *ыңңылдамак* 'стонать', 'издавать стоны, вздохи' из *ын-гыл-да-мак*; *шаңңырдамак* 'шуметь', 'звенеть' (от корня *шаң*, ср. *шаңламак* 'звенеть')<*шаң-гыл-да-мак* и т. п.; ср. также для данного фонетического явления *теңңе* (<*теңге*)//*теньга* 'мелкая серебряная монета различной стоимости', 'деньги', 'чешуя', *өңңүн* из *өңгүн* 'позавчера', *жеңң*<*женг* 'битва', 'бой', 'сражение'; сочетание *-ңк-* или *-нк-* в *-ңң-* не переходит, ср., например, *соңкы* 'последний'<*соң+кы*;

ырамак 'качать', 'шатать', 'колыхать', 'трясти', 'колебать' и *ыргылдамак* 'тихо качаться', 'трястись', 'медленно двигать', 'тихо течь', из коих первый образован от корня *ыр*, а второй — от его наращенной формы *ыргыл* с аффиксом *-гыл*;

казах.: *жалбыра* 'развеваться'; 'колыхаться', 'распускаться (например, о волосах)' и *желпілде-* 'развеваться', 'колыхаться', оба образованы от подражательного корня *жалб//желп*, но в первом случае с наращением *-ыр* и с глаголообразующим аффиксом *-а-*, во втором случае — с наращением *-іл* и глаголообразующим аффиксом *-де-*;

саудыра- 'греметь', 'звенеть', 'сыпаться со звоном'; с аффиксом *-ла-* — *саудырла-* 'говорить громко и безостановочно'; оба глагола образованы от вторичной подражательной основы *саудыр*, употребляемой в составе сложного глагола *саудыр ет-*, например, *бірдеме саудыр ете түсті* 'что-то упало со звоном';

судыра-//судырла-//судыр-судыр-ет- 'шелестеть', 'шуршать'; все три глагола образованы от подражательной основы *судыр* 'шелест', 'шуршание';

кирг.: *былжыра-* 'быть липким, хлюпким'; 'хлюпать'; *метаф.* 'говорить чушь' и *былчылда-* 'хлюпать'; 'пороть чушь'; корень обоих глаголов — подражательное слово *былч*; ср. *былч былч чайна-* 'жевать с хлюпаньем, с захлебом'; основа в глаголе с аффиксом *-а-* образована при помощи показателя *-ыр* (*быжчыр*), в глаголе с аффиксом *-ла-* при помощи *-ыл* (*былчыл*);

дирилде-//диркире- 'дрожать'; корень глагола — подражательное слово *дир* (о нем говорилось при анализе глагола *титрәмәк*), которое в первом глаголе (с аффиксом *-ла-*) имеет наращение *-ил*, а во втором глаголе (с аффиксом *-е-*) — наращение *-кир* (*-ир*);

зыңгыра- 'напевать вполголоса важно и монотонно (о мужчине, богатыре)', 'звенеть' и *зыңкылда-* 'верещать', 'визгливо плакать'; корнем обоих глаголов является подражательное слово *зың*, которое образует в киргизском языке подражательный глагол *зың эт-* 'звенеть'. Глагол *зыңгыра-* образован при помощи аффикса *-а-* от вторичной основы с наращением *-кыр*, второй глагол образован при помощи аффикса *-да-* от вторичной основы, но с наращением *-кыл*. Первое наращение является архаической формой аффикса *-ыр*, второе наращение — архаической формой аффикса *-ыл*;

ыркыра-//ырылда- 'рычать', 'ворчать'; основой глаголообразования в обоих словах являются *ыркыр* и *ырыл*, корень которых составляет подражание рычанию — «*ыр*»; первая основа произведена от *ыр* при помощи архаического наращения *-кыр*, вторая основа — при помощи наращения *-ыл*.

Как показывают примеры из киргизского языка, употребление глаголообразующих аффиксов *-а-* и *-ла-* здесь дифференцировано по основам: подражательные основы с наращением *-ыр//-кыр* сочетаются с аффиксом *-а-*, подражательные основы с наращением *-ыл//-кыл* сочетаются с аффиксом *-ла-*.

* * *

Махмуд Кашгарский в числе аффиксов отыменного глаголообразования приводит также показатель *-а-* (M. Kāṣgarī, I,

19), иллюстрируя его в дальнейшем многочисленными примерами, большинство которых помещено в третьей части словаря. Если учесть, что Махмуд Кашгарский из аффиксов глаголообразования называет всего лишь восемь форм (M. Kāşgarī, I, 19—22), в числе их и залоговые, то следует признать, что в его эпоху, т. е. в XI в., для известной части тюркских языков еще было живо представление о глаголообразующем значении этого показателя. Однако в примерах Махмуда Кашгарского нельзя найти ни одного глагола, образованного от заимствований из арабского или персидского языков, все они образованы от тюркских основ, подавляющее большинство которых составляют односложные или двусложные формы весьма древнего происхождения. Большая часть глаголов «Дивана» имеется и в современных тюркских языках, и они уже отмечались нами выше. Помимо них (а именно глаголов: *jaша-*, *ата-*, *ота-*, *аша-*, *күче-*, *түше-*, *тише-*, *тиле-*, *түне-*, *қана-*, *сана-*, *тепре-*, *қулна-*, *мүңре-*, *меңзе-~бензе-*, *орна-*), Махмуд Кашгарский приводит еще следующие глаголы в первой и третьей частях «Дивана»: *tebzedi* 'он позавидовал' (M. Kāşgarī, I, 19)—от *tebiz* 'завистливый' (Dizin, 592); *kubzadı* 'он сыграл на кобузе' (там же)—от *kubuz* 'кобуз' (Dizin, 372); *er kışlağda yazadı* 'человек провел весну на месте зимовья' (там же)—от *yaz* 'весна' (Dizin, 764); *ol et tuzadı* 'он посолил мясо' (M. Kāşgarī, III, 263)—от *tuz* 'соль' (Dizin, 665); *kızadı* 'он обесчестил' (M. Kāşgarī, 265)—от *kız* 'девушка' (Dizin, 325); *ol yaylağda küzedi* 'он провел осень на горном пастбище' (там же)—от *küz* 'осень' (Dizin, 403); *tőledi* '(овца) оягнилась' (M. Kāşgarī, III, 271)—от *től* 'плод' (Dizin, 645); *tiş çıkradı* 'зубы заскрипели' (там же); *arslan kökredi* 'лев зарычал' (M. Kāşgarī, III, 282); *yaşın yaşnadı* 'сверкнула молния' (M. Kāşgarī, III, 310)—от *yaşın* 'молния' (Dizin, 757); *bi yelnedi* 'вымя кобылицы набухло' (там же)—от *yelin* 'вымя кобылицы' (Dizin, 770); *ol çıŋğradı* 'он позвонил в колокольчик'—от подражательного слова *çıŋğ* (M. Kāşgarī, III, 402); *oglan üni koŋğradı* 'голос ребенка сделался грубым' (там же)—от *koŋğur* 'низкий (голос)' (Dizin, 344); *er maŋğradı* 'человек закричал' (там же) — от подражательного слова *maŋğır*.

Значения глаголов с аффиксом *-а-*

Источники значений, структура последних и их состав в глаголах с аффиксом *-а-* в принципе те же, что и в глаголах с показателем *-ла-*. Значение глагола в них также представляет продукт взаимодействия трех факторов: словарного значения

основы, особых отношений между основой и производным глаголом и собственного значения глаголообразующей формы.

Опуская вопрос о реально-вещественных значениях именных основ в глаголах с аффиксом *-а-*, остановимся вкратце на основных типах семантической структуры глаголов на *-а-*.

Как уже указывалось, господствующий тип именных основ в глаголах с показателем *-а-* — название процессов и в первую очередь состояний. Поэтому главным типом семантического строения в глаголах на *-а-* является первый тип, в котором процесс глаголообразования сводится к грамматическому преобразованию именного обозначения процесса в глагольное.

Единичными примерами представлен второй тип, в котором значение основы сливается со значением ведущей функции предмета (явления), обозначенным в основе, или же с общим значением становления («становиться, делаться чем, каким»), которое конкретизируется значением основы, например *қансыра-* (Радл., Сл., II, 130) 'окровавиться', 'иметь сильную потерю крови'. Именная основа здесь означает «без крови», «бескровный». Это значение сливается со значением становления, конкретизируя его. В хакасском глаголе *сине-* 'мерить', 'измерять кого-, что-либо' значение его именной основы *син* 'мера', 'размер', 'уровень' и т. д. слито со значением ведущей функции, свойственной предмету *син* 'мера'.

Третий тип семантической структуры представлен в бо́льшем числе глаголов. К ним относятся: *дишәмәк* 'зазубрить', туркм. *дӣшемек* 'точить (зубчатый инструмент)', 'фрезеровать' — от *диш, дӣш* 'зуб', 'зубец' — оба глагола с переходным значением; однако в казахском языке глагол *тісе-* — непереходный и означает «выпадать (о молочных зубах)»; в татарском языке он (в форме *теше-*) имеет и переходное («зубрить серп, жернов»), и непереходное («выпадать — о молочных зубах» и «появляться — о постоянных») значения; турецкий глагол *oramak* 'окапывать рвом' — от *or* 'ров', 'канава', 'яма', 'земляной вал', 'окоп'; общетюркский[2] глагол *ганамаг* 'показаться (о крови)', 'кровоточить' — от существительного *ган* 'кровь'; таково же значение туркм. *гӣнамак*, тур. *kanamak*, тат. *кана-* и др.; общетюркский глагол *qulna-* (Abu-Hay., 81) 'ожеребиться', который, однако, в других тюркских языках, как правило, образован при помощи аффикса *-ла-*: *қулунла-//қулунда-* — от существительного *қулун* 'жеребенок' (в азербайджанском — *гулун* 'только что родившийся жеребенок'). Ср. еще турецкий глагол (он имеется также в туркменском) *tozamak* 'поднимать пыль', 'пылить' и параллельный ему глагол *tozutmak* с тем же значением, но образованный при помощи аффикса с узким гласным (модификация аффикса *-а-*); основа глагола *tozamak* — *toz* 'пыль', — известная в немногих тюркских языках (огузские языки, а также

киргизский и некоторые другие), в большинстве же она имеет форму *тозаң//тозан,* образованную при помощи аффикса *-аң//-ан* от глагола *тоз-* (казах., узб., туркм.), или *тозун* (хак. *тозын,* тув. *доозун*), образованную от того же глагола при помощи того же аффикса, но с узким гласным. Глагол *тоз-* (омонимичный с упомянутым выше существительным *тоз* 'пыль') означает «распыляться» (кирг.), «подниматься (о пыли)» (тат.), а также «изнашиваться», «ветшать», «растрепаться» и т. д. От основы *тозаң//тозан* или *тозун* в ряде языков образовались глаголы *тозанла-* (туркм., хак. *тозанна-,* казах. *тозаңда-*) 'пылить', 'поднимать пыль' и *тозанлан-* (тат. *тузанлан-*) 'пылиться', 'запылиться', узб. *тузонланмоқ* 'распыляться', 'превращаться в пыль'.

В приводившихся глаголах с семантической структурой третьего типа основы их означают результат. В туркменском глаголе *гурдамак* 'очищать от червей' основа *гурд* 'червь' означает предмет действия, в глаголе *елмемек* 'приклеивать', 'склеивать', 'наклеивать', 'прилеплять' основа *елим* 'клей', 'гуммиарабик' означает средство. В казахском глаголе *орна-* 'укрепиться на месте', 'заселяться' основа *орын* 'место' имеет пространственное значение.

Двусоставность семантической структуры рассмотренных выше глаголов довольно наглядна. В первом глаголе *дишә-* как в его переходном, так и непереходном значениях глагольная семантика представляет собой связь предметного значения («зубцы» или «зубы») с процессуальным («делать» или «выпадать»). Как и в глаголах с аффиксом *-ла-,* источниками этих двух элементов единого значения являются предметное значение именной основы и процессуальное значение глаголообразующего аффикса *-а-,* которое имеет общий и неопределенный характер и каждый раз конкретизируется в связи со значением именной основы, например: *oramak* — схематически «делать»+«ров», *ганамаг* — схематически «появляться»+«кровь», *kulпа-* — схематически «появляться»+«жеребенок», *tozamak* — схематически «вызывать»+«пыль» и т. д.

Значительно больше глаголов, имеющих семантическое строение четвертого типа, что в свою очередь свидетельствует о давнем образовании этих глаголов. В большинстве примеров именные основы глаголов имеют объектное, в единичных случаях — орудийное значение или же значение формы (вида). Один из древнейших глаголов описываемого типа — *дилә́мәк,* известный почти во всех современных, а также древних (Atebet., Fihr., LXIII; Houtsma, 68 и т. д.) тюркских языках со значением «желать», «просить», «умолять», «искать». Корень глагола — существительное *дил//тил//дыл//тыл* 'язык', отсюда на основании сказанного об аффиксе *-ла-* можно допустить первона-

чальное двусоставное, более конкретное значение, одним из элементов которого является предметное значение «речь», «обращение» (*дил*), а вторым элементом — процессуальное значение. Таким же древним, но более поздним, чем общетюркский глагол *е-//же-* 'есть', 'кушать', является глагол *аша-*, известный во многих языках (Радл., Сл., I, 587—588; узб. *оша-*, тат., казах., кирг., крым.-тат. и др.) с объединяющим значением «есть», «кушать» и с более конкретными значениями в разных языках. Ср. уже приводившиеся значения: тат. «есть», «кушать», «хлебать (жидкую пищу)», узб. «есть», «кушать (руками или из чьих-то рук)», казах. — приблизительно то же значение (ср. *ет аса-* 'принимать мясо из рук угощающего'), кирг. «вкушать», «есть (закладывать в рот помногу)», «пить». Не меньше расхождений обнаруживается и в значении самой именной основы, ср. азерб. *аш* 'плов', 'каша', тур. *aş* 'кушанье', 'пища', 'еда', 'суп', казах. *ас* 'пища', *устар.* 'поминки', кирг. *аш* 'пища', 'плод', 'фрукт' (только в отношении некоторых растений); 'поминки', 'плов', тат. *аш* 'пища', 'кушанье', 'снедь', 'яства'; 'обед', 'суп', 'варево', узб. *ош* 'плов', 'пища', 'кушанье', хак. *ас* 'пища', 'хлеб', 'зерно', 'ячмень' (сагайск.). Несмотря на видимую пестроту в значениях именной основы *аш*, можно, однако, выделить два главных значения: «пища» и «плов», «каша». Общее для казахского и киргизского значение «поминки» также, по-видимому, связано с определенным видом ритуальной еды. Что касается значений «плод», «фрукт» (только в отношении некоторых растений) в киргизском языке, а также в хакасском «зерно» (сагайск. «ячмень»), то вопрос о первичности или вторичности данных значений может выясниться лишь в результате специального изучения. Сравнивая значения глагола *аша-* со значениями именной основы, можно установить две ступени его семантического развития: «есть вообще» и «есть определенный вид пищи: кашу, жидкую кашу, похлебку», откуда логически развивается значение «пить» в киргизском [19]. Как при первой, так и при второй ступенях развития глагола *аша-* его семантическая структура в принципе одна и та же: предметное значение еды или конкретного вида пищи+значение функции, связанной с едой, т. е. значение «есть», «кушать». Конкретное значение «есть руками или из чужих рук», свойственное казахскому и узбекскому языкам, является, возможно, наиболее старым в тюркских языках.

Глагол *бәнзәмәк* 'походить', 'быть похожим', 'смахивать на кого-, что-нибудь', 'быть подобным', известный также и в некоторых других языках (тур. *benzemek*, др.-уйг., туркм. *меңземек*),

[19] Уместно напомнить, что жидкую пищу (похлебку, суп — в тюркских языках *чорба~шорпа~шурпа* и т. д.) у тюркоязычных народов не «едят», а «пьют».

образован от существительного *бәниз//меңиз* 'лицо', 'цвет лица', которое соотносится со значением глагола как название формы, вида; исходное значение глагола восстанавливается в виде семантической связи «уподобляться»+«лицо». Это значение в дальнейшем обобщается за счет отпадения ограничивающего признака («лицо»). Промежуточные значения в языке не сохранились, как и в предшествующих глаголах *диләмәк* и *аша-*.

Широко распространен в тюркских языках, особенно кыпчакских, глагол *ота-* (тат. *ута-*, хак. *ода-*, кирг. *ото-*, туркм., казах., к.-калп. *ота-*) со значением «полоть», «пропалывать». Именная основа *от* 'трава' относится к значению глагола *ота-* как предмет действия, откуда восстанавливается исходное двусоставное значение — схематически «удалять» + «трава», на базе которого затем развивается современное значение «полоть», т. е. удалять из посевов или посадок всякие посторонние растения вообще.

Глагол *гапамаг* 'закрывать', 'затворять', 'закупорить', 'замыкать', известный в языках огузского типа, образован от существительного *гап*, не сохранившегося в азербайджанском языке, но широко известного во всех остальных огузских, а также и кыпчакских языках со значением «сосуд», «покрышка», «обложка», «футляр», «мешок» и т. д. В огузских языках приведенное значение глагола связано с понятием «покрышка» или близким к нему значением, что схематически можно представить в виде: «закрывать» + «покрышка», из коих первый элемент сочетания является обозначением типичной функции предмета, названного во втором элементе сочетания. Семантическая эволюция сочетания состояла, как и в других случаях, в том, что со временем отпало ограничивающее предметное значение именной основы *гап* и глагол приобрел обобщающее значение «закрывать, прикрывать (вообще)». В кыпчакских языках аналогичный глагол образовался при помощи аффикса *-ла-* от основы *қап* со значением «мешок», который по отношению к производному глаголу *қапла-//қапта-* 'насыпать', 'накладывать, класть в мешок, мешки' является обозначением места, тогда как в огузских языках *гап* означает предмет действия. Таким образом, в кыпчакских языках двусоставность семантического строения глагола *қапла-//қапта-* сохранилась и потому сохранилась конкретность семантики глагола. В огузских языках она эволюционировала и трансформировалась в односоставное значение, и семантика глагола обобщилась. Помимо названных двух значений, в отдельных тюркских языках развились и некоторые другие значения, как, например, «надеть чехол, футляр» (тув.), «окружить со всех сторон», «заполнить», «двинуться большой массой» (кирг., казах.). В узбекском глаголе *қопламоқ* объеди-

нились и огузское, и кыпчакское значения: «покрывать», «закрывать», «охватывать», «окружать», «насыпать в мешки».

Основу огузского глагола *өдәмәк* 'удовлетворять', 'исполнять', 'выполнять', 'погашать', 'возмещать' составляет существительное, которое, по Л. Будагову (I, 118), в староузбекском («джагатайском») языке означало «заем», «долг». Следовательно, именная основа *өд* (Л. Будагов читал ее *уд*) семантически относится к значению производного глагола как предмет действия. Поэтому первоначальную семантику глагола схематически можно представить в виде «возвращать», «погашать», «возмещать»+«долг», откуда в дальнейшем с отпадением ограничивающего значения «долг» развилось современное обобщенное значение «удовлетворять», «исполнять». Состав азербайджанских значений глагола *өдәмәк* позволяет схематически наметить путь эволюции глагола: *«возвращать долг»>«погашать», «возмещать»>«удовлетворять»>«исполнять», «выполнять».

Глагол *јаламаг* 'лизать', 'слегка касаться', 'слегка задевать' образовался из существительного *јал* 'жидкая пища', 'месиво (для собак)', находящегося в объектном отношении к значению производного глагола. Исходя из этого, первичную семантическую структуру глагола можно схематически восстановить в виде «хлебать»+«жидкая пища», «месиво (для собак)», откуда развиваются современные значения: более старое — «лизать» и более новые — «слегка касаться», «слегка задевать».

Тувинский глагол *дажа-* 'бросать', 'кидать' образован от существительного *даш* 'камень', которое в данном случае имеет значение предмета действия. Первоначальным значением глагола *дажа-* должно быть *«бросать камни». По форме своего образования *дажа-* следует признать более древним глаголом, чем соответствующие ему глаголы в форме на *-ла-* в других тюркских языках. Однако в тувинском языке также имеется глагол с показателем *-ла-*, образованный от той же основы: *дашта-* со значением «мостить (камнем)», по отношению к которому *даш* составляет название материала. Таким образом, два значения азербайджанского глагола *дашламаг:* «бросать в кого-либо камни», «устилать камнями» — в тувинском распределились в двух глаголах — *дажа-* и *дашта-*.

В казахском и киргизском глаголе *қына-* 'крепко прижать', 'плотно охватить' именная основа *қын* означает «ножны» и по отношению к значению производного глагола является обозначением формы, вида. Отсюда первоначальное значение данного глагола можно реконструировать схематически в виде *«охватывать плотно»+«как ножны», из чего в дальнейшем, с отпадением предметного значения «ножны», развиваются современные значения глагола *қына-*.

В туркменском глаголе *омзамак,* образованном от существи-

тельного **омуз* 'плечо', 'плечи' со значением орудия действия, сохранились как старые, так и новые значения, которые в этом частном случае подтверждают объективность применяемого здесь приема семантического анализа. Глагол *омзамак* означает «напирать плечами», «энергично продвигаться», «проталкиваться» и «просовываться». Наиболее старым является первое из перечисленных значений, наиболее новым — последнее.

К четвертому семантическому типу относятся также глаголы *өрте-, јаша-, өстә-, агза-* и *орна-*, приводившиеся выше в связи с вопросом об абстрактности и конкретности значений глаголов на *-а-*.

В отдельных случаях можно отметить метафорические значения глаголов на *-а-*, например, казахский глагол *жұта-* (от *жұт* 'падеж скота') наряду с основным значением «лишаться скота» употребляется и в метафорическом смысле: «чувствовать острый недостаток в чем-нибудь». В семантическом плане приведенное метафорическое значение можно рассматривать и как обобщенное, поскольку в нем отсутствует ограничительное значение «скота» («лишаться скота»), что характерно для процесса обобщения.

Обращаясь к значениям глаголообразующего аффикса *-а-*, следует отметить, что в целом состав его значений укладывается в семантику аффикса *-ла-*. Аффикс *-а-* означает: 1) активные, большей частью сознательные, в отдельных случаях производительные действия, направленные или распространяющиеся на предмет; 2) действия, вызывающие у предмета или сообщающие ему какое-либо состояние, признак, свойство, форму; 3) пребывание в каком-либо состоянии или переход в него, а также процесс, в частности движение, в некоторых случаях — развитие или появление у предмета нового признака, свойства или предмета [20]. Господствующими значениями в глаголах на *-а-* являются пассивные или малоактивные значения. Эти глаголы составляют третью группу. Их насчитывается почти 60%. Менее 40% составляют глаголы первой группы, причем лишь в единичных случаях встречаются глаголы со значением производительного действия, являющимся в глаголах на *-ла-* ведущим. Немногочисленными примерами представлено второе значение,

[20] В «Грамматике алтайского языка» (составлена членами алтайской миссии, Казань, 1869) следующим образом определяются значения глаголов на *-а-*: «Такие глаголы означают совершение или исполнение понятия, выражаемого коренным именем; а иные из этих глаголов означают: принять это качество, выражаемое основным словом, например: *ат* 'имя', *ада-* 'назвать'; *сарын* 'песня', *сарна-* 'петь'; *ус* 'плотник', *уза-* 'плотничать'; *кыйын* 'мучение', *кыйна-* 'мучить'; *ойын* 'игра', *ойна-* 'играть'; *аан* 'великий', *аана-* 'увеличиться'; *абыс* 'низкий', *абыза-* 'понизиться'» (§ 73). Как видно из определения, значения глаголов на *-а-*, отмечаемые в «Грамматике», входят в первую и третью рубрики нашей классификации.

которое в глаголах на *-ла-* составляет вторую по величине группу. Из этого сопоставления следует, что отмирающие и непродуктивные значения глаголов на *-ла-* составляют ведущую часть глаголов на *-а-*, наоборот, ведущие и развивающиеся значения глаголов на *-ла-*, отражающие основные тенденции глаголообразования в азербайджанском и других тюркских языках, встречаются в глаголах с показателем *-а-* скорее в порядке исключения. Описанное соотношение в значениях аффикса *-а-* в свою очередь может служить достаточным объяснением причин отмирания аффикса *-а-* в азербайджанском и остальных тюркских языках.

К глаголам первой группы относятся те, у которых основы, как правило, означают результат, процесс или их признак, а также названия орудия или места: *силамоқ* 'гладить', 'поглаживать'; *ата-* 'давать имя', 'называть'; *гынамаг* 'хулить', 'хаять', 'осуждать', 'упрекать'; *дүрсемек* 'поправлять (здоровье, состояние)'; *санамаг* 'считать', 'подсчитывать'; *äзä-* 'вспоминать', 'припоминать'; *сынамаг* 'испытывать'; *өртä-* 'поджигать', 'палить', 'дразнить', 'раздражать'; *сине-* 'мерить', 'измерять кого-, что-либо', 'примерять что-либо'; *harcamak* 'расходовать'; *yoka-* 'искать', 'проверять'; *міне-* 'устранять недостатки, шероховатости'; *агзамак* 'поминать', 'говорить о ком-либо'; *чыңа-* 'укреплять', 'делать крепким, стойким' и ряд других.

Ко второй группе относится глагол *бошамаг* 'дать жене развод'.

К третьей группе относятся глаголы, основы которых в преобладающем большинстве означают название процесса (состояния) или его признак, в некоторых случаях результат и еще чаще—его признак; в единичных случаях—время: *јашамаг* 'жить', 'существовать', 'обитать'; *өцä-* 'враждовать'; *сабамак* 'очищаться', 'быть очищенным', 'выкристаллизовываться'; 'иссякать'; *түзе-* 'присниться', 'видеть во сне'; *мөлдіре-* 'быть прозрачным, чистым'; *бāямак* 'делаться, становиться состоятельным, богатым'; *боламак* 'изобиловать'; *күче-* 'усиливаться', 'забрать силу'; *ојнамаг* 'играть', 'забавляться'; *чиләмәк* 'брызгать', 'накрапывать (о дожде)'; *бүдрәмәк* 'спотыкаться'; *титрәмәк* 'дрожать'; *жылтыра-* 'блестеть', 'сверкать' и др.

* *
*

Помимо рассмотренных глаголов, морфологическое строение которых не вызывает сомнений, в азербайджанском языке (как и в других тюркских языках) имеется значительное число глагольных форм с конечным *а//ə*, морфологическое строение которых неясно. К этим глаголам принадлежат:

бәләмәк 'пеленать ребенка';

будамаг 'обрезать ветки', 'подчищать дерево'; 'рубить (человека холодным оружием)';

галамаг 'наваливать', 'накладывать', 'затоплять';

доғрамаг [*доғ-(у)р-а-?, доғ-ра-?*] 'резать на мелкие куски, части', 'колоть на куски', 'рубить', 'крошить';

дөшәмәк 'стлать', 'расстилать' и т. д.;

копамаг 'сильно ударить', 'садануть';

сувамаг 'штукатурить'; тур. *sıvamak* со значением «обмазывать гипсом, известью», «штукатурить», «красить», «белить»; «покрывать позолотой», «пачкать», «марать», наряду с которым имеется омонимичное существительное *sıva* 'штукатурка' и учащательный глагол *sıvalamak* 'штукатурить', 'проводить рукой', 'гладить', 'массировать'; вторая группа значений в этом глаголе («проводить рукой» и пр.) имеется также в форме *sığamak* 'гладить, проводить рукой' и в азербайджанском *сығамаг* 'делать массаж', 'массировать (живот, горло)'; таким образом, хотя азербайджанская и турецкая формы *сыға-*, *sığa-* не сохранили значений «гладить рукой», «массировать», но их можно восстановить на основании турецкой учащательной формы *sıvalamak* и объединить *сува-//сыға-*, *sıva-//sığa-* в одну форму, что подтверждается сравнением с кыпчакским учащательным глаголом с аффиксом *-па-* — *сыйпа-* 'гладить', 'поглаживать' (казах., кирг.), представленным более полным составом значений в татарском *сыйпа-* 'гладить (по спине и т. д.)', 'ласкать' и хакасском *сыйба-* 'гладить (рукой)', 'ласкать кого-, что-либо', 'массировать кого-, что-либо'. Сюда же следует отнести киргизскую форму *шыба-* 'мазать', 'штукатурить', фонетически точно соответствующую азерб., тур. *сува-*~*sıva-*;

таламаг 'грабить';

түләмәк (< *түjләмәк*?) 'линять (о птицах, животных)';

јамамаг 'чинить', 'класть заплату', 'заделывать'.

* *
*

Помимо своего словообразовательного значения, аффикс *-а-* в истории тюркских языков нашел применение и в качестве формы учащательности и интенсивности. Глаголов с этим аффиксом очень немного, но число их, возможно, сильно возрастет, если удастся проанализировать ряд неясных форм с конечным *а*. В глаголообразующем аффиксе *-а-* значение учащательности не получило значительного развития в эпоху, близкую к современной. Оно исчезло из тюркских языков вместе с потерей аффиксом *-а-* своей продуктивности.

Учащательное значение аффикса *-а-* отмечал еще П. М. Мелиоранский [21].

У нас имеются лишь единичные примеры на учащательно-интенсивное значение аффикса *-а-*: узб. *бурмоқ* 'поворачивать', 'заворачивать', 'повертывать' и *бурамоқ* 'вертеть', 'крутить' (винтообразным движением); 'закручивать', 'винтить', 'завинчивать', 'сверлить', 'заводить (часы)'; то же самое в кирг. *бур-* 'вертеть', 'поворачивать', 'сворачивать' и *бура-* 'винтить', 'завинчивать', 'закручивать'; узб. *уринмоқ* 'делать попытки', 'прилагать усилия', 'стараться, стремиться (к чему-либо)', 'заниматься (чем-либо)', 'предаваться (чему-либо)' и *урнамоқ* — те же значения в усиленной степени.

Как показывает пример с глаголами *бур-* ~ *бура-*, количественная модификация в значении процесса может привести к его качественному изменению, в результате чего из значения «сворачивать» вырабатывается значение «завинчивать».

АФФИКС *-ы-//-и-//-у-//-ү-*

Аффикс *-ы-*, так же как и аффикс *-а-*, следует рассматривать в качестве одной из форм, употреблявшихся в основном в дописьменные эпохи жизни тюркских языков.

Учитывая, что именные словообразовательные аффиксы *-қан* и *-қын*, *-ақ* и *-ық*, *-қа* и *-қы*, *-ам* и *-ым*, *-мақ* и *-мык* и т. д. или чисто грамматические формы типа деепричастия на *-а* и *-ы* и т. д. восходят к единым формам[22], лишь в дальнейшем дифференцировавшимся по признаку широкого и узкого гласного, глаголообразующие аффиксы *-а-* и *-ы-* также можно было бы возвести к одной форме-основе, в дальнейшем разделившейся на две формы с широким и узким гласными. К такому допущению ведет, помимо указанных фактов параллелизма в области словопроизводных и грамматических форм, также параллелизм ряда глагольных основ, различающихся между собой конечными гласными: в одном случае широким, в другом — узким. Ср., например, следующие пары глаголов: *кү-рә-//күрү-* 'сгребать', 'очищать лопатой', то же самое в турецком; *чечә-//чечи-* 'поперхнуться'; *шыға-//шығы-* 'налетать', 'бросаться', 'стремительно набрасываться'; азерб. и тур. *да-*

---

[21] П. М. Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, СПб., 1903, стр. LX.

[22] Меньше вероятности, что они восходят к разным формам, оказавшимся рядом «в результате соединения в единую (чисто относительно единую) фонетическую систему аффиксов разных исторических пластов» (А. Н. Кононов, *Рецензия на кн.: Э. В. Севортян, Фонетика турецкого литературного языка, М., 1955*, — «Вопросы языкознания», 1956, № 3, стр. 135, 136).

шы-//taşı- 'носить', 'переносить', 'перетаскивать' и туркм. *даша-* 'возить', 'привозить', 'таскать', 'натаскивать'; туркм. *ава-* 'болеть', 'ныть (о ране)', *авун-* 'получать боль', 'страдать', 'мучиться', отсюда выделяются параллельные *ава-//авы-*; азерб. и тур. *гору-//koru-* и туркм. *гӧра-* 'охранять', 'сберегать', 'защищать', 'оборонять'; азерб., тур. *сүрү-* ~ *sürü-* и туркм., тат. *сүйре-* ~ *сөйрә-* 'тащить', 'волочить', 'тянуть' и некоторые другие формы.

Отдельные тюркологи были склонны рассматривать аффиксы *-а-* и *-ы-* как параллельные. Ж. Дени в «Грамматике турецкого языка» оба названных аффикса приводит вместе: «суффикс *-е-//-а-* или *-i-//-ı-*» (§ 846), а в работе «Принципы турецкой грамматики» аффикс *-ы-* он называет «ослабленной формой того же суффикса» (т. е. аффикса *-а-*).

Большинство специалистов отмечают аффикс *-ы-* вне связи с аффиксом *-а-*[23]. Было высказано также мнение о том, что показатель *-ы-* восходит к аффиксу *-ық-*[24] или что он генетически связан с аффиксами *-ыл-* и *-ық-*, вместе с которыми образует варианты исторически единого аффикса[25]. Необходимо вместе с тем указать на то, что бóльшая часть специалистов по тюркским языкам в обзорах глаголообразующих форм аффикс *-ы-* обычно опускает, это наблюдается и в новейших работах о тюркских языках[26].

Как указывалось, аффикс *-ы-* в основном принадлежит к дописьменной эпохе тюркских языков, хотя в отдельных случаях производство глаголов в форме на *-ы-* продолжалось и в то время, когда тюркские языки начали заимствовать лексические элементы из арабского и иранских языков, свидетельством чего являются глаголы: тур. *tepsimek*[27] 'отстранять', 'удалять', 'ликвидировать', 'прекращать', 'успокаивать', 'унимать' — от араб. *teps* 'отстранение', 'удаление', 'успокоение', казах. *налы-* 'горевать', 'страдать', 'тужить', кирг. *наалы-* 'стонать', 'рыдать', 'жаловаться', узб. *ноли-* 'стонать', 'сте-

---

[23] А. Ғуломов, *Фе'л*, — «Ҳозирги замон ўзбек тили курсидан материаллар», Тошкент, 1954, б. 72; «Азәрбајчан дилинин грамматикасы», I hиссә, Бакы, 1951, с. 171; A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe w zachodniokaraimskim*, Kraków, 1932, s. 132; G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 202; A. C. Emre, *Türk dilbilgisi*, s. 122; B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 121; B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*, s. 300, 301.

[24] Это мнение повторил А. Н. Кононов в «Грамматике узбекского языка»: «*-и-* — фонетическая разновидность аффикса *-ик/-и<-ик*» (Ташкент, 1948, § 257).

[25] Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 319.

[26] В цитировавшихся в предыдущих разделах грамматических работах Н. П. Дыренковой, Н. К. Дмитриева, А. К. Боровкова, Дж. Редгауза, М. А. Казем-Бека, Ю. Немета и других аффикс *-ы-* не упоминается.

[27] Названный глагол приводится также в грамматике Ж. Дени (J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 846).

нать', 'сетовать', 'роптать' — от иранского *nāle* 'стон', 'плач', 'рыдание'; казах. *кемі-*, узб. *ками-* 'уменьшаться', 'унижаться' и немногие другие.

В целом аффикс *-ы-* является довольно архаическим, что подтверждается древностью глагольных основ, а также тем, что некоторые глаголы с аффиксом *-ы-* сохранили старую нерасчлененность значения переходности-непереходности, как, например, кирг. *беки-* (<*-берк-и-*) 'укрепляться', (азерб. *бәрки-*) 'укреплять', 'закрываться' и 'закрывать', 'затворять' — от *бек* (<*берк*), ср. тат. *бик* 'запор', 'замок', 'засов', 'щеколда'.

Именные основы глаголов на *-ы-* имеют такой же характер, что и в глаголах на *-а-*. Некоторые же основы повторяются и в той и в другой форме (*бош*, *ян*, *бай*, *кем* и др.). Основы глаголов на *-ы-* распределяются по тем же группам, что и у глаголов на *-а-*, означая признак процесса или его результата, название процесса, результата, места и направления, в единичных случаях — орудия и формы. Число основ с двумя последними значениями в глаголах на *-ы-* еще меньше, чем в глаголах на *-а-*. Господствующими в глаголах той и другой формы являются именные основы со значением названия процесса, признака или результата. Общее количество глаголов на *-ы-* меньше, чем глаголов на *-а-*.

Обратимся к составу глаголов на *-ы-* по значениям их основ.

1. Глаголы, основы которых означают название признака процесса или его результата:

гурумаг 'сушиться', 'становиться сухим', 'высыхать'; 'сохнуть', 'худеть', 'становиться тощим' — от прилагательного **гур*, не сохранившегося в азербайджанском языке, но известного, например, в киргизском, где имеется прилагательное *кур* с этимологически долгим гласным *ӯ*: *куур//куу* в значении «сухой», «высохший»;

кејимәк 'становиться нечувствительным', 'застывать', 'неметь'—от прилагательного *кеј* 'нечувствительный', 'застывший', 'омертвевший', 'вялый', 'неспособный воспринимать', 'тупой';

ләнкимәк 'задерживаться', 'медлить', 'застревать', 'опаздывать', 'мешкать' — от заимствованного из персидского прилагательного *ләнк* 'хромой', 'тяжелый на подъем', 'медленный';

тәнкимәк 'становиться, делаться тесным, тяжелым' — от заимствованного из персидского *тәнк* 'тесный', 'тяжелый', 'трудный';

туршумаг 'закисать', 'скисать', 'окисляться' — от заимствованного из персидского *турш* 'кислый';

јавашымаг 'утихать', 'затихать' — от прилагательного *јаваш* 'тихий';

Радл., Сл.: *аҕру-* (уйг.) 'сделаться тяжелым', 'усиливаться' (I, 176) — от *аҕыр* 'тяжелый';

узб.: *бойи-*, кирг., казах., тат., тув. *байы-*, туркм. *бāйы-*, хак. *пайы-*, Battal *bayı-*, Abu-Hay.: *bayıdı* 'богатеть' — от имени *бай//бой//пай* 'богач', 'богатый';

жимимоқ 'успокаиваться', 'утихать' — от *жим* 'тихо', 'безмолвно';

тинчимоқ 'успокаиваться', 'смиряться', — от прилагательного *тинч*;

хак.: *позы-* 'освобождаться', 'опорожняться,' 'ослабевать (например, об узле, гайке)' — от прилагательного *пос* 'пустой', 'порожний', 'свободный', 'незанятый'; почти во всех остальных тюркских языках данный глагол образован от прилагательного *бош//бос//бўш* при помощи аффикса *-а-*; здесь налицо случаи параллелизма обоих глаголообразующих аффиксов;

кирг.: *жоошу-* 'делаться смирным, ручным', 'присмиреть' — от прилагательного *жоош* 'смирный', 'кроткий' (в других тюркских языках *юваш*, *яваш* и т. д.);

кеңи-[28] 'расширяться', 'делаться просторным, широким, обширным' — от прилагательного *кең* 'широкий', 'просторный', 'обширный'. Между прочим, от данного глагола произведено прилагательное *кениш* в том же значении, известное в огузских языках;

Малов, Пам.: *taru-* 'быть тесным' — от прилагательного *tar* 'узкий', 'тесный' (426 — 427);

казах.: *кемі-* 'уменьшаться', 'убавляться' — от иранск. *кем* 'меньше'.

2. Глаголы, основы которых означают название процесса:

зарымаг 'стонать', 'охать' — иранск. *зар* 'плач', 'стон', 'рыдание'; возможно и иное объяснение глагольной основы, если сопоставить ее с подражательным корнем *зар* в глаголе *зарылдамаг* в том же значении, а также с тур. *zırıldamak* 'кричать', 'орать', 'реветь', 'визжать', восходящим к подражательному корню *zır*;

тур.: *uyumak* 'спать', 'засыпать'; 'почить', 'умирать', 'быть небрежным', 'не беспокоиться', 'пребывать в бездействии' — от существительного *uy* 'сон' (Малов, Пам., 437); как известно, от этого глагола происходит тур. *uyku*, более полная форма которого *uyuku* приведена у Ф. Ардженти[29];

yalabımak 'блестеть', 'сверкать' — от подражательного слова **yalap*, которое в стяженной форме имеется в составе выражения *yalp yalp parlıyor* 'он сверкает, искрится';

---

[28] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 202: *kängi-* 'расширяться'.

[29] A. Bombaci, *La «Regola del Parlare Turcho» di Fillippo Argenti*, — «Reale Istituto Superiore Orientale», Napoli, 1938, p. 33.

узб.: *бурқимоқ* 'расходиться волнами (о запахе)' — от подражательного корня *бурқ*, который имеется также в составе подражательного глагола на *-а-*: *бурқирамоқ* 'вздыматъся', 'подниматься вверх по ветру', 'клубиться', 'валить (о дыме)'— от того же корня с наращением *-ир* (*бурқ-ир*);

ранжимоқ 'обижаться', 'огорчаться' — от иранск. *ранж* 'обида', 'огорчение';

татимоқ[30] 'приходиться по вкусу'—от **mam//mom* 'вкус';

Battal: *utdutmak* (<*utudutmak*) 'надеяться' (80)—от отглагольного имени **utud* 'надежда', восходящего к глаголу *ут-* 'надеяться' (там же);

кирг.: *жаркы-* 'блистать', 'сверкать'—от подражательного слова *жарк*, выражающего мгновенность действия, неожиданно появившийся блеск, свет (Юдах., 165);

желпи- 'обмахивать', 'овевать'—от подражательного слова *желп*; ср. *желп дегиз-* 'слегка колыхнуть', 'заставить чуть колыхаться' (Юдах., 174);

Pr zkł. Коranu: *bałky-* 'błyszczeć', 'jaśnieć' (79)—от подражательного слова *bałk*; так же в турецком.

3. Глаголы с основами, означающими результат:

азерб.: *гохумаг* 'издавать запах, вонь', 'гнить', 'разлагаться'—от существительного **гох*, не сохранившегося в азербайджанском языке, но известного в крымско-татарском в составе глагола *къокъламакъ* 'нюхать'; омонимичный корень с глагольным значением «пахнуть», «вонять», «портиться» известен, например, в турецком языке (*kokmak*); глагол *гохумаг* можно интерпретировать и иначе: как «распространенную» основу, параллельную «нераспространенной», имеющейся в турецком языке (*kok-*); в таком случае крым.-тат. *къокъламакъ* следовало бы возвести к **къокъуламакъ*;

ијмәк 'пахнуть', 'вонять', 'тухнуть', 'портиться'—от существительного *ij* 'запах', 'вонь'; *yiyimek* (Battal) 'вонять', 'издавать зловоние'—от существительного *yiy* 'запах' (90);

Радл., Сл.: *ipi-* 'гнить', 'киснуть', 'портиться' (I, 1459)—от существительного *ip* 'гной' (I, 1456); к глаголу *ipi-* восходит распространенное в тюркских языках производное существительное *ириң//ирин* со значением «гной»;

узб.: *чангимоқ* 'пылиться', 'запылиться'—от существительного *чанг* 'пыль';

кирг.: *жашы-* 'быть готовым вот-вот заплакать', 'прослезиться', 'расстраиваться'—от существительного *жаш* 'слеза', 'слезы'.

---

[30] A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 132; *taty-* 'smakować' — от *tat* 'smak'.

4. Глаголы, основы которых означают место, направление:

jеримәк 'ходить', 'идти', 'двигаться'—от существительного *jер* 'земля', 'земной шар', 'почва', 'место', 'земельный участок'; 'постель'; ср. *пүнһан jериди вә кәлди гаршу...* 'Он (садовник) тайно подошел и вышел навстречу' (Хәтаи, 11);

дашымаг[31] 'возить', 'перевозить', 'перетаскивать', 'носить', 'уносить', 'исполнять', в том же значении тур. *taşımak*, туркм. *дашы-*, тув. *дажы-*, хак. *тазы-*, казах. *тасы-*, кирг., тат. *ташы-*, узб. *таши-* —от существительного *таш//тыш//даш//дыш* 'наружность', 'внешняя сторона', 'внешность';

казах.: *ығы-* 'идти по ветру (спасаясь от непогоды)', 'спасаться от непогоды'; *метаф.* 'отступать', 'сдавать свою позицию под нажимом'—от существительного *ық* 'подветренная сторона', 'защищенное (от непогоды) место';

кирг.: *жаны-* 'касаться', 'проходить сбоку'; 'точить (нож, бритву и т. п.), проводя по очереди то одной, то другой стороной'—от существительного *жан* 'сторона', 'бок'; параллельным к *жаны-* является глагол **жана-* с аффиксом *-а-*, восстанавливаемый из *жанаш-* 'быть рядом', 'быть или двигаться бок о бок', 'сближаться', 'приближаться', известном и в других тюркских языках.

5. Глаголы, основы которых означают предмет действия, орудие или форму:

охумаг 'читать', 'петь', 'учиться'—от именной основы **ох*: ср. Радл., Сл.: *оқы-//оқу-//оғы-* и т. д.—кирг., к.-кирг., коман., осм., джагат., крым. 'звать', 'приглашать', 'кричать', 'петь (о птицах и людях)', 'читать', 'учиться' (Радл., Сл., I, 994)—от существительного *оқ* 'крик', 'голос', 'слово' (там же, 991); в первом значении *оқу-* также в староосманском (*oqı̂maq*, Rossi, 343); ср. еще *оқ-* (уйг., Рабгузи) 'звать', 'называть' (Радл., Сл., I, 993)[32];

танымаг 'знать', 'быть знакомым', 'узнавать', 'признавать', 'верить'; ср. узб. *тан оллоқ* 'признавать', 'принимать', где *тан*—'доля', 'часть', 'пай';

Battal: *bağıtak* 'закрываться', 'запираться'—от существительного *bağ* (15);

якут.: *уөту-* 'разводить огонь'—от существительного *уот* 'огонь'.

Довольно большое число глаголов на *-ы-* отмечено в словаре Махмуда Кашгарского. Приведем некоторые из них:

---

[31] Ibid., s. 132.

[32] Подобная эволюция значения («кричать», «петь», «читать») наблюдается и в тюркском глаголе *sarna-* (см. J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, p. 69).

er bayudı 'человек стал богатым' (M. Kāşgarī, III, 274)—от *bay* 'богатый' (Dizin, 76); *tewi taprıldı* 'верблюд подпрыгнул' (M. Kāşgarī, III, 277)—от подражательного слова *tapır*; *koy semridi* 'овца разжирела' (M. Kāşgarī, III, 281)—от *semiz* 'жирный' (Dizin, 504); *ölidi* 'он замочился'—от *öl* 'мокрый' (Dizin, 456); *yıdhıdı* 'он протух, испортился' (M. Kāşgarī, III, 260)—от *yıdh* 'запах' (Dizin, 779); *kurıdı* 'он высох' (M. Kāşgarī, III, 263)—от *kur* 'сухой' (Dizin, 379); *boşudı* 'он опустел' (M. Kāşgarī, III, 266)—от *boş* 'пустой' (Dizin, 103); *bekïdi* 'он окреп' (M. Kāşgarī, III, 270)—от *bek* 'крепкий' (Dizin, 79); *kalnudı* 'он стал толстым' (M. Kāşgarī, III, 302)—от *kalın* 'толстый' (Dizin, 255); *yir kinğüdi* 'место расширилось' (M. Kāşgarī, III, 396)—от *kinğ* 'широкий' (Dizin, 330); *kanı-* или *kana-*, с широким гласным,—'окровавиться' (M. Kāşgarī, III, 273—274)—от *kan* 'кровь' (Dizin, 259); *tarudı* 'он стал узким, тесным' (M. Kāsgarī, III, 261—262)—от *tar* 'узкий' (Dizin, 576).

Именные основы глаголов на *-ы-* состоят, как и у глаголов с аффиксом *-а-*, из корней и древнейших производных основ (*мат, таш//даш, берк//бек, *гох, гур//kur, jep, уот, kan, tar, bağ, kej, тинч, у, итид, чанг, жим, бой//bay, кең//kinğ, öl, иj, пос//boş, ык, жаш, jаваш, жоош, тан, жан, ip, оқ*), древнейших основ неясного происхождения (*ағыр, kalın, semiz*), известного числа заимствований, в основном иранских (*зар, лəнк, тəнк, ранж, кем*), и отдельных подражательных слов.

Вопрос о переходности и непереходности глаголов на *-ы-* неясен. Поскольку господствующим типом основ в глаголах на *-ы-* являются имена, означающие название процесса и результата или их признака, то значение переходности и непереходности не может регулироваться в рассматриваемых глаголах определенными правилами, как в глаголах на *-ла-* и других. Этим, по-видимому, объясняется сама возможность сохранения глаголов типа кирг. *беки-* 'укрепляться' и 'укреплять', 'закрываться' и 'закрывать'. В количественном отношении переходных глаголов с аффиксом *-ы-* значительно меньше, чем непереходных. К переходным в приводившихся примерах относятся глаголы *дашы-//ташы-, бäкӱ-, оқы-, желби-// желпи-, жаны-*. Остальные глаголы— непереходные. Непереходное значение преобладающей части глаголов на *-ы-* уже отмечалось в научной литературе [33].

Как и в глаголах на *-а-*, в рассматриваемом разряде можно отметить значительное число глаголов с абстрактным значением, что объясняется главным образом отвлеченной семантикой их основ, как правило, означающих признак или название процесса, а также древностью большинства глаголов на *-ы-*,

[33] А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, § 257.

прошедших продолжительный путь семантического развития.

По своему семантическому строению глаголы на *-ы-* почти все принадлежат к первому и второму типам семантической структуры глагола, поскольку преобладающая часть основ этих глаголов означает или название процесса, или название признака процесса-результата.

Глаголы с другими основами принадлежат преимущественно к третьему семантическому типу, за исключением *bağıtak* (вещественное значение основы *bağ* неясно), а также кирг. *кеми-*, казах. *ығы-*, в которых возникли метафорические значения («унижаться» при основном «уменьшаться» в глаголе *кеми-*, «отступать», «сдавать свою позицию под нажимом» при основном «идти по ветру, спасаясь от непогоды», «спасаться от непогоды» в глаголе *ығы-*), и общетюркского глагола *окы-//оқу-*, который благодаря сходству внешнего признака («звать» «кричать», «произносить громким голосом» при обучении чтению в старой школе) стал обозначением процесса чтения, а его первоначальное, ныне уже забытое в тюркских языках значение передается в глаголах подражательного происхождения *бақыр-//бағыр-*, *чақыр-//чағыр-*, *қычқыр-//ғышғыр-//қычыр-* и других со значением «кричать», «звать», «приглашать».

Глаголообразующая форма на *-ы-* имеет те же значения, что и форма на *-а-*. Она означает: 1) активные, чаще всего сознательные действия; 2) действия, вызывающие у предмета или сообщающие ему какое-либо состояние, признак, форму; 3) пребывание в каком-либо состоянии или переход в него, развитие или появление у предмета нового признака. Большинство глаголов на *-ы-* входит в третью группу с ее пассивными значениями и составляет 80%, около 15% приходится на глаголы, которые по значениям относятся к первой группе. Редкими примерами представлено второе значение. Таким образом, соотношение всех трех групп значений в глаголах на *-ы-* в принципе такое же, как и у глаголов с показателем *-а-*, но здесь более широко представлены глаголы, относящиеся к третьей группе значений. Что касается состава последней, то в глаголах на *-ы-* больше форм, означающих развитие или появление у предмета нового признака, и меньше форм со значением состояния.

Первое значение формы на *-ы-* имеют глаголы *jеримәк* 'ходить', 'идти', 'двигаться', 'подвигаться'; *желпи-* 'обмахивать', 'овевать'; *жаны-* 'касаться', 'подходить сбоку', 'проходить возле'; *оқы-//оқу-* 'звать', 'приглашать', 'кричать', 'петь (о птицах и людях)', 'читать', 'учиться'; *ығы-* 'идти по ветру (спасаясь от непогоды)', 'спасаться от непогоды' и др.

Второе значение формы *-ы-* имеет глагол *bäkü-* 'укреплять', 'направлять'.

Третье значение формы *-ы-* имеют глаголы *бајатымаг* 'терять свежесть', 'черстветь (о хлебе, кушанье)'; *бәркимәк* 'крепнуть', 'твердеть'; *гурумаг* 'сушиться', 'становиться сухим', 'высыхать', 'сохнуть', 'худеть', 'становиться тощим'; *кејимәк* 'становиться нечувствительным', 'застывать', 'неметь'; *ләнкимәк* 'задерживаться', 'медлить', 'застревать', 'опаздывать', 'мешкать'; *тәнкимәк* 'становиться, делаться тесным, тяжелым'; *туршумаг* 'закисать', 'скисать', 'окисляться'; *јавашымаг* 'утихать', 'затихать'; *ағру-* 'делаться тяжелым', 'усиливаться'; *бойы-* 'богатеть'; *жими-* 'успокаиваться', 'утихать'; *тинчимоқ* 'успокаиваться', 'усмиряться'; *жоошу-* 'делаться смирным, ручным', 'присмиреть'; *кеми-* 'уменьшаться', 'унижаться'.

Помимо рассмотренных глаголов с ясным морфологическим строением, в азербайджанском языке можно выделить глагольные основы с конечным узким гласным неясного морфологического состава. К этим глаголам относятся:

бүрүмәк 'завертывать', 'закутывать', 'охватывать', 'сплошь покрывать что-нибудь'; 'оцеплять', 'обступать'; 'покрывать';

киримәк 'молчать', 'умолкать', 'замолкать';

ләлимәк 'умолять', 'упрашивать';

сәнкимәк 'утихать', 'затихать', 'успокаиваться'; 'потухать'; 'проходить';

үшүмәк 'чувствовать холод', 'зябнуть';

чечимәк 'поперхнуться'; ср. якут. *чачай-* в том же значении.

АФФИКС *-ға-//-гы-*

Аффикс *-ға-//-гы-* ближайшим образом связан с показателями *-а-* и *-ы-* и, возможно, представляет фонетически более древнее состояние последних.

На фонетическую преемственность показателей *-а-* и *-ға-* специально обратили внимание К. Фой [34] и Г. Рамстедт [35], которые рассматривали обе формы в качестве исторических ступеней единой формы [36]. Еще раньше них в тюркологии выработ-

[34] K. Foy. *Azerbajğanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen*, — MSOS, Bd I, Abt. 2, Jhrg. VI, Westasiatische Studien, Berlin, 1903, S. 149.

[35] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, S. 79.

[36] Иначе рассматривал аффикс *-ға-* В. Банг (W. Bang, *Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut*, Dritter Brief: *Vorläufiges über die Herkunft des türkischen Ablativs*, — «Ungarische Jahrbücher», Bd V, Berlin—Leipzig, 1925). Он этимологизировал его в виде *-ɣ + -a-*, опираясь на такой пример, как *ulɣad-* < * *uluɣ + -ad-* (стр. 397), анализ которого может быть принят без возражений. Но В. Банг сюда же присоединял формы типа *qurɣa-* < * *qurɣ-a-* 'сохнуть', *yalɣa-* < *yalaɣ-a-* 'лизать', шор. *tarɣa-* <

тался общий взгляд на отношения между морфемами, различающимися начальными гуттуральными *қ* или *ғ*. Считалось, что гуттуральные формы представляют более древнее фонетическое состояние параллельных форм, не имеющих гуттурального начала (т. е. *-ан<-ған*, *-ай<-ғай*, *-ы<-қы||-ғы||-ық||-ығ-*, *-алы<-ғалы*, *-ак<-ғақ* и т. п.), многочисленные подтверждения этого мнения находили преимущественно в староузбекском («джагатайском») и уйгурском языках, а после дешифровки орхонских надписей—в памятниках в честь Кюль-Тегина, Тоньюкука и др.[37] Во всех своих исследованиях, в частности в известном «Опыте словаря тюркских наречий», В. В. Радлов (особенно после дешифровки древнетюркских памятников) неизменно исходил из указанного положения. Того же придерживались В. Томсен, Ф. Е. Корш, П. М. Мелиоранский, Н. Ф. Катанов и др. Без существенных изменений этот взгляд принят и в наше время и зачастую является молчаливо подразумеваемой предпосылкой при историко-фонетических исследованиях, в которых затрагивается вопрос об отношениях между формами приведенного выше типа. Так, например, в грамматике Ж. Дени весьма последовательно проводится отмеченная точка зрения. То же повторяют и другие современные тюркологи, в частности по вопросу об исторических связях показателей *-а-* и *-ға-*[38].

---

tarаγ-а- 'чесать' (стр. 398), карачай. *qozγa-<*qozuγ-a-* 'возбуждать', 'раздражать' (*qoza-* 'дразнить', 'низать', 'ставить в ряд'), *yarγan-<*yaruγ-a-n-* 'раскалываться', кюэрик. *türgä-<* türüg-ä-* 'развертывать, 'свертывать' и др. (стр. 399), которые имеют разное происхождение и не могут приводиться вместе. Формы *qurγa-* и *yalγa-* — производные глаголы с именными основами *qur* 'сухой' (кирг. и др.) и *yal* 'жидкая пища', 'месиво (для собак)' (азерб.). Формы *tarγa-*, *ämgä-* (стр. 400) 'мучиться', 'страдать' вместе с параллельными им *tara-* 'чесать', 'расчесывать' и **ämä-* пока недостаточно проанализированы, и выделять в них показатель *-ға-||-а-* нельзя, тем более что сам автор пишет: «глагол **äm-*, *ämä-* неизвестен» (стр. 400). Наконец, глаголы *qozγa-* и *yarγan-* образованы при помощи аффикса *-ға-* в его залоговом или видовом значении непосредственно от глагольных основ *qoż-* и *yar-* и к рассматриваемому вопросу прямого отношения не имеют. Кюэрикский глагол *türgä-* нуждается в повторной проверке.

[37] И в этом пункте В. Банг расходился со многими из своих современников, считая, наоборот, что гуттуральные формы произошли из негуттуральных, например *ata>atγa>atqa*, *qalan>qalγan*, обосновывая свою гипотезу тем, что гласный второго слога некогда произносился с гортанным приступом, закрепившимся затем в виде *-q-*. — W. Bang, *Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut*, Siebenter Brief: *Neue Ansichten — neue Einsichten?* — «Ungarische Yahrbücher», Bd XIV, H. 3, Berlin—Leipzig, 1934, S. 203, 204.

[38] R. R. Arat, *Türçede kelime ve eklerin yapısı*,— «Türk dili», cilt IV, sayı 43, 1955, s. 400. К сожалению, в древнетюркской грамматике А. фон Габен нет указаний относительно связи *-ға-* (об этом аффиксе см. § 92 названной грамматики) с другими формами. То же можно отметить у Бесима Аталая, см.: B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 102; *Türk dilinde ekler ve köbler üzerine bir deneme*, s. 303, 304.

Высказанный в науке взгляд относительно генетического родства глаголообразующих форм *-а-* и *-га-* представляется нам приемлемым, так как он обоснован не только фонетически, но и морфологически, о чем свидетельствует материал тюркских языков.

Судя по морфологическому составу и семантике именных основ в глаголах на *-га-*, следует допустить, что форма *-га-* потеряла свою продуктивность в эпохи, засвидетельствованные письменными памятниками на тюркских языках. Говорить о полном прекращении глаголообразования в форме *-га-* в эпоху средневековья все же нельзя, что показывают отдельные глаголы типа кирг. *забырка-* 'испытывать мучение', 'мучиться' —от существительного *забыр||жабыр* 'трудность', 'мучение', восходящего к араб. جبر 'принуждение', 'насилие'.

Морфологически и семантически основы глаголов на *-га-* не отличаются от основ глаголов с аффиксом *-а-*. Они также состоят из корней или древних производных форм неясного состава.

Все перечисляемые ниже глаголы имеют достаточно отвлеченные значения.

Ввиду малочисленности примеров глаголы на *-га-* приводятся в одном списке, без подразделения их по значениям основ:

чулғамаг||чулғаламаг 'окутывать', 'обволакивать'—от существительного *чул* 'шерстяная попона', 'шерстяное покрывало' (на лошадь и др.); ср. *чулламаг* 'покрывать попоной';

Радл., Сл.: *атка-* 'называться'; 'делать свое имя известным'; 'дать кому-либо смешное прозвище'; 'распространить худой слух о ком-либо'; ср. с глаголом *ата-* 'назвать', 'дать имя', 'назначать', 'обозначать'; 'обручать'; 'обещать';

ĭскä-[39] 'нюхать', 'обнюхивать'; узб. *искамоқ* 'нюхать', 'обонять'; казах. *иіске||иіскеле-* 'нюхать'; туркм. *ы̄сгамак* 'нюхать', 'чувствовать запах'—от существительного *ĭс||ий||ы̄с||ыд||ыт||йыт* 'запах', 'аромат'; ср. с приводившимися уже *ијимәк* 'пахнуть', 'вонять', 'тухнуть', 'портиться'; основы в двух последних примерах означают предмет действия;

аңқаі- (аффикс *-қаі-*—разновидность аффикса *-қа-*) 'остолбенеть', 'быть почти без памяти', 'быть ошеломленным, отуманенным' (от сна, угара, горя) (Радл., Сл., I, 186)—от существительного *аң* 'сознание';

туркм.: *галгамак* 'колыхаться', 'развеваться'—от подражательной основы *гал*, которая выделяется в глаголах *гал-*

---

[39] A. Zajaczkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 134; *ĭĭśk'a-* 'wachac' — *ĭĭś* 'zapach' *(ĭĭi+s)*.

д-ыр-а- 'дрожать', 'трепетать', 'лихорадить', 'трястись' и *гал-п-ыл-да-* 'дрожать (о человеке)';

мыжгамак 'мокнуть', 'делаться мокрым'—от корня **мыж* 'влага', 'сырость', который восстанавливается из прилагательного *мыжжык*<*мыжлык* 'мокрый';

кирг.: *шыбырга-* 'шептать', 'говорить шепотом' наряду с *шыбыра-* 'шептать', 'нашептывать', 'шелестеть'—от подражательного по происхождению существительного *шыбыр* 'шепот', 'нашептывание', 'шелест';

торго- и параллельно *торо-*, из коих первый означает «преграждать», «задерживать», а второй имеет те же значения+«препятствовать»—оба от существительного *тор* 'сеть', 'невод', 'сетка'. Основы в примерах означают орудие или средство;

узб.: *очқомоқ* 'проголодаться'—от прилагательного *оч* 'голодный';

Малов, Пам.: *irinčkä-* 'быть милостивым'; 'сожалеть'—от существительного *irinč* 'несчастье' (381).

Все именные основы в глаголах начиная от *аŋkai-* означают название процесса, за исключением глагола *очқомоқ*, основа которого означает признак;

М. Kāşgarī: *yer kurgadı* 'из-за недостатка дождей земля высохла' (III, 290). Именная основа *kur* здесь также означает признак;

Мел., Ар. фил.: اُمكاتَمق 'жмурить, закрывать глаза', امكادى 'давать знак глазом'—с указанием автора: «Очевидно то же, что предыдущее» (стр. 049); для корня اُم обоих глаголов ср. اِمْ, اِيمْ 'знак', 'мина' и производные امنامك, املامك ايماتمق 'давать знак', 'махать', 'намекать', 'говорить знаками, минами' (Буд., I, 90); основа ايم означает здесь орудие действия.

Как показывают приведенные примеры, глаголы на *-ға-* и *-а-* (*-ы-*) в ряде случаев употребляются параллельно (*торго-//торо-*, *іскä-//иjи-*, *аткa-//ата-*, *шыбырга-//шыбыра-*) и совпадают по значениям.

Естественно, что при ограниченности имеющегося материала невозможно делать заключения о господствующем типе именных основ в рассматриваемых глаголах, равно как невозможно определить условия, приводившие в одних случаях к образованию переходных значений, в других—непереходных. Можно лишь констатировать, что одни глаголы в форме на *-ға-*—переходные (*чулғамаг*, *торго-*, *īскä-*, *ӧтgӓn-//ӧтgӓt-*) и образованы от основ, обозначающих орудие или предмет дей-

ствия, другие—непереходные (*аҥkai-*, *галгамак*, *мыжгамак*, *шыбырга-*, *очқомоқ*, *irinčkä-*, *kurga-*) и образованы от основ, обозначающих процесс и признак. В отдельных случаях наблюдается сосуществование переходного и непереходного значений в одном глаголе, например в глаголе *атка-* 'называться', 'дать кому-либо смешное прозвище', что свидетельствует о древности формы на *-га-*.

Из-за недостатка материала пока нельзя определить господствующие типы семантических значений и их удельный вес в составе глаголов на *-и-*. Среди глаголов на *-га-* встречаются глаголы, принадлежащие ко всем четырем семантическим типам: I тип—*аҥkai-*, *галгамак*, *шыбырга-*, *irinčkä-*; II тип—*мыжгамак*, *очқомоқ;* III тип—*атка-* и IV тип—*чулға-*, *торго-*, *іскä-*. Пользуясь уже известным приемом семантического анализа, можно допустить, что первоначальным значением глагола *чулғамаг* с основой *чул* 'шерстяная попона', 'шерстяное покрывало (на лошади и пр.)' было *«окутывать попоной» (ср. *чулламаг* 'покрывать попоной'). Семантическая эволюция данного глагола состояла в постепенном обобщении и затем отпадении ограничивающего значения «попона», в результате чего глагол приобрел отвлеченное значение «окутывать», а затем и более абстрактное значение—«обволакивать».

Можно также допустить, что первоначальным значением глагола *торго-* с основой, означающей «сеть», «невод», было «преграждать сетью (рыбу)», откуда с дальнейшим отпадением ограничивающего значения «рыба» и затем «сеть» развилось значение «преграждать».

Идя таким же путем, законно предположить, что *іскä-* 'нюхать', 'обонять' восходит к *«обонять запах».

Значения аффикса *-га-*, по-видимому, аналогичны значениям аффиксов *-а-* и *-ы-*. К первому значению (активные, в том числе производительные действия, распространяющиеся на предмет) относятся переходные глаголы *чулғамаг*, *торго-*, *атка-*, *іскä-*, *шыбырка-*. Остальные глаголы относятся к третьему типу значений (пребывание в каком-либо состоянии или переход в него).

Приведем примеры глаголов частично неясного морфологического состава, выступающих в одних языках в форме на *-га-*, в других—в форме на *-а-*:

буламаг 'мешать', 'смешивать', 'разбалтывать'; 'пачкать', 'марать', 'намазывать';

әләмәк 'просеивать', 'отсеивать', 'пропускать через сито':

тат.: *болга-* 'махать', 'размахивать'; 'болтать';

тур.: *dolamak* 'обвязывать', 'завертывать', 'обвертывать', 'окружать', 'опоясывать'; *метаф.* 'передавать', 'навязывать';

хак.: *толға-* 'крутить', 'вертеть', 'вращать', 'закручивать', 'выжимать (белье)';

илге- 'просеивать';

M. Kāşgarī: *ol un elgedi* 'он просеял муку' (I, 284);

сөjкәмәк 'приставлять', 'прислонять';

Ettuhfet.: *süye-* 'прислоняться', 'опираться' (Dizin, 244).

Разновидностью аффикса *-га-* является аффикс *-гы-*, встречающийся еще реже, чем первый, например:

гарғы-//гарға- 'призывать на кого-либо бедствия', 'проклинать', по-видимому, от корня подражательного происхождения; в данном глаголе чередуются аффиксы *-ға-* и *-ғы-*.

кирг.: *уюлгу-* 'крутиться', 'кружиться', 'порывисто метаться', 'клубиться'; 'виться (о волосах)'; 'полечь (о траве)'—от существительного *уюл* 'завиток (на макушке головы человека, на лбу или на щеке лошади)';

узб.: *изғимоқ* 'рыскать', 'шнырять'—от существительного *из* 'след'.

* *
*

Как и словообразовательная форма *-а-*, форма *-га-* также исторически применялась для производства глаголов от глагольных основ и имела учащательное значение. Однако она не получила заметного развития в тюркских языках и исчезла из них вместе с другими архаическими аффиксами. Аффикс *-га-* при глагольных основах Г. Рамстедт рассматривал в качестве древней формы понудительного залога, утверждая, что «следы бывших понудительных образований на *-ga-* имеются в различных диалектах, почему мы и вправе допустить здесь какое-то пратюркское окончание»[40]. К формам на **-ga-* Г. Рамстедт возводил общеизвестные в тюркских языках глаголы *julq-*, *qyrq-*, *jaq-*, *jük-* и другие (см. стр. 282—295 наст. изд.), которые, однако, имеют иное объяснение.

В своем итоговом труде об алтайских языках Г. Рамстедт уже не повторил положения о понудительном значении аффикса *-га-* и вообще усомнился в реальности исходной формы *-ga-* для тюркских языков. «Так как в тюркском языке (основе.—*Э. С.*) гласный второго или третьего слога уже рано полностью исчез или редуцировался,—писал Г. Рамстедт,—то в нем нельзя с точностью установить суффикс *-ga-*. Возможно, что активирующее *-q-*~*-k-* является звуковым переходом *-ga-*»[41].

[40] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 15. Об отглагольных формах с аффиксом *-га-* см. также: A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 111, 112.

[41] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 173—175.

В приводимых ниже немногочисленных примерах на приглагольное употребление аффикса *-га-* нельзя установить в качестве нормы понудительное значение. Господствующим в них, за единичными исключениями, является учащательно-интенсивное значение. Ср.:

чалхамаг 'взбалтывать', 'взбивать'; 'плескать'; 'качать'— от глагола *чалмаг*, среди многочисленных значений которого в качестве основных можно выделить «бить», «забивать», «вбивать», «хлопать», «колотить», «стучать»; «махать (крыльями)»;

**озхамаг* 'крошить', глагол, реконструируемый из отглагольного существительного *овханты* 'крошки'; он более известен в других тюркских языках в формах *ovalamak||oğalamak* (тур.), *уқала-* (узб., казах., кирг.) со значением «тереть», «растирать ладонями», «мять», «массировать», а в узбекском еще и «мельчить»; все эти формы образованы при помощи аффиксов *-ala-* или *-қала-*, имеющих также учащательное значение; исходная форма глагола **овханмаг—овмаг* сохранилась в языке и означает «мять», «разминать», «крошить»; «растирать», «массировать»; «рыть», «копать», «выдалбливать», «делать выемку»; ср. также *ау-* (чагат.)=*уа-* (*уға-*, *у-*) 'растирать', 'растолочь' (Радл., Сл., I, 67); между прочим, значение «рыть» и пр. глагола *овмаг* то же, что и у глагола *оймаг*, на основании чего, а также на основании фонетического соответствия $\gamma \sim \upsilon \sim j$ можно соединить цепь параллельных форм *оğ-||ов-||ой-* и возвести их к единой форме **ой-*;

jajханмаг||jаханмаг 'ходить переваливаясь'—от глагола *jajмаг*, среди значений которого, однако, отсутствуют близкие к значению глагола *jajханмаг*;

узб.: *чайқамоқ* 'полоскать'—от глагола *чаймоқ* 'полоскать', 'купать (животных)', ср. кирг. *чайка-* 'качать', 'колебать', 'полоскать', 'ополаскивать'; казах. *шайқа-* 'качать', 'раскачивать', 'взбалтывать', 'сбивать (масло)'; 'полоскать (белье)'—от глагола *шай-* 'смывать', 'промывать (например, землю, образуя овраг)'; 'ополаскивать'; тат. *чайка-* 'полоскать', 'всполаскивать', 'промывать'; 'качать', 'махать (крыльями, рукой)'; 'мотать (головой)'; хак. *чай-* 'полоскать', 'ополаскивать'; в турецком языке рассматриваемому глаголу соответствует *yaykamak* 'стирать', 'мыть', 'купать' и его фонетически стяженная форма *yıkamak* с теми же значениями; таким образом, центральными значениями рассматриваемых глаголов являются «качать» и «полоскать», из коих первое связывается со значением кирг. *жайка-* 'трясти', 'приводить в движение' и азерб. *jajхан-*, на основании чего можно объединить все эти глаголы в один ряд с исходным значением «качать» и вторичным значением—«полоскать»;

бурқамоқ 'закутывать', 'окутывать', 'покрывать', 'прикрывать'—от глагола *бурмоқ* 'поворачивать', 'заворачивать', 'повертывать';

мингашмоқ 'садиться вдвоем верхом (на лошадь, велосипед)'—от глагола *минмоқ* 'садиться (верхом)'; глагол на *-га-* здесь осложнен еще показателем взаимно-совместного залога *-ш-*; учащательное значение—если оно только было—в настоящее время не воспринимается;

юлқимоқ 'дергать', 'выдергивать', 'сдергивать'—от глагола *юлмоқ* 'выщипывать', 'выдергивать', 'царапать'; учащательная форма от *ёл-//юл-* в других тюркских языках образована при помощи аффикса *-ыг-* (см. стр. 282—295);

тарқамоқ 'расходиться', 'разбрестись'; так же в казахском, киргизском и в некоторых других тюркских языках; исходный глагол—*тар-*, который более известен в тюркских языках в «распространенном» виде *тара-* (казах., кирг., тув., хак. и др.) со значением «расходиться», «распространяться»; в узбекском, хакасском, киргизском, казахском, тувинском и татарском сохранилась более известная понудительная форма *тарат-* со значением «распространять», «раздавать», «распускать»; «рассеивать», «разгонять», «заставлять разойтись»; форма *тара-* совпадает с омонимичным глаголом «чесать», «расчесывать», который в некоторых словарях (хакасском, казахском, киргизском и др.) ошибочно объединяется вместе с первым глаголом в одной словарной статье; следы глагола *тара-* сохранились также и в азербайджанском языке, где имеется глагол *дарашмаг* с конкретным значением «наброситься на что-нибудь вкусное в большом количестве», ср. *гарышгалар мүрәббәјә дарашыр* 'муравьи набрасываются на варенье';

казах.: *қозға-*[42] 'двигать', 'шевелить', 'колебать'; 'возбуждать', 'тревожить', 'трогать'—от глагола *қоз-* 'возбуждаться', 'раздражаться'; 'увлекаться', 'проявлять интерес'; 'возобновляться (о болезни)'; то же значение в киргизском *козго-*, но исходная форма глагола в словаре не приводится, поскольку она вытеснена производной от *козго-* медиальной формой *козгол-* 'двигаться', 'шевелиться'; в татарском нет и формы *қозға-*, так как ее заменила производная отсюда понудительная форма *кузгат-* 'шевелить', 'сдвигать', 'двигать', 'трогать с места', 'приводить в движение, в колебание, в смущение, смятение', 'возмущать', 'возбуждать'; в итоге в татарском языке обе формы (и переходная и непереходная) являются вторичными; таким образом, наиболее старые формы глагола *қозға-* пред-

[42] См. также A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 111, 112: *kozγa-* 'ruszać', 'poruszać', 'drażnić', 'niepokoić'—от распространенной формы *kozu-* 'drażnić'.

ставлены в казахском глаголе *қоз-*, а также в западнокараимском «распространенном» *kozu-*[43], имеющем, однако, переходное значение, что свидетельствует о древности корней *қоз-//ḳozu-*; форма *қозға-*—единственная среди имеющихся у нас примеров, в которой аффикс *-га-* мог бы рассматриваться в качестве переходного, однако западнокараимская форма исходного глагола с переходным значением «дразнить» препятствует такому допущению.

кирг.: *тайгыл-* 'скользнуть', 'поскользнуться'—от глагола *тай-* 'скользить'; форма с аффиксом *-гы-* в данном глаголе наращена еще показателем *-л-* в медиальном значении, в других языках также вторичная форма на *-га-* или *-гы-* осложнена залоговым показателем; ср. узб. *тойғанмоқ* 'скользить', 'поскользнуться'—при основном *тоймоқ* 'скользить', 'поскользнуться', 'вывихнуться'; 'отступать', 'отказываться'; в казахском вторичная форма осложнена еще больше и имеет вид *тайғана-* 'поскользнуться'—при основном *тай-* 'скользить'; в татарском, как и в ряде других тюркских языков, имеется лишь исходный глагол *тай-* с изменившимся значением «поскользнуться», «вывихнуться»; вместе с тем во всех перечисленных и других тюркских языках имеется прилагательное *тайғақ*, *тайғак*, *тойғоқ* со значением «скользкий», что дает возможность восстановить во всех этих языках форму **тайға-*, **тойғо-*;

эңкей- 'нагибаться' — при основном глаголе *эң-* 'наклонившись, коснуться земли (о всаднике и некоторых хищных птицах)', так же в узбекском *энкаймоқ* 'склоняться', 'клониться (книзу)' и казахском *еңкей-* 'наклоняться', 'пригибаться', вытеснившем исходный глагол **ең-*; в остальных языках имеется лишь исходный глагол *эң-*, *эн-*, *in-* со значением «спускаться», «опускаться», «слезать», «снижаться», «понижаться»— в азербайджанском языке; с добавлением «оседать», «оползать», «заходить», «закатываться (о солнце)» — в татарском языке; и с добавлениями «падать (о ценах)», «опадать (об опухоли)», «успокаиваться», «утихать»; «делать остановку (в пути)»; «обрушиваться (о стене, потолке и пр.)»; «случиться», «приключиться» (об апоплексическом ударе) — в турецком;

Радл., Сл.: *aytky-* (со ссылкой на киргизский = казахский) 'переваливаться с одной стороны на другую', 'качаться всем телом с боку на бок', 'идти боком вперед' — от глагола *ayt-* (бараб., чагат.) 'качать', 'успокаивать ребенка', являющегося понудительной формой от глагола *ay-* 'сваливаться', 'опрокидываться' (казах.), 'свешиваться на одну сторону', 'переваливаться', 'склоняться' (кирг. *оо-*).

---

[43] Ibid.

Как показывают примеры из разных языков, аффикс *-га-//-гы-* в приглагольном употреблении разделил судьбу большинства древних аффиксов с учащательно-интенсифицирующим значением, в ряде случаев потеряв свое грамматическое значение и сохранившись в производном глаголе на положении рудимента. Учащательно-интенсифицирующее значение в приведенных выше глаголах ясно воспринимается в глаголах *јајханмаг, чалхамаг, аутку-;* в остальных оно исчезло, и глаголы либо вернулись к семантике исходной формы (*чайқамоқ, юлқамоқ, тарқамоқ*), либо изменились, подвергшись количественным (*тайгыл-*) или качественным (*мингашмоқ, буркамоқ, козға-*) модификациям, которые нам представляются лексикализованными лишь потому, что мы не знаем полного состава значений как названного, так и других архаических глаголообразующих аффиксов, применявшихся также и для образования глаголов от глаголов.

АФФИКС *-ар-//-әр-*

Вопрос о вариациях гласного в этом аффиксе остается неясным. В подавляющем числе случаев гласный в нем бывает обычно широким. Среди примеров, которыми мы располагаем, лишь четыре глагола содержат узкий гласный в аффиксе, причем один из примеров является сомнительным (см. ниже). Вполне возможно, что и в данном случае налицо колебание между узким и широким гласным аффикса. Вместе с тем теоретически нельзя считать исключенным разное происхождение формы *-р-* с широким и формы *-р-* с узким гласным [44].

Показатель *-ар-* в качестве глаголообразующей формы отмечается специалистами во всех языках тюркской группы [45]. Н. К. Дмитриев, Л. Н. Харитонов, А. Н. Кононов считают его

---

[44] Разными считает эти аффиксы А. Гулямов, см. А. Ғуломов, *Фе'л*, б. 71.

[45] «Грамматика алтайского языка», § 75; Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 178, 179; Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке*, стр. 65—69, 128—136; А. Н. Кононов, *Грамматика туркменского языка*, § 233; «Азәрбајчан дилинин грамматикасы», стр. 171; Н. П. Дыренкова, *Грамматика хакасского языка*, стр. 68, 69; Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, стр. 143; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 320; «Қазіргі қазақ тілі», б. 284; J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 842; G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 199, 200; G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, S. 33, 34; M. Horten, *Kleine türkische Sprachlehre*, S. 47; J. W. Redhouse, *Grammaire raisonnée de la langue ottomane*, Paris, 1846, § 781; V. H. Hagopian, *Ottoman-turkisch Conversation-Grammar*, § 828; J. Németh, *Türkische Grammatik*, S. 94; A. C. Emre, *Türk dilbilgisi*, s. 130—132; B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*, s. 294, 299; B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 120, 121, 125.

продуктивным, остальные авторы грамматик обходят этот вопрос молчанием. Можно отметить, что в сравнении с якутским языком, в котором при помощи *-ар-* образовано большое количество слов, в других тюркских языках таких глаголов немного, причем все они, за исключением единичных случаев, образованы от древних односложных именных корней, неразложимых основ типа *ағ, агыр, боз, гәбе, өзге, булт, айнах, жаңы, ескі, уз, bay, delü, kaygı, mor, жаш, kök, күүс, хуу, хуба* и т. д. или древнейших образований *яхшы//жақшы//жақсы, сывăх* (общетюрк. *яғуқ//явуқ*), *қысқа//кыса, эрмегү* и некоторых других, восходящих к архаическим глаголам. Среди примеров, которые нельзя считать исчерпывающими, имеются две основы иранского происхождения (*оста//уста* и *гап*) и одна основа, заимствованная из русского (*чист*). Поскольку последняя отмечается в татарском языке, правильно считать, что в нем продуктивность показателя *-ар-* еще не совсем исчезла. Во всяком случае, в ближайший период, когда могло проникнуть в татарский язык русское заимствование *чист*, аффикс *-ар-* был еще продуктивным. Все остальные глаголы, приводимые дальше, можно считать достаточно старыми образованиями, не исключая и глаголы с иранскими по происхождению основами, поскольку тюркско-иранские языковые связи берут начало с весьма ранних периодов истории тюркских и иранских племен и народов.

Вопрос об этимологии аффикса *-ар-* и его генетических связях решается в науке по-разному [46].

Именные основы глаголов на *-ар-* входят в те же рубрики, что и у других производных глаголов. Среди основ различаются названия признака результата или процесса-результата, процесса, орудия или средства, предмета действия, места (направления и расстояния), формы, в редких случаях — речи и субъекта. Значения основ расположены в этом перечне по их роли в глаголообразовании. Наибольший удельный вес имеют основы, означающие признак результата или процесса результата. Они охватывают почти половину всех основ. Следующую группу (около 18%) составляют основы со значением результата. Прочие значения основ играют небольшую роль, особенно основы, означающие форму или вид.

Таким образом, господствующее положение занимают основы, значения которых менее всего поддаются регламентации при формировании значения переходности или непереходности в глаголе. Как уже известно из анализа аффиксов *-ла-, -а-//-ы-* и других, атрибутивные значения именных основ оказываются бога-

[46] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, S. 34; G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 199, 200; J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 842; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 319, 320.

тейшим источником глаголообразования, когда они облекаются в глаголообразующие формы с собственным значением непереходности (аффиксы *-лан-, -лаш-*). Но там, где они сосуществуют рядом с другими значениями основ, они либо приводят к отпадению непереходных (медиальных) значений, как, например, в аффиксе *-ла-*, либо же к отмиранию словопроизводной формы, как, например, аффиксов *-а-//-ы-*. Обратимся к материалу глаголов с аффиксом *-ар-*.

1. Глаголы, основы которых означают признак результата или процесса-результата:

ағармаг 'белеть', 'делаться, становиться белым', 'седеть'; 'белеться', 'виднеться', 'светлеть', 'светать'; 'покрываться снегом' — от *ағ* 'белый'; ср. туркм. *ағармак* с теми же значениями (кроме последнего), тат. *агар-*, хак. *ағар-* с такими же значениями, что и в туркменском, а также кирг. *агар-* 'белеть', 'блестеть', казах. *ағар-* 'белеть'; 'становиться чистым'; 'седеть'; 'светать';

бозармаг 'делаться, становиться серым', 'бледнеть', 'линять' — от *боз* 'серый', 'пасмурный'; ср. казах. *бозар-*, кирг. *бозор-*, узб. *бўзар-* 'бледнеть', 'сереть';

туркм.: *агрармак* (из *агырармак*) 'тяжелеть', 'становиться тяжелым', 'прибавляться в весе'; 'ухудшаться (о болезни)';

өзгермек 'изменяться', 'переменяться', 'сменяться' — от прилагательного *өзге* 'другой', 'иной', 'прочий'; 'чужой'; ср. кирг. *өзгөр-*, тат. *үзгәр-*, казах. *өзгер-*, узб. *ўзгармоқ*, тув. **өскер-* (на основании *өскертир-*) в общем с теми же значениями;

тур.: *bayırmak* 'богатеть', 'обогащаться' — от **bay* 'богач', 'богатый', ср. *байы-* в кыпчакских и других языках;

morarmak 'становиться фиолетовым', 'становиться лиловым' — от *mor* 'фиолетовый', 'лиловый'; так же в крым.-тат. (*морармакъ*);

sararmak 'желтеть', 'бледнеть'; так же в крым.-тат. (*сарармакъ*); алт. и кирг. *саргар-* (аффикс *-гар-*)—в тех же значениях, а в алтайском еще «вянуть» и «стареть». Глагол происходит от имени **сар*, известного во всех тюркских языках в «распространенной» форме *сары*, но сохранившегося в «нераспространенной» форме в чувашском в виде *шур* 'бельмо'; 'белый' и в производном глаголе *шурал-* 'белеть', 'бледнеть'; 'седеть', 'стариться'; 'рассветать', образовавшемся от этого имени; *сарар-* обычно производят от *сары* + *-ар-*, но остается неясным, почему при образовании глагола отпал конечный гласный основы *сары*, когда следовало бы ожидать образования глагола в форме *сарыр-* (по типу *эскир-* — от *эски*, *жакшыр-* — от *жакшы* и т. п.);

казах.: *ескір-* 'стареть', 'приходить в ветхое состояние', 'изнашиваться (об одежде'); 'делаться черствым (о хлебе)' — от прилагательного *ескі* 'старый', 'ветхий', 'изношенный', 'поношенный'; ср. кирг. *эскир-*, узб. *эскимоқ*, тат. *искәр-*, Atebet. *eskir-* (Fihr., XXI) в том же значении;

жақсар-, кирг. *жакшыр-*, тат. *яхшыр-* 'улучшаться', 'становиться лучше' — от прилагательного (**жакса?||*) *жаксы||жакшы||яхшы* 'хороший';

ұзар-||ұза- 'удлиняться', 'становиться длиннее'; ср. с *ұза-* 'удаляться', 'отделяться', 'затягиваться'.

Таким образом, приведенные глаголы — однокоренные с общим элементом *ұз*, который едва ли имеет что-либо общее с огузским *уз* 'хороший'[47] (ср. тур. *az olsun*, *uz olsun* 'лучше меньше, да лучше'). Глагол *узар-* в том же значении имеется также в киргизском языке. В остальных языках он выступает в форме *узай-*, а в туркменском — *узал-* и *уза-* в значении казахского *узар-*; тур. *uzamak* объединяет в себе все значения *уза-*, *узар-||узай-*: «быть, становиться длинным, долгим», «удлиняться», «длиться», «тянуться», «долго продолжаться»; «прибавляться в росте», «расти»; «быть далеко», «уходить далеко», «запаздывать», «замедлять»;

кирг.: *жашар-* 'молодеть' — от прилагательного *жаш* 'молодой'; ср. казах. *жасар-*, тат. *яшәр-||яшәй-*, узб. *ёшармоқ* и другие с тем же значением;

жаңыр- 'обновляться' — от прилагательного *жаңы* 'новый'; ср. казах. *жаңар-*, тат. *яңар-* с тем же значением;

тат.: *чистар-* 'очищаться' — от заимствованного из русского *чист*;

хак.: *көгер-* 'синеть', 'зеленеть'; 'прорастать', 'давать ростки' — от имени *көк* 'синий', 'голубой', 'зеленый', 'зелень', 'трава'; ср. кирг. *көгөр-* в тех же значениях + «приниматься (о растении)»; тат. *күгәр-* 'плесневеть', 'ржаветь', 'синеть', 'багроветь'; узб. *кўкармоқ* со всеми приведенными значениями + «начать разлагаться (о мясе)»; значения тувинского *көгер-* совпадают с хакасскими; в чувашском *кăвакар-* имеются все перечисленные значения, за исключением «прорастать» и «ржаветь»;

хубар- 'бледнеть', 'белеть (о лице)', 'желтеть (о траве)' — от прилагательного *хуба* 'бледный', 'бледно-желтый', 'светло-красный', 'светло-коричневый'; основа *хуба* известна и в других тюркских языках; ср. казах. *құба* 'бледно-желтый цвет', 'светло-желтая масть (коровы)', кирг. *куба* 'белый', 'бледный', 'блондин';

---

[47] Тур. *uz* 'хороший' восходит к глаголу *u-* 'мочь' (Малов, Пам., 437).

хуур- 'выцветать', 'выгорать', 'обесцвечиваться' — от прилагательного *хуу* 'белый', 'бледный', 'бесцветный'; глагол *хуур-* этимологически связан с предыдущим глаголом;

якут.: *аймаҕыр-* 'породниться', 'вступать в родство' — от существительного *аймах* 'родня', 'родство', 'родственник';

дьэҥкэр- 'становиться прозрачным', 'проясняться' — от прилагательного *дьэҥкэ* 'прозрачный', 'ясный';

илээтир- 'проматывать' — от существительного *илээт* 'мот';

көрсүөр- 'быть более рассудительным, благоразумным, скромным' — от прилагательного *көрсүө* 'скромный', 'рассудительный', 'благоразумный';

күүһүр- 'укрепляться', 'получать силу', 'делаться сильным' — от существительного *күүс* 'сила';

хараар- 'чернеть', 'становиться черным' — от прилагательного *хара* 'черный';

Abu-Hay.: *bälg'ürdi* 'стал очевидным, ясным' — от *bälg'ü* 'ясный', 'очевидный' (17);

delürdi 'он обезумел', 'он стал безумным' — от *delü* 'безумный', 'сумасшедший' (33);

Ettuhfet.: *azar-* 'уменьшаться' — от *az* 'малый', 'мало' (Dizin, 146);

kiskar- 'укорачивать', 'сокращать' — от *kıska* 'короткий' (Dizin, 199);

Przekł. Kalili i Dim.: *oŋar-* 'naprawiać', 'poprawiać' (136) — от *oŋ* 'prawy', 'pomyślny', 'dobry' (там же); ср. совр. тур. *unarmak* 'улучшать', 'исправлять', 'поправлять';

Izbudak: *ol uzun nesneyi kısardi* 'он укоротил длинную вещь' (36) — от *kısa* 'короткий'; глаголы *kıskar-* и *kısar-* являются идентичными; основа первого имеет кыпчакскую форму, основа второго — огузскую;

Atebet., Fihr.: *külčir-* (по-видимому, из *külü-či-r-*) 'улыбаться'.

2. Глаголы, основы которых означают результат:

көзәрмәк 'накаляться' — от существительного *көз* 'горячие угольях', 'жар'; ср. с приводившимся в главе I *көзләмәк* 'перегорать, превращаясь в раскаленный уголь';

көјәрмәк 'расти', 'дать ростки' — от существительного *көј* 'зелень'; ср. с уже приводившимися кирг. *көгөр-*, узб. *кўкармоқ*, хак. *көгер-*;

јашармаг 'делаться влажным' — от *јаш* 'влага', 'мокрый', 'влажный';

Радл., Сл.: *одыр-* 'развести, зажечь огонь' — от существительного *от* 'огонь';

туркм.: *бӯгармак* 'испаряться', 'выделять пары' — от существительного *бӯг* 'пар';

тур.: *tozarmak* 'превращаться в пыль' — от существительного *toz* 'пыль';

тат.: *остар-* 'становиться мастером своего дела', 'изловчиться в чем-либо', 'специализироваться' — от существительного *оста* 'мастер', 'специалист';

чув.: *пасар-* 'заиндеветь', 'затянуться инеем' — от существительного *пас* 'иней', 'изморозь'.

якут.: *аатыр-* 'прославиться', 'делаться известным', 'возвеличиваться' — от существительного *аат* 'слава', 'репутация', 'имя', 'название'.

3. Глаголы, основы которых означают название процесса:

тур.: *kayğırmak||kayırmak* 'заботиться', 'печься'; 'огорчаться', 'печалиться'; 'защищать', 'покровительствовать', 'устраивать', 'определять на должность, на службу' — от существительного *kayğı* 'забота', 'дума', 'горе', ср. узб. *қайғирмоқ* 'горевать', 'печалиться', 'огорчаться', 'заботиться', кирг. *кайгыр-* 'печалиться', 'горевать'; чув. *хуйхăр-* 'горевать', 'печалиться', 'грустить', 'тосковать', 'кручиниться' — от *кайгы*, *хуйхă||хуйăх* 'печаль', 'горе', 'кручина', 'невзгода', 'грусть', 'забота';

узб.: *гапирмоқ* 'говорить' — от существительного *гап* 'слово', 'разговор';

казах.: *бұлтар-* 'круто повернуться в сторону', 'шарахнуться' — от подражательного слова *бұлт*, которое связано с *бұлқ-* 'делать порывистые движения'; корнем обоих глаголов является подражательное слово *бұл*;

жалтар- 'неожиданно (вдруг) повернуться в сторону', 'шарахнуться в сторону' — также от подражательного слова *жалт*, которое, как и предыдущее (*бұлт*), является звукоописанием быстрого, порывистого движения, вспышки, блеска и т. п.; ср. *жалт бұрыл-* 'шарахнуться в сторону', 'круто повернуться'; *жалт жұлт* 'повторяющиеся вспышки (огня, молнии)';

якут.: *баҕар-* 'желать', 'иметь влечение', 'намереваться' — от существительного *баҕа* 'страсть', 'склонность', 'влечение', 'желание', 'охота'.

4. Глаголы, основы которых означают орудие:

говурмаг 'жарить', 'поджарить', 'зажарить' — от существительного *гов* (?) 'трут'; ср. кирг. *куур-*, казах. *куыр-* в том же значении;

ejирмәк 'прясть', 'сучить' — от основы **eju*, которая имеется, например, в турецком в форме *iği* 'веретено', восходящей, возможно, к *ийик* (как в киргизском) или *ик* (как в турк-

менском) < *игик, откуда можно было бы восстановить глагол *иги- или *иг-, *эги- или *эг-;

сувармаг 'поить водой (животных)'; 'полить', 'поливать (поле, огород и пр.)', 'орошать' — от существительного *су* < *сув* 'вода'; глагол *сувар-*, широко распространенный в тюркских языках, П. М. Мелиоранский также был склонен рассматривать в качестве образования с аффиксом *-ар-* (Мел., Ар. фил., LXXIX); огузскую форму *сувар-* ср. с кирг. *сугар-*, узб. *суғормоқ*, хак. *суғар-* (где *-гар-* = *-ар-*), казах. *суар-*, чув. *шӑвар-*, который означает еще «закаливать сталь (путем нагревания до высокой температуры и быстрого охлаждения в воде)»;

хак.: *онъар-* 'понимать', 'разуметь' — от существительного **онъ* 'сознание' (*о-нъ* < **о-* 'думать', ср. *ӧ-* в том же значении, Малов, Пам., 405).

Как показывают примеры, глаголы на *-ар-*, образованные от основ, означающих орудия, здесь также имеют переходное значение.

5. Глаголы, основы которых означают предмет действия.

отармаг 'пасти', 'потравить (истреблять пастьбой)' — от существительного *от* 'трава'; тот же глагол имеется в турецком, туркменском; в большинстве же языков, не исключая и туркменский, в значении «пасти» или «ухаживать», «присматривать за скотом» употребляется другой глагол: *бақ-* 'присматривать';

тур.: *okarmak||ok'amak* 'пускать стрелы'; *метаф.* 'бросаться вперед', 'устремляться'; глагола *оқар-* словари тюркских языков не отмечают; глагол *оқла-||оқта-* встречается в ряде языков (узб., казах., кирг., хак.), но повсюду он потерял свое первоначальное значение, связанное со стрелой, и стал обозначать «стрелять (из ружья)»; таким образом, в турецком языке сохранилась более древняя семантика глагола *oklamak* и параллельная последней древняя форма глагола с аффиксом *-ar-*, что свидетельствует о большом историческом возрасте данной формы глаголообразования;

хак.: *ибір-* 'обходить кругом, вокруг чего-либо', 'объезжать', 'окружать'; 'вращать', 'вертеть' — от существительного *иб* 'дом', 'юрта'.

Как видно из примеров, глаголы на *-ар-* с объектным значением основ имеют переходное значение, как и формы на *-ла-*.

6. Глаголы, основы которых означают место (направление, расстояние):

тур.: *sırtarmak* 'прислоняться спиной'; 'подкрепляться'; 'проявлять смелость'; 'противиться', 'сопротивляться' — от существительного *sırt* 'спина', 'хребет', 'гребень' (горы)';

узб.: *ўнгармоқ* 'класть (что-либо) впереди себя (о всаднике)', 'взваливать на плечо' — от **ўнг* 'находящееся впереди', 'передняя часть';

чув.: *сывăхăр-//сывхăр-* 'приближаться', 'подходить' — от прилагательного *сывăх* 'близкий' (общетюрк. *яғуқ//явуқ*).

7. Глаголы, основы которых означают форму, вид:

туркм.: *гәбермек* 'раздуваться (о животе)' — от прилагательного *гәбе* 'раздутый (о животе)'. Турецкий глагол *gebermek* на основании каузативной связи (см. гл. III) приобрел значение «издохнуть», «околеть» (о животных), однако основа *gebe* семантически развивалась в другом направлении, в результате чего выработалось значение «беременная».

8. Глагол с основой, означающей речь:

узб.: *тисармоқ* (*тис-а-р-моқ?*) 'пятить', 'заставлять пятиться'; ср. *тисламоқ* в том же значении «подать назад (о лошади)», «осадить» — от *тис* — окрик на лошадь, чтобы она попятилась назад.

9. Глагол с основой, означающей субъект:

якут.: *тыалыр-* 'дуть', 'подуть (о ветре)' — от существительного *тыал* 'ветер'.

Помимо примеров из современных языков, некоторый материал на форму *-ар-* можно извлечь из словаря Махмуда Кашгарского. Автор специально отмечает в числе других глаголообразующую форму *-ар-*, указывая, что «это глаголы, образующиеся от имени, как, например, *kizardi* в предложении *ton kızardı* 'одежда стала красной'; глагол происходит от *kızıl erdı* со значением „стать красным“» (M. Kāşgarī, II, 163). Примеры из словаря Махмуда Кашгарского:

tazar-//tazgar-//tazgır- 'облысеть', 'становиться лысым' — от *taz* 'лысый' (Dizin, 591): *er başı tazgardı* 'голова человека облысела' (II, 178); как показывают приведенные формы глагола, аффиксы *-ар-//-гар-//-гыр-* параллельны, что подтверждается и в других случаях;

küzer-//küzger- 'наступать, приближаться (об осени)'—от *küz* 'осень' (Dizin, 403); *ödhlek küzgerdi* 'время подошло к осени' (II, 196); *öd küzerdi* 'наступила осенняя пора' (II, 77);

köler- 'образоваться (о пруде)', 'скопляться (о воде)' — от *köl* 'пруд' (Dizin, 358); *kaklar kamuğ kölerdi* 'на высохшей земле скопилась вода (образовались пруды)' (I, 179);

ermegür- 'становиться ленивым' — от *ermegü* 'ленивый' (Dizin, 191).

К числу форм с показателем *-ар-* следовало бы, возможно, присоединить также глаголы *чүчәрмәк* 'пускать ростки', 'всходить', 'пробиваться из земли' (о растениях) (от *чүчә*); *габармаг* 'подниматься', 'вздуваться', 'набухать', 'разбухать'; 'появляться' (о мозолях, волдырях) (от *габ?*), однако морфологический состав этих глаголов неясен.

Более тщательная выборка глаголов с аффиксом *-ар-* из других тюркских языков значительно расширит приведенный выше перечень. Однако новые материалы не могут существенным образом изменить выявившиеся соотношения в значении основ глаголообразования, поскольку они (соотношения) составляют характеристику глаголов на *-ар-*.

Выше отмечалось, что глаголы на *-ар-*, образованные от основ со значением орудия и предмета действия, имеют переходные значения. В глаголах с аффиксом *-ла-* переходными были, кроме того, также глаголы, основы коих означают форму (вид, строение, подобие). В непродуктивных же формах такие основы нейтральны к категории переходности-непереходности. Таким образом, разряды переходных глаголов на *-ар-* ограниченны. Среди приводившихся примеров лишь десять (образованных от основ, обозначающих названия орудия и предмета действия) имеют переходные значения. Совсем нет переходных значений среди глаголов, основы которых означают признак, результат и название процесса и составляют преобладающее большинство основ глаголообразования в форме *-ар-*. Исходя из этого, можно было бы последний тип основ и непереходное значение формы *-ар-* считать ведущими, т. е. развивающимися. Однако форма *-ар-* непродуктивна, и потому отмеченные черты следует скорее считать тенденцией, не нашедшей своего осуществления. Причина заключается в том, что, с одной стороны, не было преодолено противоречие между переходным и непереходным значением и условиями образования того и другого, с другой же стороны, вступила в действие форма *-лан-*, а в дальнейшем — *-лаш-*, с заранее заданным непереходным значением и с развивающейся грамматической унификацией основ глаголообразования, в результате чего форма на *-ар-* постепенно вышла из употребления.

В семантическом строении глаголов на *-ар-* можно наметить те же четыре разновидности, прослеживаемые и в других глаголообразующих формах. Господствующим типом в глаголах на *-ар-* является первый, поскольку основы со значением признака-результата и процесса-результата составляют бóльшую часть именных основ. Примеры на оба семантических типа можно найти в рубриках 1 и 3, приводившихся выше.

Третий тип семантического строения представлен в глаголах 2, 4, 5 и 6-й рубрик, в которых основы означают результат, ору-

дие, предмет и место процесса. К глаголам третьего семантического типа относятся следующие: *одыр-* 'развести, зажечь огонь', *бӯгармак* 'испаряться' (т. е. превращаться в пар), *tozarmak* 'превращаться в пыль', *остар-* 'становиться мастером своего дела', *пасар-* 'заиндеветь', 'затягиваться инеем'. Значения перечисленных глаголов включают общее процессуальное значение «образоваться», «превращаться» и предметное значение, названное в именной основе («превращаться»+«пар», «образоваться»+«иней» и т. п.). Аналогичным образом строятся значения и остальных глаголов третьего типа, но лишь с тем отличием, что общее процессуальное значение здесь иное, например: *сувармаг* 'поить водой (животных)'; 'орошать' = «давать» + «вода», *okarmak* 'пускать стрелы'; *ибір-* 'обходить вокруг чего-либо' (здесь значительно более общим является не процессуальное, а предметное значение «что-либо»); *ӱнгармоқ* 'класть что-либо впереди себя' (здесь также пространственное значение «впереди» является более обобщенным, чем процессуальное значение «класть») и т. п. Как показывают эти иллюстрации, в соотношениях элементов, образующих семантическую структуру глагола, возможны и противоположные отношения: предметное значение может оказаться более отвлеченным, чем процессуальное, тогда как до сих пор значительно более распространенными были примеры глаголов с обратным соотношением структурных элементов.

Просмотр материала предыдущих разделов может обнаружить аналогичные случаи и в других формах словообразования. Они представляют особый интерес, поскольку подтверждают намеченный в разделе об аффиксе *-ла-* ход семантической эволюции глаголов третьего типа путем постепенного обобщения одного из элементов значения, его последующего отпадения и дальнейшего обобщения семантики другого элемента в значении отыменного глагола.

Приводившийся вместе с другими глагол *ибір-* имеет ближайшее отношение к глаголу *эвирмек* в туркменском, древнетюркском (в названной и параллельной форме *ävür-//äbir-*, Малов, Пам., 362, 367) и к парному глаголу в турецком *evirmek çevirmek* 'вертеть во все стороны', 'поворачивать' (отдельно не употребляется). Такое же значение он имеет и в туркменском и древнетюркском языках, ср. *...on tünkä jantyqy tuɣ äbirü (R birü) bardymyz* (Малов, Пам., 62_{26}; *Тоñ.*, 26) '...и в десять ночей мы прошли до склона [горы], обойдя [горный, снежный] завал'. Это значение глагола *äbir-* из памятника в честь Тоньюкука не оставляет сомнений в том, что перед нами тот же глагол, что и хак. *ибір-* 'обходить кругом, вокруг чего-либо'. Остается лишь выяснить, каков по происхождению второй, предметный элемент комплексного значения «обходить»+«во-

круг к о г о-, ч е г о-л и б о». Поскольку конкретное значение предметного элемента заключено в именной основе, можно установить, что таковым является хак. *иб*, общетюрк. *эб//эв* — «дом», а в хакасском (по-видимому, и в древних тюркских языках) — «юрта». Таким образом, первоначальным значением *äbir-//ибір-// эвир-* является * «обходить вокруг дома, юрты». Фраза из памятника в честь Тоньюкука дает нам промежуточное значение рассматриваемого глагола — «обходить ч т о-л и б о». Туркменский *(эвирмек)* и турецкий *(evirmek)* глаголы предстают в наиболее отвлеченном виде, без ограничительного предметного значения «дом», «юрта» или более отвлеченного — «кого-, что-либо». В хакасском глаголе представлены — что бывает редко — обе ступени семантического развития глагола: 1) промежуточная ступень (значение предметного элемента еще не исчезло, но в большой степени обобщилось, подготовив условия его отмирания); 2) следующая ступень (предметное значение уже отпало, и процессуальное значение получило возможность более свободного развития): «вращать», «кружить», отсюда хак. *ибіріл-* 'кружиться', 'вертеться', 'быть окруженным'.

К третьему семантическому типу из глаголов на *-ар-* принадлежит еще глагол *көјәрмәк* 'расти', 'давать ростки'.

К четвертому семантическому типу принадлежат глаголы *көзәрмәк* 'накаляться' и *әјирмәк* 'прясть', 'сучить'. Первый глагол, образованный от существительного *көз* 'горящие уголья', 'жар', этимологически мог означать * «становиться таким [красным], как горящие уголья», откуда с дальнейшим отпадением предметного значения «горящий уголь» развилось и закрепилось значение «накаляться».

Метафорическое значение «проявлять смелость», «противиться», «сопротивляться» при основном «прислоняться спиной» имеется в глаголе *sırtarmak*. Метафорическое значение является обобщенным, как и в глаголе *okarmak* 'бросаться вперед', 'устремляться' при основном «пускать стрелы».

Значения формы на *-ар-* довольно близки к значениям аффикса *-ла-*. Глаголы на *-ар-* означают: 1) пребывание в каком-либо состоянии, переход в него, появление и развитие признака, предмета, превращение; 2) действия, вызывающие у предмета или сообщающие ему какое-либо состояние, форму, вид; 3) активные, как правило, сознательные действия, нередко направленные на предмет. Более 80% глаголов на *-ар-* имеют первое значение. Это преобладающее значение отмечается в специальных исследованиях, где указывается, что глаголы на *-ар-* «...являются глаголами становления... В подавляющем большинстве случаев эти глаголы являются непереходными. Исключения весьма редки...» и далее: «Общей семантической особенностью глаголов становления на *-ар-* является то, что в основе их образова-

ния лежит понятие признака»[48]. Другие исследователи распределяют значения глаголов с показателем *-ар-* по более конкретным группам: глаголы на *-ар-* «от прилагательных и наречий означают переход в вид или состояние, указанное основой... от существительных — обладание предметом, указанным в основе»[49]. Большинство авторов в работах о тюркских языках отмечает образование глаголов с аффиксом *-ар-* от прилагательных со значением цвета[50] (см. примеры в рубрике 1), что далеко не исчерпывает конкретных значений данных глаголов.

К первой группе относятся все глаголы, значения коих построены по первому семантическому типу.

Ко второй группе относятся глаголы: *одыр-* 'разводить, зажигать огонь', *әјирмәк* 'прясть', 'сучить', *говурмаг* 'жарить', 'изжаривать', 'поджаривать'.

К третьей группе относятся глаголы: *сувармаг* 'поить водой (животных)'; 'поливать', *онъар-* 'понимать', 'разуметь', *отармаг* 'пасти', *ӱнгармоқ* 'класть что-либо впереди себя', *сывăхăр-* 'приближаться', 'подходить'.

Ряд глаголов с неясным морфологическим составом имеет на конце элемент *ар* или *әр*. Пока не произведен вполне надежный морфемный анализ глаголов этой группы, нельзя ни отвергать, ни признавать их принадлежность к формам на *-ар-*. Возможно, что некоторые из них восходят к понудительным формам с аффиксом *-р-*. Приведем некоторые из этих глаголов.

гајырмаг 'делать', 'чинить', 'производить', 'изготовлять';

ганырмаг 'вывертывать', 'выворачивать', 'выдергивать', 'перегибать';

гызармаг[51] 'краснеть', 'делаться красным', 'алеть', 'рдеть', 'стыдиться'; 'поджариваться', 'подрумяниваться', 'жариться';

гыгырмаг 'прокисать', 'скисать';

девирмәк 'ниспровергать', 'низвергать', 'свергать', 'опрокидывать', 'переворачивать вверх дном';

---

[48] Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке*, стр. 128, 135.

[49] А. Ғуломов, *Фе'л*, б. 71. — На значение перехода в новое состояние указывает также Н. П. Дыренкова в «Грамматике шорского языка» (стр. 143).

[50] «Грамматика алтайского языка», стр. 47; Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 178, 179; Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, стр. 129; А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, § 253; J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 842.

[51] В. Банг, как и другие, выделял в прилагательных *qyzyl* и *jašyl* корни *qyz* и *jaš*, откуда произошли глаголы *qyzar-* и *jašar-*. Сами прилагательные он возводил к формам с аффиксом *-syl*, *означающим подобие: qyzyl<qyz-syl*, *jašyl<jaš-syl* (W. Bang, *Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut*, Fünfter Brief: *Lautliches — allzu Lautliches*, — «Ungarische Jahrbücher», Bd X, H. 1—2, Berlin—Leipzig, 1930, S. 20, 21).

көпүрмәк 'пениться'; *метаф.* 'сильно раздражаться', 'беситься';

joғурмаг 'месить (тесто)', 'замешивать';

кәјирмәк 'иметь отрыжку', 'отрыгать', 'рыгать';

сүмүрмәк 'высасывать', 'вылакать', 'выпивать', 'съедать что-нибудь сразу, все количество'; ср. казах. *сімір-* 'пить, не переводя дыхания'; судя по значениям, первоначальная семантика глагола связана с действиями, относящимися к собаке;

сүпүрмәк- 'мести', 'подметать';

сыјырмаг- 'сдирать', 'снимать', 'царапать', 'счищать пальцем или хлебом с посуды остатки пищи и съедать'; 'обнажать (холодное оружие)';

чевирмәк 'поворачивать', 'переворачивать' и т. д.

Радл., Сл.: *ăвăр-*[52] 'выдать замуж', 'женить'; то же в гагаузском.

АФФИКС *-гар-//-кәр-//...*

Для древнего состояния этого аффикса можно говорить о четырех варьирующих гласных: *-а-//-ă-*, *-у-//-ү-*. В современных языках, в том числе азербайджанском, более реальны варианты с широкими гласными. Параллельные формы с узкими гласными встречаются редко.

Исторически данный аффикс следовало бы скорее рассматривать в качестве фонетической разновидности и более ранней формы показателя *-ар-*[53], описанного в предыдущем разделе. Что касается параллелизма вариантов данной формы с широким и узким гласным, то некоторые авторы, специально занимавшиеся проблемой словообразовательных аффиксов в конкретных тюркских языках, идентифицировали обе разновидности[54], но в рамках подражательных глаголов, где данная форма применяется наиболее часто. Разделяя

---

[52] Ж. Дени глаголы *ăвăр-*, *ганырмаг*, *көпүрмәк* относит к формам на *-ар-* (J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 842).

[53] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 178, 179.

[54] A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 118, 119; 134, 135. См. также: J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 851; аффикс *-гар-* отмечается А. Г. Гулямовым (А. Ғ. Ғуломов, *Фе'л*, б. 72), Н. П. Дыренковой («Грамматика шорского языка», стр. 144), Н. А. Баскаковым, который отождествляет его с *-ай-* и *-а-* («Каракалпакский язык», т. II, стр. 284), Г. Рамстедтом (G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*) и А. фон Габен (A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, Auf. 2, Leipzig, 1950, § 87, с пометой «не часто»). А. Дж. Эмре отмечает обе формы аффикса *-гар-* (A. C. Emre, *Türk dilbilgisi*, s. 130—132). Бесим Аталай в более раннем труде (B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*, Istanbul, 1942) также приводит обе формы.

точку зрения этих специалистов на формы *-гар-* и *-гыр-*, можно вместе с тем рассматривать аффикс *-гар-* как единую форму безотносительно к конкретным семантическим группам имен, от которых образованы глаголы с данным аффиксом.

В азербайджанском языке глаголы с аффиксом *-гар-* встречаются лишь в единичных случаях, как и в других тюркских языках[55]. Мы можем указать только на глагол *ахтармаг*, образованный при помощи аффикса *-гар-*, но с метатезой (*ахтар-* из *атгар-*) и со значением «искать», «разыскивать», «обыскивать», «добиваться», «доискиваться». В исходной форме данный глагол отмечается в казахском и киргизском языках. В казахском языке глагол *атқар-* означает «исполнять», «выполнять», «приводить в исполнение», в киргизском (*аткар-||атказ-*), кроме того, он означает «сажать или подсаживать на лошадь», «отправлять»; «выдавать замуж». Основой глагола *атқар-~ахтар-* является, по-видимому, существительное *ат* 'конь', 'лошадь', однако связь его значения с семантикой глагола во всех трех языках требует специального исследования. Форма *atgar-* у Махмуда Кашгарского (M. Kāşgarī, I, 225) также не объясняет семантической эволюции данного глагола, так как и она означает «сажать на коня» (*ol meni atgardı* 'он посадил меня на коня', там же). Примеры из тюркских языков:

Радл., Сл.: *ăскăр-||ескăр-* 'напомнить', 'вспомнить' (I, 879)—от *ăс||ес* 'мышление', 'память' (ср. *ic*, I, 1529); ср. кирг. *эскер-||эсте-* 'помнить'; но в KW *esker-* 'обдумывать', 'взвешивать'—от *es* 'мышление', 'память' (94);

отқар- 'кормить скот травой или сеном', 'пускать скот на пастбище' (I, 1106)—от *от* 'трава'; ср. хак. *отхар-* 'кормить сеном (скот, лошадь)', 'давать корм, сено'; у Махмуда Кашгарского *otgar-* означает «пасти»: *ol at otgardı* 'он пас коня' (M. Kāşgarī, I, 225);

оiҕор- 'узнать', 'понимать' (I, 971)—от *оi* 'ум', 'мысль';

аҥгар- 'понимать', 'воспринимать', 'легко разуметь', 'быть умным', 'осматриваться', 'быть осторожным' (I, 187)—от *аҥ* 'восприимчивость', 'остроумие', 'понятливость', 'воспоминание' (I, 183); ср. чув. *ăнкар-||ăнкарт-* 'соображать', 'смекать', 'понимать'—от *ăн* 'ум', 'соображение', 'сознание', 'память'; ср. также *odhgar-* 'соображать' у Махмуда Кашгарского (Dizin, 422); *ol anı kidin odhgardı* 'подумав, он понял его' (M. Kāşgarī, I, 225);

---

[55] A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 134.—Автор обнаружил лишь два глагола с описываемым показателем: *suvγar-* 'zwilżać' от *suv* 'woda' и *kutxar-* 'wybawić', 'wyzwolić', дополнив их примерами из обширного труда проф. Н. Ф. Катанова об урянхайском (тувинском) языке.

артқар- 'возвращать' (I, 315—316)—от *арт* 'задняя сторона', 'задняя часть' (I, 308);

туркм.: *чынгармак* 'становиться серьезным'—от *чын* 'истина', 'правда';

казах.: *теңгер-* 'уравновешивать', 'делать равным'—от *тең* 'равный'; в том же значении *теңде-* и *теңе-*, образованные соответственно при помощи аффикса *-ла-* и *-а-*;

кирг.: *башкар-* 'управлять', 'возглавлять', известный и в других тюркских языках (казах., узб. и др.)—основа *баш* 'голова', 'глава';

тат.: *соңгар-* 'опаздывать'—от *соң* 'поздно';

сугар- 'орошать', 'поить'; 'докаливать (сталь)'; известен также в других тюркских языках (кирг., тув. *суггар-*); ср. у Махмуда Кашгарского *suwgar-*//*suwar-* (Dizin, 545) в указанных значениях (кроме третьего). В большинстве тюркских языков более употребительна уже приводившаяся форма *сувар-*;

Малов, Пам.: *tüpkär-* 'углублять', 'исследовать'—от *tüp* 'дно' (435);

Izbudak: *yankarmak* 'оказывать внимание, милость'—от *yan* 'бок', 'сторона' (?);

Turf. VIII: *ičgär-* 'вводить' (90)—от существительного *ič* 'нутро', 'внутренность'; тот же глагол у Махмуда Кашгарского в том же значении (M. Kāşgarī, I, 227).

Ряд примеров с аффиксом *-гар-* имеется в словаре Махмуда Кашгарского: *uwutgar-* 'стыдить'—от *uwut* 'стыд' (Dizin, 704); *ol ani andgardı* 'он заставил его поклясться' (M. Kāşgarī, III, 423)—от *and* 'клятва' (Dizin, 24); *ol yıgaç köndgerdi* 'он посадил дерево' (там же)—от глагольного имени на *-d*, образованного на базе глагола *kön-* 'выпрямляться' (Dizin, 360); *ol ani tuŋğkardı* 'он надоел ему' (M. Kāşgarī, III, 397, 398)—от существительного *tuŋğ* 'затруднение', 'мучение', 'стеснение' (Dizin, 414); *suwgar-* 'орошать', 'поить', параллельно *suwar-* (Dizin, 545)—от *suw* 'вода' (Dizin, 543); ср. *ol at suwgardi* 'он напоил коня' (M. Kāşgarī, II, 188); *sütger-* 'делать жидким', 'делать чистым, как молоко' (Dizin, 554)—от *süt* 'молоко' (Dizin, 553); *edhger-* 'находить хорошим'; 'слушать'; 'исправлять', 'налаживать' (Dizin, 168); *kutgardı* 'он освободил' (M. Kāşgarī, II, 192); *er ök kezgerdi* 'человек попал стрелой в мишень' (M. Kāşgarī, II, 196)—от *kez* 'зарубка на хвостовой части стрелы' (Dizin, 310) и др.

Автор другого средневекового сочинения о тюркских языках в «Отделе об образовании глаголов от имен» отмечает: «От слова *ak* (образуется глагол.—*Э. С.*) *agardı*, от слова *kara*—*karardı*, от слова *sarı* — *sarardı* и *sargardı*» (Ettuhfet..., 121).

Приведенные выше глаголы не позволяют ввиду их малочисленности делать какие-либо окончательные заключения. Тем не менее можно заметить, что основы глаголов на *-гар-* означают: 1) признак процесса и отчасти — результата: *чын* 'истина', 'правда', *тең* 'равный', *баш* 'глава', *sarı* 'желтый', *'edhgü* 'хороший'; 2) место, направление: *at* 'лошадь', *арт* 'задняя сторона', 'задняя часть', *tüp* 'дно', *ič* 'нутро', 'внутренность'; 3) название процесса: *odh||oj* 'мысль', *uwut* 'стыд', *and* 'клятва', *munğ* 'затруднение', 'мучение', 'стеснение', *аң* 'восприимчивость', 'остроумие'; 'понятливость', *äc||ec* 'память', 'мышление', *oi* 'мысль'; 4) предмет действия; *от* 'трава', 'сено', *suw* 'вода', *kez* 'цель', 'мишень'; 5) форма, вид: *süt* 'молоко'; 6) время: *соң* 'поздно'. Для выяснения количественных соотношений между значениями основ имеющегося материала недостаточно.

По своей семантической структуре глаголы на *-гар-* относятся к тем же типам, что и остальные отыменные глаголы. К первому типу можно отнести *äскär-* 'напоминать', 'вспоминать', *oiгар-* 'узнавать', 'понимать', *аңгар-* 'понимать', 'воспринимать', 'легко разуметь', 'быть умным', *башкар-* 'управлять', 'возглавлять', *uwutgar-* 'стыдить', *andgar-* 'заставлять клясться', *munğkar-* 'надоедать', 'стеснять', *чынгар-* 'становиться серьезным', *теңгер-* 'уравновешивать', 'делать равным', *соңгар-* 'опаздывать', *sargar-* 'желтеть', 'блекнуть' и др.

К третьему семантическому типу относятся глаголы *atgar-* 'сажать на коня', *sütger-* 'делать жидким', 'делать чистым, как молоко', *откар-* 'кормить скот травой, сеном', 'пускать скот на пастбище', *suwgar-* 'орошать', 'поить', *kezger-* 'попадать в цель, в мишень'.

К четвертому типу относятся глаголы *артқар-* 'возвращать', *tüpkär-* 'углублять', 'исследовать'.

Значения формы *-гар-* те же, что и формы *-ар-*.

К первой группе значений аффикса *-гар-* можно отнести глаголы *чынгар-*, *соңгар-*, *yankarmak* 'оказывать внимание, милость', *sargar-* 'желтеть'.

Остальные глаголы относятся к третьей группе значений, которые все являются переходными. Таким образом, большинство глаголов на *-гар-* имеет переходное значение, что и дало основание ряду авторов квалифицировать данный показатель в качестве переходной формы глагола [56].

Глаголов на *-гыр-*, не считая подражательных, в тюркских языках еще меньше, чем глаголов с аффиксом *-гар-*. В современных языках их почти нет. Чаще глаголы с показателем

---

[56] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 178; А. Ғуломов, *Ф'ел*, б. 72; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 319.

-гыр- встречаются в древних языках. Ср., например, в словаре Махмуда Кашгарского:

udhgar-||udhgur- 'будить' (Dizin, 683); *ol meni udhgurdı* 'он разбудил меня' (M. Kāşgarī, I, 225), основа *udh* 'сон' (Dizin, 683);

tozgır-||tozar- 'подняться (о пыли)' (Dizin, 643); *yer tozgırdı* 'на земле поднялась пыль' (M. Kāşgarī, III, 178);

kuzgırdı (Dizin, 391): *kar kuzgırdı* 'снег (вдруг) повалил густыми хлопьями' (M. Kāşgarī, 193).

В примерах имеются переходные и непереходные глаголы. Большинство глаголов с аффиксом *-гыр-* образовано от подражательных слов, что дает основание некоторым тюркологам относить эту форму к специальным показателям подражательных глаголов.

Глаголообразующий аффикс *-гыр-* естественно сопоставить с омоморфным показателем *-гыр-* вторичных основ в подражательных глаголах. Отдельные примеры с этим аффиксом встречались в разделе глаголов с аффиксом *-а-* (*сиркира-* 'мозжить', 'давать ощущение тупой боли', *қыңгыра-* 'бренчать', 'звякать', *ыркыра-* 'рычать', 'ворчать', *зыңгыра-||зыңкылда-* 'верещать', 'визгливо плакать'[57]). В свою очередь показатель вторичных подражательных основ *-гыр* необходимо связывать с параллельной формой *-ыр*, генетически общей с первой. В последней форме известен также глаголообразующий аффикс *-ыр-*, рассматривавшийся в предыдущем разделе (тур. *bayırmak* 'богатеть', *одыр-* 'разводить, зажигать огонь', *гапирмоқ* 'говорить' и, возможно, *говурмаг* 'жарить'). Таким образом, имеются фактические основания для установления связи между глаголообразующими аффиксами *-гыр-||-ыр-* и показателями вторичных подражательных основ в той же форме. Это нельзя считать случайным совпадением, поскольку явления грамматического синкретизма глагольных и именных показателей наблюдаются и в ряде других случаев.

Аффикс *-гыр-* в качестве словообразовательной формы подражательных глаголов специально рассматривается в рабо-

[57] Глагол *сирқира-* допускает также иной морфологический анализ: *сир-қ-ир-а-*, где *сир* — подражательный корень, *қ* — количественный модификатор, *-ир* — наращение вторичной подражательной основы и *-а-* — глаголообразующий показатель. Однако подобный анализ едва ли применим к глаголу *ыркыра-* с четко вычленяемым звукоподражательным корнем *ыр-*, к глаголу *қыңгыра-*, основа которого состит из *қың-гыр>қыңгыр*, и к глаголам *зыңгыра-||зыңкылда-*, из сопоставления которых выделяются элементы *зың* и *гыр||кыл*. В связи с этим вряд ли можно согласиться с Г. Рамстедтом, который соединил оба элемента подражательных глаголов, т. е. аффикс вторичной основы *-кыр* и аффикс глагола *-а-*, в единый аффикс *-қыра-* (G. J. Ramstedt, *Über die onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen*, — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. 55, № 2, Helsinki, 1951, S. 110).

тах Н. И. Ашмарина[58], В. Банга[59], Н. К. Дмитриева[60], Ж. Дени[61], который приводит этот аффикс вместе с *-гар-*, отмечаемым А. Зайончковским[62], упоминается также Л. Н. Харитоновым[63], А. Н. Кононовым[64] и А. фон Габен с пометой «звучать», «издавать звук»[65]. Нет, кажется, специальных указаний об этом аффиксе у Г. Рамстедта, который изучал словообразовательные и специально глаголообразующие формы алтайских языков.

Вопрос о составе аффикса *-гыр-* впервые был поднят В. Бангом в статье о подражательных глаголах на *-кыр-*. В. Банг этимологизировал его в виде *-qır*<*-ıq-*+аффикс понудительного залога *-ır*.[66]. Обращаясь к шорской и алтайской формам, следует признать анализ В. Банга устаревшим. В названных языках аффикс *-қыр-* разлагается на *-қы* и *-р-*, из которых первый является показателем глагольного имени, второй — глаголообразующим аффиксом *-р-*, например: шор. *кыйгыр-* 'кричать' — от *кыйгы* 'крик', *каткыр-* 'хохотать', 'смеяться' — от *катқы* 'смех', *кыскыр-* 'визжать', 'кричать' — от *кыскы* 'визг', 'крик'[67], хак. *хатхы* 'смех' — *хатхыр-* 'хохотать', 'смеяться', *хысхы* 'крик' — *хысхыр-* 'кричать'[68]. Эти факты вновь ставят на очередь вопрос о грамматической природе подражательных корней, так как существительные *кыйгы*, *хысхы* и *катқы*~*хатхы* произведены при помощи непродуктивного аффикса отглагольных имен *-қы*, но не от глагольных, а, казалось бы, от именных корней. Чтобы понять морфологическую структуру этих имен в рамках известных нам категорий частей речи, остается допустить нерасчленен-

---

[58] Н. И. Ашмарин, *О морфологических категориях подражаний в чувашском языке*, стр. 119.

[59] W. Bang, *Vom Köktürkischen zum Osmanischen*, 2 Mitteilung, S. 25.

[60] N. K. Dmitrijev, *Beiträge zur Osmanischen Mimologie*, — WZKM, Bd XXXIV, H. 1—4, Wien, 1927, S. 121, 122.

[61] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 851, а также Addenda, p. 1120, 1121.

[62] A. Zajaczkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 139, 140. См. также А. Zajączkowski, *Słownik arabsko-kipczacki z okresu Państwa Mameluckiego. Bulġat al-muštāq*, cześć II. *Verba*, Warszawa, 1954, s. 31, где приводятся следующие глаголы на *-гыр-: ökür-/öskür-* 'kaszlać', *tükür-* 'plwać', *tüskür-* 'chrząkać', *sümkür-* 'wycierać nos', 'pociagać nosem', *ičkur-* 'chrapać', *aqsur-* (из *asqur-*) 'kichać'.

[63] Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке*, стр. 168—170.

[64] А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 237.

[65] A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, § 93.

[66] W. Bang, *Vom Köktürkischen zum Osmanischen*, 2 Mitteilung, S. 12, 13.

[67] Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, стр. 143.

[68] Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул, *Хакасский язык* (приложение к «Хакасско-русскому словарю», М., 1953), стр. 419.

ное грамматическое значение подражательных корней: именное и одновременно глагольное. Таким образом, и в данном случае наблюдается явление глагольно-именной омонимии в области корня.

Обратимся к материалу подражательных глаголов на *-гыр* и *-ыр-*:

ангырмаг 'сильно кричать', 'реветь', 'орать'—от корня *ан* — подражание крику осла;

асгырмаг 'чихать'—от корня *ас*, отдельно не употребляющегося в языке; ср. в том же значении тур. *aksırmak* (с метатезой), а также парное *aksırmak tıksırmak* 'чихать'; ср. также اقسر 'чихать' (Houtsma, 50; Bulgat. II, 31); отметим, что турецкие диалектальные глаголы *ansır-*, *ağsır-* (так же в памятниках) требуют иного объяснения;

бəjырмəк (из **бəкирмəк*) 'блеять'—от подражательного корня *бə*;

бөjүрмəк (из **бөкүрмəк*) 'мычать', 'реветь' (о животных)—от подражательного корня *бө*; дальнейшим развитием *бөjүрмəк* на основе переносного значения является древнее *bögürmek* 'рыдать', 'плакать навзрыд' (Rossi, 335) и *bögür bögür ağlamaq* в том же значении (там же);

гышгырмаг 'кричать', 'выкрикивать', 'поднимать крик', 'накричать на кого-либо'—от подражательного корня *гыш*; глагол *гышгырмаг* известен и в других языках, ср., например, *qıçqırdı* 'он позвал, закричал, завопил' (Aby-Hay., 75), *qïčïqïr-* 'кричать' (Al-Qawānīn, 317);

ычгырмаг 'рыдать', 'плакать навзрыд', 'всхлипывать'; 'искать'—от корня *ыч-* (<**ынч*), известного и в других языках, ср., например, кирг. *эчкир-* 'рыдать', 'издавать визгливые звуки'; *ınçkırdı* 'он рыдал' (Ettuhfet., 16);

мушгурмаг 'чмокать', 'издавать губами звук «чмок»'; 'присвистывать', 'подзывать свистом', 'понукать свистом', 'побуждать к быстрому движению упрямых животных';

өскүрмəк 'кашлять', туркм. *үсгүрмек* в том же значении, *ötkür-* 'кашлять', 'чихать' (Ettuhfet., 227), اتر *ötür-* и *öksür-* اكسر 'кашлять' (Houtsma, 44, 52; Bulgat, II, 31);

пүскүрмəк 'прыскать'; 'извергать'; ср. хак. *пысхыр-* 'храпеть', 'фыркать (о лошади)'; кирг. *бышкыр-* 'фыркать', 'чихать'; тур. *püskürmek* 'брызгать', 'прыскать (ртом)', 'обрызгивать', 'прыснуть со смеху', 'расхохотаться', 'клокотать'; хак. *пырғыр-* 'брызгать (изо рта)', 'фыркать (о лошади)', 'чихать'; таким образом, в приведенных глаголах выделяются корни *пүс//пыс//быш*, с одной стороны, и хакасский *пыр-* — с другой;

түпүрмәк 'плевать', тур. *tükürmek* — от междометия *tü!* 'тьфу!'; ср. تكر *tükür-* 'плевать', 'харкать' (Houtsma, 68; Bulgat, II, 31);

фышгырмаг 'брызгать', 'бить ключом', 'хлынуть'; тур. *fışkırmak* в том же значении, но также «всходить», «бурно расти» (о посевах), что является, пожалуй, метафорическим применением глагольного значения; основа глагола — *fış*, которая в удвоенном виде имитирует журчание воды, и др.

фынхырмаг 'фыркать';

hajхырмаг 'харкать' и омоморфный тур. *haykırmak* 'кричать' — от междометия *hay* 'эй!', 'гей!';

hовхурмаг 'дуть в ладони (от холода)';

чәмкирмәк||чымхырмаг 'кричать на кого-либо';

Радл., Сл.: *aiғыр-* 'кричать во время охоты' — от междометия *ai* (I, 16); ср. тур. *haykırmak*, хак. *айғыр-* (диал.) 'кричать';

туркм.: *гагырмак* 'каркать'; 'ворковать'; 'харкать' и *гагылдамак* с теми же значениями (кроме «харкать»), корень — *гар* (в туркменском с редукцией *р* перед начальным *г* аффиксов *-гыр-* и *-гыл-да-*), о чем можно судить по форме *карғыр-* (бараб.) 'отхаркнуться' (Радл. Сл., II, 194);

гы̄гырмак 'кричать', 'крикнуть', 'орать', 'звать'; так же в Bulgat (II, 31); ср. с туркменским же *гы̄кылык* (т. е. *гыкыл-ык*) «крик», «шум», «скандал» и قيقرغجى 'глашатай' (Ибн-Мух., а также Радл., Сл., 707; Малов, Пам., 243), более полная форма — узб. *қийқирмоқ* 'кричать' — от основы *қий*, входящей в состав парного существительного *қий-чув* со значением «шум», «крик», «суматоха», «гвалт», чув. «птичий гам»; «стенания плачущих людей»; ср. крым.-тат. *зий-чув* в том же значении; форма *кыйкыр-* известна также в киргизском языке в общем с теми же значениями; на основании этих данных туркм. *гы̄гыр-* можно этимологизировать в виде **гыйгыр-*, откуда следует, что долгое *ы* здесь вторичное;

сүмгүрмәк 'сморкаться', тур. *sümkürmek*, тат. *сеңгер-*, чув. *шӑнкар-*, *sümkürdi* (Abu-Hay., 94) и т. д.; подражательным корнем является, по-видимому, **сүң*, что поддерживается чув. *шӑн*;

сыйгырмак 'свистеть', тат. *сызгар-* 'свистеть (губами)', *sıskır:* (Ettuhfet.; Dizin, 237) 'свистеть';

тур.: *aſkırmak* 'лаять' — от подражательного слова *aſ*;

ışkırmak 'свистеть', 'насвистывать' (песенку); ср. казах. *ысқыр-* в том же значении, кирг. *ышкыр-* 'свистеть', 'шипеть' (ср. *ышылда-* 'шипеть'), *үшкүр-* 'шипеть', 'издавать свистящий звук', 'тяжело вздыхать' — от основы *үш* — подражание глубокому и тяжелому вздоху, тат. *ыжгыр-* 'сильно шипеть', 'свистеть,

'свистеть (о ветре)'—от ко ня *ыж*; ср. еще *ыжылда-* 'свистеть'; таким образом, корнем здесь является *ış||ıс||ɣш||ыж*— подражание свисту;

kızgırmak 'шипеть', 'свистеть';

tıskırmak||töskürmek 'осаживать', 'заставлять подаваться назад'—имеется в виду конь, как и в приводившемся узбекском глаголе *тисқармоқ*, образованном при помощи аффикса *-қар-* с широким гласным;

гагауз.: *пўфкўр-* 'брызгать'; ср. тур. *püfkürmek* 'дуть', 'задувать', 'брызгать (ртом)', 'надувать (щеки)';

тат.: *акыр-* 'орать', 'реветь', 'вопить', 'горланить', 'рычать', 'выть', 'шуметь'; ср. с тур. *anırmak* и с кирг. *аңгыра-* (с глаголообразующим аффиксом *-а-*) в том же значении;

пошкыр- 'фыркать (о лошади)'; ср. с кирг. *бышкыр-* и казах. *пысқыр-* в том же значении;

чув.: *макăр-* 'плакать', 'реветь', 'выть', 'мычать', 'блеять' и *мĕкĕр-* 'реветь', 'мычать' (о быке, корове)—от подражательных корней *ма* и *мĕ*;

чашкăр- 'шипеть', 'шуметь'; ср. *чашла-* 'шипеть', 'шуметь', 'журчать';

хак.: *хағыр-* 'харкать', 'отхаркиваться'—от подражания *ха*; ср. кирг. *какыр-*, азерб. *hajхыр-* в том же значении;

кирг.: *каткыр-* 'хохотать', 'громко смеяться'—от подражания *кат* в выражении *кат кат күл-* 'громко смеяться', крым.-тат. *къас къас кульмек* в том же значении;

чүчкүр- 'чихать'; ср. *şüşkür-* (Ettühfet., Dizin, 249), *çüçkürdü* (Abu-Hay., 32) в том же значении;

Ибн-Мух.: بسقرمق *bysqyrmaq* 'смеяться' (236);

Малов, Пам.: *jаңғur-* 'звучать', 'раздаваться (о звуке)' (384); для основы *jаң* ср. туркм., хак. *яң*, *янъ* 'эхо', 'отзвук' (370).

Как видно из примеров, почти все подражательные глаголы на *-гыр-* образуются от основ, имитирующих шумы и звуки, издаваемые людьми и животными.

Аффикс *-гыр-* является архаичным в качестве формы подражательных глаголов. Это подтверждается тем, что подражательные глаголы рассмотренного типа образуются непосредственно от односложных основ или корней, тогда как все новейшие глаголы произведены при помощи аффиксов *-да-* или *-ла-* от вторичных основ с показателями *-ыр||-ыл*. Другим свидетельством пережиточного характера глаголов на *-гыр-* являются их корни, которые во многих случаях утеряны в языке, а соответствующие подражательные глаголы семасиологически неразложимы, поскольку внутренняя форма их мертва.

Перейдем к подражательным глаголам, образованным при помощи аффикса *-ыр-||-ир-||-ур-||-үр-*:

бағырмаг[69] 'кричать', 'орать', 'реветь'; этот глагол широко известен как в огузских, так и кыпчакских языках в форме *бағыр-//бақыр-* с основой *бақ*, которая, например, в казахском языке образует составной глагол *бақ ет-* 'реветь', в узбекском языке—аффиксальный глагол *бағилламоқ* (*бақ-ир-ламоқ*) 'громко кричать', 'орать', 'вопить'; вопрос о грамматически омоморфных категориях типа *бағыр* 'крик' и *бағыр-* 'кричать', а также аналогичных парах, равно как и об омоморфных соответствиях с аффиксом *-гыр-* будет освещен в следующей главе;

үфүрмәк//үфләмәк 'дуть', 'задувать', 'гасить', 'тушить', 'надувать' с подражательной основой *үф*; так же в турецком;

ишармаг 'слегка светить', 'быть еле видным (о свете)', 'мерцать'; ср. *ишылдамаг* 'сверкать', 'сиять', 'блестеть', *ишыг* 'свет', 'луч', 'огонек', те же формы в турецком языке, но кроме того еще: *ışıtmak//ışıldamak* 'сверкать', 'блестеть', 'сиять', *ışıl ışıl baktmak* 'смотреть сверкающим взором', 'сверкать глазами', *ışıl ışıl ışıtmak* 'ярко светить', 'сверкать' и др., откуда выделяется корень с образным значением *ыш//иш*, звукописующий свет и сияние и являющийся, с одной стороны, источником образования вторичной подражательной основы *ышыл*, с другой стороны, основой отыменного глагола *ışıtmak* (*ış-ıtmak*) с аффиксом *-ы-* и, наконец, омонимичной глагольной основой, от которой образовалось глагольное имя *ışı*, лежащее в основе производного глагола *ışıldamak*[70]; таким образом, и в данном случае мы сталкиваемся с грамматическим синкретизмом подражательного корня, имеющего как именное, так и глагольное значение;

чағырмаг 'звать', 'вызывать', 'приглашать'; глагол *чағыр-* или *чақыр-* хорошо известен в огузских и кыпчакских языках с тем же значением; основой его является *чағ//чақ*, которую можно видеть в парном существительном *çağ çığ* 'шум', 'крик' и в выражении *çağ çığ koptı* 'поднялся шум, крик' у Махмуда Кашгарского (M. Kāşgarī, III, 128); кроме парного *çağ çığ*, автор приводит наращенную форму *çağı* и ее «окающую» разновидность *çoğı* (со ссылкой на язык племени аргу) в значении «шум», «крик» (III, 225); на основании этого необходимо либо рассматривать корень *чағ* как глагольно-именной

---

[69] Относительно глагола *бағырмаг* см. J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, p. 545, Addenda, 1120: *bangır bangır bağırmak, bıngır bıngır ağlamak*, а также диалектальное *bağlık* 'крик'.

[70] Чисто теоретически можно было бы глагол *ışıldamak* анализировать в виде *ış-ıla-mak*, но подобный анализ лишен основания, так как глаголообразующий аффикс *-ыла-* (ср. кыпчакскую форму интенсива *-қыла-//-гыла-*) в огузских языках отсутствует.

омоним, либо же признать грамматический синкретизм самого аффикса *-ы-*, допустив то же для всех случаев, в которых имя и глагол имеют одинаковый форматив;

чығырмаг[71] 'кричать', 'выкрикивать', 'орать'. Подражательный корень *чығ*, от которого произведен данный глагол, в азербайджанском не сохранился, но его историческая реальность свидетельствуется парным существительным *чығыр-бағыр* 'шум', 'крик', 'гам', 'галдеж';

тур.: *апırmak* 'кричать', 'реветь' (об осле); ср. с приводившимся азербайджанским глаголом *ангырмаг*, тат. *акыр-* и узб. *аңгыра-* с теми же значениями;

узб.: *бўкирмоқ* 'реветь', 'плакать навзрыд'; данный глагол имеет общее происхождение с *бақыр-*~*бағыр-*;

кекирмоқ 'иметь отрыжку', 'рыгать', 'отрыгивать';

тупурмоқ//*тупламоқ* 'плевать', корень *туп*; ср. тур. *tü*//*!* 'тьфу!';

кирг.: *чаңыр-* 'орать', 'кричать истошным голосом', 'визжать', 'верещать'—от подражательного слова *чаң*, которое в наращенной форме *чаңк* мы находим в парном существительном *чаңк чаңк* 'верещание';

чыңыр- 'пронзительно кричать', 'визжать', 'издавать пронзительные звуки';

Seyhi: *kağırmak* 'звать', 'кричать', 'стенать' (65)—от подражательного корня **kak*.

Сказанное выше о глаголах с аффиксом *-гыр-* в полной мере относится также к глаголам, образованным от древнейших корней при помощи аффикса *-ыр-* или *-ар-* (глагол *ишармаг*).

* * *

Заканчивая обзор отыменных глаголов с аффиксами *-гар-*//*-гыр-*//*-ыр-*, можно вновь подтвердить уже высказанную мысль о том, что формы образования тюркских глаголов, за исключением отдельных аффиксов, специализированных для производства новейших глаголов подражательного происхождения (аффикс *-да-*), в общем едины и пригодны для производства любых глаголов, независимо от грамматической природы основы.

АФФИКС *-л-*//*-ал-*//*-әл-*

Аффикс *-ал-*, распространенный в языках огузского типа и менее известный в кыпчакских языках, где вместо него чаще употребляется форма *-ай-* наряду с *-ар-*, по своему общему

[71] О глаголе *чығырмаг* см. J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 851, а также Addenda (стр. 1120): *çığırışmak, çığlık* 'крик'.

значению близок предыдущему показателю, с которым его можно сравнить и в формальном отношении, поскольку в некоторых случаях он появляется взамен аффикса *-ар-* и наоборот. Однако в отличие от *-ар-* аффикс *-ал-* семантически однороден и более «грамматичен», так как имеет в сущности одно значение и образует глаголы в преобладающем числе случаев от прилагательных. На основании этих признаков аффикс *-ал-* можно рассматривать в качестве более позднего по времени распространения форматива, чем аффикс *-ар-*. Как в огузских, так и в кыпчакских языках аффикс *-ал-* в настоящее время является непродуктивным.

Учитывая то обстоятельство, что залоговые формы в их более раннем состоянии применялись также для отыменного глаголообразования, можно ставить вопрос о связях аффикса *-ал-* с залоговым показателем *-ыл-*... (принимая во внимание его медиальные значения)[72].

За исключением заимствованного из персидского прилагательного *көһнә* 'старый', 'ветхий', 'древний', 'пожилой', 'поношенный' (Гафф., 677—678), все остальные основы глаголов на *-ал-* являются тюркскими образованиями, большинство которых составляют односложные корни. Далее идут древние неразложимые основы и древнейшие производные имена типа *гыса* 'короткий', *дуру* 'стоячий', 'прозрачный', *әjри* 'кривой', образованные при помощи архаичных показателей отглагольных имен *-а-* и *-ы-*. Судя по этим основам, глаголы на *-ал-* сложились, по-видимому, еще в древности[73].

Аффикс *-ал-*, как правило, употребляется с широкими гласными *-а-* и *-ə-*. Основы с конечными гласными принимают *-л-*. Тенденция к оформлению показателя *-л-* широким гласным проявляется и в тех случаях, когда основа оканчивается на узкий гласный, который под влиянием аффикса *-ал-* иногда заменяется широким, например туркм. *дограламак* 'выпрямляться' вместо *догрулмак*, как это имеет место в азербайджанском и турецком языках; *дӣрелмек* 'оживляться' вместо *дӣрилмек*, как в других языках. Вместе с тем возможны случаи оформления показателя *-л-* узким гласным, особенно в

[72] Этимологизация *-ал-*<глагол *ол-*, предлагавшаяся еще М. А. Казем-Беком, выдвигается вновь в некоторых современных работах (A. C. Emre, *Türk dilbilgisi*, s. 29); параллельно предлагается и другая этимология *-ал-*< глагол *ал-* (B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*, s. 293), что представляется еще менее обоснованным.

[73] Такому допущению не препятствует помета «не часто» в грамматике А. фон Габен (A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, § 88), так как, например, в азербайджанском языке глаголов на *-ал-* насчитывается лишь несколько десятков, а в ограниченном материале древнетюркских памятников еще меньше, тем более что далеко не все глаголы с аффиксом *-ал-* имеют широкое употребление.

древних языках, что может свидетельствовать о незавершенности процесса формальной дифференциации словообразовательного и залогового аффикса *-л-*. Ср., например, *onul-*, *onğul-* 'поправляться', 'становиться лучше' (Радл., Сл., I, 1030; M Kāşgarī, I, 216; Ettuhfet., II; Abu-Hay., 62), *tuzul-* 'солить' (Ettuhfet., Dizin, 266), *kengil-* 'расширяться' (Ettuhfet., Dizin, 194), *keçil-* 'опаздывать' (M. Kāşgarī, III, 195), *tumyl-* 'холодеть' (Малов, Пам., 433), а также азерб. *kərtilmək* (вместо *kərtəlmək*) 'стать черствым', казах. *тарыл-* (вместо *тарал-*) 'суживаться', гагауз. *dikil-* (вместо *dikäl-*) 'стоять прямо на ногах', казах. *сұйыл-* (вместо *сұйал-*) 'разжижаться'.

Аффиксы *-ал-* и *-ар-* иногда замещают друг друга, что видно на следующих примерах: *äskir-||äskil-* 'стареть', 'износиться' (Радл., Сл., I, 881—882), туркм. *чукурал-||чукурар-* 'углубляться', 'опускаться', 'делаться глубоким, впалым', *tüzer-* 'исправляться' (M. Kāşgarī, II, 77) вместо общетюркского *түзел-*.

О глаголообразующем аффиксе *-ал-* сообщаются необходимые сведения в ряде грамматик, посвященных тюркским языкам, начиная еще с грамматики М. А. Казем-Бека[74]. В некоторых из них специально указано, что двусложные прилагательные в этих образованиях теряют свой конечный гуттуральный согласный, и приводятся примеры таких прилагательных: *alçak*, *eksik*, *uşak*, *küçük*, *bunak*, *tümsek*, *dişik*, *gevşek*, *yansak*, *kayrak*, *yüksek*[75]. Некоторые из этих основ встречаются и в азербайджанском языке. Ср. *алчалмаг* 'понижаться', 'становиться ниже' и *алчаг* 'низкий', 'подлый'; *əксилмək* 'становиться меньше' (о количестве), 'уменьшаться', 'убывать' и *əксик* 'неполный', 'недостаточный' и т. д.; *јүксəлмək* 'подниматься', 'возвышаться', 'повышаться' и *јүксək* 'высокий', 'высший', 'громкий'. Кроме указанных, можно привести и другие прилагательные с конечным *-г* или *-к*, которых нет в произведенных от них глаголах. Эти формы следующие: *көјрəлмək* 'стать нежным' (о плодах, овощах) и *көјрək* 'хрупкий', 'нежный', *көдəлмək* 'стать короче', 'укорачиваться' и *көдək* 'короткий', 'краткий'; *сејрəлмək* 'становиться редким', 'редеть' и *сејрək* (из **сегрək*) 'редкий', 'разреженный'; *сыртылмаг* 'становиться развязным, наглым' и *сыртыг* 'развязный', 'беззастенчивый', 'нахал', 'наглец'; *јумшалмаг* 'делаться мягким',

[74] М. А. Казем-Бек, *Общая грамматика турецко-татарского языка*, изд. 2, Казань, 1846, § 242; А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 232; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 319 (автор генетически объединяет глаголообразующие аффиксы *-ыкъ-*, *-ыл-* и *-ы-*); J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 847; J. Németh, *Türkische Grammatik*, S. 94; «Азәрбајчан дилинин грамматикасы», с. 171.

[75] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 841; А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 232; B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*, s. 293, 298; B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 120.

'смягчаться', 'усмиряться' и *јумшаг* 'мягкий'. Едва ли можно согласиться с тем, что во всех этих примерах, часть которых встречается и в других тюркских языках, образование глагола происходило путем отпадения конечного гуттурального согласного и наращения затем конечного открытого слога основы аффиксом *-л-* (например, из *алчаг* > *алча* + *л* = *алчал-* и т. п.). Такой путь образования глагола нельзя признать реальным по нескольким причинам.

Во-первых, при образовании глаголов от именных основ апокопия в последних наблюдается лишь в отношении гласных, которые, попадая в безударное и особенно в предударное положение, редуцируются и выпадают, например *сарғай-* 'желтеть'—из **сары+кай-*, *илерле-* 'продвигаться вперед'—из *илери+ле-* и т. п. Конечный же согласный именной основы при наращении последней аффиксом с начальным гласным иногда даже не озвончается, что можно видеть в азерб., тур. *гапамаг ~ kapamak* 'закрывать', азерб. *јохалмаг* 'исчезать', хотя гласные в именных основах этих глаголов этимологически являются долгими (ср. туркм. *йӧк* 'отсутствие', *гāп* 'сосуд') и по правилу, предложенному еще В. Грёнбеком [76], конечные *-п, -х* в интервокальной позиции должны были бы принять формы *габа-* и *јоғал-*. Иногда, наоборот, конечный согласный основы озвончается, например в туркменском *гурдамак* 'очищать от червей', хотя гласный основы *гурт* 'червь' этимологически является кратким (туркм. *гурт*) и по тому же правилу озвончения конечного смычного основы в интервокальной позиции не должно было произойти [77].

Во-вторых, самое предположение относительно образования перечисленных и аналогичных им глаголов от соответствующих прилагательных в некоторых случаях является ошибочным с фактической стороны, не говоря уж о том, что единообразное окончание прилагательных на *-к* или *-қ* (азерб. *-г*) естественно выдвигает вопрос об их отглагольном происхождении. Основа *јумшаг*, например, является отглагольным прилагательным, произведенным от глагола *уумşа-*, не сохранившегося в азербайджанском языке, но известного в турецком со значением «делаться мягким», «мякнуть», «размякать». Прилагательное *эксик* также является отглагольным образованием, о чем можно судить по древнетюркскому парному глаголу *äksüt- kärgät-* 'ограничивать', 'уменьшать' (Малов, Пам., 363), откуда законно восстановить **äksü-* со значением «умень-

[76] W. Grønbech, *Forstudier til tyrkisk lydhistorie*, København, 1902, s. 73.
[77] М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955, стр. 59, 124—129. См. также А. Н. Кононов, *Рец. на кн.: Э. В. Севортян, Фонетика турецкого литературного языка*, — «Вопросы языкознания», 1956, № 3, стр. 134.

шаться». Такой глагол отмечается, например, в современных турецких словарях в форме *eksimek* 'оказываться недостаточным'[78]. Основа *көjрәк* должна быть сопоставлена с казахским *күйрек* 'непрочный', 'неноский', образованным от глагола *күйре-* 'разрушаться', 'приходить в негодное состояние'. Прилагательное *сеjрәк* необходимо сопоставить с казахским *сирек* в том же значении, образованным от глагола *сире-||сиректен-* 'редеть', 'становиться редким'. Учитывая изложенное, можно допустить аналогичный путь образования при помощи аффикса *-қ||-к* и для остальных прилагательных, приведенных выше, хотя ряд глаголов, от которых образовались эти прилагательные, выявить уже трудно, поскольку они имеют древнее происхождение и в современных языках утрачены.

Не исключено, что формы *әксилмәк*, *көjрәлмәк*, *сеjрәлмәк*, *jумшалмаг* и, по-видимому, остальные не образованы при помощи аффикса *-ал-*. Скорее всего они представляют древние глаголы, наращенные залоговым аффиксом *-л-* в медиопассивном значении.

Трудно допустить и другой, чисто фонетический, путь образования глаголов приведенной группы, например **jүксәк+-әл-> jүксәкәл->jүксәjәл->jүксәл-* или **алчаг+ -ал- >алчағал-> алчаал->алчал-*, так как подобная фонетическая эволюция не может быть общетюркской (например, она невозможна полностью в азербайджанском, туркменском, кумыкском и некоторых других тюркских языках), тогда как формы глаголов на *-ал-* там, где они имеются, являются межтюркскими.

Обращаясь к семантике основ глаголов на *-ал-* в целом, можно отметить, что почти все они имеют только значение признака процесса-результата. Лишь в отдельных случаях они означают направление или форму, подобие. Таким образом, по условиям глаголообразования формы на *-ал-* весьма приближаются к глаголам на *-лаш-*, среди которых 91% основ имеет указанное значение.

В грамматическом отношении среди основ можно назвать лишь несколько существительных, от семантики которых отвлечено значение признака. К основам этого типа принадлежат туркм. *чукур* 'яма', 'углубление', азерб. *гоча* 'старый', 'старик' и **jөн*, которого нет в азербайджанском языке, но оно имеется в турецком, казахском и киргизском языках со значением «направление». От существительного *гоча* образован глагол *гочалмаг* 'стареть', 'стариться', от **jөн*—глагол *jөнәлмәк* 'направляться', 'взять направление' и от *чукур*—туркменский глагол *чукуралмак* 'углубляться', 'опускаться',

[78] «Türkçe sözlük», 3-üncü baskı, Ankara, 1959, s. 249 (со ссылкой на словарь Дж. Редгауза).

'делаться глубоким, впалым, осевшим, опустившимся'. Приведем список глаголов на *-ал-*:

азалмаг 'уменьшаться'—от прилагательного *аз* 'малый'; ср. туркм. *āзалмак*, тур. *azalmak* в том же значении+«сокращаться», «убывать»; в других тюркских языках *азай-* с аффиксом *-ай-*;

бошаламг 'пустеть', 'опустевать', 'пустовать', 'быть незанятым'; 'опорожняться', 'разгружаться'; 'слабнуть', 'слабеть', 'быть вялым'; 'освобождаться'—от прилагательного *бош* 'пустой', 'порожний', 'незанятый', 'свободный', 'праздный', 'пустующий'; ср. *boşalmak* (Şeyhi, 20) 'быть пустым, незанятым', узб. *бўшалмоқ* в первых двух значениях азерб. глагола+«очищаться», «отвязываться», «отделываться»;

гысалмаг 'сокращаться', 'становиться, делаться коротким'—от прилагательного *гыса* 'короткий'; ср. чув. *кĕскел-* в том же значении; в остальных языках преобладает форма с аффиксом *-р- —қысқар-*;

дараллмаг 'становиться тесным, узким', 'суживаться', 'сжиматься', 'стягиваться', 'садиться' (о тканях)—от прилагательного *дар* 'узкий', 'тесный', 'ограниченный', 'недостаточный', 'краткий', так же в тур., в туркм. *дāрал-*; ср. кирг., казах. *тарыл-* в том же значении, а также *метаф.* «скупиться» (казах.); в большинстве остальных языков с аффиксом *-ай-—тарай-*;

дикәлмәк 'подниматься', 'вытягиваться вверх', 'возвышаться', 'расти'; 'становиться на дыбы'; 'торчать'—от прилагательного *дик* 'прямой', 'пристальный', 'вертикальный'; ср. туркм. *дикелмек* 'становиться прямым', 'выпрямляться', гагауз. *дікіl-* 'стоять прямо на ногах'; в других языках с аффиксом *-ай-—тикей-||тикий-*;

дирилмәк 'воскресать', 'оживать', 'оправляться после тяжелой болезни'—от прилагательного *дири* 'живой', 'живучий'; ср. туркм. *дīрелмек*; казах., кирг., узб. *тирил-*, тат., хак. в том же или сходном значении+ 'стоять опорой'; تِرِل *tiril-* (Houtsma, 67) 'жить', в том же значении в Ettuhfet. (Dizin, 259);

дирчәлмәк 'поправляться', 'выздоравливать', 'оживляться', 'ободряться'—от *дирч?* (<*дири-*+*-ч*);

дүзәлмәк 'устраиваться', 'налаживаться', 'поправляться'—от прилагательного *дүз* 'ровный', 'гладкий'; 'правильный', 'верный', 'меткий'; ср. тур. *düzelmek*, узб. *тузалмоқ*, кирг. *түзөл-*, казах. *түзел-*, тат. *төзәл-*, хак. *түзäл-*—в общем в том же значении;

јекәлмәк 'расти', 'вырастать', 'приходить в возраст'—от прилагательного *јекә* 'большой', 'крупный', 'громадный', 'громоздкий';

əjrилмək 'делаться кривым'—от прилагательного *əjri* 'кривой', 'согнутый'; ср. тур. глагол *iğrilmek* в том же значении;

инəлмək 'становиться тонким', 'исхудать'—от прилагательного *инə* 'тонкий'; ср. тур. *incelmek* в том же значении+ «стараться быть изысканным, тонким»;

кəртилмək 'становиться черствым'; основу глагола ср. с *гарт*, о котором уже говорилось выше;

кичилмək 'уменьшаться', 'сжиматься', 'сокращаться'; 'унижаться'—от *кичи* 'маленький' (см. Буд., II, 177); ср. туркм. *кичел-* в основном в тех же значениях; в кирг. с аффиксом *-р-—кичир-*, в других с аффиксом *-ай-—кичирей-* (казах. *кішірей-*);

көкəлмək 'полнеть', 'толстеть'; *метаф.* 'сердиться', 'обижаться', 'пыжиться', 'дуться'—от прилагательного *көк* 'полный', 'толстый', 'жирный', 'упитанный';

кенəлмək 'становиться широким, просторным, свободным' (о предметах), 'расширяться'—от прилагательного *кен*, вышедшего в азербайджанском языке из употребления, но сохранившегося в ряде других языков (узб. *кенг*, туркм. *гиң*, тат. *киң*, кирг. *кең*) со значением «широкий»; ср. *kengil-* 'расширяться' (Ettuhfet., Dizin, 194); в кыпчакских языках в основном *кеңей-*;

киəлмək 'чувствовать головокружение'—от *киə* 'глупый', 'дурак', 'идиот';

сағалмаг 'выздоравливать', 'вылечиваться', 'заживать' (о ране)—от прилагательного *саг* 'живой', 'здоровый'; в той же форме и с тем же значением глагол *сағалмаг* употребляется в туркменском, гагаузском, турецком языках и в форме *сауал-*—в казахском языке; в узбекском и некоторых других языках—*сағай-*;

созалмаг 'чувствовать слабость', 'недомогать' (перед болезнью)—от *метаф.* سوز 'жжение', 'жар' (Гафф., 478—479);

уалмаг 'возвышаться', 'расти'; 'возвышаться в положении'—от прилагательного *уа* 'высокий'; ср. тур. *yücelmek* – от прилагательного *yüce* 'высокий' в том же значении;

чохалмаг 'увеличиваться', 'возрастать', 'размножаться'—от прилагательного *чох* 'многий'; в ряде кыпчакских языков—*көпей-*;

чөкəлмək 'опускаться', 'оседать'—от именного корня **чөк*, омонимичного с глаголом *чөк-*;

туркм.: *агралмак* (из *агыралмак*) 'лениться', 'обленится', 'отяжелеть' (о беременной женщине)—от прилагательного *агыр* 'медленный', 'неповоротливый' (о характере человека); ср. тат. *авырай-*;

тур.: *kartalmak* 'терять свежесть', 'становиться твердым, сухим, старым'—от *kart* 'твердый', 'сухой', 'черствый', 'несвежий', 'старый'; прилагательное *kart* известно и в других тюркских языках, в частности в кыпчакских, но в последних соответствующий глагол образован при помощи аффикса *-ай*: *қартай-* (узб., тат., казах., кирг. и др.);

sivrilmek 'делаться остроконечным, острым', 'заостряться', 'вырастать', 'вытягиваться'—от прилагательного *sivri* 'остроконечный', 'острый', 'заостренный', 'высокий', 'длинный';

Rossi: *buñalmaq* 'становиться печальным, тоскливым, тревожным' (335)—от **buñ*, которое имеется в составе *buñlu*, *buñlı* 'тоскливый', 'печальный', 'тревожный' (там же);

узб.: *уялмоқ*, так же в казахском, киргизском, татарском и некоторых других языках со значением «стыдиться», «стесняться», «смущаться»—от основы **уй*, параллельную форму которой ءۇي см. в словаре Л. Будагова (Буд., I, 118) со значением «стыд»;

чув.: *ватăл-* 'стареть', 'стариться', 'изнашиваться'—от имени *ватă* 'старость', 'старик', 'старуха', 'старые люди', 'старый', 'старинный', 'древний', 'ветхий';

мăкал- 'становиться тупым', 'притупляться', 'тупеть'—от прилагательного *мăка* 'тупой';

Battal: *tusulmak* 'быть полезным'—от *tusu* 'польза', 'выгода' (77);

Малов, Пам.: *tüzäl-* 'улаживать', 'устраивать'—от *tüz* 'ровный', 'справедливый' (стр. 436);

M. Kāşgarī: *suwal-* 'орошаться', 'поливаться', 'быть опрыскиваемым' (Dizin, 544)—от *suw* 'вода'; ср. *tarığ suwaldı* 'посев был орошен' (M. Kāşgarī, II, 125). Пример Махмуда Кашгарского представляет особый интерес, так как отыменный глагол с аффиксом *-ал-* здесь имеет страдательное значение; считать форму *suwal-* страдательным залогом от **suwa-* едва ли верно, так как глагола **suwa-* в значении «орошать» Махмуд Кашгарский не приводит, а переходной формой глагола «орошать» в тюркских языках является глагол *сувар-*, или *сувгар-*, которые даны и у Махмуда Кашгарского (Dizin, 545: *suwar-*//*suwgar-* 'орошать', 'поливать');

Przekł. Koranu: *joγunał-* 'powięszać się', 'przybierać', 'grubieć' (85)—от прилагательного *joγun*.

За редкими исключениями, все глаголы в форме *-ал-* являются непереходными. Уже М. А. Казем-Бек верно отмечал, что глаголы на *-ал-* «...по своим значениям составляют род средних или возвратных глаголов»[79]. То же впоследствии отмечалось

---

[79] М. А. Казем-Бек, *Общая грамматика турецко-татарского языка*, стр. 174.

и другими исследователями[80]. В приводившихся примерах имеется лишь два глагола с переходным значением из древних языков: *tuzul-* (Ettuhfet., Dizin, 236) и *tüzäl-* (Малов, Пам., 436, из памятника в честь Кюль-Тегина). Эти древние примеры позволяют предполагать, что исторически аффикс *-ал-* ничем не отличался от прочих глаголообразующих аффиксов, выражая действия как непереходные, так и переходные, тем более что еще в эпоху Махмуда Кашгарского глагольные формы с *-л-* нередко управляли прямым дополнением, иначе говоря, они имели переходное значение.

Семантическая структура рассматриваемых глаголов в сравнении с другими довольно единообразна, поскольку почти все они образованы от основ со значением признака процесса-результата и потому относятся к первому семантическому типу.

Глаголы *jөнәлмәк* 'направляться' и туркм. *чукуралмак* 'углубляться', 'опускаться', образованные от имен со значением направления и формы (подобия), относятся ко второму типу семантической структуры. Глагол *suwal-* относится, по-видимому, к четвертому типу семантической структуры, так как его предполагаемое исходное двучленное строение (*«покрывать»//«покрываться»+«водой») уже обобщено.

Глаголы с аффиксом *-ал-* являются однозначными. Они выражают переход в какое-либо состояние, появление и развитие какого-либо признака, пребывание в каком-либо состоянии, в некоторых случаях — движение (глагол *jөнәлмәк*). Наиболее распространенными, господствующими являются первые два значения, что сближает глаголы на *-ал-* с глаголами на *-лаш-*. Аффикс *-ал-* по своим возможностям (в отношении значения и грамматической природы основ глаголообразования, в отношении собственной семантики показателя) теоретически мог, как и аффикс *-а-*, остаться в языке на положении продуктивной формы глаголообразования.

Но все эти формы не имели внутренней связи между собой, между тем как аффикс *-ла-* и производные от него были объединены генетической общностью, преемственностью значений и четкой дифференциацией сфер применения, т. е. они образовали систему глаголообразования, в которой не оставалось места для других форм с нерасчлененным во многих случаях значением переходности и непереходности, так как это находилось в противоречии с основной тенденцией развития глагольных значений.

---

[80] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 841; А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 232; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 319.

* *
*

В начале раздела было указано на существование в кыпчакских языках аффикса *-ай-*, соответствующего по своему значению аффиксу *-ал-* огузских языков или *-ар-*, с которым он находится в фонетическом родстве (ср. соответствие *й ~ р ~ д ~ з*). Аффикс *-ай-* в азербайджанском языке неизвестен.

Господствующий тип основ в глаголах на *-ай-* тот же, что и в глаголах с аффиксом *-ал-*. Две трети именных основ в данной группе означают признак процесса-результата. Кроме них, большое место занимают основы подражательного происхождения, означающие процессы. Некоторые основы образуют значения результата и формы (вида).

Все глаголы на *-ай-* имеют непереходное значение. В отношении семантической структуры они принадлежат к первому типу, лишь отдельные глаголы, как, например, казах. *сүтей-* 'начинать давать больше молока' (о домашних животных)—от *сүт* 'молоко', *отай-* 'зарастать травою', 'быть покрытым травою'—от *от* 'трава', кирг. *бокчой-* 'иметь вид узла, связки', 'сжиматься'—от *бокчо* 'связка', 'узел', 'сумка', *бүкүрөй-* (хак. *пӱгӱрей-*) 'иметь вид сгорбившегося, горбатого', 'горбиться'—от *бүкүр* 'горб', *чукурай-* 'впадать' (например о щеках) —от *чукур* 'впадина', 'углубление', 'котловина' и немногие другие, могут быть отнесены к третьему или четвертому типам семантической структуры.

Значение показателя *-ай-* также близко к семантике показателя *-ал-*. Глаголы на *-ай-* означают пребывание в каком-либо состоянии, переход в другое состояние, появление и развитие признака, иногда—предмета. В сравнении с формой *-ал-* в форме *-ай-* преобладает, по-видимому, значение пребывания в каком-либо состоянии, а также медиопассивное значение, которое в форме *-ал-* незаметно.

Как и глаголообразующие аффиксы *-а-*, *-га-*, *-гар-*, *-гыр-*, аффикс *-ай-* и параллельная форма *-қай-* служили для образования вторичных форм от глаголов, в том числе и пассивной формы, например *äҥäi-||äҥкäi-||еҥкäi-* 'гнуться', 'сгибаться', 'наклоняться'—от глагола *äҥ-* (общетюрк. *эг-||эй-*) 'гнуть', 'сгибать' (Радл., Сл., I, 710, 711, 713).

Аффикс *-ай-* известен в следующих вариантах: *-й-* (после основ на открытый слог), *-ай-*, *-эй-*, *-ый-*, *-ий-* и в более древней форме—*-қай-||-ғай-||-кей-||-гей-*. Г. Рамстедт рассматривал форму на *-ай-* в качестве заимствования из монгольского: «Если верно приведенное выше сопоставление монг. **-gi-* = тюрк. *-q-* ~ (*-γ-*)..,—писал Г. Рамстедт,—то тюркские глаголы на *-а-* являются либо заимствованиями из монгольско-

го, либо новообразованиями, созданными по монгольским образцам.

Так как преобладающее большинство этих глаголов как раз составляют неологизмы ономатопоэтического характера, то это допущение является весьма вероятным»[81]. Предположение Г. Рамстедта об относительно недавнем происхождении аффикса *-ай-* представляется маловероятным, хотя бы потому, что аффиксы, способные образовать глагол и от имени и от глагола, чужды современным тюркским языкам с их строгим делением всех словопроизводных форм на отыменные и отглагольные. Помимо этого, Г. Рамстедт опустил более древнюю фонетическую разновидность аффикса *-ай-*, а именно форму *-аə-*, приводимую в словаре Махмуда Кашгарского и известную в древнейших памятниках. Нам представляется более правильным положение об архаичности аффикса *-ай-*, высказанное в советской тюркологии[82].

Обратимся к примерам, сгруппировав их по значениям основ.

1. Глаголы, основы которых означают процесс, признак процесса-результата:

Радл., Сл.: *аҕаі-||аҕар-* 'побелеть', 'сделаться белым'—от прилагательного *ақ* 'белый' (I, 145);

казах.: *жымый*$_1$- 'улыбаться'—от подражательного корня *жым*$_1$;

жымый$_2$- 'сжиматься'—от другого подражательного корня *жым*$_2$;

жымырай- I—'улыбаться'—от вторичной подражательной основы **жымыр*; II—страдательная форма от *жымыр-* 'загибать', образованного от того же подражательного корня *жым* при помощи аффикса *-ыр-*; подражательный корень *жым* ср. с общетюрк. *юм-* 'сжимать', 'закрывать' (рот, глаза), откуда следует, что корень *ю и-* грамматически синкретичен;

зорай- 'укрупняться', 'увеличиваться (в размере)', 'усиливаться (в значении)'—от прилагательного *зор* 'большой', 'огромный'; ср. узб. *зўраймоқ*, тат. *зурай-* 'усиливаться', 'ухудшаться', 'осложняться' (о болезни);

кекірей- 'важничать'—от прилагательного *кекір* 'упрямый', 'неуступчивый', 'самолюбивый'; так же кирг.; ср. узб. *кеккай-* в том же значении;

---

[81] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, S. 59 (§ 73).

[82] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 179.— Об аффиксе *-ай-* см. также: А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, § 255; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 320; «Қазіргі қазақ тілі», б. 284; А. Ғ. Ғуломов, *Фе'л*, б. 71; B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*, s. 295; *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 121.

күшей- 'усиливаться', 'силиться'—от *күш*, из семантики которого в значение глагола вошло значение признака; то же в узб. *кучаймоқ*; тат. *көчәй-* с тем же значением;

лықый- 'наполняться до отказа, до краев'—от прилагательного *лық*, уйг. *liq*, арм. *լիր* —оба со значением «полный»; в кыпчакских языках это реальное по значению прилагательное перешло в отдел подражательных слов, что видно по таким формам и выражениям, как *лықылда-* (т. е. *лық-ыл-да-*) 'быть наполненным (жидкостью)'и крым.-тат. *лық толды* 'наполнился до краев';

нығай- 'закрепляться', 'укрепляться'—от прилагательного *нық* 'крепкий', 'плотный';

салпай- 'болтаться', 'отвисать'—от подражательного слова *салп* 'шлёп'; ср. также *салпылда-* 'болтаться', 'мотаться', 'бегать'; казах. *салп* может быть сопоставлено с тур. *sarkmak* 'висеть', 'свешиваться', 'свисать', 'спускаться', 'опускаться', 'качаться', 'покачиваться', 'болтаться';

таңқый- 'быть вздернутым (о носе)'; 'быть коротко подстриженным (например, об усах)'—от прилагательного подражательного происхождения *таңқы* 'вздернутый (о носе)';

узб.: *камай-||ками-* 'уменьшаться', 'убавляться', 'убывать'—от прилагательного *кам* 'малый', 'мало';

кенгай- ср. казах., кирг. *кеңей-*, тат. *киңәй-* 'расширяться', 'шириться', 'делаться обширным, широким, просторным'—от прилагательного *кенг*, *кең*, *киң* 'широкий';

күпай- 'умножаться', 'увеличиваться' (в числе, количестве); 'размножаться'—от прилагательного *күп* 'много';

озай- ср. кирг., тат. *азай-* 'уменьшаться', 'убавляться'—от прилагательного *оз~аз* 'малый';

сарғай- так же казах., кирг. *саргай-||саргар-*, тат. *сargай-* 'желтеть'—от прилагательного *сарик||сары* 'желтый';

узай- ср. казах. *узай-*, тат. *озай-* 'удлиниться', 'растягиваться'; ср. *узал-* 'протянуться', 'растянуться'; *уза-* 'удалять-ся', 'отдаляться'—от корня **уз*[83];

кирг.: *жалпай-* 'выглядеть расплюснутым', 'быть широким, плоским'; ср. с *жалпый-* 'сплющиваться', 'расплющиваться'—оба глагола от подражательного слова *жалп*; между аффиксами *-ай-* и *-ый-* в киргизском языке имеется определенная семантическая дифференциация: *-ай-* обозначает в

---

[83] Разумеется, этот корень не имеет отношения к турецкому *uz*, туркменскому *уз* 'красивый', 'замечательный', гагаузскому *уз* 'прямой', азербайджанскому диалектальному *уғуз* 'много знающий', образованному от глагола ** уғ-* 'мочь' (в других языках *о-*, *и-* 'мочь', 'быть в состоянии сделать что-либо', см. Малов, Пам., 437). См. об этом W. Bang, *Das negative Verbum der Türksprachen*, — SPAW, Bd XVII—XXI, Phil.-hist. Klasse, Berlin, 1923, S. 114, 115. Вторичной формой *uz* является *ozdan* 'schön' (Al-Qawānīn, 320).

основном процесс, *-ый-*—состояние; значение процесса передается также глаголами на *-ла-*—от глагольных имен на *-ң*; например, *-ң+-ла-=-ңда-*: *калбый-* 'быть большим и толстым' (о губах) и *калбыңда-* 'двигаться' (о больших и толстых губах);

кичирей-||кичир-, казах. *кішірей-*, тат. *кечерәй-* 'уменьшаться', 'становиться маленьким'—от *кичи||кичүү||кече||кіші* 'малый', 'маленький';

чоңой- 'становиться большим', 'увеличиваться'—от прилагательного *чоң* 'большой', 'великий';

тат.: *арзанай-* 'дешеветь', 'удешевляться'—от прилагательного *арзан* 'дешевый';

арыгай- 'худеть', 'тощать'—от прилагательного *арык* 'худой', 'тощий';

бушай-||буша- 'слабеть', 'слабнуть'—от прилагательного *буш* 'пустой', 'слабый';

вагай- 'измельчаться', 'раздробляться', 'мельчать'—от прилагательного *вак* 'мелкий', 'дробный';

Ettuhfet.: *balşıra-||balşıray-* 'становиться терпким, кислым' (Dizin, 147).

2. Глаголы, основы которых означают результат или его признак:

Радл., Сл.: *otaj-* 'порастать травой', 'быть покрытым травой'—от существительного *от* 'трава' (I, 1103);

хак.: *пӱгӱрей-* 'горбиться', 'сутулиться'—от **пӱгӱр* 'горб'; ср. *bükrey-* (Ettuhfet., Dizin, 159) в том же значении;

кирг.: *чукурай-* 'впадать' (например, о щеках)—от существительного *чукур* 'впадина', 'углубление', 'котловина'.

В словаре Махмуда Кашгарского аффикс *-ай-* представлен в другой фонетически закономерной форме *-ад-*, где *д* соответствует *й*. Аффикс *-ад-* выделяет сам Махмуд Кашгарский, указывая на то, что показатель اذتي *edhti*, «соединяясь с именами, образует глагол» (M. Kāşgarī, II, 340). Основы глаголов на *-ад-*, помещенные в словаре Махмуда Кашгарского, большей частью также означают название процесса или признака процесса-результата, некоторые основы означают результат. К глаголам с основами первого рода относятся следующие:

kutat- 'стать счастливым' (Dizin, 389); *er kutattı* 'мужчина стал счастливым' (M. Kāşgarī, II, 299)—от *kut* 'счастье' (Dizin, 388);

munğadh- 'быть в стесненном положении' (Dizin, 415)—от существительного *munğ* 'стесненное положение', 'мучение', 'страдание' (Dizin, 414);

bilgedh- 'поумнеть' (Dizin, 92); *oğlan bilgetti* 'ребенок поумнел' (M. Kāşgarī, II, 340)—от *bilge* 'умный' (Dizin, 92);

yuʃgadh- 'становиться непокорным' (Dizin, 808); *oğlan yuʃgattı* 'ребенок стал невоспитанным, упрямым' (M. Kāşgarī, II, 354);

kalnadh- 'толстеть' (Dizin, 256); *yuʃka neng kalnattı* 'тонкая вешь стала толстой' (M. Kāşgarī, II, 350)—от *kalın* 'толстый', 'густой' (Dizin, 255);

körkedh- 'хорошеть' (Dizin, 364); *kız körketti* 'девушка похорошела' (M. Kāşgarī, II, 340)—от *kôrk* 'красота' (Dizin, 363); ср. казах. *көркей-* 'становиться красивым, изящным'.

К этой же группе относятся чаще всего глаголы на *-ad-* из других памятников: ср., например, *öŋäd-* 'изменяться' (Türk., VIII, 94) — от *öŋ* 'цвет', 'окраска'.

К глаголам с основами второго рода относится *atadh-* 'превращаться в коня' (Dizin, 48); *tay atattı* 'жеребенок превратился в коня' (M. Kāşgarī, I, 206).

Значение глаголов на *-ad-* то же, что и формы на *-ай-*.

Просмотр приведенных примеров позволяет сделать некоторые заключения об историческом положении аффикса *-ай-//гай-//-ад-*.

Можно отметить, что подражательные глаголы образованы от односложных корней или основ (*жымый-, салпай-, сылқый-, таңқый-, жалпай-*), а не от корней, наращенных показателями *-ыр//-ыл;* поэтому их нельзя квалифицировать как неологизмы.

Далее, основы глаголов на *-ай-* представляют собой древние корни или неразложимые основы и архаические образования типа *бүкүр//пүгүр* 'горб' (от глагола *бүк-* 'гнуть', 'сгибать') или *арық* 'тощий' (от глагола *ар-*). Основы *зор* 'тяжелый', 'трудный', *кам* 'малый' или *арзан* 'дешевый', широко известные в различных тюркских языках (особенно первая из названных основ), заимствованы из иранских языков давно и не могут свидетельствовать о позднем распространении аффикса *-ай-* и его разновидностей. Эти заимствования проникли в тюркские языки в отдаленные времена, по-видимому, еще в дописьменную эпоху их существования, когда многие из ныне мертвых аффиксов глаголообразования были продуктивны.

Других заимствований среди основ приведенных глаголов не имеется, как не имеется также более новых производных именных форм.

АФФИКС *-ыг-//-ых-//-уг-//-ух-//-ик-//-үк-*

Аффикс *-ыг-* относится к показателям, при помощи которых создавались глаголы как от именных, так и от глагольных основ. Поэтому форма *-ыг-* является такой же архаичной, как и формы, ранее рассмотренные в данной главе. Она образует гла-

голы от основ со значением названия процесса или признака процесса-результата, названия результата, орудия, предмета и места действия. В отличие от показателя *-ал-* или *-ай-* показатель *-ыг-* является общетюркским и отмечается в грамматиках большинства тюркских языков [84]. Как и в остальных архаических формах, в глаголах с аффиксом *-ыг-* основы состоят из древних корней и неразложимых основ. Древние производные имена почти не встречаются. В сравнении с именными основами других непродуктивных глаголов здесь несколько больше иранских заимствований, встречаются также отдельные заимствования из арабского. К иранским заимствованиям относятся: *ширин* 'сладкий', *зар* 'нужда', 'потребность' (в чем-либо), 'нуждающийся', *нам* 'влага', 'сырость', *мас(т)* 'пьяный', *дем* 'дыхание'. К арабским заимствованиям относятся: *айб* 'стыд' (в киргизском) и *қам* 'горе', 'печаль' (в казахском).

Почти все глаголы на *-ыг-* непереходны. Среди примеров, приводимых ниже, имеется лишь один глагол *tüzük-*, который А. фон Габен переводит «gleichmachen» — от *tüz* 'eben' (Turf., VIII, 101) [85].

1. Глаголы, основы которых означают признак процесса-результата:

ачыгмаг 'проголодаться' — от *ач* 'голодный'; ср. туркм. *āҷыкмак*, тат. *ачык-* и другие формы — все с тем же значением; в татарском еще *метаф.* «сильно нуждаться в чем-нибудь»;

бирикмәк 'собираться', 'накопляться', 'скопляться', 'сосредоточиваться', 'соединяться', 'складываться', 'консолидироваться', 'аккумулироваться'— от количественного числительного

---

[84] См.: Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 179; Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, стр. 130. — В обеих работах аффикс *-ыг-* квалифицируется автором как архаичный аффикс возвратного значения, встречающийся в изолированных глаголах. См. также: Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, стр. 144 и *Грамматика хакасского языка*, стр. 69; А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 234; А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, § 256; «Азәрбајчан дилинин грамматикасы», с. 171; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 319; «Қазіргі қазақ тілі», б. 284; Н. Ғ. Ғуломов, *Фе'л*, б. 72; J. Deny, *Grammaire de la langue turque*. — «Суффикс *-ік-*... служит для образования очень небольшого числа медиальных глаголов, которые, однако, почти все весьма употребительны» (§ 843); см. также § 843 — Addenda (p. 1116) с примерами из Махмуда Кашгарского; J. Németh, *Türkische Grammatik*, S. 94; M. Horten, *Kleine türkische Sprachlehre*, S. 47; G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 200; A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, § 91; A. C. Emre, *Türk dilbilgisi*, s. 134; J. Benzing, *Über die Verbformen im Türkmenischen*, — «Mitteilungen der Ausland-Hochschule an der Universität Berlin», Jahrgang XLII, Abt. 2, Westasiatische Studien, Berlin, 1939, S. 1—9.

[85] О глаголах с аффиксом *-ыг-* и значениях последнего см. T. Kowalski, *De la nature de causatif et du passif dans les langues turques*, — «Rocznik Orientalistyczny», t. XV, Kraków, 1949, p. 436—438.

бир 'один'; в том же значении в других тюркских языках; ср., например, тат. *берек-* 'соединяться', 'укрепляться', 'сращиваться', 'объединяться', узб. *бирикмоқ* 'объединяться', 'соединяться', 'сплачиваться', казах. *бірік-*, кирг. *бирик-* в тех же значениях;

долухмаг- 'расчувствоваться', 'растрогаться', 'быть готовым расплакаться' — от *долу* 'полный', 'наполненный', 'изобилующий', 'в большом количестве';

кејикмәк||кејимәк||кејләшмәк 'становиться нечувствительным', 'застывать', 'неметь' — от прилагательного *кеј* 'нечувствительный', 'застывший', 'омертвевший', 'вялый', 'неспособный воспринимать', 'тупой';

кечикмәк 'опаздывать', 'медлить', 'задерживаться' — от *кеч* 'поздний'; так же в ряде тюркских языков, ср. узб. *кечикмоқ*, тат. *кичек-*, кирг. *кечик-* и т. п.;

сыныхмаг 'худеть', 'исхудать' — от **сын*, которое имеется в составе киргизского выражения *сын сөөгү калган* 'худой', 'захудалый';

ширникмәк (из **ширинкмәк*) 'пристраститься к чему-нибудь' — от персидского заимствования *ширин* 'сладкий';

узб.: *намиқмоқ* 'отсыреть' — от иранского заимствования *нам* 'влага', 'сырость', 'влажный', 'сырой';

казах.: *масық-* 'пьянеть' — от иранского заимствования *мас(т)* 'пьяный';

сауық- 'выздоравливать', 'поправляться' — от прилагательного *сау* 'здоровый'; тат. *савык-* с тем же значением;

Battal: *idiktek* 'поправляться' (33) — от *idi* 'хороший';

Turf., VIII: *tüzük-* 'равнять', 'уравнивать' (101)—от *tüz* 'ровный';

KW: *čupuq-* 'быть испытанным', 'быть доказанным в качестве чего-либо истинного' (78) — от *čup* 'истина', 'правда'.

2. Глаголы, основы которых означают название процесса:

дарыхмаг 'беспокоиться', 'скучать', 'тяготиться' — от имени *дар* (среди значений которого имеется также «затруднительное положение», «затруднительные обстоятельства»), входящего в состав сложных глаголов: *дара дүшмәк* 'попадать в затруднительное положение', 'испытывать материальные затруднения' и *дара гыснамаг||салмаг* 'ставить в затруднительное, безвыходное положение', 'принуждать'; ср. казах. *тарық* 'испытывать нужду в чем-нибудь', 'страдать' — от прилагательного *тар* 'тесный', 'узкий'; *метаф.* в составе выражения *тар жер* ('узкое место') 'тяжелое положение'; ср. кирг. *тарык-* с теми же значениями «выбиваться из сил», «обессилеть»; ср. также хак. *тарых-* 'сердиться', 'обижаться', 'расстраиваться';

учитывая наличие тех же значений в другом параллельном хакасском глаголе *тарын-*, будет правильно тур. *darılmak* 'сердиться' рассматривать в качестве образования от того же прилагательного *дар* при помощи аффикса *-л-*;

сыпыхмаг 'улизнуть', 'убегать', 'скрываться незаметно' — от подражательного слова *сып*, которое имеется также в казахском глаголе *сыпылда-* 'быстро говорить', 'быстро и ловко двигаться', киргизском *зыпылда||сыпылда-*, выражающем быстроту движения, значение «мчаться»; ср. также тат. *сыпырт- метаф.* 'улепетывать', 'убегать';

узб.: *зорықмоқ* 'остро нуждаться (в чем-либо)', 'томиться в ожидании', 'истомиться' — от иранского заимствования *зор* 'нужда', 'сильная потребность (в чем-нибудь)', 'нуждающийся';

казах.: *қамық-* 'печалиться', 'огорчаться', 'чувствовать обиду' — от арабского заимствования *қам* (*γам*) 'страдание', 'печаль'; так же в киргизском;

тынық- 'отдыхать' — от **тын* 'отдых' (ср. кирг. *тын* 'отдых'); так же в киргизском;

кирг.: *айбык-* 'стесняться', 'стыдиться' — от араб. *айб* 'вина', 'провинность', 'изъян', 'недостаток', 'штраф';

демик- 'тяжело и учащенно дышать (с закрытым ртом)', 'страдать одышкой', 'стремиться' — от иранского заимствования *дем* 'дыхание';

М. Kāşgarī: *bagrık-*[86] 'отощать' (Dizin, 61): *aç er bagrıktı* 'голодный человек отощал, ослабел' (II, 227) — от *bagır* 'печень' (Dizin, 59);

tılık- 'говорить', 'сообщать', 'стать предметом пересудов' (Dizin, 615): *kişi meninğ birle tılıktı* 'человек поговорил со мной' (II, 116, 117).

Малов, Пам.: *antyq-* 'клясться' (358) — от *ant* 'клятва'.

3. Глаголы, основы которых означают орудие:

чув.: *куçăх-* 'сглазиться', 'подвергнуться действию чужого (дурного) глаза' — от существительного *куç* 'глаз';

хак.: *оох-* 'отравляться' — от существительного *оо* (общетюрк. *ағу*) 'яд'.

4. Глаголы, основы которых означают результат:

гарыхмаг 'теряться', 'приходить в замешательство', 'запутаться', 'ошибаться';

казах.: *тотық-* 'ржаветь', 'покрываться ржавчиной', 'загорать на солнце' — от существительного *тот* 'ржавчина'; ср. кирг. *тотук-*, имеющего только второе значение;

[86] Об аффиксе *-ыг-* и соответствующих глаголах в словаре Махмуда Кашгарского см. C. Brockelmann, *Mahmūd al-Kāšgarīs Darstellung des türkischen Verbalbaus*, — «Keleti Szemle», t. XVIII, 1—3 szam, Budapest, 1918—1919. S. 47—49.

кирг.: *ымык-* 'слегка увлажняться' — от существительного *ым* 'влага', 'влажное место', 'сырость'.

5. Глаголы, основы которых означают предмет действия:

Радл., Сл.: *атік-* (чаг.) 'называться', 'иметь хорошую славу' — от существительного *ат* 'имя'; то же в киргизском *атык-* 'называться', 'прозываться', 'получать прозвище';

тур.: *kanıkmak*//*kanıksamak*//*kanıksımak* 'жаждать крови', 'быть кровожадным' — от существительного *kan* 'кровь'; кирг. *каныk-* 'озлобиться', 'вспылить';

Ибн-Мух.: *ӓрік-* 'выходить замуж' — от *ӓр* 'муж', 'мужчина' (226).

6. Глаголы, основы которых означают место или направление:

јолухмаг 'навещать'; 'напасть (о заразе)' — от существительного *јол* 'путь', 'дорога'; *јолух-* известен в ряде тюркских языков, ср., например, узб. *йўлиқмоқ* 'попадаться навстречу', 'подвергаться', 'встречаться'; в близком значении туркм. *ёлукмак* 'попадать', кирг. *жолук-*, тат. *юлык-*, казах. *жолык-* 'встречаться', в Bulgat. II: *joluq-* 'spotykać się', 'wyjsć naprzeliw' (57); в Ettuhfet. встречается *joluktı* (18), которое неверно переведено «он выщипал», «перемешал шерсть с хлопком», «он погадал»[87], что уже отметил А. Зайончковский, указав, что данный глагол встречается у Абу-Хайяна (Abu-Hay., 127) [и KW (126)] со значением «он встретился». А. Зайончковский указывает также на существование *йолух-* (*julx-*) в западнокараимском языке в том же значении[88];

хак.: *орных-* (из **орыных-*) 'привыкать к одному месту', 'обосновываться на одном месте', 'обживаться' — от существительного *орын* 'место';

Малов, Пам.: *taγyq-* 'подниматься в горы' — от *taγ* 'гора' (425);

ičik- 'направляться внутрь, к центру государственного объединения' (379) — от *ič* 'внутренняя часть'.

Как видно из примеров, глаголы на *-ыг-* отличаются от предыдущих глаголов с непереходным значением. Отличие это состоит в том, что глаголы на *-ыг-* с основами, имеющими орудийное и объектное значение, являются непереходными, а именно медиопассивными, тогда как во всех формах, рассматривавшихся прежде, глаголы с такими основами имели переходное значение. Отсюда естественно заключить, что

---

[87] Б. Аталай ошибочно этимологизирует *joluk-* как *jol-* 'вырывать', 'выщипывать' + *-ık-* в залоговом значении.

[88] A. Zayączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 133.

непереходность составляет собственное значение показателя *-ыг-*. На этом основании можно было бы его сблизить с формами *-лан-* и *-лаш-*, рассматривая в качестве семантически однородного показателя. Однако сближать обе формы нельзя, так как главным и развивающимся значением в аффиксах *-лан-*, *-лаш-* является значение становления, развития, превращения, а в аффиксе *-ыг-* — медиопассивное значение.

Анализируя семантическую структуру глаголов на *-ыг-*, легко выделить заметное число случаев, в которых глагольные значения имеют строение третьего типа. К нему принадлежат глаголы: *kanıktak* 'жаждать крови', *карык-* 'быть ослепленным отраженным от снега светом', *ымык-* 'слегка увлажняться', *куҫăх-* 'подвергаться действию чужого (дурного) глаза', *орных-* 'привыкать к одному месту', *ăрік-* 'выходить замуж', *taγyq-* 'подниматься в горы', *ičik-* 'направляться внутрь к центру государства', *tılık-* 'говорить', *тотық-* 'ржаветь', 'покрываться ржавчиной'. В семантике этих глаголов вполне реально представление о предмете, обозначенном основой, и потому двусоставность их семантического строения также является реальной. Однако поскольку семантика приведенных глаголов подверглась значительной эволюции, можно дать лишь приближенное описание их смыслового строения.

Ко второму семантическому типу относится глагол *оох-* 'отравляться' (ср. *аҕыламаг* 'отравлять' в разделе об аффиксе *-ла-*).

К четвертому семантическому типу относятся немногие глаголы: азерб. *гарыхмаг* 'теряться', 'приходить в замешательство', 'запутываться', 'ошибаться', происходящий, по-видимому, от глагола *карык-* 'быть ослепленным блеском снега'; в результате отпадения ограничивающего предметного значения *гар* 'снег' семантика глагола получила возможность более свободной эволюции и обобщения, результатом чего явилось значение «приходить в замешательство», «теряться», связь которого со значением «ослепнуть» в общем понятна. Выработке такого значения содействовало, по всей вероятности, также метафорическое применение глагола *гарыхмаг* (т. е. сравнение состояния растерявшегося человека с состоянием человека, ослепленного блеском снега). Обобщенным является также значение глагола *долухмаг* 'прочувствовать', 'растрогаться', 'быть готовым заплакать'. Последнее из этих трех значений помогает восстановить первоначальную семантику глагола: * «наполняться слезами (о глазах)», откуда по принципу каузативной связи получаются значения «быть готовым заплакать»>«растрогаться»//«прочувствовать».

К четвертому типу можно отнести также глагол *шарникмәк* 'пристраститься к чему-нибудь', основа которого *ширин* 'слад-

кий', 'сладкое' позволяет восстановить первоначальное значение *«пристраститься к сладкому», «полюбить сладкое», «быть сластеной».

К немногим случаям метафорического значения глаголов на *-ыг-* относятся *ачык-* 'сильно нуждаться в чем-либо' (тат.) при основном значении «голодать», «проголодаться» — от основы *ач* «голодный»; *тарық-* 'испытывать нужду в чем-либо', 'страдать' (казах., кирг. и др.) — от основы *тар;* метафорическое значение в глаголе *тарық-* следует считать не вторичным, а первичным, так как оно образовалось от метафорического же значения именной основы, выявляющегося в словосочетании *тар жер* 'тяжелое положение' наряду с первичным «узкое место» (*тар* 'тесный').

По-видимому, метафорическим является также значение «загорать (на солнце)» в глаголе *тотық-* — от *тот* 'ржавчина' при основном значении глагола «ржаветь», «покрываться ржавчиной».

Остальные глаголы из приводившегося списка имеют семантическую структуру первого типа.

Основное значение аффикса *-ыг-* сходно со значениями аффиксов *-ар-, -ал-, -ай-//-ад-*, но в нем сильнее выражено медиопассивное значение. Глаголы на *-ыг-* означают пребывание в каком-либо состоянии или переход в него, появление и развитие признака, иногда предмета (глаголы *ымык-, тотық-*), движение, в единичных случаях — активные действия (глагол *tüzük-*).

Значительное число примеров глаголов на *-ыг-* можно найти в словаре Махмуда Кашгарского (M. Kāşgarī, I, стр. 190—192; II, стр. 115—118; III, стр. 189, 191) и в других памятниках.

* *
*

Аффикс *-ыг-* исторически мог образовать глаголы от глаголов, сообщая последним медиальное или пассивное либо же медиопассивное значение, а в отдельных случаях и переходное значение. Совмещение в одной форме переходного и непереходного значений и побудило, по-видимому, Г. Рамстедта отнести приименные и приглагольные значения аффикса *-ыг-* к разным по происхождению формам. Аффикс *-ыг-* в отыменных глаголах Г. Рамстедт возводил к монгольскому показателю *-gi-*[89], а в отглагольных глаголах — к монгольскому показателю *-gu-*[90], допуская вместе с тем возможность совпадения обоих показателей на тюркской почве, «если только **-gu* и **-gi-* различные аффик-

[89] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 72.
[90] Ibid., § 21.

сы, а не варианты одного и того же элемента *-*g*-»[91]. Позднее Г. Рамстедт отказался от разной этимологизации прииенного и приглагольного аффикса *-ыг-*, объединив вместе все случаи образования глаголов с этим аффиксом[92]. Принимая во внимание наличие переходных и непереходных глаголов на *-ыг-*, Г. Рамстедт допускал, что при переходности исходного глагола аффикс *-ыг-* придавал ему непереходное значение, и наоборот. Однако это наблюдение на материалах данной книги не подтверждается.

Обратимся к примерам на приглагольное употребление аффикса *-ыг-*.

Глаголы с медиальным значением:

бурхулмаг (из *бурухулмаг*) 'быть вывихнутым', 'получать вывих', 'подвернуться' (о ноге, руке); исходным глаголом является *бурмаг* 'закручивать', 'скручивать', осложненный далее аффиксом *-ыг-*, значение которого в этом глаголе восстановить не удается, и затем показателем страдательного залога *-ул-*;

безикмэк 'чувствовать отвращение к чему-нибудь', 'опротиветь', 'претить кому-нибудь', 'надоедать', 'докучать' — от глагола *безмэк* с тем же значением; ср. с туркм. *безикмек* (*без болмак*) 'чувствовать неприязнь';

галхмаг[93] 'подниматься', 'сниматься с места', 'отправляться'; 'восставать', наряду с которым существует и понудительная форма *галдырмаг* и более древняя — *галхызмаг* 'поднимать', откуда выделяется корень *гал-*, а из сопоставления последнего с глаголом *галхмаг* выделяется аффикс *-г-(-ғ-)*; от корня *гал-* в турецком языке образовался глагол с аффиксом *-кы-* — *kalkmak* с такими же, но более интенсивными значениями «вскакивать», «вспрыгивать», «подпрыгивать», «вставать на дыбы», «вынырнуть», чем подтверждается, естественно, этимологическая близость аффиксов *-ыг-* и *-гы-* и обоих глаголов: азерб. *галх-* и тур. *kalk-//kalkı-*; эту близость подтверждают также данные казахского и татарского языков, где *қалқ-* (казах.) означает «плавать на поверхности жидкости», т. е. является усилением одного из значений тур. *kalkmak* (почти в том же значении кирг. *калкы-*: 'подниматься на поверхность жидкости', 'плавать наверху'), а тат. *калк-* повторяет в общем значения азербайджанского и турецкого *галх-* ~ *kalk-*;

---

[91] Ibid., § 72.

[92] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 170—173.

[93] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 21.

горхмаг 'бояться', 'страшиться', 'пугаться', 'трусить', 'опасаться'; исходным глагольным корнем является **гор-*, наращенный аффиксом *-ыг-*, т. е. для азербайджанского языка — форма **горых-*, которая, однако, в нем не сохранилась, но известна в некоторых живых и мертвых тюркских языках: ср. хак. *хорых-*, Ettuhfet. *korukti* (10)[94], Ал-Замахш. *qoruqmaq* (96); для общего всем этим глаголам корня *гор- ~ qor-* ср. Houtsma: قرق и قرت 'пугать', т. е. понудительная форма от *qor-*;

гырхмаг[95] 'брить', 'стричь'; *метаф.* 'обирать кого-либо' — от глагола *гырмаг*, среди значений которого в азербайджанском языке отсутствует «стричь», имеющееся в других языках; ср. казах. *қыр-* 'скоблить', 'соскабливать', 'брить', 'уничтожать', 'истреблять'; хак. *хыр-* 'скоблить', 'соскабливать', 'брить', 'уничтожать', 'истреблять', 'резать что-либо'; тат. *кыр-* 'брить' и ряд других значений;

донугмаг 'недоумевать', 'онеметь', 'опешить' — от глагола *донмаг* 'мерзнуть', 'зябнуть', 'замерзать'; 'замирать', 'обмереть', 'застыть', 'остолбенеть';

дурухмаг- 'замяться', 'призадуматься', 'быть в недоумении', 'колебаться', 'не решаться на что-либо', ср. *Әминә хала дурухду, директора сәрт чаваб вермәк истәмәди...* 'Тетя Эминэ замялась, не захотела резко отвечать директору...' (Мehди, *Вәтән чичәк*, 86); таково же значение рассматриваемого глагола в других языках, ср. «Şeyhi Divanı»: *durukmak* 'колебаться', 'замяться', 'опешить' (42), Izbudak: *durukmak* в близких значениях (17), M. Kāşgarī: *turuk-* 'останавливаться', 'собираться', например *kan turukti* 'кровь остановилась, собралась' (M. Kāşgarī, II, 115; Dizin, 657); исходный корень — глагол *дур-//тур-* 'стоять', 'останавливаться';

солухмаг 'вянуть', 'увядать', 'блекнуть' — от глагола *солмаг* 'линять', 'выцветать', 'бледнеть', 'вянуть', 'увядать', 'блекнуть';

сыныхмаг 'худеть', 'исхудать' — от глагола *сынмаг* 'ломаться', 'разбиваться' (о посуде, дереве и пр.); 'быть разбитым', 'терпеть поражение' (о войске); 'обанкротиться', 'уменьшаться', 'идти на убыль' (о холоде, жаре); 'понижаться в цене (о товаре, валюте)'; 'опешить', 'становиться в тупик', 'теряться', 'робеть', 'пасовать перед кем-либо', 'обижаться'; среди значений глагола *сынмаг* нет близких к семантике *сыных-*

---

[94] В связи с имеющимися в Ettuhfet. формами *ürükti* (17), *sürütti* (25; то же самое у Abu-Hay., 95), *keritti* (26) вместо *ürkti, sürtti, kertti* следовало бы, возможно, гласный *u* в *koruktu* рассматривать в качестве эпентетического.

[95] A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 110, 111.

маг, но общее значение ущерба объединяет оба глагола, и возможно, что во фразеологическом употреблении глагола *сынмаг* найдутся значения, близкие к значению «исхудать»[96].

үркмәк||hүркмәк[97] 'пугаться', 'бояться', 'тревожиться'; ту же форму и то же значение имеет рассматриваемый глагол в киргизском, казахском (*үрк-*), татарском (*өрк-*), турецком (*ürk-*) и других тюркских языках, причем в казахском и татарском языках действия, обозначаемые этим глаголом, прежде всего относятся к животным; в азербайджанском, турецком, узбекском (*ҳуркмоқ*) и киргизском языках значения глагола обобщены и относятся как к животным, так и к человеку; в хакасском языке рассматриваемый глагол имеет форму *ӱрӱк-* 'пугаться', 'теряться', 'взбудоражиться' и *ӱргӱ-* 'пугаться'; форма *ürük-* приводится также в Ettuhfet. (Dizin, 274) с тем же значением. (Замечание издателя памятника проф. Бесима Аталая о том, что конечное *-k* в глаголе *ürük-* следует рассматривать как фонетическое явление, следует считать недоразумением.)

Образованиями на *-ыг-* являются, как известно, также *боғмаг* 'душить', 'удавить', 'заглушать', 'делать неслышным'; 'подавить', 'зажимать'; 'стягивать', 'сдергивать', 'топить', образованный от глагола **бо-* (ср. *bo-* в Ettuhfet., Dizin, 154); *јахмаг* 'жечь' — от корня **ја*, который восстанавливается в связи с *јанмаг* 'гореть' и подтверждается чувашской формой *çӳт-*, т. е. общетюрк. **јат-* 'зажигать'; туркменский глагол *бӧгмак* 'связывать', 'завязывать'; 'запруживать' — возможно, от корня *ba-* 'привязывать' (Малов, Пам., 367). Туркменская форма позволила бы установить связь между корнями *бо-* 'душить' и *ба-* 'привязывать', 'связывать'.

Примеры на медиальное значение отглагольных образований на *-ыг-* из других тюркских языков:

Радл., Сл.: *ilăk-* (тюмен., тобол.) 'прицепляться' (I, 1479) — от общетюркского *il-* 'повесить', 'привесить' (1473);

yjyk- (чагат.) 'свернуться (о молоке)' — от глагола *yjy-* в том же значении (I, 1644, 1633); ср. казах. *ұю-*, кирг. *ую-*, тат. *ою-* и т. д. в том же значении;

учук- (сагай.) 'летать' — от глагола *уч-* в том же значении (I, 1724; *ущук-*, там же, 1735, со значением «улететь», «исчезнуть»); ср. хак. *учух-* в том же значении «летать», а также «вспорхнуть»;

---

[96] Глагол *synyx-* приводится также в работе А. Зайончковского «Sufiksy imienne i czasownikowe...» (стр. 110—111), но со значением «złamać się, upaść na duchu», близким к значению основного глагола *syn-*.

[97] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 21.

туркм.: *сүйкмек* 'тянуться (о густой жидкости)' — от глагола *сүймек* 'вытягивать волокно для получения нитки', 'раскатывать тесто валиками';

кирг.: *көнүк-* 'привыкать', 'приобретать привычку' — от глагола *көн-* 'соглашаться', 'привыкать';

узб.: *илакмоқ* и параллельный ему глагол *илашмоқ*, известный и в других тюркских языках (азерб., тур., крым.-тат. и др.) со значением «приставать», «зацепляться», «прицепляться»—от глагола *илмоқ* 'зацеплять', 'вешать', 'привешивать'; ср. тат. *элəк-* 'цепляться', 'зацепляться', 'задевать', 'попадать (в сети, на удочку, в плен, под суд)', 'быть пойманным', 'влипнуть', 'попадать в неприятное положение', 'доставаться (в наказание за что-либо)'; казах. *ilik-* 'доставаться', 'попадать', 'предоставляться';

хак.: *тартых-* 'тянуться', 'стремиться к кому-, чему-нибудь' — от глагола *тарт-* 'тянуть', 'тащить';

чув.: *кушăх-* 'высыхать', 'просыхать', 'вянуть' — от глагола *куш-* 'сохнуть', 'высыхать', 'просыхать', 'обветриваться' (о почве и т. п.);

пусăх- 'задохнуться'; 'слеживаться' (о муке, хлебах, крупе), 'портиться' — от глагола *пус-* 'ступать', 'наступать на что-либо'; 'топтать', 'попирать ногами'; 'жать', 'нажимать' и т.д.;

юнăх- 'злиться', 'сердиться', 'таить злобу', 'подстерегать', 'капризничать' (о ребенке)—от глагола *юна-* 'грозить';

Battal: *batıkmak* 'тонуть', 'пропадать'—от глагола *batmak* 'тонуть' (17);

kerikmek 'потягиваться', 'зевать' (40)—от глагола *kermek* 'натягивать'.

К., СС: *атаг-* 'называть' (6).

Аффикс *-ыг-* иногда сочетается с залоговыми аффиксами, имеющими непереходное значение. Ср., например, глагол *бурхулмаг*, который уже встречался выше; *урунук-* (телеут., куманд.) 'ударяться', 'биться обо что-либо', 'спотыкаться' (Радл., Сл., I, 1661)—от глагола *ур-* 'бить'; *атылык-* 'быть брошенным, кинутым', 'быть выстреленным', 'бросаться вниз', 'упасть' (Радл., Сл., I, 460)—от глагола *ат-* 'бросать'.

Прямые пассивные значения глаголов в приведенных материалах встречаются значительно реже медиальных. Одно из них можно видеть в татарском глаголе *элəк-* 'быть пойманным' или в чувашском *ĕнĕх-* 'быть опаленным, обожженным'—от глагола *ĕн-* 'опаляться', 'пригорать', 'тлеть', а также в глаголе *sunуɣ-* سنغ 'быть сломанным' у Ибн-Муханны (Мел., Ар. фил., 097)—от возвратной формы глагола *su-*: سن *sun-* 'ломаться'. Примеры на пассивное значение см. ниже.

Часто встречается аффикс *-ыг-* в интенсивном[98] или активирующем[99] значении. Ср. следующие примеры:

азыхмаг 'разбушеваться', 'неистовствовать'—от глагола *азмаг* 'сбиваться с дороги', 'заблудиться', 'заблуждаться'; 'разнуздаться', 'стать беззастенчивым';

вурнухмаг[100] 'метаться', 'суетиться'—от глагола **вурунмаг* 'биться';

долухмаг||долухсунмаг 'прочувствовать', 'растрогаться', 'быть готовым заплакать'—от глагола *долмаг* 'наполняться', 'наливаться'; для значения глагола *долухмаг* ср. выражение *көзләри долду* 'у него (на глаза) навернулись слезы'; в других языках рассматриваемый глагол сохраняет свое основное значение; ср., например, казах. *толық-* 'полнеть', 'толстеть', значение которого имеется и в исходном глаголе *тол-*.

тур.: *kanikmak||kaniksamak||kaniksimak* 'привыкать', 'делаться равнодушным к чему-либо', 'пресыщаться'—от глагола *kaпmak* 'насыщаться', 'удовлетворяться'; приводимое обычно вместе с указанным значение «жаждать крови», «быть кровожадным» принадлежит другому, омоморфному, глаголу, образованному при помощи аффикса *-ik-* от существительного *kan* 'кровь'; отглагольную форму *kanikmak* ср. с узб. *қониқмоқ* 'удовлетворяться'—от глагола *қонмоқ* 'насыщаться', 'удовлетворяться' и с кирг. *каныкк-* 'привыкать', 'приобретать навык'—от глагола *кан-* 'удовлетворяться', 'утоляться'; как показывают узбекское и отчасти киргизское соответствия, значение интенсивности во вторичных глаголах с *-ыг-* не сохранилось.

казах.: *жұлық*[101] 'выдергивать', 'дергать с силой'—от глагола *жұл-* 'рвать', 'выщипывать'; таково же значение вторичной формы в киргизском соответствии *жулк-* 'дернуть', 'рвануть', 'вырвать'; ср. также тат. *йолк-* 'дергать', 'щипать', 'общипывать', 'пощипать', 'рвать', 'теребить' с ослаблением значения интенсивности и *yolk-* у Махмуда Кашгарского со значением «сдирать», «ощипать», «расщепить», «вырывать», «выдергивать», «извлекать из чего-либо что-либо», «обдирать», «использовать», «добыть» (Dizin, 799)—от глагола *yol-* 'выщипывать', 'спасать', 'оставлять', 'отпускать', 'копировать' (Dizin, 798); исходный и вторичный глаголы имеют в «Диване» значения, которых в современных языках нет; значение интенсивности выражено в глаголе *yolk-* достаточно четко.

---

[98] A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 110—111.

[99] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 173—175.

[100] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 72.

[101] Ibid., § 21; A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 110, 111.

Приведенный материал показывает, что аффикс *-ыг-* в общем имеет то же непереходное медиальное значение, что и в отыменных глаголах. Пассивное значение аффикса *-ыг-* в современных языках почти не сохранилось. Среди приведенных глаголов лишь в трех случаях встретились пассивные значения. Между тем еще в историческую эпоху пассивная семантика вторичных глаголов с аффиксом *-ыг-* была, по-видимому, столь же распространенной, как и медиальная, о чем можно судить по примерам из словаря Махмуда Кашгарского, который отмечает оба значения аффикса *-ыг-*, называя первым пассивное значение: «ق и ك, образующие глаголы от ряда слов, бывают двоякого рода: во-первых, они означают действие по отношению к действующему лицу, которое является побежденным или на которого оказано воздействие, как в выражении اَرْ بَسِّقْتِي *bassıktı er*[102], означающем „человек был побежден“» (Kāşgarī, II, 118—119). Возвращаясь к значениям «букв ق и ك», автор указывает, что «в двубуквенных глаголах они придают им значение действия, которому действующее лицо подчиняется помимо своего желания или под воздействием которого оно находится, как, например, اَرْ يَغِيقا بَسِقْدِي *er yagıka basıktı* 'человек был побежден врагом' (M. Kāşgarī, II, 165); *kişi yagıka basıktı* в том же значении (M. Kāşgarī, II, 116); ср. еще *er soyuktı* 'человек был ограблен' (M. Kāşgarī, III, 189)—от *soy-* 'грабить' (Dizin, 531); «*yagı sançıktı* 'враг был побежден'; если человека убивают или закалывают, то также говорят так» (Kāşgarī, II, 228)— от глагола *sanç-* 'закалывать', 'пронзать', 'побеждать', 'толкнуть' (Dizin, 487). Вместе с тем Махмуд Кашгарский приводит немало примеров на медиальное или медиопассивное, а иногда на интенсивное значение аффикса *-ыг-*; ср., например, «*közden yaş savruktı* 'из глаз полились слезы' (когда в потоке вода пенится и волнуется, то тоже говорят так)» (M. Kāşgarī, II, 228)—здесь аффикс *-ыг-* имеет интенсивное значение; *seziktim* 'я почувствовал' (M. Kāşgarī, II, 117) с медиальным значением *-ыг-* и др. Переходное значение аффикс *-ыг-* имеет в следующем примере из «Дивана»:

Bardı eren konuk körüp kutka sakar
Kaldı yawuz oyuk körüp ewni yıkar
(M. Kāşgarī, I, 85)

— от глагола *sa-* 'считать' (Dizin, 477).

[102] Пример Махмуда Кашгарского неточен, так как *bassıktı* образован при помощи показателя страдательного залога *-syq-*, а не *-q-*.

Можно подытожить все сказанное выше о значении аффикса *-ыг-*, указав, что эта форма исторически имела медиопассивное значение, которое в отглагольных формах могло реализоваться и как медиальное и как пассивное, в отыменных же формах — преимущественно как медиальное, хотя в форме на *-ыг-* не оказалась преодоленной до конца индифферентность к категории переходности-непереходности, свойственная архаическим аффиксам глаголообразования. Интенсивное значение аффикса *-ыг-*, обнаруживаемое в семантике некоторых глаголов, не получило значительного развития в тюркских языках и в ряде случаев не сохранилось в современных значениях глаголов.

АФФИКС *-са-//-сә-//-сы-//-су-//-сү-//-сын-//-син-//-сун-//-сүн-*

Фактически здесь следует выделить три аффикса: *-са-//-сә-*, *-сы-//-си-//-су-//-сү-* и *-сын-//-син-//-сун-//-сүн-*, представляющий более развитую форму аффикса *-сы-*. Однако различие в значениях всех трех аффиксов было утеряно, по-видимому, еще в давние времена, и эти показатели смешались, превратившись (особенно аффиксы *-са-* и *-сы-*) в формальные, хотя и не всегда регулярные, параллели. Поэтому можно было бы рассмотреть все три формы в качестве разновидностей единого форматива, имеющего несколько значений, как это и делается в большинстве работ по тюркским языкам. Например, Ж. Дени в грамматике турецкого языка аффиксы *-са-* и *-сы-* рассматривает вместе как единый показатель с определенным составом значений в трех пунктах и к разновидности этого аффикса причисляет форму *-(i)mse-, -(i)msi-*[103]. Такой точки зрения придерживается также А. Н. Кононов, возводя аффиксы *-са-* и *-сы-* к архаичному показателю желательного наклонения[104]. Н. А. Баскаков, также разделяя точку зрения Ж. Дени, выбирает в качестве исходной формы аффикс *-сы-*, от которого производит вторичную форму *-сыра-*, распространенную в неогузских языках, а аффикс *-са-* принимает за вариант аффикса *-сы-*[105].

Другие авторы проявляют более осторожное отношение к вопросу о связях между описываемыми аффиксами. Так, Г. Рамстедт ни разу, кажется, не отождествлял аффиксы *-са-* и *-сы-*.

---

[103] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 844; см. также J. Németh, *Türkische Grammatik*, S. 94.

[104] А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 235.

[105] Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. I, ч. 1, стр. 321, 322. — Более подробно точка зрения Н. А. Баскакова изложена им в статье «К вопросу о происхождении условной формы на *-са-//-се-* в тюркских языках»,— сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953, стр. 35—63.

Аффикс *-са-* со значением «желать» или «любить» [106] Г. Рамстедт возводил к самостоятельному тунгусскому глаголу *sa-*, который означает «говорить», «думать», «делать», «представляя своего рода универсальный глагол в более широком смысле, чем немецкое *tun* или английское *to do*» [107]. В другой работе Г. Рамстедт еще более уточнил значение глагола *sa-*: «намереваться», «желать», «хотеть», «говорить», «делать» [108], к которому он возводил, между прочим, и показатель условного наклонения *-са-* [109]. Второй аффикс *-сы-* в обеих работах Г. Рамстедт не этимологизировал, но правильно, как нам кажется, ставил его в связь с показателем подобия *-сы* [110], широко употребляющимся во всех языках тюркской группы (в составе существительных, прилагательных, наречий, глаголов). Однако из большого перечня производных форм и значений, связанных с аффиксом *-сы-*, Г. Рамстедт привел лишь «модифицирующие обозначения цветов» на *-sy-mal, -sy-man, -sy-mak, -sy-l* и *-su* [111].

Устанавливая связь между значениями глаголообразующего показателя и уподобительным аффиксом *-сы*, Г. Рамстедт учел также исследования своих предшественников, авторов «Грамматики алтайского языка», которые первыми указали на генетическую связь аффиксов *-сы-* — в форме производного *-мзра-* из **-мсыра-*>**-мзыра-*>*-мзра-* (с аффиксами *-су*), где «*у* долгое или сложное» — и *-сыман*, означающими «ослабление или уменьшение качества» [112].

Раздельно рассматривают аффиксы *-са-* и *-сы-* также А. фон Габен [113] и Бесим Аталай [114].

В. Банг возводил аффикс *-сы-* к аффиксу *-са-*, допуская ослабление *-а-* «вследствие его постоянной безударности» [115], т. е. решая вопрос чисто фонетически. Позже он, по-видимому, отказался от такого объяснения, признав уподобительное значение аффикса *-сы-*: «Все глаголы, образованные при его помощи, оз-

---

[106] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 91.

[107] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 188.

[108] G. J. Ramstedt, *Zum türkischen Konditional*, — «Finnisch-Ugrische Forschungen». — Bd XXIX, H. 1—3, Helsinki, 1946, S. 120—126.

[109] Ibid.

[110] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 96. См. также: А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 236.

[111] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 198.

[112] «Грамматика алтайского языка», § 78 и 31.

[113] A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, § 97, 98, 100.

[114] B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 131, 132. — Б. Аталай специально предостерегает от смешения обоих аффиксов, правильно указывая на то, что они имеют разные значения и разное происхождение, хотя с этимологиями автора, заимствованными им у Махмуда Кашгарского (*-са-*<*са-* 'считать', *-сы-*<*сы-* 'ломать'), едва ли можно согласиться.

[115] W. Bang, *Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen*, — SPAW, Jahrgang 1916, XXII, Erster Halbband, Berlin, 1916, S. 917.

начают „быть похожим на именную основу“, „быть подобным именной основе“, „быть таким, как именная основа“» [116].

Из советских специалистов Н. П. Дыренкова рассматривает раздельно даже аффиксы *-сын-* и *-сыра-*, оба восходящие к *-сы-*, однако имеющие разные значения [117].

А. Г. Гулямов в своей работе об узбекском глаголе также рассматривает в качестве отдельных аффиксов формы *-сира-* и *-са-*, указывая на возможность их семантического схождения в известных случаях [118].

Для правильного решения вопроса об историческом соотношении рассматриваемых аффиксов, особенно основных форм — *-са-* и *-сы-*, следует обратиться к памятникам тюркских языков, в которых можно найти более древнее состояние обоих показателей.

Наиболее авторитетным источником и в этом случае является «Диван» Махмуда Кашгарского.

Об аффиксе *-са-* вместе с восемью другими аффиксами Махмуд Кашгарский говорит уже в начале своего труда [119]: «س появляется при глаголах, чтобы передать желательность исполнения какого-либо действия, как, например, سُوْ اِجْسَدی *suw içsedi*, которое значит ‘он захотел выпить воды’, اَشْ يِسَدی *aş yeysedi* ‘он захотел поесть’... Буква س иногда появляется при глаголе, чтобы представить действие как бы совершающимся, хотя в действительности его нет, как, например, в выражении اُلْ مَنْدِنْ يَرْمَاقْ اَلمِسْنْدِی *ol mendin yarmak alımsındi* ‘он сделал вид, что берет у меня деньги’» (M. Kāşgarī, I, 20). Далее он вновь говорит о дезидеративном аффиксе *-са-* в его применении к двух- и трехбуквенным корням, как это было принято в грамматических руководствах, построенных по арабскому образцу. В повторно излагаемом правиле Махмуд Кашгарский приводит еще такие примеры: اَرْ اَتْسادِی *er etsedi* ‘человек захотел поесть мяса’, اَرْ اَجْغسادِی *er açığsadı*

---

[116] W. Bang, *Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut*, Siebenter Brief..., S. 216.

[117] Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, стр. 14, 144.

[118] А. Ғ. Ғуломов, *Фе'л*, б. 71.

[119] Об аффиксе *-са-* и других см. также: C. Brockelmann, *Mahmud al-Kāšgaris Darstellung des türkischen Verbalbaus*, S. 46, 47.

'человеку захотелось кислого' (M. Kāşgarī, I, 279); اُلْ يا اَتْسادى *ol ya atsadı* 'он захотел метнуть стрелу', اَرْ يُكْ كُتُرْسادى *er yük kötürsedi* 'человек захотел понести ношу' (M. Kāşgarī, I, 230). Затем автор продолжает: «Если в частице سا изменить الف на ى, меняется смысл, и частица означает состояние или природу приписываемого [действию] предмета, показывает переход из состояния, в котором [предмет] находится, в другое состояние, например, سِجِكْ سُوْسِيدِى *sücik suwsıdı*, اِزُمْ اَجِغْسِيدِى *üzüm açığsıdı*, которые означают 'вино стало жидким' и 'виноград прокис'...» (M. Kāşgarī, I, 282). Махмуд Кашгарский предлагает также этимологии обоих аффиксов: *-са-* от глагола *sa-* 'считать' (*sadı neŋği*, 281) и *-сы-* от глагола *sı-* 'ломать' (*sıdı neŋği*, 282).

Из наблюдений Махмуда Кашгарского можно сделать следующие выводы:

Во-первых, очевидно, что оба аффикса различны по значениям и, возможно, восходят к разным источникам [120]. В эпоху Махмуда Кашгарского, по-видимому, еще было живо восприятие обоих аффиксов, почему автор и счел необходимым говорить о каждом из них в отдельности, указать на их значения и подкрепить свои наблюдения примерами.

Во-вторых, аффиксы *-са-* и *-сы-* употреблялись для образования глаголов от грамматически различных основ: аффикс *-са-* мог образовать глаголы как от имен, так и от глаголов, тогда как *-сы-* — лишь от именных основ, хотя в более ранние эпохи при помощи этого показателя создавались глаголы и от глагольных основ, как это показывают старейшие памятники. Ср., например, в памятнике в честь Тоньюкука: *ol sabyγ äsidip, tün udysyqym kälmädi, küntüz olursyqym kälmädi* 'услышав эти слова, ночью не приходил мой сон, а днем я не имел покоя' (Малов, Пам., 61 и 66).

---

[120] Нам представляется вероятной гипотеза Г. Рамстедта о происхождении аффикса *-са-* из глагола типа тунгусского *sa-*, о котором говорилось выше. Для аффикса *-сы-* с его уподобительным значением мог бы быть намечен в качестве источника глагол *си-* 'уподоблять', который встречается в сельджукских стихах:

Горклӱ jӱзі кімсäjä нäч бäŋзämäз,
Тäŋрі катында бäŋі бірä сімäз
'Его красивое лицо не похоже ни на чье [лицо],
Оно не похоже на [лица] вечно [живущих] в раю (букв. 'у бога')'

(W. Radloff, *Über alttürkische Dialekte*. I. *Die Seldschukische Versen im Rebâb Nâmeh*, — «Mélanges Asiatiques», t. X, SPb., 1890, p. 80).

Однако в целом аффикс *-са-* должен считаться более архаическим, аффикс же *-сы-* более близким к современным, поскольку в основном он мог образовывать лишь отыменные глаголы.

Это различие в значениях и употреблении того и другого аффикса довольно строго прослеживается на примерах из «Дивана». Приведем некоторые из них.

С аффиксом *-са-*: от глагольных основ — *ol suwda çapsadı* 'он захотел поплавать в реке' (глагольная основа *çap-*, M. Kāşgarī, III, 284); *satsadı* 'он захотел продать' (глагольная основа *sat-*, там же); *sürsedi* 'он захотел пасти' (глагольная основа *sür-*, там же); *kopsadı* 'он захотел подняться' (глагольная основа *kop-*, M. Kāşgarī, III, 285); *körsedim* 'я захотел увидеть' (глагольная основа *kör-*, там же); *yapsadi* 'он захотел сделать' (глагольная основа *yap-*, M. Kāşgarī, III, 304); *yatsadı* 'он захотел лечь' (глагольная основа *yat-*, там же); *yètsedi* 'он чуть не поспел' (глагольная основа *yèt-*, там же); *yadhsadı* 'он захотел разостлать' (глагольная основа *yadh-*, M. Kāşgarī, III, 305); *yaşsadı* 'он захотел спрятать' (глагольная основа *yaş-*)[121] и др.; от именных основ — *suwsadı* 'он захотел пить' (именная основа *suw*, M. Kāşgarī, III, 284); *kapsadı* 'он захотел покрыть' (именная основа *kap*, M. Kāşgarī, III, 285); *yağsadı* 'он захотел жира, масла' (именная основа *yağ*, M. Kāşgarī, III, 305); *er bagırsadı* 'человеку захотелось печенки' (именная основа *bagır*, M. Kāşgarī, I, 332).

С аффиксом *-сы-*: *suwsıdı* 'он стал жидким, сочным' (именная основа *suw*, M. Kāşgarī, III, 284; ср. с *suwsadı* 'он захотел пить', там же); *et kaksıdı* 'мясо стало сушеным' (M. Kāşgarī, I, 286; именная основа *kak* означает что-либо засушенное, Dizin, 251); *yağsıdı*: *yakrı yağı yağsımas* 'внутреннее сало не заменит масла' (именная основа *yağ*, Dizin, 306); *yağsı-* 'попробовать вкус масла' (именная основа та же, Dizin, 729); *yağsıdı neng* 'человек попробовал сливочного масла' (M. Kāşgarī, III, 305, 306) и др.

К примерам Махмуда Кашгарского можно присоединить также некоторые иллюстрации из современных языков, в частности глаголы с показателем *-са-*, *-сы-* и *-сын-*, образованные от глагольных основ. Ср.: гагауз. *јенсе-* 'одолевать', 'побеждать'—

---

[121] Глагольная основа *яш-* 'укрывать', 'прятать' в современных кыпчакских языках уже утеряна. Вместо нее употребляются возвратная и понудительная формы *яшын-* 'укрываться', 'прятаться' и *яшыр-* 'укрывать', 'прятать'. В форме *яшыр-* со значением «укрывать», «прятать» этот глагол известен также в памятниках азербайджанской литературы [см. Һ. Мирзәзадә, *Азәрбајчан дилинин тарихи грамматикасына аид материаллар (Фонетика — Морфолокија)*, Бакы, 1953, с. 67, 68]. Исходная форма глагола, т. е. *яş-*, приводится в «Türkçe sözlük» (2-nci baskı, hazırlıyan Mehmet Ali Ağakay, Ankara, 1955, с. 787) с теми же значениями и с пометой «устаревшее».

от *jен-* 'побеждать'; казах. *тепсин-* 'топать', 'бить ногами'; узб. *депсин-* 'притоптывать', 'топтаться'—от *теп-//деп-* 'пинать', 'лягаться', 'биться (о сердце)'; азерб. *умсунмаг* 'обмануться в надежде', 'разочаровываться'—от *уммаг* 'ожидать', 'быть в надежде'; Радл., Сл.: *умсан-* 'иметь надежду', 'полагаться', 'ожидать', *умсун-* 'надеяться' (I, 1797); казах. *ұмсын-* 'обмануться в надеждах'; азерб. *долухсунмаг* 'прочувствовать', 'растрогаться', 'быть готовым заплакать' (т. е. 'иметь желание заплакать')—от глагола *долухмаг* с тем же значением; азерб. *көрсәнмәк* в составном глаголе *мөҹүзә көрсәнмәк* 'появляться, сотворяться (о чуде)' или в примере *sinäsidä aj kimin gösänirdi* '...и грудь ее виднелась подобно месяцу' (Proby liter., 19). В этих примерах уже нет ясно выраженного желательного или уподобительного значений, за исключением глагола *долухсунмаг* с более или менее ясным значением желания и глагола *тепсин-//депсин-* с ослабленным значением [122].

Как показывает материал словаря Махмуда Кашгарского, нет оснований отождествлять аффиксы *-са-* и *-сы-* [123], поскольку условия применения и значения обоих аффиксов различны.

Вместе с тем уже в эпоху Махмуда Кашгарского образование глаголов на *-са-* от глагольных основ, по всей вероятности, шло на убыль, и, наоборот, именные основы становились основным источником образования глаголов с дезидеративным значением. Об этом можно судить по распространенности образований на *-ыҕса-* и *-игсе-* [124], в которых элементы

---

[122] Али Галип Пекель в своей книге приводит отглагольные образования на *-sa-//-sı-* с дезидеративным значением: *yetsi-* — от *yet-* 'достигать' 'поспевать', *bilsi-* от *bil-* 'знать', *soysu-* — от *soy-* 'раздевать', 'грабить', *içse-* — от *iç-* 'пить', *yise-* — от *ye-//yi-* 'есть', *otursa-* от *otur-* 'сидеть', 'садиться', *kalksa-* — от *kalk-* 'подниматься', 'вставать' и др. (A. G. Pekel, *Türkçede kelime üreme yolları*, Istanbul, 1943, s. 25).

[123] Г. Рамстедт допускал двоякий путь образования дезидеративных форм *ičsä-, kälsä-, bilsä-*: 1) из формы типа *bilü-sä-* путем элизии безударного *ü* (синкопия); 2) непосредственно из глагольной основы, которая, по В. Бангу (W. Bang, *Studien sur vergleichenden Grammatik*, 2 Stück, *Über das Verbum al- «nehmen» als Hilfszeitwort*,— SPAW, Jahrgang 1916, Halbband 2, Berlin, 1916), исторически означала глагольное имя, т. е. здесь допускается структура, аналогичная немецкой в словах типа *Sprechtakt, Sprichwort* (G. J. Ramstedt, *Zum türkischen Konditional*, S. 120—126). Позже Г. Рамстедт отказался от второго объяснения, предложив новое, а именно: *kälsä<kälü sä-* 'считать приходящим' или *käl sä* 'думать «иди!»' (G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 188).

[124] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 844, примечание 2; Addenda, p. 1017; A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, § 154 (со значением «хотеть что-то сделать»). Дезидеративное значение формы *-γsa-* отмечал еще П. М. Мелиоранский, пользуясь материалом Ибн-Муханны (П. М. Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, стр. LVI).

-ығ и *-иг* являются показателями глагольных имен со значением названия действия. Ср. глаголы *körügse-* 'хотеть видеть', *barıgsa-* 'хотеть пойти', *alıgsa-* 'хотеть взять' (M. Kāşgarī, I, 281); *keligsedim* 'я захотел прийти' (имя действия *kelig*, M. Kāşgarī, III, 285, 335); *er tatıgsadı* 'человеку захотелось сладкого' (имя действия *tatıg* — от глагола *tat-* 'попробовать', M. Kāşgarī, III, 279, 333, а также III, 332); *er atın satıgsadi* 'человек захотел продать коня' (имя действия *satıg* — от глагола *sat-* 'продавать', M. Kāşgarī, III, 333), сюда же следует отнести куманские *körüvse-* 'желать видеть' (KW, 155); *qutqaruvsa-* 'желать освободить' (KW, 205); *tabuvsa-* 'желать найти' (KW, 232) и современное *очуса-* (тат., Радл., Сл., I, 1328) 'немного лететь'.

В современных языках не сохранилось строгого разграничения в формах и значениях дезидеративного и уподобительного аффиксов *-са-* и *-сы-*. Очень часто аффикс *-сы-* приобретает желательное, а аффикс *-са-* — уподобительное значение, в некоторых же случаях обе формы употребляются параллельно. Исследователи отмечают в современных языках оба значения. Так, например, Ж. Дени для аффиксов *-са-* и *-сы-* устанавливает: а) идею желания, влечения (преимущественно физического)...; б) идею оценки: «рассматривать как»..., в этом же значении имеется также *-san-//-sın-*...; в) некоторые глаголы на *-sı-* имеют начинательное или понудительное значение. Значение желания и оценки отмечает также А. Н. Кононов[125], А. Г. Гулямов[126] и др. Для древних языков желательное значение аффикса *-са-* отмечает А. фон Габен[127]. В турецком языке А. Дж. Эмре выделяет ряд глаголов с желательным значением, образованных от названий домашних животных[128].

Обратимся к примерам.

1. Аффиксы *-са-//-сы-* с дезидеративным значением: *гәриб-сәмәк//гәрибсимәк* 'тосковать' (по близким друзьям, по родине), 'чувствовать себя одиноким'—от *гәриб* 'необжившийся', 'несвыкшийся', 'чужой', 'чужеземец', 'чужестранец', 'одинокий', 'несчастный', 'бедняк', 'печальный', 'странный', 'чудной', 'необыкновенный', 'редкий';

сусамаг 'жаждать', 'испытывать жажду', 'хотеть пить', 'поддаваться соблазну', 'соблазняться чем-либо' — от существительного *су* 'вода'; ср. тур. *susamak*, узб. *сувсамоқ*, а так-

---

[125] А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 235; А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, § 260.

[126] А. Ғ. Ғуломов, *Фе'л*, б. 71.

[127] A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, § 97, 98.

[128] *Tekese-* — от *teke* 'козел', *boğasa-* — от *boğa* 'бык', *buğursa-* — от *buğur* 'верблюд' (A. C. Emre, *Türk dilbilgisi*, s. 132, 133).

же казах., тат., кирг. *сууса-*; Bulgat. II: *susa-* (72)—все со значением «жаждать», «хотеть, сильно хотеть пить»;

узб.: *ўксимоқ-||ўксинмоқ-* 'чувствовать себя одиноким', 'печалиться', 'грустить', 'сострадать', 'жалеть', 'сожалеть'—от утерянного в узбекском языке корня *ўк<ög* 'мать' (Малов, Пам., 405), с которым связано первое значение глагола; второе значение связано с первым причинным отношением; в казах. *өксі-* и тат. *үксе-* значение «всхлипывать» находится в каузативном отношении к узбекским значениям;

кирг.: *жерси-* 'скучать по родине', 'стремиться на родину'—от существительного *жер* 'земля', 'место';

казах.: *өгейсі-* 'испытывать отсутствие родительского отношения к себе', 'скучать по родным'—от *өгей* 'мачеха', ср. *өгейсин-* 'относиться как к неродному (о мачехе, отчиме)'.

При анализе приведенных примеров можно заметить, что в современных языках в аффиксе *-са-* выработалось вторичное значение «чувствовать (себя)», «испытывать», которое связано с первым (желательным) значением аффикса причинной связью, т. е. оно является причиной или следствием желания. Ср., например, «желать, стремиться к матери (глагол *ўксимоқ*), чувствуя себя одиноким» (или: «и потому чувствовать себя одиноким»); «чувствовать себя одиноким на чужбине», «чувствовать себя чужестранцем» (глагол *гәрибсәмәк*) и потому «тосковать по близким, друзьям, родине». В этом глаголе вторичное значение «чувствовать (себя)», «испытывать» является уже главным, с которым в причинном отношении находится дезидеративное значение. То же наблюдается в глаголе *өгейси-*. Поэтому в обоих случаях глаголы образованы от основ, которые означают не то, к чему стремится говорящий, а то, от воздействия чего он испытывает определенное состояние.

2. Аффиксы *-са-||-сы-* с уподобительным значением:

тур.: *bönsemek* 'впадать в детство', 'становиться слабоумным'—от *bön* 'глупец', 'идиот', 'глупый', 'слабоумный';

duruksamak, *duruksımak* 'быть в нерешимости', 'колебаться', 'не решаться', 'не знать, что делать', 'раздумывать'—от прилагательного *duruk* в его древнем причастном значении «стоящий», «остановившийся», не сохранившемся в турецком языке;

gürüksemek 'клохтать'—от существительного *gürük* 'наседка';

güçsümek 'причинять затруднения'—от *güç* 'сила', 'труд', 'трудность', 'трудный';

казах.: *мүсәпірсі-* 'прикидываться беспомощным'—от заимствованного араб. *мүсәпір* 'странник', 'путник', 'беспомощность', 'недееспособность';

саңраусы- 'притворяться глухим' — от прилагательного *саңрау* 'глухой';

тәлімсі- 'церемониться', 'чваниться'—от существительного арабского происхождения *тәлім* 'обучение';

қамқорсы- 'выказывать показную заботу'—от существительного *қамқор* 'шеф', 'покровитель', 'опекун' иранского происхождения;

кирг.: *азгансы-* 'иметь вид блуждающего'—от причастия *азган* 'сбившийся с пути', 'заблудившийся';

алаксы- 'проявлять беспокойство', 'быть сильно занятым мыслью', 'озираться'—от прилагательного *алак* 'выпученный', 'выпуклый' (о глазах), значение которого соотносится лишь со вторым значением глагола *алаксы-* и не имеет прямой связи с первым;

алгансы- 'воображать, что взял', 'делать вид, что взял'—от причастия *алган* 'взявший', образованного от глагола *ал-* 'брать', 'взять';

анткорсу- 'прикидываться незнающим', 'выражать притворное удивление'—от иранского заимствования *анткор* 'лживый', 'притворный';

кененси- 'изображать из себя имущего'—от прилагательного *кенен* 'достаточный', 'вполне достаточный', 'обильный', 'просторный'.

Как показывают примеры, значение уподобления в глаголе приобретает более конкретную семантику подражания и притворства, которая нам уже встречалась при обзоре значений аффикса *-ла-* в словаре Махмуда Кашгарского.

Другой конкретизацией семантики уподобительности, а возможно и развитием предыдущего значения является значение оценки, передаваемое словами «считать за», «рассматривать в качестве», «выдавать за», также отмечавшееся у Махмуда Кашгарского.

Приведем примеры:

мәнимсәмәк 'усваивать', 'изучать', 'осваивать', 'присваивать'—от *мәним* 'мой', род. пад. личного местоимения *мән* 'я';

Радл., Сл.: *улукcу-* 'быть высоким', 'ставить себя высоко'—от прилагательного *улук* 'высокий' (I, 1695);

ынаксы- 'подружиться', 'быть другом' (I, 1361) — от существительного *ынак* 'друг';

тур.: *çoksamak||çoksimak||çoğumsamak* 'считать, признавать (излишним)', 'копить', 'откладывать', 'завидовать'—от *çok* 'много';

yüksümek||yüksünmek 'считать обременительным, тяжелым', 'рассматривать как бремя для себя'—от существительного *yük* 'бремя', 'ноша', 'тяжесть', 'вьюк';

казах.: *құдайсы-* 'ставить себя выше других', 'важничать'—от существительного *құдай* 'бог'; ср. с кирг. *кудайсы-* 'важничать свыше меры';

кирг.; *баатырсы-* 'считать себя богатырем', 'изображать из себя героя', 'стремиться показать себя храбрым'—от существительного *баатыр* 'герой', 'богатырь';

менменси- 'похваляться'—от удвоенного местоимения 1-го л. ед. ч. *мен* 'я', так же в казахском.

Значения уподобления, подражания и притворства, а также предыдущее значение в современных тюркских языках южной группы (иногда и других групп) выражаются еще производной формой *-(ы)мса-* или *-(ы)мсы-*, состоящей из показателя глагольного имени *-(ы)м* с уменьшительным значением порции, доли (ср. *тутам* 'горсть', *юдум* 'глоток', *ичим* 'глоток', *атым* 'на один заряд' и т. п.) и глаголообразующих аффиксов *-са-*, *-сы-* в обоих случаях с уподобительным значением. Примеры: азерб. *күлүмсəмək* 'улыбаться', 'усмехаться', 'ухмыляться'—от *күл-* 'смеяться', так же в турецком и гагаузском; ср. еще *gülümsün-* (Przekł. Koranu, 84); тур. *ağlamsamak* 'притворно плакать', 'притворяться плачущим', 'хныкать'—от *ağla-* 'плакать'; *durumsamak* 'колебаться'—от *dur-* 'останавливаться' и по аналогии *çoğumsamak* 'считать', 'признавать лишним'—от *çok* 'много'; *azımsamak* 'находить, считать малым, недостаточным', 'преуменьшать', 'быть недовольным', 'неудовлетворяться', 'не довольствоваться чем-либо', 'пренебрегать'—от *az* 'малый', 'незначительный', 'небольшое количество'; кирг. *кишимси-||кишимсин-* 'считать человеком', 'обращаться как с человеком'—от существительного *киши* 'человек'.

В двух последних примерах глаголы образованы от чисто именных основ *аz* и *киши*. Отсюда следует, что аффикс *-(ы)мса-* для современных языков должен рассматриваться как показатель отыменных глаголов по аналогии с другими глаголообразующими формами, при помощи которых создаются лишь отыменные глаголы.

Уподобительное значение приведенных глаголов, число которых можно увеличить, имеет в данном случае и количественную характеристику: значения глаголов *күлүмсəмək* и подобных ему выражают не только имитацию или притворство (та же имитация!), но одновременно и ослабленную или, как говорят некоторые исследователи, уменьшенную степень основного действия, выраженного глагольным корнем. Однако ослабленность (или уменьшительность, что менее точно) не составляет особого значения, а является лишь количественным выражением той же уподобительности. Эту количественную характеристику аффикса *-мса-*~*-мсы-*, как и друго-

го аналогичного аффикса (*-сыра-*), обычно и отмечают некоторые исследователи [129].

В ряде случаев аффиксы *-са-* и *-сы-* теряют описанные значения и семантически уподобляются аффиксам *-ла-* или *-а-*. Трудно указать источник этого третьего значения обоих аффиксов. Возможно, что, изменившись в своих значениях, некоторые глаголы на *-са-* и *-сы-* семантически сблизились с глаголами на *-ла-* [130].

Глаголы с аффиксами *-са-//-сы-* со значением глаголов на *-ла-*, *-а-*:

тамаһсымаг||тамаһсыланмаг||тамаһланмаг 'соблазняться', 'поддаваться жадности, алчности, страсти'—от существительного арабского происхождения *тамаһ* 'жадность', 'корысть', 'соблазн';

Радл., Сл.: *аулаксы-* 'быть опустошенным', 'становиться пустым, безлюдным'—от *аулак* 'степь', 'уединенное место', 'пустое место', 'пустырь', 'пустой', 'одинокий', 'тайный', 'спокойный' (I, 76);

ӓмзӓ- (кызыл., шор.) 'клевать корм (о птицах)', 'щипать траву (о животных)', 'есть'—от *ӓм* 'корм' (I, 866);

тур.: *çiğsemek||çiğsimek* 'ложиться (о росе, о тумане)', 'моросить'—от существительного *çiğ* 'роса';

yansımak 'отражаться'—от *yan*, которое имеется также в производном существительном *yankı* 'эхо', 'отражение';

tavsamak 'терять прежнюю силу, свежесть', 'выходить из моды', 'ослабевать'—от **tav*;

узб.: *гарангсимоқ* 'теряться', 'приходить в замешательство'—от прилагательного *гаранг* 'попавший в затруднительное положение', 'не знающий, что предпринять';

кирг.: *жаңса-* 'махнуть рукой (показывая направление или парируя удар)', 'ударить наотмашь', 'жестикулировать'—от существительного *жаң* 'жест';

казах.: *салақсы-* 'становиться неряхой', 'быть неаккуратным'—от *салақ* 'неряха', 'неряшливый', 'безалаберный';

сиреқсі-||сиректен- 'редеть', 'становиться редким'—от прилагательного *сирек* 'редкий';

қақса- 'твердить', 'надоедливо повторять', 'блеять беспрерывно (об овце)', 'ныть', 'сильно болеть' (например, о зубах)—от подражательного слова *қақ*, которое имеется также в глаголе *қақылда-* 'говорить без умолку и громко';

---

[129] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 844, примечание 1; А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, § 236. — Автор более точно характеризует значение аффикса *-(ы)мса-* как «притворство или сходство».

[130] Б. Аталай находит до восьми значений, выражаемых аффиксом *-са-*, однако некоторые из них носят частный характер и входят в более обобщенные рубрики (B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 131, 132).

кирг.: *арсарсы-* 'быть в сомнении, недоумении, нерешительности'—от прилагательного *арсар* 'растерявшийся', 'находящийся в нерешительности, в сомнении';

күнсү- 'подвергаться действию солнечных лучей', 'изменять свои качества под влиянием солнечных лучей' (например, о кумысе, айране)—от существительного *күн* 'солнце'; так же в казахском;

тат.: *коргаксы-* 'засыхать', 'рассыхаться'—от **коргак* 'сушь', 'сухой';

хак.: *аарсы-* 'чувствовать усталость', 'хотеть спать', 'чувствовать тяжесть'—от прилагательного *аар* 'тяжелый'; ср. кирг. *оорсун-* 'считать для себя трудным, мучительным'; так же в казахском и узбекском; тат. *авырсын-* 'затрудняться', 'тяготиться';

чүрексі- 'волноваться', 'робеть'—от *чүрек* 'сердце';

якут.: *кэпсээ-* 'рассказывать', 'рассказывать о себе'—от существительного иранского происхождения **кэп* (گپ в тюркских языках *гап*, *гәп*, *кеп*) 'болтовня', 'пустословие', 'хвастовство' (Гафф., 683);

Ал-Замахш.: *čičksedi andın* 'пристрастился оттого к сладкому' (101).

Возможно, что значения глаголов *тамаһсымаг*, *алақсы-*, *салақсы-*, *сиреқсі-*, *аарсы-*, *арсарсы-* и др. восходят к уподобительному значению, семантика же глагола *čičkse-*—к желательному.

Приводившийся выше глагол *тамаһсыланмаг* 'поддаваться жадности', 'соблазняться', к которому можно присоединить также глагол *hejфсиләнмәк* 'жалеть', 'сожалеть', 'огорчаться'—от *hejф* 'жаль', 'жалко', имеет двойной глаголообразующий аффикс *-сы-*+*-лан-*; это свидетельствует о том, что аффикс *-сы-* в обоих глаголах деграмматизовался и вошел в состав именной основы.

Дальнейшим морфологическим развитием аффикса *-сы-* явилась форма *-сын-*//*-сан-*, в которой элемент *-н-* является показателем возвратного залога и обозначает действие, выполняющееся в интересах лица, указанного личной формой глагола. Однако господствующим в аффиксе является не это, а прежнее значение уподобления. Значение желания встречается редко. Как и исходные формы *-са-* и *-сы-*, форма *-сын-* также в значительном числе случаев выполняет функции других аффиксов.

Наряду с формой *-сын-* в кыпчакских языках встречается форма *-сыт-*, отличающаяся от первой показателем понудительного залога и означающая действие, совершаемое в отношении другого лица, тогда как форма *-сын-* означает действие, совершаемое для говорящего. В своей ранней работе

о глагольных основах Г. Рамстедт[131] отмечал лишь одно значение аффикса *-сын-*—«считать себя за...», рассматривая его в качестве возвратной формы аффикса *-сы-*. Форму *-сын-* он относил к продуктивным.

В «Грамматике алтайского языка» также отмечается одно значение аффикса *-сын-*: «приставка *зын* производит от имени глаголы, означающие считать или признавать каким» (§ 76). В обеих формулировках, между которыми имеется преемственная связь, значения аффикса *-сын-* слишком сужены. Специальное оформление значений непереходности и переходности в аффиксе *-сы-* весьма показательно, так как это свидетельствует о его древности.

Обратимся к примерам глаголов с аффиксом *-сын-*.

1. Со значением уподобления («считать за...», «рассматривать как...», «чувствовать себя как...»).

Радл., Сл.: *улуксін-* 'ценить себя высоко', 'быть гордым'—от прилагательного *улук* 'высокий', 'великий';

узб.: *арзонсинмоқ* 'считать что-либо дешевым'—от прилагательного *арзон* 'дешевый';

ётсинмоқ 'чуждаться', 'чувствовать отчужденность'—от *ёт* 'чужак', 'чужой', 'чуждый', 'посторонний', 'незнакомый'; ср. чув. *ютшăн-//ютăх-* 'чуждаться', 'дичиться', 'избегать', 'отказываться', 'стесняться', 'не признавать за своего (отца или мать)', 'не узнавать (о детях)'—от *ют*, узб. *ёт*; так же в тат. *ятсын-*;

қизиқсинмоқ 'заинтересоваться', 'считать что-либо интересным'—от прилагательного *қизиқ* 'интересный';

казах.: *арамсын-* 'считать что-либо поганым, нечистым'—от прилагательного арабского происхождения *арам* 'поганый', 'нечистый'; ср. кирг. *арамсынт-* в том же значении;

уақсын- 'считать что-либо мелким', 'считать что-либо мелочью', 'относиться пренебрежительно'—от *уақ* 'мелочь', 'мелкий';

кирг.: *адамсын-* 'считать себя человеком', 'считать себя не хуже других людей'—от *адам* 'человек';

азсын- 'считать для себя что-либо малым, недостаточным'—от прилагательного *аз* 'малый', казах. «считать недостаточным», «быть недовольным (данным количеством)»;

баласынт- 'считать кого-либо ребенком'—от *бала* 'ребенок'; ср. казах. «считать ребенком»; тат. *баласын-* 'считать, чувствовать себя ребенком';

---

[131] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 94. См. также А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, § 260. — Автор более полно определяет состав значений показателя *-сын-*, указывая наряду с оценочным значением («считать за...») и желательное значение.

кемсин- 'считать себя ничтожным', 'умалять себя'—от *кем* 'меньше', 'хуже', 'недостаток', 'дефект'; ср. *кемсинт-* 'считать кого-, что-либо ничтожным, низким, недостойным', 'относиться свысока'; узб. *кемсит-* 'унижать', 'умалять'; тат. *кимсен-* 'считать недостаточным', 'унижаться', 'считать себя униженным, недостаточно оцененным';

артыксын- 'считать лишним'—от прилагательного *артык* 'лишний', 'излишний', 'чрезмерный';

тат.: *гаҗәпсен-* 'считать странным, необычным', 'быть удивленным'—от прилагательного *гаҗәп* 'дивный', 'удивительный', 'изумительный', 'чудный', 'чудесный', 'причудливый', 'разительный', 'поразительный', 'странный', 'необычный', 'необыкновенный';

тарсын- 'считать для себя тесным', 'тяготиться'—от прилагательного *тар* 'тесный', 'узкий';

үзсен- 'считать своим близким, родственным'—от местоимения *үз* 'сам', 'свой'; в казахском языке существует южнотюркская форма *өзімсін-* 'вольничать', 'позволять себе вольности';

хак.: *миніксін-* 'считать что-либо своим', 'присваивать что-либо себе'—от притяжательного местоимения *минікі* 'мой';

ырахсын- 'считать для себя далеким', 'чуждаться'—от *ырах* 'даль', 'далекий', 'дальний'.

2. Со значением уподобления, подражания, притворства:

кирг.: *адалсын-* 'святошествовать'—от прилагательного арабского происхождения *адал* 'чистый'; казах. *адалсын-* 'притворяться честным, справедливым';

акылдуусун- 'изображать из себя умника', 'умничать'—от прилагательного *акылдуу* 'умный' с основой арабского происхождения *акыл* 'ум'; так же в казахском.

Значение подражания и притворства в глаголах на *-сын-*, исключая приведенные, не получило развития в современных языках. Однако в эпоху Махмуда Кашгарского оно было вполне продуктивным, о чем можно судить не только по ряду примеров, но и по правилу, которое приводит Махмуд Кашгарский для образования глаголов с этим значением. Глаголы с уподобительным значением в «Диване» образуются в форме (*а*)*мсын-*, т. е. так же, как в языках огузского типа. Различие между обеими формами заключается в том, что в языках, представленных в словаре Махмуда Кашгарского, глаголы с уподобительным значением последовательно образуются при помощи показателя уподобительности *-сы-*, а в огузских языках—при помощи *-са-*. Кроме того, уподобительный аффикс в «Диване» снабжен еще аффиксом возвратного за-

лога. Во второй части словаря (M. Kāşgarī, II, 259, 260) Махмуд Кашгарский приводит для сравнения арабское соответствие уподобительным глаголам тюркских языков, подкрепляя свое описание примерами, из которых можно привести следующие: *ol andın neŋ tilemsindi* 'показалось, что он у него что-то просит'; *ol biçek bilemsindi* 'показалось, что он точит нож'; *ol maŋa telim külümsindi* 'мне показалось, что он много смеется'; *ol yokaru turumsındı* 'показалось, что он встает'; *ol ewge barımsındı* 'показалось, что он идет домой'; *ol ewge kirimsindi* 'показалось, что он входит в дом' (M. Kāşgarī, II, 250); *ol yarmak tirimsindi* 'показалось, что он собирает деньги' (M. Kāşgarī, II, 261) и др. «Эти правила, изложенные мной,—заключает Махмуд Кашгарский,—охватывают все ветви тюркского языка и ничто не остается за его пределами» (II, 263).

3. Со значением желания:

тат.: *юксын-* 'чувствовать потерю чего-либо', 'тосковать об отсутствующем'—от *юк* *'отсутствие'[132];

кирәксен- 'нуждаться', 'чувствовать необходимость'—от прилагательного *кирәк* 'нужный', 'необходимый', 'потребный'; ср. кирг. *керексинт-* 'сделать как бы нужным';

хак.: *тамахсына-* 'скучать по домашней пище'—от существительного арабского происхождения *тамах* 'пища'; здесь *-сын-* наращен аффиксом *-а-*.

4. Со значениями других глаголообразующих аффиксов:

диксинмәк 'вздрогнуть', 'пугаться'—от прилагательного *дик* 'прямой', 'вертикальный', 'торчком';

тамсынмаг 'чмокать губами, пробуя что-либо'—от *там* 'вкус', 'привкус'; казах. *тамсан-* в том же значении, кирг. *тамшан-* 'прищелкивать языком и причмокивать губами, пробуя что-либо на вкус', 'вспоминать приятное', 'удивляться';

Радл., Сл.: *аӷрыксын-* 'занемогать', 'чувствовать боль'—от существительного *аӷрык* 'боль' (I, 175); ср. тат. *авырыксын-* 'недомогать', кирг. *ооруксун-* 'чувствовать боль';

ärksin- 'иметь силу над кем-либо', 'владеть'—от существительного *ärk* 'воля' (I, 783); ср. кирг. *эркимси-* 'считать себя могущим все сделать', 'быть чванливым, заносчивым';

karaksın- 'смотреть'; ср. *karaksы-* 'взирать кругом'—от *karak* 'взгляд', 'зрачок', 'глаз' (II, 147, 148, 150); ср. хак. *харах-*

---

[132] Семасиологически, конечно, нельзя сближать *юк* (общетюрк. *joq*) в глаголе *юксен-*, как и в других образованиях (ср., например, *йоқла-* 'искать' и др. в ряде языков), с существительным *joq* 'вершина', 'верх' в древнетюркских языках.

сын- 'смотреть вдаль', 'обозревать', 'присматривать за кем-, чем-либо', 'озираться по сторонам';

ӱксӱн- 'помнить' (I, 1807)—от *ӱк*, ср. *ӧк* 'мысль', 'ум' (I, 1117);

казах.: *мойынсұн-* 'слушаться', 'беспрекословно подчиняться'—от существительного *мойын* 'шея'; так же в киргизском;

паңсын-//-паңдан- 'важничать', 'брезговать'—от прилагательного *паң* 'надменный', 'высокомерный';

қауіпсін-//қауіптен- 'опасаться'—от существительного арабского происхождения *қауіп* 'опасность', 'угроза';

қыйынсын- 'затрудняться'—от прилагательного *қыйын* 'трудный', 'сложный'; ср. кирг. *кыйынсы-* 'изображать из себя силача, храбреца'; возможно, что приведенные казахские глаголы, за исключением первого, имеют первоначальное значение «считать за...»;

кирг.: *ажапсын-* 'удивляться'—от прилагательного *ажап* 'удивительный' арабского происхождения.

бийиксин- 'возвышаться', 'выситься'—от прилагательного *бийик* 'высокий'; казах. *биіксін-* 'считать что-либо высоким (недоступным)';

корсун- 'унижаться', 'быть в пренебрежении'—от иранского заимствования *кор* 'презренный', 'уничиженный', 'тот, к кому (чему) относятся с презрением';

көңүлсүн- 'проявлять интерес'—от существительного *көңүл* 'сердце', 'желание', 'любовь', 'внимание', 'настроение';

тат.: *җиксен-* 'изнаяться', 'измучиться'—от *җик*, которое имеется в составе аналитического глагола *җик кур-* в том же значении; по Л. Будагову, глагол جك كورو в киргизском (казахском?) означает «пренебрегать», «иметь отвращение» (Буд., I, 438);

күзсен- 'подвергаться действию дурного глаза'—от существительного *күз* 'глаз'.

Аналогичные примеры иногда встречаются у Махмуда Кашгарского. Ср., например, *ersin-* 'возмужать' (Dizin, 192); *ogul ersindi* 'ребенок возмужал' (M. Kāşgarī, I, 253).

Производной формой от аффикса *-сы-*, довольно распространенной в кыпчакских языках, является *-сыра-*, которая известна и в туркменском языке[133]. В других огузских языках формы *-сыра-* нет.

Состав значений и их количественные соотношения в аффиксе *-сыра-* в общем те же, что и в рассматривавшихся формах данной группы. Центральным значением является

[133] Основываясь на туркменском материале советских исследователей, И. Бенцинг верно называет показатель *-сыра-* «чистым словообразовательным элементом» (J. Benzing, *Über die Verbformen im Türkmenischen*, S. 10). Аффикс *-сыра-* отмечается также J. Deny (§ 851, Addenda, p. 1121).

уподобительное значение (подражания, притворства, «считать за...», «рассматривать как...»)[134]. Менее всего распространено значение желательности.

Советские тюркологи правильно выделяют в качестве основного значения аффикса *-сыра-* уподобительное (оценочное: «считать кем-, чем-либо»), отчасти желательное значение[135]. В некоторых тюркских языках превалирует количественная сторона уподобительного значения, т. е. значение ослабленности действия[136]. Примеры:

М. Kāşgarī: *küisirdi* 'он показался улыбающимся' (II, 196); глагол образован от глагольной же основы; аффикс имеет усеченную форму *-сыр-* без конечного *-а-*; ср. *küičirä-* 'uśmechać się'[137].

туркм.: *аркайынсырамак* 'выдавать себя за спокойного, уравновешенного', 'проявлять излишнее спокойствие, уверенность'—от прилагательного *аркайын* 'спокойный';

аррыксырамак- 'притворяться ослабевшим, истощенным'—от прилагательного *аррык* 'худой', 'тощий', восходящего к глаголу **ар-* 'уставать', 'утомляться'; ср. казах. *арықсын-* 'считать худым';

узб.: *анқовсирамоқ* 'прикидываться простоватым, недогадливым, недалеким'—от прилагательного *анқов* 'простоватый', 'недогадливый', 'недалекий' (о человеке); ср. кирг. *аңкоосу-* в том же значении;

казах.: *өлімсіре-* 'быть полуживым, слабым', 'казаться крайне жалким, ничтожным'—от глагольного имени *өлім*;

тат.: *еламсыра-* 'прослезиться'—от глагольного имени *елам*.

Глаголы с показателем *-сыра-* довольно часто встречаются в ряде кыпчакских языков, однако форма их непродуктивна.

Более развитую форму показателя *-сыра-* составляет аффикс *-(ы)мсыра-*, являющийся кыпчакской параллелью к рассмотренной ранее форме *-(ы)мса-*. Как и последняя, форма *-(ы)мсыра-* имеет узкое уподобительное значение имитации или притворства, а в количественном смысле—значение ослаб-

---

[134] Г. Рамстедт отмечает лишь одно значение аффикса *-сыра-*: «чувствовать себя чем-либо» (G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 94).

[135] А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, § 258; А. F. Fуломов, *Фе'л*, б. 71.

[136] Аффикс *-сыра-* «ослабляет действие глагола» [N. K. Dmitrijew, *Morfologia della lingua turca dei cumucchi (Caucaso)*, — «Rivista degli Studi Orientali», vol. XV, fasc. 1. Roma, 1934, p. 181]. См. также Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, стр. 130. — Автор считает, что аффикс *-сыра-* «имеет привативное значение, т. е. отрицает или ограничивает полноту проявления действия».

[137] A. Zajączkowski, *Zabytek językowy ze Złotej Ordy, «Husrev u Sīrin», Qutba*, — «Rocznik orientalistyczny», t. XIX, Warszawa, 1954, s. 76.

ленности (уменьшительности[138]), совпадая в этом отношении с аффиксом *-сыра-*. Приведем примеры:

Радл., Сл.: *укымсыра-* (казах.) 'немного почитать' (I, 1612)— от глагола *укы-* 'читать';

туркм.: *гүлүмсиремек* 'деланно смеяться'—от глагола *гүлмек* 'смеяться'; то же значение в кирг. *күлүмсүрө-*, крым.-тат. *кулюмсиремек*, хак. *күлімзіре-* 'слегка улыбаться'; ср. с приводившейся ранее формой *күлүмсәмәк* 'улыбаться' (аффикс *-ымса-*);

догумсырамак 'казаться смелым'— от существительного *догум* 'смелый';

эемсиремек 'распоряжаться', 'выдавать себя за хозяина', 'хозяйничать'— от существительного *эе* 'хозяин', 'владелец', 'собственник';

хак.: *уйғумзыра-* 'дремать', 'быть в полусонном состоянии'— от существительного *уйғу* 'сон'; ср. в Ettuhfet.: *uykusıradı* 'он вздремнул' (19), образованное при помощи аффикса *-сыра-* от глагольного имени *uyuk*, которое имеется также в турецком глаголе *uyukiamak* 'дремать', 'засыпать', образованном при помощи аффикса *-ла-*; ср. еще узб. *уйқусирамоқ* 'говорить во сне', 'бредить', 'дремать', 'сильно хотеть спать'; в первом значении также кирг. *уйкусуроо-* и казах. *ұйқысыра-*.

Разновидностью показателя *-(ы)мсыра-* является *-(ы)мжыра-* и *-жыра-* в туркменском языке. Приведем примеры:

ағламжырамак 'притворяться плачущим', 'притворно плакать', 'хныкать'—от глагола *ағламак* 'плакать';

геринжиремек 'потягиваться искусственно'— от глагола *гермек* 'натягивать', 'растягивать', 'выставлять (грудь)';

силкинжиремек 'отряхиваться'; *метаф.* 'упрямствовать', 'не иметь желания'—от глагола *силкмек* 'стряхивать', 'выбивать пыль';

сөгүнжиремек 'браниться', 'ругаться за глаза', 'ворчать', 'бормотать что-то про себя'—от глагола *сөгмек* 'ругать', 'ругаться', 'бранить', 'порицать';

сөмелжиремек 'торчать', 'высовываться'—от глагола *сөмелемек* 'торчать', 'высовываться';

тисгинжиремек 'вздрагивать'—от глагола *тисгинмек* с тем же значением.

Как показывают примеры, значение уподобительности в приведенных глаголах сильно ослаблено и воспринимается лишь в отдельных случаях (*ағламжырамак*, *геринжиремек*).

---

[138] См.: «Грамматика алтайского языка», § 78, стр. 48; G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, S. 77; Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, § 94; Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 185. — Он называет аффикс *-(ы)мсыра-* «формой ослабленности действия».

Желательное значение аффикса *-сыра-* в узбекском языке[139] развито в той же мере, что и уподобительное, но в общем число глаголов с этим значением в тюркских языках значительно меньше числа глаголов с уподобительным значением или со значением других аффиксов.

Глаголы в форме *-сыра-* в древних, а в некоторых случаях и в современных языках имеют привативное значение. Выводить его из описанных выше значений, в частности семантики ослабленности, весьма трудно. При любых градациях ослабленности действия оно в глаголе с аффиксом *-сыра-* не исчезает. Семантика же глаголов с привативным значением подразумевает устранение предмета, о котором говорится в основе. Значение основы в свою очередь не позволяет связать привативный аффикс *-сыра-* с омоморфным показателем, имеющим уподобительно-оценочное значение.

Глаголы с привативными значениями образованы от имен, глаголы с аффиксом *-сыра-* с уподобительно-оценочными значениями — от глаголов. Таким образом, как значения, так и условия образования глаголов с данными омоморфными аффиксами различны. Поэтому представляется вполне приемлемым анализ привативного аффикса, предложенный В. В. Радловым (*-сыра-* состоит из словообразовательного именного аффикса **-сыр = -сыз* с отрицательным//привативным значением и глаголообразующего аффикса *-а-*).

Приведем примеры:

казах.: *қансыра-* 'истекать кровью', 'быть обескровленным' — от существительного *қан* 'кровь'; ср. узб. *қонсирамоқ* 'жаждать крови', образованный при помощи дезидеративно-оценочного аффикса *-сыра-*; кирг. *кансыра-* 'обескровиться' образован при помощи того же аффикса, что и казахское соответствие;

әлсіре- 'слабеть', 'лишаться сил', 'становиться немощным' — от существительного арабского происхождения *әл* (<*hal*) 'сила', 'мощь'; ср. тот же глагол в киргизском *алсыра-* со значением «изнемогать» и в татарском *әлсерә-* со значением «изнуряться», «утомляться», «изнемогать», «выбиваться из сил», «измаяться»;

Малов, Пам.: *ögsirä- tynsyra-* 'лишаться чувств' (406); корни—*ög* 'мысль' (405) и *tyn* 'дыхание' (436); *qaγansıra-* 'лишаться кагана' (410) — именная основа *qaγan* 'хан (главный)' (409).

Обзор глаголов с аффиксами *-са-, -сы-* и их производными позволяет сделать некоторые сравнения их значений, употребления и тенденций развития.

---

[139] См.: А. Ғуломов, *Фе'л;* А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка.*

Из материалов видно, что в период существования аффиксов *-са-*, *-сы-* и вторичных форм в качестве продуктивных средств глаголообразования аффикс *-са-* обнаружил весьма слабую производительность, хотя он был еще продуктивным и в эпоху Махмуда Кашгарского. Не случайно поэтому, что среди приводившихся примеров число глаголов с аффиксом *-са-* (учитывая лишь примеры из современных языков) не составляет четвертой их части, а все остальные глаголы — более трех четвертей общего количества примеров, образованы при помощи аффикса *-сы-* и его производных. Среди глаголов с аффиксом *-са-* азерб. *гәрибсәмәк* образован из заимствованной арабской основы и якут. *кэпсээ-* образован из заимствованной иранской основы, в то время как среди другой части примеров имеется ряд глаголов с основами иранского или арабского происхождения (*гәрибсимәк, арсы-, мүсәпірсі-, қамқорсы-, антқорсу-, адамсын-, арамсын-, кемсин-, гаҳәпсен-, тәлімсі-, адалсын-, тамаһсымаг* и др.).

Число глаголов с желательным значением в примерах из современных языков невелико. Господствующим значением в них (более половины приведенных выше глаголов) является уподобительное во всех его конкретных проявлениях (подражания, притворства, ослабленности действия и т. д.). На втором месте — глаголы, в которых значения аффикса *-сы-* и т. д. изменились и дублируют семантику других глаголообразующих аффиксов.

Указанное соотношение говорит о том, что даже в эпоху своей продуктивности аффикс *-са-* был скорее грамматической,— точнее, модальной — формой глагола, чем словообразовательной. Это подтверждают и примеры Махмуда Кашгарского: в большинстве случаев глаголы на *-са-* в его словаре образованы от глагольных основ. По материалам «Дивана» видно, как в тюркских языках той эпохи наметилась более развитая форма *-(ы)ғса-*, служащая для передачи желательного значения. Дальше она не эволюционировала, категория желательности не приобрела словообразовательного значения, а сохранилась в тюркских языках лишь как древнейшая грамматическая категория глагола, в связи с которой в дальнейшем сложилось настоящее [140] и будущее время.

Значение переходности-непереходности в глаголах на *-са-*, *-сы-* и производных зависит от значений самих аффиксов. Так, например, глаголы с уподобительным значением — непереходные, с оценочным значением — переходные. В тех случаях, когда названные аффиксы дублируют другие глаголообразующие формы, значение переходности или непереходности становится не-

[140] П. М. Мелиоранский, *Вторая статья о турецких элементах в «Слове о полку Игореве»*, — «Известия ОРЯС Академии наук», т. X, кн. 2, СПб., 1905, стр. 89; Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, стр. 121. — Желательное наклонение автор считал отмирающей категорией в тюркских языках.

определенным. Большинство значений глаголов этой группы непереходные. Среди непереходных глаголов встречаются формы с основами, означающими орудие или предмет действия, которые во всех глаголообразующих формах, кроме *-ыг-*, обусловливали только переходный характер глагольного значения. К ним относятся глаголы *күнсү-* 'подвергаться действию солнечных лучей', 'изменять свои качества под влиянием солнечных лучей', *харахсын-* 'озираться по сторонам', 'смотреть вдаль', 'обозревать что-либо', *мойынсун-* 'слушаться', 'беспрекословно подчиняться', *күзсен-* 'подвергаться действию дурного глаза'. Нарушение правил глагольного словообразования происходит и во всех глаголах со значением желания. Хотя основы этих глаголов означают предмет действия, но они не имеют переходного значения и не управляют винительным или основным падежом: *сусамаг* 'жаждать', *ўксимоқ//ўксинмоқ* 'чувствовать себя одиноким', *жерси-* 'скучать по родине', 'стремиться на родину', *өгейсі-* 'скучать по родным', *юксын-* 'чувствовать потерю чего-либо', 'тосковать об отсутствующем', *кирәксен-* 'нуждаться', 'чувствовать необходимость', *тамахсына-* 'скучать по домашней пище'.

Наоборот, среди переходных глаголов, значения которых параллельны семантике глаголов, образованных другими аффиксами, могут встретиться случаи, когда глагол образован от подражательной основы, обычно обусловливающей непереходное значение. К глаголам этого рода можно отнести *қақса-* 'твердить', 'надоедливо повторять' и *жаңса-* 'махнуть рукой (показывая направление или парируя удар)', 'ударить наотмашь', 'жестикулировать'.

Таким образом, приведенные факты позволяют сделать вывод о внутренних противоречиях в механизме глаголообразования в форме *-са-, -сы-* и т. д., вследствие чего последняя не могла обеспечить закономерного образования переходных и непереходных значений, что осложнялось полисемантизмом аффиксов *-са-//-сы-//-сын-//-сыра-* с их частными и мало связанными между собой значениями.

Для глаголов с тремя указанными значениями (желательным, подражательным и оценочным) общим является объективное значение именной основы, но среди них переходными являются глаголы со значением оценки. Основы глаголов с двумя другими значениями могут выражать также признак.

Семантическое строение описываемых глаголов довольно единообразно. Все дезидеративные глаголы имеют двучленное строение, при этом предметная семантика выражается именной основой, а процессуальная — глаголообразующим аффиксом. Таково же семантическое строение двух остальных групп. Однако если первоначальные значения глаголов с аффиксами *-са-, -сы-* и т. д. перестали восприниматься, семантическая структура

глагола могла приобрести другой характер. Это произошло, например, с глаголами *уксимоқ* и *өгейсі-*, из которых в первом глаголе значения «печалиться», «грустить», «сострадать», «жалеть», «сожалеть» и во втором глаголе — «испытывать отсутствие родительского отношения к себе» в настоящее время являются односоставными и примыкают к первому или четвертому типу семантического строения глаголов.

Среди приводившихся глаголов встречаются случаи обобщенных или метафорических значений. К глаголам с обобщенным значением относятся: *сусамаг* 'поддаваться соблазну', *жерси-* 'скучать по родине', 'стремиться на родину', *құдайсы-* 'ставить себя выше других', 'важничать'. Первый глагол имеет исходное значение «жаждать воды», относящееся к третьему семантическому типу; второй глагол этимологически означает «желать землю (где родился и вырос)»; третий глагол первоначально должен был означать *«считать себя столь же высоким, как бог». В первом глаголе предметное представление («вода») исчезло полностью, и глагол приобрел семантическое строение первого типа, а в двух других глаголах предметное значение обобщилось, но не исчезло, вследствие чего двучленное семантическое строение глаголов сохранилось.

В отдельных случаях можно отметить метафорическое значение глаголов на *-са-*, *-сы-* и т. д. По-видимому, в глаголе *сусамаг* его обобщенное значение связано также с метафорическим употреблением исходного значения «жаждать воды». Метафорическими, возможно, следует считать значения «проявлять беспокойство», «быть сильно занятым какой-либо мыслью» в глаголе *алақсы-* 'озираться'. Впрочем, здесь может быть и причинная связь между приведенными значениями.

АФФИКСЫ *-ан-//-ән-//-ын-//-ин-//-ун-//-үн-* и *-ган-//-кән-//-гын-//-кин-//-гун-//-күн-*

Об аффиксе *-ан-*... говорилось во «Введении». Не повторяя сказанного, необходимо указать на слабую в общем производительность этой глаголообразующей формы в тюркских языках, хотя в отдельных языках, например в турецком, глаголов на *-ан-* довольно много. В трудах тюркологов этот показатель отмечается лишь изредка [141].

Аффикс *-ан-* встречается в тюркских языках также и с узким гласным; таким образом, формально он совпадает с пока-

[141] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 80; A. C. Emre, *Türk dilbilgisi*, s. 129, 130; B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 122; B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*, s. 299.

зателем возвратного залога. Так как он в большинстве случаев совпадает с последним и по значению, то анализ глаголов, оканчивающихся на *-ɑн-*, нередко становится затруднительным. На этом основании можно было бы поставить вопрос о реальности аффикса *-ɑн-* вообще. Однако глаголы на *-ɑн-* вполне реальны, поскольку в тюркских языках не обнаруживаются глаголы на *-ɑ-* или *-ы-* с однородными значениями. Среди глаголов на *-ɑн-* некоторые образованы от существительных арабского происхождения, а это значит, что аффикс *-ɑн-* был продуктивным еще во времена исторические, документированные памятниками письменности [142].

Что касается отношения аффикса *-ɑн-//-ын-* к показателю возвратного залога, то исторически это одна и та же форма, применявшаяся для словообразования как от имен, так и от глаголов. Лишь с развитием залоговой системы, в которую вошла и данная форма, прекратилось производство отыменных глаголов на *-ɑн-//-ын-*. Причиной этого, помимо сложения залоговой системы, в большой степени явилось образование нового глаголообразующего аффикса *-лɑн-* в результате сращения показателя *-лɑ-* и *-н-* в его медиальном значении.

Приименное и приглагольное употребление показателя *-н-* сопровождалось известной формальной дифференциацией, заключающейся в том, что в отыменном глаголообразовании аффикс *-н-* употреблялся с широкими гласными *а — ə*, т. е. *-ан-// -эн-*, а при глаголе — с узкими гласными. Такая дифференциация носила менее последовательный характер, чем, например, дифференциация при словообразовательном применении другого залогового аффикса *-л-* (см. стр. 270, 271).

Другой формой аффикса *-ɑн-//-ын-*, исторически предшествовавшей ей, является показатель *-гɑн-//-гын-* с вариантами. Он находится в таком же отношении к аффиксу *-ɑн-*, в каком находился аффикс *-гɑ-* и т. д. к аффиксу *-ɑ-*. Различие же между теми и другими, помимо значения, заключается еще в том, что глаголы на *-гɑн-* и т. д. не более редки, чем глаголы на *-ɑн-//-ын-*, тогда как глаголы на *-гɑ-*... встречаются значительно реже, чем глаголы на *-ɑ-*.

За исключением турецкого и киргизского языков, где в отдельных случаях глаголы на *-ɑн-* образовались от арабского или иранского заимствования, во всех других языках исследуемые глаголы произведены от первичных или древнейших тюркских имен, как, например, *ут//уд* 'стыд', *bɑş* 'голова', *ус* 'мастер', 'мастерство', *үст* 'верх', *əл* 'рука', *им//ым//үм*

[142] Поэтому вряд ли имеются существенные основания выделять глаголы на *-н-* в качестве наиболее архаических образований (G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 198), хотя древность их не подлежит сомнению.

'знак', 'мина', *tat* 'вкус', *oi* 'ум', 'сознание', *boş* 'пустой', 'свободный', 'незанятый', *ooз* 'рот', *säs* 'угроза', *сез* 'чувство', 'гнев'. Это свидетельствует о древности глаголов на *-ан-*.

Некоторое число глаголов на *-ан-* образовалось от первичных подражательных слов и междометий, например: *hопп* — звукоподражание прыганью, *hыг//ık*—подражание напряженному и тяжелому дыханию, *жалт*—подражание быстрому, судорожному движению, мельканию, блеску.

Глаголы, от которых образовались вторичные формы с аффиксом *-ан-*, односложные. Ср. *гыс-* 'сжимать', 'сдавливать', *уд-* 'глотать', *тат-* 'вкушать', 'пробовать'.

Вследствие недостатка материала невозможно сказать что-либо определенное о господствующих значениях именных основ и типах семантической структуры рассматриваемых глаголов на *-ан-*.

Среди представленных здесь глаголов на *-ан-//-ган-*, образованных от именных, подражательных основ и междометий, одиннадцать глаголов образованы от основ со значением названия процесса, четыре—от основ со значением орудия, три—со значением признака и по одному—от названий результата действия и места. Из числа глаголов, основы которых означают орудие, три являются переходными: кирг. *оозан-* 'говорить', по Радлову, «взять в рот»—от существительного *ооз* «рот»; ايمانمق 'давать знак', 'махать', 'намекать', 'говорить знаками'—от ايم 'знак', 'мина' (Буд., I, 90); этот же глагол ср. у Ибн-Муханны: امكاتمق 'жмурить', 'закрывать глаза', امكاندى 'давать знак глазом' (Мел., Ар. фил., 049), امكانماق 'мигать глазом', امكاندى 'дал знак глазом' (Ибн-Мух., 225); ايلين *äilin-*, *älin-* 'ощупывать' (Houtsma, 58)—от ايل *äil*, *äl* 'рука'. Остальные глаголы все непереходные. Непереходным является также турецкий глагол *başınmak* 'противостоять', у которого основа *baş* 'голова' имеет значение орудия. Отсюда следует, что переходность глаголов на *-ан-* не регулировалась твердыми правилами. Характерен в этом отношении другой турецкий глагол—*tacanmak* 'короноваться', образованный от заимствованного арабского существительного *taç* 'корона'. Существительное *taç* имеет в данном случае значение предмета действия, и производный глагол, казалось бы, должен быть переходным, на самом же деле он непереходный. Большая часть глаголов на *-ан-* образована от основ, означающих название процесса. Глаголы с такими основами могут иметь как переходное, так и непереходное значение в зависимости от признака активности-пассивности, о чем говорилось

в своем месте. Однако среди глаголов на *-ан-* с процессуальным значением основ нет ни одного переходного глагола, хотя, например, образованный от алтайского существительного *ус* 'мастерство', 'мастер' глагол *узан-* должен был бы иметь переходное значение, в действительности же он непереходный.

Ниже приведены глаголы в форме на *-ан-* без деления их по значениям основ, поскольку примеров немного:

утанмаг 'стыдиться'— от существительного *ут* 'стыд', которое сохранилось в некоторых языках и старых памятниках, в частности в «Китаб-уль-идрак...» Абу-Хайяна (Abu-Hay. *ud*—111; *ut*—113; издатель указывает, что жители Анатолии употребляют производное прилагательное *udlu* 'стыдливый'); существительное *ут* приводится также у Ахмеда Югнеки (Atebet., Fihr.: *ut*—LXIX и *uvut*—LXX);

хоппанмаг 'прыгать', 'перепрыгивать'—от подражательного *хопп* 'гоп!';

хырганмаг 'пыхтеть', 'тужиться', 'напрягать силы', 'запинаться'—от подражательного слова *хырг*; ср. данный глагол с турецким *ıkınmak* 'с трудом, тяжело дышать', 'задыхаться', 'стонать' (во время родов)—от подражательного слова *ık* с реальным значением «хрип», «крик» (когда кого-нибудь душат); ср. также *ıklamak* 'дышать с большим трудом', 'задыхаться', 'всхлипывать', 'быть подавленным бременем', 'изнемогать под бременем чего-либо';

тур.: *başınmak* 'противостоять', 'противиться', 'стоять на своем', 'упрямиться'—от существительного *baş* 'голова', 'начало' и ряд других значений; ср. казах. *басын-* 'не считаться', 'относиться пренебрежительно'; ср. также чув. *пуҫăн-* 'приниматься за что-либо', 'приступить к чему-либо', 'положить начало'—от существительного *пуҫ* 'начало', 'исток' и т. д.;

сакınmak 'беречься', 'остерегаться', 'быть осторожным', 'избегать', 'беречь'—от основы **sak* 'осторожность', 'чуткость', 'осторожный', 'бдительный';

кирг.: *камын-//камдан-* 'заботиться', 'принимать меры предосторожности'—от заимствованного из иранского *кам* 'забота';

жалтан- 'пугливо дернуться', 'шарахаться в сторону', 'вздрагивать от испуга'—от подражательного слова *жалт*, о значении которого говорилось выше; ср. *жалтар-* 'робеть', 'бояться', 'увертываться' (например, от удара)—от того же подражательного корня; едва ли *жалтан-* можно анализировать в виде *жалт-а-н*, так как: 1) глаголы на *-а-* образуются обычно от наращенных форм подражательных слов и 2) в киргизском языке отсутствует естественная при допущении второй этимологии (*жалт-а-н*) форма понудительного залога *жалтат-*;

чув.: *пурăн-* 'жить', 'существовать', 'находиться', 'пребывать'—от предикативного имени *пур* 'есть', 'существует', 'существующий';

Мел., Ар. фил.: اُسْتَان 'подниматься кверху' (067)—от существительного *уст* 'верх'; П. М. Мелиоранский считал приведенный глагол возвратной формой глагола *усте-* (LXXVIII), что теоретически вполне возможно, хотя в действительности глагол *усте-* со значением «подниматься» в тюркских языках не отмечается, имеющиеся же формы на *-а-* (как, например, кирг. *устө-* и казах. *усте-*) означают «прибавлять», «добавлять», «доливать», «досыпать», близкий же по значению глагол «возвышаться», «увеличиваться» образован при помощи другого аффикса *-л-*, т. е. в форме *üstäl-* (Малов, Пам., 4+1);

KW: *ačγan-*(?) 'становиться горьким' (28).

Параллельные глаголы на *-ан-//-ган-*

кирг.: *чымыркан-* 'быть напряженным, возбужденным', 'набираться энергии', 'с силой напирать', 'натуживаться' и близкий к нему по значению *чымыран-* 'потягиваться'—от прилагательного *чымыр* 'крепкий', 'плотный', 'крепыш';

Радл., Сл.: *oiɣan-* (чагат.) 'проснуться' (I, 971) и общетюркская форма *оян-//уян-* с тем же значением от существительного *ой//уй* 'ум', 'сознание'; возможна, впрочем, и иная этимология рассматриваемого глагола в связи со староузбекской (I, 971), казахской, киргизской, узбекской и другими формами *oiɣat-*, *ойгот-*, *уйғот-* и *оят-* 'будить': *oiɣa-н-*, *оя-н-*, *уя-н-* и соответственно *oiɣa-т-*, *ойго-т-*, *уйғо-т-*;

M. Kāşgarī: *kirtin-*(?)(<*kirt-in-*?) 'верить'—от *kirtü* 'клятва', 'истина', 'правда' (Dizin 333); ср. *ol tenğrige kirtindi* 'он поверил в бога', 'он признал пророка' (M. Kāşgarī, I, 416); в том же значении глагол *kirtgün-*; ср. *kul tenğrige kirtgündi* 'раб признал единство бога' (M. Kāşgarī, III, 423).

В связи с параллельными формами семантически тождественных или синонимичных глаголов можно, по-видимому, рассматривать в качестве образований с аффиксом *-ан-//-ган-* также и азербайджанские глаголы *гыжанмаг* и *гыганмаг* 'замахиваться на кого-либо', 'набрасываться на кого-либо', 'петушиться', 'пригрозить', образованные от основы **гыж* с невыясненным значением, глагол *даданмаг* 'пристраститься к чему-либо', 'повадиться делать что-либо', 'приучаться к чему-либо', 'прельщаться чем-либо', 'быть падким до чего-либо' и его киргизское соответствие *маткан-* 'пристраститься', оба образованные от существительного *дад~мат* 'вкус' (возможно, от глагола *дад-~мат-* 'пробовать'?); глагол *tatgan-* приводится

также у Махмуда Кашгарского (M. Kāşgarī, II, 241), но со значением «находить вкусным».

Abu-Hay.: *säksän-* (88): *säksändi* 'он пригрозил' (53); в других языках приведенный глагол в более правильной форме *сэскэн-* или *сескен-* является непереходным и означает «опасаться», «страшиться», «пугаться», «вздрагивать» (казахский) или только «пугаться», «вздрагивать», «встрепенуться» (узбекский, татарский); таким образом, данный глагол индифферентен к категории переходности-непереходности глагольного значения, что в свою очередь свидетельствует о древности глаголов на *-ан-*; основой приведенных глаголов является существительное *сес* со значением «угроза», «запугивание», сохранившееся в киргизском языке;

кирг.: *сезген-* 'воспаляться' — от существительного *сез* 'чувство', 'гнев';

M. Kāşgarī: *boşgun-: er eliği boşgundı* 'рука человека освободилась' (M. Kāşgarī, II, 238);

tatgan-: er aşığ tatgandı 'человек нашел пищу вкусной' (M. Kāşgarī, II, 241) — от *tat* 'вкус';

чув.: *вăшкăн-* (диал.) 'быстро ходить', 'спешить' — от *вăшвăш* 'быстро', 'проворно', 'расторопно', 'мигом'.

Среди глаголов на *-ан-* можно отметить глаголы с конкретными и абстрактными значениями. Структура значений приведенных глаголов определяется уже известными четырьмя типами, причем большая часть их принадлежит первому семантическому типу: *узан-*, *утан-*, *hоппан-*, *ыган-*, *камын-*, *жалтан-*, *imgän-*, *пурăн-*, *пуçăн-*, *säksän-*, *чымыран-*, *сезген-*, *boşkun-*, *вăшкăн-*. К третьему семантическому типу принадлежат глаголы *üstän-* и *kehlen-* с двусоставными значениями. К четвертому типу относятся глаголы *оозан-*, *älin-*, *tacan-*, *başın-* и *oiɣan-*, восходящие к двусоставным семантическим структурам: * «говорить устами», * «трогать руками», * «надевать корону», * «упираться головой» и * «приходить в сознание». Остальные глаголы имеют смысловое строение второго типа.

В составе глаголов на *-ган-//-гын-* небольшая часть образована от глагольных основ. К ним принадлежат:

гысгынмаг 'стесняться' — от *гысмаг* 'жать', 'зажимать', 'прижимать', 'сжимать', 'поджимать', 'пожимать', 'теснить', 'таить', 'давать втихомолку', 'подсунуть кому-либо что-нибудь';

гысганмаг 'скупиться' — от того же глагола *гысмаг* со значением «таить»; второе значение глагола *гысганмаг* — «ревновать», «завидовать», приводимое в словарях рядом со значением «скупиться» и известное во многих тюркских языках, едва ли имеет отношение к глаголу *гысмаг*; вероятнее всего, оно принадлежит другому глаголу, образованному, по-видимому, от существительного *гыз* 'девушка' при помощи того же аф-

фикса *-ган-*; ср. казах. *қызған-* с тем же значением; *гысгынмаг* и *гысганмаг* можно этимологизировать иначе: глагольное имя на *-гы/-ги* + *-га* + *-н-*;

удгунмаг 'глотнуть', 'подавить слезы' — от глагола *удмаг* 'глотать', 'выигрывать'; ср. в казахском тот же глагол, но с аффиксом *-ын-*: *жұтын-* 'иметь (проявлять) сильную охоту съесть что-либо', кирг. *жутун-* 'тянуться (головой, корпусом) к пище, питью', 'порываться вперед', 'иметь стремление'; значение «глотать» в большинстве тюркских языков имеет форму *ют-//жут-//жут-*, а «выигрывать» — форму *ут-//уд-*, в крымскотатарских же диалектах — более древнюю форму *унт-*; принимая это во внимание, следовало бы, возможно, допустить разное происхождение для азербайджанских глаголов *удмаг* 'выигрывать' и *удмаг* 'глотать', возводя первый глагол к **унд-*, а второй к ** jуд-*, несмотря даже на то, что в узбекском языке оба значения объединяются в одной форме *ют-* (*ютмоқ*); вторичный глагол с аффиксом *-гун-* имеется также и в турецком языке: *yutkunmak* 'глотать слюну', *метаф.* 'запинаться', 'сильно желать чего-нибудь'.

Нельзя, естественно, из анализа нескольких глаголов делать заключение о значении формы *-ган-//-гын-* при глагольных основах. Например, во втором и третьем глаголах можно выделить значение желания и стремления; оно ярко выражено в казахском глаголе *жұтын-* и в более абстрактной форме с потерей ограничивающего значения «пища» — в киргизских *жутун-* и *таткан-*. Но является ли значение желания или стремления основным и постоянным для формы *-кан-//-кын-*, когда она употребляется при глагольных основах, сказать трудно. Тем не менее учитывать это значение следует, поскольку в большинстве других архаических форм, применяемых как при отыменном, так и при отглагольном словообразовании, их приглагольные значения уже стерты и не поддаются реконструкции.

* *
*

Помимо рассмотренных глаголов, в азербайджанском, как и в других тюркских языках, имеется некоторое число глаголов, оканчивающихся на *ан...* и *ган...* и не поддающихся четкому морфологическому анализу. К ним относятся:

бәјәнмәк 1) 'нравиться'; 2) 'облюбовать';

гынганмаг 'кривляться', 'ломаться';

дүшүнмәк 'думать', 'обдумывать', 'размышлять', 'задумываться', 'соображать';

иjрәнмәк 'чувствовать отвращение, брезгливость', 'брезговать';

күвәнмәк 'доверяться', 'полагаться', 'опираться', 'хвалиться', 'тщеславиться', 'чваниться'; ср. в древнетюркских языках *kübän-* 'хвалиться' (Малов, Пам., 396);

усанмаг 'надоедать', 'быть докучаемым', 'тяготиться', 'испытывать отвращение', 'пресыщаться'.

АФФИКС *-ра-/|-рә-*

В разделе об аффиксе *-а-/|-ә-* уже указывалось, что в ряде глаголов, оканчивающихся на *-ра-*, глаголообразующим аффиксом фактически является *-а-/|-ә-*, а предшествующая часть представляет собой подражательную односложную основу, наращенную модифицирующим показателем *-ыр*. Именно так этимологизируются некоторые глаголы, которые в научной литературе относятся к формам на *-ра-*. Однако, кроме них, имеются глаголы, образованные при помощи аффикса *-ра-* как от именных, так и от глагольных основ. По этому признаку их можно отнести вместе с глаголами на *-ыг-*, *-на-* и другими к архаическим формам словообразования в тюркских языках.

Г. Рамстедт считал аффикс *-ра-* этимологически единым с показателем *-ар-*. По его мнению, древний формант *-ра-* в современных языках появляется в виде *-р-* или *-ар-*, что обусловлено фонетическим развитием гласного непервого слога [143]. В более ранней работе Г. Рамстедт специально указывал на начинательное и нейтральное значение аффикса, имея в виду главным образом отглагольные образования на *-ра-* [144]. Кроме того, он приводил некоторые глаголы от именных основ.

Аффикс *-ра-* отмечают также Ж. Дени [145], А. фон Габен [146], А. Зайончковский [147], Н. П. Дыренкова [148], Н. А. Баскаков [149], А. Г. Гулямов [150] и др. [151].

---

[143] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 199, 200; см. также G. J. Ramstedt, *Über die onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen*, S. 109.

[144] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, S. 34.

[145] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 851, Addenda, p. 1120. — Имеются примеры *muñra-*, *mäkrä-*, *mañra-* и др., которые скорее являются образованиями на *-а-*. См. также J. Deny, *Principes de Grammaire turque*, § 1141.

[146] A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, § 95.

[147] A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 142.

[148] Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, стр. 144.

[149] Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 318, 319. — Автор разъясняет показатель *-ра-* как результат фонетического стяжения сложного аффикса *-ыр-ла-*. В состав аффикса *-ра-* включен также показатель *-ыра-*, который должен быть разложен на *-ыр+-а-*.

[150] А. Г. Гулямов, *Об аффиксе -ла- в узбекском языке*, стр. 41, 42. — Автор фактически отрицает существование данного показателя.

[151] A. C. Emre, *Türk dilbilgisi*, s. 130, 131; B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*, s. 308; B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 123.

Столь единодушное внимание к аффиксу *-ра-* со стороны специалистов свидетельствует о том, что он играет заметную роль среди форм отыменного глаголообразования в тюркских языках. В числе глаголов, образованных при помощи показателя *-ра-*, имеются слова весьма употребительные. Это и создает иллюзию актуальности и до известной степени значительности данного показателя. На самом же деле глаголов в форме *-ра-* немного. В некоторых случаях глаголы на *-ра-* не сохранились в своей первоначальной форме и дошли до нас в измененном виде. Таков самый распространенный глагол с показателем *-ра-—өјрәнмәк* 'учиться', 'изучать', 'приобретать знания, навык', 'выучиваться', 'узнавать', 'разузнавать', 'привыкать', 'приучаться', 'изучать', 'учить', 'выучивать', 'разучивать', 'научиться', в основе которого лежит древнее существительное **өј<*өг* 'мысль' [152] (в свою очередь образованное от глагола **ө-* 'думать', Малов, Пам., 405). Таким образом, *еjрән-=өj-рә-н-*, где *-н-* — показатель возвратного залога. Большинство глаголов на *-ра-* сохранилось в тюркских языках в первоначальной форме. Ср.:

Радл., Сл.: *оҥра-* 'оправиться', 'превзойти' (I, 1031) — от *оҥ* 'правый';

туркм.: *гараңкырамак* 'темнеть', 'вечереть', 'омрачаться' — от *гараңкы* 'темный', возможно, от более старого значения «темнота», которое приводится в словаре Махмуда Кашгарского: قَرَنْغُو (M. Kāşgarī, III, 388; *karanğgu*, Dizin, 267); Малов, Пам.: «темный» (*qaraŋγu*, 412);

тур.: *gökremek* 'становиться, делаться голубым', 'зеленеть' — от *gök* 'голубой', 'синий', 'лазурный'; о древности глагола можно судить по второму значению «зеленеть», источником которого могло быть лишь значение * «зеленый», ныне утерянное в прилагательном *gök*; происхождение глагола от подражательного слова (т. е. структура **gök-ür-e-*) исключается и тем самым исключается возможность образования данного глагола при помощи аффикса *-а-*;

узб.: *билжирамоқ* 'нести вздор', 'болтать ерунду' — от подражательного, по-видимому, слова *билжи*, которое имеется в парном существительном *алжи-билжи* 'вздор', 'чушь' и т. п.; предлагаемая нами этимологизация не может считаться бесспорной, так как не исключена возможность образования глагола *билжира* — при помощи аффикса *-а-*, т. е. *билж-ир-а-*;

---

[152] G. J. Ramstedt, *Über Stämme und Endungen in den altaischen Sprachen*, — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. 55, Helsinki, 1951, S. 101.

хак.: *сайра-* 'садиться на мель'—от существительного *сай* 'мель'; то же в шорском (Грамм. шор. языка, 144);

тымора- 'болеть', 'страдать каким-либо недугом'— от существительного *тымо* 'болезнь', 'нездоровье', 'поветрие', 'насморк';

KW: *mülkre-* 'получать по наследству'— от *mülk* 'наследство' (167);

M. Kāşgarī: *tüpre-* в выражении *Tatığ közre tikeniğ tüpre* (M. Kāşgarī, II, 280), смысл которого, однако, неясен; перевод Бесима Аталая («Tatın gözüne vur, dikeni kökle») представляется нам надуманным; основа глагола *tüpre-* — существительное *tüp* со значением «основа», «корень», «дно» (Dizin, 672);

др.-тюрк.: *kökre-* (?) 'греметь' (о громе); глагол *көкре-* известен почти во всех древних, а также в ряде современных тюркских языков: *kökrä-* (Малов, Пам., 395), كوكريمك *kökremek* 'гром' (Houtsma, 98), *kökredi* 'он загремел' (Abu-Hay., 51), *kökrä-* (Przekł. Koranu, 87), тат. *күкрә-* и т. д.— все со значением «греметь»; кажется естественным этимологизировать все эти формы в виде * *көк-ре-*, где *көк*—«небо», *метаф.* «гром», *-ре-*— глаголообразующий аффикс. Однако в тюркских языках южной группы, например в турецком, рассматриваемый глагол должен иметь вид *gökre-*; в турецком языке имеется такой глагол, но со значением «становиться, делаться голубым», «зеленеть»—от *gök* «зеленый»; эквивалентом *көкре-* в турецком языке является *kükremek* в значении «греметь», «рычать»; то же у Махмуда Кашгарского: *arslan kökredi* (M. Kāşgarī, III, 282) 'лев зарычал'; *bogra kökredi* 'жеребец заржал' (там же); *bulıt kökredi* 'туча загремела' (там же); эти глаголы, в основе которых лежит звукоподражательный корень *көк//күк* (быть может, слово *көк* 'небо' в образном метафорическом применении?), позволяют этимологизировать глагол *көкре-* в виде *көк-үр-е-*>*көкре-*.

Глаголов, образованных от глагольных основ, совсем немного. Наиболее распространенным среди них является *тепре-* 'двигаться', 'колебаться', 'колыхаться', 'шевелиться', 'трястись', 'метаться', 'возиться', известный в большинстве тюркских языков. Корнем глагола *тепре-* является глагол *теп-// деп-*, который имеет значения, близкие к перечисленным для глагола *тепре-*. Ср. азерб. *тəпмək* 'затыкать', 'всовывать', 'впихивать', 'отдавать, осаживать после выстрела'; тур. *tepmek* 'брыкаться', 'лягаться', 'отдавать (о ружье)', 'возвращаться (о болезни)'; узб. *тепмоқ* 'пинать', 'лягать', 'биться (о сердце)'; казах. *теп-* 'лягать (о лошади)', 'вздуваться', 'нарывать', 'выступать наружу (о нарыве)'; кирг. *теп-* 'лягать', 'толкать ногой', 'бить ногой', 'отталкиваться ногой'. В азербайджанском, как

в казахском и в других тюркских языках, производная форма с аффиксом *-ра-* подверглась метатезе и приняла вид *тәрпән-* (казах. *тербел-*) с показателем возвратного залога *-н-*. Основа * *тәрпә-* в азербайджанском языке самостоятельно не употребляется, что вновь подтверждает архаичность образований на *-ра-*.

К отглагольным образованиям на *-ра-* относятся также узб. *сачрамоқ* 'брызгаться', 'разбрызгиваться', 'лететь брызгами'— от глагола * *сачмоқ*, который, однако, отмечается в узбекском языке лишь в «окающей» форме *сочмоқ* 'сыпать', 'рассыпать'; 'раскидывать', 'разбрасывать', 'сеять', 'рассеивать', 'сорить', 'разбрызгивать', а также казах. *жайра-* 'быть разбросанным, неубранным'— от корневого глагола *жай-* 'пасти', 'распространять', 'расстилать', 'развешивать'.

Как показывают эти немногие примеры, вторичные глаголы в форме *-ра-* образуются лишь от первичных глагольных основ (*теп-*, *сач-* и *жай-*).

Ввиду немногочисленности глаголов на *-ра-* нельзя сделать о них какие-либо заключения. Ограничимся отдельными замечаниями.

При помощи аффикса *-ра-* было возможно образование глаголов как от первичных (*gök*, *сай*, *köz*, *üp*), так и от вторичных (*билжи*, *тымо-*, по-видимому, из * *тымағу* с корнем *тым*) именных основ, что позволяет отнести аффикс *-ра-* к эпохе, когда аффиксальное глаголообразование уже превратилось в главный способ словопроизводства.

Трудно что-либо сказать относительно господствующего типа именных основ в данных глаголах, хотя из примеров видно, что они имеют те же значения результата (*gök*), процесса (*билжи*, *тымо*, *көк*), места (*сай*), которые известны и в других производных глаголах.

Неясно также собственное значение аффикса *-ра-*. Правда, можно отметить в общем непереходное значение глаголов в этой форме, не исключая и отглагольных образований, однако среди них имеется форма *жайра-* со страдательным значением. В некоторых случаях можно отметить переходное значение формы на *-ра-*, о чем свидетельствует пример из Аль-Замахшари: *aγızıda sunı tepredi* 'он приводил во рту воду в движение' (99, 100). Как видно из примера, глагол *тепре-* генетически должен считаться индифферентным к категории переходности-непереходности, поскольку он означал как непереходное действие (см. выше о глаголе *тепре-*), так и переходное (ср. пример Аль-Замахшари). Отсюда следует, что индифферентным к категории переходности и непереходности прежде всего был сам аффикс *-ра-*, что еще раз подтверждает его древность.

* *
*

Помимо приведенных глаголов с четким морфологическим составом, в азербайджанском языке существует большое число форм с исходом на *ра*, морфологический состав которых неясен. К таким глаголам относятся:

гаврамаг 'воспринимать';

ијрәнмәк (*ијрә-н-мәк*) 'чувствовать отвращение, брезгливость', 'брезговать' — с показателем возвратного залога *-н-*;

доғрамаг 'резать на мелкие куски, части', 'колоть на куски', 'рубить', 'крошить', 'изрубить';

* *көјрәмәк*, который восстанавливается из прилагательного *көјрәк* 'хрупкий', 'нежный';

сәјримәк 'дрожать', 'трястись' (о веках глаз);

сычрамаг 'прыгать', 'бросаться', 'перескакивать', 'вскакивать', 'вспрыгнуть', 'подскакивать', 'подпрыгивать'; 'брызнуть (о воде и пр.).

АФФИКС *-ырға-//-ыркә-*

Варианты аффикса *-ырға-//-ыркә-* теоретически следовало бы дополнить дериватами *-ургә//-үркә-*. Однако в азербайджанском языке они отсутствуют, имеются лишь варианты с негубными гласными.

Г. Рамстедт, этимологизируя аффикс в виде *-га-* ~ *-ga-*, рассматривал его генетически в качестве древней понудительной формы глаголов на *-ра-*, описанных в предыдущем разделе. Он считал форму *-ырға-* чисто монгольской и поэтому допускал заимствованный характер всех глаголов на *-ырға-* в тюркских языках [153].

Глаголы с данным показателем отмечает также Ж. Дени, указывая, что аффикс *-ырға-* «выражает различные понятия и присоединяется то к именным, то к глагольным основам» [154].

В цитировавшихся работах А. фон Габен [155], А. Зайончковского [156], И. Бенцинга [157], А. Дж. Эмре [158] и Бесима Аталая [159] также имеются описания аффикса *-ырға-*.

---

[153] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 44—46.

[154] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 845, Addenda, p. 1119.

[155] A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, § 96.

[156] A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 138, 139.

[157] J. Benzing, *Über die Verbformen im Türkmenischen*, S. 10.

[158] A. C. Emre, *Türk dilbilgisi*, s. 123.

[159] B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*, s. 301; B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 122.

Как и большинство непродуктивных форм архаического образования, рассматриваемый аффикс сохранился в ограниченном числе глаголов, основная часть которых уже учтена и неоднократно приводилась в работах, посвященных вопросам словообразования.

К глаголам на *-ырға-* в азербайджанском языке относятся: *əсиркəмək* 'отказывать в чем-нибудь', 'жалеть что-либо для кого-нибудь', 'жалеть дать или сделать что-либо', 'воздерживаться от чего-либо', 'скупиться', который Л. Будагов (I, 193) связывает с существительным ایس *äс*, а также اوس, اوص и неправильно с араб. حس «чувство», «память», «ум» первое значение («чувство») является ошибочным, поскольку оно связано с арабским حس; такую же этимологию для *əсиркəмək* предлагает Г. Рамстедт [160]; глагол *əсиркəмək* известен также и в других тюркских языках, например в турецком — *esirgemek* [161], в древних языках — *isirgä-* 'сожалеть', 'скряжничать' (Малов, Пам., 381) и некоторых других;

jадырғамаг 'отвыкать', 'забывать', 'чуждаться', 'двигаться' — от *jад* 'чужой'; ср. также туркм. *ядырғамак* 'чуждаться', 'дичиться', 'чувствовать неловкость', тур. *yadırgamak* в том же значении и др.;

Радл., Сл.: *азірҕан-* (чагат.) 'считать за малое', 'пренебрегать' (I, 571) — от *аз* 'малый';

ачӯркан (телеут.) 'печалиться' — от *ачӯ* (телеут., алт.) 'горесть' (I, 512);

ачырка- 'быть очень голодным, жадным, прожорливым, ненасытным' (I, 507) — от *ач* 'голодный'; ср. *ацырҕа-* 'болеть' (R., CC, 6);

ашыркан- (кирг.=казах.) 'чувствовать кислый или горький вкус, так что невольно сморщишься' (I, 595), 'болеть' (R., CC, 6) — от **ашы* 'кислый', 'горький';

қāныркa- (телеут.) 'сделаться ханом', 'узурпировать ханское достоинство', 'изображать князя', 'быть гордым', 'гордиться', 'важничать' (II, 116) — от *қāн* 'хан';

Przerkł. Koranu: *säsirgä-* 'przestraczyć się' (92) — от *säs* 'угроза';

туркм.: *геңиргемек* 'удивляться', 'дивиться' — от *гең* 'странный', 'дивный', 'поразительный', 'удивительный';

месиргемек 'буйствовать', 'буянить', 'возбуждаться' — от *мес* (из перс. مست) 'пьяный', 'буйный';

---

[160] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 44.

[161] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 845, прим. 2; B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 122.

ховпургамак 'чувствовать опасение', 'волноваться' — от *ховп* (из араб. *havf*) 'опасение';

ысырганмак 'обнюхивать', *метаф.* 'разыскивать', 'разнюхивать' — от **ыс* 'запах'; слово *ыс* имеется в других тюркских языках, но, кроме того, восстанавливается и в самом туркменском языке из названного и другого однокоренного глагола *ысгамак* 'нюхать', 'чувствовать запах';

хак.: *кӱчӱрке-* (качин.) 'считать себя сильным, могущественным' — от *кӱс* 'сила';

пайырха- 'гордиться', 'хвастаться богатством'[162] 'зазнаваться', 'важничать' — от *пай* 'бай', 'богач', 'богатый';

чув.: *асӑрха-* 'замечать', 'подмечать', 'следить за чем-нибудь', 'наблюдать', 'запоминать', 'обращать внимание' — от *ас* (=*ӑс*) 'память'; как показывают приведенные значения чувашского глагола, его семантика находится в полном соответствии со значением исходной основы, тогда как значение глагола *әсиркәмәк* в азербайджанском, турецком, в древнетюркских и других языках не позволяет установить непосредственных семантических связей между ним и предполагаемой основой **әс* со значением «память», «ум»;

якут.: *бөҕөргөө-* 'крепнуть', 'закрепляться', 'укрепляться' — от *бөҕө* 'крепость', 'прочность'; 'крепкий', 'прочный'; 'сильный'.

В азербайджанском языке нет некоторых отглагольных образований с аффиксом *-ырға-*, встречающихся в отдельных огузских языках, как, например, тур. *basırganmak* 'страдать от кошмаров' — от глагола *basmak* 'давить', 'жать', 'теснить', *kısırganmak* 'скупиться', 'отказывать в чем-либо', 'жалеть' (значение то же, что и в глаголе *әсиркәмәк*) — от глагола *kısmak* 'жалеть', 'скупиться' и др. Оба глагола приводятся Ж. Дени в его грамматике (§ 845).

Несмотря на ограниченность материала, можно все же отметить безусловно большую распространенность данных глаголов по сравнению с глаголами на *-ра-*. Глаголы на *-ырға-*, например в туркменском языке, не являются столь уж редкими. Аффикс *-ырға-* в этом языке был продуктивным еще в историческое время, о чем свидетельствуют глаголы, образованные от заимствованных основ.

Глаголы на *-ырға-*, по-видимому, довольно распространены и в алтайском языке. Составители «Грамматики алтайского языка» считали даже глаголы этой формы специфическими для алтайского языка, указывая на то, что «по крайней мере

---

[162] В том же значении приводит этот глагол Г. Рамстедт (G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, S. 36).

ее (т. е. формы *-ырға-*.— *Э. С.*) нет у казанских татар и киргизов» (казахов.—*Э. С.*) [163].

Обращаясь к именным основам глаголов на *-ырға-*, мы и в данном случае не можем делать каких-либо окончательных выводов относительно господствующего типа основ, значений глаголов, типов семантической структуры и т. д. Для выяснения всех этих вопросов с надлежащей полнотой необходим более или менее исчерпывающий перечень глаголов на *-ырға-* из всех тюркских языков. Предварительно отметим следующее.

Глаголы с аффиксом *-ырға-* образуются от названия процесса (*ачӯрқан-*, *ховпургамак*), орудия (*асӑрха-*), признака, процесса или результата (*азірҕан-*, *ачырқа-*, *ашырқан*, *месиргемек*, *кӱчӱрке-*, *пайырха-*), предмета действия (*јадырғамаг*, *қанырқа-*), причем большая часть основ имеет значение признака.

По семантическому строению среди наших примеров имеется ряд двусоставных глаголов, т. е. принадлежащих к третьему семантическому типу (*јадырғамаг*, *азірған-*, *қанырқа-*, *кӱчӱрке-*), а также глаголы с семантическим строением первого типа (*ачӯрқан-*, *ачырқа-*, *ашырқан-*, *геңиргемек*, *месиргемек*, *ховпургамак* и др.).

Значение глаголов на *-ырға-* в «Грамматике алтайского языка» определяется следующим образом: «Приставка *рқа*... дает производным от имен глаголам значение: свойство или состояние, а часто претензию на свойство, означаемое коренным именем, выражать своим внешним видом и положением, например, выражением лица, манерами, и соединенными с ними словами. Например: *санаа* 'мысль', 'забота', *санарқа* 'быть и казаться сильно озабоченным', 'грустить'; *ачу* 'печаль'; *ачурқа* 'печалиться' (между тем *ачулан* —'иметь в сердце своем печаль'); *пай* 'богатый', *пайырқа* 'гордиться богатством'; *кӱч* 'сила', *кӱчӱрке-* 'гордиться силой'; *јақшы* 'хороший', 'почетный', *јақшырқа* 'важничать': *пій* 'начальник', *пійірке-* 'величаться властью'» [164]. Это определение семантики глаголов на *-ырға-* представляется достаточно точным. Можно отметить попутно, что значением «считать за...» глаголы на *-ырға-* сближаются с глаголами на *-са-*//*-сы-*.

Приводившиеся в качестве примеров глаголы на *-ырға-* имеют как переходные, так и непереходные значения, обусловленные, по-видимому, отчасти определенным типом значения именной основы, отчасти значением аффикса.

Переходными являются глаголы *азірҕан-* 'считать за ма-

[163] «Грамматика алтайского языка», § 77.
[164] Там же, стр. 48.

лое', 'пренебрегать', *ыҫырганмак* 'обнюхивать', *күчүрке-* 'считать себя сильным, могущественным', *асăрха-* 'замечать', 'подмечать' и др. Переходность глаголов *ыҫырганмак* и *асăрха-* связана, видимо, с тем, что в первом глаголе именная основа означает предмет действия, во втором — орудие. Что касается значений двух других глаголов, то их переходный характер обусловлен особым значением глаголов на *-ырға-* — «считать за...», «рассматривать в качестве». Прочие глаголы, приведенные выше, все имеют непереходный характер, что также связано с атрибутивным или процессуальным значением исходных именных основ. Таким образом, характер отношений между значениями именной основы и производного глагола здесь в принципе тот же, что в большинстве глаголов, образованных от имен.

В некоторых из перечисленных глаголов имеется показатель *-н-*, который был также в глаголах с аффиксами *-са-// -сы-*. В обоих случаях формант *-н-* имеет одно и то же значение оценки действия с точки зрения субъекта. Этим значением объясняется, между прочим, способность глаголов на *-ырға-н-* сохранять свой переходный характер (*азірҕан-*, *ыҫырганмак*), хотя в современных языках развитие медиального и возвратного значений, как известно, привело к сильному ограничению способности у этих глаголов к управлению прямым дополнением.

Все именные основы глаголов на *-ырға-* представляют собой первичные односложные имена, широко употребительные в тюркских языках.

АФФИКС *-ша-//-шə-*

Глаголообразующий аффикс *-ша-*[165], известный в других тюркских языках также с узким гласным, т. е. в форме *-шы-// -ши-*, кроме того в формах *-ча-//-че-//-чы-//-чи-, -жа-//-же-//-жы-// -жи-*, сохранился в азербайджанском языке в нескольких глаголах (он встречается и в некоторых других тюркских языках, где аффикс *-ша-//-шə-* оказался малопроизводительным, за исключением киргизского и, быть может, туркменского, располагающих бо́льшим числом глаголов с данным аффиксом, чем другие родственные языки).

---

[165] Об этом аффиксе см.: W. Bang, *Aus türkischen Dialekten*, — «Keleti Szemle», XVIII, 1—3 szam, Budapest, 1918—1919; G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 92; J. Deny, *Principes de grammaire turque*, § 144; A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 1144, 1145; А. Ғ. Ғуломов, *Фе'л*, б. 72; J. Benzing, *Uber der Verbformen im Türkmenischen*, S. 10.

Глаголы на *-ша-*, отмечаемые в азербайджанском языке, имеются также во многих других тюркских языках. К ним принадлежат *гуршамаг*[166] 'надевать пояс на кого-либо', 'опоясывать', *метаф.* 'дурачить' — от существительного **гур* 'пояс'[167], известного в киргизском, якутском, хакасском *(хур)* и других тюркских языках, в словаре Махмуда Кашгарского (Dizin, 379), но не сохранившегося в азербайджанском языке. В остальных тюркских языках глагол *гурша-*, известный в той же форме (туркменский) или же в форме *қурча-* (в алтайском, хакасском *хурча-*), имеет такое же значение. В туркменском, алтайском и других он, помимо того, означает еще «окружать» (в туркменском также «осаждать») и имеет, таким образом, метафорическое и обобщенное значение. Значение «опоясывать» для туркменского глагола является, пожалуй, уже историческим, и, следовательно, в этом языке метафорическое и обобщенное значение вытеснило основное. О древности глагола *гуршамаг* и его словообразующего аффикса можно судить также по эволюции этого слова в некоторых языках. Так, например, в турецком языке исходная форма глагола не сохранилась, глагол *гурша-* здесь известен во вторичной форме — возвратной и понудительной, притом с элизией *-р-: kuşanmak* и *kuşatmak*, из коих первый означает «опоясываться», а второй — «опоясывать», «окружать».

Вторым глаголом с аффиксом *-ша-* является *юмшалмаг* 'делаться мягким', 'смягчаться' и с обобщенно-метафорическим значением — «усмиряться». Корень этого глагола — существительное **юм* 'перо', которое отмечается в других тюркских языках, например в алтайском *јым* (конд. *јум, јӯ*) вместе с производным от него глаголом *јымыжа-* 'смягчаться', 'сделаться мягким' и с обобщенно-метафорическим значением «укрощаться»[168]. Следовательно, азербайджанский глагол *юмшалмаг* является вторичной формой с залоговым показателем *-л-*, имеющим здесь медиальное значение, исходная же форма глагола — **юмша-*[169].

Третий глагол с аффиксом *-ша-* — *охшамаг* 'быть похожим, схожим, подобным' — от именного корня **ох* 'подобный'[170]. В словаре отмечаются еще два значения: «ласкать», «при-

[166] W. Bang, *Aus türkischen Dialekten,* S. 9; B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları,* s. 144.

[167] Ср. у Л. Будагова: قورقوشاق, т. е. парное слово *қур-қушақ* в том же значении «пояс» (Буд., II, 73). Л. Будагов указывает на форму قورلا в киргизском (= казахском) языке со значением «опоясывать»; «окружать».

[168] «Грамматика алтайского языка», стр. 181.

[169] О глаголе *юмша-* см.: W. Bang, *Aus türkischen Dialekten,* S. 9, — с той же этимологизацией; G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen;* A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*

[170] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen,* § 92; см. также A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*

ласкать» и «оплакивать покойника с причитанием». Оба значения принадлежат разным глаголам, т. е. омонимам, первый из которых образован от **ох* с невыясненным значением, второй — от существительного **ох* со значением «крик»; «голос»; «слово».

Из глаголов на *-ша-* в других тюркских языках отметим еще:

Радл., Сл.: *какша-* (алт., турф., Хами, Аксу, казах.) 'сохнуть', 'сыпаться (о зерне, перезрелом на корню)'—от *как* 'сушеный', 'твердый', 'сухой', 'лишенный растительности', 'суша' (в противоположность морю) (II, 67, 56)[171]; ср. кирг. *какшы-* в том же значении, а также узб. *қақша-* 'рассыхаться';

туркм.: *āңшыр-* 'понимать', 'чувствовать', 'догадываться', 'узнавать', 'распознавать'—от существительного *āң* 'сознание', 'рассудок', 'соображение';

Rossi: *bağšurmaq* 'вновь соединять', 'присоединять', 'устраивать', 'улаживать' (333);

Przekł. Koranu: *čivšä-* 'szeptać', 'mruczeć' (81)—от подражательного корня *čiv*;

кирг.: *аарчы-* 'чистить', 'очищать', 'отчищать'—от **аары* 'чистый' (в киргизском языке имеется в форме *аруу*), известного в команском (*ары*), татарском (*ару*), крымскотатарском (*арув*) и некоторых других тюркских языках;

жалчы- 'достигнуть желаемого', 'получить то, что нужно'; ср. *бөзчү бөзгө жалчыбайт*, букв. 'ткач бязи не получает бязи' (Юдах., 1953)—от существительного *жал* 'вознаграждение', 'заработанная плата';

кыңшы-//кыңшыла- 'визжать', 'скулить', 'визгливо плакать'; ср. *каңылда-* 'жалобно и слабо визжать (например, о щенке)', 'тихо стонать'; основа — подражательное слово *кың*, которое в модифицированной форме *кыңк* имеется в составном глаголе *кыңк эт-* 'издавать звук';

кыпчы- 'ущемить', 'зажать (в тиски, щипцы, пяльцы)', по-видимому, от глагола **кырп-*, сохранившегося, например, в азербайджанском языке (*гырп-*) в значении «мигать», «моргать», «обрезать», «стричь»;

толукшу- 'быть в полной силе', 'в полном соку'—от *толук* 'полный', 'полностью';

чымчы- 'щипать'—от существительного *чым* 'щипок'; азерб. *чимдик* (<**чимлик*) 'щипок' восходит к этому корню;

---

[171] О глаголе *какша-* см..: W. Bang, *Aus türkischen Dialekten*, S. 9; G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 92. — Туркм. *гагшамак*, узб. *қақшамоқ*, тат. *какша-* и др. со значением «дрожать», «трепетать», «лихорадить», «трястись» происходят, возможно, от другого корня с подражательным значением.

шекши-||шекси- 'подозревать', 'относиться с подозрением', 'сомневаться'—от существительного арабского происхождения *шек* 'сомнение';

ыкша- 'туго набить' (например, в мешок), 'сильно придавить, надавить'—от прилагательного *ык* 'крепкий', 'прочный', 'питательный'; ср. казах. *ықшам* 'портативный', 'удобный', 'короткий', туркм. *ыкжам* 'портативный';

ымшы- 'отмякать'; 'слегка потеть' (испытавая при этом приятное ощущение); 'быть в угнетенном, подавленном состоянии духа'—от существительного *ым* 'влага', 'влажное место', 'сырость' и ряд других глаголов в данной форме;

туркм.: *ыкжамак* 'развеваться', 'колыхаться', 'бродить', 'шататься'—от существительного *ык* 'направление ветра, тока'; ср. *ыкмак* 'идти по ветру'; 'быть унесенным ветром'; *метаф.* 'бродить без дела', 'шляться'.

Глаголы с аффиксом *-ша-* и другие принадлежат к архаическим образованиям. Это подтверждается прежде всего типом их основ, состоящих из древнейших корней, в отдельных тюркских языках частью вышедших из употребления. К ним относятся *гур* 'пояс', *ох* 'подобный', *јум* 'перо', *как* 'сухой', 'сушь'. Почти все остальные основы глаголообразования также представляют собой односложные именные корни, некоторые подражательного происхождения. Производных основ типа *bag* 'связь' или *толук* 'полный' очень немного. В отдельных случаях можно отметить также заимствования из арабского языка, как, например, *шек* 'сомнение'. Архаичность аффикса *-ша-* подтверждается и тем, что он служил для образования глаголов от глаголов.

К глаголам, образованным от глагольных основ, относятся:

узб.: *букчай-* 'сгибаться' (о человеке), 'горбиться'—от глагола *букмоқ* 'гнуть', 'сгибать', 'наклонять', 'нагибать'; ср. казах. и кирг. *бүкши-* в том же значении;

Радл., Сл.: *еҥчäі-* 'сгибаться', 'гнуться' (I, 718)—от *еҥ-* 'гнуть', 'сгибать';

кирг.: *жылжы-* 'двигаться'—от глагола *жыл-* 'двигаться', 'ползать', 'идти, низко пригнувшись к земле'; казах.: *жылжы-* 'медленно передвигаться, перемещаться';

казах.: *тықсыр-* 'припирать', 'загонять', 'загонять в тупик'—от глагола *тық-* 'втыкать', 'всовывать', 'прятать'; глагол на *-ша-||-шы-* имеет здесь переходное значение, сообщаемое ему залоговым показателем *-р-*;

якут.: *бөкчөй-* (ср. приведенное узб. *букчаймоқ*) 'сгибаться', 'подставлять спину'—от глагольного корня *бөк-||бүк-*, который мы видим в глаголах *бүгүн-(бүктäр-)* со значением «сгибаться», «согнуться» (Э. К. Пекарский, *Краткий русско-якутский словарь*, Пг., 1916, стр. 186).

Трудно, разумеется, делать окончательные заключения об аффиксе *-ша-* на основании немногочисленных примеров. Но нельзя вместе с тем не заметить, что функцией этого показателя при глагольных основах является превращение переходного глагола в непереходный глагол с медиальным значением. По-видимому, это уже более позднее значение рассматриваемой формы, так как глаголы *гуршамаг* 'опоясывать', туркм. *āңшырмак* 'понимать', кирг. *аарчы-* 'чистить', *кыпчы-* 'ущемлять', 'зажимать', *чымчы-* 'щипать', *ыкша-* 'туго набить' — все являются переходными. Можно отметить, что формирование переходных и непереходных значений в глаголах на *-ша-* не регулируется соотношениями в значениях основ и производных глаголов. Так, например, из семи переходных глаголов лишь два образованы от основ со значением орудия, два — от основ со значением признака (*аарчы-* и *ыкша-*), один глагол — от основы со значением названия действия, один — от основы, обозначающей предмет действия, и один глагол — от глагольной основы. Непереходные глаголы образованы от основ со значением признака результата или процесса (пять глаголов), результата (один глагол), названия процесса (один глагол), значения объекта (один глагол) и от основ с подражательным значением (два глагола). Таким образом, в приведенной небольшой группе глаголов два переходных и пять непереходных глаголов образованы от основ, обозначающих признаки, тогда как в глаголах на *-ла-, -а-* и других с основами, обозначающими названия признака, переходные значения, как правило, не образовывались. Наоборот, значение предмета действия во всех рассмотренных формах глаголообразования обусловливало переходное значение. Здесь же от такой основы образован непереходный глагол *жалчы-* 'достигать желаемого', 'получать то, что нужно', управляющий дательным падежом.

Приведенные сопоставления показывают, что отношения между значениями именных основ и производных глаголов в описываемой форме не имеют определенного характера (см. глаголы на *-са-//-сы-*). Это обстоятельство вместе с грамматической диффузностью аффикса *-ша-*, способного образовать глагол и от имени, и от глагола, может объяснить причину того, почему данная форма не сохранилась в языке как глаголообразующее средство.

По своей семантической структуре бóльшая часть глаголов на *-ша-* относится к первому, в единичных случаях — ко второму типу. К третьему типу семантического строения относятся глаголы *гуршамаг* 'опоясывать' и *ымшы-* 'отмякать', имеющие двусоставное строение. В двух случаях можно отметить обобщенное значение: глагол *јумшалмаг* 'становиться мягким' и *жалчы-* 'достигать желаемого', 'получить то, что нужно'. Пер-

вый глагол, происходящий от существительного *_jум_ 'перо', этимологически имеет двусоставное значение, приблизительно *«быть (становиться) таким, как перо». Исходное значение второго глагола может быть восстановлено в виде *«получать вознаграждение», из которого с обобщением предметного значения развилось современное значение, сохранившее, однако, двусоставность. Таким образом, первый глагол *(jумшаллаг)* принадлежит к четвертому семантическому типу, второй глагол — к третьему.

Обобщенное значение метафорического происхождения можно отметить в туркменском глаголе *гуршамак* 'окружать', 'осаждать', принадлежащем к четвертому семантическому типу, но восходящем к глаголу с двусоставным значением, т. е. с семантической структурой третьего типа.

АФФИКС *-на-//-нə-*

Глаголы с аффиксом *-на-//-нə-* неоднократно приводились в тюркологической литературе [172]. Несмотря на это, выделить глаголы с этим показателем трудно, поскольку морфемный состав ряда глаголов с исходом на *на* остается невыясненным. Поэтому не всегда ясно, имеем ли мы дело с глаголом на *-на-* или *-н* + *-а-*, где *-н* — показатель отглагольного имени, известного во всех тюркских языках.

В. Банг и Г. Рамстедт рассматривают форму на *-на-* в качестве показателя подражательных глаголов [173], хотя в числе глаголов, которые достоверно принадлежат к этой форме, имеются и глаголы неподражательные.

Едва ли, например, можно отнести к подражательным общетюркские глаголы *қайна-* 'кипеть', *чайна-* (*чағна-, чейне-*, Буд., I, 467) 'жевать', как квалифицирует их В. Банг [174] и за

---

[172] W. Bang, *Vom Köktürkischen zum Osmanischen.* 2 Mitteilung; G. J. Ramstedt, *Über die onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen,* S. 110; A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...,* s. 144; А. Ғуломов, *Фе'л,* б. 42. — Автор, как видно, не слишком уверен в реальном существовании аффикса *-на-*, так как эту форму он частично отождествляет с аффиксом *-ла-*, рассматривая ее в качестве фонетического варианта последнего, и в то же время этимологизирует глаголы на *-на-* в виде *-н+-а-*. См. также: J. Deny, *Principes de grammaire turque,* p. 122, 123; A. C. Emre, *Türk dilbilgisi,* s. 133, 134. — Глаголы *çiğne-, kišne-, kayna-, ağna-, çoğna-, esne-, * derne-, * kasna-, * duyna-*, восстанавливаемые из имен *dernek, kasnak, duynak;* B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme,* s. 306. Глаголы *kayna-, bozna-* 'мычать' (о теленке), *esne-, derne-, çiğne-, kişne-*.

[173] W. Bang, *Vom Köktürkischen zum Osmanischen.* 2 Mitteilung; G. J. Ramstedt, *Über die onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen.*

[174] W. Bang, *Vom Köktürkischen zum Osmanischen,* 2 Mitteilung, S. 34, 35.

ним другие исследователи [175]. К тому же глагол *чайна-* нельзя считать бесспорно образованием с аффиксом *-на-*, подобно тому как мы не имеем достаточных оснований для того, чтобы с уверенностью этимологизировать в том же плане глагол *кишне-* 'ржать', что наблюдается в цитированных работах. Все эти глаголы имеются также и в азербайджанском языке, но, кроме них, к числу сомнительных форм можно было бы присоединить и глаголы *көјнәмәк* 'зудеть', 'ныть', 'болеть', 'неустанно жалобно плакать', *чырнамаг* 'злиться', 'возмущаться'. Более достоверным кажется глагол *әснәмәк* 'зевать', который Л. Будагов производил от существительного *ис//ий//ид* и т. д. со значением «запах», «дух», «угар», «вонь» (I, 193).

Совершенно достоверны формы на *-на-*, образованные от глагольных основ. Ввиду их малочисленности трудно установить все те значения, которые вносятся показателем *-на-* в семантику глагола. Одним из его несомненных значений является значение учащательности, сохранившееся в отдельных глаголах. Приведем примеры:

гыснамаг 'прижимать'— от глагола *гысмаг* 'жать', 'зажимать', 'прижимать', 'сжимать', 'поджимать', 'пожимать', 'теснить', 'таить', 'давать втихомолку', 'подсовывать'; ср. глагол *гыснамаг* с другими производными от *гыс-* — *гысгынмаг* 'стесняться' (с архаичным аффиксом средневозвратного значения *-гын-*), *гысгырмаг* 'науськивать', 'натравливать', 'напускать' (с архаичным аффиксом понудительной формы *-гыр-*);

кәрнәшмәк 'потягиваться'— от глагола *кәрмәк* 'вытягивать', 'натягивать'; учащательное значение *кәрнәшмәк* проявляется еще достаточно отчетливо;

чахнашмаг 'тревожиться', 'волноваться', 'возмущаться', 'беспокоиться', 'переполошиться'— от глагола *чахмаг*, среди разнородных значений которого имеется также «вколачивать», «вбивать»;

туркм.: *āгнамак* 'валяться', 'переворачиваться с одного бока на другой' (о животных)—от глагола *āгмак* 'переваливаться', 'сваливаться', 'поворачиваться', 'переворачиваться'; глаголы *ағна-* и *ағ-* известны в ряде тюркских языков, начиная с древних; наиболее старым и распространенным значением глагола *ағ-* является «подниматься вверх», «подыматься», «вздыматься» (Малов, Пам., 355); учащательное значение глагола *āгнамак* еще не исчезло;

узб.: *йиғнамоқ* 'собирать', 'набирать', 'складывать', 'скоплять', 'накапливать'—от глагола *йиғмоқ* с теми же значениями; в словаре при глаголе *йиғнамоқ* дана помета «обл.»; в других тюркских языках значения обеих форм также сов-

[175] A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 144.

падают; ср. тат. *җый-* и *җыйна-* — оба в значении «собирать», «набирать», «убирать», «копить»; в том же значении казах., кирг. *жый-* и *жыйна-*, которые означают еще «собирать в кучу»;

Малов, Пам.: *tüšnä-* 'стлаться (о тумане)' (436)—от глагола *tüš-* 'падать';

üznä- 'противоречить', 'грешить' (441)—от глагола *üz-* 'рвать', 'прерывать' (там же)?

АФФИКСЫ *-ыт-//-ит-//-ут-//-үт-, -дыр-//-дир-//-дур-//-дүр-*

Аффикс *-ыт-*[176], сохранившийся лишь в небольшом числе глаголов в различных тюркских языках, еще полностью не выявлен.

В предшествовавшем изложении уже отмечалось, что ряд непродуктивных и малопроизводительных аффиксов исторически служил как для отыменного, так и для отглагольного словообразования, отражая более примитивное состояние глаголообразования, еще не выработавшего строгого разделения форм на приименные и приглагольные. К таким аффиксам можно присоединить также показатель *-ыт-*, который представляет собой форму понудительного залога в его более древнем, чисто словообразовательном применении. Аналогичные случаи отмечались нами выше: ср. залоговые формы *-гар-//-гыр-* и, возможно, *-ар-//-ыр-*, *-ал-*. В отличие от них аффикс *-ыт-* в словообразовательном значении не имел, как видно, широкого распространения и сохранился лишь в немногих случаях, из числа которых отмечаются следующие:

азерб.: *бөүкүт-* (диалект.) 'выращивать': *үшаглары бөүкүтдүм* 'я вырастил ребят'; *мәни анам бөүкүдиб* 'меня вырастила мать'; *гызы «атасы» бөүкүтди* 'девушку вырастил отец'; *өји бөүкүдмәк истдирәм* 'я хочу сделать дом больше'[177]; отметим, что авторы монографии о муганской группе говоров аффикс *-үт-* считают залоговой формой, имеющей здесь словообразовательное значение;

туркм.: *өйт-* 'думать', 'полагать', 'предполагать'—от **өй* 'мысль';

тур.: *tozutmak//tozamak* 'поднимать пыль', 'пылить'—от *toz* 'пыль'; ср. *tozarmak* 'превращаться в пыль';

чув.: *кĕçĕт-* 'чесаться', 'зудеть', 'ощущать зуд'—от существительного *кĕçĕ* 'чесотка', 'зуд'; предлагаемую этимологию

[176] Об аффиксе *-ыт-* см.: А. Ғуломов, *Фе'л*, б. 72; A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik;* § 153, 165.

[177] «Азәрбајчан дилинин Муған групу шивәләри», Бакы, 1955, с. 104.

нельзя считать безупречной, так как в чувашском языке, возможно, существовал и в дальнейшем вышел из употребления глагол **кĕçĕ-*[178] 'чесаться', от которого могла образоваться понудительная форма *кĕсĕт-* с последующей потерей значения понудительности, что наблюдается в ряде глаголов (*айт-*, *қайт-*, *керт-* и др.), известных в большинстве тюркских языков;

М. Кāşgarī: *septür-; ol aning kızın septürdi* 'он приказал девушку вместе с приданым отправить в дом жениха' (М. Kāşgarī, II, 182)—от *sep* 'приданое, принадлежащее девушке' (Dizin, 506);

Ибн-Мух.: سوترمق 'поить' (стр. 240); как показывает пример, словообразовательная функция понудительного залога не была чужда и более поздним, явно вторичным, формам названного залога;

армяно-коман.: *soḫrat-* 'ослеплять' (Deny, 70). Или, быть может, *soḫrat-*<*soḫur et-* (?).

По приведенным шести примерам нельзя, конечно, судить об историческом положении залогового аффикса *-т-* или *-тыр-* в системе древних средств тюркского глаголообразования. Однако можно заметить переходное значение показателей *-т-* и *-тыр-* в их словообразовательной функции, без чего невозможно объяснить переходную семантику в залоговой функции. Таким образом, описанные в данной главе залоговые формы в древнем словообразовательном значении уже обнаружили дифференциацию по признаку переходности-непереходности, что имеет существенное значение для понимания всего процесса развития как собственно глаголообразования, так и сложения залоговой системы.

* *
*

Мы не располагаем бесспорными фактами относительно древней словопроизводной функции другого залогообразующего показателя — аффикса *-ыш-...*, хотя теоретически вряд ли найдутся основания для исключения этой формы из общего процесса трансформации некоторых глаголообразующих форм в формы залогообразующие. В связи с этим следовало бы, возможно, специально заняться анализом таких распространенных глаголов, как *күләшмәк* (в большинстве тюркских языков *күреш-//гүреш-*) 'бороться', *јарышмаг* 'соревноваться', 'состязаться', 'соперничать', *үјүшмәк* 'неметь', 'затекать', 'терять

[178] Н. И. Ашмарин, *Словарь чувашского языка*, Казань, 1928; Чебоксары, 1938. — Глагола * *кĕсĕ-* автор не приводит.

чувствительность' (о частях тела), 'скисать', 'прокисать', 'сворачиваться' (о молоке), морфологический состав которых пока неясен. Для азербайджанского языка, помимо этих глаголов, столь же неясны по своему образованию и формы *кежишмәк* 'чесаться', 'зудеть', *кәмишмәк* 'пускать на дичь сокола, ястреба' и другие, оканчивающиеся элементом *ш*. Природу элемента *ш* (залоговую или словообразовательную) трудно определить, пока не выяснены корни всех этих глаголов.

* *
*

Как выяснилось из анализа материала двух глав, почти все аффиксальные формы глаголообразования в азербайджанском языке, за редкими исключениями, в сущности повторяют друг друга в семантическом отношении, в результате чего наблюдается ряд лексических совпадений глагольных форм разного происхождения. Вся система древних, ныне уже непродуктивных форм глагольного словопроизводства в азербайджанском языке представляет собой своеобразную лабораторию, в которой на протяжении веков вырабатывались наиболее гибкие и семантически емкие формы синтетического глаголообразования, подчиненные тенденции развития господствующих значений: с одной стороны, активного, производительного действия, с другой — становления, перехода из одного состояния в другое, со строгим подразделением значений на переходные и непереходные. Среди всех глаголообразующих показателей тюркских языков наиболее гибким и семантически емким оказался аффикс *-ла-* и его производные, явившиеся «наследниками» накопленных в истории тюркских языков глагольных значений, важных для общения и познания. Вот почему аффикс *-ла-* сосуществует параллельно не только со своими производными формами, как это было показано в первой главе, но во многих случаях вместе со своими производными формами повторяет значения ряда глаголов, образованных при помощи древнейших аффиксов.

Приведем примеры совпадения глаголов в форме *-ла-* с глаголами древнего или архаического типа:

-ла-||-лан-||-лаш-||-ы-||-а-

гучамаг||гучумаг||гучагламаг 'обнимать'—от *гучаг* 'объятие';

ијлənмək||ијимək 'пахнуть', 'вонять', 'тухнуть', 'портиться'—от *ij* 'запах', 'вонь';

туршлашмаг||туршумаг 'делаться кислым', 'скисать', 'окисляться'—от перс. *турш* 'кислый';

узб.: *чангланмоқ||чангимоқ* 'пылиться', 'запылиться'—от перс. *чанг* 'пыль';

кирг.: *теңде-||теңе-* 'уравновесить'—от *тең* 'подобный', 'равный';

алт.: *сақта-||сақы-* 'ожидать', 'хранить'—от *сақ* 'чуткость', 'осторожность', 'трезвость', 'внимательный', 'внимание', 'ожидание' (Грамм. алт. яз., стр. 247);

-ла-||-лан-||-ар-||-ыр-

суламаг||сувармаг, в их значениях имеются различия: *суламаг* означает «плескать», «делать влажным», «обрызгивать», «поливать (улицу, двор и т. п.)», но не «орошать»; *сувармаг* означает «поить», «поливать»;

үфләмәк||үфүрмәк 'дуть', 'задувать', 'гасить', 'тушить', 'надувать'—от подражательного корня *үф*;

туркм.: *бӯгланмак||бӯгармак*, между их значениями также есть некоторое различие в оттенках: глагол *бӯгланмак* означает «париться», «покрываться паром», глагол *бӯгармак* означает «испаряться»; основа обоих глаголов—*бӯг* 'пар';

Ettuhfet.: *telilen-||telür-* 'сходить с ума', 'стать безумным' (Dizin, 253)—от *teli||telü* 'безумный' (Dizin, 254);

-ла-||-лан-||-лаш-||-л-

көкләшмәк||көкләнмәк 'полнеть', 'толстеть'—от *көк* 'полный', 'толстый';

кеңшләнмәк||кеңәлмәк 'шириться', 'расширяться', 'становиться широким, просторным, свободным' (о предметах) — от *кең* 'широкий';

киләлләнмәк||киләлмәк 'кружиться (о голове)', 'шататься', 'чувствовать головокружение'—от *киләл* 'глупый', 'дурак', 'идиот';

сейрәкләшмәк||сейрәлмәк 'становиться редким', 'редеть'; глагол *сейрәлмәк* нельзя безоговорочно считать образованием с аффиксом *-л-*. Как уже указывалось, возможно, что в данном случае было бы правильнее рассматривать форму *сейрәл-* как вторичную от глагола **сейрә-*, исторически существовавшего в азербайджанском языке; ср. еще чув. *сайралан-||сайрал-* в том же значении;

созаланмаг||созалмаг 'чувствовать слабость', 'недомогать' (перед болезнью)—от перс. *соз* 'жжение', 'жар' (سوز, Гафф. 479);

чохлашмаг||чохалмаг 'увеличиваться', 'возрастать', 'размножаться'—от прилагательного *чох* 'многий';

тур.: *gencelmek||gençlemek||gençleşmek* 'становиться молодым', '(по)молодеть'—от *genç* 'молодой';

incelmek||incelenmek||inceleşmek ‘становиться тонким’, ‘утончаться’, ‘стараться быть изысканным, тонким’—от *ince* ‘тонкий’, ‘изысканный’;

sivirmek||sivrilmek||sivrilenmek||sivrileşmek ‘делаться остроконечным, острым, заостряться’, ‘вырастать’, ‘вытягиваться’—от *sivri* ‘острый’, ‘остроконечный’;

туркм.: *беркленмек||берклешмек||беркемек||бекемек||беркелмек||бекелмек* ‘укрепляться’, ‘твердеть’, ‘упрочиваться’—от *берк||бек* ‘крепкий’, ‘прочный’, ‘твердый’;

-лан-||-ай-

тат.: *аңгыралан-||аңгырай-* ‘глупеть’, ‘тупеть’, ‘дуреть’—от *аңгыра* ‘глупый’, ‘непонятливый’;

батырлан-||батырай- ‘осмеливаться’, ‘отваживаться’, ‘решаться’, ‘храбриться’—от *батыр* ‘богатырь’, ‘витязь’, ‘смельчак’, ‘силач’, ‘атлет’;

сукырлан-||сукырай- ‘слепнуть’—от *сукыр* ‘слепой’;

такырлан-||такырай- ‘делаться гладким, ровным, голым’, ‘выравниваться’; *метаф.* ‘беднеть’, ‘становиться безденежным’—от *такыр* ‘гладкий’, ‘ровный’, ‘голый (без волос шерсти, травы)’;

-ла-||-лан-||-са-||-сы-||-сын-||-сыра-

кифләнмәк||кифсимәк ‘покрываться плесенью’, ‘плесневеть’—от *киф* ‘плесень’;

сусузламаг||сусамаг ‘жаждать’, ‘испытывать жажду’, ‘хотеть пить’—от *су* ‘вода’; глагол *сусамаг* имеет еще и метафорическое значение «поддаваться соблазну», «соблазняться чем-либо»;

узб.: *ажабланмоқ||ажабсинмоқ* ‘удивляться’, ‘изумляться’, ‘поражаться’—от *ажаб* ‘удивительный’, ‘изумительный’;

сизламоқ||сизсирамоқ ‘обращаться на «вы»’—от *сиз* ‘вы’;

казах.: *сараңдан-||сараңсы-* ‘становиться скупым’—от *сараң* ‘скупой’;

кирг.: *санда-||сансы-* ‘быть во множестве’, ‘быть в несметном количестве’—от *сан* ‘число’;

тат.: *вакланн-||вакснн-* ‘быть мелочным’, ‘придавать значение мелочам’—от *вак* ‘мелкий’;

-ла-||-лан-||-лаш-||-ыг-

кеҗләшмәк||кеҗимәк||кеҗикмәк ‘становиться нечувствительным’, ‘застывать’, ‘неметь’—от *кеҗ* ‘нечувствительный’, ‘застывший’, ‘омертвевший’, ‘вялый’, ‘неспособный воспринимать’, ‘тупой’;

тат.: *дымлан-||дымык-* 'влажнеть', 'сыреть'—от *дым* 'влага', 'сырость';

-ла-||-ға-||-ғай-

Радл., Сл.: *улла-* (уйг.) 'увеличиваться', 'стареть' (I, 1698) *||улға-* (уйг., джаг.) *||улғаі-* (кирг., таранч., коман., крым.-тат., джаг. и др.—там же) в том же значении.

Другие параллельные формы

туркм.: *-а-||-ал-: гӣңемек||гӣңелмек* 'становиться широким, обширным, просторным', 'расширяться', 'шириться', 'увеличиваться в объеме'—от *гӣң* 'широкий', 'просторный', 'обширный';

Радл., Сл.: *-а-||-ы-: урна-||урнык-* 'занимать место', 'находиться на месте' (I, 1667, 1668);

М. Kāşgarī: *-ā-||-ы-||-га-: tança-||tançı-||tançga-||tınça-||tınçı-* 'портиться', 'гнить' (III, 276, 303, 570, 616);

тур.: *-а-||-ыт-: tozamak||tozutmak* 'поднимать пыль', 'пылить';

узб.: *-га-||-ыг-: очқомоқ||очиқмоқ* 'проголодаться'—от *оч* 'голодный'.

* *
*

На основании приведенных и аналогичных случаев параллелизма живых и мертвых аффиксов глаголообразования нельзя делать заключений относительно параллелизма в значениях и употреблении этих аффиксов.

Самый факт формального разнообразия глаголообразующих аффиксов свидетельствует, конечно, о генетических различиях и в их семантике, которые постепенно стирались по мере развития и универсализации жизнеспособных форм глаголообразования и деградации конкурирующих форм.

Так, устанавливая совпадение значений ряда глаголов на *-ла-*, *-а-* и *-ык-*, нельзя в то же время забывать и о их семантическом расхождении, как, например, казах. *жолда-* 'направлять', 'препровождать', *жола-* 'подходить', 'приближаться', *жолық-* 'встречаться', 'повидаться' и другие глаголы.

* *
*

В отличие от современных продуктивных форм глаголообразования непродуктивные формы служили для образования по существу разнородных глагольных категорий: новых глаголов,

количественных или модальных модификаций уже существующих глаголов и древнезалоговых форм глагола. Иными словами, в старых формах азербайджанского глаголообразования сосуществовали категории, частично относящиеся к словообразованию, частично к словоизменению и частично — к промежуточной сфере. Данная особенность лучше, чем другая, характеризует архаичность изжитого азербайджанского глаголообразования, его синкретизм и объясняет, почему древние глаголообразующие аффиксы вышли из употребления в условиях возраставшего разграничения словообразования и формообразования, лексики и грамматики.

В старых формах глаголообразования, за исключением отдельных аффиксов, до конца не была преодолена двойственность формы, способной создавать как переходные, так и непереходные значения. Это осталось в качестве наследия от более старых эпох, когда не различались категории переходности и непереходности, что в новых условиях вступило в противоречие с нараставшей тенденцией к строгому разделению глаголов по признаку переходности-непереходности.

В непродуктивных формах, за единичными исключениями, не выработалось внутренних правил, последовательно регулирующих применение форм для образования переходных и непереходных значений глаголов в зависимости от значения именной основы.

В большой степени остался неизжитым древнейший грамматический синкретизм, допускавший применение глаголообразующей формы как к имени, так и к глаголу, что находилось в противоречии с более общей тенденцией к всестороннему отграничению глагола от имени.

Наконец, фактором, благоприятствовавшим постепенному вытеснению непродуктивных форм глаголообразования в азербайджанском языке, явилось и то обстоятельство, что в отличие от продуктивных форм они не образовали в азербайджанском языке системы взаимосвязанных элементов ни по форме, ни по значению, чем была подготовлена почва для более быстрого вытеснения их системой других форм глаголообразования на базе аффикса *-ла-*.

Однако новый механизм глаголообразования не появился готовым. Он сложился в недрах старого, и современные формы азербайджанского глаголообразования унаследовали в основном все элементы старого глаголообразования: остался тот же состав значений именных основ, те же типы в структуре глагольного значения, те же значения глаголообразующих аффиксов или зачатки этих значений. Но усовершенствовалось применение самих элементов, в результате чего появились новые формы, более гибкие в сравнении со старыми и дифференциро-

ванные в своем употреблении; произошла грамматическая унификация именных основ и их дифференциация по формам глаголообразования. Дифференцировались также по формам глаголообразования и типы семантической структуры: в одних формах господствующими стали одни, в других формах — другие типы. Наконец, дифференцировались по формам и значения глаголообразующих аффиксов, прежде всего переходные и непереходные, что создало благоприятные условия для развития таких значений, которые в старых формах, в том числе и в составе древних значений аффикса *-ла-*, находились в зачаточном состоянии.

Современные аффиксы глаголообразования стали формами лишь отыменного глаголообразования, окончательно обособившись от грамматических или полуграмматических форм глагола.

Важнейшую роль в этом процессе сыграла залоговая система азербайджанского глагола, к рассмотрению которой мы обратимся в последней главе.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ II

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ФОРМЫ

Во второй главе были затронуты некоторые значения глаголообразующих аффиксов, которые, строго говоря, следовало бы рассмотреть в настоящем приложении. Речь идет о значениях частоты и интенсивности действия (аффиксы *-ла-, -а-, -га-//-гы-, -на-*) или медиальности либо пассивности (аффиксы *-ыг-, -ша-// -ча-*), т. е. отношения, которые в современных языках выражаются залоговыми формами.

Так как во всех названных формах (за исключением аффикса *-ла-* в его современном употреблении) совмещение словообразовательных и грамматических значений составляет важнейшую черту их архаичности, то оказалось нецелесообразным разъединять эти значения и рассматривать их в разных отделах, тем более что о приглагольных значениях таких аффиксов, как *-ан-, -на-*, по существу и *-ра-*, вообще нельзя иметь определенных суждений, поскольку эти аффиксы малопроизводительные.

К приглагольным аффиксам со значением частоты и интенсивности действия относятся также рассматриваемые ниже аффиксы, которые в отличие от приведенных редко могли образовать глаголы непосредственно от именных основ, хотя в более древние эпохи это отличие едва ли могло иметь место.

С точки зрения современного состояния тюркских языков рассматриваемые формы следовало бы отнести к грамматическим, поскольку они означают количественные градации действия. Всякого рода количественные характеристики глагола или имени входят в современных языках в состав значений грамматических форм, за исключением именных редупликаций, относимых обычно к формам именного словообразования.

Нельзя, однако, применять этот критерий к количественным формам глагола, так как вследствие своей недоразвитости они остались в азербайджанском языке на положении категории, граничащей со словообразованием и словоизменением, и потому могут быть рассмотрены как в том, так и в другом разделе исторической грамматики азербайджанского языка.

Большинство количественных форм глагола является сращенными, образовавшимися путем слияния разных глаголообразующих аффиксов с учащательным значением. Наибольшее распространение в тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, получили сращенные формы *-ала-, -гала-//-гыла-, -мала-, -штыр-*, а также *-ш-*.

Следует сказать, что значение интенсивности в азербайджанском языке может выражаться и чисто лексически в форме редупликации. Ср., например, *диван олуб сорғу суал сораралар* 'собравшись, они расспросят и допросят' (Вәдади, 75); *сәни јолум-јолум јолар, ағларсан* 'всего тебя исщиплет, заплачешь' (Вәдади, 79). Однако и парное существительное *сорғу суал*, и редупликация *јолум-јолум* специальных форм количественной характеристики глагола не составляют.

АФФИКС *-ала-//-әлә-*

Состав аффикса *-ала-* не требует особых разъяснений ввиду его ясности: он представляет собой соединение глаголообразующих аффиксов *-а-* и *-ла-* в их учащательном значении [179]. Благодаря такому сращению и, если можно так сказать, удвоению учащательного значения заранее устраняется грамматическая и семантическая двойственность древних форм азербайджанского глаголообразования, служивших источником для образования как первичных, так и вторичных форм глагола [180].

Рассматриваемый аффикс известен во многих тюркских языках, но больше он распространился в языках огузской группы,

---

[179] Бесим Аталай предлагает другую этимологию. По его мнению, *-ала-* есть аффикс *-ла-*, перед которым вставляется (?) гласный *а* (B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları*, s. 120). Такое объяснение ничего не дает.

[180] О соединении синонимических аффиксов «для усиления их значения» см.: T. Kowalski, *De la nature de causatif et du passif dans les langues turques*, p. 435.

хотя в целом его производительность оказалась и здесь не очень значительной.

В отличие от учащательно-интенсивного значения аффикс *-ала-* имеет скорее значение частоты процесса. По некоторым наблюдениям, аффикс *-ала-* означает: «нехватка», «малое количество», «незначительность» [181], однако глаголы с таким значением в предлагаемом материале отсутствуют.

Аффикс *-ала-* является непродуктивным.

Обратимся к примерам:

говаламаг 'гнать', 'выгонять', 'изгонять', 'прогонять', 'гнаться за кем-либо', 'скакать', 'пускаться вскачь' — от глагола *говмаг* с тем же значением; ср. узб. *қўваламоқ*, тат. *куала-*, кирг. *кубала-* в том же значении;

итәләмәк 'толкать', 'выпирать' — от глагола **итмәк* 'толкать', не сохранившегося в азербайджанском языке, но употребительного в ряде других тюркских языков (тур. *itmek*, так же в татарском, тувинском и др.; *итар-||итер-* — в узбекском, казахском, киргизском);

оваламаг 'мять', 'потирать', 'массировать', 'крошить' — от глагола *овмаг* 'мять', 'разминать', 'крошить', 'растирать', 'массировать';

сәпәләмәк 'разбрасывать', 'рассыпать', 'разбрызгивать', 'расплескивать' — от глагола *сәпмәк* 'сеять', 'засевать' (зерна), 'брызгать', 'показываться, появляться' (о сыпи, прыщах); в туркменском те же значения «сыпать» и «сеять»; тат. *сибеле-* 'моросить', 'накрапывать', кирг. *себееле-*, казах. *себеле-*;

силкәләмәк 'трясти', 'потрясать', 'качать', 'шатать' — от глагола *силкмәк* 'трясти', 'встряхивать', 'стряхивать', 'выколачивать', 'выбивать' (ковры и пр.); тур. *silkelemek* 'трясти', 'качать', казах. *сілкіле-* 'трясти';

сүртәләмәк 'тереть кругом', 'обтирать' — от глагола *сүртмәк* 'проводить одним предметом по другому', 'тереть', 'натирать', 'растирать', 'смазывать', 'покрывать слоем';

чабаламаг 'метаться', 'барахтаться', 'биться в судорогах', 'усердно работать', 'стараться' — от глагола *чапмаг* 'рубить', 'рассекать', 'скакать', 'мчаться', 'грабить', 'разграбить';

туркм.: *сачаламак||сечелемек* 'сыпать', 'рассыпать', 'рассеивать', 'бросать', 'разбрасывать', 'брызгать', 'разбрызги-

---

[181] B. Atalay, *Türkçede kelime yapma yolları.* — Уместно отметить, что Ж. Дени аффикс *-ала-* рассматривает в качестве «учащательного» (J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 595, прим.; § 864, прим. 1).

Аффикс *-ала-* имеется также в составе показателя *-ғала-*, рассматриваемого Л. Н. Харитоновым в качестве «формы равномерной кратности» (Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке*, § 459). Об аффиксе *-ала-* см. также А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, § 415.

вать' — от глагола *сачмак||сечмек* 'разбрасывать', 'рассыпать', 'развеивать', 'рассеивать', 'раскидывать';

чекелемек 'терзать', 'тянуть в разные стороны' — от глагола *чекмек* 'тянуть', 'тащить';

тур.: *çiselemek* 'моросить' — от глагола *çisemek||çisimek* с тем же значением;

deşelemek 'продырявливать в разных местах' — от глагола *deşmek* 'продырявливать', 'просверливать', 'протыкать', 'вскрывать нарыв';

кирг.: *бакала-* 'наблюдать', 'высматривать' — от глагола *бак-* 'смотреть', 'присматривать', 'заботиться', 'воспитывать', 'ухаживать';

тебеле- 'топтать', 'топтать колос, вымолачивая зерна' — от глагола *теп-* 'лягать', 'бить ногой', 'отталкиваться ногой'.

Как показывают примеры, учащательное значение форм на *-ала-* в значительной мере уже ослабело и даже не ощущается (ср. глаголы *говаламаг*, *итәләмәк*, *оваламаг*, *сачаламак*, *çiselemek*).

Количественная характеристика, сообщаемая действию аффиксом *-ала-*, в некоторых случаях привела к частичному изменению основного значения глагола, например, *сүртәләмәк* 'тереть кругом' (<*'тереть много раз'). Еще дальше зашла семантическая эволюция в глаголе *чабаламаг* и в киргизском глаголе *тебеле-* 'топтать колос, вымолачивая зерно' — из первоначального значения *«бить ногой». Нельзя, конечно, считать, что первое значение возникло непосредственно из второго. Оно возникло на почве применения учащательного значения глагола *тебеле-* к обозначению социально важного процесса в хозяйстве. Однако сама возможность применения количественной характеристики значения слова для обозначения нового явления говорит о том, что видоизменение количественной стороны в обозначении действия таит в себе источник семантического изменения слова. Аналогичные явления встречались в предыдущих разделах при описании учащательно-интенсивного значения глаголообразующих аффиксов.

Ясно выраженного интенсифицирующего значения аффикса *-ала-* в приведенных примерах нет, если не считать туркменский глагол *чекелемек*. Однако и в нем количественная характеристика, внесенная аффиксом *-ала-* в значение глагола, способствовала столь существенной эволюции первоначальной семантики глагола *чекмек* 'тянуть', что в новом значении «терзать» остается скрытой чисто количественная сторона нового значения. Более ясна количественная подоснова во втором значении глагола *чекелемек* — «тянуть в разные стороны», но и здесь трудно выделить интенсифицирующее значение аффикса *-ала-*.

АФФИКС *-гала-//-гала-//-хала-//-кәлә-//-кәлә-*

В состав аффикса *-гала-* также входит глаголообразующий аффикс *-ла-* и другой глаголообразующий аффикс *-га-*, родственный показателю *-а-*. Оба элемента сложного аффикса *-гала-* имеют учащательное значение, чем обусловливается аналогичная семантика и производного аффикса. Параллельной к *-гала-* является форма *-қыла-*, известная в неогузских языках.

Аффиксы *-гала-//-гыла-* составляют одну из самых распространенных форм учащательности. Они известны во всех тюркских языках. Исследователи называют эту форму учащательной или многократной [182].

Показатель *-гала-//-гыла-*, помимо «повторения или кратности действия»[183] или «равномерной кратности»[184], передает еще интенсивность и силу процесса. Однако господствующим значением в большинстве случаев остается учащательное, иногда сопровождаемое значением интенсивности. Обратимся к примерам:

өjкәләмәк 'тереть', 'мять', 'комкать' — от глагола **өj-*, не сохранившегося в азербайджанском языке, но имеющегося в других родственных языках; ср. кирг. *өге-* («распространенная» форма глагола *өj-*<*өг-*) 'тереть (металл) напильником, подпилком', 'точить напильником', с которым связана делабиализованная омонимичная форма в турецком языке *eğe* 'напильник', 'подпилок'; ср. также казах. *үк-* 'растирать', 'размалывать', 'мельчить', 'крошить (хлеб)'; фонетической разновидностью корня **өj-* является азерб. *ов-*, тур. *oğ* 'мять', 'разминать', 'крошить', 'растирать', 'массировать', 'рыть', 'копать', 'выдалбливать', 'делать выемку'; глагол *өjкәләмәк* ср. с казах. *уқала-*, кирг. *укала-* 'растирать', 'мять', 'массировать';

сүпүркәләмәк 'мести', 'подметать' — от глагола *сүпүрмәк* в том же значении;

чалхаламаг 'взбалтывать', 'взбивать', 'плескать', 'качать', 'полоскать' — от глагола *чалмаг*, среди многочисленных значений которого имеются: «бить», «забивать», «вбивать», «хлопать», «колотить», «стучать»; *чалхаламаг*, ср. с *чалхамаг*, рассмотренным в разделе об аффиксе *-га-*;

---

[182] М. А. Казем-Бек, *Общая грамматика турецко-татарского языка*, § 238; Н. И. Ильминский, *Об учащательной форме татарского глагола*, — «Ученые записки Казанского университета», Казань, 1863; Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 185; Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке*, § 459—461 (в составе «формы равномерной кратности» *нхалаа-*); Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, § 98; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 318.

[183] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 185.

[184] Л. Н. Харитонов, *Типы глагольной основы в якутском языке*, § 459.

jajхаламаг 'полоскатъ' — от глагола *jajмаг*, среди значений которого, однако, не сохранилось близких к значению «полоскать», как и в других тюркских языках; в хакасском языке фонетически соответствующий глагол *чай-* имеет значения «полоскать», «ополаскивать», «разливать», «рассыпать», «раскидывать», «распространять (слух)»;

Радл., Сл.: *атҡала-* 'часто стрелять', 'проводить время на охоте' (I, 466) — от глагола *ат-* 'стрелять';

казах.: *созғыла-* 'растягивать (многократно)' — от глагола *соз-* 'протягивать', 'растягивать'; ср. кирг. *созгула-* — многократ. от *соз-* 'протягивать', 'вытягивать';

түрткіле- 'подталкивать', 'побуждать'; *метаф.* 'выживать' — от глагола *түрт-* 'ткнуть', 'толкнуть'; ср. тат. *төрткәлә-*, узб. *туртқиламоқ*, кирг. *түрткүлө-* в тех же значениях;

**өскеле-* — глагол, реконструируемый из прилагательного *өскелең* 'плодовитый' (о скоте), 'быстро растущий' — от глагола *өс-* 'расти', 'развиваться';

кирг.: *муштагыла-* 'многократно бить', 'ударять кулаком' — от глагола *мушта-* 'бить', 'ударять', 'бить кулаком'; основа *мушт||муш* 'кулак' (из перс.);

тат.: *алгала-* 'много раз брать' — от глагола *ал-* 'брать'; *сөрткәлә-* 'намазывать' — от *сөрт-* 'мазать' и другие значения;

чув.: *пӗркеле-* 'морщить', 'делать складки', 'сгибать', 'стягивать' — от глагола *пӗр-* в том же значении;

çуркала- — учащательная форма от глагола *çур-* (= общетюрк. *яр-*) 'колоть', 'пилить', 'распиливать', 'раскалывать', 'рвать', 'разрывать', 'рассекать'; *метаф.* 'прорывать' (фронт), 'размывать', 'обдирать';

якут.: *илгиэлээ-* 'трясти', ср. общетюрк. *силк-* 'трясти';

М. Kāşgarī: *sürkile-||sürküle* 'гонять', 'загонять' (Dizin, 551) — от глагола *sür-* 'гнать', 'изгонять'; ср. *it keyikni sürkiledi* 'собака затравила лань' (M. Kāşgarī, III, 353).

Довольно большое распространение аффикс *-гыла-* получил в тувинском языке.

Как можно судить по приведенным примерам, в азербайджанском языке рассматриваемая форма учащательности также является пережиточной, потерявшей свое значение, в результате чего значения производных глаголов вернулись к исходным (*өjкәләмәк*, *сүпүркәләмәк*, *jajхаламаг*), либо подверглись качественным изменениям (*чалхаламаг*).

Напротив, в других тюркских языках, преимущественно неогузских, учащательное значение вполне ощутимо, а в таких языках, как татарский, киргизский, чувашский, тувинский и некоторых других, форма *-қыла-||-ғыла-* не потеряла, по-видимому, своей продуктивности.

Форма *-қала-*, помимо учащательного, имеет также и противоположные значения — эпизодичности, нерегулярности и даже редко происходящего действия. Такое значение аффикса *-қала-* довольно часто встречается, например, в татарском и чувашском, как это показывают следующие примеры:

тат.: *катыш-* 'смешиваться', 'перемешиваться', 'вмешиваться'; 'иметь сношения, знакомство'; 'участвовать в чем-либо' и *катышкала-* 'принимать участие изредка':

коен- 'купаться', 'обливаться' и *коенгала-* 'купаться изредка';

куй- 'ставить', 'класть', 'бросать', 'оставлять' (работу, дело) и *куйгала-* 'класть', 'ставить изредка';

орыш- 'ругать', 'давать нагоняй', 'журить', 'упрекать', 'порицать' и *орышкала-* 'укорять', 'упрекать изредка':

от- 'выигрывать' и *откала-* 'выигрывать изредка';

оч- 'летать' и *очкала-* 'летать изредка';

чакыр- 'звать', 'приглашать' и *чакыргала-* 'звать', 'приглашать изредка';

ат- 'кидать', 'метать', 'бросать', 'стрелять', 'палить' и *аткала-* 'покидывать', 'побрасывать', 'постреливать';

бор- 'вертеть', 'повертывать', 'поворачивать', 'заводить (механизм)' и *боргала-* 'повертывать';

Радл., Сл.: *äitkälа* (со ссылкой на тат.) 'только немного, иногда говорить' (I, 669) — от *äit-* 'говорить';

чув.: *çаврăнкала-//çавăрăнкала-* 'повертываться', 'поворачиваться' (время от времени) — от глагола *çаврăн-* с тем же значением;

çапкалан- 'ударяться время от времени' — от глагола *çап-* с тем же значением;

турткала- 'подергивать', 'покуривать' — от глагола *турт-* с тем же значением;

ӳккеле- 'падать время от времени', 'покрапывать' (о дожде) — от *ӳк-* 'падать', 'спадать', 'сваливаться';

юхкала- 'течь постепенно, время от времени, изредка' — от глагола *юх-* 'течь', 'протекать'.

Значение эпизодичности или разреженности действия порой сопровождается значением ослабленности его динамики или интенсивности, что нетрудно заметить в глаголах *авыргала-*, *турткала-*, *ӳккеле-*.

Примеры показывают также, что учащательные формы, как правило, присоединяются к односложным основам, чаще всего свободным от залоговых показателей. Формы типа тат. *куркыткала-* 'запугивать' с залоговым показателем *-т-* встречаются редко.

Другой формой учащательности действия является аффикс *-(ɑ)гла-//-(ɑ)клə-*, встречающийся в азербайджанском, турец-

ком и других языках. Он состоит из аффикса глагольного имени *-(ɑ)г//-(ɑ)к* и глаголообразующего показателя *-ла-*. Форма *-(ɑ)гла-*, которая учтена Ж. Дени в его грамматике (§ 864. с указанием на семантическую близость к аффиксу *-ала-*), не получила значительного распространения в тюркских языках и сохранилась в немногих примерах. Ср. азерб. *сорагламаг* 'расспрашивать', 'разузнавать', 'собирать сведения' — от глагола *сормаг* с тем же значением; тур. *duraklamak* 'прерывать свою речь', 'останавливаться', 'запинаться' — от глагола *durmak* 'стоять', 'останавливаться'; *uyuklamak* 'дремать', 'вздремнуть', 'засыпать' — от глагола *uyumak* 'спать', 'засыпать'; *uyukla-* в том же значении в Al-Qawānīn (326) и т. д.

Возможно, что к формам учащательности или интенсивности следовало бы отнести также глаголы типа *дилимләмәк* 'разрезать на полоски, на куски', 'резать ломтями' — от *дилим* 'ломоть', 'вырезанный кусок' (арбуза, дыни и пр.).

АФФИКС *-мала-//-мәлә-*

В состав аффикса *-мала-* входит уже известный показатель *-ла-* в учащательном значении и древнейший аффикс учащательности *-ма-*. Последний сохранился в некоторых глаголах, как, например, азерб. и тур. *сармашмаг* 'обвиваться', 'обниматься' — от глагола *сармаг*, исчезнувшего в азербайджанском языке, но сохранившегося в турецком со значениями «обнимать», «охватывать», «завертывать», «заворачивать», «обертывать», «окутывать», «обвязывать», «окружать», «сцеплять», «виться», «обвиваться»; в азербайджанском языке от этого глагола образовано существительное *сарғы* 'виток', 'бинт', 'повязка'; значение совместности в глаголе *сармашмаг* привнесено аффиксом *-ш-*. Аффикс учащательности *-ма-* имеется также в глаголе *гармаламаг* 'захватывать пятерней', 'загребать руками', 'схватывать', который известен в большинстве тюркских языков в приведенной форме, но, кроме того, в форме قارمامق *қармамақ* 'схватывать' (Rossi, 346: *qarmamaq*, а также *qarvamaq*, там же) и قارمق *қармақ* 'щупать', 'осязать', 'захватывать', 'цеплятся' (Буд., II, 11); тур. *karumak* 'заставить войти', 'проникать', 'вводить', 'вгонять' [ср. омоморфное существительное *қармақ* 'крючок', 'удочка' в киргизском, азербайджанском, узбекском (*қармоқ*), казахском, крымско-татарском, хакасском (*хармах*), татарском и других языках]; хак. *харба-* 'брать в пригоршню', 'хватать руками', 'ощупывать в темноте', 'шарить', казах. *қарма-* 'ловить', 'ощупывать',

'хвататься'; кирг. *карма-* 'хватать', 'ловить', 'держать'[185]. Приводимое Л. Будаговым *қармақ* и тур. *karmak* (образованное из именной основы* *қар* 'крюк', 'багор' и глаголообразующего аффикса *-и-*) составляют начало морфологической эволюции рассматриваемого глагола, дважды наращенного учащательным аффиксом: в форме *-ма-* и в форме *-ла-*. В современном глаголе *гармаламаг* оба аффикса уже слились, образовав сращенную форму *-мала-*.

Третьим глаголом с аффиксом *-ма-*, осложненным, кроме того, показателем *-н-*, является *јашманмаг* 'закрываться', 'прикрываться', 'закрывать, прикрывать нижнюю часть лица' (о восточных женщинах) — от **јаш-*, не сохранившегося в азербайджанском языке, но известного в «Диване» Махмуда Кашгарского со значением «скрываться», «прятаться» (Dizin, 756); ср. *ol meni körüp yąšdı* 'увидев меня, он спрятался' (M. Kāşgarī, III, 60), у Абу-Хайяна с тем же значением (Abu-Hay., 122), в туркменском языке с обособленным значением «заходить», «исчезать» (о солнце и т. д.), а также в турецком (*yaşmak*) со значением «покрывать», «скрывать».

Четвертым глаголом, в котором сохранился аффикс *-ма-*, является азерб. *дырманмаг||дырмашмаг*, тур. *tırmanmak||tırmaşmak*, узб. *тирмашмоқ||тармашмоқ* 'цепляться', 'карабкаться', 'взбираться', казах., кирг. *тырма-*, узб. *тирнамоқ*, хак. *тырба-* 'чесать', 'царапать', 'грести'. На основании значений «чесать», «царапать» можно восстановить также хакасскую форму **тырға-* с теми же значениями — из существительного *тырғах* 'ноготь', 'коготь', которое в других тюркских языках имеет формы *тырнақ* и *тырмақ* (кирг.). Значения «цепляться», «карабкаться», равно как и «чесать», «царапать», имеют в качестве единого источника корень *тыр-*, семантику которого можно восстановить в виде *«скрести», «царапать», «цеплять», что подтверждается еще значением существительного *дырмыг*, *tırmık* (тур.) 'борона'. Сопоставляя со всеми

[185] Основой всех этих глаголов является корень **қар*, который мог означать **«рука» и **«крюк», «багор». Оба эти значения допустимы как с точки зрения регистрируемых значений глаголов *қарма-* и *қармала-*, так и на основании типов семантической структуры и значений именных основ глаголообразования, о чем подробно говорилось в первой главе. Значение *қар* 'рука' или близкие значения неоднократно приводятся в словаре В. Радлова: ср. *кар* (кирг.=казах., кашгар. 'верхняя часть руки' — II, 132), в форме «распространенной» основы *қары, карі, кері, кару* (бараб., телеут., алт., лебед., коман., уйг., чагат., монг. «рука») 'рука' (уйг.); 'верхняя часть руки' (бараб., телеут., алт.); 'мера длины', 'локоть' (коман.) (II, 183, 184, 187, 188).

Что касается семантики омонимичного глагола *қар-*, то наряду с приводимыми Л. Будаговым значениями «щупать», «осязать», «захватывать», «цеплять» В. Радлов отмечает еще «войти», «вмешиваться» (II, 132), что составляет начало серии глаголов со значениями «смешиваться»; «путаться» и т. д., которые будут рассмотрены в главе IV (залоговый аффикс *-ш-*).

этими однородными значениями турецкий производный глагол *tırlamak* 'скрести ногтями', можно на основании уже выясненных типов семантической структуры производных глаголов восстановить омонимичное существительное **тыр* 'коготь', 'ноготь'. Из сопоставления приведенных глаголов и существительных легко выделяется аффикс *-ма-*, учащательное значение которого еще не совсем исчезло в глаголах *дырманмаг||дырмашмаг*, *тырна-* и *тирнамоқ*.

Таким образом, учащательный аффикс *-ма-* является исторически вполне реальным, но в современных языках он представляет уже мертвую форму, как и сложный аффикс *-мала-*, в состав которого он вошел.

В собранных материалах имеются еще следующие глаголы с учащательным аффиксом *-мала-*:

сүртмәләмәк 'тереть кругом', 'обтирать' — от глагола *сүртмәк* 'проводить одним предметом по другому', 'тереть', 'натирать', 'растирать', 'смазывать', 'покрывать слоем'.

туркм.: *ёлмаламак* 'выдергивать'; *метаф.* 'бросаться на кого-либо', 'цепляться' — от глагола *ёлмак* 'вырывать', 'выдергивать', 'выщипывать', 'сдирать'; ср. хак. *чулмала-* 'разделывать', 'рубить', 'разрубать на части (тушу)' — от глагола *чул-* 'рвать', 'вырывать', 'выщипывать', 'выдергивать'; казах. *жұлмала-* в том же значении — от *жұл-* 'рвать', 'выщипывать'; так же в киргизском и некоторых других языках;

сермелемек 'шарить', 'щупать', 'ощупывать', 'искать что-либо руками' — от глагола *сер-* с близкими значениями; ср. казах., кирг. *серме-* 'махать'; корень *сер-*, ср. с кирг. *серп-* 'махать', 'делать отрывочные движения';

гезмелемек 'прохаживаться', 'прогуливаться' — от глагола *гезмек* 'гулять';

казах.: *сықпала-* 'сжимать', 'зажимать', 'прижимать' (много раз) — от глагола *сық-* 'жать', 'выжимать'; аффикс *-пала-* является фонетической разновидностью формы *-мала-*;

қақпала- 'погонять (например, усталую лошадь), слегка похлопывая по шее, по бокам'; *метаф.* 'отвлекать внимание' — от глагола *қақ-* 'стучать', 'стучаться', 'хлопать', 'биться' (о сердце), 'вбивать', 'вколачивать' (гвоздь, кол);

чув.: *кӗрмеш-* 'возиться', 'бороться' — от глагола *кӗреш-* (общетюркск. *күреш-*) 'бороться', 'биться', 'вступать в бой'; из сравнения обеих форм, между прочим, выявляется историческая реальность глагольного (или именного?) корня *күр-*, значение которого пока не установлено.

Некоторые из приведенных глаголов выражают дополнительное значение интенсивности (*сүртмәләмәк*), другие — значение эпизодичности, ослабленности и разреженности действия (*гезмелемек* и *қапқала-*). Поскольку последнее значение от-

мечалось также в другом учащательном аффиксе *-қала//-қыла-*, в составе которого имеется аффикс *-ла-*, то законно признать, что значение ослабленности и разреженности действия принадлежит аффиксу *-ла-*.

Как и в глаголах с аффиксами *-ала-* и *-гала-//-гыла-*, здесь также учащательные формы образованы от односложных коренных глаголов, что свидетельствует, естественно, о древности учащательных форм с показателем *-мала-*, потерявшим свою продуктивность, по-видимому, во всех тюркских языках.

АФФИКС *-ш-*

Аффикс *-ш-* в учащательном и интенсифицирующем значении[186] восходит к залоговому показателю *-ш-*, о котором говорилось уже в первой главе (аффиксы *-лаш-* и *-лаш-*$_1$). Значение учащательности является одним из результатов эволюции значения множественности аффикса *-ш-*, которое, по крайней мере начиная с эпохи Махмуда Кашгарского, приобретает грамматическое значение множественности действующих лиц и в некоторых из современных языков (особенно в киргизском и не столь последовательно в узбекском и других) обнаруживает тенденцию к ограничению употребления показателя множественности *-лар-* в глагольных формах. Но в то же время, потеряв связь с категорией действующего лица, значение множественности действующих лиц преобразовалось в значение распространенности действия на многие предметы, его частоты и интенсивности. Однако в целом второе значение аффикса *-ш-* не получило существенного развития в современных тюркских языках. Приведем примеры на указанные значения аффикса *-ш-*:

гарпышмаг 'расхватывать' — от глагола **гарпмаг* (который сохранился в азербайджанском языке в стяженной форме *гапмаг* с выпадением *-р*) 'хватать', вырывать', 'кусать'; ср. еще казах. *қарп-* 'хватать ртом' (обычно о верблюде), 'откусывать большой кусок'; в киргизском глаголе *кап-* соединились значения казахского и отчасти азербайджанского: «хватать», «брать руками», «хватать ртом, зубами»;

сорушмаг 'спрашивать', 'расспрашивать', 'осведомляться', 'допрашивать' — от глагола *сормаг* (с тем же значением), заметно вытесняемого из литературного и в значительной мере разговорного языка учащательной формой *сорушмаг*; ср. казах. *сурастыр-*, кирг. *сураштыр-* 'расспрашивать';

[186] Об учащательном значении показателя *-ш-* см.: А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, § 369.

сохушмаг 'втискиваться', 'вталкиваться', 'пробираться', 'проскальзывать'; ср. с глаголом *сохулмаг* 'входить', 'втираться'; 'вторгаться', 'вмешиваться', 'соваться', 'лезть', 'погружаться'; 'быть всунутым', 'втиснутым'; обе формы являются медиальными, образованными от глагола *сохмаг* 'всовывать', 'втыкать', 'вонзать', 'вталкивать', 'впихивать', 'втискивать', 'вводить (внутрь)', 'погружать', но в первом из них медиальное значение осложнено значением усилия, интенсивности действия; те же отношения наблюдаются между турецкими глаголами *sokuşmak*, *sokulmak* и *sokmak*;

тур.: *sığışmak* 'с трудом умещаться, помещаться', 'входить', 'втискиваться', 'втираться' — от глагола *sığmak* 'вмещаться', 'умещаться', 'помещаться', 'входить'; в азербайджанском языке глагол *сығышмаг* потерял свое интенсивное значение; ср. еще киргизское выражение *сыйышып тура албайт* 'они не могут ужиться';

казах.: *малыш-* 'погружать неоднократно' (в жидкость)— от глагола *мал-* 'погружать', 'обмакивать', 'зачерпывать'; в киргизском *малыш-* имеет лишь взаимное значение;

М. Kāşgarī: *tiş çıkraştı* 'зубы сильно заскрипели' (если что-либо сильно скрежещет, то тоже говорят так) (M. Kaşgarī, II, 209);

тат.: *алдаш-* 'заниматься обманом, надувательством, мошенничеством, хитростью', 'плутовать' — от глагола *алда-* 'обманывать', 'плутовать', 'надувать', 'провести' и т. п.; в киргизском только во взаимном значении.

АФФИКС *-шдыр-//-шдир-//-шдур-//-шдүр-*

Аффикс *-шдыр-* является дальнейшим морфологическим развитием только что рассмотренного показателя *-ш-* и имеет учащательно-интенсивное значение. По определению акад. В. А. Гордлевского, «... эта двойная приставка придает глаголу смысл учащательности или продолжительности с выражением интенсивности, настойчивости»[187]. В качестве «формы усиления действия» квалифицирует аффикс *-шдыр-* Н. К. Дмитриев, а также А. Н. Кононов[188]. Оба эти определения правильны и подтверждаются материалом тюркских языков.

При безусловной ясности значений аффикса *-шдыр-* пока остается неясным собственное значение и этимологическая принадлежность второго элемента *-дыр-*.

Приведем примеры на аффикс *-шдыр-*:

---

[187] В. А. Гордлевский, *Грамматика турецкого языка*, М., 1928, стр. 35.

[188] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 185; А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, § 415.

арашдырмаг 'разбирать', 'перебирать', 'обыскивать', 'обследовать', 'исследовать', 'изыскивать' — от глагола **арамаг*, не сохранившегося в азербайджанском языке, но известного, например, в турецком (*aramak*) со значением «искать», «доискиваться», «подвергать осмотру»; *araştırmak* имеется и в турецком языке со значениями, близкими азербайджанским;

гапышдырмаг 'расхватывать' — от глагола *гапмаг* 'хватать', 'вырывать', 'кусать'; при глаголе *гапышдырмаг* приведены еще значения «дать (допустить), расхватать, растащить», которые принадлежат, однако, другому, омоморфному глаголу с понудительным значением;

сорушдурмаг 'опрашивать', 'расспрашивать', 'допрашивать'—от глагола *сормаг*, о котором говорилось в предыдущем разделе; таким образом, в азербайджанском литературном языке в значении «расспрашивать» существуют две параллельные формы — *сорушмаг* и *сорушдурмаг*, из них вторая имеется еще в турецком (*soruşturmak*), татарском (*сораштыр-*), казахском (*сұрастыр-*), киргизском (*сураштыр-*) и некоторых других языках;

дартышдырмаг 'дергать во все стороны' — от глагола *дартмаг* 'тянуть', 'дергать', 'драть', 'вытягивать'; 'задергивать';

дидишдирмәк 'теребить', 'терзать', 'драть', 'дергать', 'раздирать'—от глагола *дидмәк* 'терзать', 'теребить', 'трепать', 'рвать', 'щипать' (шерсть, пух, кожу зубами, клювом), 'клевать', 'дергать', 'расчесывать';

әлләшдирмәк 'трогать (рукой)', 'копаться', 'рыться в чем-либо', 'переворачивать', 'прощупывать'—от глагола *әлләмәк* 'трогать (рукой)', 'пробовать рукой', 'щупать', 'ощупывать';

инчәләшдирмәк 'делать более тонким, нежным'—от глагола *инчәләмәк* 'делать тонким', 'утончать' и ряд других глаголов;

туркм.: *алдашдырмак* 'обманывать', 'хитрить', 'лукавить', 'вводить в заблуждение (многих)'—от глагола *алдамак* с тем же значением;

асышдырмак 'развешивать', 'положить в котел для приготовления (о мясе)'—от глагола *асмак* 'вешать';

гөрүшдүрмек 'рассматривать', 'видеть'—от глагола *гөрмек* 'видеть';

тур.: *saçıştırmak* многокр. 'рассыпать', 'рассеивать (равномерно)'—от глагола *saçmak* 'сеять', 'рассеивать', 'сыпать', 'рассыпать', 'разбрасывать', 'брызгать';

takıştırmak 'надевать на себя украшения', 'украшать себя чем-либо'—от глагола *takmak* 'нацеплять', 'прицеплять', 'навешивать', 'вешать', 'прикреплять', 'надевать';

İzbudak: *yığşurmak*: *yığışuralım* ‘навалим-ка одно на другое’ (52).

Как показывают примеры, учащательно-интенсивная форма *-шдыр-* является более новой по сравнению с рассмотренными выше. Это подтверждается тем, что значения ее сохранились лучше, чем значения других форм, а также тем, что в числе глаголов на *-шдыр-* имеются образования от производных глаголов: *әлләшмәк*, *инәләмәк*.

Форма *-шдыр-*, однако, не приобрела всеобщего значения в системе азербайджанского глагола и не обнаруживает тенденции к дальнейшему распространению в языке.

Глава III

ДРЕВНЕЙШЕЕ СОСТОЯНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

СИНКРЕТИЧНЫЕ ОСНОВЫ

Исследователи тюркских языков уже давно обратили внимание на совпадение ряда глагольных и именных корней или основ, наблюдаемое во всех тюркских языках. Впервые наиболее полно они были учтены в известном словаре В. В. Радлова.

Случаи совпадения глагольных и именных корней-основ отмечал также П. М. Мелиоранский [1].

К фактам корневой глагольно-именной омонимии в тюркских языках вскоре присоединились аналогичные факты морфологического порядка, специально выбранные В. Бангом из «Образцов» В. В. Радлова и других материалов. В. Банг, в частности, отметил, что словообразовательный именной аффикс *-чы*, означающий название деятеля, в том же значении присоединяется и к глагольным основам, образуя формы типа *yürči, yatči* [2].

Все эти и подобные им явления привели В. Банга к заключению о том, что «чистый глагольный корень» тюркских языков представляет собой «чистый субстантив», т. е. глагольное имя [3].

В другой работе, посвященной подражательным глаголам [4], В. Банг указывает на грамматическую недифференцированность

---

[1] П. М. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, — ЗВОРАО, т. XII, вып. 2—3, СПб., 1899, примечание 23.

[2] W. Bang, *Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen*, 2 Stück: *Über das Verbum al- «nehmen» als Hilfszeitwort*,— SPAW, Jahrgang 1916, Halbband 2, Berlin, 1916, S. 918.

[3] Ibid. — К этому толкованию мы вернемся дальше, а здесь укажем лишь, что В. Банг привлек не совсем удачные примеры для иллюстрации своего положения, так как формы *yürči, yatči* могли образоваться под действием «закона синкопирования», о большом значении которого В. Банг говорит в этой же статье (стр. 920), т. е. приведенные им формы могли возникнуть в результате выпадения предударных узких гласных: **yürüči, *yatıči*.

[4] W. Bang, *Vom Köktürkischen zum Osmanischen*, 2 Mitteilung: *Über einige schallnachahmende Verba*, — «Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, N 5, Berlin, 1919, S. 35.

ряда подражательных корней и их форм (*sar- ~sar, yaš-~ yaš, čaq- ~čaq* и др.), означающих как имя, так и глагол [5].

Объявляя глагольный корень «чистым субстантивом», В. Банг пытался таким путем примирить обнаруженные им факты со своими взглядами на историческую несовместимость глагола и имени и их изначальную обособленность.

В соответствии с тем же панхроническим воззрением на отношения глагола и имени в тюркских языках другой исследователь — датский тюрколог Кааре Грёнбек вообще отверг глагольно-именную омонимию, считая, что «в древнейших одноззвучных (формах слов.— *Э. С.*) необходимо видеть случайное совпадение первоначально различных слов» [6].

Позицию К. Грёнбека отчасти разделял также Г. Рамстедт. Он писал: «...в алтайских языках нельзя признать у глагола приоритета перед именем, т. е. имя a priori не происходит от глагола. Но довольно часто случается, что глагол и соответствующее ему имя фонетически стоят столь близко друг к другу, что кажутся имеющими одну и ту же основу... Обычно в этих случаях речь идет о столь древних унаследованных словах, что их первоначальные структурные элементы (соотв. суффиксы) уже не поддаются анализу. Нетрудно также понять, что имя и глагол фонетически легко могут влиять друг на друга, если по значению они взаимно связаны, например *wurzeln* (=*Wurzel fassen* и *ent-wurzeln*) ~ *Wurzel, blitzen* ~ *Blitz, regnen* ~ *Regen* и т. д....

Подобные случаи должны принадлежать в алтайских языках к древнейшей части словаря или же они появились в результате случайности. Как правило же, глагол и имя в звуковом отношении различны, и по крайней мере одно из них обозначено суффиксом» [7].

Еще раньше Г. Рамстедт отмечал совпадение глагольных и именных форм подражательного происхождения [8].

Как видно из цитаты, Г. Рамстедт также пытался устранить противоречие между фактами глагольно-именного синкретизма и представлениями об исконном делении всех корней на глагольные и именные ссылками на морфологическую нечленимость совпадающих корней, на фонетическое взаимовлияние семанти-

---

[5] См. стр. 363 наст. изд.

[6] K. Grönbech, *Der türkische Sprachbau,* Kopenhagen, 1936, S. 19.

[7] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft,* Bd 2, *Formenlehre,* Helsinki, 1952, s. 192, 193.

[8] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen,* — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. XXVIII, Helsinki, 1912. — Ср. глаголы типа *gïrgïr-, čagïl-* и т. п. со вторичными подражательными основами на *-ïr, -ïl.* К аналогичным формам относятся, в частности, и интенсивные формы подражательных глаголов типа *yaldïr yaldïr yaldur-* (Rossi, 352).

чески связанных глагольных и именных корней, на случайный характер схождений в других случаях.

Однако все эти возражения отпадают, как только мы обращаемся к обширному материалу глагольно-именных омонимов. Выясняется прежде всего, что в тюркских языках имеются рудиментарные явления, когда аффиксы отглагольного образования имен сочетаются и с именными основами. Присоединяя сюда рассмотренные ранее многочисленные обратные случаи употребления аффиксов отыменного глаголообразования при глагольных основах, а также случаи употребления словообразовательных аффиксов как при именах, так и при глагольных основах, мы приходим к выводу, что глагольно-именной синкретизм исторически охватывал не только корни, но и аффиксы.

Выясняется также, что значения имен в омонимичных парах находятся в закономерных отношениях к значениям сопряженных с ними глаголов, выражая понятия процесса, орудия и пр.

И, наконец, признавая глагольно-именную омонимию как древнейшее состояние грамматического синкретизма этих основных элементов грамматики и словаря тюркских языков, легко разъяснить многие производные глаголы, которые кажутся образованными от глагольных основ, тогда как они восходят к омонимичным парам имя-глагол.

В трудах советских тюркологов глагольно-именная омонимия давно признана в качестве объективного лингвистического факта, характерного для древнейших эпох развития тюркских языков. Как правило, исследователи обычно ограничивались немногими иллюстрациями из области схождения глагольных и именных форм. Однако в последнее время глагольно-именная омонимия становится предметом специального исследования. Большое место этому вопросу, особенно омоморфным аффиксам, отведено в исследовании Б. М. Юнусалиева «Развитие корневых слов в киргизском языке» (автореф. докт. дисс., М., 1953). Следуя Н. К. Дмитриеву [9], автор на основании собранных им материалов высказывает предположение, что лексическое выделение глагольных и именных корней из первичных омонимов, а затем образование их морфологическим путем служило на ранних этапах истории языка важнейшим, а возможно и главным, способом лексико-грамматического разделения корней-слов на глагол и имя.

Другой советский тюрколог, К. Аханов, в своем исследовании об омонимах казахского языка [10] рассматривает все случаи зву-

---

[9] Н. К. Дмитриев, В. М. Чистяков, Н. З. Бакеева, *Глаголы речи (verba dicendi) в языках тюркской группы,* — сб. «Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе», М., 1952, стр. 205.

[10] К. Аханов, *Қазақ тіліндегі аманимдер,* Алматы, 1958.

кового совпадения слов, из которых историко-семасиологическое значение имеют лишь омонимы с общим происхождением, в числе их и глагольно-именные омонимы.

В советской тюркологии уже предложена общая схема исторической последовательности в развитии форм глагольного словопроизводства. Согласно этой схеме, автором которой является Н. К. Дмитриев, наиболее раннюю, в пределах досягаемости, ступень глаголообразования составляет «формальное совпадение именной и глагольной основ, которые различаются только в контексте, как синтаксические единицы, а не как лексические»[11]. На следующей ступени развития языка основной формой словопроизводства является «дифференциация глагольных и именных основ за счет фонетического чередования»[12]. На дальнейших ступенях развития окончательно складывается механизм аффиксации, который и становится основным средством глаголообразования.

Наши наблюдения подтверждают правильность схемы Н. К. Дмитриева, и мы сохраняем ее в своем исследовании.

Обращаясь к материалу глагольно-именных форм, необходимо оговорить, что приводимые ниже факты могут считаться относительно более полными лишь для азербайджанского литературного языка. Примеры из других тюркских языков нуждаются в серьезном пополнении и не характеризуют в должной мере состояние глагольно-именной омонимии в этих языках.

Следует сказать несколько слов о терминах «омоним» — «омонимический» и «синкретизм» — «синкретичный». Первая пара терминов служит квалификацией совпадающих именных и глагольных корней-основ с точки зрения современного состояния в тюркских языках. Вторая пара терминов служит квалификацией тех же совпадений на ранних ступенях истории тюркских языков.

Установление глагольно-именных омонимов связано с некоторыми трудностями. Наиболее существенным является вопрос об исходе слова. В ряде случаев омонимичные глагольно-именные корни или основы оканчиваются на гласный звук, который в киргизском, алтайском, турецком и других тюркских языках исторически восходит к сочетанию гласного с сонорными *γ* (>*w*) и далее к смычным *q*//*k*. Могут быть, как мы знаем, и более сложные случаи, когда, например, конечное *aw* (<*aγ*) в киргизском языке переходит в *oo* и *aa*, а последнее нередко—в *a* краткое. Ср., например, *далда* из *далдаа* 'прикрытие', 'укрытие', 'защита', 'убежище'. Поэтому для ряда тюркских языков теоретически нельзя исключать

[11] Н. К. Дмитриев, В. М. Чистяков, Н. З. Бакеева, *Глаголы речи (verba dicendi) в языках тюркской группы*, стр. 205.

[12] Там же.

возможности возведения именного члена омонимической пары к производной отглагольной форме, образованной при помощи аффикса с конечным *γ* или *ϖ*, в дальнейшем отпавшим. Например, тур. *yayıâ* 'горное плато, служащее летовьем', 'летнее пастбище в горах', 'яйла', возможно, восходит к отглагольному существительному **yayıağ*—от глагола *yayıa-* 'проводить лето в горах', что, казалось бы, подтверждает азербайджанская диалектальная форма *jajlaʁ*. Подобная этимологизация не исключается и в тех случаях, когда имеется другая форма такого имени, например тур. *yayıâ*, наряду с которым существует еще форма *yayıâk* с конечным смычным *k*, или *ılı* 'теплый', 'тепловатый', рядом с которым имеется форма *ılık*, образованная от омонимичного глагола *ılı-* 'становиться теплым', или кирг. *ысы* 'жара', 'суховей' с параллельной формой *ысык* 'жар', 'горячий', 'жарко', образованной от омонимичного глагола *ысы-* 'нагреваться', 'накаляться' и т. п.

Вместе с тем нет фактических препятствий для того, чтобы рассматривать формы *yayıâ*, *ılı* и *ысы* в качестве исторически синкретичных к *yayıa-*, *ılı-* и *ысы-*, поскольку подобных случаев вообще достаточно много в тюркских языках.

Однако редукция конечных *αγ*~*αϖ*, как известно, не получила всеобщего распространения и мало проявилась, в частности, в опорных диалектах таких литературных языков, как туркменский, азербайджанский, уйгурский, узбекский, крымско-татарский и др. В туркменском языке, например, образований типа *сөвег*||*сөвё* 'опора' (из глагола *сөв-* 'подпирать', 'прислонять') немного. Немного также образований типа азербайджанского *чыр чыр* (из **чыʁыр чыʁыр*) *чыʁырмаг* 'кричать во все горло'. Большей частью *г* устойчив после передних гласных или между ними и даже после узких передних, что можно видеть в примерах: *чиг* 'сырой', 'неспелый', 'незрелый' наряду с *çiğ* в турецком и *чиj* в азербайджанском; *бег* 'бек' при *bey* в турецком и *бəj* в азербайджанском; *дег-* 'касаться' при тур. *değ-* и азерб. *дəj-*; *эг-* 'гнуть' при тур. *eğ-* и азерб. *əj-* и т. п. Звук *г* устойчив также после и между передними гласными; ср. *чигин* 'плечо' и азерб. *чијин*, *дегирмен* 'мельница', тур. *değirmen* и азерб. *дəјирман*, *йигит* 'молодец', 'юноша', 'молодой человек' и тур. *yiğit* и т. п. Таким образом, очевидно, что при анализе фактов глагольно-именной омонимии в первую очередь должны быть приняты во внимание исторические и действующие фонетические закономерности исследуемого языка и данные сравнительно-исторической фонетики тюркских языков или отдельной группы, к которой принадлежит изучаемый язык. К сожалению, в области сравнительно-исторической фонетики тюркских языков многое еще остается неясным, и еще больше нерешенных вопросов

в исторических фонетиках отдельных тюркских языков. В частности, не выяснены исходные данные для хронологизации или периодизации процессов в области согласных *г*, *г'* и *ғ* при их разных позициях в слове и т. д.[13].

Более сложным является вопрос об ауслауте в чувашском языке. Дело в том, что в наиболее древней части основного словарного фонда чувашского языка имена, обычно имеющие на конце *қ*//*к* в остальных тюркских языках, здесь его не имеют. К этой категории относятся главным образом имена древнейшего происхождения, например: *тăпра* (общетюрк. *топрақ*) 'земля', *пулă* (общетюрк. *балық*) 'рыба', *пӳре* (общетюрк. *бөгрек*) 'почка', *чĕре* (общетюрк. *йүрек*) 'сердце', *ура* (общетюрк. *айақ*) 'нога', *çĕрĕ* (общетюрк. *йүзүк*) 'перстень' и др.

Однако не все древнейшие основы предстают в усеченной форме. Значительная часть их, в том числе односложные корни-основы, имеют на конце смычные *қ*//*к*. Ср., например, *тух-* 'выходить', *çук* (общетюрк. *йоқ*) 'отсутствие', 'нет', *тĕк* (общетюрк. *түк*) 'перо', *юх-* (общетюрк. *ақ-*) 'течь', *пăх-* (общетюрк. *бақ-*) 'глядеть', *чечек* (общетюрк. *чичек*) 'цветок', *мамăк* (общетюрк. *памық* 'хлопок') 'пух' и др. Тем более сохраняются конечные смычные *қ*//*к* и сонорный *ў* (=*w*) в морфологически членимых основах, например в таких формах, как *анчак* (ср. огуз. *анҗақ*) 'лишь', *курак* (общетюрк. *қузғун*) 'грач', *куршанак* 'репей', *тукмак* (общетюрк. *тоқмақ*) 'колотушка', *сукмак* (ср. кыпчак. *соқмақ*) 'тропа', *çурак* (общетюрк. *йарық*) 'трещина', *тӳшек* (общетюрк. *төшек*, *дөшек* и др.) 'тюфяк', *пучах* (общетюрк. *башақ*) 'колос', *хыркăч* 'скребница', *ултав* (ср. кыпчак. *алдаў*) 'обман', *мухтав* (ср. кыпчак. *мақтаў*) 'хвала', *суйлав* (ср. кыпчак. *сайлаў*) 'выборы', не говоря, естественно, о заимствованиях типа *ухмак* (из араб.) 'дурак', а также об аффиксах с конечными смычными или проточными: *-лăх*, *-чăк*, *-ăк*, *-рах* и т. д.

Основываясь на приводимых ниже данных, правомерно предположить, что конечные смычные и сонорные в древнейшем слое общетюркской именной лексики могут представлять собой вторичное явление, возникшее в эпоху сложения аффиксации как основного средства дальнейшего морфологиче-

[13] R. R. Arat, *Edib Ahmed b. Mahmud Yükneki — Atebetü'l-hakayık*, Istanbul, 1951, s. 107—114. — Вслед за другими автор считает, что в большинстве тюркских языков конечные *ғ* и *г* исчезли, а в языках юго-восточной группы они стабилизовались в форме *қ*, *к* (стр. 109). Начало этого процесса он видит в языке, отраженном в «Atebetü'l-hakayık». Но, как было показано выше, эти конечные смычные не исчезли и в туркменском, не входящем в юго-восточную группу, и не исчезли в азербайджанском языке после ненёбных гласных, а также в тувинском и др. Поэтому едва ли имеются основания допускать возможность массового исчезновения конечных смычных *г*, *ғ* и *w* во всех тюркских языках.

ского развития тюркских языков, в частности дифференциации ряда корней на глагольные и именные и преодоления их первоначального синкретизма. Чувашские именные основы с конечными гласными относятся к более отдаленной эпохе с ее недостаточной дифференциацией глагола и имени как в корнях, так и в производных основах, в образовании которых существенная роль принадлежит древнейшим аффиксам *-қ-~-ҡ*, *-а-~-а*, *-ы-~-ы*, *-қа-~-ҡа*, *-қы-~-ҡы* и др.

Таким образом, разное оформление ауслаута чувашских имен, гласными или смычными, отражает разные ступени в историческом соотношении глагола и имени в тюркских языках.

Фонетический анализ анлаута глагольно-именных омонимов не представляет труда, поскольку явления протезы и эпентезы, возникающие в заимствованиях, в данном случае отпадают, а наличие или отсутствие начальной йотации (безразлично первичной или вторичной) или другого опорного согласного не может быть препятствием для сближения слов.

Что касается середины слова, то явления редукции и стяжения могут осложнить фонетический анализ сопоставляемых слов (ср., например, казах. *бек* 'очень' и более полную форму *берік* 'крепкий', 'прочный', осложненную, однако, разделительным гласным *і*, появившимся здесь позднее и имеющим, следовательно, вторичный характер), особенно в языках, в которых названные процессы получили большое развитие (например, в туркменском). Поэтому и в этих случаях для надежности сопоставлений необходимо руководствоваться теми же требованиями, что и при анализе ауслаута с конечным гласным. Обратимся к конкретным примерам.

А. ПЕРВИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ОСНОВЫ

Глагол

Радл., Сл.: *ақ-* 'течь', 'тайком удирать' (I, 86, 87);

аҥ- 'помнить', 'припоминать' (крым.-тат.); 'называть', 'говорить имя кого-либо'; 'горевать', 'ждать', 'ожидать' (I, 183); туркм.: *āң-* 'понимать', 'чувствовать', 'догадываться'; тур.: *an-* 'вспоминать';

Имя

ақ (уйг.) 'жидкость', 'влажное'; 'слезы'; *аҕытты аҕын* («Кутадгу билиг», 49$_{21}$) 'он проливал слезы' (I, 95);

аң 'восприимчивость', 'остроумие', 'понятливость', 'воспоминание' (I, 183); туркм. *āң*, казах., кирг., тат. *аң* 'сознание', 'соображение', 'рассудок', 'чутье'; азерб., тур. и т. д. корень *an* в глаголе *anla-*;

Грамм. алт. яз.: *арт-* 'класть на спину', 'навьючивать' (150);

арт 'зад' (150);

азерб.: *ач-* 'чувствовать голод', 'проголодаться'; в том же значении кирг. *ач-*, Yusuf ve Zel.: *-са*, казах. *-аш*, M. Kāşgarī: *aç-* (Dizin, 2); Ар.-фил. أج (065); Al-Qavānīn: *ağ-* 'голодать' (301); якут. *аас-*[14] 'голодать';

ач 'голодный'; кирг., тат. и др. *ач* 'голодный'; казах. *аш*, хак. *ас* в том же значении; так же у М. Кашгарского, Ибн-Муханны и Al. Qavānīn; якут. *аас* 'голод', 'голодный';

кирг.: *ач-* 'открывать', 'отпирать', 'раскрывать', 'обнаруживать';

ач 'светлый' (о цвете);

Houtsma: الت *ält-* 'вести' (53);

الت بر *ält ber-* 'вести' (*ält* здесь является именем, но возможно, глагол образован из **altä bär-*);

Ettuhfet.: *bay-//bayı-* 'быть богатым' (Dizin, 149); ср. *baymaq* 'становиться богатым' (Rossi, 334);

bay 'богатый' (Dizin, 149);

казах.: *бек-* 'укрепляться', 'упрочиваться', 'крепнуть'; в Ettuhfet.: *berk-* (Dizin, 150) в том же значении;

бек 'очень', восходящее к *берік* 'крепкий', 'прочный', 'устойчивый', 'живучий', 'выносливый', где *і* является вторичным; наречие *бек*, известное также в формах *бик*, *пек*, *berk* (Ettuhfet., Dizin, 150), широко распространено в тюркских языках, как и исходная форма *берк* со значением «крепкий», а также производные глаголы *берки-*, *peki-* и т. д.

Rossi: *boymaq* 'иметь высокий рост' (335);

бой 'рост' во многих языках;

Малов, Пам.: *buz-* 'расстраивать', 'разрушать' (375);

buz 'порча', 'разрушение' (375); ср. в Ettuhfet. глагол *bozlan-* 'портиться', 'разру-

---

[14] Якутские параллели к глагольно-именным омонимам частично взяты из книги Л. Н. Харитонова «Типы глагольной основы в якутском языке» (М.—Л., 1954, стр. 17, 18).

шаться', образованный от имени *boz*; парное *üz-buz* 'разрушение', 'порча', 'препоны', 'преграды' (441);

кирг.: *бүк-* 'сгибать'; ср. алт. *пӱк-* в том же значении (Грамм. алт. яз., 243);

бүк 'место сгиба, отворота'; от этого имени образован глагол *бүкте-* 'свертывать', 'сгибать'; таково же, по-видимому, образование казах. *бүкте-* 'сгибать', узб. *букла-* 'складывать' (например, лист бумаги, перегибая его несколько раз), а также крым.-тат. *букле-* 'согнуться' (ср. выражение *дёрт буклеп* 'согнувшись в три погибели', которое скорее связано с интенсивной формой глагола *бүк-*);

бүт- 'кончать', 'заканчивать', 'кончаться', 'заканчиваться';

бүт 'целый', 'целиком', 'сполна';

чув.: *вăй-* диал. 'поднимать тяжесть', 'работать с силой, напором', 'тащить тяжелую ношу', 'быстро изнашивать одежду';

вăй 'сила';

азерб.: *гат-* 'присоединять', 'добавлять', 'примешивать', 'смешивать', 'вмешивать'; то же в тур., узб. (*қот-*); в том же значении у Будагова (II, 5); ср. также у Малова, Пам.: *qat* 'накладывать рядами'; 'присоединять' (412), в алт. *кат-* 'сучить (нитку)', 'слагать одно с другим' (Грам. алт. яз., 193);

гат 'слой', 'складка', 'этаж'; то же в тур.: в узбекском *қат* (*а*, а не *о*, как в глаголе!) 'слой', 'ряд'; Буд.: «часть», «сторона», «ряд», «слой», «ярус», «этаж», «складка» (II, 4); Малов, Пам.: *qat* 'сторона', 'бок', 'ряд', 'слой' (412); алт. *кат-* 'слой', 'ряд', 'повторение', 'перемена' (там же);

Przekł. Koranu: *geң-* 'rozszerzyć się' (83);

кең 'szeroki', 'obszerny', 'przestronny' (Przekł. Kalili i Dim., 134);

азерб.: *дад-* 'пробовать на вкус', 'отведать'; тур. *tat-*, туркм. *дāт-*, Буд. (I, 720), узб. *тот-*, гагауз. *дат-*, кирг.

дад 'вкус' (съедобного), 'привкус', 'вкусовое ощущение'; так же в тур. (*tat*), узб. (*тот*), у Будагова (там же),

мат-, Battal (69), Houtsma (83), Abu-Hay. (100, *tat-*), Малов (Пам., 447); тат. «претерпевать», «изведать», «испытывать» (что-нибудь тяжелое), «отзываться», «отдавать», «иметь посторонний привкус, запах»;

в гагауз. (кроме того, еще 'искусство'); в основном значении 'вкус', 'приятный вкус'; *мат* дано у Battala'a, Houtsma, Abu-Hayyan'a;

азерб.: *дон-* 'мерзнуть', 'зябнуть', 'замерзать'; 'замирать', 'обмирать', 'застывать', 'остолбенеть'; то же в туркм. *доң-*, тур. *donmak*, узб. *тўнгмоқ-*, тат. *туң-*, кирг., казах., алт. *тоң-*, хак. *тоҥ-*, якут. *тоҥ*, Abu-Hay. (105), M. Kāşgarī: *tonğ-*: *suw tongdı* 'вода замерзла' (III, 390);

дон 'мерзлый', 'замерзший', то же в туркменском, гагаузском, узбекском, татарском, казахском, хакасском, якутском. В киргизском и хакасском еще «мерзлота», «незрелый» (кир.), в алтайском «крепкий», «твердый» (Грам. алт. яз., 269), в тур. *don* 'лед' (или всякая замерзшая жидкость), то же у Абу-Хайяна (Abu-Hay., 105), у М. Кашгарского (кроме того, «застывший», «замерзший от холода»); чув. 'мороз';

тур.: *düz-* 'приводить в порядок', 'устраивать', 'составлять', 'сочинять (книгу)', 'создавать', 'изобретать', 'выдумывать', 'настраивать (муз. инструмент)', 'чинить', 'исправлять'; в азербайджанском — «расставлять», «набирать», «нанизывать»; в «Диване» — «устраивать», «приводить в порядок», «исправлять», «чинить»;

düz 'плоский', 'ровный', 'гладкий', 'прямой', 'простой'; 'равнина'; в тех же значениях имя *tüz* встречается в «Диване» и в азербайджанском языке, в котором известны, кроме того, еще значения «прямой», «правильный», «правдивый», «верный», «меткий»;

Battal: *inç-* 'успокаивать' (33);

inç 'покой' (там же);

алт.: *јан-* 'возвратиться домой' (Грамм. алт. яз., 168); Малов, Пам. (384) 'возвращаться', KW (112) 'поворачиваться'; кирг. *жан-* 'касаться', 'подходить сбоку', 'проходить возле'; казах. «править бритву, нож», «точить (косу)»;

јан 'сторона', 'бок'; то же в киргизском (*жан*) и в других тюркских языках;

Yusuf ve Zel.: *yat-* 'лежать', 'ложиться' (XXIII); *yat* 'положение', 'состояние' (там же);

чув.: *йăх-* 'оплодотворяться'; *йăх* 'род', 'племя', 'семя';

Yusuf ve Zel.: *yön-* 'направляться' (XXIV); *yön* тур., азерб. 'направление';

азерб.: *jort-* 'идти рысью', 'идти неровным ходом', 'бегать во все стороны'; тур. 'бездельничать'; *jort* 'рысь', 'рысью';

кызыл.: *šurt-* 'жить', 'обитать' (A. Joki, 31); *šurt* 'жизнь', 'обитание' (там же);

гагауз.: *каз-* 'копать', 'окапывать'; известен также в остальных тюркских языках; *каз* 'мотыга', которой окапывают землю;

Радл., Сл.: *kai-* 'скользить'; 'отскочить (о пуле)'; 'ускользать', 'незаметно пройти' (II, 3); *kai* 'снег, смешанный с дождем', 'скользкое место' (там же);

kak- 'сушить' (II, 59); *kak* 'сушеный', 'твердый', 'сухой', 'лишенный растительности' (II, 56);

чув.: *кар-* 'завешивать', 'занавешивать', 'обтягивать', 'развешивать', 'раскрывать', 'растягивать', 'растопыривать', 'расставлять', 'зевать', 'разевать (рот)'; известен также в остальных тюркских языках в формах *гер-*, *кер-*; *кар* 'крутой', 'натянутый';

М. Kāşgarī: *keç-* 'опаздывать' (Dizin, 290); *keç* 'поздний' (Dizin, 289);

азерб.: *көч-* 'переселяться', 'перекочевывать'; туркм. *гөч-*, тур. *göç-*, кирг. *көч-*, казах. *көш-*, якут. *көс-* в тех же значениях; так же у Махмуда Кашгарского (Dizin, 254), Абу-Хайяна (*köçdi*, 50), Bulgat. (II, 60); *көч* 'переселение', 'кочевка', 'табор'; в туркменском — «переселение», «кочевка», так же в турецком, киргизском, якутском, у Махмуда Кашгарского (Dizin, 354), Абу-Хайяна (там же), Bulgat. (I, 31);

Радл., Сл.: *oi-* (алт., тел., шор., саг., качин., кюэрик., киргиз.-казах., тар., чагат., осм.) 'выкапывать', 'выдалб- *oi* (к.-кирг., койб., сагайск., качин., чагат.) 'яма', 'низменность', 'долина', 'углубление' (I, 969); данное существитель-

ливать', 'вырезать', 'гравировать' (I, 970); известен в большинстве тюркских языков, а также у Махмуда Кашгарского со значением «помещать», «втискивать» (Dizin, 446);

ok- (уйг.) 'звать', 'называть';

оҥ- (кирг., уйг., осм.) 'удаваться', 'подходить' (I, 1026); в казахском и киргизском — «везти (в чем-либо)»; сюда же, по-видимому, относится и *ong-* 'иметь успех, счастье' в Ettuhfet. (Dizin, 222); Przekł. Kalili i Dim. «rozwiać się pomyślnie, być w dobrym stanie» (136);

Радл., Сл.: *öп-* 'целовать' (I, 1308); известен во всех тюркских языках;

тур.: *ör-* 'вязать', 'плести', 'класть заплату', 'штопать', 'чинить', 'возводить или поправлять стену'; едва ли имеет отношение к этому глаголу кирг. *өр-//өрү-* 'ползать', 'двигаться вверх (массой)' (Юдах., 337), а также «идти скоту на пастбище» (Буд., I, 119, 120 اورل со ссылкой на киргизский=казахский);

туркм.: *сап-* 'вдевать нитку';

кирг.: *сез-* 'чувствовать', 'чуять', 'догадываться', 'предугадывать';

алт.: *сеп-* 'приправлять', 'посыпать (мукой, цветами)', 'сделать прибавку' (Грамм. алт. яз., 249);

якут.: *сул-* 'оголяться';

сүүл- 'быть в периоде течки';

ное с тем же значением известно и в других тюркских языках, например в казахском, у Махмуда Кашгарского («неровная местность с ямами и впадинами», там же);

ok 'крик', 'голос', 'слово' (I, 991);

оҥ 'подходящий' 'соответствующий обстоятельствам', 'приятный' (I, 1026); в хакасском и казахском — *оҥ* 'удача'; в ряде языков, в частности в староосманском (Przekł. Kalili i Dim., 136) «правильный», «правая сторона»;

öп 'поцелуй' (там же);

ör- 'перегородка', 'искусственная преграда', 'диафрагма'; существительное *урь*, приводимое Будаговым со значением «местность, поднимающаяся постепенно», «высота», «возвышенность», «всход», «подъем» (I, 119, 120), является омонимом к киргизскому глаголу *өр-* 'ползать', 'двигаться вверх' и не имеет отношения к турецкому *ör-*;

сап 'нитка'; так же в азерб.;

сез 'чувство';

сеп 'прибавка', 'украшение', 'наряд' (там же); в киргизском — «прибавка»;

сул 'оголенный (лишенный растительности)';

сүүл 'течка';

тур.: *sürç-* 'спотыкаться', 'оступиться', 'сделать неверный, ложный шаг', 'ошибаться'; то же у М. Кашгарского (Dizin, 551), Ettuhfet. (Dizin, 243);

sürç 'спотыкание'; *метаф.* 'заблуждение', 'ошибка'; так же в азербайджанском и некоторых других тюркских языках;

sık- 'жать', 'сжимать', 'давить', 'сдавливать', 'теснить', 'выжимать'; 'нажимать', 'наседать на кого-либо', 'вынуждать', 'стеснять', 'надоедать', 'беспокоить', 'задевать', 'волновать', 'стрелять (из револьвера, ружья)', 'спускать курок'; так же в других тюркских языках;

sık 'частый', 'тесно поставленный', 'густой', 'плотный', 'узкий', 'тесный'; так же в азербайджанском и других тюркских языках;

кирг.: *тал-//талы-* 'замирать', 'неметь (о членах)', 'падать в обморок'; так же в хакасском (*тал-*); те же значения в алтайском (*тал-*), кроме того, «страдать падучей», «становиться немым»; тув. *дал-* 'падать в обморок', 'терять сознание (например, от сильного удара)', 'цепенеть (от неожиданности, удара)'; тат. *йокыга талу* 'клонить ко сну', в башкирском — «погружаться в сон»; тур. *dalmak* 'погружаться', 'окунаться', 'нырять'; 'впадать в забытье (о больном)', 'задумываться', 'быть рассеянным';

дал 'растерявшийся', 'опешивший', 'расслабленный', 'обессиленный'; ср. еще: *Yar geliyor diyende dal uykudan uyandı* («Türkçe sözlük», Ankara, 1959, s. 191) 'Когда сказали: «Идет любимая»,— он очнулся от глубокого сна';

Yusuf ve Zel.: *taş-* 'выходить наружу' (XX);

taş 'наружная сторона', 'наружу' (там же);

кирг.: *тоз-* 'распыляться', 'совершенно изнашиваться'; в узбекском еще «превращаться в пыль», «разбрестись в разные стороны»; *toz-* 'подниматься (о пыли)' (Abu-Hay., 106);

тоз 'пыль', 'мелкая пыль'; существительное это известно во всех огузских и некоторых кыпчакских языках (Abu-Hay., 106);

казах.: *той-* 'насыщаться', 'надоедать'; в киргизском — «насыщаться», «пресыщать-

той 'пир', 'пиршество', 'свадебный пир', 'празднество'; те же значения в киргизском

ся», в алтайском — «насытиться»,«удовлетвориться» (Грамм. алт. яз., 268); якут. *тот-* 'насыщаться', *toqdı*, *toydı* в таком же значении (Abu-Hay., 105, 106);

якут.: *туор-* 'голодать';

кирг.: *тын-//тым-* 'отдыхать', 'делать остановку', 'успокаиваться', то же в узб. *тин-* + «отстаиваться (о жидкости)», «переставать», «прекращаться»; тат. *тын-* 'притихнуть', 'затихать', 'успокаиваться'; в алт., хак. *тын-* 'дышать', Ettuhfet. еще «молчать» (Dizin, 257); Махмуд Кашгарский дает почти все эти значения: «отдыхать», «дышать», «переставать», «прекращаться» (Dizin, 616); в туркменском глагол имеет форму *диң-*;

кирг.: *тың-* 'оправиться', 'крепнуть', 'приободряться';

тур.: *tün-* 'наступать (о вечере)', 'темнеть', 'смеркаться';

М. Kāşgarī: *tüş-* 'падать', 'сходить', 'слезать' (ср. *er atïan tüşdi* 'человек сошел с коня', M. Kāşgarī, II, 13); глагол широко известен в остальных тюркских языках;

Радл., Сл.: *yk* 'слушать' (I, 1606), 'понимать' (I, 1607);

якут.: *уоп-* 'забирать в рот твердую пищу';

и алтайском; якут. *тот* 'сытость', 'сытый'; *toq* 'сытый' (Abu-Hay., 105);

туор 'голод', 'голодный';

тын 'дыхание', 'отдых', 'передышка', то же в узбекском + «спокойствие», «безмолвие», «тишина», а также атрибутивные значения «тихий», «спокойный», которые имеются еще в тат. *тын* наряду со значениями «бесшумный», «молчаливый», «глухой (о месте)», др.-уйг., Ettuhfet.—*тın* 'дыхание' (Dizin, 257; Малов, Пам., 436), в алтайском еще «дух», «душа»; также «жизнь» (Грамм. алт. яз., 270); то же у М. Кашгарского (Dizin, 616);

тың 'бодрый', 'бойкий', 'расторопный', 'крепкий', 'прочный', 'мощный'; то же в казахском;

tün 'вечер', 'ночь'; ср. выражение *tün aydın* 'добрый вечер!'; рассматриваемое существительное в том же значении известно во всех тюркских языках;

tüş 'остановка', 'место или время отдыха в пути' (ср. *tüş ödi* 'время остановки', M. Kāşgarī, I, 330);

yk (уйг.) 'мнение', 'значение', 'понимание' (I, 1605);

уоп 'количество пищи, которое можно захватить разом, в один прием';

Малов, Пам.: *йz-* 'рвать', 'прерывать' (441); см. *buz-* 'расстраивать', 'разрушать' (375);

йz buz 'разрушение', 'порча', 'препоны', 'преграды' (441); ср. *buz* 'порча', 'разрушение' (375);

якут.: *хор-* 'тратить';

хор 'быстро, легко расходуемый';

хак.: *хос-* 'прибавлять', 'добавлять', 'смешивать с чем-либо', 'присоединять', 'случать', 'спаривать (животных)'; известен также в остальных тюркских языках с основным значением «соединять», «присоединять», «запрягать» (глагол *қош-*, *қос-*);

хос 'пара', 'парный', 'двойной', 'соединенный', 'присоединенный'; в атрибутивном значении ('парный', 'двойной') данное имя известно в ряде других тюркских языков—узб., тат., кирг., казах., у Махмуда Кашгарского (Dizin, 348);

чув.: *хуп-* 'закрывать', 'затворять', 'упразднять', 'ликвидировать', 'запечатывать', 'консервировать (предприятие)';

хуп 'лубок', 'кора', 'чешуя', 'скорлупа', 'шелуха', 'кожица', 'наружная оболочка чего-нибудь', 'покрышка';

чув.: *ҫĕр-* 'писать скрипучим пером', 'драть'; ср. *čyz-*;

ҫĕр подражание звуку скрипения;

азерб.: *чыз-* 'чертить', 'проводить черту, линию', 'набросать', 'царапать';

чыз 'линия', 'борозда';

чув.: *шĕв-/шӳ-* 'мокнуть';

шыв/шӳ 'вода', 'река', 'сок'; ср. также *шĕв* 'вода' > *шĕвел-* 'становиться жидким, водянистым';

азерб.: *шиш-* 'пухнуть', 'опухать', 'набухать', 'толстеть', 'делаться толстым', 'вздуваться', 'надуваться', 'раздуваться', 'вздыматься', 'подниматься (об уровне воды)'; в тех же значениях глагол *шиш* известен в турецком, гагаузском, узбекском, татарском, хакасском, а также в Ettuhfet. (Dizin, 248), у Абу-Хайяна (96) и у других авторов;

шиш 'опухоль', 'вздутие', 'отек', 'нарост', 'опухший'; во всех остальных тюркских языках *шиш* имеет именное значение «опухоль», «шишка», а в хакасском — «нарыв», «фурункул», «чирей», в кызыльском— «волдырь»;

чув.: *шур-* 'белеть', 'бледнеть', 'блекнуть';

шур 'бельмо', 'катаракта', 'белый';

В качестве отголосков древнейшего синкретичного состояния глагола и имени в тюркских языках следует рассматривать азербайджанские учащательно-интенсивные именные формы типа *вурһавур* 'драка', 'потасовка', 'побоище', *тутһатут* 'облава', *гачһагач* 'повальное бегство', в которых сохранилась древнейшая субстанциональная семантика благодаря особой структуре этих сложных имен[15].

Б. ВТОРИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ОСНОВЫ

Проявлением грамматического синкретизма глагола и имени на ранних ступенях развития тюркских языков можно считать также случаи схождения вторичных, производных форм глагола и имени. Характерно, что производные омонимы образованы при помощи древнейших словопроизводных аффиксов *-ы- ~ -ы, -ы- ~ -ы, -қ- ~ -қ, -н- ~ -н* и т. д. Они прежде всего являлись формой образования глагольных имен, среди значений которых имя действия должно быть названо в первую очередь[16]. Это имеет прямое и непосредственное отношение к вопросу об источниках глагольно-именной омонимии. Как известно из предыдущего, большинство аффиксов отыменного глаголообразования служило в то же время формой отглагольного глаголообразования. Таким образом, здесь также наблюдается известный синкретизм, грамматическая индифферентность к природе исходной основы глаголообразования. Однако и в том и в другом случае синкретизм не распространяется на сами производные формы, которые являются глаголами, но не именами.

В описываемых же случаях синкретизм имеется в самих аффиксах, поэтому и продукты словообразования грамматически синкретичны. Синкретичные аффиксы словообразования глагола и имени составляют переходную фазу в тюркском словообразовании, когда уже вступил в действие механизм аффиксации, но еще не была изжита грамматическая нерасчлененность глагола и имени. Лишь в дальнейшем развитие грамматического строя тюркских языков приводит к дифференциации словообразовательных форм на глагольные и именные, чем в основном (но не до конца!) и преодолевается грамматический синкретизм глагола и имени, хотя в ряде форм он не исчез еще полностью даже в историческое время.

Приведем примеры производных глагольно-именных омонимичных основ.

---

[15] Менее вероятным представляется в данном случае влияние персидского языка, в котором имеются аналогичные образования.

[16] О значениях глагольных имен см. нашу статью «К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках», — сб. «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952, стр. 340—361.

Глагол	Имя
Азерб.: *ағры-* 'болеть', 'заболевать', 'хворать'; в турецком «болеть», «испытывать боль»; то же в словаре Радлова (I, 72); рассматриваемый глагол в форме *ағры-*, *ары-*, *аўру-||аўры-*, *ууры-||уур-* и т.д. с тем же значением известен во всех тюркских языках; основой его является *ағыр-~ағыр*—глагольно-именная основа со значением «болеть», «хворать», «испытывать боль»;	*ағры* 'боль', 'недуг', 'немочь'; в той же форме или в форме *аўру||аўры* и с тем же значением известен во многих тюркских языках;
гоху- 'издавать запах, вонь', 'гнить', 'разлагаться'; глагол *гоху-* произведен от глагольно-именного корня, который, например, в турецком (*kok-~*kok*) означает «пахнуть», «вонять», «тухнуть», «портиться», в словаре М. Кашгарского—«дурно пахнуть», «издавать запах» (Dizin, 339); от того же корня образован при помощи аффикса *-ла-* турецкий глагол *kokla-* 'нюхать' (Буд., II, 86), известный и в других языках (например, в крым.-тат.); формы *гоху-* и *kokla-* позволяют восстановить значение *«запах» именного члена омонимичной пары *қоқ-~*қоқ*;	*гоху* 'запах', 'вонь';
Yusuf ve Zel.: *iyi-* 'пахнуть' (XII); корень *iy* (там же);	*iyi* (*iy*) 'запах';
Ettuhfet.: *katı-* 'твердеть', 'застывать' (Dizin, 188); ср. قاتيماق в тех же значениях +«загрубеть», «сседаться», «замерзнуть» (Буд. II, 5); корень *–қат-* в том же значении в казах., кирг., узб. и др.;	*katı* 'твердый', 'жесткий', 'крепкий' (Dizin, 187); ср. قاتى, قتى, قاطى в тех же значениях—со ссылкой на чагатайский (Буд., там же);

тур.: *koru-* 'охранять', 'беречь', 'оберегать', 'сберегать', 'защищать', 'покровительствовать' и др.; глагол известен также в азербайджанском (*гору-*), узбекском (*қўри-*), алтайском (*кору-*) и в некоторых других языках с тем же значением (в алтайском еще «ограждать»); согласно «Грамматике алт. яз.» (197) в киргизском (=казахском) глагол означает «оберегать землю или вещь», «сделать ее заповедной, недоступной для других»; это значение вошло—со ссылкой на киргизский=казахский язык—и в словарь Л. Будагова, который, кроме того, приводит также значения тур. *koru-* (II, 77); основу глагола ср. с глаголом *қор-*, приводимым Будаговым в том же значении (там же). Корень *қор-* имел и именное значение, о чем можно судить по казах. *қорша-* (с глаголообразующим аффиксом *-ша-*) 'окружать', 'загораживать', по крымскотатарскому глаголу *къорчала-* 'защищать' с учащательным аффиксом *-ла-*, по узбекскому *қурбоши* (букв. 'начальник охраны') 'начальник полицейского участка' (в ханское время), 'начальник туземной полиции' (в царское время);

koru 'лес', 'небольшой охраняемый лес'; в других языках известна форма *қоруқ* (азерб. *горуг*) с конечным *қ* (казах., кирг., узб. и т. д.) со значением «заповедник» (казах., кирг.), «ограда», «огражденное место», «огороженный участок земли (как чья-либо собственность)», «охраняемое пастбище» (кирг.), «целина» (узб.); не исключено, что тур. *koru*<**kòruğ*;

азерб.: *оху-* 'читать', 'петь', 'учиться'—от *оқ* 'крик', 'голос', 'слово' (Радл., Сл., I, 994);

оху 'чтение'—от *оқ-* 'читать' (Радл., Сл., I, 993);

тур.: *salkı-* 'становиться вялым, дряблым', 'отвисать'; ср. кирг. *илкип-салкып* 'ле-

salkı 'вялый', 'мягкий', 'дряблый', 'расслабленный', 'висячий', 'отвислый', 'имею-

ниво', 'с прохладцей'; сравнение с казахским *салық-* 'чувствовать усталость, слабость, утомленность' позволяет выделить корень **сал* и форманты *-ық-* (*сал-ық-*) и *-ы-* (*салық-ы-*);

щий недостаток', 'дефектный';

sancı 'причинять острую боль', 'колоть', 'болеть (о внутренних органах)'; основу глагола *sancı-* ср. с другим глаголом *sanç-* 'вонзать', 'втыкать', 'всаживать', 'колоть', 'прокалывать', 'водружать', известным в первых двух значениях во многих современных и древних языках (енис.-орх., др.-уйг., Малов, Пам., 419; азерб., казах. *шаңш-*, кирг. *чанч-*, узб. и др.);

sancı 'колики', 'резь в животе', 'острая боль'; 'сомнение'; в первом значении данное существительное известно и в других языках (азерб. *санчы*, казах. *шаншу*, кирг. *чанчуу* и др.);

азерб.: *сәмри-* 'улучшаться'; ср. *hинди hава сәмриjир* 'сейчас погода улучшается' (Муг. гр. шив., 192); основа — *сәмир-* (азерб., тур., узб., тат., казах. 'жиреть'; 'толстеть';

сәмри 'хороший', ср. *Мырад сәмри адамды* 'Мурад хороший человек' (там же);

тур.: *ıl-* 'становиться теплым'; в словаре Радлова (I, 1375) 'быть теплым', 'застывать (о каленом железе)', 'быть усталым' — при *ылы* 'теплый'; принимая во внимание казахскую форму *жыл-* 'теплеть'; 'разогреваться' — при *жылы* 'теплый', можно, по-видимому, глагольную форму *ылы-* рассматривать в качестве вторичной, образованной при помощи аффикса *-ы-* в учащательном значении; однако это обстоятельство не должно поколебать допускаемого нами грамматического синкретизма также и в отношении данной основы, так

ıl||ılık 'теплый', 'тепловатый'; форма *ıl* возникла, возможно, из *ılığ*;

как можно с равным успехом признать, что наряду с *жыл-* существовали **жыл*, *ыл-~ыл*, откуда могла произойти глагольная форма *ылы-*, а от глагольной основы—именная форма *ылы*.

АФФИКС *-қ-~-қ...*

Глагол	Имя
кирг.: *бышык-* 'закаляться', 'крепнуть'; ср. с глаголом *быш-* 'созревать', 'поспевать', 'вариться', 'жариться', известным и в остальных языках в том же значении;	*бышык* 'крепкий', 'прочный'; так же в узбекском; в турецком—«сваренный», «спелый»;
туркм.: *гызык-* 'интересоваться', 'увлекаться', 'любоваться'; в аналогичных значениях *қызық-* известен в узбекском, казахском, киргизском и других тюркских языках; в татарском «прельщаться», «завидовать» (эти значения имеются и в узб. *қизиқ-*); *гызык-* ср. с другим глаголом *гыз-* со значениями «нагреваться», «увлекаться», «входить в азарт», «горячиться». Глагол *қыз-* с основными значениями «разогреваться», «горячиться», в некоторых случаях еще с метафорическими значениями «раздражаться», «возбуждаться», «сердиться» известен в азербайджанском, турецком, татарском, казахском и других языках;	*гызык* 'увлечение', 'интерес'; в узбекском, кроме того, «забава», «шут», «клоун», «интересный» «забавный», «занимательный», и эти же значения (кроме субстантивных) в казахском, киргизском и татарском;
кирг.: *жатык-* 'иметь пристрастие, склонность', 'льнуть'—от основы *жат-* 'лежать';	*жатык* 'наклонный', 'склонный';
Радл., Сл: *інак-* 'подружиться'; ср. с глаголом **іна-*,	*інак* 'друг', 'приятель', 'товарищ', 'доверенное лицо',

представляющим более старую форму известного глагола *инан-* 'верить', 'доверяться';

'приближенный слуга'; в кирг. *ынак* 'близкий друг', у С. Малова—«друг», «товарищ» (443);

кирг.: *күйүк-* 'заботиться', 'беспокоиться', 'гореть любовной страстью', 'не быть в состоянии перевести дух'; *күйүк-* ср. с *күй-* 'гореть', 'сильно печалиться', 'проявлять заботу', 'быть влюбленным'; основное значение—«гореть»; с этим значением глагол *күй-* известен еще в узбекском, алтайском, казахском, татарском и в других кыпчакских языках;

күйүк 'горе', 'ехидный', 'едкий (о слове)', 'гарь', 'горелый'; ср. казах. *күйік* 'ожог'; *метаф.* 'горе', 'печаль'; в основном те же значения в тат. *көек*;

Радл., Сл.: *карык-* 'темнеть', 'делаться темным' (II, 170) со ссылкой на османский язык; однако современные словари такого глагола не приводят; что касается его семантики, то она представляет обобщение исходного значения «быть ослепленным блеском снега» (кирг.) глагола *қарық-*, рассматривавшегося раньше;

карык 'затемненный' (там же); в современных словарях *карık* означает «ослепление», «потемнение в глазах» (от снега), «ослепленный»;

М. Kāşgarī: *sezik-* 'чувствовать', 'замечать', 'ощущать', 'понимать', 'догадываться' (Dizin, 509); *sezik-* ср. с *sez-* в том же значении, известном в большинстве тюркских языков;

sezik 'чувство', 'чувствование' (там же), Малов, Пам.—«сомнение» (421), в казахском—«подозрение», Ettuhf. *sezek* 'вспоминаемое чувство' (Dizin, 235);

чув.: *тарăх-* 'известись', 'измучиться', 'замаяться', 'истомиться', 'выходить из терпения'; *тарăх-* ср. с *тар*, который наряду с общетюркскими значениями «узкий», «тесный» и т. п. в азербайджанском, турецком, казахском и

тарăх 'мучение', 'тяжелое, горестное положение'; существительное образовано от синкретичной основы *тар-* ~ **тар*;

др. имеет еще значения: «трудное положение», «тяжелые обстоятельства», «затруднение»;

тутăх- 'ржаветь', 'тускнеть'—от существительного **тут* (Н. И. Амшарин в своем словаре его не отмечает), которое в некоторых языках (казахском, крымскотатарском) означает «ржавчину» (тат. «пятна пигментации», например у беременных женщин; производный же глагол *тутык-* означает, как и в чувашском, «ржаветь», а также «чернеть»); чув. *тутăх-* ср. с кирг. *тотук-* 'потемнеть', 'загорать (о лице)';

тутăх 'ржавчина'; так же в тат. (*тутык*); в каз. *тотық* 'окись'; 'загар';

АФФИКС *-ш-*~*-ш..*

Глагол	Имя
Азерб.: *јарыш-* 'соревноваться', 'состязаться', 'соперничать'; известен в турецком, казахском, киргизском, татарском, хакасском (*чарыс-*) и др. Корень **јар-*~**јар*?	*јарыш* 'соревнование', 'состязание', 'соперничество', 'гонки', 'бег', 'бега'; то же в других языках;
күләш- 'бороться'; в других тюркских языках *güreş-*, *күреш-*, *кураш-* и т. д. с тем же и более обобщенным значением; рассматриваемая глагольно-именная основа известна в большинстве тюркских языков; корень, по-видимому, **кур* 'сильный', 'обильный', 'густой', 'громовой';	*күләш* 'борьба'; в других языках: *güreş*, *күреш*, *кураш* и т. д. с тем же и более обобщенным значением;
кирг.: *мандаш-* 'сидеть способом «мандаш»'; в огузских языках известно существительное в форме *бағдаш*,	*мандаш*—один из способов сидения; от существительного *мандаш* образован аналитический глагол *мандаш кур-*||*ур-*

которое уже приводилось в разделе о подражательных глаголах и было проанализировано в виде *ба-ғ-да-ш*, где *-ғ* — аффикс отглагольного имени (=*-қ* и т. д.); учитывая киргизскую форму *мандаш* (с *н*), следовало бы, пожалуй, аффикс *-ғ* возвести к более архаичной форме *-ң*, которая сохранилась, например, в киргизском и туркменском, но употребляется главным образом при подражательных глагольных основах;

||*урун-*||*токун-*, известный (в формах *бағдаш гур-*) и в огузских языках со значением «сидеть, поджав „по-турецки" ноги»; существительное *мандаш* образовано от той же глагольной основы, что и глагол *мандаш-*;

азерб.: *саваш-* 'драться', 'ссориться'; то же в современном и старотурецком (*savaš-* 'walczyć'—Przekł. Kalili i Dim., 145); в кыпчакских языках данной форме соответствует *соғуш-*~*соғыш-*~*соғыс-* и т. д. с корнем **соқ-* 'ударять' (Малов, Пам., 422); глагольно-именные омонимы *саваш-*~*соғуш-*, *саваш*~*соғуш* известны во многих тюркских языках (казахском, киргизском, татарском, хакасском и др.); следует указать, что корень *соқ-*, по-видимому, также должен рассматриваться как грамматически синкретичный. На это указывает хакасская форма *сағ*||*чаа*(<*чағ*) со значением «война», *сағ* 'сила', откуда вытекает соответствие **сав-* (в составе *сав-аш-*)~*сағ*||**чағ*, что позволяет вовлечь в сравнение и межтюркское *чақ-* 'ударять', 'стучать', 'высекать (огонь)';

саваш 'драка', 'ссора', 'борьба'; анализ слова см. в левой части;

чаташ- 'путаться', 'спутываться', 'приходить в беспорядок'. *Чаташ-* ср. с гла-

чаташ 'путаница'; ср. с глаголом *чат-*;

голом *чат-* со значением «путаться», «приходить в беспорядок» (или «путать», «приводить в беспорядок»?), которое, однако, не сохранилось в киргизском или других тюркских языках, но восстанавливается из казах. *шатақ*, узб. *чатоқ* со значением «путаница», «запутанное дело»; в казахском еще «скандал» (в киргизском еще «спор», «ссора», «склока», «конфликт»); в узбекском также «спорный», «неясный», «запутанный», «несправедливый»; в татарском — «неполадка», «недочет».

Здесь опущены другие глагольно-именные формы с показателем *-ш-/|-ш*, получившие наибольшее распространение в тюркских языках. К глагольно-именным основам на *-ш-/|-ш* относятся, помимо приведенных, еще кыпч. *кеңеш-* 'советоваться'—*кеңеш* 'совет'; *қатнаш-* 'общаться', 'иметь связь'—*қатнаш*, 'связь', 'сношение'; тур. *değiş-* 'меняться', 'переменить'—*değiş* 'перемена', 'замена', 'обмен'; тур. *tavuş-* 'легко ступать', 'ходить тихой поступью'—*tavuş* 'легкий стук шагов'; тур. *üleş-* 'делить', 'раздавать', 'распределять'—*üleş* 'раздел', 'пай' 'часть'; 'доля' и ряд других.

АФФИКС *-н-~-н...*, *-гын-~-гын...*

Глагол	Имя
гагауз.: *јакын-* 'приближаться', 'подкрадываться'; основой глагола являются глагольно-именные омонимы *йақ~йақ-*; *йақ* известен во всех кыпчакских языках со значением «сторона»; «щека», «лицо», а в глагольном значении отмечается Махмудом Кашгарским с семантикой приближаться», «касаться» (Dizin, 731); С. Малов отме-	*јакын* 'близкий'; анализ омонимов см. в левой части;

чает в форме *jaq-* 'приближаться' и *jaγ-* 'приставать', 'предаваться'— Малов, Пам. (383, 384), а также в кирг. *жуу-* 'приближаться'; как известно, другой разновидностью имени *йақ* является *йан* со значением «бок», «сторона»; эта форма также является синкретичной, о чем можно судить по глаголу *jан-* 'возвращаться', известному из «Памятника в честь Кюль-тегина» (Малов, Пам., 384); можно, как это делали Г. Рамстедт, В. Банг и другие, возвести оба глагольно-именных омонима к единому корню **jа* и в таком случае форму *jақын* рассматривать в качестве вторичной синкретичной глагольно-именной основы; что касается показателей *-н-*~*-н* и *-қ-*~*-қ* в формах *йан* и *йақ*, то, учитывая анализ киргизского глагола *мандаш-*, а также другую разновидность формы *йақ*, т. е. *jaγ-*, можно поставить общий вопрос о происхождении всех этих показателей из единой формы* *-ӈ-*;

jынан- 'доверять', 'верить'; принимая во внимание разбор формы *інак*, можно возвести рассматриваемый глагол к другому глаголу (или глагольно-именным омонимам) *jына-* (~**jына*);

jынан 'честный', 'верный'; ср. тур. «вера», «уверенность», «доверие»; основа та же, что и у омонимичного глагола;

M. Kāşgarī: *tütün-* 'дымить', 'дымиться' (Dizin, 679); основу глагола ср. с глаголом *tüt-* тур. 'дымить', 'надымить', 'наполнять дымом', 'дымиться'; в тех же значениях у Л. Будагова (Буд., I, 385);

tütün 'дым' (Dizin, 678); так же в ряде языков (см. Буд., I, 385); основа данного существительного *tüt-*;

Houtsma ازنغل от глагола *uzun-* 'быть длинным' (47); основу глагола можно восстановить в виде **узу-*~**узу* или **уза-*~**уза* (Deny, § 847), если учесть казахские глаголы ұзар- и ұзай- (образованные от имени **уза*) со значением «удлиняться», «становиться длинным», которое реально представлено в туркм. *уза-* 'удлиняться', 'длиться', 'тянуться'; таким образом, основа *уза-* или **узу-* смыкается с общетюркским *уза-* (тур., азерб., казах., кирг., узб. и др.) 'удаляться', 'отдаляться'; иными словами—*узақ* 'далекий' и *узун* 'длинный' имеют единую основу **уза-* или **узу-*, которая должна включать в себя все перечисленные значения;

uzun 'длинный'; об основе см. в левой части;

тур.: *utan* 'стыдиться', 'смущаться', 'краснеть', 'конфузиться'; форма на *-н-*~*-н* грамматически синкретична; основой глагола *утан-* является имя (а возможно, и глагольно-именной омоним) *ут*;

utan 'стыд', 'стыдливость', 'застенчивость'; гагауз. *утан-*~*утан* с теми же значениями;

алт.: *чагын-* 'сверкать (о молнии)' (Грамм. алт. яз., 288); основу глагола ср. с алт. *чак-* 'высечь огонь', 'ужалить' (так же в азербайджанском, киргизском, туркменском, узбекском и турецком, в которых еще значение «сверкать», в туркменском, киргизском, казахском и татарском — «жалить» и т. д.); корень *чақ* имеет также именное значение, восстанавливаемое из казах. *шақ-шұқ* 'бряцание', 'лязг'; ср. еще кирг. *чак* 'подражание звуку от удара';

чагын (конд. *чаажын*) 'молния'; анализ основы см. в левой части;

Глагол	Имя
тур.: *yayla-* 'проводить лето в горах', 'пастись в горах'; в разном фонетическом оформлении широко известен почти во всех тюркских языках; основу его составляет существительное *уау ~ уаг* со значением «лето» (тур., алт., казах.— *жаз*, азерб.), «весна» (узб., хак.— *час*, кирг. *жаз*);	*yaylâ* 'горное плато, служащее летовьем', 'летнее пастбище в горах', 'яйла'; выше указывалось, что принципиально возможно возвести *yaylâ* к *yaylağ* с конечным сонорным;
кирг.: *куданда-* 'стать сватом, родственником (по браку детей)'; глагол восходит к основе *кудан-~кудан*, которая в свою очередь берет начало от *куда* 'сват' (казах., тат., узб. и др.); таким образом, здесь два словообразовательных аффикса, по-видимому синкретичных: *-н-~-н* и *-ла-~-ла*;	*куданда* 'сват', 'побратим'; теоретически нельзя исключить возможности образования *куданда* из **кудандаа* < **кудандоо* < **кудандаў*;
Ettuhfet.: *makta-* 'хвалить', 'восхвалять', 'расхваливать' (Dizin, 216); глагол широко известен в современных языках с тем же значением; основа его восходит, по-видимому, к глагольно-именным омонимам **мақ-~*мақ*, от которых, однако, в современном алтайском (Грамм. алт. яз., 218) и хакасском языках сохранился лишь именной член со значением «слава», «хвала»;	*makta* 'хвала', 'похвала'; анализ исходной основы см. в левой части;
тур.: *pufla-* 'дуть', 'вздувать', 'надувать'; основу глагола составляет подражательное слово *puf;*	*pufla* 'пух', 'вздувшийся', 'пышный'; основа та же, что и в глаголе *pufla-*;

Abu-Hay.: *çilä-//çisä-* — (так же в турецком) 'моросить' (29); основу глагола образует имя *čij*(<*čīg*), известное во многих языках (тур. *çiğ*, казах. *шық*, кирг. *чык*, туркм. *чыг*, M. Kāşgarī جي—III, 207, а также в Ettuhfet., Dizin, 162) со значением «роса», «влага»; *çilä//çisä* 'легкий, моросящий дождь' — от основы **čij* (<*čīg*);

АФФИКС *-ар-~-ар, -гар-~-гар, -ыр-~-ыр, -гыр-~-гыр*

Глагол	Имя
Ettuhfet.: *agır-* 'быть тяжелым' (Dizin, 136); ср. туркм. *агыр-* 'болеть', 'заболеть', 'испытывать боль'; хак. *ағыр-* 'болеть', 'хворать'; общетюркское значение этого слова в хакасском закрепилось в стяженной форме *аар* 'тяжелый'; сопоставляя значения рассматриваемой основы в Ettuhfet. с туркменским и хакасским, мы можем считать ее единой, если только в двух названных языках не произошла апокопия; та же основа в туркменской стяженной форме (*ār-* и *ār*) означает соответственно «быть беременной» и «беременная», «тяжелый»; основы *ағыр*, *ағры*, *авур*, *авыр* и т. д. являются производными, о чем можно судить по туркменским формам *ава-* 'болеть', 'ныть' (о ране), *авун-* 'получать боль', 'страдать', 'мучиться', *авыша-* 'болеть', 'гореть' (о ранах)', из сопоставления которых выделяется корень *ав*, восходящий, вероятно, к **ағ*, лежащему в основе перечисленных глаголов; таким образом,	*agır* 'тяжелый' (там же);

элементы *-ыр-~-ыр* в *ағыр-~ағыр* являются формативами; омонимы *ағры-* 'болеть', 'заболевать', 'хворать', *ағры* 'боль', 'недуг', 'немочь'(азерб., тур. и др.) этимологизируются в виде *ағыр-ы-* > *ағыры-* ~ *ағыр-ы* > *ағры*;

Ettuhfet.: *başar-//başkar-* 'доводить до успешного конца', 'исполнять', 'устраивать' (Dizin, 148); основа глагола общетюркское *baş*;

başar//başkar 'успех', 'мера' (Dizin, 148)— от **baş-~baş*;

тур.: *öğür-* 'мычать', 'реветь', 'рыгать', 'испытывать приступ рвоты'; основа глагола — подражательный корень **ö*, не имеющий самостоятельного употребления; в крымскотатарском языке глагол *окурь-* означает «стенать», «вопить», «реветь», так же в казах. (*өкір-*), кирг. (*өкүр-*) и узб. |*ўкирмоқ* «реветь (о корове)», *метаф.* «рыдать (о человеке)»|;

öğür 'рыдание', 'вопль', 'стон', 'рычание'; от именного значения *öğür* образован при помощи аффикса *-да-* вторичный глагол *öğürde-* 'рыдать', 'стонать';

кирг.: *өткөр-* 'проводить', 'заставить *или* позволить проходить' — от глагола *өт-* 'проходить', 'миновать', 'опережать', 'быть острым (о предметах колющих, режущих)' и другие значения; рассматриваемая понудительная форма известна также в узбекском *ўткар-//ўтказ-* 'проводить', 'пропускать через что-либо', 'разрешать проходить', 'продевать', 'вдевать'; татарском *үткәр-* 'проводить', 'проносить', 'пропускать', 'переносить (горе, болезнь)'; в алтайском с узким гласным *ӧткўр-* 'проводить сквозь что-нибудь' (Грамм. алт. яз., 230), казах.

өткүр 'острый', 'режущий', 'колющий', 'ловкий'; в тех же значениях *өткүр* известен в казахском (*өткір*), татарском (*үткер*), узбекском (*ўткир*) с дополнительными значениями «отточенный»; «сильный», «пронзительный», «едкий», «жгучий», «пряный», «острозвительный», «проницательный», «сообразительный», «изощренный», «тонкий»;

өткір- 'пропускать', 'переправлять (через реку)', 'просрочить', 'упускать (время)', 'пропускать', 'вдевать';

азерб.: *чығыр-* 'кричать', 'выкрикивать', 'орать'; о глаголе *чығыр-*, кирг. *чыңыр-* см. выше (стр. 268—269); там же см. глагол *чағыр-* и его корень *чағ*; корень *чығ*, лежащий в основе *чығыр-*, известен в форме *чув* (в парном *зий-чув*) в крымскотатарском, а также киргизском парном существительном *зий-чув*, *ызы-чуу* 'крик', 'шум', 'галдеж'; таким образом, имеются все основания говорить о едином подражательном корне *чағ*//*чығ* со значением «крик», «шум» и т. п.

чығыр в составе парного существительного *чығыр-бағыр* 'шум', 'крик', 'гам', 'галдеж'; анализ его см. в левой части; от именного значения *чығыр* образовалось кирг. *чыкырчуу* (=*чыкыр-чуу*) 'сзывающий', 'призывающий' (*чыкыр* в киргизском означает «призыв», «оклик») с аффиксом имени деятеля *-чуу*.

АФФИКС *-қа-*~*-қа*, *-кы-*~*-қы*

Глагол

Ettuhfet.: *karangı-* 'темнеть', 'наступать (о темноте)' — от основы **karan-*~**karan*, восходящей к *kara*; ср., например, *jaruqly qaraly* 'свет и мрак' (Малов, Пам., 411); элемент *н* в основе *гаран* является, по-видимому, синкретичным показателем *-н*~*-н*, в данном случае безусловно восходящим к *ң*, как то показывают именные формы *караңғы* (тат.), *қараңғы* (каз.), *гараңкы* (туркм.), у Махмуда Кашгарского (*karangğu*) и т. д.;

тур.: *oyulga-* 'стегать иглой', 'приметывать', 'пришивать на живую нитку' — от

Имя

karangı 'темнота', 'сумрак', 'мрак'; так же и в том же значении в других тюркских языках (см. в левой части) и в древнетюркском (*qaraŋγu*, Малов, Пам., 412), у М. Кашгарского (*karanğgu*, Dizin, 267) и т. д.; от *karangı* образовано тур. **karangılık* со стяжением в *karanlık* 'темнота', 'мрак', 'сумрак';

oyulga 'приметка', 'шитье на живую нитку'; анализ слова см. в левой части;

основы *oyul* (с древним именным аффиксом *-л*), образованной от глагола *оу-* 'выдалбливать', 'выкапывать'.

АФФИКС *-а-* ~ *-а...*

Глагол	Имя
тур.: *keke-//kekele-* 'заикаться'; так же в азербайджанском; из казах. *кекеш* 'заика' также восстанавливается его основа **кек-* или **кеке-*; глагол и имя происходят, по-видимому, от подражательного удвоенного корня *ке*, хотя этому противоречит как будто гагауз. *кек-* 'заикаться'; однако формы *ке* и *кек* могли сложиться независимо друг от друга, и обе они одинаково возможны как подражательные слова;	*keke* 'заика';
якут.: *санаа-* 'думать'; основа глагола — *сан*, восходящая к древнему глаголу *са-* 'считать' (Малов, Пам., 417), наращенному глагольно-именным аффиксом *-н-* ~ *-н*, рассмотренным выше;	*санаа* 'дума'; анализ основы см. в левой части;
чув.: *ялтăра-* 'блестеть', 'блистать', 'светиться'; глагол широко известен в тюркских языках: ср. узб. *ялтирамоқ*, казах., кирг. *жалтыра-*, тат. *ялтыра-*, хак. *чалтыра-* 'блестеть', 'сверкать'; основу глагола составляет вторичная подражательная основа с грамматически синкретичным аффиксом *-ыр-* ~ *-ыр*, наращенным к подражательному корню *ялт//жалт* со значением	*ялтăра* 'светлый', 'яркий';

«сверкание», «блеск»: ср. тат. *ялт ит-* ‘сверкать’, ‘сверкнуть’, ‘блестеть’, ‘блеснуть’, ‘сиять’, *ялт-йолт ит-* ‘сверкать’, ‘ярко блестеть’; казах. *жалт-жұлт* ‘повторяющиеся вспышки огня, молнии’; ср. также кирг. *жалт бер-//жалт эт-* ‘дрогнуть’, ‘броситься в сторону’, ‘шарахнуться’, казах. *жалт бер-* ‘неожиданно, быстро повернуть в сторону’, *жалт бұрыл-* ‘шарахнуться в сторону’, ‘круто повернуться’, узб. *ялт этиб қарамоқ* ‘быстро взглянуть’ и др.; наряду с формой *ялтыр//жалтыр* в некоторых тюркских языках имеется также форма *жалтыл* (казах., кирг.), которая, однако, соединяется с глаголообразующим аффиксом *-ла-*, а не *-а-*. Фонетически параллельной к *ялтыр//жалтыр//жалтыр* является форма *йылтыр//жылтыр//жылтыр*, также означающая «блеск», «сияние», «мигание»; ср. тат. *елтыр-елтыр кил-* ‘мигать (о свете)’, ‘тускло светиться’, казах. *жылтыр* ‘блеск’, ‘лоск’, ‘глянец’; от *йылтыр* образованы при помощи аффикса *-а-* семантически однородные глаголы: тур. *yıldıra-*, туркм. *йылдыра-* ‘сверкать’, ‘сиять’, ‘блистать’, тат. *елтыра-* ‘светиться (о тусклом свете)’, хак. *чылтыра-* ‘сверкать’, ‘блестеть’, ‘ярко гореть’, казах. *жылтыра-* ‘светить’, кирг. *жылтыра-* ‘блестеть’, ‘сверкать’; корнем *йылтыр//жылтыр* является подражательное слово *елт//йылт//жылт//жылт*, звукописующее сверкание или мгновен-

ность, как и в корне *ялт||жалт||жалт*; ср. тат. *елт!* 'шмыг!', *елт итеп кит-* 'сверкнуть', каз. *жылт жылт ет-* 'сверкать', 'поблескивать', 'мерцать', кирг. *жылт эт-* 'сверкнуть', *жылт-жулт эт-* 'поблескивать'. Таким образом, ясно, что *ялт||жалт||жалт = йылт||жылт||жылт*, *ялтыр||жалтыр||жалтыр = йылтыр||жылтыр||жылтыр*; последние тождественны и по значению; ср. казах. *жалтыр* 'блеск', 'лоск', 'блестящий', 'ясный (о погоде)', кирг. *жалтыр* 'блестящий' и казах. *жылтыр* 'блеск', 'лоск', 'глянец';

туркм.: *яңра-* 'болтать', 'говорить что попало'; фонетически более полной формой данного глагола будет узб. *янғира-* и тат. *яңгыра-* 'звучать', 'раздаваться (о звуке)', а в татарском еще «греметь», «звенеть»; основа глагола — *яңыр*, в свою очередь восходящая к подражательному корню *яң*, в туркменском со значением «эхо»,«отголосок», «отзвук» (этот же корень имеется в тур.: *yankı* и *yansı* 'эхо'); в других языках корень *яң* осложнен глагольно-именным показателем *-ыр-~-ыр* или *-ғыр-~-ғыр* (как в узб. или тат.) и имеет подражательное значение; значение туркм. *яңра-*, вероятнее всего, есть результат метафорического употребления исходного значения «звучать», «раздаваться (о звуке)».

яңра 'болтун', 'болтливый', 'пустомеля'; анализ основы см. в левой части.

АФФИКС *-ша-~-ша..., -шы-~-шы...*

Глагол	Имя
кирг.: *сурамжы-* 'расспрашивать'; основа глагола — глагольное имя на *-м*, образованное от *сура-* 'спрашивать', 'просить', 'повелевать', 'управлять';	*сурамжы* 'опрос'; анализ слова см. в левой части;
Радл., Сл.: *ухша-* 'быть подобным, сходным' (I, 1616) — от именного корня *ох//ух// оқ//уқ* 'подобный'.	*ухша* 'сходство', 'подобие'.

АФФИКС *-т-~-т..., -қут-~-күт...*

Глагол	Имя
Turf. VIII: *bošγut-* 'учить' (88); Малов, Пам. *bošγur-* 'учить', 'наставлять', *bošqun-* 'учиться' (373);	*bošγut* 'поучение', 'наставление';
хак.: *уят-* 'стыдиться', 'совеститься' от корня **уй~*уй-* — фонетической разновидности тур. *ud//ut* 'стыд'; едва ли здесь имеется аффикс понудительности в его древнейшем состоянии; вероятнее всего, *-т-* в *уят* идентичен аффиксу *-д-* (=*-й-* в современных кыпчакских языках) в *буңад-* 'испытывать стеснения' (Малов, Пам., 374) — от *буң* 'стеснение', 'тягота' (там же) и в аналогичных по форме глаголах. Омоморфный аффикс *-т-* в существительном *уят* совпадает с показателем отглагольного словообразования имен на *-т* в существительных типа *кечид* 'проход', 'переход', 'брод', 'переправа', 'перевал', *аjырд* 'уста-	*уят* 'стыд', 'совесть';

новление', 'определение', 'уточнение' и т. п., известным во всех тюркских языках.

В исследовании Г. Рамстедта все отыменные глагольные формы с аффиксами *-да-, -ду-, -ды-..., -д-||-т-, -ад-||-ат-, -ыд-||-ыт-* и т. д. генетически объединены, и к этой общности отнесены глаголы: *alda-* 'обманывать', *üntä-*, *indä-* 'звать', *buŋad-* 'испытывать стеснения', *unut-* 'забывать', *ält-* 'вести', 'нести', *qolt-* 'вести', *jalda-* 'хвататься за гриву', *öktä-* 'придавать отвагу', *maqta-* 'хвалить', *istä-*, *izdä-* 'желать', 'хотеть', *aida-* 'гнать', 'погонять', *örtä-* 'зажигать' *aŋdy-* 'поджидать', *udy-~uju-* 'спать', *jantaš-* 'приближаться', *jonty-* 'становиться толстым', *syqty-* 'становиться влажным', *öktä-* 'подниматься', 'расти', 'становиться больше', *joqad-* 'уничтожать', *bašad-* 'приводить', *jägäd-* 'улучшать', *küŋäd-*, *küŋdä-* 'исполнять обязанности служанки', *qutad-* 'делать счастливым', *közät-* 'присматривать', 'поджидать', 'выжидать', *išid-* 'слышать', *igid-*, *ägid-* 'поднимать', *tod-~toj-* 'быть сытым', 'насыщаться', *sad-~saj-* 'считать', *jüd-* 'переносить', *qot-~qoj-* 'класть', *jumut-* 'собираться', *tosta-* 'выступать вперед', *qysta-* 'давить', 'принуждать', *aŋdan-* 'кататься', *qapta-* 'быть плотно набитым', 'быть полным людьми', *kündäm* 'послушный', 'покорный', *tart-* 'тянуть', *aptyra-* 'опешить', *alŋara-* 'оказываться в затруднении', *arta-* 'погибать', 'пропа-

дать', *astyq-* 'сбиваться с пути', 'заблуждаться', *qarault-* 'быть едва видным издали', *jasta-* 'едва не сделать что-либо', *jūda-* 'приближаться', *toqta-* 'останавливаться', *käŋdi-* 'грызть', *öŋdür* 'подниматься', *siltä-* 'шмыгнуть', *init-* ~ *änit-* 'сильно желать'. Сюда же Г. Рамстедт был склонен отнести и элемент *-да-* в составе частной формы понудительного залога *-дар-||-мар-*: *aŋdar-* 'переворачивать', *köndär-* 'уговаривать', *quptar-* 'поднимать', *qantar-* 'поить'[17].

Весь этот обширный и разнородный материал, относимый автором к формам особого аффикса *-д-* с предшествующим или последующим гласным, возможно интерпретировать иначе, не говоря уже об ассимилятивных формах глаголов, к которым можно отнести следующие примеры Г. Рамстедта:

alda-, *üntä-*, *indä-*, *buŋad-*, *jalda-*, *öktä-*, *maqta-*, *ajda-*, *istä-*, *izdä-*, *örtä-*, *jantaš-*, *joqad-*, *bašad-*, *jägäd-*, *küŋäd-* и другие глаголы на *-да-||-та-*, *-ад-* вместо **алла-*, **ӱнлӓ-*, **инлӓ-*, **излӓ-* и т. д. с показателем *-ла-* (ср., например, *үнүм инле*, *беним сөзүм динле* из «Коркуда» вместо *инде*; или туркм. *исле-* вместо *исте-*). Вопрос о том, почему в истории тюркских языков в отдельных случаях закрепились глаголы в форме на *-да-||-та-* вместо ныне общераспространенной формы *-ла-*, равно как и закрепление в древних глаголах показателя *-ад-||-ам-* вместо ныне распространенного пока-

[17] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 48—62.

зателя *-ай-* имеет общее, а не частное значение. Он касается всех вообще рудиментарных, изжитых форм в тюркских языках и представляет собой особую задачу, которую нельзя решить в рамках приведенного выше перечня глаголов. Что касается глаголов с аффиксом *-d-||-t-*, то последний в принципе может иметь то же происхождение, что и аналогичный аффикс в составе глаголов *айт-*, *қайт-* и им подобных, которые в тюркологии рассматриваются, как известно, в качестве образований с аффиксом понудительности *-т-*, потерявшим свое значение. Так как деграмматизация наблюдается и в более поздних формах понудительности, например в аффиксе *-дыр-* (ср. *бастыр-*, *салдыр-* и т. п. с деграмматизированными значениями), то нет, по-видимому, препятствий для отнесения части глаголов из примеров Г. Рамстедта к бывшим формам понудительности, например *äšit-||išit-*, *tart-*, *sad-||saj-* и др.

В других случаях можно допустить присутствие аффикса понудительности в словообразовательном значении (см. гл. II, стр. 338—339), например глагол *igid-||ägid-*.

Особую проблему в области древнего глаголообразования составляет форма *-dy-*, которую Г. Рамстедт объединяет с остальными формами на *-d-*. Однако анализ этой формы без привлечения фонетически соответствующих па-

раллелей с последующим узким гласным, например формы *-лы-*... (в частности, приводимых Махмудом Кашгарским *-лын-*, *-лыш-* и *-лық-*) и т. п., едва ли возможен.

кирг.: *унут-* 'забывать'; так же во многих других тюркских языках; основой глагола, по-видимому, является корень **у* (*у-?), наращенный глагольно-именным показателем *-н-* ~ *-н*.

унут 'забвение', 'забытость'; так же в алтайском (Грам. алт. яз., 283); показатель *-т* здесь тот же, что и в существительном *уят*.

АФФИКСЫ *-ай-*~*-ай, -ма-*~*-ма, -ч-*~*-ч*...

Глагол

Имя

кирг.: *далба-*//*далбаала-* 'быть изодранным'; по всей вероятности, приведенный глагол образован при помощи учащательного аффикса *-ба-* ~ *-ма-*, использованного в словопроизводном значении; тот же показатель фигурирует в имени с однородным значением: «рваный», «в клочьях»; отсюда следует, что он грамматически синкретичен; оба слова восходят к корню *дал* ~ **дал-*, из которых *дал* приводится в словаре К. К. Юдахина в парном виде *дал-дал* со значением «изодранный в клочья» (203);

далба 'рваный', 'в клочьях'; возможно, *далба* происходит из **далбаа-*;

Ettuḫfet.: *kartay-* 'становиться старым', 'стареть' (Dizin, 186); основа глагола *kart* в современных языках является именем; поскольку от этой основы при помощи аффикса *-ay-* образовано и имя *kartay*, следует допустить, помимо синкретизма самого показате-

kartay 'старый', 'пожилой';

ля (*-ay-∼-ay*), также и синкретизм исходной основы *kart∼kart-*;

Ettuhfet.: *ölç-* 'мерить' (Dizin, 225); ср. также *ölüş-* (там же) в том же значении; учитывая обычный в данном памятнике переход *č*>*ş*, можно вторую форму возвести к первой, т. е. *ölüş-*<**ölüç-*, где **-üč-* — словопроизводный аффикс с глагольно-именным значением, чаще квалифицируемый как показатель отглагольных имен в составе аффиксов *-нч*, *-қач*||*-қыч*, *-мач* и т. п.

öiç 'мера', 'измерение'; от именного значения *ölç* в туркменском образовался глагол *өлче-* 'мерить', 'вымерять', 'измерять', 'взвешивать', 'соображать', 'прикидывать в уме'; ср. с узб. *ўлча-*, кирг. *өлчө-*, казах. *өлше-*, тат. *үлчә-* 'мерить', 'взвешивать'.

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ОСНОВЫ НЕЯСНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ОСНОВЫ С ГЛАСНЫМ ИСХОДОМ

Глагол

Малов, Пам.: *arqa-* 'вьючить', 'собирать (доказательства)' (360). У Махмуда Кашгарского — «искать», «проверять» (Dizin, 34);

Радл., Сл.: *ары-* 'очищаться', 'стать чистым', 'держаться чистым', 'быть опрятным' (I, 267); так же в Ettuhfet.: *aru-* 'быть чистым' и *aru* 'чистый' в сочетании *aru bol-* 'быть чистым' (Dizin, 142); в словаре Махмуда Кашгарского *arı-* имеет переходное и непереходное значения: «быть чистым» и «чистить» (Dizin, 32), из которых второе выражается также закономерной формой *arıt-* (там же); в KW имеется наращенная форма *arın-* 'становиться чи-

Имя

arqa 'спина' (359);

ары 'чистый', 'святой' (I, 266);

стым' (42); Abu-Hay.: *arığ* 'чистый' наряду с *arı* (Abu-Hay., 5); форма *arığ* отмечается и в турфанских фрагментах: ср. *arïγ* 'чистый' (Turf. VIII, 86); так же в памятнике в честь Тоньюкука и у Рабгузи (Малов, Пам., 360); все это позволяет допустить возможность возведения формы *arï* или *aru* соответственно к *arïγ* и **aruw*, причем редукция и элизия конечных сонорных *γ* и *w*, например, в малоазийских огузских языках произошла уже к началу XIII в.; ср. Seldsch. Ver., 35: ارى سو 'чистая вода'; что касается корня рассматриваемого глагола-имени, то известное представление о нем дает узб. област. *арчи-* 'обдирать (кору, шелуху и т. п.)', 'обчищать', образованное при помощи аффикса *-чи-* (= *-ша-*, *-жа-*, рассмотренному в главе II) от основы *ар*; таким образом, *ары-* ~ *ары* можно рассматривать в виде *ар-ы*, где *-ы-* ~ *-ы* — известный читателю словообразовательный аффикс;

азерб.: *ачы-* 'делаться горьким', 'горкнуть', 'скисать', 'быть кислым', 'подходить' (о тесте); в тех же значениях в алт. *ачы-* (Грамм. алт. яз., 153), اچيمق, اچيمق (Буд., I, 15), туркм. *āжа-*, кирг. *ачы-* (но «кислый» и пр. будет *ачуу* < *ачуў*), тат. *ачы-*, хак. *ачы-* (но «горький», «кислый» — *ачығ*, как в словаре Махмуда Кашгарского — Dizin, 3, или узб. *аччиқ*), узб. *ачи-* и др.; учи-

ачы 'горечь', 'горький', 'язвительный'; то же в турецком, туркменском; ср. *ачы* 'кислый', 'прокисший', 'горький', 'соленый', 'имеющий острый вкус' (Радл., Сл., I, 503); в тат. (*ачы*) еще 'пронзительный', 'зычный', 'истошный (голос)';

тывая формы *ачыг* и *ачуу*, можно было бы также и азербайджанское *ачы* возвести к производной форме с конечным сонорным *г*; но это маловероятно, так как в азербайджанском языке конечные *г* и *г* обычно сохраняются, а их историческое положение еще должно быть изучено;

ачы- 'страдать', 'испытывать боль, огорчение', 'жалеть', 'сожалеть', 'сжалиться', 'сочувствовать', 'входить в чье-либо положение'; возможно, что рассматриваемый глагол развился из предыдущего путем закрепления в нем метафорического значения под влиянием метафорического значения имени *ачы* 'горечь', 'горький', а также 'боль', 'горе'; то же в тур. *acı-* и *acı*, в которых объединяются значения обоих азербайджанских омонимов; в словаре Махмуда Кашгарского в глаголе *acı-*, означающем «киснуть» и «болеть (о ране, теле)» (Dizin, 3), объединяются основные значения синкретичных *ачы-* и *ачы-*$_1$.

ачы 'боль', 'горе';

M. Kāşgarī: *biti-* 'писать': *er bitik bitidi* 'человек написал книгу' (M. Kāşgarī, II, 325); то же у Абу-Хайяна: *bitidi* 'он написал' (19);

biti — название одной из книг, по верованию, сошедших с неба (M. Kāşgarī, III, 217); так же у Абу-Хайяна: *biti*//*bitik* 'книга', 'писание' (19);

туркм.: *боя-* 'красить', так же в азербайджанском, турецком; بویا *boya-* (Houtsma, 65);

боя (наряду с *бояг*) 'краска'; вторая форма образована при помощи аффикса *-г* от глагола *боя-*; بویا 'краска' (Houtsma, 65); так же в KW (63);

кирг.: *бытыра-* 'рассеиваться', 'разбредаться', 'раздробляться', 'расчленяться';

бытыра 'дробь'; возможно, впрочем, что *бытыра* образовано из *бытыраа* (<*бытыраў*); узб. *питра*; возможно, что данные омонимы находятся в связи с араб. بتر 'срезание', 'отрубание';

туркм.: *dāpы-* 'быть живым'; у Абу-Хайяна 'жить' (103); туркм. *dāpы-* разъясняет турецкое выражение *ölüm dirim* 'жизнь (или) смерть';

dāpы 'живой', ср. еще: «La Regola»—*dirúm* 'vita' (49);

тур.: *ekşi-* 'делаться кислым', 'становиться кислым', 'прокисать', 'скисать', 'портиться (о желудке)', 'бродить', 'принимать кислое, недовольное выражение (о лице)', 'смущаться', 'приходить в замешательство';

ekşi 'кислота', 'кислый', 'острый', 'едкий', 'заквашенный', у Махмуда Кашгарского *ekşiğ* (Dizin, 175); возможно, что и турецкое *ekşi* восходит к **ekşiğ*;

eski- 'стареть', 'стариться', 'ветшать', 'изнашиваться'. Так же в узбекском, у Баттала (31);

eski 'старый', 'ветхий', 'поношенный', 'прошлый', 'прежний', 'старинный', 'давний', 'хронический'; так же в узбекском, у Баттала со значением «старый» (там же);

Ettuhfet.: *yagı-* (Dizin, 275), *yanı-* (278, по-видимому, оба из **yaŋı-*) 'угрожать';

yagı, *yağı* 'враг' (M. Kāşgarī, Dizin, 726), Abu-Hay. (117), Малов (Пам., 383);

тур.: *yama-* 'класть заплату', 'чинить', 'штопать', 'наклеивать', 'приклеивать', 'прилеплять'; в первом значении глагол известен также в азербайджанском, крымскотатарском и других языках;

yama 'заплата', 'мушка (на лице)'; возможно, что *yama* образовалось от *yamağ*, поскольку в остальных тюркских языках известны лишь формы *ямақ* (ср. азерб. *jамаг*, M. Kāşgarī: *yamağ*, Dizin, 738) или *ямаў* (Ettuhfet., 277, *yamav*);

Ettuhfet: *kati-* 'твердеть', 'становиться твердым' (Dizin, 188);

katı 'твердый', 'жесткий';

тур.: *koca-* 'стариться';

koca 'старый', 'пожилой'; то же в азербайджанском;

kekre- 'делаться терпким', едким, кислым', 'киснуть', 'бродить';

kekre 'терпкий', 'едкий', 'кислый';

кирг.: *көксө-* 'желать', 'сильно желать';

көксө 'сильное желание';

kükṛe- 'появляться (о пене у рта)', 'раздражаться', 'сердиться', 'выходить из себя', 'возбуждаться', 'вспыхивать', 'искать самца (о самке)'; в основном в тех же значениях в туркменском;

kükre 'возбужденный', 'раздраженный', 'с пеной у рта';

KW: *qary-* 'стареть' (194);

qary 'старый', 'пожилой' (195);

кирг.: *өксү-* 'ослабевать', 'не хватать', в том же значении у М. Кашгарского: *eksü-* (Dizin, 175);

өксү 'слабый', 'недостаточный';

чув.: *пӗве-* 'прудить', 'запруживать';

пӗве 'пруд', 'запруда', 'плотина';

тур.: *salki-* 'становиться вялым, дряблым', 'отвисать'; ср. кирг. *илкип-салкып* 'лениво', 'с прохладцей'; сравнение с казах. *салық-* 'чувствовать усталость, слабость, утомление' позволяет выделить корень **сал-* и форманты *-ық-* (*сал-ық-*) и *-ы-* (*салқ-ы-*);

salkı 'вялый', 'мягкий', 'дряблый', 'расслабленный', 'висячий', 'отвислый', 'имеющий недостатки', 'дефектный'; ср. кирг. *илки-салкы* 'ленивый', 'вялый';

M. Kāşgarī *subi-* 'становиться тонким, цилиндрическим', 'утончаться'; ср. *subıdı neng* 'вещь вытянулась, концы ее вытянулись, стали тоньше' (III, 257);

subi 'продолговатый и вытянутый предмет' (III, 217);

тур.: *sıva-* 'обмазывать гипсом, известью', 'штукатурить', 'красить', 'белить', 'покрывать (позолотой)', 'пачкать'; так же в Ettuhfet. (Dizin, 238); если в омонимичном существительном *sıva* исторически не было на конце сонорного *ğ*, то *sı-*

sıva 'штукатурка';

va- и *siva* можно рассматривать как омонимы;

чув.: *тура-* 'чесать', 'причесывать', 'расчесывать' = общетюрк. *тара-*; возможно, что глагол *тура-* следовало бы сопоставить с корнем *тыр* в глаголах *тырна-~дырна-~дырма-* и их производными (*тырнақ||дырнақ*, *тырмавуч*, *тырнавуч* и т. п.) с общим значением «скрести», «царапать», в которых элементы *на* и *ма* являются грамматически синкретичными аффиксами *-на-~-на* и *-ма-~-ма*;

тура 'гребень', 'расческа', 'чесалка';

Abu-Hay.: *ulu-* 'возвышаться', 'становиться больше' (112);

ulu 'большой', 'великий' (111); имеется в большинстве тюркских языков с тем же значением;

чув.: *хăйра-* 'точить'; глагол известен во многих тюркских языках (*қайра-*);

хăйра 'точило', 'брусок';

тур.: *ıl-* 'становиться теплым'; у Радлова (Сл., I, 1375) 'быть теплым', 'застывать (о каленом железе)', 'быть усталым' при *ылы* 'теплый'; принимая во внимание казахскую форму *жыл-* 'теплеть', 'разогреваться' при *жылы* 'теплый', можно, по-видимому, глагольную форму *ылы-* рассматривать в качестве вторичной, образованной при помощи аффикса *-ы-* в учащательном значении;

ılı||ılık 'теплый', 'тепловатый'; форма *ıl*, возможно, из *ılığ*;

кирг.: *ысы-* 'нагреваться', 'накаляться'; так же у Abu-Hay., 40: *isidi*; ср. также Буд., 47: ايسيمك; ту же форму находим в узбекском (*иси-*), казахском, киргизском (*ысы-*), хакасском (*ізі-*) и тувинском (*изи-*);

ысы 'жара'; 'суховей'; Abu-Hay., 40: *isi* 'жаркий'; в татарском, казахском, узбекском коренной согласный геминирован: *эссе*, *ыссы*, *иссиқ*, с конечным *-қ* (кирг., хак., тув. соответственно *ысык*, *ізіг*, *изиг*); если рассматривать ге-

минированные формы в качестве ассимилированных (*-ыссы*<**ыслы*, *иссиқ*<**ислиқ*), то можно выделить корень **ыс* 'тепло', и тогда *ысы-*=*ыс*+*-ы-*, а *ысы*=**ыс*+*-ы*;

Yusuf ve Zel.: *йсеуй* 'возвышаясь', 'поднимаясь' (XXI), отсюда **йсе-* 'возвышаться', 'подниматься';

йсе 'высокий' (там же);

чув.: *чӗтре-* 'дрожать', 'трястись', 'трепетать'; общетюркской формой данного глагола является *титре-*, о котором говорилось в главе II (стр. 215); основой глагола является **чӗтӗр*; учитывая анализ глагола *титре-*, восходящего к **тиртире-*, естественно и для чувашской формы этого глагола допустить исходный корень **чӗр||тӗр* и удвоенную форму **чӗртӗр*~**чӗтӗр*.

чӗтре 'дрожь'; анализ формы см. в левой части.

ОСНОВЫ С ИСХОДОМ НА K_t, K

Глагол	Имя
Радл., Сл.: *ajak-* 'стать на ноги', 'приучаться ходить (о детях)', 'склоняться', 'заходить (о солнце и луне)' (I, 205);	*ajak* 'нога', 'подножие', 'фундамент', 'конец' (I, 202—205);
тат.: *ябык-* 'худеть', 'тощать', 'хиреть'; казах. *жабық-* и кирг. *жабык-* в том же значении; в кирг. еще перен. 'беднеть';	*ябык* 'худой', 'тощий', 'худощавый';
Радл., Сл.: *karык-* 'темнеть', 'делаться темным' (II, 170) со ссылкой на османский язык; однако современные словари такого значения не приводят; «Türkçe Sözlük» (2-е	*karık* 'затемненный' (там же); в современных словарях *karık* означает «ослепление», «потемнение в глазах (от снега)», «ослепленный»;

и 3-е издания) приводит значение «темнеть в глазах» (когда долго смотрят на черное); однако нельзя исключить развития приведенного значения из исходного «быть ослепленным блеском снега» (кирг.), приводившегося при глаголе *қарық-* в разделе о глаголах с аффиксом *-ыг-...*; это же значение подтверждается турецким *karık* (см. в правой части);

алт.: *керек-* — общетюркский недостаточный глагол; *керек* 'потребность', 'нужда', 'дело' (Грамм. алт. яз., 208);

якут.: *көтөх-* 'поднимать на руки'; ср. с глаголом *көтөр-*, *көтер-*, *күтар-* в киргизском, казахском, узбекском и других со значением «поднимать»; из сопоставления якут. *көтөх-* и *көтер-* остальных тюркских языков становится ясной необходимость выделения корня *көт-*, значение которого остается пока неясным; таким образом, якут. *көтөх-* = *көт-* + *-өх-* и *кө-тер-* = *көт-* + *-ер-*; *көтөх-* 'охапка'; по-видимому, образован от корня **көт-* при помощи общетюркского аффикса *-ақ*;

кирг.: *кынык-* 'приохотиться', войти во вкус', 'повадиться'; ср. с *kınış-* 'охотно приниматься за дело' (M. Kāşgarī, Dizin, 316), откуда выделяется корень *кын*; *кынык* 'привычка', 'повадка';

кырсык- 'строить козни', 'чинить препятствия', 'капризничать', 'упрямиться'; *кырсык* 'беда', 'бедствие', 'несчастье', 'напасть', 'помеха', 'неведение', 'неудача', 'каприз'; в первом значении известно и в казахском;

Battal: *sarığ-* 'желтеть' (59). *sarığ* 'желтый' (58).

Глагол	Имя
Буд.: بورونماق *бурунмак* ‘нюхать’ (I, 278) со ссылкой на татарский;	*бурун* ‘нос’;
одун- (уйг.) ‘грешить’, ‘быть развратным, преступным’ (I, 1128);	*одун* ‘нечистый’, ‘грешный’, ‘развратный’, ‘преступный’ (I, 1127);
хак.: *одын-* ‘растапливать (печь)’, ‘разводить (огонь, костер)’, ‘зажигать’, ‘сжигать’; если глагол *одын-* является редуцированной формой **одынъ-*, которую можно допустить на основании форм *одынъ* в хакасском и *otunğ* у Махмуда Кашгарского (см. в правой части), то перед нами глагольно-именной омоним; в противном случае необходимо признать производный характер имени *одынъ* ~ *otunğ*, конечный гуттуральный элемент которого исчез в остальных языках;	*одынъ* ‘дрова’; так же, но с конечным *н* (а не *ң*) в остальных тюркских языках; с конечным *ң* в словаре Махмуда Кашгарского (*otunğ*, Dizin, 446);
Радл., Сл.: *орын* (тат.) ‘находиться где-либо’ (I, 1055); со ссылкой на сагайский и койбальский;	*орын* ‘место, которое что-нибудь занимает’ (там же);
тур.: *özen-*//*üzen-* ‘стараться’, ‘прилагать все усилия’, ‘домогаться’, ‘стремиться к чему-либо’; ‘желать’, ‘заботиться’ — от *öz* (?);	*özen* ‘старание’, ‘усердие’, ‘внимание’, ‘забота’;
Ettuhfet.: *sapan-*//*sapanla-* ‘пахать’, ‘сеять’ (Dizin, 232);	*sapan* ‘соха’ (там же);
тур.: *usan-* ‘испытывать скуку, отвращение’, ‘скучать’, ‘соскучиться’, ‘пресыщаться’, ‘надоесть’; так же в азербайджанском;	*usan* ‘скука’, ‘пресыщение’, ‘отвращение’;

üşen- 'быть ленивым, вялым, нерадивым, небрежным', 'лениться', 'не иметь никакого желания работать', 'питать отвращение к работе'.

üşen 'лень', 'леность', 'апатия', 'небрежность' [18].

ОСНОВЫ С ИСХОДОМ НА *Р*

Глагол

Имя

чув.: *каҫăр-* 'поднимать кверху'; 'закидывать назад (голову)', 'выпячивать вперед (грудь)';

каҫăр 'поднятый кверху', 'закинутый назад', 'выпуклый', 'выпяченный';

кирг.: *кидир-* 'временить', 'переждать', 'приостанавливаться', 'мешкать'; в том значении и казах. *кідір-*;

кидир 'задержка', 'помеха', 'препятствие';

Радл., Сл.: *обур-* 'благоденствовать', 'быть счастливым' (I, 1011);

обур 'случай', 'счастливый случай', 'счастье', 'хороший знак' (I, 1010—1011); M. Kāşgarī, Dizin, 426: 'возможность и случай (в отношении какого-либо дела)';

якут.: *омурт-* 'набирать в рот жидкость'.

омурт 'полость рта', 'защечное пространство'; ср. в том же значении тур. *avurt*.

ОСНОВЫ С ИСХОДОМ НА *Ш*

тур.: *barış-* 'примиряться', 'мириться'; 'приходить к соглашению', 'соглашаться', 'сговариваться'; так же в туркменском, азербайджанском +«сходиться в цене», «сговариваться»;

barış 'мир', 'примирение';

чув.: *хирĕҫ-* 'противоречить', 'выражать недовольство', 'противодействовать', 'со-

хирĕҫ 'против', 'напротив', 'в ответ на'; 'упрямый';

[18] В «Türkçe sözlük» (2-nci baskı, hazırlıyan Mehemet Ali Ağakay, Ankara, 1955) это слово не приводится.

противляться', 'ссориться', 'не соглашаться', 'вздорить', 'враждовать'; в близких значениях глагол в форме *қарыш-* известен в ряде тюркских языков;

кирг.: *чүрүш-* 'морщиться', 'корчиться', 'ежиться'; в основном с теми же значениями и в туркменском.

чүрүш 'сморщенный', 'скрюченный', 'съежившийся';

ОСНОВЫ С ИСХОДОМ НА *Л*

Глагол	Имя
кирг.: *жеңил-* 'получить облегчение', 'стать легким';	*жеңил* 'легкий';
узб.: *йўтал-* 'кашлять', 'покашливать'; казах. и кирг. *жөтел~жөтөл-*; хак. *чиділ-* с узким гласным.	*йўтал* 'кашель'; ср. казах. *жөтел*, кирг. *жөтөл*, тат. *ютәл*, хак. *чиділ*.

ОСНОВЫ С ИСХОДОМ НА *ЛЫК, АЙ*

Глагол	Имя
кирг.: *дардай-* 'иметь вид громадного и толстого', 'торчать (о чем-либо огромном)', 'сильно вспухнуть', 'вздуться';	*дардай//дардый* 'громадина', 'здоровенный'; так же в казахском;
кийлик- 'вмешиваться в чужие дела и разговоры'.	*кийлик* 'вмешательство в чужие дела и разговоры', 'непрошеное вмешательство'.

ОСНОВЫ С ИСХОДОМ НА *З, С*

Глагол	Имя
Rossi: *agïzmaq* 'говорить' (331);	*agïz* 'рот' (там же);
алт.: *айас-//айаста-* 'проведреть' (Грамм. алт. яз., 141); так же в хакасском и в словаре Радлова (I, 215, 216);	*айас* 'ведро', 'ясная погода', 'стужа' (там же); в хакасском — «ясный», «безоблачный»; в словаре Радлова —

«холод», «мороз», «свет луны», «лунная ночь» (I, 214—216); *аяз* в значении «мороз», «стужа», «ясный морозный день» известен в ряде тюркских языков;

Малов, Пам.: *bädiz-* 'художественно устроить', 'украшать' (369); *bädiz* 'украшение', 'резьба', 'орнамент' (там же);

якут.: *ытыс-* 'набирать в пригоршню и ладонь'. *ытыс* 'пригоршня'.

Г. ОМОМОРФНЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ОСНОВЫ, ВЫЯВЛЯЕМЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫМ ПУТЕМ

Глагол	Имя
Ettuhfet: *azdır-* 'уменьшать' (Dizin, 146); отсюда можно заключить, что приведенная форма либо является понудительной формой от глагола* *az-* 'уменьшаться' и что, следовательно, *аз-* и *аз* составляют глагольно-именной омоним, либо данный глагол производный, образованный от имени *az* при помощи показателя *-dır-* в словообразовательном значении;	**общетюрк.**: *аз* 'малый';
М. Kāşgarī: ایاماق *aya-* 'дать прозвище', 'дать титул' (Dizin, 53);	ایا *aja* 'прозвище' (Ибн-Мух., 233; Battal, 13);
др.-тюрк.: *ba-* 'привязывать' (Малов, Пам., 367); сопоставление с якут. *быа-* позволяет восстановить глагольно-именной омоним *ба-~*ба*;	*быа* (якут.) 'веревка', 'лента', 'шнур';
азерб., туркм., тур. и др.: *без-* 'чувствовать отвращение', 'опротиветь', 'претить', 'надоесть'; ср. туркм. *без бол-* 'чувствовать неприязнь';	*без* в составе *без бол-* 'чувствовать неприязнь';

казах.: *белде-* 'целиться', 'прицеливаться'; отсюда восстанавливается именной или глагольно-именной корень *бел*; из сопоставления *белде-* (в огузских языках *белле-*) и *белги* восстанавливаются глагольно-именные омонимы *бел-* и *бел*;

азерб., тур.: *бəслə-* 'воспитывать', 'призревать', 'выращивать', 'питать', 'кормить', 'вскармливать', 'лелеять' — от именного корня **бəс*, связанного с омонимичным глаголом *bes-*;

Rossi: *büdirmek* 'спотыкаться' (335); ср. азерб., туркм. *бүдрə-* в том же значении от имени *бүдүр*;

азерб.: *дарышлыг* 'теснота'; в слове два аффикса: отыменных существительных *-лыг* и показатель отглагольных имен *-ыш*; последний позволяет восстановить глагол **дар-* (или **дары-*, и тогда омонимов не будет), с которым сопряжен именной омоним *дар* 'узкий';

М. Kāşgarī: *ige-* 'пилить подпилком', 'подпиливать'; 'обтачивать'; ср. *ol biçek igedi* 'он подпилил нож' (Kāşgarī, III, 254); в форме *эге-*, *еге-*, *өгө-* имеется в киргизском, казахском, татарском, хакасском и др.; сравнение рассматриваемого глагола с тур. *eğe* позволяет восстановить глагольно-именной омоним *эге-* ~ *эге*, если *белги, белге* в разных языках (туркм., казах., татар., кирг. и др.) со значением «знак», «признак», «примета»; *белги* из *бел-ги*, где *-ги* аффикс отглагольного образования имен, а *бел-* глагольный корень;

тур.: *besi* 'место, служащее для откармливания животных'; ср. *besiye komak* 'откармливать (животных)'; производная форма *besli||besili* 'откормленный', 'упитанный', 'жирный'; форма *besi*, где *-i* — аффикс отглагольного имени, а *bes-* — корень, позволяет восстановить синкретичный корень* *bes*; не исключено, что *бəслə* < *бəсилə-* и *besli* < *besili*;

азерб., туркм.: *бүдүр* ~ *сүдүр* 'шероховатый';

дар (в большинстве тюркских языков, в которых имеется также *тар*) 'узкий', 'тесный', 'ограниченный', 'недостаточный', 'краткий';

тур.: *eğe* 'подпилок', 'напильник'; в других тюркских языках в производной форме: узб. *эгов*, казах. *егеу*, кирг. *эгөө||егөө*, тат. *игəү* и т. д.;

только в тур. *eğe* не отпал показатель отглагольного имени (*eğe*<**egeğ*);

хак.: *игіренъне-*(<**игіренъ-ле-*) 'извиваться', 'искривляться'; основой глагола является *игіренъ*, который образован при помощи именного аффикса *-енъ* от глагола **игір-*, в свою очередь восходящего к глаголу *эг-* 'гнуть', 'сгибать', известному и в остальных тюркских языках; таким образом, данная синкретичная пара состоит из *иг-ир-* и *иг-ир*;

игір 'кривой', 'изогнутый', 'извилистый';

М. Kāşgarī: *il-* 'прицепляться','привязываться','зацепляться', 'приставать' (Dizin, 230); известен в большинстве тюркских языков, чаще в форме *илиш-* в непереходном значении, тогда как в материалах «Дивана» *il-* — переходный глагол; ср. *tiken tonuğ ildi* 'колючка зацепилась за одежду' (M. Kāşgarī, I, 169);

Ср. форму *iler-* в тех же материалах Махмуда Кашгарского: *meninğ közüme nenğ ilerdi* 'мне что-то попало в глаз' (M. Kāşgarī, I, 179);...

Kaklar kamuğ kölerdi
Taglar başı ilerdi

'Все высохшие земли покрылись прудами.

Показались вершины гор...' (там же); в глаголах *iler-* и *köler -er-* является глаголообразующим аффиксом, а *il* и *köl* — именами; таким образом, можно выделить глагольно-именной омоним *ил-*~*ил*;

тур.: *ili-*[19] 'становиться острым', 'заостряться' (ср. также Буд., I, 180 со ссылкой на азерб. и чагат.);

азерб.: *итн* 'острый', 'резкий', 'быстрый', 'скорый';

Przekł. Koranu: *jägni-*'być łatwym', 'być ułatwienym';

yegni 'lekki' (Przekł. Kalili i Dim., 131);

общетюрк.: *юм-*~*юӈум-*~*жум-*~*жұм-*'сжимать (о глазах, кулаке)'; вместе с именем **жым*, восстанавливаемым из казах. *жымыр-* 'загибать' и

имя **жым*, восстанавливаемое из глаголов *жымыр-* и *жымый-* в казахском языке;

[19] В «Türkçe sözlük» этот глагол не приводится.

жымый- 'сжиматься' (где *-ыр-* и *-ый-* — глаголообразующие аффиксы), глагол *юм-~жум-~жұм* дает омонимичную пару;

общетюрк.: *ют-~жут-* и т. д. 'глотать';

ют 'глоток', 'кусок, глотаемый за один раз (Буд., II, 370 يوت);

чув.: *кан-* 'отдыхать', 'почивать'; вместе с именем **кан* (=общетюрк. *тын*?), восстанавливаемым из *канлӗ* (*-лӗ*=общетюрк. *-лы*), *канлӗх* (*-лӗх*=общетюрк. *-лық*) и *кансӗр* (*-сӗр* = общетюрк. *-сыз*), глагол *кан-* образует омоним;

канлӗ 'покойный', 'спокойный', 'свободный от забот'; *канлӗх* 'отдых', 'отдохновение', 'покой', 'спокойствие'; *кансӗр* 'трудный', 'неудобный'; из этих производных слов, образованных при помощи аффиксов отыменного словообразования, выделяется основа, которая при данных аффиксах может быть лишь именной;

казах.: *қат-* 'затвердевать', 'замерзать', 'мерзнуть', 'коченеть'; глагол в этих значениях известен также в киргизском, узбекском, татарском, хакасском и др.; на основе *қатты* 'твердый', 'сильный', 'крепкий', *қатаң* 'твердоватый' (где *-ты*=общетюрк. *-лы*, а *-аң* — аффикс имен, образованных от глагольных основ), *қатай-* 'твердеть', 'становиться крепким, твердым (о предметах)' и тур. *kat* 'твердый', 'застывший', 'удивленный', 'застывший от удивления' можно восстановить глагольно-именной омоним *қат-~қат*;

ср. тур., туркм., азерб., тат. *katı*, казах. *қатты*, хак. *хатығ*, кирг. *катуу*, узб., *қаттиқ*—все со значением «твердый», «сильный», «крепкий», *қатай-* 'твердеть', 'становиться крепким' и т. д.; общий именной корень *қат*; казахское и узбекское прилагательные образованы аффиксами *-лы* и *-лық* от имени **қат*, остальные—от глагола *қат-* при помощи аффиксов *-ы* и *-қ*;

тур.: *kok-* 'пахнуть', 'вонять', 'тухнуть', 'портиться'; *метаф.* 'пахнуть чем-либо (о событиях, происшествиях)'; гагауз. *кок-* 'вонять', 'нехорошо пахнуть'; вместе с именем *кок* турецкий глагол *kok-* образует глагольно-именную омонимическую пару *кок-~кок*;

туркм. *кок* 'запах', *ӣс-кок* 'запах', 'вонь', а также имя *күк*, восстанавливаемое из глагола *күке-* 'пахнуть', 'вонять';

Zabytek: *qol-* 'prosić' (76) **Houtsma**: قترغان 'ставший чесоточным' (87); основа причастия *қотурған*—глагол **қотур-*, который вместе с именем *қотур* образует синкретичную пару;

общетюрк.: *қол* 'рука'; *қотур* 'чесотка', 'парша', 'струп'—во многих тюркских языках (азерб., тур., тат., казах., кирг., узб. и др.);

Houtsma: كوزن *közin-* 'показываться', 'появляться' (99), откуда восстанавливается омонимичный с именем *көз* 'глаз', 'глаза' глагол *көз-//көр-*; показатель *-үн-* в глаголе *көзүн-* является аффиксом возвратного залога;

общетюрк.: *көз* 'глаз', 'глаза';

якут.: *куур-* 'сохнуть', 'высыхать'; так же, но без долготы гласного, в чув. *хăр-*; вместе с **куур*, восстанавливаемым на основании кирг. и казах. *қур* образует глагольно-именной омоним *куур-~куур*; в большинстве тюркских языков более известен другой вторичный омоним *қуры-~қуры* (азерб. *гуру-~гуру*, тур. *kuru-~kuru*, кирг. *куру-~куру*, туркм. *гӯры-~гӯры*, тат. *коры-~коры*, алт., гагауз. *куру-~куру* и др.);

қур 'сухой', кирг. *куур//кур*, казах. *құр* 'пустой', 'сухой'; 'ни с чем'; распространенный в тюркских языках глагол *қуру-* образован от этого корня (также казах. *құрға-* 'высыхать');

кирг.: *кыңшы-* 'визжать', 'скулить', 'визгливо плакать'; в казахском от данного глагола имеется производное существительное *қыңсыл* 'визг (собаки)'; вместе с *кыңшы* (см. в правой части) образует омонимическую пару *кыңшы-~кыңшы*;

* *кыңшы* — имя, восстанавливаемое из глагола *кыңшыла-* (казах. *қыңсыла-*) в том же значении, что и *кыңшы-*; теоретически не исключается, что второй глагол является интенсивной формой первого;

узб.: **лойқа-* из *лойқат-* 'мутить', 'загрязнять (воду)', откуда можно восстановить значение **лойқа-* 'мутиться', 'загрязняться'; общим корнем

лойқа 'муть', 'ил', 'мутный', 'илистый';

глагола и имени с показателем *-қа-~-қа* является *лай* 'глина, замешенная с водой', 'грязь (на улице, во дворе)', заимствованное из персидского (لَای 'отстой', 'осадок', 'тина', 'грязь', 'ил'—Гафф., 710);

ор — в разных тюркских языках (тур., узб., казах., кирг.) со значением «яма», «ров», «канава», в турецком еще «земляной вал», «окоп»; ср. крым.-тат. *Ор* 'Перекоп';

хак.: *ор-* 'рыть', 'копать что-либо'; вместе с **ор*, восстанавливаемым на основании *ор* многих тюркских языков, образует омонимическую пару *ор-~ор*;

пут, бут — во многих языках (азерб., тур., кирг., узб., тат. и др.) со значением 'идол';

алт.: *пӱт-* 'верить' (Грамм. алт. яз., 243); вместе с **пӱт*, восстанавливаемым на основании *пӱт* многих тюркских языков, глагол *пӱт-* образует омонимическую пару; *пут// бут* заимствовано из персидского (بُت— Гафф., 94) и восходит к санскритскому;

кирг. и др.: *сасы-* 'дурно пахнуть', 'издавать зловоние', 'вонять'; так же в казахском, узбекском, татарском, крымско-татарском, у М. Кашгарского (Dizin, 495);

тур.: *sasi* 'гниль', 'вонь', 'гнилой', 'вонючий', 'зловонный', 'дурно пахнущий' так же в «Дэдэ-Коркуд» (Rossi, 348), у Абу-Хайяна (Abu-Hay., 88), татарском, в остальных языках *сасық, sasiğ* (M. Kāşgarī, Dizin, 496);

межтюрк.: *соқ-* 'впихивать', 'втыкать', 'вгонять', 'втискивать', 'протыкать'; известны также формы *сох-*, *сұқ-* и др.; восстанавливая имя **соқ* на основании сочетания *соқ бармақ* (см. в правой части), мы получаем глагольно-именной омоним *соқ-~соқ*;

соқ — имя, выделяемое из словосочетания *soqbarmaq* 'указательный палец' (Houtsma, 61; Abu-Hay., 92; Al-Qavānīn, 322; Ибн-Мух., 241; Battal, 62);

алт.: *сӱр-* 'делать борозды', 'чертить', 'строгать', 'пахать', 'вырезать на чем-нибудь' (конд.), 'гнать' (Грамм. алт. яз.,

сӱрлӱ (<*сӱрӱлӱ*?) 'вещь, на которой что-нибудь вырезано, изображено' (там же); из формы *сӱрлӱ* восста-

Sprachwissenschaftliches Institut der Universität Bonn

254); вместе с **сӱр* (см. в правой части) образует омонимическую пару;

якут.: *сүк-* 'наваливать себе на спину', 'нести на себе', 'таскать на спине'; глагол образован от основы *сү-* (общетюрк. *йӱ-*) при помощи приглагольного аффикса *-к-* с медиальным значением (см. гл. II, стр. 288—294); вместе с именем **сүк*, восстанавливаемым нами на основании общетюрк. *йүк* 'ноша', 'поклажа', глагол *сүк-* образует омонимичную пару;

туркм.: *сүмүк* 'сопли' (так же в турецком), отсюда можно восстановить глагол ** сүм-*, по-видимому, подражательного происхождения; учитывая тат. *сеңгер-*, хак. *сіңъір-*, казах. *сіңбір-* и т. п.— все со значением 'сморкаться', следовало бы, возможно, возвести туркм., тур. **сүм-* к **сүң*, рассматривая первую в качестве ассимилированной формы второго глагола; вместе с восстанавливаемым именем **сүм* (см. в правой части) глагол **сүм-* образует омонимическую пару;

межтюрк.: *сүпүр-* (*сыпыр-*, *шыпыр-*, *супур-*, *себер-*, *сібір-* и т. д.) 'мести', 'подметать'; вместе с **сүпүр*, которое можно восстановить на основании чувашской формы, глагол *сүпүр-* образует омонимическую пару;

Houtsma: سِقّر *syqqur-* 'выкалывать глаза', 'ослеплять' (77); форма سِقّر с удвоением навливается именной корень **сӱр*;

общетюрк.: *йүк* 'ноша', 'кладь';

сүмгүр- 'сморкаться', откуда восстанавливается именной корень **сүм* (возможно, из *сүң*);

чув.: *шӑпӑр* 'метла';

общетюрк.: *соқур||соқыр* (тур., туркм., казах., кирг., узб., тат. и др.), чув. *суккӑр* 'слепой',

ق указывает на то, что глагол морфологически расчленяется на корень *сық-* 'сжимать' и аффикс *-қур-*, синкретичный в грамматическом отношении; если диакритический знак «кесра» в слове سقر (ср. чув. прил. *суккăр*) не является опиской, то вероятнее возвести рассматриваемый глагол к *соқ-* 'протыкать', 'прокалывать', т. е. к **соққыр-*, и тогда последний вместе с прилагательным *соқур*, *соқыр*, чув. *суккăр* образует синкретичную пару;

'безглазый'; учитывая глагол سقر, чув. прилагат. *суккăр*, следует общетюрк. *соқур* возвести к *соққур*;

общетюрк.: *там-* 'капать'; восстанавливая имя *там* (Abu-Hay., Ettuhfet.), а также из существительного *тамчы* 'капля', известного в ряде тюркских языков (казах. *тамшы*, тат., крым.-тат. *тамчы*, узб. *томчи*), мы получаем глагольно-именные омонимы *там-~там*;

tam 'дождевая капля' (Abu-Hay., 97; Ettuhfet., Dizin, 250);

M. Kāsgarī: *togru-* 'направляться' (Dizin, 633); сопоставляя с формой *тоғру* других языков, можно реконструировать глагольно-именные омонимы *togru-~togru*;

тоғру, *доғру*, *туура*, *тура* и др. в ряде языков означает «по направлению к» (тур.), «прямо» (в ряде языков), «напротив» (узб.);

Battal: ср. *tonan* 'одетый', *töndürmek* 'вывернуть одежду', *tonmık* 'одетый' (74); присоединяя сюда общетюркское имя *тон*, можно восстановить глагольно-именные омонимы *ton-* и *ton*;

общетюрк.: *тон*, *дон* 'одежда', 'шуба';

Радл., Сл.: *ykla-* (I, 1613), *yxla-* (I, 1616) 'спать' (*-la-* — аффикс глаголообразования, наращенный к основе, образо-

у 'сон' (I, 1589);

ванной при помощи аффикса *-к* от глагольной основы **у-* 'спать'); присоединяя сюда известный из памятников корень *у* 'сон' (Малов, Пам., 437), можно восстановить глагольно-именные омонимы *у-* и *у*;

межтюрк.: *ум-* 'надеяться', 'уповать', 'верить во что' (азерб., тур., M. Kāşgarī, Dizin, 693; Abu-Hay., 112; Ettuhfet., Dizin, 269 и др.); ср. اوم *ит* 'надежда'; таким образом, можно восстановить глагольно-именные омонимы *ум-* и *ум*;

имя اوم *ит* 'надежда' (Houtsma, 54);

общетюрк.: *ур-*, *вур-* 'бить' 'ударять'; сопоставляя с именем *ур* в однородном значении, можно восстановить глагольно-именные омонимы *ур-* ~ *ур*;

ur в составном глаголе *ur kılışmak* 'биться', 'драться' (Battal, 80);

азерб.: *чат-* 'складывать концом к концу', 'прикреплять концом к концу', 'ставить в козлы ружья'; первые два значения имеются также в туркменском и турецком; в других языках — *чат-* 'шить', 'подшивать', 'приметывать' (узб., туркм., Abu-Hay., 27); из сравнения с тат. *чат* (см. в правой части) выясняется фонетическая и семантическая однородность этих слов, что позволяет исторически объединить их в омонимическую пару *чат-* и *чат*;

тат.: *чат* 'перекресток', 'место пересечения двух дорог, улиц', 'развилка', 'развилина'; в киргизском, туркменском и казахском — 'место соединения ног', 'спайка тазовых костей', у Abu-Hay. — 'шов' (27);

узб.: *чим-* 'щипать', по-видимому, подражательного происхождения; ср. с *чым* 'щипок', откуда восстанавливаются глагольно-именные омонимы *чим-* и *чим*;

кирг.: *чым* 'щипок'; именное значение корня *чым* восстанавливается из казахского глагола *шымша-*, образованного при помощи аффикса *-ша-*//*-шы-*//*-ча-*//*-чы-*, о котором говорилось в главе II (стр. 331—336);

Bulġat. II: *čyz-* 'pisać', 'kréslić' (50); из сопоставления с именем **čyz* (см. в правой части) выясняется возможность восстановления глагольно-именных омонимов *čyž-* и **čyz*; глагол *čyz-* ср. с чув. *ӷӗр-*;

čyzłaš- 'korespondować' (там же, а также Abu-Hay., 30); так как глагол образован при помощи аффикса *-лаш-* во взаимно-совместном значении, корень *čyz* может быть только именем.

Ettuhfet.: *ṣevre-* 'поворачивать', 'переворачивать' и т. п. (Dizin, 247 — закономерно из *çevre-*, см.: Önsöz, XVI—1); сопоставляя с существительным *çevre*, можно допустить историческое существование глагольно-именных омонимов *чевре-* и *чевре*;

тур.: *çevre* 'круг', 'края чего-либо', 'кайма', 'контур', 'среда', 'окружение', 'окрестности' (Yusuf ve Zel., V); так же в Dast. Harami (91);

крым.-тат.: *юткъун-* 'глотать слюну'; так же в турецком, в азербайджанском — *удгун-*; восходит к другому глаголу *ют-* (азерб. *уд-*) с однородным значением (см. выше); словообразовательный аффикс — *-къун*; вместе с существительным *юткъун*, приводимым Л. Будаговым, данный глагол образует омонимическую пару, источником чего является синкретичный аффикс *-қун-* ~ *-қун*;

يوتقون 'глоток' (Буд., II, 370);

чув.: *янӑр-||янӑра-||янра-* 'звучать', 'звенеть (об эхе)' (ср. кирг. *жаңыр-* в том же значении «звучать», «раздаваться») от корня *ян<яң*, известного в туркменском со значением «эхо», но здесь имеющего подражательное значение, имитирующее далеко раздающийся звон или гул; образован посредством глаголообразующего аффикса *-ӑр-*; наряду с *янӑр-* имеется еще глагол *янӑра-||янра-* с тем же значением, образованный

янӑра||янра 'звонкий';

при помощи аффикса *-а-* от производной основы *янăр*, которая в этом случае должна иметь именное значение, как и в узб. *янғира-*; таким образом выявляются глагольно-именные омонимы *янăр-* и *янăр*, на базе которых образовалась еще одна пара вторичных омонимов: приведенный выше глагол *янăра-*/*янра-* и прилагательное *янăра*/*янра* 'звонкий', оба образованные при помощи показателя *-а-* и *-а*.

К приведенным глагольно-именным парам могут быть присоединены также: гагауз. *яра-~яра*; Jusuf ve Zel.: *yat-~yat* тур. *yoğ-~yoğ*; M. Kāşgarī: *öt-~öt*; гагауз. *čin-~čin*; туркм *ык-~ык*; кирг. *муң-~муң*; якут. *санаа-~санаа*; чув. *чĕтре-~чĕтре*; азерб. *сəмри-~сəмри* и многие другие.

Устанавливая омонимические пары сравнительным путем, нельзя, однако, провести реконструкцию до конца, т. е. указать конкретно, в каком из тюркских языков или в каких языках реально существовали реконструируемые глагольно-именные омонимы, точнее — грамматически синкретичные формы глагола-имени. Теоретически можно допустить существование таких синкретичных форм во всех племенных языках и диалектах в период максимальной их общности, т. е. в эпоху существования языка-основы. Но поскольку синкретичные формы глагола-имени складывались в течение длительного времени, они возникали также и в отдельных тюркских языках, когда последние уже значительно отошли друг от друга. Поэтому одной лишь реконструкции глагольно-именных форм сравнительным путем недостаточно для решения конкретных историко-лексикологических задач, она нуждается еще в подтверждении результатов материалами изучаемого языка, реально существующими или полученными сравнительно-историческим путем.

Д. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЗНАЧЕНИЯМИ ЧЛЕНОВ ОМОНИМИЧЕСКИХ ПАР

При анализе семантических отношений глагольно-именных омонимов обнаруживаются те же категории, которые были установлены при разборе семантических отношений между производным глаголом и его именной основой. Здесь также значение именного омонима относится к значению глагольного омонима

как название процесса, результата, их признаков, орудия, предмета действия, места, действующего лица, формы процесса. Господствующими являются названия процесса, признака процесса или результата, вместе составляющие более 60% всех учтенных нами омонимических пар. Остальные значения распределяются следующим образом: результата — 14%, орудия — 10%, предмета действия — около 8%, места — 4%, действующего лица — 3%, формы процесса — 0,5%. Возможно, что при более тщательном учете всех глагольно-именных омонимов тюркских языков последние цифры могут измениться в ту или другую сторону. Но удельный вес первых трех рубрик (названия процесса, результата и их признаков) едва ли изменится существенным образом, поскольку преобладание первых трех значений над остальными связано с грамматическим синкретизмом глагола-имени и его источников.

В разделе об аффиксе *-ла-* указывалось на то, что для глаголообразования в форме *-ла-* не имеет значения грамматическая природа именной основы, принадлежность ее к определенной части речи, что производный глагол образуется от основы с реальным значением предмета, признака, процесса. Лишь в последующих глаголообразующих формах, сложившихся на базе показателя *-ла-*, происходит процесс лексико-грамматической унификации именных основ, ограничения их определенными частями речи. В свете приведенных выше материалов из области грамматического синкретизма глагола-имени выясняется, что грамматическая индифферентность основ глаголообразования на *-ла-* является наследием более древних эпох, когда значение вещественно однородного с глаголом имени, означавшего процесс, сливалось со значением глагола, поскольку на этой ступени еще не выработалось грамматического разграничения глагола и названия процесса (имени действия) и реально-вещественные значения в этой сфере языка преобладали над значениями грамматическими. Многие из приведенных глагольно-именных омонимов представляют собой случаи такой неразграниченности глагола и названия процесса (имени действия), слияния вещественно однородных глагола и имени, сейчас воспринимаемого как имя действия.

Не все имена действия в азербайджанском и других тюркских языках одинаково близки к глаголу, одинаково динамичны по своей семантике. Известно, что многие из древних глагольных имен в современном их состоянии предстают скорее статичными, чем динамичными. Таковы, например, древние глагольные имена на *-м, -қ, -қын, -қы, -ы, -л* и некоторые другие. Наиболее динамичны как раз продуктивные формы глагольных имен в современных языках, правда, не все. Отчетливо проявляется динамичность в глагольных именах на *ан, -дық* и *-(й)аҗақ*, что свя-

зано со способностью этих форм выражать время. Однако другие продуктивные глагольные имена на *-ш, -у* и *-ма* менее динамичны, что связано, наоборот, с неспособностью названных форм выражать время. Насколько позволяют судить материалы, в древнейших, ныне непродуктивных, формах глагольных имен категория времени была недоразвита. Поэтому на примерах древних глагольных имен показ внутренних связей глагола и процессуальных имен не является, возможно, достаточно наглядным. Наиболее пригодны для иллюстрации указанных связей подражательные имена, так как их специфическое значение сообщает им большую динамичность. Не случайно, что в формах подражательных имен и омонимичных с ними глаголов исследователи раньше, чем в других разрядах глагольно-именных омонимов, отметили совпадение глагола и имени [20]. Помимо приводившихся выше глагольно-именных омонимов подражательного происхождения *öğür- ~ öğür* и *чығыр- ~ чығыр*, можно назвать еще тур. *bağır bağır bağır-*, азерб. *бар бар бағыр-* 'кричать', 'орать во все горло', тур. *sızla-* 'болеть', 'ныть (о мышцах и пр.)', 'горько жаловаться', 'стонать' (азерб. *сызла-* 'выть', 'ныть', 'плакать') и *sızı* 'острая боль', 'дергание', 'невралгия', 'ревматизм', из сопоставления которых выявляется синкретичный характер подражательного корня *sız-~sız* и т. п.

Явление грамматического синкретизма глагола и имени объясняет все «загадочные» случаи производства от одной и той же основы и имени и глагола, в частности легко разъясняется широко известное в огузских языках образование подражательных глаголов на *-да-* и подражательных имен на *-ты* от вторичных подражательных основ на *-ыр* или *-ыл* (типа *вызылда-* 'жужжать' 'свистеть' и *вызыл-ты* 'жужжание', 'свист' — от вторичной подражательной основы *выз-ыл*). Все подобные и аналогичные производные формы глагола и имени действия произошли от синкретичных форм с глагольно-именным значением: от глагольного значения такой подражательной основы (или корня) образовалось имя действия на *-ты*, от именного же значения образовался глагол на *-да-*. Грамматический синкретизм подражательной основы на *-ыл-~-ыл* или *-ыр- ~ -ыр* является главной причиной того, что эти формы не сохранились в тюркских языках в самостоятельном употреблении и слились с аффиксами *-да-* и *-ты*, образовав форму глаголообразования на *-ылда- ~ -ырда-* и именную форму на *-ылты, -ырты, -ылды, -ырды...*

Принимая во внимание грамматический синкретизм корней

[20] Кроме ссылок на В. Банга, приводившихся в начале настоящей главы, а также ссылок на Н. К. Дмитриева во второй главе, ср. еще G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 47. — Автор говорит о подражательных глаголах типа *gyrgyr-, çagyl-*, которые в современных языках являются вторичными подражательными основами именного характера.

и аффиксов, рассмотренных в данной главе, необходимо признать, что он в значительной мере содействовал потере старыми словопроизводными формами своей продуктивности и замене их новыми формами, свободными от грамматической диффузности.

В состав главных значений именных членов омонимов входят, как уже говорилось, и значения результата или его признака, а также признака процесса. Все они органически связаны со значением названия процесса и нередко неотделимы от него.

В отличие от производных глаголов в глагольно-именных омонимах встречаются и более сложные случаи соединения значений признака, результата и пр., что находится в непосредственной связи с комплексным характером древнейших значений многих тюркских слов (об этом см. дальше). Так, например, возможны случаи слияния значений результата и предмета действия — тур *siva-* 'обмазывать гипсом, известью, 'штукатурить', 'красить', 'белить' и *siva* 'штукатурка' или предмета действия и признака результата — тур. *pufla-* 'дуть', 'вздувать', 'надувать' и *pufla* 'пух', 'вздувшийся', 'пышный'; результата и места — кирг. *бүк-* 'сгибать' и *бүк* 'место сгиба, отворота', в алт. *пӱк* еще «поворот реки», «долина среди гор по течению реки» (Грамм. алт. яз., 243); тур. *ör-* 'вязать', 'плести', 'класть заплату', 'штопать', 'возводить или поправлять стену' и *ör* 'перегородка', 'искусственная преграда', 'диафрагма', в татарском — «местность, поднимающаяся постепенно», «высота», «возвышенность», «подъем» (Буд., I, 119, 120); места и времени — *tüş-* 'сходить', 'слезать' и *tüş* 'остановка', 'место и время остановки и отдыха в пути' (M. Kāşgarī, Dizin, 676, 677); орудия и названия процесса — туркм. *āң-* 'понимать', 'чувствовать', 'сознавать' 'догадываться' и *āң* 'сознание', 'соображение', 'рассудок', 'чутье'; *оқ-* 'звать', 'называть' и *оқ* 'крик', 'голос', 'слово' (Радл., Сл., I, 991, 993).

Из этих сравнений можно заключить, что система значений, характеризующая семантические отношения между производным глаголом и его исходной основой, сложилась в тюркских языках еще до того, как выработался механизм аффиксального глаголообразования. Поскольку эта система включает и корневые глагольно-именные омонимы, то естественно заключить, что она регулировала выработку именных значений у глагольно-именных омонимов.

В составе имеющихся корневых именных членов омонимов также более всего представлено значение названия процесса — 22%, далее — результата — 15%, орудия — около 13%, признака процесса — 11%, процесса-результата — 11%, предмета действия — 10%, места — 8%, действующего предмета — 6% и признака результата — около 4%. Однако если в каждой группе

сравнить удельный вес корневых имен среди всех имен, входящих в данную группу, то получится обратное соотношение: меньше всего корневых имен среди остальных имен данной группы окажется в первой группе — 27%; минимальными по своему удельному весу окажутся также корневые имена в группе, означающей признак процесса, — 32% и в смешанной группе со значением признака процесса-результата — 34%. Самый большой удельный вес оказывается у корневых именных омонимов со значением действующего лица — 83% и места — 75%. В остальных группах именных членов омонимов: предмет действия — 57%; орудие — 55%; признак результата — 50%; результат — 48%. Приведенные цифровые данные позволяют сделать некоторые выводы.

Значение имени действия развилось главным образом во вторичных глагольно-именных омонимах, т. е. за счет производных форм. И действительно, в составе приведенных выше вторичных глагольно-именных омонимов, образованных при помощи аффиксов *-ы- ~ -ы, -қ- ~ -қ, -ш- ~ -ш, -н- ~ -н* и т. д., 44% составляют имена действия.

Значения действующего лица и места являются древнейшими, так как они представлены в основном в корневых словах. Во вторичных, т. е. в производных, омонимах эти значения представлены слабо и дальнейшего развития не получили. Как уже известно из предыдущего, они не занимают заметного места и в новейшем глаголообразовании.

Можно заметить, что корневые омонимы со значением орудия и результата или его признака составляют приблизительно половину всего количества форм, входящих в каждую группу. Это свидетельствует также о древности данных значений, получивших, однако, особое развитие лишь в дальнейшем, в системе ныне действующих форм глаголообразования.

Значение формы (вида, строения) процесса представлено в материалах одним примером и составляет не более полупроцента ко всей массе учтенных глагольно-именных омонимов. Это значение развилось лишь в новейшее время.

Можно, таким образом, констатировать, что описанные в первой главе отношения между значением производного глагола и его именной основой проходят через всю историю азербайджанского и вообще тюркского глаголообразования, начало их уходит в глубокую древность, пока недоступную науке.

Рассматривая корневые и производные глагольно-именные омонимы в целом, мы констатировали выше резкое преобладание значения названий процесса, результата и их признаков, вместе составляющих 74% всех значений именных членов омонимических пар. Иными словами, господствующими значениями в грамматически синкретичных формах

глагола-имени являются пассивные значения, характерные для всей системы древнего, уже непродуктивного аффиксального глаголообразования.

* * *

Изложенный материал, относящийся к грамматическому синкретизму глагола-имени, свидетельствует о распространенности этого явления в истории тюркских языков. Не имея дополнительных данных, нельзя пока говорить о его всеобщем характере, об охвате им всех корневых и древнепроизводных глаголов и имен. Но на основании уже учтенных форм можно прийти к выводу, что все глаголы и имена, семантически связанные между собой и объединяемые значениями названия процесса, результата и т. д., восходят к корням и производным словам, в которых не было не только грамматического, но иногда и лексического разграничения глагола и имени действия, процесса и его признака (или результата) и т. д. Иными словами, выражение всех этих значений носило комплексный характер и конкретизировалось в контексте. Остатки подобной лексической неразграниченности, например обозначения признака или предмета действия от самого действия, в отдельных случаях можно отметить даже в заимствованных словах, вошедших в тюркские языки в исторические эпохи. Ср., например, в Ettuhfet. переосмысление персидского прилагательного *azad* 'свободный' в глагол *azat-* 'освобождать' (Dizin, 146) наряду с *azat* 'свободный'; переосмысление санскритского (через персидский язык) существительного *пут, бут* 'идол' в глагол *пӳт-* 'верить' в чувашском; переосмысление персидского *кем* 'малый' в глагол *кем-* 'уменьшаться' в казахском языке; к таким же случаям следует, возможно, отнести * *лой-* (ср. узб. *лойқа* 'муть', 'ил', 'мутный', 'илистый') из иранского существительного *лой* 'осадок', 'тина', 'ил', 'грязь'.

Из сказанного следует вывод, что глаголообразующие аффиксы *-ла-* (иногда *-лы-*), *-а-*, *-ы-* и т. д. при глагольных корнях-основах не всегда употребляются для количественной характеристики действия. В ряде случаев подобные факты в принципе можно объяснить все той же неразграниченностью глагола и имени, чем и обеспечивалась возможность образования от такой основы вторичного, производного глагола. Быть может, так следовало бы интерпретировать ряд глаголов на *-ла-*, из числа которых можно назвать *sarla-*: *ol suwluk sarladı* 'он сделал (букв. 'обернул') тюрбан' (M. Kāşgarī, III, 296); учитывая азербайджанскую форму *сары-~saru-* (так у M. Kāşgarī, III, 262 и в других тюркских языках), следовало бы допустить рядом с *sar-* 'завертывать', 'обертывать', 'наматывать' еще именной омоним **sar*, отсюда — *сары-~saru-*; *aning tişi buzdun sızladı* 'от льда у него заныли зу-

бы' (M. Kāşgarī, III, 297)— о глагольно-именном омониме *sız-~sız* см. выше; *er koynğa soglıdı* 'человек засунул руку за пазуху' (там же)— о глагольно-именном омониме *sok-~sok* в связи с распространенным в древнекыпчакских языках словосочетанием *soqbarmaq* говорилось выше. Глагольно-именные синкретичные корни или основы также можно обнаружить и в следующих глаголах: тур., азерб. и др. *der-* 'собирать', 'соединять', азерб.—«срывать (плоды, ягоды)» и в том же значении глагол *derle-*; тур. *ışı-* 'сверкать', 'блестеть', 'сиять' с производными именами: *ışık* 'свет', 'луч', 'огонек', 'светильник', 'свеча', 'лампа', 'лампада', 'освещенный', 'светлый', *ışın* 'сияние', 'свет (солнца)', 'мерцающий вдали огонек' и производный глагол *ışıla-* с тем же значением, что позволяет восстановить подражательной глагольно-именной омоним **ış-~* ış* или *ışı-~* ışı*; азерб. *пөрт-* 'обваривать', 'ошпарить', 'тушить' и производный глагол *пөртлә-* в том же значении от корня *пөрт*, который исторически может быть глагольно-именным омонимом, и т. д.

Эти дополнения вместе со сказанным ранее подтверждают, что при анализе вторичных глаголов, образованных при помощи аффиксов *-ла-*, *-а-* и т. д. от глагольных же корней (особенно при семантическом совпадении исходного и вторичного глаголов), всегда остается возможность возведения такого корня к синкретичной глагольно-именной форме.

Такая возможность усиливается тем, что грамматический синкретизм обнаруживается не только в корнях (или основах), но и в формах, ныне безоговорочно относимых к прилагательным или к существительным. Наблюдения показывают, что некоторые из форм отглагольных прилагательных исторически могли образовать прилагательные также от именных основ. Интересные данные содержатся у Ибн-Муханны и в словаре Махмуда Кашгарского. Последний приводит ряд прилагательных, образованных от имен существительных при помощи аффиксов отглагольных имен *-ағу*, *-қақ* и др., например: *közegü* 'лом', 'род кочерги' (Dizin, 370; M. Kāşgarī, I, 448)— от существительного *köz* (Dizin, 370), в других языках—*қор*, *қуз* 'горящий, раскаленный уголь'; у Ибн-Муханны *tumağı* 'насморк' (Battal, 76)— от имени *tum//tumlığ* 'холод' (M. Kāşgarī, Dizin, 651—652) наряду с *qaşaγu* 'скребница' и *bukagu* 'оковы, надеваемые на воров' (Dizin, 112—от глагола *buk-* 'гнуть' 'загибать', 'скручивать'— Dizin, 11), образованными от глагольных основ.

Примеры с аффиксом *-қақ*: *kurgak* 'засуха' (M. Kāşgarī, Dizin, 380)—от имени *kur* 'сухой' (Dizin, 379), *yanğak* 'челюсть', 'боковая сторона всякого предмета' (Dizin, 741)—от существительного *yan* 'бок', 'сторона' (Dizin, 740), у Ибн-Муханны *tüngak* 'ночной сторож' (Battal, 78)— от существительного *tün*

'ночь' (там же) наряду с отглагольным именем *batqaq* 'болото', 'топь', широко известным в ряде тюркских языков.

Примеры с аффиксом *-чақ*: *tölçek* 'родящая много детей' (Battal, 75)— от существительного *tol* 'время появления детенышей, детеныша, зародыша' (Dizin, 645). Уместно заметить, что другая форма этого аффикса, т. е. *-чан*, вместе с первой восходящая к форме *-чаң*, образует, например, в крымскотатарском языке прилагательные как от глаголов, так и от существительных, в отдельных случаях даже заимствованных: *сырчан* (имеется и в других языках) 'посвященный в тайну', 'доверенный'— от заимствованного из арабского *сыр* 'тайна' наряду с отглагольными прилагательными типа *унутчан* 'забывчивый'.

Примеры с аффиксами отглагольных существительных: общетюркским аффиксом *-қыч—мăйкăч//мăйкăç* (чув.) 'ошейник', 'намордник', 'рогатка, 'рогулька, надеваемая на свинью, чтобы она не могла пролезть в огород'— от существительного *мăй* 'шея', 'шейка', 'горлышко (бутылки)'; с общетюркским аффиксом *-мак—сарамак* 'желтуха'—от прилагательного *сара* 'желтый', 'русый', 'рыжий'.

Эти примеры, количество которых можно увеличить, позволяют расширить рамки древнего синкретизма и вернуться к исторической оценке природы глагольных корней-основ, данной В. Бангом. Если для объяснения случаев употребления аффиксов отыменных существительных при глагольных основах В. Банг оказался вынужденным допустить именное происхождение глагола и квалифицировать глагольные корни исторически как глагольные имена, то факты обратного порядка, приведенные выше, должны дать, очевидно, обратные результаты, т. е. подвести к выводу о том, что именной корень исторически является глаголом. По-видимому, неверны и то и другое предположения, так как они исходят лишь из одной стороны изучаемого явления. Правильным будет признать, что многие древнейшие корни, равно как и древнепроизводные основы, синкретичны в отношении глагола и имени, или, как писал П. М. Мелиоранский, «... в древности разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено в турецких языках, как теперь» (ЗВОРАО, т. XII, вып. II—III, 1899, примеч. 23), и что, следовательно, последние существуют в тюркских языках не изначально, а являются продуктом их исторического развития, продуктом грамматического развития тюркских языков.

Факты внешнего совпадения корневых и производных основ имен и глаголов могли бы получить и иную интерпретацию, принципиально отличную от предложенной выше. Совпадение глагольных и именных корней-основ в тюркских языках можно было бы отнести к явлению конверсии (словообразовательный

прием, известный в немецком [21], в некоторых романских языках [22], но особенно развитый в английском языке [23]). Грамматическое различие членов таких глагольно-именных омонимических пар проявляется лишь в словоизменении, в словосочетании. Внешне весьма напоминают конверсию также случаи омонимического образования глаголов (без помощи аффиксов) от заимствованных основ типа *azat* 'свободный' — *'azat-* 'освобождать', *пут, бут* 'идол' — *пӱт-* 'верить', приводившиеся выше.

Можно отметить сходство семантических отношений в конвертированных парах имя-глагол английского языка и сходных парах в тюркских языках. Как и в последних, в английском языке имя относится к омонимичному с ним глаголу как обозначение орудия, агенса [24], названия действия, предмета действия [25] и др.

Однако наряду с внешним сходством между рассматриваемыми явлениями имеются также весьма существенные различия.

1. Распространение конверсии в английском языке связано с сокращением флексии, с ростом аналитизма [26]. В древнеанглийском языке конверсия отмечается не ранее конца XIII в. [27], главным образом в северном диалекте [28]. Рост и распространение конверсии приходится на XV в. и последующее время. Предположения о наличии конверсии существительного и глагола в более раннюю эпоху истории английского языка встречают возражения.

В тюркских языках конверсия наблюдается, наоборот, в древнейшую, в основном дописьменную, эпоху. Случаи конверсии в заимствованных словах типа приведенных *azat* ~ *azat-*, *бут//пут* ~ *пӱт-*, т. е. образования глаголов от заимствованных имен без помощи глаголообразующих аффиксов, носят единичный характер, наблюдаются в наиболее раннюю эпоху письмен-

---

[21] К. А. Левковская, *Словообразование*, М., 1954, стр. 19, 20.

[22] Н. Г. Корлэтяну, *Конверсия в современном молдавском языке*, — «Вопросы языкознания», 1956, № 3.

[23] А. И. Смирницкий, *Лексикология английского языка*, М., 1955. — «Конверсия есть такой вид словопроизводства, при котором словообразовательным средством служит только парадигма слов» (стр. 71); см. также «Иностранные языки в школе», 1953, № 5, стр. 24; 1954, № 3, стр. 12. — К этому определению присоединяется также Н. Н. Амосова («Этимологические основы словарного состава современного английского языка», М., 1959, стр. 84). Близкое определение см. у К. А. Левковской («Словообразование», стр. 20).

[24] Н. Н. Амосова, *Этимологические основы словарного состава современного английского языка*, стр. 86, 87.

[25] А. И. Смирницкий, *Древнеанглийский язык*, М., 1955, стр. 167.

[26] В. Н. Ярцева, *К вопросу об историческом развитии системы языка*, — сб. «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952, стр. 76.

[27] Н. Н. Амосова, *Этимологические основы...*, стр. 83.

[28] С. М. Костенко, *Конверсия как способ образования глаголов от имен существительных в английском языке*, автореф. канд. дисс., 1955, стр. 11.

ности тюркских языков и представляют собой остаточное явление.

Если верно, что рост и распространение конверсии находятся в связи с ростом аналитических черт английского языка, то аналогичный процесс следовало ожидать и в тюркских языках, что, однако, в действительности не наблюдается, хотя рост аналитических элементов в языках тюркской группы является фактом, не подлежащим сомнению.

2. Производные глагольно-именные омонимические основы имеют омоморфные словообразовательные показатели, которые в современных языках являются глаголообразующими. Исторически они имеют и именное и глагольное значение, т. е. в семантико-грамматическом смысле синкретичны. Следовательно, развитие здесь имеет ясное направление: от смешанного глагольно-именного словообразования к раздельному именному и раздельному глагольному словообразованию.

3. Совпадающие древние глагольно-именные корни-основы тюркских языков все без исключения омонимы. Между тем для конверсии в древнеанглийском языке было характерно отсутствие омонимии, тогда как для конверсии в современном английском языке как раз типичны омонимические формы, принадлежащие разным словам с единой основой [29].

Все это не дает оснований признать наличие конверсии в древнейших глагольно-именных омонимах тюркских языков, и мы оставляем в силе наше предположение о грамматическом синкретизме древнейших глагольно-именных корней-основ.

ОБ ИСТОЧНИКАХ СИНКРЕТИЗМА КОРНЕЙ-ОСНОВ

Вопрос об источниках лексического и грамматического синкретизма древнейших корней (основ) представляется сложным вследствие как неизученности самого явления синкретизма, так и недостаточного развития сравнительно-исторического тюркского языкознания.

Приводимые ниже материалы, пока предварительные и еще разрозненные, привлекаются в настоящей работе, чтобы обратить внимание специалистов на один из важнейших источников лексического и грамматического синкретизма корней-основ, который при надлежащем изучении может доставить много ценных сведений по истории глаголообразования и вообще словообразования в тюркских языках.

Мы имеем в виду суммарное, комплексное обозначение взаимосвязанных явлений, resp. значений, куда входит как его разновидность обозначение причинной связи явлений.

---

[29] А. И. Смирницкий, *Лексикология английского языка*, стр. 79.

Комплексное обозначение явлений обнаруживается нередко в отдельном тюркском языке, но вскрывается также при сравнении языков между собой. Во втором случае возможно двоякое объяснение комплексного характера в передаче значений: или оно выработалось еще в эпоху тесной общности тюркских языков, и отдельные значения из этого комплекса закрепились в отдельных языках; либо в конкретных языках отдельные значения комплекса сложились уже после дифференциации тюркских языков.

Комплексность значения составляет отличительную черту многих слов, ею объясняется в первую очередь то обстоятельство, что общие корни-основы иногда имеют разные значения в разных языках.

Необходимо заметить, что случаи комплексного обозначения явлений встречаются даже в глаголах и именах, образованных аффиксами.

При специальном изучении этого предмета возникает ряд вопросов, в частности: чем отличаются подобные слова от других, значения которых общи всем тюркским языкам; какие значения в таких словах образуют типичные черты комплекса; в чем заключаются словопроизводные возможности этого приема; какова историческая периодизация данного явления и т. д.

Случаи глагольно-именного синкретизма, за исключением описанных выше и подобных им, обычно относятся к одной части речи: именной или глагольной. Смешанные случаи того и другого представляют собой глагольно-именные синкретичные формы.

В следующих примерах отдельно приводятся глаголы и отдельно — имена. Значения, связанные между собой причинными отношениями, выделены в другую группу.

Глаголы

азерб.: *ачыглан-* 'сердиться', 'злиться', 'гневаться'; 'упрекать', 'грозить', 'накричать на кого-либо'; обе группы значений находятся в причинной связи;

азерб.: *бармагла-* 'трогать', 'брать пальцем', 'набирать на палец'; 'делать в чем-либо углубление пальцем';

бојлан- 'вытягиваться, выпрямляться, чтобы видеть далеко'; 'смотреть поверх чего-нибудь', 'смотреть, заглядывать куда-либо', 'искать поверх чего-либо';

тур.: *dayan-* 'опираться' (в прямом и переносном смысле); 'выдерживать', 'выстоять', 'выносить'и др.;

туркм.: *дүйшүрге-* 'видеть сон'; 'бормотать', 'бредить';

кирг.: *жооло-//жоола-* 'идти войной', 'преследовать врага', 'враждебно относиться';

хак.: *көр-* 'глядеть', 'смотреть на кого что-либо'; 'видеть',

наблюдать кого, что-либо'; 'осматривать кого, что-либо'; 'присматривать, ухаживать за кем-либо'; следует заметить, что в других тюркских языках перечисленные значения передаются обычно двумя глаголами: *көр-||гөр-* и *бақ-*, а в старописьменных языках, кроме того, и синонимами *темаша||тамаша эт-сейр эт-* и т. п.;

казах.: *қапта-* 'насыпать в мешки'; 'мерить мешками'; 'обшивать', 'обивать (мебель)'; 'обернуть бумагой (книгу)'— от существительного *қап* 'мешок', 'футляр';

Al-Qawānīn: *min-* 'садиться на коня'; 'ездить' (319);

тур.: *sark-* 'висеть', 'свешиваться', 'свисать'; 'спускаться', 'опускаться'; 'качаться', 'покачиваться', 'болтаться';

казах.: *сүй-* 'целовать'; 'любить'; 'ласкать'; туркм. *сөй-* 'любить', 'полюбить', 'влюбиться'; 'ласкать'; 'баюкать';

тур.: *tep-* 'брыкаться', 'лягаться'; 'отдавать (о ружье)'; 'возвращаться (о болезни)'; в возвратной форме этого глагола *tepin-* также заметны следы комплексного обозначения: «бить», «колотить»; «топать ногами»; «быть вне себя», «трястись (от гнева)», «метаться», «бесноваться»;

titre- 'дрожать', 'трястись'; 'трепетать'; 'бояться', 'испытывать сильный страх';

M. Kāşgarī.: *tın-* 'отдыхать'; 'дышать', 'переводить дыхание'; 'переставать', 'заканчиваться' (Dizīn, 616);

туркм.: *ык-* 'идти по ветру'; 'быть унесенным ветром'.

Имена

туркм.: *аламан* 'набег (с целью грабежа)'; 'шайка всадников, совершивших набег'; 'участник набега';

Радл., Сл.: *асқы* 'повешенный'; 'предмет, на котором висит что-нибудь'; 'все, что повешено для украшения' (I, 543);

якут.: *атыы* 'торговля', 'товар', 'продажа', 'купля';

тур.: *deyirgi* 'жатва'; 'пора жатвы';

тат.: *кер* 'грязь (на теле и белье)'; 'белье (подлежащее стирке)';

хак.: *көс* 'глаз'; 'взгляд'; 'зрение'; *метаф.* 'ушко иголки';

туркм.: *меңиз* 'цвет лица'; азерб. и тур. *бәниз*, *beniz* 'лицо'; 'цвет лица';

тур.: *orak* 'серп'; 'жатва'; 'пора жатвы';

чув.: *пӗлӗт* 'небо', 'облако';

пӗтпӗлтӗк 'подражание щелканью (крику) перепела'; 'перепел'; в других языках *бытбылдыкъ* 'перепел' (крым.-тат.);

кирг.: *саадак* 'колчан'; 'лук со всеми принадлежностями';

узб.: *сий* 'ласка'; 'почет', 'почесть'; 'угощение';

томоқ 'горло'; 'пища'; так же хак. *тамах*;

ста́роузб.: *тоқуш* 'битва', 'сражение'; у Ибн-Муханны تقيش 'ряды войск', 'поле сражения' (Ибн-Мух., 237);

М. Kāşgarī: *tōl* 'время появления детенышей'; 'детеныш'; 'зародыш' (Dizin, 645);

тур.: *tutam* (от глагола *tut-* 'держать', 'хватать', 'ловить' и т. д.) 'положение', 'состояние', 'ход (болезни и пр.)'; 'манера'; 'рукоятка', 'ручка'; 'горсть', 'пригоршня'; 'охапка'; 'пучок'; 'букет'; в казах. *тұтам* еще «мера длины, равная ширине ладони», так же в кирг. («...равная ширине четырех пальцев») и татарском, в последнем еще значения «пучок», «пук», «прядь», известные и в узбекском; таким образом, почти все значения непосредственно связаны с представлением о сжатой руке, держащей что-то; а это в свою очередь восходит к основному значению глагола *tut-*; конкретное разнообразие приведенных значений группируется в два основных: предмета действия («рукоятка», «ручка»; «пучок», «пук», «прядь») и меры предмета («ширина ладони», «ширина четырех пальцев»); оба этих значения относятся к собственной семантике именного показателя *-ам*. Разнообразие значений необходимо рассматривать как проявление древней комплексности значений;

узб.: *ўр* 'подъем', 'отлогая возвышенность'; 'обрыв'; 'яма', 'траншея'; тур. *or* 'канава', 'яма', 'ров'; 'земляной вал', 'окоп', в казахском и киргизском только значения «канава», «ров»; по-видимому, в узбекском значение «траншея», а в турецком значение «окоп» являются новейшими;

Ettuhfet.: *uç||üç||öç* 'сторона'; 'бок'; 'конец' (Dizin, 224, 268, 273);

узб.: *чиғаноқ* 'раковина'; 'улитка'.

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ ЗНАЧЕНИЙ

Глаголы

Причинной связью значений мы называем такие случаи, в которых одни значения находятся в причинном отношении к другим. Так, например, в глаголе *ајыбла-* (азерб.) значение «пристыдить» является причиной по отношению к значению «заставить краснеть»; *ахмагла-* (азерб.) 'глупеть' находится в причинном отношении к значению «действовать неразумно, глупо»; *гарла-* (азерб.) 'покрывать снегом' является результатом по отношению к значению «идти (о снеге)». Другие примеры:

туркм.: *була-* 'мутить'; 'смешивать'; 'махать'; последнее значение находится в причинном отношении к первым двум;

тур.: *görüş-* 'видеться', 'встречаться'; 'разговаривать', 'беседовать', 'совещаться', 'обсуждать'; 'знакомиться';

туркм.: *деңе-* 'равнять'; 'сравнивать'; так же в казахском; в киргизском только первое значение;

азерб.: *диксин-* 'испугаться', 'вздрогнуть'; так же в других тюркских языках;

əс- 'дуть (о ветре)', 'веять'; 'дрожать', 'трепетать', 'трястись'; 'колебаться';

ишлə- 'вышивать', 'расшивать'; 'украшать';

узб.; *қуруш-* 'начинать засыхать'; 'съеживаться';

кирг.; *өгейси-* 'испытывать отсутствие родительского отношения к себе'; 'скучать по родным';

тур.: *öksi-||öksü-* 'чувствовать себя одиноким', 'грустить'; 'сильно желать', 'стремиться'; зная, что корень этого глагола составляет существительное **ög* 'мать' (Малов, Пам., 405) и что аффикс *-si-* служит для выражения желания, можно второе значение вывести из семантики аффикса и восстановить первоначальное значение рассматриваемого глагола: «*сильно желать (видеть) мать», «*стремиться к матери», однако первое значение глагола не выводится непосредственно из семантики показателя *-si-||-sü-*, между тем его каузативное отношение ко второму значению улавливается без труда и вряд ли является случайным в глаголе *öksi-||öksü-*;

азерб.: *сызылда-* 'ныть', 'болеть'; 'хныкать', 'тихо и жалобно плакать';

хак.: *тап-* 'искать', 'разыскивать'; 'находить', 'обнаруживать';

казах.: *тістен-* 'стискивать зубы'; 'разозлиться', 'приходить в ярость';

азерб.: *туташ-||тутуш-* 'сцепиться', 'схватиться друг с другом'; 'быть не в ладах';

тур.: *utan-* 'стыдиться', 'смущаться'; 'конфузиться', 'краснеть';

çarpıl- 'быть одержимым', 'бесноваться'; 'выгибаться', 'искривляться' — от глагола *çarp-*, в котором, однако, последние два значения не сохранились, хотя они бесспорно подтверждаются производным прилагательным *çarpık* 'согнутый', 'кривой', 'искривленный'; 'извилистый'; в глаголе *çarp-* и в производных от него нет также следов значения «бесноваться», однако «бесноваться» закономерно связывается со значением «биться» особой каузативной связью: появление рассматриваемого значения обусловлено древними представлениями относительно причин возбужденного состояния, сопровождающегося конвульсиями и пр., а фиксация такого значения облегчена тем, что залоговый показатель *-л-* означал и означает действие, источник которого неизвестен.

На основании приведенного материала нельзя пока делать каких-либо общих заключений. Тем не менее возможно считать, что каузативная связь значений долго сохранялась в тюркском словообразовании, проявлялась также в рамках господствующего способа словообразования — аффиксации и, по-видимому, не может еще считаться окончательно исчезнувшей.

О ЯВЛЕНИЯХ ВНУТРЕННЕЙ ФЛЕКСИИ

Переходное положение между состоянием лексической слитности многих глагольно-именных корней-основ и их дифференциацией при помощи системы словообразовательных форм занимает словообразование путем изменения коренных фонем (гласных или согласных), так называемая внутренняя флексия, на существование которой в алтайских языках впервые обратил внимание акад. В. Я. Владимирцов. Однако проблема внутренней флексии в тюркологии не получила пока теоретического освещения, так как не выработаны объективные критерии, на основании которых можно было бы собрать действительные, а не кажущиеся факты из области внутренней флексии и затем заняться их анализом. Отрывочные и случайные примеры внутренней флексии, которые приводятся иногда специалистами, обычно основаны на семантической и фонетической близости сопоставляемых слов, что, безусловно, существенно, но этого недостаточно, так как близость в отдельных случаях может быть результатом независимой эволюции неродственных слов. Гораздо надежнее сопоставления, когда они подкреплены систематическими и закономерными соответствиями между сопоставляемыми словами, в первую очередь фонетическими соответствиями. Так, например, сопоставляя туркм. *көз* 'уголь (горящий)', 'угли' и *көй-* 'быть пригорелым'; 'гореть'; 'жечься', узб., кирг. *күр* 'мелкие угли (вместе с золой)', мы склоняемся к генетической общности обоих слов не только вследствие их смысловой и звуковой близости, но также и потому, что различающиеся в них конечные согласные *з* и *й* связаны с известным в тюркских языках звукосоответствием *й~з~д//т~р*. Ср. еще старотур. *kör-* 'rozpalać się (o ogniu)' (Przekł. Koranu, 87) и азерб., туркм. и др. *көз* 'горячие угли', 'жар'. На том же основании представляется вероятной общность происхождения существительного *göz* 'глаз', 'глаза' и глагола *göy-* 'наблюдать', 'обозревать', 'ожидать', 'поджидать', приводимого в приписках к сочинению Абу-Хайяна (Izbudak, 22), — помимо семантической и звуковой близости этих слов в целом. К той же конкретной форме внутренней флексии относятся уже приводившиеся азерб., туркм., тур. *гудуз* и т. д. со значением «бешеный», «бешенство»,

«бешеная собака» (Малов, Пам., 416) и глагол *гудур-~kudur-~* узб. *қутур-~* тат. *котыр-~*кирг. *кутур-* и т. п. — все со значением «беситься», «взбеситься», «стать бешеным». Интересно, что наряду с именной формой *kutuz* (Ettuhfet., Dizin, 213) имеется также омонимичная с глаголом другая именная форма *kutur* (Ettuhfet., Dizin, 212). Следовательно, здесь представлена как синкретичная форма (*kutur* 'бешеный', *kutur-* 'взбеситься'), так и более новая (*kutuz*), хотя обе они относятся к древнейшим. Описываемое чередование наблюдается также в тур. *uy-* 'сообразоваться', 'согласоваться', 'подходить', 'соответствовать', 'быть к лицу' и *uz* 'подходящий', 'подобающий', 'приличествующий', в которых конечные согласные *y* в глаголе и *z* в имени, возможно, являются словопроизводными показателями.

При помощи внутренней флексии за счет согласных осуществлялась не только семантико-грамматическая дифференциация глагола и имени, но и разграничение близких, но не совпадающих значений слов вообще. Ср. остатки подобного разграничения в корнях *ванг* и *ванғ*, которые лежат в основе глаголов *вангилла-* 'визжать (о собаке)', 'взвизгивать' и *ванғилла-* 'жужжать', 'журчать'; корни *вақ* и *вағ*, от которых произведены глаголы *вақирла-* 'квакать', 'болтать вздор' и *вағирла-* 'кричать', 'орать', 'шуметь' (узб.).

Внутренняя флексия как словообразовательный прием реализуется также за счет чередования гласных, что можно видеть в туркменском примере *āжа-* и *āжы*, в котором слова различаются своими конечными гласными: в глаголе гласный широкий, в имени — узкий. Глагол означает «горкнуть», «киснуть», «прокисать», «закисать»; имя означает «горький», «неприятный», «невкусный», «опиум». И в данном случае генетическая общность глагольной и именной основы опирается, помимо семантической и звуковой однородности этих слов, еще и на закономерный характер чередования широкого и узкого гласного, хорошо известного в тюркских языках, в числе их и в туркменском. Случаи внутренней флексии в форме чередования широких и узких гласных наблюдаются также в глаголах и именах, в которых этим способом формально дифференцируются близкие, но не тождественные значения. Ср., например, глаголы тур. *çarp-* и *çırp-*, из коих первый означает «бить (с силой)», «ударять», «хлопать», «толкнуть», а второй — «слегка бить», «ударять»; в азербайджанском языке такой дифференциации значений не произошло или она в дальнейшем была утеряна, а формы *чарп-* и *чырп-* остались в языке на правах фонетических вариантов одного и того же глагола, оба со значением «бить», «ударять с силой» (*чырп-* «ударять с размаху»). Ср. также приводившееся ранее азерб. *чығыр-* 'кричать', 'выкрикивать', 'орать' и *чағыр-* 'звать', 'приглашать'; так же в казахском, киргизском,

татарском, турецком (*чақыр-, шақыр-, çağır-*), в котором имеются еще значения «кричать», «петь», «реветь (о животных)», частично повторяющиеся вместе с предыдущими в глаголе *çığĭr-* (*чыкыр-* имеется еще в киргизском) 'звать', 'вызывать', 'приглашать'; 'кричать'; 'оповещать', 'сообщать'; в узбекском сохранился именной омоним к данному глаголу в составе *чағир-чуғур* 'шум', 'гам', 'шум и гам'; сопоставляя с ним уже приводившиеся азерб. *чығыр-бағыр* 'шум', 'крик', 'гам', 'галдеж', можно установить, что они образуют вместе с омонимичными глаголами *чағыр-* и *чығыр-* глагольно-именные омонимы *чағыр-*~**чағыр* и *чығыр-*~*чығыр* с общим значением «кричать», «выкрикивать», «вызывать»~«шум», «крик», «гам».

Внутренняя флексия за счет чередования широких и узких гласных, по-видимому, наблюдается в глаголах азерб. *јар-* 'рассекать', 'раскалывать', 'расщеплять' и *јыр-* из *јырт-* 'раздирать', 'разрывать', 'рвать', 'прорезать', 'прорубить', известных в большинстве тюркских языков.

Наблюдения показывают, что при помощи внутренней флексии в форме чередующихся широких и узких гласных в истории тюркских языков намечалась также дифференциация в формах глагола и имени, существительных и прилагательных, не получившая, однако, развития в связи с прекращением продуктивности этих форм. Ср. в этом отношении аффиксы *-ақ*~*-ық...*, *-қан...*~*-қын...*, *-мақ...*~*-мық...* и др. и дифференцирующую роль в них широкого гласного *а* или *э* для существительных и узкого гласного *ы//и* или более древнего *у//ү* для прилагательных [30]. Можно подобрать из тюркских языков и другие примеры на внутреннюю флексию в словообразовательных формах не только при помощи гласных, но и согласных: ср., например, узб. *йилтилла-* 'поблескивать', 'мерцать' и *йилтира-* 'блестеть', 'поблескивать (об огне и т. п.)'.

К более сложным случаям внутренней флексии с чередованием гласных по подъему языка относятся глагол *ик-* 'понимать' (M. Kāşgarī, Dizin, 687; так же см.: Battal, 79; Малов, Пам., 438) и существительное *ök* 'ум', 'понимание' (Dizin. 453; Battal, 54). Чередование нёбных и ненёбных гласных известно во всех тюркских языках, в которых нёбно-губной сингармонизм не ослаблен или не исчез. Это явление отмечено и в научной литературе[31], начиная с «Фонетики» В. В. Радлова. Приведенный случай чередования *ик* и *ök* представляет собой его комбинацию с чередованием по подъему языка и встре-

[30] О дифференцирующей роли широких и узких гласных в непродуктивных аффиксах имен см. Н. К. Дмитриев, *Аффикс* غان *в новоосманском языке*, — ДАН-В, 1926, стр. 70.

[31] Из новейших трудов см., например, сводную работу проф. М. Рясянена «Материалы по исторической фонетике тюркских языков», М., 1955, стр. 52—54.

чается в турецком языке[32], не говоря о межъязыковом звукосоответствии *у~ө* или *о~ү*. Ср., например, *اود уд* 'заем' (Буд., I, 118) и *өде-* 'уплачивать', 'погашать', 'возмещать' и т. д. в разных языках; ср. также хак. *ус-*, туркм., кирг. *өч-*, казах. *өш-* 'гаснуть', чув. *куҫ-* и общетюрк. *көч-*, *гөч-* и т. д. 'кочевать', 'переселяться'; чув. *кут* и общетюрк. *көт*, *гөт* и т. д. 'задняя часть тела'; 'основание'; 'подошва горы'; тур. *yol-* 'вырывать', 'выдергивать', 'выщипывать' и *үйлй-* в том же значении.

К случаям дифференциации значений путем чередований по месту образования относится *дик~тик* с основным значением «отвесный», «прямостоящий», «вертикальный» (тур., кирг., узб.) и глагол *тық-//тықа-* с основным значением «затыкать», «засовывать» (в большинстве языков).

Можно, по-видимому, установить генетическое родство также для глаголов *сыз-* 'просачиваться', 'проходить (о жидкости)'; 'давать небольшую течь' и *сүз-* 'цедить', 'процеживать', 'фильтровать', известных в ряде языков. Различие между обоими глаголами сводится главным образом к тому, что первый из них непереходный, а второй переходный. Таким образом, чередование губного и негубного гласного в данном случае является формой дифференциации весьма важной в истории глагола категории переходности-непереходности. Само чередование губных и негубных гласных, иногда с нарушением нёбного сингармонизма, также известно в тюркских языках и отмечается в научной литературе[33]. Ср., например, *a͡ŋga-//o͡ŋga-* 'понимать', 'знать' (Atebet., Fihr., L); азерб., тур. и др. *бит-* 'кончаться', но *бүтүн* 'весь', 'все' и кирг. *бүт-* 'кончаться' (так же M. Qāşgarī, Dizin, 126); азерб. *дүз-* 'нанизывать' и тур. *diz-* в том же значении; казах. *мін* и *муң//буң* в древних языках — «недостаток».

Внутренняя флексия в форме чередования гласных и согласных в корне или аффиксе подводит лексико-грамматическую базу под исторические фонетические чередования и звукосоответствия в тюркских языках и приобретает существенное значение для выяснения исторического развития этого отдела фонетики.

Сказанным выше о значении закономерных звукосоответствий при установлении внутренней флексии не исчерпывается вопрос относительно объективных критериев выделения относящихся сюда случаев. Должен быть решен еще ряд вопросов, из числа которых можно назвать такие, как соотношение глаголь-

---

[32] Э. В. Севортян, *Фонетика турецкого литературного языка*, М., 1955, стр. 123, 124.

[33] См. М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, стр. 56—58.

но-именного синкретизма и внутренней флексии, внутренней флексии и аффиксации, границы глагольно-именного синкретизма и внутренней флексии, вопрос о закономерностях в области внутренней флексии и др.

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ОСНОВАХ

В данном разделе детально не рассматривается вопрос о корне, так как подобная задача выходит далеко за рамки исследуемого предмета, требует специального изучения и связана с подготовкой более обширных и разнообразных материалов о древнейших корнях-основах глагольного и именного характера.

Мы направляем наше внимание лишь на одну сторону вопроса — на форму корня, который нередко имеет, так сказать, «краткий» и «распространенный» вид. «Распространенными» корнями П. М. Мелиоранский, первым обративший на них внимание, называл те из них, которые выступают в одном каком-нибудь языке или же в разных языках в двух параллельных формах: односложной и двусложной, отличающейся от первой добавочным гласным, как бы «распространяющим» краткий корень [34]. П. М. Мелиоранский писал: «...несомненно, что от некоторых турецких глагольных корней образуются путем присоединения преимущественно одного из узких гласных своего рода „распространенные“ корни, в которых не всегда, но нередко, более или менее ясно проглядывает „интенсивное“ значение» [35]. Как видно из приведенной цитаты, П. М. Мелиоранский относил добавочный гласный в корне к аффиксу и определял значение последнего.

Видное место занимает вопрос о тюркском корне-основе в многочисленных исследованиях Г. Рамстедта, начиная с его ранней работы о глагольных корнях и кончая посмертным изданием его «Введения в алтайское языкознание».

Г. Рамстедт специально не выделял проблему «распространенных» корней-основ и не пользовался этим термином. Однако, исследуя слоговой состав алтайского корня, он косвенно дал ответ и на рассматриваемый вопрос. Двусложность многих основ, согласно трактовке Г. Рамстедта, является в тюркских языках исконной. Иллюстрируя свою мысль примером, Г. Рамстедт писал: «В общетюркском языке первоначальным глаголом для значения „связывать“ был *ba-*, но в якутском от *baju* и по-

[34] Частичную сводку литературы, относящейся к «распространенным» корням, см.: A. Dilâçar, *Batı türkçesi*, — «Türk dili araştırmaları yıllığı», Belleten, Ankara, 1953.

[35] П. М. Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, СПб., 1900, стр. LXII.

добных форм всеобщей глагольной основой (корнем) стал *baj-*, и первоначальный корень расширился (за счет *-j-*). В других случаях, более многочисленных, последний звук основы либо был отнесен к окончанию, либо выпал, и основа, таким образом, сократилась» [36].

Вторичную сложность корня-основы Г. Рамстедт допускал главным образом для заимствований и объяснял ее сращением односложного корня с морфологическим показателем в форме гласного [37]. Бо́льшую многосложность Г. Рамстедт находил у имен и объяснял ее сращением имени с уменьшительно-ласкательными аффиксами или классными показателями [38].

И все же основное значение Г. Рамстедт придавал этимологической двусложности, исходя при этом из некоторых монгольских или тунгусо-маньчжурских соответствий тюркским корням.

Уже в исследовании о глагольных корнях, когда автором еще не была разработана в более или менее законченном виде общая теория родства алтайских языков, Г. Рамстедт настойчиво развивал мысль о возведении многих односложных тюркских корней к двусложным корням монгольского или других языков, включаемых им в алтайскую группу. Независимо от Рамстедта В. Банг также обратил внимание на параллельные формы некоторых корней в тюркских языках, в первую очередь глагольных (т. е. форм типа *ит-//ите-* 'толкать', *қаз-//қазы-* 'копать', *сор-//сора-* 'спрашивать' и т. п.)[39]. В своей ранней работе Г. Рамстедт ряд односложных корней тюркских языков анализировал как усеченные формы, происходящие от более полных форм с конечным слогом *tɑ//dɑ//*, *kɑ//gɑ*, сохранившихся в монгольском языке. В его итоговом труде это воззрение вновь высказано без существенных изменений и еще раз повторены уже известные случаи тюрко-монгольских соответствий, как, например, монг. *ota*~тюрк. *ot* 'трава', монг. *ata*, *atan*~тюрк. *at* 'лошадь', монг. *ita*~тюрк. *it* 'собака', монг. *boda* 'сущность'~др.-тюрк. *bod*, койб. *pos*, Радл., Сл. *boy* 'тело' и пр. [40]. Г. Рамстедт не мог не видеть проблематичности признаваемого им «распространенного» характера первичного тюркского корня. Он писал: «...можно ли с достаточной достоверностью отличить односложные основы с согласным исходом от первоначально двухсложных? Было ли,

[36] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 17.

[37] G. J. Ramstedt, *Über die Stellung des Koreanischen*, — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. 55, Helsinki, 1951, S. 53.

[38] G. J. Ramstedt, *Über die Stämme und Endungen in den altaischen Sprachen*, — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. 55, Helsinki, 1951, S. 100.

[39] W. Bang, *Vom Köktürkischen zum Osmanischen*, 2 Mitteilung, S. 20.

[40] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 120, 121; *Über die Stellung des Koreanischen*, S. 53; *Über die Stämme und Endungen in den altaischen Sprachen*, S. 99.

например, тюрк. *al-* 'брать' когда-то *aly-*, поскольку мы имеем *ali-* 'получать' в маньчжурском и *arim* 'охапка' в корейском? Или: имел ли общетюркский язык тоже форму *köke* вместо *kök*, раз монгольский имеет *köke*, а тунгусский *kukusin*?» На поставленные вопросы Г. Рамстедт отвечает следующим образом: «В отношении вокализма монгольский и тунгусский много консервативнее (тюркского. — *Э. С.*), и потому большое число основ, в настоящее время односложных в тюркском и корейском языках, можно квалифицировать как первоначально двусложные. Отсюда, как в глаголах, так и в именах всегда следует прежде всего предположить двусложную основу и конечную часть многосложного слова анализировать в виде одного или многих окончаний. Однако первоначальная форма корня все еще часто находится под вопросом» [41].

Положение о первоначальной двусложности некоторых тюркских корней принимал также Н. К. Дмитриев. Возражая П. М. Мелиоранскому, он указывал, что в «распространенных» основах типа *сора-* наряду с *сор-* 'спрашивать' «первые формы не образуются от вторых, а представляют собой более старую пережиточную фазу, сохранившуюся и теперь в монгольском языке» [42].

Однако взгляды Г. Рамстедта на тюркский корень не получили в общем широкого распространения среди советских тюркологов, которые придерживаются в большинстве случаев традиционного положения, признающего односложное происхождение всех тюркских корней. В соответствии с этим добавочный гласный в распространенном корне вслед за П. М. Мелиоранским рассматривается в качестве вторичного элемента [43] с учащательным значением [44].

Приводимый ниже материал дает достаточное основание для сохранения традиционного представления о вторичном характере «распространенного» корня и позволяет внести некоторые дополнения в характеристику добавочного гласного.

Как уже было показано в предыдущей главе, в ряде случаев вторичная, т. е. «распространенная», основа глагольного или именного характера имеет совершенно ясное происхождение, не древнейшее, как предполагал Г. Рамстедт на основании показаний монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а, наоборот, более позднее. Так, например, от именного значения синкретич-

---

[41] G. J. Ramstedt, *Über die Stämme und Endungen in den altaischen Sprachen*, S. 100, 101.

[42] Н. К. Дмитриев, *Очерки по кумыкскому синтаксису*, — «Языки Северного Кавказа и Дагестана», вып. 1, М.—Л., 1935, стр. 60.

[43] А. Н. Кононов, *Грамматика турецкого языка*, М.—Л., 1941, § 231.

[44] А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, § 415.

ной формы *аң-* ~ *āң* (туркм.), означавшей «понимать», «чувствовать», «сознавать», «догадываться» и «сознание», «соображение», «рассудок», «чутье», при помощи аффикса *-а-* образовался вторичный глагол *a͡ŋa-*/*o͡ŋa-* 'понимать', 'знать', который мы находим в Atebet, Fihr. (L); в результате в тюркских языках оказались две формы: «краткая» *āң-~аң-~ан-* (в огузских языках) и «распространенная» — в названном памятнике. В данном случае разные основы оказались в разных языках, но это обстоятельство существа дела не меняет, так как в изучаемом явлении важен лишь один вопрос: каково происхождение так называемой «распространенной» основы. Как видно, источником вторичной формы глагола являются грамматически синкретичный корень и аффикс. Точно таким же путем шло образование «распространенных» глагольных основ и в отдельных языках. Ср., например, вторичный глагол *bayı-* со значением «быть богатым» (Ettuhfet., Dizin, 149), образованный при помощи аффикса *-ы-* от грамматически синкретичной основы *bay~bay-*, означающей «богатый» и «быть богатым», в результате чего в указанном памятнике оказались две глагольные основы: «краткая» — *bay-* и «распространенная» — *bayı-*.

Ср. еще следующие примеры: «распространенная» глагольная основа *қары-*, *қари-* 'стареть', 'стариться' (азерб., туркм., тур., узб., кирг., алт., M. Kāşgarī, Dizin, 269; Battal, 38; Ettuhfet., Dizin, 185; Turf. VIII, 95) и омоморфное имя со значением «старик», «старуха», «старый» во всех перечисленных языках — с одной стороны, и с другой стороны — глагол *қар-* (Радл., Сл., II, 132) с тем же значением, от которого образовались *қары-* и *қары* при помощи аффикса *-ы-~-ы*; «распространенная» глагольная основа *katı-* в турецком со значением «твердеть», «застывать»; «замерзать» и омоморфное имя со значением «твердый», «крепкий», «черствый», «жесткий», известное, кроме турецкого, также в татарском и других тюркских языках, и глагол *қат-* с тем же значением в узбекском, казахском, киргизском, татарском и др., а также омоморфное с ним имя *kat* в турецком, семантически тождественное с *katı-*; очевидно, что первая, т. е. «распространенная», глагольно-именная основа *katı* образовалась от второго синкретичного корня при помощи аффикса *-ы-~-ы*; азербайджанский «распространенный» глагол *гоху-* 'издавать запах, вонь'; 'разлагаться', 'гнить' и омоморфное имя со значением «запах», «вонь» ср. с гагауз., тур. и др. глаголом *кок-* 'пахнуть', 'вонять'; в турецком еще «портиться» и омоморфным именем *кок* 'запах', сохранившимся в туркменском и вошедшим в глагол *къокъла-* 'нюхать' в крымскотатарском и других; очевидно, что «распространенная» форма образована от синкретичного корня *кок-~кок* при помощи аффикса *-ы*.

Ср. также «распространенную» глагольную основу *қуру-* 'сохнуть', 'высыхать', 'засыхать' и омоморфное имя со значением «сухой», «засушливый», «черствый» и т. д., в разном фонетическом облике известное в большинстве тюркских языков, и краткую глагольную основу *хуур-* с тем же значением в якутском или чувашском (*хăр-*), а также омоморфное имя *қур* со значением «сухой», известное в казахском, киргизском, в словаре Махмуда Кашгарского (Dizin, 379). Очевидно, что «распространенный» глагол и омоморфное с ним имя образованы от более первичного синкретичного корня *қур-~қур* с аффиксом *-ы-~-ы*. Ср. хакасскую «распространенную» глагольную форму *хысхара-* 'укорачиваться', 'сокращаться', 'убавляться' и кыпчакскую форму *қысқар-* с тем же значением, известную в казахском, киргизском, татарском и др.; в основе обоих глаголов лежит прилагательное *қысқа* 'короткий', образованное от глагола *қыс-* 'сжимать', 'сдавливать' при помощи аффикса *-қа*; ср. «распространенный» турецкий глагол *ora-* 'окапывать рвом' и хак. *ор-* 'рыть', 'копать что-либо', а также известное во многих языках имя *ор* 'ров', 'канава', 'вал', откуда легко восстанавливается этимология турецкой формы *ora-*; ср., с одной стороны, «распространенную» основу *орна-* 'занимать место', 'быть на месте'; 'поселяться'; 'занимать место другого'; 'менять место' 'переменить' (Радл., Сл., I, 1061—1062), а с другой стороны, глагол *орын-* 'находиться где-либо' и омоморфное имя со значением 'место, которое что-либо занимает' (Радл., Сл., I, 1055); очевидно, что первое образовано от *орын* при помощи аффикса *-а-*.

Ср. *ölç-* (Ettuhfet., Dizin, 225) 'мерить', 'измерять'~*ölç* 'измерение' и «распространенную» основу *ölчä-* (Радл., Сл., I, 1257), *өлче-* (туркм.), *ўлча-* (узб.), *өлше-* (казах.) 'мерить', 'измерять', образованную от синкретичной основы *ölç-~ölç* при помощи аффикса *-а-*; ср. у М. Кашгарского (Dizin, 487) и Абу-Хайяна *sana-* и *san-*— оба со значением 'считать' (Abu-Hay., 86), из коих первый глагол образован от именной части синкретичной основы *san-* 'считать'~*сан* 'счет' (туркм., хак., тат., казах., кирг. и др.) при помощи аффикса *-а-*. В турецком языке показатели *-н-~-н* и *-й* в формах *san* и *say-* оказались дифференциаторами значений: *san-* 'считать', 'думать', 'полагать', 'предполагать', 'принимать за что-либо', *san* 'честь', 'почет', 'уважение', 'достоинство' и *say-* 'считать'—все, как и предыдущие формы, образованные от древнего глагола *sa-* 'считать' (Малов, Пам., 418). Ср. тур. *sancı-* 'причинять острую боль', 'колоть', 'болеть (о внутренних органах)' и другой глагол *sanç-* 'вонзать', 'втыкать', 'всаживать'; 'колоть', 'прокалывать'; 'водружать', по отношению к которому первый глагол составляет «распространенную» форму, имеющую также и

именное значение «колики», «резь в животе»; «острая боль»; нетрудно заключить, что эти формы образовались от более древних основ *sanç-*~**sanç* синкретичного характера. Ср. тур. *toza-* 'поднимать пыль', 'пылить' с более первичным глаголом *toz-* 'подниматься (о пыли)' (Abu-Hay., 106), 'распыляться', 'превращаться в пыль'; 'совершенно изнашиваться' (узб., туркм., казах., кирг. и др.), вместе с омонимичным именем *toz* 'пыль', составляющим базу для первого глагола, образованного при помощи аффикса *-a-*; ср. еще *ır-* 'удалять' в староосманском (Przekł. Koranu, 98) и «распространенную» форму той же основы *yıra-* со значением «удаляться» в словаре Махмуда Кашгарского (Dizin, 786); тат. *сикер-*, хак. *секір-* 'прыгать', 'скакать' и староосманскую «распространенную» форму *säkri-* с тем же значением (Przekł. Kalili i Di n., 145), образованную от первой при помощи аффикса *-i-* (*säkri-*<*säkiri-*); *jaı-* 'разогнать', 'рассеять' в сутре «Золотой блеск» (Малов, Пам., 383) и *jajy-* 'побеждать', 'прогонять (врага)' в надписи в честь Тоньюкука (Малов, Пам., там же) и др.

Эти материалы позволяют в принципе решить вопрос о возможности возведения весьма многих «распространенных» глагольных основ к более первичным синкретичным глагольно-именным корням или основам.

Вместе с тем приведенные факты открывают возможность совершенно иной интерпретации чередования узких и широких гласных в некоторых глагольных основах. Исходя из того, что в ряде случаев одни и те же глаголы образовались в разных тюркских языках как с аффиксом *-a-*, так и с аффиксом *-ы-*, на основании анализа «распространенных» глагольных основ можно допустить, что и в других случаях чередующиеся гласные восходят к тем же словопроизводным аффиксам с синкретичным значением, образовавшим данные глаголы от утерянных в тюркских языках более древних глагольно-именных корней синкретичного характера. Так, например, зная, что общетюркский глагол *оқу-~оқы-* и туркм. *ока-* образованы при помощи аффиксов *-ы-* и *-a-* от синкретичной основы *оқ-* 'звать', 'называть' (Радл., Сл., I, 993)~*оқ* 'крик', 'голос', 'слово' (там же, 991) или что общетюрк. *таны-* и туркм. *тана-* 'узнавать', 'распознавать', 'признавать' образованы от имени *тан* (ср. узб. *тан ол-* 'признавать', 'принять') при помощи тех же аффиксов, можно допустить, что и глаголы *соғу-~сову-* в ряде языков и туркм. *сова-* 'становиться холодным', 'прохлаждаться', 'охлаждаться', 'остывать' также образованы при помощи этих аффиксов от основы **соғ~*сов*; что глагол *сүрү-* в ряде языков и туркм. *сүйре-* 'тянуть', 'тащить', 'волочить' образованы при помощи тех же аффиксов. Сказанное справедливо также для известного в ряде языков глагола *чүрү-*

и туркм. *чүйре-* 'гнить', 'преть', 'загнивать', 'разлагаться'; для межтюркского *эри-* и туркменского *эре-* 'таять', 'плавиться', 'растворяться', которые в свою очередь восходят к синкретичному корню *эр-*~**эр*, глагольный вариант которого *ir-* и чередующийся с ним *iz-* мы находим в Ettuhfet. (Dizin, 178, 181), а также в якутском (*ир-*) с тем же значением «таять»; для глагола *қуру-*~*қуры-* в большинстве тюркских языков, казах. *құра-* 'высыхать' 'сохнуть', основу которых составляет уже рассматривавшийся выше синкретичный корень *қур-*~*қур*; для азерб., хак. и др. *сары-* и туркм. *сара-* 'обманывать', 'обертывать', 'закутывать' при «краткой» основе *сар-* (кирг., казах., тур. и др.) с тем же значением; для общетюрк. *улу-* 'выть' и азерб. *ула-* в том же значении и т. д.

Опираясь на все эти факты, можно, по-видимому, вскрыть «распространенные» глагольные основы и в отдельных аффигированных или стяженных формах глаголов, к которым, вероятно, относятся, например, глагол *söyün-* 'гаснуть', приводимый у Абу-Хайяна (Abu-Hay., 93), более известный в тюркских языках в форме *сөн-*. Сопоставление обеих форм с общим показателем возвратного залога *-н-* позволяет восстановить корень **сө-*~**сө* и «распространенную» основу **сөйү-*, образованную так же, как и турецкий глагол *uyu-* 'спать', от корня *u* 'сон' (Малов, Пам., 437) //**и-* 'спать'. «Распространенным» является также хакасский глагол *ӱргӱ-* или узбекский *ҳуркы-* 'пугаться' при *үрк-* в большинстве остальных языков, в свою очередь восходящем, вероятно, к более древнему корню **үр-* или **үр*, о чем можно судить по параллельной хакасской форме *ӱрӱк-* (если только *ӱ* перед *к* не вторичное), приводимой также Радловым.

К этим примерам можно присоединить также староосманское *doqu-* 'wbijac' (gwóźdźi t. d.)' (Przekł. Kalili i Dim., 120), *toqı-* 'schlagen' (Turf. XIII, 180) и **toq-* в том же значении, восстанавливаемый из межтюрк. *toqmaq* 'пест', 'колотушка'.

Разъяснения о способах и источниках образования в тюркских языках «распространенных» глагольных основ полностью сохраняют свое значение также для «распространенных» имен. Некоторые из них уже приводились выше, как, например, *қур* и *қуру* 'сухой'; тур. *sızı* и восстановленное нами **sız*— оба со значением «острая боль», «дергание», «невралгия», «ревматизм». Другие примеры: *ит* 'надежда' (Houtsma, 54) и тур. *umu* с тем же значением, образованное от синкретичного корня *ум-* 'надеяться'~*ум* 'надежда' при помощи аффикса *-ы-*; ср. тур. *sık* 'частый', 'тесно поставленный', 'густой', 'плотный', 'узкий', 'тесный' и *sıkı* с тем же значением, образованное от глагольно-именной основы или корня *sık-* 'жать',

'давить'~*sik* 'частый'; ср. *әjри~эгри~игри* и т. д. 'кривой', 'изогнутый', 'извилистый' и хак. *игір* с тем же значением, а также более древним—«кривизна», из коих первая форма образована от производной синкретичной основы *эгир-~эгир*, где *эг-* (*эj-*, *ий-* и т. д.)—корень глагола со значением «гнуть», «сгибать», а *-ир-~-ир*—глагольно-именной аффикс.

Тем же путем образовались, по-видимому, также и якутские «распространенные» имена *уҥа* 'правый' при более известном в тюркских языках *оң*; *үлэ* (в составе парного *үлэхамнас*) 'работа' при общеизвестном *иш*; *ырыа* 'пение', 'песня' при более распространенном в тюркских языках *ыр~йыр~җыр* и т. д.; *дэхси* 'ровный', 'гладкий' при *тегиз* в кыпчакских языках; чув. *тутă||тут* при общетюрк. *тат||дад* 'вкус'; *уйах* при общетюрк. *ай* 'луна'; *ухă* 'лук', 'стрела' при общетюрк. *оқ* в том же значении; *хупă||хуп* 'лубок', 'кора', 'чешуя'; 'покрышка' и т. д. при общетюрк. *қаб~кап*; *чикĕ* 'межа', 'граница', 'рубеж', 'предел', 'край'. 'черта' при более известном *чек~шек* (казах., кирг., крым.-тат. и др.); *ютă||ют* 'чуждый', 'незнакомый', 'дальний', 'посторонний', 'зарубежный', 'чужеземный', 'иностранный' при более известном *ят~җат* и т. д.; *яшă~яш* 'стройный', 'молодой', 'холостой' при общетюрк. *яш~җаш* и т. д.

Наоборот, в других случаях «распространенными» могут оказаться наиболее частые в тюркских языках формы в сравнении, допустим, с тем же чувашским. Ср. такие примеры, как общеизвестные *дери~тери* и т. д. 'шкура', 'кожа' и чув. *тир*; общетюрк. *алты* 'шесть' и чув. *улт*, помимо *ултă||улттă*; известное во многих языках *қашы-* 'чесать', 'чесаться' и чув. *хыç-*; известное в кыпчакских и некоторых других *чыда-* 'терпеть', 'переносить' и чув. *чăт-* и т. д. С «распространенными» именными формами невольно ассоциируются такие распространенные формы «интенсива» прилагательных в некоторых тюркских языках: тур. *düpedüz* наряду с *düpdüz* 'совершенно ровный', *sapasağlam* наряду с *sapsağlam* 'совершенно здоровый', 'крепкий', *yapayalnız* наряду с *yapyalnız* 'совершенно одинокий', *sırsıklam* наряду с *sırsıklam* 'совершенно мокрый'; наречия: *güpegündüz* наряду с *güpgündüz* 'абсолютно днем', *çepeçevre* наряду с *çepçevre* 'кругом, со всех сторон', 'вокруг'. Трудно сказать, как образовались эти формы; допуская в данном случае действие аналогии, нельзя в то же время исключать участие аффикса *-а-* в его интенсифицирующем значении.

Склоняясь к признанию вторичного характера «распространенных» основ глагольного и именного значения, следует наряду со сказанным выше подчеркнуть безусловную правильность объяснений П. М. Мелиоранского и отнести, может быть, к

ослабленным формам интенсивности бо́льшее число случаев, чем это было сделано в соответствующем разделе второй главы (см. стр. 221—230), а именно: тур. и др. *it-* и крым.-тат. и др. *ите-* 'толкать'; *газ-~каз* (азерб., гагауз., тур., узб., M. Kāşgarī, Ettuhfet., R., CC) 'рыть', 'копать', 'бурить', 'высекать', 'вырезывать', 'гравировать' и газы- (тур., азерб.) в том же значении+'скоблить', 'скрести', 'царапать', которые, по-видимому, связаны с учащательным значением формы *газы-*[45] и др.; тур., туркм. и др. *sars-* 'трясти', 'потрясать', 'сотрясать', 'пошатнуть', 'расшатывать' и азерб. *сарсы-* 'трястись', 'расшатываться', 'колебаться', в гагаузском «трясти (про верховую лошадь)»; тур., гагауз. *сор-* 'спрашивать', 'задавать вопрос' и узб., туркм., казах., кирг., тат., *сўра-~сора-* и т. д. в основном с тем же значением, но в туркменском еще «расспрашивать», в узбекском — «допрашивать», как и в азербайджанском глаголе *сорушдур-*, что указывает на учащательное значение формы, в большинстве языков, однако, потерявшей свою специфическую семантику. К интенсивным формам следовало бы, возможно, отнести также тур. *basamak* 'ступеньки лестницы'— от омоморфного глагола *(bas-)* и *tutamak* 'ручка'; 'опора', 'подпорка'; 'твердость', 'постоянство' — также от омоморфного глагола *(tut-)*.

Эти незначительные добавления могут пополниться при специальной выборке глаголов на *-а-* или *-ы-*, образованных от глагольных основ.

Часть таких добавлений, как и добавлений к приведенным выше «распространенным» основам, может оказаться в следующих примерах, которые приводятся без анализа ввиду отсутствия посредствующих звеньев, без которых разбор примеров невозможен.

Глаголы

кирг., казах.: *булк-//булку-* 'делать порывистые движения', 'шарахаться';

общетюрк.: *яра-~жара-* и т. д. 'годиться', 'быть годным', 'подходить', 'быть полезным' и *yar-* 'быть полезным' (Al-Qawānīn, 311);

е-, же- и т. д. 'есть' и *yiy-* в том же значении в Ettuhfet. (Dizin, 287);

йол-, юл-, жул- и т. д. 'выдергивать', 'выщипывать' и т.д. и гагауз. *jола-* в том же значении+«рвать», «полоть»; ср. также тур. *yülü-*;

---

[45] А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, § 415 (2).

общетюрк.: *йүр-*, *jүр-* и т. д. 'ходить', 'двигаться', 'ездить' и азерб., тур., чув. и др. *jүрү-*. *çӳре-* в том же значении;

Радл., Сл.: *kaip-* (II, 20), *kajыp-* (II, 95) 'сгибать', 'отгибать'; 'завернуть', 'засучить (рукава, штаны)' и *kaipы-* (II, 24), *kaipi-* (II, 25) 'согнуть';

Ettuhfet.: *kak-||kakı-*, 'сердиться', 'раздражаться', 'возбуждать' (Dizin, 182);

азерб., тур.: *галх-* (*kalk-*) 'подниматься', 'сниматься' и узб. *қалқи-* 'вздыматься', 'подниматься', 'выходить наверх'; 'поперхнуться', кирг., казах.—«подниматься на поверхность жидкости', «плавать наверху», туркм.—«колыхаться», «развеваться»;

староосм.: *qar-||qara-* 'проклинать' (Rossi, 345, 346);

общетюрк.: *қыз-* 'накаливаться'; 'возбуждаться', 'горячиться' и узб. *қизи-* в том же значении;

Ettuhfet.: *kırk-||kırkı-* 'обрезать', 'подрезать', 'стричь' (Dizin, 199);

тур.: *koç-* 'обхватывать', 'обнимать'; 'обвивать' и *kuca-*[46] 'обнимать';

кирг.: *куур-* (общетюрк. *қавур-*, *говур-* и т. д.) 'жарить', 'поджаривать'; 'довести до изнеможения', 'разорить' и *кууру-* в том же значении;

кирг.: *меен-* 'испытывать наслаждение, приятную истому' и *меени-* 'быть в состоянии приятной расслабленности, истомы';

Радл., Сл.: *ор-* (I, 1047), тат. *ур-*, казах., кирг., узб. и др. *ор-* ср. с тур. *ora-* 'жать';

общетюрк.: *семир-* и туркм. *семре-* (<*семйре-*) 'жиреть'; 'толстеть', 'полнеть', 'поправляться', 'становиться упитанным, жирным, толстым';

азерб., тур., туркм., казах. и др.: *силк-* 'трясти', 'встряхивать', 'стряхивать'; 'выколачивать', 'выбивать', 'вытряхивать' и узб., алт. и др. *силки-* в том же значении;

кирг.: *тал-||талы-* 'замирать'; 'неметь (о членах)'; 'падать в обморок'; 'страдать падучей болезнью';

Ettuhfet.: *tart-||tarta-* 'тянуть'; 'дергать'; 'притягивать' (Dizin, 252);

тур.: *tüt-* 'дымить', 'надымить', 'наполнять дымом'; 'дымиться'; ср. с *түтe-* в других языках, в связи с чем можно прийти к заключению о вторичном происхождении формы *түтe-*, что подтверждается, между прочим, и производным *түтүн* (*түт-үн*) 'дым' (и в дальнейшем развитии слова — «табак»), образованным от *түт-*;

азерб.: *тых-* 'засовывать', 'запихивать' и *тыха-* 'затыкать',

---

[46] В «Türkçe sözlük» эта форма не приводится.

'закупоривать', 'загораживать'; так же в тур. (*tık-//tıka-*), в остальных — *тық-*;

Радл., Сл.: *ул-* 'выть (о собаках)' (I, 1693) и *ула-* (I, 1675) в том же значении; *ула-* также в азербайджанском; в остальных — *улу-~улы-*;

азерб., тур. и др.: *чарп-* 'бить', 'ударять'; 'биться' и ряд других значений; ср. с кирг. *чарпы-* 'ударять', 'задевать ударом';

кыпчак. и др.: *чыда-* 'терпеть', 'переносить', 'выдерживать' и чув. *чăт-*, послужившее, по-видимому, основой для «распространенной» формы.

Имена

хак.: *аар* 'дальше'; 'по ту сторону' и кирг. *ары* в том же значении;

аар 'пчела' и азерб., тур., туркм. *ары* в том же значении;

в большинстве тюрк. яз.: *буғ~буў* 'пар' и тур. *buğu* в том же значении;

дул~тул 'вдова', в некоторых языках еще «вдовец»; в киргизском — «изображение умершего мужа, которое ставилось над местом супружеского ложа»; «траур по мужу»; ср. с «распространенной» формой *tuly* (Малов, Пам., 433) 'вдова';

межтюрк.: *яғ* 'масло', 'жир'; ср. с *yagı* с тем же значением (*sarı yagı* 'сливочное масло', Al-Qawānīn, 311);

общетюрк.: *ян* 'бок', 'сторона' и *уапа* 'сторона'; 'направление' в Ettuhfet. (Dizin, 277);

азерб., тур., кирг. и др.: *галай* 'олово', 'полуда', 'луда' и узб., туркм., казах. *қалайи* в том же значении;

Радл., Сл.: *кар* 'верхняя часть руки' (II, 132) и *кары* (II, 167) в том же значении;

казах.: *қаржы* 'денежный фонд'; 'денежные средства' — от заимствованного из араб. *harğ* 'расходование', 'трата', 'издержки'; таким образом, «распространенной» здесь оказалась заимствованная основа, однако данный случай можно объяснить чисто фонетически, опираясь на то, что заимствованное слово оканчивается на сонорный + аффрикату (в казахском — проточный *ж*);

тур. и **Przekł. Kalili i Dim.**: *kıy//kiyı* 'край', 'берег' (143);

межтюрк.: *ор* 'ров'; 'яма'; ср. с *оро* в алтайском в том же значении (Грамм. алт. яз., 226);

тиз, диз, дīз 'колено' ср. с алт. *тізе* в том же значении (Грамм. алт. яз., 226); так же в киргизском;

кыпчак.: *төле-*, *төлө-* 'платить' ср. с *töl-* в Ettuhfet. (Dizin, 262) в том же значении;

Ettuhfet.: *tür||türe* 'обычай'; 'закон', 'правило' (Dizin, 267);

азерб., тур., туркм. и др.: *чалы* 'кустарник', в туркменском — «саксаул»; ср. с *чаал* 'низкий и тернистый кустарник' (Грамм. алт. яз., 288);

енис.-орх., M. Kāşgarī: *yağı* 'враг' (Dizin, 726); Abu-Hay. (117); Малов, Пам. (383), узб. *ёв* и крым.-тат. *джав*, кирг. *жоо-*, казах. *жау* в том же значении.

Глава IV

ЗАЛОГИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

Общим для всех существующих в тюркологии определений природы залога является признание синтаксического содержания залоговых форм в тюркских языках. Различие между точками зрения сводится к колебаниям в оценке состава и объема синтаксического содержания залоговой категории. Согласно наиболее распространенной точке зрения залог представляет собой отношение между субъектом и объектом действия [1]. Согласно другой точке зрения залог является выражением отношения действия к субъекту и объекту [2]. Существует и противоположный взгляд, согласно которому залоги показывают отношения объекта и субъекта к действию [3]. Наконец, была сделана попытка объединить все эти определения в одно, рассматривающее залог не только как отношение субъекта и объекта к действию, но и как отношение самого действия к субъекту и объекту [4].

Естественный и логический вывод из всех приведенных определений заключался бы в признании того, что категория залога

[1] «Азәрбајчан дилинин грамматикасы», I һиссә, Бакы, 1951, с. 173; Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка,* М.—Л., 1948, стр. 179; А. К. Боровков, *Грамматика уйгурского языка,* Л., 1935, стр. 141; А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка,* Ташкент, 1948, § 261 и сл.; А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка,* М.—Л., 1956, § 364; А. Ғ. Ғуломов, *Фе'л* — «Ҳозирги замон ўзбек тили курсидан материаллар», Тошкент, 1954, б. 56.

[2] А. А. Азер, *Категория залога в современном азербайджанском языке,* автореф. канд. дисс., Баку, 1955, стр. 18; А. Х. Фатыхов, *Категория залога в башкирском языке,* автореф. канд. дисс., Уфа, 1953, стр. 5; Х. Якубова, *Залоги в узбекском языке в сопоставлении с залогами русского языка,* автореф. канд. дисс., Ташкент, 1954, стр. 3.

[3] Б. Чарыяров, *Категория залога в современном туркменском языке,* автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1955, стр. 4, 5.

[4] Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке,* Ташкент, 1951, стр. 5.

выражает отношения между структурными элементами тюркского предложения вообще. Такого взгляда придерживаются некоторые отечественные исследователи. Так, А. Г. Гулямов следующим образом определяет сущность залоговой категории глагола: «Изменения в залогах глагола указывают на различия в конструкции предложения»[5]. К синтаксической интерпретации залога склоняются также А. Н. Кононов[6] и А. А. Азер[7]. Исходя из этого, естественно отнести залоги к области формообразования, как правильно считает, например, А. Н. Кононов, который в новом издании своей грамматики турецкого языка залогообразование включил в раздел «Формообразования глагола» (§ 361—520).

Между тем большая часть авторов, писавших о залоге или касавшихся его, относят залогообразование к словопроизводству[8], как это делал еще В. В. Радлов[9] и некоторые его предшественники, не объясняя возникающего отсюда противоречия между содержанием залога (выражающего отношения действия к его носителю) и отводимым ему местом среди категорий тюркских языков (в отделе словообразования). Так, например, Н. А. Баскаков, автор сводного определения залога как отношения субъекта и объекта к действию и обратно, писал: «В языках тюркской группы глагольные залоги являются категорией семантической, как и категория вида, так как характеризуют глагол вне его реализации в предложении»[10]. Но общеизвестно и, кажется, никем не оспаривается, что глагольное сказуемое в тюркских языках, прежде чем получить личную или неличную форму, ста-

---

[5] А. F. Гуломов, *Фе'л*, б. 57. — По общему смыслу трактовки этой категории залог относится скорее к грамматическим формам глагола.

[6] А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, § 364—403.

[7] А. А. Азер, *Категория залога в современном азербайджанском языке*, стр. 18.

[8] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, стр. 132, 179; J. Deny, *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*, Paris, 1920, § 127, 129. 570—595. — Хотя залоговые показатели Ж. Дени и относит к формам словообразования (suffixes de dérivation), он выделяет их в особую группу, обозначая термином «modificateures» (§ 570). К формам словообразования относил залоги также А. Н. Кононов в своих прежних грамматиках («Грамматика турецкого языка», § 238—256; «Грамматика узбекского языка», § 247). К словообразовательным отнесены залоговые формы также в следующих работах: J. Németh, *Türkische Grammatik*, Berlin — Leipzig, 1917 (*Bildung von Verben*, § 158—161); Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, *Фонетика и морфология*, ч. 1 (*Части речи и словообразование*), М., 1952, стр. 6. 15, 16; А. Х. Фатыхов, *Категория залога в башкирском языке*, стр. 10; Х. Якубова, *Залоги в узбекском языке в сопоставлении с залогами русского языка*, стр. 11; С. А. Фердаус, *Категории залога в узбекском языке*, автореф. канд. дисс., Ташкент, 1953.

[9] W. Radloff, *Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen*, SPb., 1906.

[10] Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке*, стр. 5.

вится в определенном залоге в зависимости от того, в каком оно находится отношении к подлежащему. В каждом тюркском языке при общности основных требований к залоговому оформлению глагола и самих залоговых форм имеются еще свои особые условия и правила залогового оформления, в зависимости от уровня развития этой грамматической категории, которая в одних языках наталкивается на некоторые ограничения, в других же языках свободна от них.

Неизбежным последствием отождествления залогообразования с глаголообразованием является отнесение к залоговым формам ряда аффиксов отыменного глаголообразования, рассмотренных в первой и второй главах [11].

Отмеченные выше расхождения в определении и освещении категории залога являются следствием переплетения грамматической и «логической» (фактически эмпирической) точек зрения.

Переплетение грамматических и «логических» критериев в учении о залоге прежде всего начинается с распространения категорий предложения на категории суждения, с отождествления первого со вторым.

Как известно, члены суждения и члены предложения совпадают в том случае, если предложение простое нераспространенное: в нем подлежащее соответствует субъекту суждения, а сказуемое — предикату. Но совпадения уже нет, когда предложение распространенное. В этом случае субъект суждения может совпасть с группой подлежащего, а предикат суждения — с группой сказуемого [12].

Таким образом, употребляющиеся в тюркологических работах термины «логический субъект», «логический предикат» по своему содержанию в значительной степени отличаются от соответствующих терминов в логике. Категория же логического объекта вообще оказывается мнимой, так как в составе членов суждения ее нет и она вообще ни в структуре, ни в составе суждения не учитывается.

Под логическим субъектом в тюркском языкознании фактически понимают реального исполнителя действия. Под логическим же объектом — реальный предмет действия, когда его на-

---

[11] Ср., например, следующие незалоговые, словообразовательные формы в цитировавшихся выше работах: *тислес-, къусакълас-, тиллес-; ойлас-, аманлас-; ийлен-, къабарлан-* (Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 9, 10, 14, 27); *яқинлаш-, жойлаш-, қоронғилаш-, қуюқлаш-* (Х. Якубова, *Залоги в узбекском языке в сопоставлении с залогами русского языка*, стр. 5); *көнлэш-, ћақлан-, вақлан-, майлан-, қомлан-* (А. Х. Фатыхов, *Қатегория залога в башкирском языке*, стр. 9); *агырлаш-, якынлаш-, гыкылыклаш-, саламлаш-, разылаш-, хошлаш-* (Б. Чарыяров, *Категория залога в современном туркменском языке*, стр. 12, 13).

[12] «Логика», М., 1956, стр. 78.

звание выступает в функции прямого дополнения, а в некоторых тюркологических работах и без этого условия (т. е. любой предмет действия).

Приведем следующую сводку высказываний о субъекте и объекте в тюркологических работах, где освещается категория залога.

Под субъектом понимается:

1. Грамматический субъект — у всех авторов. Кроме того, — реальный производитель действия во взаимном и возвратном залогах (С. А. Фердаус, *Категория залога в узбекском языке,* стр. 11, 12, 18); реальный производитель действия, нередко он же грамматический и логический субъект (А. Ғ. Ғуломов, *Фе'л,* б. 56, 57); грамматический субъект и нередко исполнитель действия, совпадающий с первым (Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка,* стр. 180); грамматический субъект и реальный исполнитель действия в понудительном залоге, где эти категории расходятся (там же, стр. 181); грамматический субъект и реальный исполнитель действия — человек (а по аналогии с ним и другие предметы) в основном и возвратном залогах (Б. Чарыяров, *Категория залога в современном туркменском языке,* стр. 5, 6).

Как показывают эти определения, понятие грамматического субъекта-подлежащего нередко интерпретируется или имеет в качестве своей непременной параллели деятеля, реального исполнителя действия.

2. Логический субъект — исполнитель действия в понудительном обороте (А. Х. Фатыхов, *Категория залога в башкирском языке,* стр. 6); «подлинная логическая категория субъекта действия» (Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке,* стр. 6, 26); реальный носитель действия вообще; одушевленный и неодушевленный субъект или «логический производитель глагола» (А. А. Азер, *Категория залога в современном азербайджанском языке,* стр. 16); грамматический субъект — реальный исполнитель — логический субъект (при совпадении этих категорий.— А. Ғ. Ғуломов, *Фе'л,* б. 57); грамматический субъект и нередко реальный, а также логический субъект, когда он совпадает с первым в различных залогах (Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка,* стр. 180, 181); реальный инициатор действия в пассивной роли (когда действуют над ним) и в активной роли (когда действуют по его побуждению) в понудительном обороте (Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке,* стр. 17).

Из приведенной номенклатуры видно, что термин «логический субъект» является другим названием того же реального исполнителя действия и принципиально отличается от категории субъекта в логике. Интересно, что понятие реального испол-

нителя у некоторых авторов расширено, в него включено еще понятие пассивного и активного инициатора действия.

3. Предмет, непосредственно производящий признак в основном залоге (А. Х. Фатыхов, *Категория залога в башкирском языке,* стр. 5); предмет, являющийся носителем признака, возникающего вне его реального производителя (в страдательном обороте, — там же).

Отличие последнего определения от приведенных — лишь терминологическое, так как и в данном случае в первую очередь имеется в виду реальный исполнитель действия или же предмет действия.

4. Количество деятелей, равноправных в действии, — взаимно-совместный залог (А. Х. Фатыхов, *Категория залога в башкирском языке,* стр. 5); логические субъекты в этом же залоге, «хотя грамматически эти субъекты могут быть не обязательно выражены» (Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке,* стр. 5, 8); подлежащее — реальный исполнитель действия во взаимно-совместном залоге.

Последняя рубрика составляет лишь количественную разновидность рубрики 2.

Характерной чертой преобладающего большинства работ, относящихся к залогу в тюркских языках, является молчаливое допущение в качестве реально-эмпирической основы залогового оборота представления о человеке, совершающем какое-то действие.

В отдельных исследованиях встречаются и прямые указания на непосредственную связь залоговой категории с деятельностью человека, как это можно видеть в называвшейся выше работе Б. Чарыярова [13].

Показателен в этом отношении фактический материал, на анализе которого строятся исследования о залоге. В большинстве случаев исходную и основную часть материала составляют примеры на залоговые обороты, где подлежащим является название человека. Названия других предметов в функции подлежащего встречаются сравнительно реже. С историко-генетической точки зрения преобладание примеров первого рода вполне закономерно, но при освещении современного состояния залоговой категории в тюркских языках такой материал приобретает односторонний характер, так как в современных тюркских языках тесная связь залоговой категории с представлениями о деятельности человека принадлежит уже истории этих языков.

Обратимся к категории объекта.

---

[13] В исследовании Б. Чарыярова в ясной форме вырисовывается реально-эмпирический аспект в толковании залоговых отношений и переплетение грамматической и эмпирической точек зрения. Иногда трудно уловить, что скрывается под одним и тем же термином.

Под объектом понимается:

1. Дополнение при основном залоге (Б. Чарыяров, *Категория залога в современном туркменском языке,* стр. 5); прямое дополнение при возвратном залоге (там же); прямое дополнение во взаимно-совместном и возвратном залоге (Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке,* стр. 7), «грамматически косвенный объект» и «прямой объект» в понудительных оборотах от переходных глаголов (там же, стр. 15); грамматический объект — реальный исполнитель действия — логический субъект в страдательном обороте (там же, стр. 24); «активное лицо или предмет — грамматическое дополнение (логическое подлежащее)» в страдательном обороте (там же, стр. 26); косвенный объект = косвенное дополнение (А. А. Азер, *Категория залога в современном азербайджанском языке).*

2. Реальный предмет действия по отношению к данному действию (когда невозможно образование страдательного залога) (Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке,* стр. 6); предмет действия при взаимно-совместном залоге (там же, стр. 9); то же при возвратном залоге (там же, стр. 10, 11); прямое дополнение — предмет действия в понудительном залоге от непереходных глаголов (там же, стр. 15); предмет действия (А. Ғ. Ғуломов, *Фе'л,* б. 56).

Отличие данной рубрики от первой заключается в том, что реально-эмпирическое понимание прямого дополнения здесь выдвигается на первый план. Еще яснее это толкование в следующей рубрике.

3. «Логический прямой объект», «прямой объект в логическом плане», т. е. грамматический субъект страдательного оборота, который в действительном обороте становится прямым дополнением, а реально — «логическим прямым объектом» (Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке,* стр. 24); «пассивное лицо или предмет — грамматическое подлежащее (логическое дополнение)» в страдательном обороте (стр. 26).

Реальный предмет действия имеется в виду нередко и в тех случаях, когда говорится о грамматическом субъекте в страдательном (Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка,* стр. 180), взаимном (Б. Чарыяров, *Категория залога в современном туркменском языке,* стр. 11; Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке,* стр. 9) и возвратном залогах (Б. Чарыяров, *Категория залога в современном туркменском языке,* стр. 6).

Из приведенных данных можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, очевидно стремление исследователей отождествить прямое, а также косвенное дополнение с названием реального предмета действия, как в предыдущих случаях — подлежащее с названием реального исполнителя действия.

Во-вторых, под оболочкой грамматического дополнения отдельные исследователи видят название того же реального исполнителя действия или «логическое подлежащее».

В-третьих, выясняется, что прямое дополнение возможно в возвратном, взаимно-совместном и понудительном залогах. Присоединяя же сюда страдательный залог, при котором в ряде языков также возможно прямое дополнение [14], справедливо сделать вывод, что присутствие или отсутствие прямого дополнения в предложении не связано с залоговой формой глагола и потому оно не может учитываться в качестве специальной грамматической характеристики залога. Отсюда следует, что искать характеристику залога необходимо во взаимоотношениях между действием и грамматическим субъектом.

Следовательно, переходность и непереходность глагола, т. е. способность или неспособность его иметь при себе прямое дополнение, не входит в залоговую характеристику глагола и залога не образует, вопреки утверждению отдельных авторов [15]. Переходность и непереходность составляют лексико-синтаксические свойства непроизводных, производных и залоговых форм глаголов. Залоги же составляют морфологические свойства глаголов и выражают различные отношения действия к грамматическому субъекту. Таким образом, переходность-непереходность и залог как формально, так и семантически принадлежат разным аспектам глагола и лежат в разных плоскостях. Они могут взаимно пересекаться, но они не совпадают. Интересные соображения относительно переходности глагола высказал Мехмед Али Агакай [16]. «Переходными называются глаголы, — пишет автор, — которые могут принимать всякого рода дополнения, непереходными — те глаголы, которые могут принимать обстоятельственные, но не предметные дополнения». Само деление глаголов на переходные и непереходные М. А. Агакай объясняет тем, что объект указывает на пределы заключенного в глаголе значения («ограничивает значение глагола»).

4. Реальный исполнитель действия при возвратном и взаимно-совместном залогах (Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка,* стр. 180; А. Г. Гуломов, *Фе'л,* б. 56).

Трактовка реального исполнителя действия одновременно как предмета действия по отношению к возвратному и взаимно-совместному залогам является одной из слабых сторон в эмпирической интерпретации залога в тюркских языках.

---

[14] См. П. М. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина,* — ЗВОРАО, т. XII, вып. 2—3, стр. 102.

[15] Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке,* стр. 5, 6; А. А. Азер, *Категория залога в современном азербайджанском языке,* стр. 10.

[16] M. A. Ağakay, *Fiilerin sınıflanması üzerine bir deneme,* — «Türk Dili», Türkçe-Fransızca Belleten, seri 2, sayı 16—17, 86—87, Ankara, 1942, s. 84—90.

Совпадение при известных условиях в исполнителе действия также и предмета действия (ср., например, «умываться» — возвратный залог и «обниматься» — взаимно-совместный залог) грамматически не оказывает никакого влияния на строение залогового оборота, поскольку прямым дополнением в этих залоговых оборотах, как правило, бывают не грамматические субъекты, а другие имена, в зависимости от содержания высказывания. В тех же случаях, когда название реально действующего лица выступает в функции прямого дополнения, глагол обычно теряет форму возвратного или взаимно-совместного залога, и тем самым распадаются построенные на их базе залоговые обороты. К сожалению, это обстоятельство ускользает от внимания авторов работ о тюркском залоге, и в результате в категорию залога включаются любые глагольные выражения, смысл которых подходит к значению (например, возвратного или взаимно-совместного залога). Таким образом грамматический анализ залога подменяется смысловым анализом выражения, а морфологический критерий уступает свое место лексико-семантическому, в результате чего возникают грамматические фикции, наподобие того что возвратный (или взаимно-совместный и даже страдательный) залог выражается лексическими, а также синтаксическими средствами.

Эти замечания остаются справедливыми и для тех случаев, когда под объектом понимается грамматический субъект при возвратном или взаимно-совместном залоге (Б. Чарыяров, *Категория залога в современном туркменском языке,* стр. 6, 11; Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке,* стр. 9).

Из сказанного относительно объекта можно заключить, что там, где эта категория является грамматически реальной, т. е. где функционирует дополнение, она не имеет отношения к залогу, и потому нет оснований включать ее в определение залога. Остается, следовательно, одно лишь отношение к действию грамматического субъекта (подлежащего), что отмечал Ж. Дени еще в первом издании своей грамматики турецкого языка, хотя выдвигаемое им понятие «условий участия субъекта в выполнении действия»[17] едва ли раскрывает сущность залоговой категории.

Если принять во внимание признаваемое всеми тюркологами синтаксическое содержание категории глагольного залога в тюркских языках, то по типу значения[18] ее следует отнести к грамматическим категориям глагола. А так как последние представляют собой разнообразные отношения действия (к моменту

---

[17] J. Deny, *Grammaire de la langue turque,* § 570.

[18] Т. е. по тому, что́ она отражает — явления объективного мира (передаваемые формами словообразования) или отношения в нем (передаваемые формами слов, т. е. словоизменительными формами).

речи=грамматическое время, к говорящему=наклонение, к лицу говорящего=личная форма), то можно считать достаточным определение залога с точки зрения отношения действия к грамматическому субъекту, поскольку такое определение четко отграничивает залог от прочих грамматических категорий глагола, в частности от переходности-непереходности, и соответствует его значению.

Признавая грамматический характер значения залога, нельзя лишь по одному этому признаку относить залоги к числу грамматических форм глагола. Для всестороннего решения вопроса о принадлежности залога к сфере словообразования или словоизменения необходимо еще выяснить: 1) можно ли образовать залоговые формы от любых глаголов, или иначе: наталкивается ли залогообразование на ограничения и какие именно; 2) в чем залогообразование соприкасается с глаголообразованием.

Выяснению этих вопросов на материале каждого залога в отдельности посвящено последующее изложение.

Однако прежде чем перейти к описанию отдельных залогов азербайджанского языка, необходимо выяснить еще вопрос об отношении залога к переходности-непереходности, который имеет принципиальное значение при описании глагола.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПЕРЕХОДНОСТИ-НЕПЕРЕХОДНОСТИ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЗАЛОГУ

По мере углубления в историю тюркских языков отчетливее проявляется неустойчивость границы между переходными и непереходными глаголами и само содержание этой категории становится все более неопределенным. Конкретно это выражается, например, в том, что возрастает возможность употребления прямого дополнения, в частности, при глаголах движения, ср.: *Any subuɣ baralym!* 'да отправимся мы по реке Аны!' (Малов, Пам., 62).

Первообразные глаголы во многих (если не во всех) случаях исторически не имели постоянного значения переходности или непереходности. Один и тот же глагол был переходным и непереходным в зависимости от состава предложения. Современные глагольные корни (основы), прошедшие весьма длительный путь развития, освободились от этой двойственности и в своем громадном большинстве разделились на переходные и непереходные [19].

[19] Г. Рамстедт был склонен рассматривать эту особенность тюркских глаголов в качестве живой нормы: «Глагол, который сам по себе является непе-

Однако в ряде случаев один и тот же глагол в одних языках остался в переходном значении, в других — в непереходном. В некоторых глаголах сохранились как переходные, так и непереходные значения; ср., например, *toγ-* 'родить', 'родиться', *tol-* 'выполнять(ся)' (Малов, Пам., 431), *ata-* 'называть(ся)' (Малов, Пам., 361 и т. п.). Наконец, в отыменных глаголах нередко также обнаруживаются следы древней недифференцированности переходности-непереходности, что специально отмечалось выше при обзоре производных глаголов на *-ла-, -а-, -ы-, -га-, -гы-, -ар-, -гар-*...

Древнейшие формы глагольного словообразования унаследовали на первых порах двойственную природу глагола, и язык старейших памятников тюркских языков иногда хранит одновременно переходные и непереходные значения при одном и том же глаголе — корневом или производном. Естественно было бы допустить, что переходность и непереходность в этих архаических формах глагольного словопроизводства регулировалась, как и в глаголах на *-ла-* и производных от него, значениями именных слов. Но чем древнее глаголообразующая форма, тем слабее проявляются по отношению к ней условия, регулирующие значения переходности-непереходности (к сожалению, состав наиболее архаичных форм глаголообразования не может считаться в современной науке абсолютно выясненным [20]).

Семантическая двойственность в тюркских глаголах преодолевалась разными путями.

В производных глаголах дифференциация глаголов на переходные и непереходные осуществлялась за счет значений именных основ, о чем подробно говорилось в первой главе. В первообразных же глаголах важнейшим способом преодоления смешанного состояния переходности-непереходности явилось присоединение к глагольным корням показателей *-р-, -т-, -з-* или их сочетаний для указания на то, что действие направлено вовне,

---

реходным, при известных условиях может выступать в качестве переходного, и наоборот. В некоторых случаях совершенно невозможно установить различие между переходностью и непереходностью, так как явление или действие могут рассматриваться в разных аспектах... Поэтому тот, кто имеет дело с европейскими языками, кажется немного удивленным, что в алтайских языках, и особенно в монгольском, имеются производные страдательные формы от непереходных глаголов...» (G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft,* Bd 2, *Formenlehre,* Helsinki, 1952, S. 178). Возможно, что для монгольских языков лексическое неразличение переходности и непереходности является еще живой чертой. Во всяком случае в тюркских языках она изжита уже давно, и описываемые дальше случаи лексического неразличения переходности-непереходности необходимо рассматривать как рудиментарные.

[20] Ср. у Г. Рамстедта: «Чем более всеобщий характер носит применение [данного] глаголообразования и чем яснее его значение, тем новее представляемый им тип. Древнейшие образования можно найти в таких глаголах, в которых суффикс или способ образования более не может быть проанализирован» (G. J. Ramstedt, *Einführung*..., S. 202).

на объект; или показателей *-н-, -л-, -ш-* либо их сочетаний для указания на то, что действие направлено вовнутрь, на самого субъекта, и не выходит за его сферу. От этой фазы развития сохранились довольно значительные следы в виде вдвойне переходных или вдвойне непереходных глаголов, т. е. таких форм, которые в современных языках и без этих показателей воспринимаются одни — только как переходные, другие — только как непереходные, и потому присутствие при них названных аффиксов представляется как бы излишним. Однако исторически подобные глаголы имели как переходное, так и непереходное значение, в чем можно убедиться при сравнении одних и тех же корневых глаголов в разных языках и даже в одном языке.

Разумеется, речь может идти лишь об ограниченном числе глаголов, часть которых к тому же восстанавливается сравнительным путем. Тем не менее доказательная сила подобных фактов достаточно велика, поскольку привлекаемые нами глаголы в большинстве случаев прослеживаются во всех тюркских языках и проявляются в формах, тесно связанных между собой, что исключает случайность.

Несколько слов о методике наших сравнений.

1. Поскольку переходность или непереходность входят в словарное значение глагола, для приводимых сравнений вполне достаточна ссылка на эти значения глаголов. В тюркских языках, так же как и в русском, не требуется доказывать при помощи контекста и словоупотребления, например, переходность глагола «видеть (кого, что)» или непереходность глагола «сиять».

2. Так как во всех тюркских языках форма взаимно-совместного залога (а в некоторых языках — и возвратного) не меняет значений переходности или непереходности глагола, то мы вправе, опираясь, например, на туркменский глагол *өлүшмек* 'убивать друг друга', восстановить для первообразного глагола *өлмек* значение «убивать», помимо значения «умирать», известного и единственного в остальных тюркских языках. Из этого сопоставления можно заключить, что в туркменском языке глагол *өлмек* исторически имел и непереходное и переходное значения.

3. Если в каком-либо тюркском языке сохранился страдательный глагол в форме страдательного залога со свойственным ему пассивным значением, то это означает, что исторически существовал также исходный для этой залоговой формы глагол с переходным значением, от которого и была произведена страдательная форма глагола. Например, если в современном азербайджанском языке имеется глагол *лахланмаг* 'быть расшатанным', то это значит, что необходимо признать и историческую реальность глагола *лахламаг* с переходным значением *«расшатывать», хотя в современном языке названный глагол имеет

лишь непереходное значение «шататься», «болтаться». Сопоставляя эти данные, мы восстанавливаем для глагола *лахламаг* переходное и непереходное значения, которые были ему свойственны в древности.

4. Если понудительная форма сохранила значения, которые в настоящее время несвойственны исходному для нее глаголу, то мы можем восстановить недостающие значения исходного глагола. Например, если в понудительной форме *ијлətмək* (азерб.) сохранились значения «пропитывать», «наполнять запахом», «делать пахучим, душистым», а в исходном глаголе *ијləмək* сохранилось лишь одно переходное значение «нюхать», то мы вправе восстановить здесь еще значения «пахнуть», «издавать запах».

Обратимся к обзору имеющихся глаголов из азербайджанского и других тюркских языков:

ач- в современном языке имеет значение «открывать», «отпирать», «отворять»; «раскрывать», «обнажать» и ряд других переходных значений; однако наряду с ними в азербайджанском и турецком сохранились и отдельные непереходные значения: «распускаться», «расцветать»; ср., например, *күл ачыб* 'роза распустилась', *чичək ач-* 'распускаться (о цветах)'; ср.: *Еј Гарабағын јени ачмыш күли-пакизəси...* 'О, только что распустившаяся изящная роза Карабаха...' (Вагиф, 91); в метафорическом употреблении *дил ач-* 'заговорить'; 'стать разговорчивым' (букв. 'раскрыться устам');

ачы- — относится к непереходным, однако одни его значения выражают действия, направленные вовне, другие — действия, направленные вовнутрь; глагол *ачы-*, с одной стороны, означает «страдать», «испытывать боль, огорчение», с другой — «жалеть», «сожалеть», «сжалиться», «сочувствовать», «входить в чье-либо положение» с управлением в дательном падеже; полярность приведенных значений в отношении направленности действия ясна и в русском языке, например, находит последовательное грамматическое выражение: «страдать» и пр. с предложным управлением и «жалеть» с управлением в винительном падеже;

бəнзə- 'походить', 'быть похожим', 'смахивать на кого, что-нибудь'; 'быть подобным' имеет в азербайджанском и других языках непереходное значение. Однако в старых и древних языках данный глагол имеет переходное значение «сравнивать», «уподоблять» (Малов, Пам., 400 — со ссылкой на орхонский, уйгурский и чагатайский);

бүрүш- 'покрываться морщинами', 'морщиться', 'съеживаться', 'мяться'; 'терять свежесть (о фруктах)' — все значения непереходные; второе значение связано причинным отношением с предыдущими значениями в конкретном применении к плодам: «терять свежесть» и как результат этого — «мор-

щиться». Л. Будагов приводит этот же глагол بورشمك и отождествляемый с ним بورشمق с переходным значением «собирать сборки», «делать фалды», «стягивать» (Буд., I, 227);

гарыш- 'смешиваться', 'вмешиваться'; о вторичном характере данного глагола свидетельствуют формы *кар-* 'войти', 'вмешиваться' (Радл., Сл., II, 132) и *кары-* 'мешаться' (Радл., Сл. II, 168— в обоих случаях со ссылкой на османский), а также *кары-* 'вмешиваться', 'смешиваться' (Ettuhfet., Dizin, 185) и *карыл-* 'смешиваться' (die seldsch. Vers., 43); все эти формы, в том числе и исходная *кар-* и ее «распространенная» разновидность *кары-*, имеют непереходное значение, которое отмечается также в туркменском *гарыш-*, в словаре Махмуда Кашгарского (Dizin, 271) — *карış-* и в других источниках, однако в ряде языков, например туркменском, исходный глагол имеет, наоборот, переходное значение: *гар-* 'мешать', 'смешивать', узб. *қор-* еще «примешивать», «замешивать», *qaryš-* 'mieszać', 'wymieszać' (Bulgat. II, 66); в словаре Махмуда Кашгарского представлены как переходные, так и непереходные значения: «смешивать одно с другим», «примешивать», «добавлять»; «задерживаться (о воде в горле)»; «застаиваться (о воде)»; «разливаться», «выходить из берегов» (Dizin, 265; M. Kāşgarī, I, 432; II, 197; III, 182); о глаголе *қар-* в переходном значении Махмуд Кашгарский замечает: «Огузы, смешивая одно с другим, употребляют [глагол] قَرْدى, а основной [глагол] опускают» (M. Kāşgarī, I, 432); под основным глаголом Махмуд Кашгарский имеет в виду *қат-*, с которым *қар-* употребляется в памятнике в парном виде *қат- -қар-* (например, *katti kardı* 'он добавил', M. Kāşgarī, I, 432);

гуртар- означает в числе своих значений также «кончать», «завершать»; переходное значение закреплено прежде всего его формой с показателем *-р-*, которому противостоит показатель *-л-* в непереходной форме *гуртул-* того же глагола. И тем не менее древний синкретизм глагола в смысле переходности-непереходности еще живо ощущается в таком, например, выражении, как *иш гуртармышдыр* 'все окончилось';

дəjиш- имеет как переходные, так и непереходные значения: «менять», «обменять», «переменить»; «поменяться»; в турецком еще «меняться», «видоизменяться»; «сменять белье»; от последнего значения происходит азерб. *дəjишəк* 'белье'; гагауз. *дīш-* имеет лишь непереходное значение «менять», «переменить»;

дог- имеет как непереходные, так и переходные значения; к непереходным относятся «возникнуть», «зарождаться» и переносное по происхождению «восходить (о небесных светилах)»; в более старом употреблении *дог-* означало также «ро-

диться», ср.: *Нә козәл доғубсан анадан, пәри!* 'Какой ты красивой родилась, пэри!' (Вагиф, 14); к переходному значению глагола *доғ-* относится «рожать», «родить»; одновременно переходное и непереходное значения имеются в казах. *ту-* 'рожать'; 'всходить (о солнце, луне)'; 'рождаться' (Turf., VIII, 100: *tuγ-*); непереходные значения имеет туркм. *дог-* 'рождаться'; 'восходить (о солнце и пр.)', те же значения тур. *doğ-*, тат. *ту-* 'рождаться' и т. п., хак. *туғ-* 'телиться'; 'нестись (о птицах)', *dog-* (Ettuhfet., Dizin, 165) 'рождаться'; переходное значение закрепилось в узб. *туғ-* 'рожать', 'рождать';

дол- 'наполняться', 'наливаться'; 'полнеть'; принимая во внимание значение производной формы *долуш-* 'вваливаться гурьбой', 'входить гурьбой' (т. е. заполнять собой какое-то пространство), следовало бы, возможно, в значении этой формы видеть остаток переходного значения глагола *дол-*;

әрин- 'быть расплавленным, растопленным', отсюда *әринмиш* 'растопленный', 'расплавленный', 'топленый'; однако исходная форма этого глагола *әри-* имеет в современном языке непереходное значение «таять», «плавиться», «растопиться», «растворяться»; таким образом, страдательное значение первой формы дает нам право восстановить для начальной формы *әри-* также переходное значение *«плавить», «растапливать» и т. п., в справедливости чего нас окончательно убеждает чувашская параллель этого глагола *ир-* 'разминать', 'растворять', 'размешивать' и производная отсюда форма *ирӗл-* с непереходным значением «таять», «растворяться»; «расплавляться»; «развариваться»;

инҗи- с медиальным значением «обижаться», «мучиться», «томиться». Производная отсюда форма *инҗин-* имеет медиально-страдательные значения «быть обиженным, обеспокоенным»; «обидеться», «обеспокоиться», откуда следует, что для *инҗи-* исторически может быть допущено также переходное значение *«обижать», «мучить»;

пөрт- имеет переходные значения «обваривать», «ошпаривать», «тушить», наряду с которыми отмечаются также непереходные значения «сильно раскраснеться», «покраснеть от жары», «вспыхивать от гнева»; учитывая переходные значения, можно рассматривать непереходные значения как метафорические на основе непереходных значений *«обвариваться», «ошпариваться», и, таким образом, глагол *пөрт-* исторически мог иметь как переходные, так и непереходные значения;

сәп- (из *сәрп-*) по соотношению своих значений напоминает предыдущий глагол, так как здесь также имеются переходные и непереходные значения, внешне как будто не связанные между собой, но на самом деле семантически однород-

ные. К переходным значениям относятся «сеять», «засевать (зерна)»; «брызгать (воду)», к непереходным — «показаться, появляться сыпи, прыщам». Непереходные значения по происхождению метафорические, восходящие к «высыпаться». Таким образом, глагол *сәп-* исторически должен был иметь как переходные, так и непереходные значения. В других тюркских языках глагол *сәрп-* имеет переходное значение; ср., например, тур. *serp-* с теми же переходными значениями, что и в азербайджанском, но, кроме того, «моросить»; «разбрасывать», «раздавать». Впрочем, в некоторых выражениях, например *saçlarına kır serpmiş* 'волосы его начали седеть' (букв. 'на его волосы высыпалась седина'), глагол *serp-* имеет непереходное значение, что подтверждает сказанное о первоначальных значениях азерб. *сәп-*;

төрә- 'возникать', 'создаваться'; 'происходить', 'размножаться', 'плодиться'; 'случаться', 'появляться на свет'; те же значения имеются в тур. *türe-*; судя по медиальной форме *төрән-* 'создаваться', 'происходить', 'размножаться', 'появляться', 'случаться', следовало бы исторически допустить у исходного глагола *төрә-* наряду с непереходными значениями также и переходные *«создавать», «творить», которые имеются в других языках: ср., например, *törü-* 'рождать' (Малов, Пам., 433 со ссылкой на сутру «Золотой блеск»);

hоп- с непереходным значением «просачиваться» и производное *hондур-* 'впитывать'; наряду с ним имеется еще другая производная медиальная форма *hопул-* 'впитываться', которая позволяет восстановить в глаголе *hоп-* также переходное значение;

чәк- имеет переходные и непереходные значения; к переходным относятся: «втягивать», «натягивать»; «притаскивать», «привлекать»; «отрывать»; «отводить»; «перегонять»; «вести»; «выдергивать»; «пожать»; «гладить (утюгом)»; «взвешивать»; «курить»; «чувствовать», «испытывать»; к непереходным относятся: «тянуться», «продолжаться»; «походить душевными свойствами», «уродиться в кого-либо»; основными значениями данного глагола являются «тянуть» и «тянуться», все остальные — производные, в том числе и метафорические; приблизительно такова же система значений этого глагола и в других языках юго-западной группы, причем менее устойчивы непереходные значения: ср., например, в тур. *çek-* 'удаляться', связь которого с исходным значением «тянуть» хотя в общем и ясна, но более отдаленна;

Радл., Сл.: *äң-* (I, 710), *äк-* (I ,675), *äг-* (I, 694), *іг-* (I, 1425), а также *эй-*, *ий-* и др. — все с переходным значением «гнуть», «сгибать», закрепившимся в громадном большинстве тюркских языков. Наряду с перечисленными формами В. Радлов

приводит также форму *iң-* в непереходном значении «согнуться» (I, 1431) со ссылкой на барабинский;

межтюрк.: *ил-* (Радл., Сл., I, 1473, со ссылкой на многие языки); в переходном значении «прицеплять», «зацеплять», «повесить», «привесить». Переходное значение глагол имеет также в словаре Махмуда Кашгарского (Dizin, 230); ср., например, *tiken tonuğ ildi* 'колючка зацепилась за одежду', букв. '...зацепила одежду' (*tonuğ*—вин. пад., I, 169); *yïl* 'hängen' (Turf., VIII, 103). Однако в туркм. *ӣл-* сохранились также непереходные значения «прицепляться»; «привязываться»; «приставать»; «присоединяться».

M. Kāşgarī: *arı-* 'чистить' и 'быть чистым' (Dizin, 32); имеется также *arıt-* 'чистить' (Dizin, 33); KW: *aryn-* 'становиться чистым' (42);

межтюрк.: *арт-* означает «увеличиваться», «возрастать (в количестве)», ср., в частности, в словаре Л. Будагова: «прибавляться», «прибывать», «превышать», «излишествовать» (Буд., I, 25); в киргизском, однако, этот глагол наряду с указанными значениями имеет также переходное значение «навьючивать» (Юдах., 49), хак. *артын-* 'навьючивать на себя', у Ибн-Муханны с другими, но также переходными значениями: «прибавлять», «увеличивать» (Малов, Ибн-Мух. 066—*арт* ارت);

туркм.: *ас-* наряду с переходными значениями «вешать», «повесить», «привешивать» имеется также непереходное «привешиваться»;

хак.: *ас-* (=общетюрк. *аш-*); среди многих значений этого глагола имеются два полярных: переходное — «превышать что-либо» и непереходное — «повышаться», «подниматься»;

аір- обычно приводится в словарях с общеизвестными переходными значениями 'разделять', 'разъединять'. Радлов отмечает малоизвестное в современных языках непереходное значение «разделяться», «удаляться» со ссылкой на телеут., алт., лебед., кирг.-казах., кара-кирг. и другие языки (Радл., Сл., I. 24). Непереходное значение рассматриваемого глагола известно в древних языках, ср., например, *Алты јашымда кан адырдым білінмәдім ӱчӱн ӱч ігімә јыта адырдым*... 'В шесть моих лет я лишился отца (или 'от отца отделился'). Я не сознавал (этого). Я, горюя, отделился от трех моих старших братьев...' (С. Малов. *Енисейская письменность тюрков*, стр. 64). Форма *айыр-*, *адыр-* является, по-видимому, производной, и ее исходный корень следует, возможно, видеть в якут. *ат-* 'разевать', 'разинуть' с закономерным фонетическим соответствием *й~д//т*. Возвратная форма *адын-* от этого корня со значением «уменьшаться», «убывать» отмечается в словаре В. Радлова (Радл., Сл., I, 490) и в «Manichaica»;

тур.: *boz*; наряду с «портить», «повреждать», «нарушать»,

«расстраивать», «разрушать», «сокрушать» и другими переходными значениями в глаголе *boz-* сохранилось также фразеологически ограниченное непереходное значение «портиться (о погоде)»;

гагауз.: *бӯ-* имеет переходные значения «душить», «кусать», «топить» и непереходное значение «давиться»;

кирг.: *бүт-* с переходным значением «кончать», «заканчивать» и непереходным значением «кончаться», «заканчиваться», известным в большинстве остальных тюркских языков *(бит-)*; приводимые в словаре при глаголе *бүт-* значения «вырастать», «произрастать»; «зарождаться (во чреве)»; «возникать» относятся к другому, омонимичному глаголу; переходное значение рассматриваемого глагола в большинстве тюркских языков не сохранилось; кроме киргизского, его можно найти в некоторых древних языках, например в языке «Кутадгу-билиг» со значением «совершать» (Малов, Пам., 375);

межтюрк.: глагол *өл-* имеет почти единственное непереходное значение «умирать». Оно известно и в туркменском с тем же значением, но, кроме того, в нем восстанавливается также переходное значение *«убивать», которое имеется в глаголе *өлүш-* 'убивать друг друга', 'смертью мстить друг другу', представляющем собой взаимно-совместную форму глагола *өл-*;

казах.: *жар-* (общетюрк. *яр-*) имеет наряду с переходным значением «раскалывать», «рассекать» и фразеологически ограниченное непереходное значение «прорезаться (о зубах)»; ср. *баланың тісі жарып келеді* 'у ребенка стали прорезаться зубки';

Малов., Пам.: *ir-* с непереходным значением «доходить» и переходным значением «гнать», «преследовать» (381, со ссылкой на словарь Радлова и памятник в честь Тоньюкука);

тур.: *irk-* имеет непереходное значение «скопляться», «застаиваться», между тем как Махмудом Кашгарским он приводится в переходном значении «собирать», «скоплять» (Dizin, 234); ср., например, *er tawar irkti* 'человек скопил добро' (M. Kāşgarī, III, 420); одновременно в турецком имеется страдательно-медиальная форма *irkil-* с непереходным значением «скопляться», что полностью разъясняется приведенными значениями из словаря Махмуда Кашгарского, который также приводит форму *irkil-* с таким же непереходным значением (Dizin, 235);

межтюрк.: *яй-* известен в переходных значениях «распространять»; «расстилать»; «обнародовать» и др.; в словаре В. Радлова наряду с ними (Радл., Сл., II, 5,6) приводится также непереходное значение «распространяться» с примерами *сӧзӱ jajɣан* (алт.) 'слова его распространились', *ады jajып чыкты* 'его слава распространилась' (там же);

казах.: *қақ-* имеет как переходное, так и непереходное значения «стучать» (ср. *біреу есік қақып тұр* 'кто-то стучится в дверь') и «биться (о сердце)»;

чулым.: *кач-//кац-* 'погонять'[21]; в остальных языках, где известен глагол *кач-*, последний имеет непереходное значение «бежать», «убегать»;

казах.: *қоз-* 'возбуждаться', 'раздражаться'; 'увлекаться', 'проявлять интерес'; 'возобновляться (о болезни)'; в других тюркских языках глагол *қоз-* также имеет непереходное значение; переходной формой обычно служит производный глагол с аффиксом *-ға-*, *қозға-* (см. гл. II, стр. 245—247), однако в западнокараимском языке «распространенная» форма *qozu-* имеет переходное значение «drażnić»[22], и исторически мы должны, таким образом, признать в глаголе *қоз-* как непереходное, так и переходное значения;

гагауз.: *коп-* имеет переходное значение «отрывать», «обрывать» и непереходное — «рваться», «разрываться (о веревке)»; «проходить»; в азербайджанском, турецком, туркменском и некоторых других языках, где имеется глагол *коп-*, последний известен лишь в непереходных значениях «отрываться», «срываться»; «внезапно подняться», «начаться», в узбекском, татарском и киргизском — «вставать», «подниматься»; следовательно, в гагаузском сохранилась древняя нерасчлененность переходности-непереходности;

Przekł. Koranu: *otar-* имеет переходное и непереходное значения «paść się, pasać» (88);

тур.: *sal-* также имеет переходные значения: «класть»; «бросать»; «расстилать»; «пускать»; «натравливать» и др. и непереходные: «бросаться», «набрасываться», «обрушиваться», «нападать»;

sars- 'трясти', 'потрясать', 'сотрясать'; 'пошатнуть', 'расшатать'; «распространенная» форма этого глагола — *сарса-* в гагаузском языке имеет фразеологически ограниченное значение «трясти (о верховой лошади)»; другая разновидность «распространенной» основы *сарсы-* в туркменском языке имеет, наоборот, непереходные значения «трястись», «сотрясаться», «содрогаться», «расшататься», «пошатнуться», так же в азербайджанском языке; таким образом, можно считать, что исторически рассматриваемый глагол был синкретичен в отношении переходности и непереходности;

---

[21] А. П. Дульзон, *Чулымские татары и их язык*, — «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. IX. Томск, 1952, стр. 130.

[22] A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodniokaraimskim*, Kraków, 1932, s. 111.

тур.: *sav-* имеет переходные значения: «гнать», «прогонять», «отгонять»; «увольнять», «отпускать», «отсылать», и непереходные: «избавляться» «отделываться», «освобождаться»; «проходить», «переставать», «прекращаться»; в азербайджанском непереходные значения выражаются производной медиальной или взаимно-совместной формой *совуш-* 'улизнуть', 'убегать'; 'оканчиваться', 'проходить', 'миновать (о сезоне, беде)'; 'расходиться (уходить многим)', но основной формы *сов-* в литературном языке нет; в туркменском имеется глагол *сов-*, но все значения его переходные;

тат.: *сук-*, как и рассматривавшийся выше глагол *қақ-*, имеет наряду с переходным значением «ударять», «стучать» также непереходное значение «биться (о сердце)»;

казах.: *тарт-* и в других языках имеет ряд переходных значений, среди которых основные и исходные «тянуть», «тащить»; глагол имеет, кроме того, и некоторые непереходные значения, из которых наиболее близко к основному значению «двинуться», «направляться», например *олар қалаға тіке тартты* 'они направились прямо в город'; более отдаленную семантическую связь с основным значением этого глагола обнаруживают непереходные значения «убавляться», «убывать (о воде)»; «садиться (о материи)»;

общетюрк.: *тат-*, *дад-* и т. д. имеет переходное значение «пробовать» и т. п. Сходные значения мы находим в татарском языке, где в то же время сохранились также непереходные значения «отзываться», «отдавать», «иметь посторонний привкус, запах». Любопытно, что в узбекском языке основная форма *тот-* имеет переходные значения «пробовать на вкус», «отведать» и пр., а непереходные значения закрепились за «распространенной» формой *тати-* 'приходиться по вкусу';

тат.: *тип-* имеет, как и в других языках, переходные значения «пинать», «лягать», но, кроме того, также непереходные значения: «биться (о сердце)» и «выступать, проступать (о сыпи на теле)»;

межтюрк.: (тур., узб., тат., кирг., казах. и др.) *чап-* имеет непереходные значения «бежать», «бежать карьером», «скакать», а в турецком, где этот глагол относится к числу устаревших, имеются, кроме того, и переходные значения «погонять»; «нападать», «совершать набег, нападение»; первое из них отмечается также в Al-Qawānīn (*čap-*, 308); таким образом, в турецком сохранилось как переходное «подгонять», так и непереходное значение «бежать», «скакать», на основании чего законно допустить такой же состав значений и для других тюркских языков в более ранние эпохи их существования;

тур.: *çat-* имеет переходное значение «складывать концом к концу», означая действие, связанное с сооружением шатра; этим разъясняется более обобщенное переходное значение «сооружать», «строить» и этимология существительного *чадыр* (форма аориста от глагола *чат-*) 'шатер'. В турецком сохранились, кроме того, также непереходные значения глагола *çat-* 'сталкиваться', 'натыкаться', 'стукаться', 'задевать', 'приставать'. Таким образом, в данном случае турецкий язык оказывается единственным живым свидетелем давно исчезнувшей из тюркских языков нерасчлененности переходности и непереходности в глаголе *çat-*.

казах.: *шыж-* имеет переходное значение «сильно греть, печь (о солнце)» и непереходное «растопиться (о сале)», из коих второе, возможно, основное и восходит к звукоподражательному корню, передающему звук шипения поджариваемого сала, а первое значение является метафорическим применением этого значения;

Przekł. Koranu: *yr-* имеет переходное значение «удалять» (98), но в «Диване» этот глагол означает «удаляться», «быть далеко» (*yır-*, M. Kāşgarī, Dizin, 786).

Нерасчлененность переходности-непереходности наблюдается также в производных глаголах.

С аффиксом *-ла-*

ијлəт- 'пропитывать', 'наполнять запахом', 'делать пахучим, душистым'; 'дать протухнуть', 'делать вонючим'; можно восстановить и более древние непереходные значения глагола *ијлə-* 'пахнуть'; 'вонять';

лахла- 'шататься', 'болтаться', наряду с чем имеется форма *лахлан-* со страдательным значением «быть расшатанным», откуда возможно восстановить для глагола *лахла-* также переходное значение «шатать»;

отла- 'пастись', наряду с которым имеется производный глагол *отлан-* 'быть потравленным', что позволяет восстановить другое, переходное значение глагола *отла-* 'потравить'; 'пасти';

Радл., Сл.: *аіла-* с переходными и непереходными значениями: «вертеть», «окружать», «вращаться», «сваливаться с обрыва» (со ссылкой на османский); «обращаться» (со ссылкой на уйгурский) (I, 34, 35); в современном турецком языке глагол *айла-* устарел, однако словари еще недавно отмечали его с нерасчлененными значениями «вертеть», «вращать» и «вертеться», «кружиться», а также «сваливаться»;

ӓркäla- (таранч., телеут., алт., чагат.) отмечается в переходном значении «ласкать», «нежить», «утешать», «убаюки-

вать» и непереходным значением (со ссылкой на чагатайский) «быть изнеженным, избалованным», «обеспокоить родителей» (I, 779); для киргизского (=казахского) словарь дает непереходное значение «ласкаться», «быть ласковым», «быть любимым» (I, 780); основа глагола — *äркä* 'излишне ласковое, нежное обращение', 'баловство', 'изнеженный'; 'любимый' (I, 776);

тур.: *alçakla-* имеет переходные значения «унижать», «относиться с презрением», «презирать» и непереходные «унижаться»; «делать низости», «низко льстить»;

кирг.: *аякта-* имеет переходное значение «заканчивать» (ср. *сөзүндү аякта-* 'заканчивай свое слово, свою речь') и непереходное «кончаться», «подходить к концу»; ср. *иш муну менен аяктабайт* 'дело этим не кончается'; основа глагола — существительное *аяк* 'нога', 'нижняя часть ноги'; 'конец', 'последствие';

кирг.: *жытта-* с переходными значениями «нюхать»; «ласкать», «целовать» и непереходными «пропахнуть», «издавать запах» — от существительного *жыт* «запах».

С аффиксом *-а-*

кирг.: *бура-* 'нюхать'; 'пахнуть', 'издавать запах';

күче- имеет непереходные значения «усиливаться», «забрать силу»; в «Диване» Махмуда Кашгарского он означает, кроме того, «совершать насилие» (Dizin, 393);

Радл., Сл.: *кала-* приводится с переходным значением 'сжигать', 'зажигать' (со ссылкой на киргизский, т. е. казахский и чагатайский) и непереходным значением «гореть», «воспламеняться» (со ссылкой на телеутский); В. Радлов приводит также другие переходные значения глагола *кала-*: «обкладывать кизяк рядами вокруг котла так, чтобы он нагревался, высыхал и лучше горел»; «класть в кучу» (II, 225, 226);

кана- с переходным значением «пускать кровь», «окровавлять» или «враждовать» и общеизвестным в тюркских языках непереходным значением «истекать кровью» (II, 109); то же соотношение значений имеется в киргизском: «окровавить», «произвести резню» и «кровоточить», «истекать кровью»; в словаре Махмуда Кашгарского также отмечаются переходное и непереходное значения: «кровоточить», например, *er burnı kanadı* 'у человека носом пошла кровь' (II, 323) и «пускать кровь», например *ol atın kanadı* 'он пустил своей лошади кровь' (M. Kāşgarī, III, 261);

Буд.: *тара-* приводится с переходными значениями «разбросать», «рассеять», «раскидать», «разгребать», «рассевать»,

«разостлать» и непереходными значениями «разойтись»; «рассеяться»; «издержаться» (I, 723); кирг., алт. и др. *тара-* имеет непереходное значение, однако, например, в татарском или узбекском непереходное значение облечено в медиально-страдательную форму *тарал-*, следовательно, можно предположить, что в этих языках рассматриваемый глагол исторически имел как непереходное, так и переходное значения.

С аффиксом *-ы-*

кирг.: *беки-* имеет переходные и непереходные значения. К первым относятся: «укреплять»; «закрывать»; «утверждать (санкционировать)», ко вторым—«укрепляться», «крепнуть», «закрываться»;

тув.: *чыры-*, а также хак. *чары-* (с широким гласным, в других тюркских языках — *ярь-*) означает «светить» и «светиться».

С другими аффиксами

тур.: *avkı-//avka-*[23] 'разбивать', 'толочь', 'дробить', 'крошить'; 'дробиться', 'крошиться'.

тур.: *kıvır-* имеет переходные значения «вить», «завивать»; «свертывать», «скручивать»; «загибать», «сгибать», «подрубать (рубец)», наряду с которыми отмечаются и непереходные значения «извиваться»; «танцевать»; возможно, что глагол имеет подражательное происхождение, на что указывают форма *kıvır kıvır kīvril-* 'виться кольцами, завитками', аналогичная форме *bağır bağır bağır-* 'кричать', 'орать во всю глотку'; глагольная форма *kıvra-*, происходящая из *kıvır+a-* 'виться', 'свертываться', 'закручиваться' и имеющая обычное строение подражательных глаголов на *-a-*, образованных от вторичных подражательных основ;

кирг.: *ырга-* с переходными значениями «двигать», «шевелить», «трясти», «встряхивать» (например, сито или решето при просеивании) и непереходными — «двигаться», «шевелиться»;

Радл., Сл.: *ökÿn-*, переходное значение «порицать» и непереходное—«жаловаться»;

тур.: *sakın-* с переходными и непереходными значениями «беречься», «остерегаться», «быть осторожным», «избегать»; «беречь»;

казах.: *сескен-* с непереходными значениями «опасаться», «страшиться», «испугаться», «вздрогнуть»; узб. *сескан-*, тат.

---

[23] В «Türkçe sözlük» (2-nci baskı, hazırlıyan Mehmet Ali Ağakay, Ankara, 1955) этот глагол не приводится.

сискән- и др. в значении «вздрогнуть», «испугаться». Основой глагола является *сес* 'угроза', 'запугивание' (кирг.). У Абу-Хайяна глагол *сескен-* с метатезой *säksän-* приводится в переходном значении «угрожать» (Abu-Hay., 88), на основании чего можно заключить о первоначальной синкретичности глагола в отношении направленности действия вовне или внутрь;

Приведенный список глаголов дает представление об историческом состоянии тюркских корневых и производных глаголов с их лексической недифференцированностью на глаголы переходные и непереходные. В перечне подобраны глаголы лишь с такими однородными значениями, в которых действие направлено как к действующему лицу, так и от него. Подобные случаи наиболее наглядно демонстрируют историческую нейтральность тюркских глаголов к категории переходности и непереходности. Вследствие этого здесь опущены многочисленные образцы глаголов с переходными и непереходными однородными значениями, действия которых, однако, не имеют противоположных направлений (от субъекта действия и к нему), как, например, в глаголах *çak-* (тур.) с переходными значениями «вколачивать», «вбивать»; «привязывать (животных к столбу)»; «высекать (огонь)», «спускать (курок)» и с непереходным значением «сверкать» = «ударить (о молнии)»; *ағла-* (азерб. и др.) с непереходным значением «плакать» и с переходным значением «оплакивать», а также ряд непереходных глаголов, которые тем не менее способны к фразеологически ограниченному управлению прямым дополнением, а именно глаголы движения и состояния с прямым дополнением в обстоятельственном значении. Ср., например азерб. истираһәт ет- 'отдыхать' и *о күнү* (вин. пад.) *истираһәт етдим* 'в тот день я отдыхал'; тур. *git-* 'ходить' и *o uzun yol* (прям. дополн.) *gitti* 'он прошел длинный (долгий) путь'; тур. *yaşamak* 'жить' и *uzun ömür yaşamak* 'прожить долгую жизнь', *müthiş dakikalar yaşamak* 'пережить ужасные минуты'.

Сосуществование переходного и непереходного значений в одном глаголе нельзя считать окончательно изжитым в тюркских языках. Проявлением все той же лексической слитности значений переходности-непереходности следует считать употребление переходных глаголов в непереходном значении. Имеются в виду такие общеизвестные глаголы, как *оқу-* 'читать', *яз-* 'писать' и др., употребляемые в непереходном значении «читать» (вообще, безотносительно к предмету действия), «писать» (вообще, безотносительно к предмету действия). Однако глаголы данного типа пока не изучены, и остаются невыясненными по меньшей мере два важных вопроса: 1) насколько распространено описываемое явление, и как велико число переходных глаголов, употребляемых в медиальном значении; 2) не поддерживается ли медиальное значение таких глаголов развитием

медиального значения вообще, наблюдаемым в ряде залоговых и глаголообразующих форм, или иначе: что́ в таких глаголах унаследовано от старого состояния и что́ появилось в них в результате новейшего развития?

В целом же для современных тюркских языков характерно всемерное преодоление древнего лексического неразличения переходности-непереходности и нарастающая тенденция к строгому разграничению переходных глаголов от непереходных, что исторически было достигнуто лексико-семантическими и морфологическими средствами. Лексико-семантическое разграничение выразилось в том, что глагол закреплялся в языке в каком-нибудь одном значении — переходном или непереходном, а морфологическая дифференциация глаголов на переходные и непереходные достигалась при помощи определенных глагольных показателей, впоследствии ставших залоговыми. Наиболее продуктивными в этом отношении оказались аффиксы *-н-* для непереходных и *-т-* — для переходных значений. Таким способом произошла дифференциация переходности и непереходности в следующих глаголах:

алдан-[24] 'обманываться', 'ошибаться'; 'быть обманутым, введенным в заблуждение' и *алдат-* 'обманывать', 'вводить в заблуждение'; исходная форма этого глагола *алда-* (от *ал* 'хитрость') в тех языках, где она сохранилась, имеет обычно переходное значение (M. Kāşgarī, Dizin, 18; Houtsma, 53; Ettuhfet., Dizin, 139, Çarhname, 69); однако для языков, прежде всего огузских, с дифференцированными формами *алдан-* и *алдат-* необходимо исторически допустить существование переходного и непереходного значения в глаголе *алда-*;

дајан- 'останавливаться', 'держаться', 'сопротивляться', 'упираться'; 'опираться', 'прислоняться', 'облокачиваться', 'стоять', 'удержаться ; 'переносить' и тур. *dayat-* (азерб. *даяндыр-*) 'подпирать'; 'опирать'; 'прислонять'; исходными и основными во всех тюркских языках являются значения «опираться» и «подпирать»; начальная форма глагола *тая-* сохранилась в казахском и киргизском в переходном значении;

исин- 'согреваться', 'греться'; 'привыкать', 'свыкаться', 'привязываться' и *исит-* 'греть', 'нагревать', 'подогревать'; 'болеть', 'заболеть малярией'; основными значениями в этих глаголах являются «греться» и «нагревать»; исходная форма глагола *ысы-* сохранилась в казахском, киргизском, узбекском *(иси-)*, хакасском *(izi-)*, в словаре Махмуда Кашгарского (Dizin, 236, *isi-*) в непереходном значении «становиться горячим», «согреваться», «подогреваться»; «накаляться». Азербайджанские,

[24] Для краткости при глаголах приводятся азербайджанские значения. В тех случаях, когда в азербайджанском нет приводимого глагола, указывается соответствующий язык.

турецкие и другие формы с показателями *-н-* и *-т-* свидетельствуют о первоначальной индифферентности исходной формы *ысы-* в отношении переходности и непереходности;

ојан- 'просыпаться', 'пробуждаться' и *ојат-* 'будить'; параллельная к *ојат-* форма *ојандыр-* означает «будить (через кого, что-нибудь)»; формы *ояан-* (или *уян-*) и *оят-* (или *уят-*) известны в ряде языков (казахский, туркменский и др.), причем в некоторых из них переходная форма образовалась при помощи показателя *-р-*, т. е. в форме *ояр-~уяр-* (туркм., Houtsma, 57; Rossi, 352); современному *ојан-* соответствует древнетюркское *одип-* (Малов, Пам., 403; Turf., VIII, 94) с тем же значением; в других языках непереходная и переходная формы рассматриваемого глагола образовались при помощи архаических аффиксов *-ған-* и *-ғат-*, например в староузбекском (Радл., Сл., I, 971), староуйгурском (форма *ойғат-*, Малов, Пам., 404), хак. *ускан-* (Радл., Сл., I, 1747) и *усхун-~усхур-* с показателем *-р-*, кирг. *ойгон-~ойгот-* и др.; исходной формы глагола в тюркских языках не сохранилось, однако в некоторых языках остались именные члены древних глагольно-именных синкретичных основ, как, например, туркм. *оя* 'неспящий', 'бодрствующий', кирг. *ойгоо* 'бодрствующий' и более новое по образованию казах. *ояу* 'явь'; 'наяву', на основании которых мы вправе восстановить давно исчезнувший в тюркских языках глагол **оя-//*уя-* как с непереходным, так и с переходным значением (о последнем можно судить по медиальным формам *оян-//уян-~одип-~ойған-* и т. п., а также по значению «быть разбуженным»—Turf., VIII);

өјрән- 'учиться', 'изучать', 'приобретать знания, навык', 'выучиться'; 'узнавать', 'разузнавать'; 'привыкать', 'приучаться'; 'изучать', 'учить', 'выучивать', 'разучивать', 'научиться' и *өәт-* 'учить', 'обучать', 'наставлять'; 'подучить'; 'подговорить', 'подбивать', 'подстрекать'; 'приучать'; основными значениями для современных языков являются «учиться», «изучать» и «учить», «научить»; азербайджанские формы являются общими и для остальных языков, в которых начальный *ө* всегда замещается гласным *ү*, а сонорный *й*—более древним. Что касается значений исходного глагола **өгре-*, то, как и в аналогичных случаях, необходимо в генезисе допустить переходное и непереходное значения, дифференциация которых произошла позже благодаря формам на *-н-* и *-т-*; известна также йотированная форма рассматриваемого глагола, приводимая у Хоутсма (109); понудительно-возвратная форма *ögrä-* (Turf., VIII, 94) имеет переходное значение «учить», «упражняться» (для себя), поскольку *-н-* здесь не передает медиального значения;

төрән- 'создаваться', 'происходить', 'размножаться', 'пло-

диться', 'случаться', 'появляться на свет' и *төрәт-* 'производить', 'делать', 'создавать', 'устраивать', 'образовать'; начальная форма *төрә-*, уже рассматривавшаяся раньше, сохранилась в азербайджанском языке в тех же непереходных значениях «создаваться» и т. п., известных также в хакасском, где исследуемый глагол имеет на конце узкий, а не широкий гласный (*төрі-* 'рождаться'); это дает возможность рассматривать формы *төре-* и *төрі-* как производные от **төр* (*төл* 'зародыш'?); глагол *төре-* известен и в киргизском, но здесь он имеет переходное значение «родить», что позволяет допустить первоначальную индифферентность глагола *төре-~төрі-* в отношении переходности-непереходности;

тукән- 'беднеть', 'иссякать', 'истощаться', 'исчерпаться' и *тукәт-||тукәндир-* 'исчерпать', 'истощать'. Так же в основном в турецком, узбекском (*туган-~тугат-*), киргизском (*түген-~түгет-*), хакасском (*түген-||түгел-* и *түгет-*) и в некоторых других языках; исходная форма *тукә-~туге-* отмечается в древних языках (Малов, Пам., 435; Turî., VIII, 100) и известна в некоторых современных, например в узбекском (*туга-*) в непереходном значении «кончаться», «заканчиваться»; «иссякать», «исчерпываться»; однако в казахском сохранилась взаимно-совместная форма этого глагола—*түгес-* с переходным значением «израсходовать», «издержать», «исчерпать», что позволяет допустить первоначальную лексическую индифферентность данного глагола в отношении переходности-непереходности;

узан- 'удлиняться'; 'тянуться', 'длиться'; 'расти'; 'ложиться', 'лежать' и *узат-* 'удлинять', 'тянуть', 'длить'; 'протягивать', 'затягивать'; значения «ложиться», «лежать» представляют собой переосмысление метафорического значения «растянуться» в смысле «лечь»; так же в туркменском, турецком, узбекском и в некоторых других языках; в отдельных языках (например, казахском, киргизском) непереходная форма имеет вид *узар-*, т. е. она произведена от имен **уз*, переходная же форма остается без изменения—*узат*; начальная форма глагола *уза-* сохранилась в ряде языков с непереходным значением «удаляться», «отдаляться»; «удлиняться»; переходного значения *уза-* в привлеченных материалах не оказалось;

үјүн-||үјүдүл- 'быть смолотым' и *үјүт-* 'молоть (на мельнице)', 'измолоть', 'замолоть'; исходная форма глагола *үк-* сохранилась в казахском, киргизском и некоторых других языках с переходным значением «растирать»; «размалывать»; «размельчать», что подтверждается также страдательным значением азерб. *үјүн-*; в кирг. *үйүр-*, образованном при помощи показателя понудительного залога от того же глагола *үк-*, последний имеет непереходное значение, обусловленное семантикой

глагола *үйүр-* 'вращать (главным образом решето с зерном при просеивании, провеивании)';

тур.: *kuşan-* 'опоясываться' и *kuşat-* 'опоясывать'; 'одевать', а также «окружать», представляющее дальнейшее развитие метафорического применения значения «опоясывать»; о глаголе *гурша-~қурша-~қурча-~хурча-* и т. д. с переходным значением «опоясывать»; «окружать» см. выше (стр. 332). Непереходного значения в форме *қурша-* в тюркских языках не сохранилось;

uʃan-//uʃalan- 'размельчаться', 'дробиться', 'крошиться', 'разбиваться' и *uʃat-* 'делать меньше, мельче', 'уменьшать', 'дробить'; корнем глагола является *öw-*, *uv-*, *uw-* со значением «размельчать», «раздроблять», «крошить»; «разбивать», «разрезать на мелкие куски» (M. Kāşgarī, Dizin, 470, 703); по-видимому, в старотурецком *uvan-* 'разбиваться на куски' и 'разбивать', 'дробить' (Rossi, 352) представлена древняя форма, а в киргизском *убат-* 'мельчить', 'размельчать' следует видеть более архаическую форму данного корня и, наоборот, в татарском отглагольном прилагательном *вак* 'мелкий' и т. д.— наиболее новую форму, образовавшуюся в результате выпадения начального гласного *у*; то же в казахском *уақ* 'мелочь', 'мелкий' и *уат-* 'разбивать', 'разламывать'; 'размалывать', 'крошить'; сопоставляя приведенные глагольные формы с тат. *вал-* 'ломаться', 'биться', 'разбиваться' и *ват-* 'бить', 'разбивать' и т. д., мы получаем непереходные формы *uʃan-*, *вал-* и переходные *öw-*, *uv-*, *uw-*, *uʃat-*, *убат-* и *уат-*, для объяснения которых необходимо исторически допустить переходное и непереходное значения для глагольного корня *uw-* и т. д.; корень *uw...* имеет общее происхождение с приводившимся выше *үк-* 'размалывать', 'размельчать';

кирг.: *жубан-* 'утешаться', 'успокаиваться' и *жубат-* 'утешать', 'ласкать'; так же в казахском; исходная форма **жуба-* должна рассматриваться как нейтральная к категории переходности-непереходности;

Turf., VIII: *ëmgän-* 'страдать', 'мучиться' и *ëmgät-* 'мучить' (89); реальность исходной формы *ämgä-* подтверждается фактами древних и новых тюркских языков (ср. Малов, Пам., *ämgä-*, 364 со ссылками на «Кутадгу-билиг», Рабгузи и словарь Радлова) в непереходном значении «мучиться», «испытывать бедствия»;

др.-тюрк. языки: *syn-* 'ломаться', 'быть сломанным' и 'ломать' (Малов, Пам., 424); форма *сын-* с тем же значением известна и в современных языках (азербайджанский, турецкий, узбекский, казахский, киргизский, татарский и др.), тогда как *syt-* в них не отмечается; исходным корнем является *sy-* (Малов, Пам., 424) 'ломать', известный также в турецком; на практике, од-

нако, употребляется, как и в остальных языках, производная форма *sındır-*, образованная от непереходной формы *sın-* при помощи показателя понудительного залога *-dır-*, непереходное значение *sy-* в имеющихся материалах не встречается, хотя исторически оно вполне реально.

При анализе форм на *-н-* и *-т-* как дифференциаторов непереходных и переходных значений в древних глаголах необходимо соблюдать известную осторожность, особенно в тех случаях, когда исходный глагол существует в разных тюркских языках или же восстанавливается сравнительным путем лишь в одном непереходном значении. В подобных случаях нельзя исключать образования возвратной формы на *-н-* от непереходного значения исходного глагола, так как одним из древнейших значений возвратной формы является указание на то, что действие совершается для действующего лица—это возможно и при непереходных глаголах. Так, например, в кирг. *жашын-* 'прятаться' и *жашыр-* 'прятать', 'утаивать', 'скрывать' вторая форма бесспорно является переходной, образованной от непереходного значения исходного глагола, который в форме *yaş-* приводится у Абу-Хайяна (Abu-Hay., 122)., а в «распространенной» форме *jašy-//jašu-* у Ибн-Муханны с тем же непереходным значением «прятаться» (Ибн-Мух., 245). Допуская, что непереходное значение кирг. *жашын-*, равно как и азерб. *jашын-*, произошло от утерянного в тюркских языках переходного значения той же основы *jaş-//jašy-*~**жаш-//жашы-*, нельзя вместе с тем исключать возможность образования непереходных форм от той же основы *yaş-* и т. д. в ее непереходном значении при помощи аффикса *-н-*, который в форме *жашын-*~*jашын-* в этом случае должен означать *«прятаться самому».

Показатели непереходности и переходности *-н-* и *-т-* при производных глаголах на *-ла-*:

дијирлән- 'кататься', 'катиться' и *дијирләт-* 'катать','катить';

ислан- 'быть, становиться мокрым, сырым'; 'промокнуть', 'вымокнуть', 'мокнуть' и *ислат-* 'вымочить', 'промочить', 'помочить', 'смочить', 'дать вымокнуть', 'увлажнять', 'погружать в воду'; начальная форма глагола *ısla-* сохранилась в турецком языке в переходных значениях (см. *ислат-*);

кизлән- 'прятаться', 'скрываться' и *кизләт-* 'скрывать', 'прятать', 'утаивать'; исходная форма глагола не сохранилась в азербайджанском языке, но она имеется в туркменском, турецком, башкирском (Буд., II, 176) и в некоторых других языках в переходном значении «скрывать», «прятать», «утаивать»;

азербайджанские формы свидетельствуют об историческом сосуществовании переходного (от которого произошло *кизлән-*)

и непереходного (от которого произошло *кизләт-*) значений в исходной форме глагола **кизлә-*.

В связи с приведенными материалами относительно дифференциации значений переходности и непереходности в корневых и производных глаголах словообразовательные аффиксы *-лан-* и *-лат-* (см. гл. I) и *-сын-*, *-сыт-* (см. гл. II) следует, по-видимому, рассматривать в качестве отражения той же тенденции в применении к глаголообразующим формам.

Дифференциация значений переходности при помощи залоговых показателей *-л-* и *-т-*:

дағыл- 'рассеиваться', 'расходиться'; 'разрушаться', 'разваливаться'; 'разоряться'; 'изнашиваться'; 'рассыпаться' и *дағыт-* 'разгонять'; 'разбрасывать', 'рассеивать'; 'разорять', 'разгромить', 'разрушать'; 'рассыпать'; 'изнашивать'; те же значения в основном имеют турецкие глаголы *dağıl-~dağıt-*, причем непереходная форма известна также в виде *dağın-*; исходной формой является глагол *дағы-*, который в форме *tağı-* приводится у Ибн-Муханны (Battal, 67) с переходным значением «разгонять»; «рассеивать»; к глаголу *тағы-~дағы-* восходит второй компонент известного в ряде тюркских языков парного слова *дармадағын* 'вдребезги', 'в пух и в прах';

узб.: *тарал-* 'распространяться', 'расходиться' и *тарат-* 'распространять', 'раздавать'; 'распускать'; 'рассеивать', 'разгонять', 'заставлять разойтись'; рассматриваемые глаголы в тех же значениях известны также в киргизском, хакасском, татарском, казахском, в словаре Махмуда Кашгарского и др.; исходной формой является глагол *тара-*, сохранившийся в перечисленных языках (кроме татарского) в непереходных значениях «расходиться», «разбредаться»; «распространяться»; распространенная форма *tar-* приводится Махмудом Кашгарским (Dizin, 576) с переходными значениями «рассеивать»; распространять»; «отделять»; «разлучать» и производная форма *tarıl-* (Dizin, 578) с медиальным значением; таким образом, сопоставление значений *tar-* и *тара-* показывает, что данный глагол исторически был нейтрален к категории переходности-непереходности;

крым.-тат.: *токътал-* 'остановиться' и *токътат-* 'остановить'; так же в армяно-команском (*toḫtalmaḫ* и *toḫtatmaḫ*, Теру, 75), в киргизском с параллельной непереходной формой *токтон-*, узбекском, татарском, казахском; в азербайджанском, хакасском отсутствует непереходная форма на *-л-* или *-ʜ-*; в большинстве тюркских языков сохранилась также исходная форма *токъта-* и ее фонетические соответствия с непереходными значениями «останавливаться», «прекращаться», «переставать»; переходного значения глагола *токъта-* не сохранилось.

Дифференциация значений переходности и непереходности при помощи залоговых показателей *-л-* и *-р-*:

гуртул- 'быть освобожденным'; 'освобождаться', 'вырываться', 'спасаться', 'отделываться' и *гуртар-* 'избавлять', 'освобождать'; 'выручать'; 'спасать'; 'кончать', 'заканчивать'; 'завершать'; так же в большинстве остальных языков, но с тем отличием, что непереходная форма нередко имеет стяженную форму *қутул-*, а переходная оформляется аффиксом *-қар-— қутқар-* (из **қуртқар-*); возможно, что формы *гуртул-* и *гуртар-*, а также их фонетические соответствия в других языках следует рассматривать как независимые друг от друга, образовавшиеся от именной или синкретичной основы **гурт-//гурт* при помощи аффиксов *-ыл-* и *-ар-~-қар-*.

Дифференциация значений переходности и непереходности при помощи залоговых показателей *-ш-* и *-р-*:

казах.: *майыс-* 'гнуться', 'сгибаться' и *майыр-* 'загибать'; 'сгибать (металлические предметы)'; исходной глагольной основой для *майыс-~майыр-* могла бы быть форма **майы-*, которой нет в привлеченных материалах, однако нельзя исключать и возможность независимого образования обоих глаголов непосредственно от именной или синкретичной основы **май-// май*.

* *
*

Принимая во внимание весь ранее привлеченный материал о глаголообразующей функции залоговых форм, можно сказать, что словообразовательная функция залоговых форм исторически осуществлялась в двух направлениях: 1) залоговые показатели создавали глаголы непосредственно от именных основ; 2) они уточняли значения уже имевшихся глаголов, фиксируя в них раздельно переходное и непереходное значения. Ни тот, ни другой процесс не получил большого распространения в тюркских языках, и вместе с развитием залоговой системы оба процесса постепенно прекратились.

Первоначальное употребление залоговых форм в качестве словообразовательных объясняет случаи изменения исходного значения корневого или производного глагола под влиянием залогового показателя. Изменение первоначального значения глагола под влиянием собственной семантики залоговых аффиксов представляет третье направление в словообразовательных функциях залоговых форм, которое не получило в дальнейшем существенного развития и разделило судьбу первых двух процессов: отыменного глаголообразования при помощи залоговых форм и дифференциации значений глаголов на переходные и непереходные.

Формы залога складываются в тюркских языках вначале в значительной мере как словопроизводные. Лишь в дальнейшем залог постепенно освобождается от этой функции и развивается преимущественно как категория словоизменительная.

Следует подчеркнуть, что не во всех тюркских языках и не все залоговые формы механически образуются от любой глагольной основы, поскольку применение залоговых форм в словообразовательной функции не свободно и связано с лексическим значением основы.

В тюркских языках представлены разные этапы развития залоговой категории: в одних языках она превратилась в грамматическую категорию, свободную от лексических ограничений, в других — развилась как грамматическая категория лишь в отдельных залогах, в третьих — окончательно еще не освободилась от словообразовательных функций. Как и в других случаях, здесь также наблюдается неравномерность развития форм, принадлежащих одной грамматической категории. Так, например, понудительный и страдательный залоги образуются механически почти от любого глагола в ряде тюркских языков, включая старописьменные. Взаимно-совместный залог образуется довольно часто от переходных глаголов, но образование его от непереходных осложняется, поскольку от этих глаголов возможно образование взаимно-совместного залога лишь в совместном значении (о нем см. дальше), которое в известном смысле близко к обычному значению множественности. А так как множественность в азербайджанском, как и в любом другом тюркском языке, образует особую категорию со своим формальным показателем, то применение взаимно-совместного залога к непереходным глаголам довольно часто наталкивается на функцию показателя множественности (аффикс *-лар*), чем ограничивается возможность употребления и распространения данного залога в его совместном значении. Наоборот, в других тюркских языках именно влиянием категории множественности следует объяснить развитие взаимно-совместного залога в особую разновидность множественности (в киргизском, в значительной мере в узбекском и некоторых других, частично и в азербайджанском языке) наряду с сохранением собственно залогового значения.

ВОЗВРАТНЫЙ ЗАЛОГ

Возвратный залог в азербайджанском языке имеет общетюркскую форму *-(ы)н-, -(и)н-, -(у)н-, -(ү)н-* с узким гласным, благодаря чему залоговое применение этой формы дифференцируется от более древнего, словообразовательного ее применения, при котором аффикс имел часто широкий, иногда узкий гласный.

Г. Рамстедт относил форму на *-н-* к числу древнейших[25], образовавшихся по аналогии с монгольским аффиксом отыменного глаголообразования *-ni-*[26].

Во всех языках юго-западной группы аффикс *-н-* стал также формой страдательного залога для глагольных основ с гласным исходом или с конечным *л*, иногда *р* (*салынмаг, көрүнмәк* и т. п.). Если для основ с конечным *л* в азербайджанском языке замену общетюркского показателя пассивности *л* показателем возвратного залога *-н-* можно еще как-то объяснить диссимиляцией, т. е. чисто фонетически, то употребление того же показателя при основах с конечным гласным фонетически необъяснимо. Более существенное основание для наблюдаемого явления следует видеть в сближении и переплетении некоторых центральных и развивающихся значений обоих залогов, прежде всего среднезалогового, или медиального, значения, ближайшим образом связанного с медиопассивным, предшествующим современному страдательному значению. Процесс этот завершился еще в древности, и в памятниках азербайджанской письменности страдательные формы при указанных фонетических типах основ обычно передаются с аффиксом *-н-*. Ср.:

..'Кәл, тәпрәтмә јараланмыш көнлүмү,
Ајры дүшмүш вәтәниндән, елиндән,
Һәмдәрдиндә нараланмыш көнлүмү...
'...Не тревожь мое раненое сердце,
Мое сердце, разлученное с родиной и своим народом,
Отделенное от друга по несчастью...'
(Вәдади, 20).

Санасан ки, камалындан нүр јағыр,
Јараныбдыр, јарәб нә хош саәтдә.
'Ее красота словно изливает свет.
В какое прекрасное мгновенье она создана, о боже!'
(Вагиф, 30).

В большинстве работ, посвященных залогам, устанавливается, что возвратный залог означает действие, совершаемое действующим лицом над самим собой, в результате чего субъект действия превращается в объект. О неприемлемости подобного толкования собственно возвратного значения уже говорилось в начале данной главы. Ниже будет выяснено, насколько оно может считаться точным с фактической стороны. Предварительно укажем, от каких глаголов этот залог образуется.

Собственно возвратное значение формы на *-н-*, как правило,

[25] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 168, 169.
[26] Ibid., S. 198.

образуется от названий таких действий, которые не причиняют ущерба или вреда действующему лицу, что исторически связывается со значением заинтересованности лица в том или ином действии. Данное значение хорошо известно в большинстве кыпчакских языков, а из огузских — в туркменском.

К собственно возвратным глаголам относятся: *әтирләнмәк* 'надушиться' — от глагола *әтирләмәк* 'душить', 'надушить'; *бүрүнмәк* 'укутываться', 'закутываться'; 'одеваться', 'облачаться', 'завертываться' — от *бүрүмәк* 'завертывать', 'закутывать', 'окутывать', 'укутывать'; 'окружать', 'обступать'; 'покрывать'; *даранмаг* 'причесываться' — от *дарамаг* 'чесать', 'причесывать', 'расчесывать'; 'сгребать'; *киршанланмаг* 'набелиться', 'напудриться'— от *киршанламаг* 'белить лицо белилами', 'пудрить'; *хыналанмаг* 'краситься хной'— от *хыналамаг* 'красить хной', 'покрывать хной'; *өртүнмәк* 'укрываться', 'покрываться', 'закрываться', 'закутываться' — от *өртмәк* 'покрывать', 'закрывать', 'прикрывать', 'затворять'; *соjунмаг* 'раздеваться', 'снимать с себя одежду' — от *соjмаг* 'снимать', 'удалять', 'сдирать', 'обдирать с кого, чего-либо верхние покровы (кожу, кожицу, шкуру, шкурку)'; *тә'рифләнмәк* 'хвалиться'— от *тә'рифләмәк* 'хвалить'; *jуjунмаг* 'мыться', 'умываться'— от *jумаг* 'мыть', 'стирать', 'промывать', 'обмывать'; *пәрдәләнмәк* 'закрываться занавесом', 'завуалироваться' — от *пәрдәләмәк* 'закрывать занавесом', 'завуалировать', 'занавешивать', 'завешивать'; *тәмизләнмәк* 'очищаться'— от *тәмизләмәк* 'очищать' и некоторые другие глаголы. Ср. еще:

Ал илә jашыл кejинди бағлар...
'В алое и зеленое оделись сады...'
(Хәтаи, 9).

Өjүнмәсин кимсә көзәләм, дәjиб...
'Никто пусть не хвастает думая, что он красив...'
(Вагиф, 84)

Квалифицируя собственно возвратное действие как направленное действующим лицом на самого себя, мы сужаем семантический объем возвратных глаголов, так как последние означают действия, вообще совершающиеся для или в виду действующего лица, что верно подметил еще в прошлом веке Д. Редгауз[27] и что нашло затем подтверждение в работах некоторых советских исследователей[28]. Поэтому наряду с приведенными глаголами в число собственно возвратных входят также такие гла-

[27] «Значение этой разновидности глагола — собственно возвратное, так как, хотя глагол иногда и имеет при себе прямое дополнение, действие его имеет в виду лишь свое действующее лицо» (J. W. Redhouse, *Grammaire raisonnée de la langue ottomane*, Paris, 1846, § 340).

[28] Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке*, стр. 11; Б. Чарыяров, *Категория залога в современном туркменском языке*, стр. 6 и некоторые другие работы.

голы, как *дашынмаг* 'переезжать', 'перебираться (из одного помещения в другое)', например *Һәсән дашынды* или *Һәсән өзшәјшүјүну дашыды* 'Гасан перевез свои вещи'; *чырмаланмаг* 'засучивать [свои] рукава', например *Һәсән чырмаланды* или *Һәсән өз голларыны чырмалады* 'Гасан засучил свои рукава'; *силкәлəнмəк* 'встряхивать', 'вытряхивать' (что-либо свое), например *Һәсән силкәләнди* или *Һәсән палтарыны силкди* 'Гасан потряс свою одежду' и т. п. [29]. Таково же значение собственно возвратных глаголов и в большинстве других тюркских языков. Ср., например, туркм. *ачынмак* 'сбрасывать, скидывать с себя' (покрывало, одеяло и т. д.) — от глагола *ачмак* 'открывать', 'раскрывать', 'обнажать' и т. д.; тур. *takınmak* 'нацеплять, навешивать, надевать, напяливать на себя что-либо' (вин. пад.); казах. *асын-* 'повесить на себя'— от глагола *ас-* 'вешать', 'навешивать', например *мылтық асынды* 'он повесил на себя ружье'; так же в киргизском, в котором собственно возвратное значение формы на *-н-* развито несравненно больше, чем в огузских языках, не считая туркменский; кирг. *кагын-* 'ударить мордой в рану на спине' (о лошади, отмахивающейся от мух); 'отряхиваться', 'встряхиваться'— от глагола *как-* 'стучать', 'хлопать', 'выстукивать' и т. д.; хак. *пазан-* 'подавить в себе чувство гнева' — от глагола *пас-* 'давить', 'надавливать на что-либо'; 'подавлять, покорять кого, что-либо' и т. д.

Однако и при всех дополнениях к содержанию возвратного значения сказанное ранее о лексико-семантических условиях его образования сохраняет свою силу. В других языках, например в киргизском или хакасском, образование возвратного значения более свободно, чем в азербайджанском языке, и поэтому глаголы, означающие, допустим, неблагоприятные или вредные действия для действующего лица, здесь значительно свободнее, чем в азербайджанском, могут принимать возвратное значение, ср. кирг. *жарын-* 'распороть себе живот' — от глагола *жар-* 'колоть', 'раскалывать', хак. *атын-* 'застрелиться'— от глагола *ат-* 'стрелять'. Поэтому возможности грамматизации возвратного значения в них шире, чем в азербайджанском.

Наоборот, в современном азербайджанском языке возвратные глаголы не образуются от обозначений действий, неблагоприятных или вредных для действующего лица. Так, в азербайджанском языке нет возвратных форм от глаголов *сөјмək* 'ругать', *бычагламаг* 'наносить рану ножом', *хəнчəрləмəк* 'ранить', 'закалывать', 'пронзать кинжалом', *сачламаг* 'хватать за волосы', *чимдикləмək* 'щипать' и ряда других, хотя грамматически нет препятствий для образования возвратного значения от перечисленных и подобных им глаголов. Вместе с тем в составе воз-

[29] А. А. Азəр, *Мүасир азəрбајҹан дилиндə нөв категоријасы*, Баку, 1953.

вратных глаголов можно обнаружить и такие глаголы, как *зəһərлəнмək* 'отравиться', 'быть отравленным', *үлкүчлəнмək* 'порезаться бритвой', действия которых явно причиняют ущерб действующему лицу. Однако и тот и другой глаголы обозначают скорее действия непреднамеренные, чем умышленные, т. е. действия нечаянные или случайные.

Среди возвратных значений глаголов имеются и значения, нейтральные к установленному здесь признаку. Таковы глаголы *јүкlənmək* 'грузиться', 'нагружаться' (помимо страдательного значения этого глагола), *сыраланмаг* 'становиться в ряд, рядами, по порядку' и некоторые другие. Эти глаголы представляют отступления от правила образования возвратного значения. Несмотря, однако, на подобные колебания, тенденция образования возвратных значений от названий действий, благоприятных или необходимых для действующего лица, сохраняется и в современном азербайджанском языке, что подтверждается такими недавними или новыми образованиями, как *сабунланмаг* 'намыливаться', *пудраланмаг* 'пудриться', *ишарəлəнмək* 'отмечаться' и некоторыми другими, соответственно образованными от глаголов *сабунламаг* 'мылить', *пудраламаг* 'пудрить', *ишарələмək* 'отмечать'. Таким образом, производство глаголов с возвратным значением, которое почти все исследователи считают центральным значением залоговой формы на *-н-*, ограничено определенным лексико-семантическим условием, коему должны удовлетворять исходные глаголы. Следовательно, значение возвратности обнаруживает характерные признаки словообразовательной категории, поэтому становится возможным отнесение формы на *-н-* с возвратным значением к разряду словообразовательных.

Из приведенных глаголов с возвратным значением некоторые по форме совпадают с глаголами страдательного значения, а именно: *ətirlənmək* 'быть надушенным', *киршанланмаг* 'быть напудренным, набеленным', *хыналанмаг* 'быть окрашенным хной', *пərдəлəнмək* 'быть завешенным, занавешенным', 'быть закрытым вуалью' и другие глаголы, оканчивающиеся на гласный.

Из состава учтенных в работе глаголов азербайджанского языка не более одной трети их образуют возвратную форму, что свидетельствует о недостаточном развитии данного залога.

Этот существенный момент обычно не отмечается в грамматических разделах, посвященных залогу, и редко отмечается в специальных исследованиях.

В число глаголов с возвратным значением часто включаются и глаголы с медиальным значением, при этом в большинстве случаев остается невыясненным важный вопрос об удельном весе обоих значений. Между тем из общего числа возвратных глаголов, учтенных здесь, собственно возвратные значения со-

ставляют 15—20% против 80—85% глаголов медиального значения.

Обращаясь к морфологическому составу тех и других глаголов, необходимо отметить, что глаголы с возвратным значением образованы от древнейших глагольных корней. Поскольку почти все эти глаголы принадлежат к наиболее обиходной части лексики тюркских языков, то частота их употребления создает иллюзию большой распространенности и преобладания возвратных значений над другими, что, однако, опровергается приведенными выше цифрами. В этом отношении весьма симптоматичен переход или переосмысление возвратного значения ряда глаголов в возвратно-медиальное или медиальное значение.

К глаголам с возвратно-медиальным значением относятся следующие: *әјләнмәк* 'остановиться', 'задержаться'— от глагола *әјләмәк* 'останавливать', 'задерживать', 'удерживать'; *сүртүнмәк* 'тереться' — от глагола **сүрмәк*, сохранившегося в азербайджанском языке лишь в форме *сүртмәк* со значением «проводить одним предметом по другому», «тереть», «натирать», «растирать», «смазывать», «покрывать слоем»; *јолланмаг* 'направляться', 'отправляться' — от глагола *јолламаг* 'посылать', 'отправлять'; *кизләнмәк* 'прятаться', 'скрываться' — от *кизләмәк*, который, как и глагол **сүрмәк*, сохранился лишь в наращенной форме *кизләтмәк* 'скрывать', 'прятать', 'утаивать' (отсюда справедливо заключить о первоначальной нерасчлененности медиальных и немедиальных значений глаголов *сүр-* и *кизлә-*); *мыхланмаг* 'пригвоздиться'— от *мыхламаг* 'прибивать', 'забивать', 'заколачивать гвоздями', 'пригвоздить к чему-либо'; *сыраланмаг* 'становиться в ряд, рядами, по порядку' — от *сыраламаг* 'ставить в ряд, рядами, по порядку, в порядке очереди'; *тохунмаг* 'касаться', 'прикасаться', 'дотрагиваться'; 'затрагивать', 'задевать'; 'находить', 'наскакивать', 'наталкиваться', 'натыкаться на что-либо' — от глагола **тох-*, сохранившегося лишь в отдельных тюркских языках; современный состав значений глагола *тохунмаг* сохранил как медиальные («касаться», «прикасаться» и др.), так и немедиальные («затрагивать», «задевать»; «находить») значения древнего глагола **тох-*; ср. еще:

Бојанарсыз гызыл гана дурналар!
'Вы обагритесь красной кровью, журавли!'
(Вәдади, 23).

Бојанды зәмин һәзар рәнкә
'Окрасилась земля в тысячу цветов'.
(Хәтаи, 8).

Возвратно-медиальное значение формы на *-н-* известно и в других тюркских языках. В ряде случаев в форме *-н-* совпадают возвратно-медиальные и страдательные глаголы, например: *јолланмаг* 'быть посланным', *мыхланмаг* 'быть прибитым, заколоченным', *тулланмаг* 'быть брошенным' и т. д.

Большая часть возвратно-медиальных глаголов принадлежит также к корневым, но, кроме них, в этой группе довольно много производных глаголов, как старых, так и новых.

В группе медиальных глаголов корневых форм еще больше. Можно, пожалуй, сказать, что бóльшая часть возвратных форм, образовавшихся от корневых глаголов, приобрела медиальное значение. К числу их относятся, например: *билинмәк* 'стать известным, узнанным'; 'обнаруживаться', 'явствовать' — от глагола *билмәк* 'знать'; 'уметь', 'быть в состоянии', 'мочь', 'иметь возможность'; *севинмәк* 'радоваться', 'обрадоваться'— от глагола *севмәк* 'любить', 'влюбляться'; *танынмаг* 'быть известным', 'слыть за кого-либо'— от *танымаг* 'знать', 'быть знакомым', 'узнавать', 'признавать', 'верить' и некоторые другие. Ср. еще:

Шишә тәки һәр нә дәјсә сынармыш...
'Подобно стеклу, оно (сердце) разбивается, что бы его ни коснулось...'
(Вәдади, 21).

Бир күн көзүмә көрүнду накаһ,
Чану дилими апарды һәмраһ
'Однажды она внезапно показалась перед моими очами
И унесла мою душу и сердце.
(Хәтаи, 12).

Среди медиальных глаголов значительно больше производных форм, образовавшихся при помощи продуктивных, отчасти непродуктивных аффиксов. Преобладание медиальных глаголов свидетельствует о неуклонном их развитии в азербайджанском языке. Приведем примеры этих глаголов: *гапанмаг* 'закрываться', 'закупориваться', 'затворяться', 'замыкаться'— от глагола *гапамаг* 'закрывать', 'затворять', 'закупоривать', 'замыкать'; *гычыгланмаг* 'раздражаться'— от *гычыгламаг* 'дразнить', 'раздражать'; *дузланмаг* 'просолиться'— от *дузламаг* 'солить'; *дығырланмаг* 'катиться' — от *дығырламаг* 'катить', 'выкатывать что-либо откуда-либо'; *килидләнмәк* 'запираться'— от *килидләмәк* 'запирать', 'замыкать'; *өјкәләнмәк* 'тереться'; 'мяться', 'комкаться'— от *өјкәләмәк* 'тереть'; 'мять', 'комкать'; *тамамланмаг* 'заканчиваться'— от *тамамламаг* 'дополнять', 'пополнять', 'довершать' и ряд других. Ср. еще:

Бир әв ки, белә көзәл олмаја,
О әв бәрбад олуб таланмаг кәрәк
'Дом, который не будет столь красивым,
Нужно разграбить и разрушить'.
(Вагиф, 58).

Сән салланыб габағымдан кедәндә...
'Когда ты грациозно проходишь мимо меня...'
(Вагиф, 40).

Через медиальное значение устанавливается связь между возвратным и страдательным залогами, признаваемая, кажется, всеми тюркологами.

Медиальное значение возвратной формы отмечается иногда в грамматической литературе по тюркским языкам [30], но понятие медиального значения формулируется и выдвигается лишь немногими специалистами [31]. В отдельных случаях медиальное значение возвратной формы рассматривается в качестве оттенка возвратного значения [32]. Медиальные глаголы имеются также среди страдательных и взаимно-совместных форм.

Медиальные глаголы были отграничены выше от собственно-возвратных глаголов. Их необходимо отграничить также от остальных непереходных глаголов, в состав которых они входят, и установить их отношение к глаголам переходным.

Медиальным глаголам противостоят глаголы, в которых действие направлено от действующего лица вовне, на какой-либо предмет. Они могут быть как переходными, так и непереходными. Например, в ряде тюркских языков глагол *башлан-* 'начинаться' с показателем возвратного залога противопоставляется исходной форме этого же глагола *башла-*, означающей «начинать» с управлением в дательном падеже. Обе формы глагола относятся к непереходным, однако в отношении медиальности они полярны и принадлежат к разным рядам. Медиальное и противоположные ему значения в ряде случаев не имеют в глаголах лексического или формального разграничения. К ним относится и приведенный глагол *башла-*, который в турецком еще и теперь может означать как «начинаться» (например, *yağmur başladı* 'начался дождь'), так и «начинать» (например, *o işe başladı* 'он принялся за работу'). Точно так же глагол *ачы-* в азербайджанском языке имеет медиальные значения «страдать», «испытывать огорчение, боль» и противоположные им значения «сожалеть», «сжалиться», «сочувствовать», «входить в чье-либо положение» с управлением в дательном падеже.

В других, более многочисленных, случаях сопряженный с медиальным глагол входит в состав переходных. Рассматривавшиеся в первом разделе глаголы с дифференцирующими показателями *-н-//-л-//-ш-* и *-т-//-р-//-дыр-* целиком относятся к этим случаям. Как указывалось, глаголы с первыми показате-

---

[30] А. Х. Фатыхов, *Категория залога в башкирском языке*, стр. 8, 9; С. А. Фердаус, *Категория залога в узбекском языке*, стр. 11.

[31] А. А. Азер, *Категория залога в современном азербайджанском языке*, стр. 10, 11. — Автор выделяет даже специальный «средне-непереходный залог» в форме *-н-*, к которому присоединяет глаголы, «имеющие отношение только к субъекту» (стр. 11); H. Jansky, *Lehrbuch der türkischen Sprache*, Leipzig, 1943. S 207. — Форму на *-н-* автор называет «Reflexsivum oder Medium».

[32] Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке*, стр. 11.

лями означают действия, направленные вовнутрь и не выходящие за сферу действующего лица, т. е. являются медиальными. Глаголы со вторыми показателями означают действия, направленные вовне, на предмет, и в этом смысле противоположны медиальным глаголам.

Из сказанного следует, что медиальные глаголы противоположны вообще всем глаголам, при которых возможно дополнение с грамматическим значением предметности. Таким образом, по своему объему медиальность уже непереходности, поскольку она входит в последнюю в качестве ее особой рубрики. Наоборот, значение, противоположное медиальности, шире категории переходности, поскольку последняя составляет в нем лишь особый отдел, хотя и весьма значительный.

В отличие от собственно возвратных глаголов на *-н-* образование медиальных глаголов в той же форме происходит свободнее, чем и объясняется их неуклонный рост. Однако медиальные значения глаголов с залоговым показателем *-н-* могут образоваться не от любых глаголов, а лишь от переходных. Этим устанавливается предел для процесса накопления глаголов с данным значением.

Таким образом, из двух значений возвратного залога,— не считая промежуточного возвратно-медиального значения,— собственно возвратное значение ограничено более частным лексико-семантическим условием, другое же, медиальное, ограничено более общим условием, имеющим как лексический, так и грамматический характер, если принять во внимание, что переходность, являющаяся условием образования медиальных глаголов, выражается, с одной стороны, в самом значении глагола, с другой стороны, в способности этого глагола иметь при себе прямое дополнение. Последнее придает медиальным глаголам грамматический характер, тогда как глаголы собственно возвратного значения сохраняют больше лексический, чем грамматический характер.

В азербайджанском языке почти не сохранилось (или не имело существенного развития) значение заинтересованности действующего лица в производимом им действии. К этому значению, возможно, восходят следующие глаголы: *бошанмаг* 'взять', 'получить развод'; 'развестись (о жене)'—от *бошамаг* 'дать жене развод'; *диләнмәк* 'просить милостыню'—от *диләмәк* 'просить', 'желать'; *јаранмаг* 'стараться угождать кому-либо'—от *јарамаг* 'годиться', 'быть пригодным'; *сығынмаг* 'искать убежища', 'прибегать к защите', 'прятаться', 'приютиться'—от *сығмаг* 'умещаться', 'вмещаться', 'помещаться'; *көлкәләнмәк* 'укрываться в тени', 'пользоваться тенью'—от *көлкәләмәк* 'покрывать тенью', 'затенить' и немногие другие глаголы.

Глаголов на *-н-* со значением совершения действия «для себя» весьма много в словаре В. В. Радлова, а также в туркменском языке. Из числа их могут быть приведены следующие примеры: *алынмак* 'взять', 'брать', 'получать', 'покупать для себя'; *атынмак* 'стелить для себя', 'набрасывать', 'накидывать на себя' (плащ, пальто и т. д.— второе значение собственно возвратное); *бакынмак* 'откармливать, пасти для себя'; *газынмак* 'рыть, копать для себя'; *гайнадынмак* 'кипятить для себя'; *гаранмак* 'оглядываться', 'осматриваться вокруг'; 'искать для себя'; *гетиринмек* 'проводить', 'приносить, приводить, привозить, доставить, таскать для себя'; *дөвүнмек* 'ломать, разбивать для себя'; 'молоть, толочь для себя'.

Это значение часто встречается в хакасском языке. Ср. *азымахтан-* 'захватывать что-либо для себя'— от *азымахта-* 'захватывать', 'заниматься захватом'; *идін-* 'делать что-либо для себя'— от *ит-* 'делать'; в турецком языке глагол *edinmek* также выражает действие, совершаемое «для себя», но означает «приобретать»; *хылын-* 'делать что-либо себе'; 'заниматься чем-либо для себя' и т. п., в турецком языке в том же значении *yapıntak* и т. д.

Из других значений возвратного залога в азербайджанском языке отметим следующие.

Значение «действовать про себя». Большинство глаголов с этим значением относится к подражательным, например: *мырылданмаг* 'ворчать про себя', 'брюзжать'; *мызылданмаг* 'говорить под нос', 'невнятно', 'бормотать', 'визжать'; *уфулданмаг* 'охать', 'вздыхать'; 'ныть'; *таггылданмаг* 'издавать стук', 'стучать'; *фырылданмаг* 'вращаться', 'кружиться', 'вертеться' и некоторые другие; ср. также *сөјләнмәк* 'говорить про себя', 'ворчать', 'брюзжать'; *дејинмәк* 'ворчать', 'брюзжать' — от *демәк* 'говорить'; 'называть'; 'означать', 'значить'.

Значение учащательности, или интенсивности. Как известно из предыдущего изложения (гл. I, II), учащательность, или интенсивность, является непременным значением почти всех аффиксов отыменного глаголообразования, когда они употребляются для производства глагола от глагола. Следы того же значения в некоторых глаголах с залоговым показателем *-н-* косвенно подтверждают первичные словообразовательные функции залогового показателя *-н-*. Примеры: *дырнагланмаг* 'ковыряться', 'царапаться ногтем'— от *дырнагламаг* 'ковырять', 'царапать ногтем'; *чырпынмаг* 'метаться', 'биться'; 'трепетать', 'трястись' — от *чырпмаг* 'ударять', 'бить с размаху'; 'вытряхивать', 'встряхивать', 'трясти', так же в турецком; *кәзынмәк* 'прохаживаться', 'расхаживать', 'разгуливать', 'прогуливаться'— от *кәзмәк* 'ходить'; 'гулять', 'прогуливаться',. 'разгули-

вать', 'расхаживать' и ряд других значений, так же в турецком; *бәркинмәк* 'упираться', 'упорствовать'; 'силиться', 'напрягать силы', 'бодриться'— от *бәрки-* 'окрепнуть'; 'упорствовать' (ср. *дедијинин үстүндә бәркијиб дурмушду* 'он упорствовал, стоял на своем'); 'затвердевать'; возможно, также *даданмаг* 'пристраститься к чему-либо', 'повадиться делать что-либо', 'приучаться к чему-либо', 'быть падким до чего-либо'— от *дадмаг* 'пробовать на вкус', 'отведать'.

Частной разновидностью значения интенсивности в форме на *-н-* является быстрота совершения действия, например, в значении глагола *учунмаг* 'промелькнуть', по Л. Будагову, «взлететь на воздух», «подняться» (I, 117). К количественно модифицирующему значению залогового показателя *-н-* относится также противоположное интенсивности значение ослабленности действия, которое выявляется в глаголе *тохунмаг* 'касаться', 'прикасаться', 'дотрагиваться'; 'затрагивать', 'задевать', в словаре Л. Будагова — «наткнуться», «удариться», «сшибить с ног» со ссылкой на чагатайский, татарский, азербайджанский (توجنمق I, 751).

Отсюда следует, что современные значения азерб. *тохунмаг* представляют количественно ослабленные значения, приводимые Л. Будаговым и отчасти представленные в узб. *тўқинмоқ* 'сталкиваться'; 'задевать', в татарском уже в переносном значении — «обижать», «оскорблять»; в турецком имеются все значения азербайджанского и татарского, но кроме того, еще «причинять головную боль»; «ударить в голову (о вине)».

Количественно модифицирующее значение формы на *-н-* в отдельных случаях сохранилось также в других языках. Ср., например, в словаре В. В. Радлова *ітін-* (кирг., казах.) 'давить вперед'; 'рваться вперед' (I, 1503) — от *ит-* 'толкать'; кирг. *итен-* 'ерзать, подаваясь то вперед, то назад' — от *ите-* 'толкать', который, однако, не сохранился в киргизском языке; *чӓвірін-* 'бегать кругом', 'бегать туда и сюда (чтобы отыскать)' (III, 2000) — от глагола *чӓвір-* (осм.) 'вращать'; 'поворачивать'; 'окружать'; *ашан-* 'наесться' (I, 590)—от *аша-* (тобол., каракирг., осм.) 'есть'; в туркменском—*геринмек* 'потягиваться', 'зевать (потягиваясь)'—от *гермек* 'натягивать' так же в турецком; тур. *ağıl-/|ağın-* 'валяться на спине', 'барахтаться на земле'—от *ağmak* 'подниматься вверх', 'вздыматься', 'подыматься'; в киргизском *түкүрүн-* 'отплевываться', 'сплевывать', 'плеваться'—от *түкүр-* 'плевать'; в татарском *акырын-* 'орать', 'громко кричать (на кого-либо)'—от *акыр-* 'орать', 'реветь', 'вопить', 'горланить'; 'рыкать', 'рычать', 'выть'; 'шуметь'.

Значение начала действия, стремления начать

действие, совершить действие. Этим значением объединяется относительно небольшая группа глаголов, к которым относятся: *ĭстăн-* 'начать пахнуть', 'начинать гнить'; 'испортиться' (Радл., Сл., I, 1533) — от *ĭстă-* 'пахнуть'; казах. *жұтын-* 'иметь (проявлять) сильную охоту съесть что-либо'— от *жұт-* 'глотать'; кирг. *оорун-* 'почувствовать боль'— от *ору-* 'болеть', 'хворать' (о людях). В азербайджанском языке глаголы с рассматриваемым значением редки, нам встретился лишь глагол *чалынмаг* 'загудеть'— от *чалмаг,* среди разнообразных значений которого имеются также «свистеть»; «гудеть».

Все приведенные глаголы со значениями заинтересованности субъекта в действии, интенсивности или частоты действия, начала действия, стремления к действию немногочисленны и в современном азербайджанском языке не воспроизводятся.

Отмеченные значения возвратного залога и сказанное ранее о древнем синкретизме категорий переходности и непереходности позволяют по-иному взглянуть на изменившиеся значения некоторых глаголов, снабженных залоговым аффиксом *-н-*. В последних исследованиях, посвященных залогам, эти случаи обычно относят к явлениям лексикализации, однако к лексикализации они отношения не имеют, так как среди медиальных глаголов — единственных, которые обладают грамматическим значением,— нельзя найти лексикализованных, т. е. глаголов с показателем *-н-,* потерявших медиальное значение и отпавших, таким образом, от медиальных глаголов. Изменение первоначального значения глагола объясняется главным образом перечисленными выше неграмматическими значениями возвратного залога, тяготеющими к словообразовательным, или же комплексностью древних значений и недифференцированностью переходности-непереходности. Влиянием различных значений возвратного залога объясняется изменившаяся семантика глаголов *бəркинмək, даданмаг, тохунмаг* (от **тох-* 'поколотить', 'оттузить', Буд., I, 751), *учунмаг, чалынмаг, јаранмаг,* приводившихся выше; комплексной или каузативной связью значений — семантика глаголов *салланмаг* 'висеть', 'повиснуть'— при исходном *салламаг* 'опускать вниз', 'спускать'; *севинмək* 'радоваться'— при исходном *севмək* 'любить', 'влюбляться'; *тəпинмək* 'пригрозить', 'накричать на кого-либо'— от глагола *тəпмək* с исходным значением «лягать», «брыкаться», не сохранившимся, однако, в азербайджанском языке, но известным в турецком, казахском, татарском и других языках; *буланмаг* 'мутнеть', 'становиться мутным, тусклым'; 'становиться пасмурным, хмурым' (метафорическое значение) — от глагола *буламаг,* среди значений которого имеются «мешать», «смешивать», «разбалтывать».

В остальных случаях изменившиеся значения глаголов в форме на *-н-* объясняются тем, что в этой форме закрепились не все, а отдельные значения исходного глагола, в некоторых случаях отпавшие от него в дальнейшем развитии. К таким глаголам относятся *гачынмаг* 'избегать', 'уклоняться', 'воздержаться'— от глагола *гачмаг*, среди значений которого имеется также «уклоняться»; *чəкинмəк* 'стесняться', 'сторониться', 'воздержаться'— от глагола *чəкмəк*, среди значений которого нет, однако, «стесняться». Но мы можем для глагола *чəкмəк* допустить исторически то же состояние недифференцированности медиальных и противоположных значений, как и в других глаголах. При этом допущении глагол *чəкмəк* исторически мог означать как «тянуть», так и *«тянуться»; «оттягиваться». Дальнейшим развитием второго значения является «удалиться» в турецком языке, чем подтверждается сделанное допущение. Принципиально так же объясняется значение глагола *jajынмаг* 'отвлекаться'; 'улизнуть', 'удрать'— от *jajмаг*, среди значений которого нельзя найти близких к приведенным. Однако исторически такие значения в глаголе *jajмаг* существовали и сохранились в некоторых древнейших памятниках; ср. в сутре «Золотой блеск»: *улуғ jiil kälin köl сувын тоқып jаймыс тäг jоқару қоды jajылты jайқалты...* 'поднялся сильный ветер, [от которого] вода озера забушевала, как бы разлилась, вверх и вниз распространилась и забурлила...' (Малов, Пам., 176, 183) — досл. '...поднялся сильный ветер, словно ударил и разогнал воду в озере...' Причинная связь значений «разогнать» и «удрать» едва ли может быть подвергнута сомнению. Таким образом, в форме *jajын-* сохранилось одно из древних значений глагола *jaj-* — «разогнать»>«удрать» и метафорическое значение «отвлекаться».

Закрепление отдельных значений в возвратной форме прослеживается и в других языках: ср., например, в тур. *kalınmak* 'оставаться', 'останавливаться'— от глагола *kalmak*, среди значений которого также имеется основное «оставаться» и значение «останавливаться»; в казах. *тығын-* 'прятать' (по-видимому, «прятать для себя») при том же значении «прятать», а также «втыкать», «всовывать» основного глагола *тық-*.

Наконец, в изменении первоначального значения исходного глагола, принявшего возвратную форму, играют роль также метафоризация и обобщение значения. При этом безразлично, подвергся ли метафоризации исходный глагол или его возвратная форма. Элементы метафоризации и обобщения несомненны в возвратных формах глаголов *гачынмаг* 'воздерживаться от чего-либо', *даданмаг* — во всех значениях, *тохунмаг* 'затрагивать', 'задевать', *чекинмəк* 'стесняться', 'сторониться', 'воздержаться', в основе которых лежит значение «отступать», «пя-

титься», имеющееся и в исходном глаголе *чəкмəк* (Буд., I, 482); *jajынмаг* 'отвлекаться'.

Суммируя все сказанное относительно семантики возвратного залога, можно в качестве главных значений выделить медиальное и собственно возвратное. Первое из них тяготеет к грамматике, второе — к лексике. Оба значения продуктивны, но воспроизводство их связано с лексико-семантическими или лексико-грамматическими условиями, чем ограничивается образование вторичных глаголов с показателем *-н-*.

В азербайджанском языке ряд медиальных глаголов образовался также от непереходных глаголов, в том числе и подражательных. Однако эти глаголы в исходной форме сами являются медиальными, и показатель *-н-* сообщает им не медиальные или возвратные, а количественно модифицирующие или другие непродуктивные значения. Поэтому для современного состояния азербайджанского языка сохраняются условия образования медиальных глаголов, о которых говорилось выше.

К возвратным формам, образованным от непереходных глаголов, относятся: *ачынмаг, бəркинмək, гачынмаг, сығынмаг, кəзинмək, учунмаг, тəпинмək,* подражательные *мырылданмаг, гымылданмаг, фырылданмаг* и немногие другие. За исключением подражательных форм, среди этих глаголов нет производных; все они корневые, и, следовательно, возвратные формы на *-н-* от них произошли весьма давно.

* * *

Для суждения о динамике развития возвратного и других залогов азербайджанского языка необходимо сравнить современное их состояние с древнейшим, отразившимся в памятниках азербайджанского и других тюркских языков, а также с показаниями азербайджанских диалектов. В рамках задач данной книги не представляется возможным заняться этой важной темой из истории азербайджанского глагола, но целесообразно сопоставить возвратный и другие залоги азербайджанского языка с теми же категориями в словаре Махмуда Кашгарского, поскольку этот памятник наиболее точно и полно зафиксировал грамматику и в значительной мере словарь ряда современных ему тюркских языков, в том числе и огузских. Такое сопоставление не может заменить исторического исследования в области азербайджанского залога, но оно поможет читателю представить эту глагольную категорию на определенном историческом фоне, создаваемом материалами Махмуда Кашгарского, и позволит сделать некоторые заключения общего характера, по-

скольку исследуемые здесь формы глаголообразующих и залоговых аффиксов являются едиными для всех тюркских языков.

О возвратном залоге и его значениях Махмуд Кашгарский говорит в различных частях «Дивана» (M. Kāşgarī, I, 22, 198—206; II, 140—160; 237—254; III, 82—86, 108—111, 190—191). Он выделяет четыре значения показателя *-ы-*: 1) кажущееся выполнение действия; 2) самостоятельное выполнение действия без помощи другого лица; 3) страдательное значение; 4) сохранение исходного значения. Для значения кажущегося выполнения действия приводятся примеры: *ol ewge barındı* 'он словно пошел домой', *ol aş tatındi* 'он словно попробовал пищу' (M. Kāşgarī, II, 158). О втором значении Махмуд Кашгарский говорит так: «Самостоятельное выполнение лицом какого-либо действия без помощи другого, как, например, *er alımın alındı* 'человек сам (без помощи другого) получил, что ему следовало', *ol tarığ tarındı* 'он для себя сам посеял зерно'. При этом значении в предложении появляется слово *öz-özinğe, özi* 'сам себе', 'сам'... Когда действие кажется совершенным, хотя в действительности оно не производилось, слово *öz* не произносится» (M. Kāşgarī, II, 158, 159). О третьем и четвертом значениях Махмуд Кашгарский пишет: «В-третьих: объединение отделов о буквах ڭ и ڽ и превращение ڭ в ڽ: говорят как *bitik bitildi*, так и *bitik bitindi*, оба выражают одно и то же значение „книга была написана"... В-четвертых: самостоятельное слово, не выражающее ни одно из приведенных значений и означающее то же, что и до присоединения буквы ڽ...» (M. Kāşgarī, II, 160). Как видно из объяснений Махмуда Кашгарского, второе значение—«выполнение действия в интересах действующего лица», широко известное в ряде современных языков. Примеры, приводимые в «Диване», отличаются от примеров из современных языков, можно сказать, только тем, что при возвратном глаголе употребляется возвратное местоимение *öz* 'сам', уточняющее значение глагола. Судя по некоторым примерам, Махмуд Кашгарский второе значение возвратной формы понимал несколько шире, включая сюда всякие действия, относящиеся к действующему лицу. Разъясняя второе значение, он писал: «Оно подобно тюркскому [выражению] *işka bakın*, которое означает „занимайся своим делом", „смотри, чем дело кончится". К этому же роду относится предложение *suwqa kirin*, которое означает „искупайся"» (M. Kāşgarī, II, 160).

Что касается четвертого значения, то автор о нем говорит мало, и по имеющимся примерам трудно судить о его содержании.

Итак, из четырех значений, описанных в словаре Махмуда Кашгарского, страдательное значение сохранилось и в современ-

ном азербайджанском языке. Сохранилось также значение действия, совершаемого для или в виду действующего лица, однако оно не обнаруживает в азербайджанском языке такой продуктивности, какая была в языках, изучавшихся Махмудом Кашгарским, и наблюдается в некоторых современных языках.

Азербайджанскому, как и многим другим современным языкам, не знакомо значение кажущегося действия, названное автором «Дивана» первым среди остальных. Оно принадлежит, по-видимому, истории тюркских языков[33].

Но Махмуд Кашгарский не называет значения учащательности, или интенсивности, значения, выражающего стремление совершить действие, не называет и таких значений, в которых современный лингвист узнал бы медиальное значение формы на *-н-*. Для медиального значения Махмуд Кашгарский приводит специальный аффикс *-лын-*...[34]. «В этом языке говорится: *er tügün yazdı*, которое значит „человек развязал узел". Если прибавить к глаголу букву ڽ, то тогда говорится *tügün yazındı*, означающее „узел развязался". Благодаря ڽ этот глагол стал непереходным. Прибавляя к глаголу букву ڶ, говорят *tügün yazıldı*, что означает „узел был развязан"; если же прибавить буквы ڶ и ڽ, то слово превратится в *yazlındı*, которое означает, что [узел] развязался сам собой. Говорится также *er topık yuwdı*, что значит „человек покатил мяч"; затем говорят *topık yuwuldı* 'мяч покатили', здесь глагол страдательный (*mechul*), и мяч катится, потому что его покатил кто-то другой. Если мяч покатится сам, то, добавив к глаголу букву ڽ, говорят *yuwlundı*» (M. Kāşgarī, 111, 112). Приведенная цитата не оставляет сомнения в том, что Махмуд Кашгарский ясно различал страдательное и медиальное значения в глаголах. Поэтому его указание на специальную медиальную форму *-лын-* заслуживает полного доверия. В различных местах словаря рассеяны многие примеры на форму *-лын-*. Ср., в частности, *kapuğ açlındı* 'дверь открылась' (M. Kāşgarī, I, 256); *boglundı* 'он захлебнулся' (M. Kāşgarī, II, 239); *bükülündi* 'он согнулся' (там же); *tuplundı* 'он продырявился' (M. Kāşgarī, II, 242); *tıdhlındı* 'он уклонился' (там же); *ťürlündi* 'он согнулся, свернулся' (M. Kāşgarī, II,

[33] О подражательном значении показателя *-н-* см.: C. Brockelmann, *Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens*, Leiden, 1954, S. 202—204; M. Räsänän, *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen*, Helsinki, 1957, S. 162; С. Муталлибов, *XI аср ёзма ёдгорликларида феъл категорияси*, Тошкент, 1955, б. 70, 71.

[34] Аффикс *-лын-* упоминался К. Брокельманом в его известном реферате о словаре Махмуда Кашгарского (C. Brockelmann, *Mahmud al-Kāsgarī's Darstellung des türkischen Verbalbaus*, — «Keleti Szemle», t. XVIII, 1—3 szam, Budapest, 1918—1919, S. 47).

243); *tüzlündi* 'он исправился' (там же); *tizlindi* 'они нанизались (о бусах и др.)' (там же); *töklündi* 'он пролился' (M. Kāşgarī, II, 244). Показатель *-лын-*, представляющий сращение аффикса страдательного залога *-л-* и показателя возвратного залога *-н-* в его медиальном значении, сохранился и в некоторых современных языках. Он встречается, например, в словаре В. В. Радлова: *асылын-* 'висеть' (I, 541) со ссылкой на татарский язык, что подтверждается современными данными; в кирг. *аталын-* 'называться', 'именоваться'—от *ата-* 'называть по имени', *делин-* 'выговариваться'; 'именоваться'; 'называться'; 'быть произносимым'—от *де-* 'сказать', 'молвить'; в якут. *батылын-* 'погружаться', 'вязнуть'—от *бат-* с теми же значениями; *биэрилин-* 'отдаваться', 'сдаваться', 'передаваться'—от *биэр-* 'давать', 'отдавать'; *ороюлун-* 'подозреваться'—от *орой-* 'подозревать'; *сыһытылын-* 'обуздаться', 'укрощаться', 'усмиряться'—от *сыһыт-* 'обуздать', 'укрощать', 'усмирять'.

Другой разновидностью аффикса *-лын-* является показатель *-лан-*, который иногда встречается в приглагольном употреблении. Ср., например, *sävlän-* 'радоваться', 'просветляться (о лице)' (Малов, Пам., 421 — со ссылкой на «Кутадгу билиг») вместо обычного *севин-*, а также в современном чувашском, например *путлан-* 'завязнуть', 'застрять'; 'сгнить'; 'задохнуться' — от *пут-* 'тонуть'; 'вязнуть', 'погружаться'; 'ввалиться', 'утопать', 'впадать (о глазах)'. Впрочем, в последнем примере, возможно, *-лан-* представляет вариант *-лын-*.

Появление аффикса *-лын-* в качестве специального показателя для медиальных глаголов можно объяснить разделением медиального и пассивного значений, существовавших в слитном виде в древнем медиопассиве с показателем *-л-*, и выработкой современного страдательного значения. По мере уточнения страдательного значения и формирования страдательной конструкции показатель *-лын-* постепенно терял свое значение и начал выходить из употребления, с чем связан процесс перерождения семантики этой формы. Примеры можно найти в некоторых языках. Перерождение значений формы *-лын-* выражается в том, что последняя также становится выразителем страдательного значения. Ср., например, в якут. *хабылын-* 'быть пойманным, схваченным, выловленным (например, о рыбе)'— от *хап-* 'хватать', 'ловить', 'поймать', 'ухватывать'; *хорулун-* 'быть вырытым'— от *хор-* 'рыть', 'вырыть канаву'; *тигилин-* 'быть сшитым'— от *тик-* 'сшить'; ср. также в кирг. *делин-* (от *де-* 'молвить'), который означает «выговариваться»; «именоваться», «называться» и «быть произносимым».

Процесс отграничения медиального и выработки страдательного значений в языках тюркской семьи в целом завершается

в новейшее время. Из практики лингвистической работы на местах хорошо известно, что для некоторых языков пассивный оборот пришлось создавать самим литераторам, переводчикам и лингвистам по образцу других тюркских языков, так как в ряде бесписьменных, отчасти младописьменных языков ко времени Октябрьской революции страдательная конструкция окончательно еще не сложилась.

О том, что аффикс *-лын-* связан с процессом отграничения медиального значения от других значений залоговых форм, свидетельствуют аналогичные явления и в области взаимно-совместного залога. Ср. медиальный аффикс *-лыш-* в цитированных примерах из «Дивана» Махмуда Кашгарского: *kapuğlar açlışdı* 'двери открылись' (M. Kāşgarī, I, 239), *üzlüşdi neng* 'вещь износилась, изорвалась' (M. Kāşgarī, I, 240)—глаголы с аффиксами *-лыш-* имеют медиальные значения.

Вместе с тем было бы ошибочным обобщать процесс формального обособления медиального значения для всех тюркских языков. Выделение медиального значения во всех трех залогах — возвратном, страдательном и взаимно-совместном — имеет всеобщий характер (во взаимно-совместном залоге медиальные значения в новейшее время воспроизводятся редко) и наблюдается в большинстве тюркских языков. Однако формальное обособление медиального значения наблюдается лишь в некоторых древних языках, изучавшихся Махмудом Кашгарским, и в отдельных современных языках, упоминавшихся выше, при этом в них новые глаголы на *-лын-* уже не создаются. Языки юго-западной группы, как и многие другие, остались в стороне от процесса формального выделения медиальных глаголов, и последние передаются в этих языках обычно в форме возвратного, страдательного и взаимно-совместного залогов. То же наблюдается и в некоторых древнейших тюркских языках, о чем можно судить по глоссарию, приложенному к «Памятникам древнетюркской письменности» С. Е. Малова. В книге С. Е. Малова приведены медиальные глаголы в форме возвратного залога: *bošun-* 'освобождаться' (Малов, Пам., 373 — со ссылкой на Chuastuanift), *körün-* 'показаться' (396 — со ссылкой на словарь Махмуда Кашгарского и «Кутадгу билиг»), *atan-* 'называться' (361), *bilin-* 'сознаваться', 'признаваться' (371 — со ссылкой на сутру «Золотой блеск», «Кутадгу билиг» и словарь Махмуда Кашгарского), *bolun-//bolul-* 'оказываться', 'случаться' (373 — со ссылкой на «Кутадгу билиг»), *čövrün-* 'вращаться' (376 — со ссылкой на «Кутадгу билиг»), *ilin-* 'привязываться', 'прилепляться' (380 — со ссылкой на «Кутадгу билиг», сутру «Золотой блеск» и т. д.), *itin-* 'рваться вперед' (382 — со ссылкой на «Кутадгу билиг»), *jastan-* 'растянуться', 'распра-

виться', 'расправить ноги' (386 — со ссылкой на «Кутадгу билиг»), *jükün-* 'кланяться (покориться)' (390 — со ссылкой на «Памятник в честь Тоньюкука», словарь Махмуда Кашгарского и «Золотой блеск»), *qylyn-* 'делаться' (416 — со ссылкой на Памятник в честь Кюль-Тегина, «Золотой блеск» и «Кутадгу билиг») и др. Значительное число медиальных глаголов в форме возвратного залога приведено в словаре Махмуда Кашгарского, притом несравненно больше, чем в форме *-лын-*, откуда справедливо заключить, что и в тех языках, где сложилась форма *-лын-*, она не получила такого распространения, как форма возвратного или страдательного залогов, и в конце концов была вытеснена ими.

Интересно, что в другом средневековом памятнике, более позднем, чем «Диван» Махмуда Кашгарского, медиальные значения весьма последовательно переданы в форме возвратного залога, что показывают следующие примеры: *kanandı* 'он окровавился' (Ettuhfet., Dizin, 10), *yırındı* 'он оборвался' (там же, 11), *sındı* 'он сломался' (там же), *kertindi* 'он зазубрился (о предмете)' (там же), *ayrındı* 'он отделился', *ilindi* 'он спутался' (там же), *silkindi* 'он отряхнулся' (там же), *ırgandı* 'он раскачался' (там же), *kesindi* 'он прекратился', 'перестал' (там же) и др.

Медиальное значение является единственным среди значений возвратного залога, как правило, не допускающим прямого дополнения. При остальных значениях возвратного залога глаголы исторически могли управлять прямым дополнением, что можно видеть из примеров Махмуда Кашгарского: *ol tonın künge yadhındı* 'он выставил одежду на солнце' (M. Kāşgarī, III, 83); *ol közden yaş silindi* 'он вытер слезы на глазах' (M. Kāşgarī, III, 83); *er kurın yazındı* 'человек развязал пояс' (M. Kāşgarī, III, 84); *er atın tepindi* 'человек пришпорил коня' (M. Kāşgarī, II, 140); *ol erig̃ basındı* 'он счел человека слабым, напал, одолел' (M. Kāşgarī, II, 142); *ol saçın tarandı* 'он расчесал свои волосы' (M. Kāşgarī, II, 145); *ol özinğe töşek töşendi* 'он разостлал себе тюфяк' (M. Kāşgarī, II, 147); ср. также в других древнетюркских памятниках: *алтун äliг кäшiг бäлiмтä бантым* 'пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками (букв. 'золотых пятьдесят поясов!') я повязал на своей пояснице' (С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, 17). В отдельных случаях можно наблюдать прямое дополнение даже при медиальном глаголе: *jirči, jir* (при современном употреблении здесь был бы дательный падеж), *jaŋylyp boγuzlanty* 'местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот' (там же, 62). Несомненно, это наследие древней эпохи, в которую наблюдалось более свободное употребление прямого дополнения.

Употребление прямого дополнения при глаголах с показателем *-н-* для ряда современных языков более ограниченно, чем в эпоху Махмуда Кашгарского или раньше этого, но в принципе возможно. В языках юго-западной группы, в том числе и в азербайджанском, употребление прямого дополнения неуклонно сокращается. Особенно это заметно в литературных языках, хотя в них и тем более в диалектах можно встретить обороты с прямым дополнением типа *бир дәс оғлан палтары[ы] кејинди...* 'надела мужскую одежду...' (Муғ. гр. шив., 226).

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Показатель страдательного залога *-ыл-, -ил-, -ул-, -үл-* Г. Рамстедт считал сравнительно новым, так как в чувашском языке его нет [35] (что, кстати, не совсем точно). Другой формой страдательного залога, в первую очередь в языках юго-западной группы, является аффикс возвратного залога *-н-*, если глагольная основа оканчивается на гласный или *л*, иногда *р*. То же наблюдается в значительной мере в татарском, башкирском, кумыкском и других языках, но не распространяется, например, на отдельные древние языки, а из современных — на казахский, киргизский и другие, в которых страдательная форма на *-л-* возможна и от основ, оканчивающихся на гласный. Ср., например, в кирг. *жел-* 'быть съедаемым' — от *же-* 'есть', *желимдел-* 'быть смазываемым клеем', 'быть склеиваемым' — от *желимде-* 'смазывать клеем', 'клеить', *дел-* 'быть сказанным' — от *де-* 'сказать' и т. п. В древних языках форма на *-л-* была возможна также от глаголов, оканчивающихся на *-л*. Ср., например, у Махмуда Кашгарского: *er agırlaldı* 'человека угостили', *at bagışlaldī* 'лошадь была подарена' (M. Kāşgarī, III, 344), в глоссарии С. Е. Малова: *bolul-* 'оказываться', 'случаться' (373 — со ссылкой на «Кутадгу билиг»). Однако и в древних языках при основах с конечным *-л* страдательная форма, как правило, имела показатель *-н-*.

Глагольные основы, оканчивающиеся на гласный, имеют и другую форму страдательного залога — *-ныл-*, представляющую сращение показателей возвратного залога на *-н-* и страдательного на *-л-*. Форма *-ныл-* соотносительна по своей роли с рассматривавшимся в предыдущем разделе аффиксом *-лын-*. Если последний в некоторых древних и современных языках служил для отграничения медиального значения в возвратном залоге, то аффикс *-ныл-* употреблялся для отграничения страдательного значения возвратной формы от медиального. Вместе с тем эти

[35] G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, § 81.

формы различаются между собой, помимо своего значения, еще и тем, что форма *-лын-*, зародившись в эпоху средневековья, с течением времени стала излишней в обслуживаемых ею языках, поскольку в них развилась страдательная конструкция. Наоборот, форма *-ныл-*, сложившаяся позднее первой, получила особое развитие в новейшее время и не обнаруживает тенденций к деградации, поскольку форма на *-н-* при глагольных основах с гласным на конце почти всегда грамматически двузначна, так как она имеет одновременно как страдательное, так и медиальное или собственно возвратное значения, разграничение которых не всегда возможно путем применения страдательной конструкции. Так, например, залоговая форма глагола *сахланмаг* означает, с одной стороны, «быть сохраняемым», с другой — «сохраняться»; форма *сөјләнмәк* означает как «быть сказанным», так и «говорить про себя»; форма *ишләнмәк* означает «быть употребляемым» и «употребляться»; форма *топланмаг* означает «быть собранным» и «собираться». Большая распространенность такой двойственности значений объясняет, почему для страдательных значений приведенных и других глаголов с конечным гласным нормативными все более становятся формы *сахланылмаг, сөјләнилмәк, ишләнилмәк, топланылмаг* и т. п., образованные аффиксом *-ныл-*.

Наглядным свидетельством расхождения медиального и страдательного значений является образование страдательного значения от непереходных глаголов, на что специально указывал Г. Рамстедт, конкретно имея в виду монгольский язык, о чем говорилось раньше. Возможность образования страдательного значения от непереходных глаголов тем шире, чем полнее завершился процесс обособления страдательного и медиального значений. Необходимо подчеркнуть при этом, что имеется в виду именно страдательное, а не безличное значение, которое во всех огузских и в ряде кыпчакских языков образуется от любых глаголов, имеющих непереходное значение. Страдательное значение в азербайджанском языке образуется от таких непереходных глаголов, как *инанмаг* 'верить' — *инанылмаг* 'вызывать доверие', например, *инанылмыш адам* 'человек, заслуживший доверие', 'надежный человек'; так же в турецком, узбекском *(ишонилмоқ)*; *чуммаг* 'нырнуть', 'погрузиться', 'окунуться'— *чумулмаг* 'быть погруженным'; *јанашмаг* 'подойти вплотную'; 'причалить к берегу'; 'обращаться к кому-нибудь'; 'общаться', 'дружить с кем-нибудь'— *јанашылмаз* 'недоступный', 'неприступный'; *олмаг* 'быть'— *олунмаг* страдательная форма составных глаголов с *етмәк,* наряду с которой употребляется также *едилмәк,* и другие глаголы.

Страдательное значение образуется главным образом от непереходных глаголов, которые могут иметь при себе косвенное

дополнение. Отсюда в азербайджанском, турецком и других языках страдательные глаголы противопоставляются не только переходным, но и более широкому кругу глаголов. В названных языках страдательные глаголы, как и медиальные, соотносительны с глаголами, способными иметь прямое или косвенное дополнение, и, следовательно, содержание действительного оборота, соотносительного со страдательным, по крайней мере в некоторых огузских языках не тождественно содержанию того же оборота в индоевропейских языках. Оно шире, чем в них, на основании чего следовало бы, возможно, пересмотреть значение категории переходности в тюркских языках.

Помимо своего показателя, страдательный глагол характеризуется также особой конструкцией, главную черту которой составляет оформление посредством послелогов *тәрәфиндән~tarafından* (в азербайджанском, турецком и других огузских языках) или *томонидан, арқалы* и др. (в турецком еще формантом *-ca*) косвенного дополнения, указывающего на фактический источник действия, если таковым является человек или какое-либо объединение людей, а также оформление косвенного дополнения послелогами *илә~ile~блан~менен* и т. п., если оно означает не человека.

Исторически страдательный залог обозначал действие, навязываемое пассивному грамматическому субъекту внутренним (имманентным) или внешним источником, первоначально — физическим лицом. Таково содержание тюркского медиопассива, насколько можно судить о нем по материалу древнейших памятников тюркской письменности. Здесь нет еще строгого разграничения действия, по выражению Махмуда Кашгарского, совершающегося «само собой», и действия, навязываемого извне. Бóльшая часть страдательных форм в енисейско-орхонских и наиболее древних уйгурских памятниках имеет медио-пассивное значение, которое сохранялось в некоторых тюркских языках и в более позднее время. В древности, а в некоторых языках даже еще в XIX в., не существовало противопоставления страдательного оборота действительному. Была лишь соотносительная связь актив-пассив, отражение которой мы видели в глаголообразовании. Развитие соотносительной связи между действительным оборотом и страдательным относится к новому времени.

Необходимым условием развития современных значений страдательного залога было разделение в тюркском медиопассиве медиального и пассивного значений. Из пассивного значения, т. е. значения действия, навязываемого грамматическому субъекту извне, выработались современные значения — безличное и страдательное, начальные формы которого можно усмотреть в оборотах типа *она севилмәк* 'быть любимым им

(ею)', например: *Ах, Сара! Билирсəнми нə көзəлдир, дүнjада сəнин кими бир көзəли севмək вə она севилмək* 'Ах, Сара! Знаешь, как хорошо на свете любить такую красавицу, как ты, и быть любимым ею!' (С. Ҹаббарлы, II, 46); или же в выражениях типа тур. *düşman bize yenildi* 'враг был побежден нами' (букв. 'враг победился нам'), *ben ona soyulur mıyım?* 'разве я позволю ему ободрать себя?' букв. 'буду ли я ободран ему?' (В. Гордлевский, *Грамматика турецкого языка*, стр. 66), *o yağmura tutüldü* 'он был застигнут дождем', в которых источник действия, навязываемого грамматическому субъекту, исторически—физическому лицу, оформлен в дательном падеже. Эта форма была принята в некоторых тюркских языках, например в казахском и киргизском, еще в конце XIX в. и получила отражение в авторитетных научных описаниях того времени [36].

Выявление безличного и страдательного значений зависит от грамматического состава предложения. Если в предложении и окружающем контексте подлежащее не названо или оно невозможно, то глагол выступает в безличном значении; если в предложении или окружающем контексте подлежащее названо, то глагол на *-л-* выступает в страдательном или медиальном значении. Различение страдательного и медиального значений глагола зависит от возможности включить в предложение косвенное дополнение с указанными выше послелогами. Если такое дополнение возможно, то глагол имеет страдательное значение; в противном случае форма *-л-* (или *-н-*) должна рассматриваться как медиальная. Так, например, глагол *сөjləнмək* 'говориться' и 'быть сказанным' имеет безличное значение в предложении *сөhбəтдə бир чох мүһүмм мəсələlər һаггында сөjləнди* 'на беседе говорилось о многих серьезных вопросах' и страдательное значение в предложении *сөhбəтдə бир чох сəмими сөзлəр сөјләнди* 'на беседе было сказано много искренних слов'. Форма *сөјләнмәк* образована от переходного глагола *сөјләмәк* 'говорить', который, таким образом, может принимать как страдательное, так и безличное значение, хотя последнее в научной литературе принято считать возможным лишь от непереходных глаголов.

Современное страдательное значение форм на *-л-* и *-н-* выражает в азербайджанском языке действие, навязываемое грамматическому субъекту извне, но грамматически оно представляется совершающимся само собой. И так как косвенное дополнение с послелогом, указывающее на источник навязываемого действия, содержится в страдательном предложении далеко не всег-

[36] П. М. Мелиоранский, *Краткая грамматика казак-киргизского языка*, ч. 2. *Синтаксис*, СПб., 1897, стр. 29. — Примечание: «логическое подлежащее ставится при страдательном залоге в дательном падеже».

да, то отсутствие его в количественно большем числе случаев усиливает значение грамматической независимости действия при страдательном значении рассматриваемых форм, сближая его, таким образом, с медиальным значением. В памятниках азербайджанского языка эта черта выступает яснее, что объясняется, естественно, недостаточной развитостью страдательного оборота. Ср., например:

Бир кимсə тапылмаз гапындан кирə...

'Не найдется никого, кто вошел бы в дверь...'
(Вəдади, 73).

Еј, Фүзули, аһ əкəр, сəндəн сорулса бу һесаб!

'Послушай, Фузули, что если с тебя
спросят отчет об этом!'
(Фүзули, I, 48).

И в современном литературном языке, а также в диалектах чаще всего сохраняется этот характер действия, грамматически совершающегося «само собой». Ср., например, *Емма бырда јазылыб ки, бы өјдə он дəнə адам јатыјыр* 'Но здесь написано, что в этом доме живет десять человек' (Муг. гр. шив., 228).

Следовательно, собственно страдательное значение залоговой формы на *-л-* по своему типу относится к грамматическим и в этом смысле отграничивается от различных словообразовательных значений глагола. Что касается условий образования страдательного значения, то в азербайджанском языке нет препятствий для его образования в форме на *-л-* или *-н-* от всех глаголов, могущих иметь при себе дополнение с предметным значением, благодаря чему названные формы распространены среди большинства азербайджанских глаголов. Таким образом, формы на *-л-* и *-н-* в собственно страдательном значении относятся к словоизменительным (грамматическим) формам азербайджанского языка.

Во всех остальных глаголах, не могущих иметь при себе дополнения, страдательный залог имеет безличное значение. Весьма показательно в этой связи мнение о страдательном залоге, высказанное П. М. Мелиоранским: «...страдательный залог употребляется, вообще говоря, нечасто и преимущественно в тех случаях, когда говорящий не знает и даже не имеет никаких предположений относительно того, кто совершил действие, о котором идет речь» [37]. Заключение П. М. Мелиоранского не остав-

[37] П. М. Мелиоранский, *Краткая грамматика казак-киргизского языка*, ч. 2, стр. 29.

ляет сомнений в том, что собственно страдательное и безличное значения формы на *-л-* четко не разделились в некоторых тюркских языках еще в конце XIX в. Процесс дифференциации этих значений необычайно усилился во всех тюркских языках в послеоктябрьское время, что целиком связано с бурным развитием письменных литературных языков.

В азербайджанском языке безличные значения образуются от любых непереходных глаголов, но также и от переходных. Для современного азербайджанского языка весьма типично, в частности, образование безличного значения от медиальных глаголов, в том числе от новейших разрядов производных глаголов. Ср., например, *...бир нечә мисал верилмәклә кифајәтләнилмишдир* '...ограничились несколькими примерами' (Муғ. гр. шив., 244 — из пояснительного текста); *Мәсләһәт олыныб ки, биз бырда кәнд олдығ вә бизин кәндимизин адыны*ᵘ *гојыблар Јолчы бәј ли кәнди* 'Было решено, что мы станем деревней, и нашу деревню назвали Ёлчи-бейли' (там же, стр. 252 — из диалектального текста).

Столь же свободно образуются безличные глаголы также в остальных огузских и некоторых других языках. Ср., например, тур. *acıkılmak* 'проголодаться' (безлично) — от медиального глагола *acıkmak* 'быть голодным', 'проголодаться'; *doyulmak* 'насыщаться', 'наедаться досыта' (безлично) — от медиального глагола *doymak* в том же значении; *dönülmek* 'вращаться', 'вертеться', 'кружиться'; 'возвращаться'; 'отказаться'; 'отступать (от своего слова, от своих убеждений)' в безличном значении, например, *akşama dönülebilir mi*? 'можно ли вернуться к вечеру?' — медиального глагола *dönmek* в тех же значениях; узб. *борилмоқ* 'идти' (безлично) — от глагола *бормоқ* в том же значении, например *почтага қандай борилади*? 'как пройти на почту?'; кирг. *кирил-* 'приступать' (безлично), например *жумушка кирилди* 'приступили к делу' и во множественном числе — *ишке киришилсин* 'необходимо, чтобы приступили к делу'. Поскольку в азербайджанском и других языках юго-западной группы образование безличных значений не наталкивается на лексические ограничения, а само значение выражает грамматическое отношение, формы на *-л-* и *-н-* с безличным значением необходимо также отнести к грамматическим.

В отличие от безличного медиальное значение в страдательной форме на *-л-*, равно как и на *-н-*, не образуется механически от любого глагола, но оно образуется почти от всех глаголов, могущих иметь при себе дополнение с предметным значением. Образование медиальных глаголов в форме *-л-* в азербайджанском языке продолжается и дальше, и темпы воспроизводства этого грамматического значения заметно растут.

В азербайджанском, как и в остальных огузских языках,

медиальное значение начало выделяться давно, и потому в памятниках письменности оно встречается довольно часто. Ср., например:

Јад јығылыр сәрин бахар, ағламаз...
'Чужие соберутся, холодно посмотрят,
не заплачут...'
(Вәдади, 27).

Дүјүн олду, бүтүн хублар јығылды...
'Была свадьба, собрались все красавицы...'
(Вагиф, 26).

Ала көзләр хумарланыб сүзүлүр,
Һәр гыја баханда ганым үзүлүр,
Мүжганларын синәм үстә дүзүлүр...

'Серые глаза источают негу,
Каждый раз, как она посмотрит,
щуря глаза, у меня слабеет душа.
Твои ресницы впиваются мне в грудь...'
(Вагиф, 63).

Нејлуфәр ачылды, суја кирди...
'Раскрылась водяная лилия, искупалась...'
(Хәтаи, 8).
Чәрх јајындан атылды ганыма тири-әҗәл...

'Из рокового лука метнулась мне в сердце
смертоносная стрела...'
(Фүзули, I, 172).

Бахдыгча сәнә ган сачылар дидәләримдән...
'Каждый раз, как смотрю я на тебя,
брызжет кровь из глаз моих...'
(Фүзули, I, 69) и т. п.

В современном азербайджанском языке медиальные глаголы на *-л-* образуются в ряде случаев даже от понудительных форм, как это можно видеть в следующих примерах: *сүртүлмәк* 'тереться', 'стереться' — от *сүртмәк* 'тереть', 'натирать', 'смазывать', *ишләдилмәк* 'употребляться', 'применяться', 'наделяться работой' — от *ишләтмәк* 'заставлять работать', 'давать занятие, работу'; 'приводить в действие, в движение', 'пускать в ход, в оборот', 'эксплуатировать' и ряд других глаголов.

Медиальные глаголы не образуются в азербайджанском языке от медиальных же глаголов, поскольку в последних среднезалоговое значение дано уже лексически — безразлично, идет ли

речь о коренных или производных глаголах, в которых медиальность вносится глаголообразующими аффиксами *-лан-, -лаш-, -да-, -л-, -г-* и другими непродуктивными формами.

В отличие от возвратной формы страдательные формы в азербайджанском языке лишь в редких случаях имеют изменившиеся значения, которые разъясняются без особого труда, за исключением единичных случаев. К страдательным глаголам с изменившейся семантикой относятся, например: *тутулмаг* 'замяться'— от глагола *тутмаг* 'держать'; 'ловить', 'схватить', 'поймать', по отношению к которому *тутулмаг* составляет его медиальную разновидность; *чəкилмəк* 'уйти', 'скрыться'; 'уединиться'; 'продвигаться', 'отойти'; 'расходиться'; 'спадать'; 'убывать' — от глагола *чəкмəк,* среди значений которого Л. Будагов приводит также «отступать», «пятиться» (I, 482 — с местоимением *өзүнү),* подтверждаемые также значением «удаляться», «отступать», «отходить» в турецком языке. В основе всех этих значений лежит «отходить», т. е. значение сравнительно медленного движения назад (что подтверждается, между прочим, значением «пятиться» в казахском *шегін-* и татарском *чиген-*, а также в словаре Л. Будагова), откуда развивается «отступать», «удаляться», а в азербайджанском — «скрыться» и «уединиться». Это можно рассматривать в качестве цели или результата действий «отступать» и «удаляться», т. е. объяснять эти значения комплексной связью либо же модификацией значений «отходить» > «отступать», возникающей вследствие связей глагола *чəкилмəк* с определенными именами. Такими связями следует объяснить также значения «спадать», «убывать» (только о воде) — *су чəкилир* 'вода спадает', 'вода убывает'. В основе этого значения также лежит значение «отходить», «отступать».

Другие глаголы с изменившимися значениями: *дурулмаг* 'отстояться (о жидкости)', 'проясняться'; 'улучшаться'; 'подниматься (о настроении)'—от непереходного глагола *дурмаг* 'стоять'; 'останавливаться'; 'прекращаться'; 'вставать'; 'просыпаться'. Показатель страдательного залога при глаголе *дурмаг* может объясняться двояко: либо он появился давно для фиксации непереходного, точнее медиопассивного, значения глагола *дур-*, исторически индифферентного к категории переходности-непереходности, либо же при помощи формы на *-л-* закрепилось одно из значений, которое в дальнейшем отпало от глагола *дур-*; представляется более вероятным второе объяснение, но и в том, и в другом случае значение «отстояться (о жидкости)», «проясняться» выражает результат по отношению к процессу «оставаться спокойным» (таково одно из значений турецкого глагола *durulmak*). Предлагаемый анализ подтверждается производными формами от глагола *дур-*; ср. именное образование *дуру* (*дур-у*) 'жидкий', 'чистый', 'про-

зрачный' (о жидкостях), например *дуру су* 'прозрачная вода', отсюда производный глагол *дуруланмаг* 'становиться прозрачным'; ср. также в словаре Л. Будагова دورتمق (а не دورلتمق) 'заставить оставаться', 'дать настояться (о кофе)', 'отстояться (о жидкости)' (I, 745). Значение «проясняться» является лишь иным словесным выражением процесса «отстаиваться»; остальные значения — метафорическое применение основных значений рассматриваемого глагола.

* *
*

Обратимся к данным о страдательном залоге в словаре Махмуда Кашгарского.

У автора «Дивана» было ясное представление о действительном и страдательном оборотах, а также их соотношении, основанное на учении арабских грамматистов, которое он применил к тюркским языкам, хотя в своем труде неоднократно указывал на отличия последних от арабского языка.

Как уже отмечалось в предыдущем разделе, для Махмуда Кашгарского страдательное значение было равнозначно значению безличному и обозначалось им соответствующим термином «mechul», заимствованным из арабской грамматики[38]. Однако ему уже хорошо было известно и медиальное значение страдательной формы на *-л-*. Многочисленные образцы страдательных глаголов на *-л-* с медиальным или пассивным значением рассеяны во всем словаре (M. Kāşgarī, I, 193—197, 244—250, 268—269 и в других местах; II, 138, 229—232, 234—237 и в других местах; III, 77—82, 106—107, 190—191, 395 и др.), см., например, *er uruldı* 'человек был побит' (M. Kāşgarī, I, 194); *tarığ oruldı* 'посев был сжат' (там же); *yol azıldı* 'сбились с дороги' (M. Kāşgarī, I, 196); *kum eşildi* 'песок был разрыт' (I, 197); *anıng ewi üşeldi* 'его дом разыскивался' (там же) и др.

В кыпчакском памятнике «Ettuhfet-üz-zekiyye fil lûgat-it-Türkiyye» страдательный залог понимается так же, как в «Диване» и обозначается тем же термином «mechūl»; ср., например, *kulga bir ötmek berildi* 'рабу был дан хлеб' (84), *bilildi ki bi keledir* 'стало известно, что придет бек' (там же) и т. д.

Автор средневековой турецкой грамматики Бергамалы Кадри, также строго придерживавшийся арабской схемы, следую-

[38] О термине «мəчһул» в применении к современному азербайджанскому языку см.: А. К. Алиев, *О пассивной форме глагола в азербайджанском языке* — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова», Баку, 1955, № 3, стр. 91—94.

щим образом объяснял различие между глагольными формами *malûm* (=действительному залогу) и *mechul* (=страдательному залогу): «*Malûm* называется так потому, что исполнитель действия известен благодаря упоминанию о нем. *Mechul* же означает „невыясненный". *Mechul* называется так потому, что исполнитель действия не упоминается, а говорится лишь о том, что подверглось действию...» (Müessiret-ül-Ulûm, 12—13).

Так же понимает страдательную форму и Абу-Хайян, приводя соответствующие иллюстрации, например: *bukün uruldı* 'сегодня дрались'; *Sänçärdän alındı* 'было взято у Санчара'; *Sançarğa bir aqça birildi||bir aqça birildi Sançarğa||birildi bir aqça Sançarğa* 'Санчару было дано одно акче'[39] (Abu-Hay., 165).

Примеры из других древнетюркских памятников: يتى يوز اون ايردى يلغه كيم بتيلدى بو كتاب 'Шел семьсот десятый год, когда была написана эта книга' (Малов, Пам., 331); و ليكن آدمدين بورون يراتيلغانلار بار ارچون آندين آغاز قيلديم 'Но ради того, что было сотворенное прежде Адама, я с того и начал (свое сочинение)' (там же, стр. 324).

С медиальными значениями отмечены следующие глаголы в глоссарии С. Е. Малова: *ačyl-* 'открываться' (Малов, Пам., 353); *adryl-||ayryl-||adyryl-* 'отделяться' (там же, 354—355); *jaγyl-* 'приближаться', 'приставать' (там же, 383); *qutrul-* 'спасаться' (там же, 416); *uzal-* 'удлиняться' (там же, 439); *uzal-||üzäl-* 'мучиться' (там же, 439, 441); *aryl-* 'изнуряться' (там же, 360); *yrγal-* 'качаться', 'колебаться' (там же, 443) и ряд других; у Ибн-Муханны: آغِل || آغِن 'подниматься' (Мел., Ар. фил., 069, 070); *täril-* 'собираться' (Turk., VIII, 99), здесь же страдательные значения *qılıl-* 'быть сделанным' (там же, 96), *sözlätil-* 'быть сказанным' (там же, 98) и т. д.

Следует отметить, что глаголов в форме на *-л-* с медиальным значением в древних тюркских языках не меньше, чем глаголов со страдательным значением, а в глоссарии С. Е. Малова их больше, чем страдательных. Меньше других представлено как будто безличное значение в современном или близком к нему понимании. Но это является скорее внешним впечатлением. В примерах Махмуда Кашгарского и других древних авторов глагол в форме на *-л-* наряду с пассивным или медиальным значением имеет нередко и безличное значение.

В материалах Махмуда Кашгарского сохранились и более древние формы выражения рассматриваемых нами залоговых значений. Они обнаруживаются в пословицах и поговорках, кон-

---

[39] Название древней денежной единицы у ряда тюркских народов.

серватизм которых в отношении грамматических форм хорошо известен и в современных языках. Грамматические формы многих пословиц и поговорок из «Дивана» относятся к весьма древним временам, и для эпохи Махмуда Кашгарского они, несомненно, являлись архаизмами. Вместе с тем эти образцы устного народного творчества являются надежным материалом, свободным от иноязычных грамматических влияний.

В пословицах и поговорках, приводимых Махмудом Кашгарским, нет вообще разделения глагольных значений на страдательное и безличное. Оба значения существуют в слитном виде и передаются переходным глаголом, нередко с прямым дополнением, как, например: *barıġ otru tutsa yokka sanmas* 'если положить перед гостем то, что есть, это не считается пустяком' (M. Kāşgarī, II, 28); *söğüşüp uruşup otra ton titişür* 'бранятся и дерутся, а тем временем одежда рвется' (II, 89); *ernġenge eliġ karı bözin üm tikemes* 'одежду холостяка не сшить [даже] из пятидесяти мер ткани' (I, 117); *alın arslan tutar*; *küçün kösgük tutmas* 'хитростью можно поймать льва, силой трусость поймать нельзя' (II, 289); *ula bolsa yol azmaz*; *bilig bolsa söz yazmas* 'если имеются знаки, с пути не собьешься; если имеются знания, в словах не ошибешься' (I, 92); *otuġ odhguç birle öçürmes* 'огонь пламенем не гасят' (I, 177); *kanıġ kan bile yumas* 'кровь кровью не смывают' (III, 66); *bir tilkü terisin ikile soymas* 'с одной лисы шкуру дважды не сдирают' (III, 244) и др.

Следует заметить, что рассматриваемое явление древнее пословиц и поговорок, собранных Махмудом Кашгарским в его словаре, и нередко встречается в древнейших памятниках тюркских языков, в частности в надписи в честь Тоньюкука. Ср., например, *Kögmän joly bir ärmis, tumus—tijin, äsidip, bu jolyn jorysar, jaramačy, tidim* 'когда я услышал, что дорога на Кёгмэн (только) одна и она завалена (снегом), я сказал: не годится, если идти этим путем' (Малов, Пам., 62).

В приведенных выше переводах пословиц из словаря Махмуда Кашгарского соответствующие глаголы переданы в третьем лице единственного числа. При грамматически точной передаче они имели бы формы: «если он положит...», «бранится и дерется...», «...не сошьет...», «...он поймает...», «...не поймает...», «...он не погасит...», «...он не смоет...», «...он не сдерет...», с косвенными или прямыми дополнениями при них. Трудно, конечно, сказать, какое грамматическое значение вкладывалось в глагольные сказуемые приведенных пословиц, но мы знаем, как следовало бы оформить эти сказуемые в современных тюркских языках и какие грамматические значения они приобрели бы в этом случае. В современной передаче все отмеченные выше

сказуемые приняли бы показатель страдательного залога, который во втором примере имел бы безличное значение, в остальных — страдательное.

В примерах Махмуда Кашгарского следует видеть древнейший структурный тип, к которому, в частности, непосредственно восходит страдательный оборот с прямым дополнением в современном и особенно староузбекском языке, где он был весьма распространен. Оценка этого оборота как безличного, данная П. М. Мелиоранским в его комментариях к «Памятнику в честь Кюль-Тегина»[40], полностью сохраняет свое значение.

Примечательно, что Махмуд Кашгарский выделил в своем словаре собственно безличное значение показателя *-л-*, указав на его употребление при непереходных глаголах: «В тюркском языке таких примеров много. В арабском языке от непереходных глаголов страдательные глаголы не образуются. Между тем в тюркском языке эта форма распространена, как, например, *ewge barıldı*, *tağdın inildi*, которые означают 'пошли домой' и 'спустились с горы'» (M. Kāşgarī, II, 130, 131; см. также II, 139). В словаре приводятся еще безличные формы *bakıldı* (II, 131), *çıkıldı* (II, 133), *kaçıldı* (II, 134), *kırıldı* (II, 136) и т. п.

К описанному выше явлению нейтральности глагола в отношении категории активности-пассивности относится также сохранившееся до настоящего времени различение активности или пассивности причастия лишь по значению определяемого им имени: если имя означает человека, то причастие имеет активное, переходное значение; если имя означает неодушевленный предмет или существо, которому несвойственно действие, выраженное причастием, то последнее имеет с современной точки зрения пассивное значение, хотя исторически оно и в этом случае семантически активно, поскольку действие, выраженное причастием, реально выполняется не предметом, выраженным определяемым именем, а человеком, не названным в речи. Такое расширенное в сравнении с индоевропейскими языками содержание активности (resp. переходности) и пассивности в семантике тюркского причастия, которое отмечалось и разъяснялось уже в прошлом веке, исторически относится к тюркскому глаголу в целом и берет свое начало от эпохи его грамматического синкретизма.

Зависимость значения причастия от определяемого имени существовала в древности, была подмечена автором «Дивана»: «... слово *kur* в страдательном значении произносится как *kurmış ya*, которое означает „натянутый лук". Выраже-

[40] П. М. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, — ЗВОРАО, т. XII, вып. 2—3, СПб., 1899, стр. 102.

ние *kazmış arık* такое же; оно означает „вырытый арык“» (M. Kāşgarī, II, 59). В другом месте Махмуд Кашгарский повторяет: «Страдательное причастие употребляется без изменения в одном виде, например *közetmiş nenğ* и *koturmış kap*, которые означают „ожидаемая вещь“ и „опорожненный сосуд“» (II, 170).

Ср. аналогичное употребление причастия переходного глагола у Ибн-Муханны: *başlamış* 'раненый' (Battal, 17), *kırmış* 'убитый' (там же, 43), *yaratmış* 'сотворенный' (там же, 86), *yogurmuş un* 'тесто' (там же, 91), букв. 'замешанная мука'.

Выделяя в лингвистическом материале словаря Махмуда Кашгарского наиболее древние конструкции без залогового оформления глагола, не следует в то же время упускать из виду и более развитые обороты в тех же поговорках и пословицах или выражениях, оформленные залоговыми показателями и структурно приближающиеся к современным формам, например: *tütüşmeginçe tüzülmes*, *tüpirmeginçe açılmas* 'пока не повздоришь, лада не будет, пока не будет вьюги, погода не прояснится' (M. Kāşgarī, II, 71); *adhın kişi nenği nenğ sanmas* 'чужое добро (=достояние) за добро не считается' (I, 98); *emgektin tınıldı* 'отдохнули от тягот' (II, 130) и т. п.

Ср. еще примеры из старых и древних тюркских языков: орхон. *Анча казҕанмыс ітміс ілімiз тӧрӱмiз äрті* 'Таков был приобретенный (букв. 'приобретший'.—*Э. С.*) нами племенной союз и такова проявлявшаяся (букв. 'проявившая') нами власть' (Малов, Пам., 30); *aγïzγa qojar daru* 'лекарство, которое кладут (букв. 'которое кладет') в рот' (Аль-Замахш., 100); ... *anda tapgaysis togirgan oglan cupräkä čulganmiz* 'там вы найдете новорожденного (букв. 'родившего') ребенка, завернутого в тряпки' (W. Radloff, *Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus*, S. 82); *բաշանըն օլտուրկանի* (а не *օլուրուլկանի*) *ուչուն* 'об убийстве паши' (*Կամենից*, 99); *bu oturağaq yir dur* 'это место для сидения'; *bu käläğäk yir dur* 'это место, куда надо прийти' ('это место, куда приходят') (Al-Qawānīn, 299); ... *baš barmaγyny orta barmaγy üzrä bärk qojγaj jaj čäkär vaqtda* '... большой палец крепко прижать к среднему, когда натягивают лук' (Trakt. o łucz.).

Приведенные выражения показывают, что уточнение активности и пассивности глагольного значения достигалось составом словосочетания: если определяемое реально не может быть действующим предметом, то в причастии реализуется пассивное значение; если оно реально может быть действующим предметом, то реализуется активное переходное значение. Приведем примеры на контекстуальное различение активности-пассив-

ности глагольного значения в азербайджанском и других языках.

Азерб.:

јыртды алыбан јазан китабы...
'Взяв, она изорвала написанную книгу'
(там же, 29)

(букв. 'взяв, изорвала написавшую книгу', т. е. '...книгу, которую написали');

туркм.: *алан китабыңыз* 'книга, которую мы взяли' (букв. 'ваша книга, которая взяла'); *окан китабым* 'книга, которую я читал' (букв. 'моя книга, которая читала'); *араба билен товшан тутдурмаз* 'зайца нельзя поймать, [сидя] на телеге'[41] (букв. 'на телеге заяц не даст [себя] поймать');

тур.: особенно много сочетаний причастия в переходной форме с названием предмета или обстоятельства действия приводится в грамматике Бергамалы Кадри (XVI в.): *koyaçak ḳāb* 'сосуд, куда можно положить, *или* куда кладут' (букв. 'сосуд, который кладет *или* может положить'); *oturaçaḳ yir* 'место для сидения', или 'место, куда можно сесть', 'место, куда садятся' (букв. 'место, которое может сесть', 'место, которое садится'); *baġlayaçaḳ biz* 'ткань, которую можно повязать' (букв. '...которая повязывает'); *ṣarımṣaḳ dikeçek yir* 'земля, на которой сажают чеснок' (букв. 'которая сажает чеснок') и т. п. (Müyessiret-ül-Ulûm, 43). Аналогичные сочетания встречаются и в другом средневековом сочинении, посвященном турецкому языку: ср. *varaggiách jer irächtur—done hauiamo a ire il loco e lontano* 'место, куда необходимо идти, далеко' [букв. 'которое должно пойти (которое пойдет)'] (La «Regola», 25). Пассивное значение причастия на *-(й)аджак* при обозначениях предмета действия отмечается также в современных грамматических работах по турецкому языку. Так, например, проф. Бесим Аталай верно объясняет пассивное значение некоторых глагольных имен типа *alacak* 'деньги и т. п., которые следует получить от кого-либо', *yakacak* 'предмет, пригодный для сжигания с целью обогревания', *yatacak* 'предмет, пригодный для того, чтобы спать на нем'[42]; *bal alacak çiçek* 'цветок, с которого можно получить мед' (букв. '...который может получить');

казах.: *айтқаным айтқан* 'я сказал и все' (букв. 'то, что я сказал, сказало', т. е. 'то, что я сказал, сказано'—страдат.); *жыққаның жыққан* 'ты свалил и все' (букв. 'то, что

---

[41] Б. Чарыяров, *Категория залога в современном туркменском языке*, стр. 15.

[42] B. Atalay, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*, Istanbul, 1942, s. 20.

ты свалил, свалило', т. е. 'то, что ты свалил, уже свалено' — страдат.);

алт.: *азраган бала* 'питомец' (букв. 'вскормившее дитя', т. е. 'вскормленное дитя') (Грамм. алт. яз., 141);

башк.: *барыр урын юк* 'некуда пойти' (букв. 'идущего места нет').

* *
*

Помимо общетюркских показателей страдательного залога *-л-* и *-н-*, в некоторых древнетюркских языках имел заметное распространение и аффикс *-сық-*, который привлекал внимание современных исследователей [13] и специально описан в словаре Махмуда Кашгарского в связи с показателем *-қ-*. «Он (показатель *-қ-*.—*Э. С.*) употребляется для того, чтобы выразить поражение, подавление, какое-либо воздействие и имеет страдательное значение... В глаголах этого рода буква ق очень часто соединяется с буквой س, как, например, в выражениях *er arsıkdı* 'человек был обманут', *er soysukdı* 'человек был ограблен' (M. Kāşgarī, I, 21). Как видно из этой цитаты, речь идет о типичном значении страдательной формы, выражающей действие, навязываемое грамматическому действующему лицу извне. Об этом свидетельствуют и все примеры, приводимые в «Диване». Ср., например, *er urısıktı* 'человек был побит' (M. Kāşgarī, I, 242); *er yagıka bassıkdı* 'человек подвергся нападению врага' (II, 228); *bassıkdı er* 'человек подвергся нападению' (II, 119); *anıng yaşut işi bilsikdi* 'его тайные дела стали известны' (II, 228); *er yagıka tutsukdı* 'человек был захвачен врагом' (II, 227).

Как и все древнейшие приглагольные формы, аффикс *-сық-* мог образовать глаголы также непосредственно от имен, например: *joqsyq-* 'проходить', 'миновать'; 'гибнуть' (Малов, Пам., 389—со ссылкой на «Кутадгу билиг»). В глоссарии С. Е. Малова приводятся еще глаголы *tutsuq-* 'быть схваченным' (434— со ссылкой на сутру «Золотой блеск» и «Диван»), *ursuq-//-ursyq-* 'быть пронзенным стрелой'; 'получить побои' (439 — со ссылкой на сутру и «Кутадгу билиг»). Отметим попутно, что форма *-сық-* является синкретичной, имеющей од-

[13] W. Bang, *Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen*, I Stück: *Über die osmanische Fluchformel odžaγı yanası und ihre Verwandten*,— SPAW, Jahrgang 1915, XXIII, Ersfer Halbband, Berlin, 1915, § 18, 19; J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, p. 1018—1119, Remarque, 3; Н. А. Баскаков, *К вопросу о происхождении условной формы на -са/-се в тюркских языках*,— сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953.

новременно с глагольным также значение имени действия: *olursuq*//*olursyq* 'сидение' (Малов, Пам., 404 — со ссылкой на «Chuastuanift» и «Памятник в честь Тоньюкука»).

Разновидностью пассивного аффикса *-сық-* является *-дық-*[44]. Он не получил значительного распространения в древних языках и вышел из употребления вместе с предыдущим аффиксом. Аффикс *-дық-* известен и в некоторых из современных языков, например киргизском, хакасском, но и в них он не получил значительного распространения. В этих языках аффикс *-дық-* имеет скорее медиальное, чем страдательное значение и употребляется в качестве приглагольной и словообразовательной формы, например: кирг. *тиштик-* 'стиснуться' (о зубах) — от существительного *тиш* 'зуб', 'зубы'; *создук-* 'тянуться', 'длиться' — от глагола *соз-* 'протягивать', 'вытягивать'; *соктук-* 'задирать'; 'быть задирой', 'наталкиваться'; 'сталкиваться' — от глагола *сок-* 'ударять', 'бить', 'биться', 'ковать'; 'вязать' и др.

Таким образом, можно констатировать, что разделение медиального и пассивного значений глагола в истории некоторых тюркских языков на начальном этапе привело к выработке специальных медиальных (аффиксы *-лын-, -лыш-*) и страдательных форм (аффиксы *-сық-, -дық-*), лишь в дальнейшем вытесненных единой формой *-л-* (и при известных условиях — *-н-*), охватившей все три генетически связанные значения: медиальное, страдательное и безличное.

ПОНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Среди залоговых форм азербайджанского языка понудительный залог является семантически наиболее однородным, хотя в формальном отношении он, наоборот, должен считаться наименее единообразным, поскольку в истории азербайджанского языка известно около десяти форм понудительности, а во всех тюркских языках еще больше. Перед нами не стоит задача дать конкретный анализ причин столь большого формального разнообразия понудительного залога. Наиболее общее объяснение множественности понудительных форм заключается в том, что они исторически явились средством формирования переходных значений в тех глаголах, где значение переходности не стабилизировалось чисто семантическим путем.

---

[44] Т. Ковальский находит в аффиксе *-дық-* как страдательное, так и медиальное значение (T. Kowalski, *De la nature du causatif et du passif dans les langues turques*, — «Rocznik orientalistyczny», t. XXV, Kraków, 1949, p. 431).

В современном азербайджанском языке имеются две продуктивные формы понудительного залога — *-т-* и *-дыр-*, первая из которых употребляется при основах с конечным гласным, как и в остальных тюркских языках, но, кроме того, при всех глаголах, образованных при помощи аффиксов *-р-* и *-л-* от именных основ. При помощи аффикса *-т-* образуются также понудительные формы второго порядка с показателем *-р-*, как, например: *једиртмәк* — от *едирмәк* в качестве его параллельной формы со значением «кормить», «травить», «пустить скотину на поле, на луг для потравы», «втирать мазь или другое вещество»—от глагола *јемәк* 'кушать', 'есть'; 'разъедать' и др.; *ичирт-* — от вышедшего из употребления **ичир-*, вместо него со значением «дать (заставить) пить», «напоить»—от глагола *ичмәк* 'пить'; 'выпивать'; *кечиртмәк* — от вышедшего из употребления **кечир-*, вместо него со значением «проводить», «переводить», «продевать», «переживать», «гасить», «тушить»—от глагола *кечмәк* 'проходить', 'переходить'; 'проникать'; *шиширтмәк* — от *шиширмәк* в качестве его параллельной формы с понудительным значением — от глагола *шишмәк* 'пухнуть', 'опухать', 'набухать'; 'толстеть', 'делаться толстым'; 'вздуваться', 'надуваться', 'раздуваться'; 'вздыматься', 'подниматься (об уровне воды)'; *метаф.* 'чваниться', 'хвастать', 'задирать нос'.

Формы с *-т-* в отдельных случаях могут быть неясными, как, например, глагол *тәркитмәк* 'перестать', 'бросить', 'отказаться (о привычках)'; 'отучаться', который можно было бы рассматривать в качестве понудительной формы от глагола **тәрки-*. Однако такого глагола нам найти не удалось, и поэтому мы вправе допустить, что он образован непосредственно от заимствованного из арабского существительного *тәрк* 'оставление', 'покидание'; 'нарушение' при помощи аффикса понудительного залога *-ит-*.

Однако такие случаи в азербайджанском языке крайне немногочисленны, и почти всегда глагольные формы с конечным *-т-* являются формой понудительного залога. Ср., например:

Һәр шеј күнәшә гурутду јашын
'Все тайно высушил на солнце'
(Хәтаи, 10);
Әһли-тәмкинәм, мәни бәнзәтмә, әј күл бүлбүлә...
'Я сдержан, и ты не уподобляй меня розе
и соловью...'
(Фүзули, I, 1946).

Глаголы *гурутмаг* и *бәнзәтмәк* являются понудительными формами *гурумаг* 'сушиться', 'становиться сухим', 'высыхать',

'сохнуть', 'засыхать'; 'иссохнуть', 'худеть', 'становиться тощим' и *бәнзәмәк* 'походить', 'быть похожим', 'смахивать на что-нибудь, на кого-нибудь', 'быть подобным'.

За исключением отмеченных выше фонетических типов глагольных основ, все остальные глаголы принимают аффикс понудительного залога *-дыр-//-дир-//-дур-//-дүр-*, если основа оканчивается на звонкий согласный, и те же варианты показателя *-дыр-...*, но только с начальным *т-*, если глагольная основа оканчивается на глухой согласный. В соответствии с морфолого-фонетическим принципом орфографии в азербайджанской письменности пользуются лишь вариантами с начальным *д-*.

Аффикс *-дыр-* некоторыми авторами рассматривается как сращение более древних форм понудительности *-т-* и *-р-*, о котором см. дальше[45]. Таким образом, он является более новым, чем показатели *-т-* и *-р-*[46], хотя эпоха его сложения теряется в глубине истории так же, как и эпоха образования его исходных элементов. Не случайно, что в словаре, приложенном к «Памятникам древнетюркской письменности» С. Е. Малова, глаголов на *-дыр-* в три с половиной раза меньше, чем глаголов на *т-*, и в полтора раза меньше, чем глаголов на *-р-*.

В азербайджанском и в остальных языках показатель *-дыр-* имеет узкий гласный, подчиняющийся нёбно-губному сингармонизму. Однако в древности гласный не имел, по-видимому, строго фиксированного характера и мог быть также широким[47], о чем можно судить по таким формам в азербайджанском языке, как *гондармаг* 'понаставить', 'надевать', 'нанизывать'; 'прилаживать'; 'сочинять', 'измышлять'—от глагола *гонмаг* (<**го-* 'класть'; 'ставить'; 'пускать' и т. д.; ср. с тур. *ko-*) со значением «садиться на что-либо», «сесть»; *дөндәрмәк* 'вращать'; 'переворачивать'; 'превращать'; 'своротить', 'повернуть'; 'опрокинуть', ср.: *Сәрасәр бағрымы гана дөндәрдин...* 'Ты мое сердце совсем превратила в кровь...' (Вагиф, 22)—от глагола *дөнмәк* 'возвращаться'; 'вращаться'; 'сворачивать', 'поворачивать'; 'поворачиваться', 'переворачиваться'; 'отступать', 'отказываться от чего-либо', 'изменять чему-нибудь'; 'обертываться', 'превращаться', 'принимать иной вид,

[45] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, — «Journal de la société Finno-Ougrienne, t. XXVIII, Helsinki, 1912, § 32, 39. — Рассматриваемый аффикс Г. Рамстедт считает «удвоением» (Verdoppelung); см. также: G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, § 86, 87; A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i szasownikowe...*, s. 122.

[46] Но не наоборот, как полагал В. Шотт, возводя показатель *-р-* к *-дыр-* (W. Schott, *Versuch über die tatarischen Sprachen*, Berlin, 1830, S. 38).

[47] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, § 59.

чужой образ'; 'обращаться', 'устремляться'; понудительная форма с широким гласным имеется также в туркменском языке: *дөндермек* (в словаре Алиева и Бориева – *дөңder-*) 'поворачивать', 'переворачивать', 'выворачивать', 'перевертывать (вверх дном)'; 'превращать во что-либо'. Ср. также аналогичные формы в других тюркских языках: *аңдар-* 'катать'; 'перевернуть', 'опрокинуть' (Радл., Сл., I, 104), *äңдäр-* 'вылить'; 'опрокинуть'; 'разобрать юрту' (Радл., Сл., I, 717, со ссылкой на телеут.), туркм. *ägдармак* 'перевертывать'; 'перелистывать'; 'поворачивать'; 'опрокидывать'; 'сваливать'; 'пахать (плугом)', казах. *аудар-* 'сваливать'; 'стаскивать'; 'опрокидывать', аналогично также в ряде других языков; исходная форма глагола **аң-*>*аҷ-* 'подниматься' (Малов, Пам., 355); туркм. *äг-* 'переполняться', 'литься через край'; 'выступать из берегов (о реке)'; 'переваливаться', 'сваливаться'; 'поворачиваться', 'перевертываться', тур. *ağmak* 'подниматься вверх', 'подниматься', 'вздыматься'; 'испаряться'; 'уваривaться', казах. *ау-* 'сваливаться'; 'опрокидываться' и т. п.[48].

За исключением приведенных и некоторых других немногочисленных примеров с широким гласным, все остальные понудительные глаголы с рассматриваемым значением имеют в аффиксе *-дыр-* узкий гласный.

Среди непродуктивных форм наиболее распространенным является древний показатель *-р-*, при помощи которого образовались понудительные формы от глаголов с конечными *ч, ш, т* и в единичных случаях с *х* и *п*, как, например: *кечирмәк* 'проводить', 'переводить'; 'продевать'; 'переживать'; 'гасить', 'тушить'— от *кечмәк* 'проходить', 'переходить'; 'истекать'; 'проникать', 'пролезать'; 'потухать', 'гаснуть'; *көчүрмәк* 'переселять', 'перемещать'; 'выселять'; 'выдавать замуж'— от *көчмәк* 'переселяться', 'перекочевывать'; *учурмаг* 'выпускать на волю (птицу)'— от *учмаг* 'летать', 'улетучиваться'; *учурмаг* 'разрушать', 'разваливать'— от *учмаг* 'валиться', 'обрушиваться', 'разваливаться'; *дүшүрмәк* 'снимать', 'ссаживать', 'спускать'; ср. *Сагин сиррин дүшүрмә дилләрә Мәҗнуни-русва тәк...* 'Не разглашай тайны виночерпия подобно опозоренному Меджнуну...' (Фүзули, I, 177); форма *дүшүрмәк* восходит к глаголу *дүшмәк* со значением «падать», «пасть»; «попадать»; «опускаться», «спускаться»; «слезать»; *битирмәк* 'кончать', 'оканчивать', 'заканчивать', 'довершать', 'доводить до конца'; 'исполнять'— от глагола *битмәк* 'кончаться', 'оканчиваться', 'прекращаться'; *өтүрмәк* 'пропускать время', 'опаздывать', 'прозевать'; 'провожать', 'сопровождать', 'сопутствовать с

[48] Некоторые примеры на понудительную форму с широким гласным приводятся также в цитировавшейся книге А. Зайончковского (A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 123, 124), в частности глагол *қondar-*.

целью охраны или указания дороги'; 'быстро, залпом выпить (спиртные напитки)'—от глагола *өтмәк* 'опережать', 'обгонять', 'оставлять позади себя', 'миновать', 'переваливать'; 'промчаться', 'пролетать'; *гаjытмаг* 'возвращать'—от глагола *гаjытмаг* 'возвращаться'; *артырмаг* 'увеличивать', 'прибавлять', 'множить', 'повышать'; ср. *көрмәjә-көрмәjә күлүзарымы, бүлбүл тәк артырдым аһү зарымы...* 'Все не видя свой розовый сад, я горько и горько жаловался, подобно соловью...' (Вагиф, 44); исходная форма глагола *артмаг* 'увеличиваться', 'прибавляться', 'размножаться', 'возрастать'; *чыхартмаг* 'доставать', 'вынимать', 'выносить'; 'выхватывать'; 'выводить', 'извлекать'; 'вывозить'; 'исключать'; 'вытеснять', 'выпускать', 'издавать'; 'высовывать'; 'снимать'—от глагола *чыхмаг* 'выходить'; 'выезжать', 'выступать'; 'появляться'; 'взбираться', 'всходить (о солнце, луне)'; 'вырастать', 'пробиваться из земли'; 'дожидаться'; 'доходить', 'достигать'.

В ряде случаев наряду с формами на *-р-* параллельно существуют образованные от них понудительные глаголы второго порядка, как, например: *кечиртмәк//кечирмәк*, *көчүртмәк//көчүрмәк*, *учуртмаг//учурмаг*, *шиширтмәк//шиширмәк* и др. В других случаях, наоборот, в языке сохранились вторичные понудительные формы, а первичные формы на *-р-* вышли из употребления, как, например: *чыхартмаг* (из *чыхармаг*), *ичиртмәк* (из *ичирмәк*) 'дать (заставить) пить', 'напоить'— от глагола *ичмәк* 'пить', 'выпивать', *гопартмаг* 'отрывать', 'срывать', 'выдергивать', 'вырывать'—от глагола *гопмаг* 'отрываться', 'срываться' и некоторые другие.

Далеко не от всех глаголов, оканчивающихся на указанные выше согласные, понудительная форма образуется при помощи аффикса *-р-*. Во многих случаях от глагольных основ с конечными *ч*, *ш*, *т* и особенно *х* понудительная форма образуется при помощи показателя *-дыр-* и в некоторых случаях— *-т-*, например: *ачдырмаг*—от глагола *ачмаг* 'открывать', 'отпирать', 'отворять'; 'развязывать', 'распутывать'; 'раскрывать', 'обнажать'; 'расстегивать'; 'распускаться', 'расцветать'; 'распрягать'; 'нравиться', 'устраивать', 'удовлетворять'; 'начинать (разговор, беседу, процесс, военные действия)', 'приступать к чему-нибудь'; *сечдирмәк* — понудительная форма от глагола *сечмәк* 'выбирать', 'избирать'; 'выделять', 'отбирать'; 'высматривать'; *бичдирмәк* — понудительная форма от глагола *бичмәк* 'жать', 'косить'; 'кроить'; *jахдырмаг* — понудительная форма от *jахмаг* 'мазать'; 'жечь'; *горхутмаг* 'устрашать', 'пугать'— от глагола *горхмаг* 'бояться', 'страшиться', 'пугаться', 'трусить', 'опасаться'; *ахытмаг* 'лить', 'проливать'; 'сплавлять по воде', 'пускать по течению'; 'по оплошности давать что-нибудь унести воде'– от глагола *ахмаг* 'течь', 'протекать',

'литься', 'быть унесенным водой, течением'; *бахдырмаг* 'подвергать осмотру'; 'показывать'—от *бахмаг* 'смотреть', 'глядеть', 'взирать', 'созерцать', 'глазеть'; 'обращать свое внимание', 'осматривать', 'рассматривать', 'разглядывать', 'обозревать с целью ознакомления, определения качества или состояния'; *бурахдырмаг* — понудительная форма от глагола *бурахмаг* 'пускать', 'допускать', 'выпускать', 'отпускать', 'пропускать', 'распускать', 'подпускать', 'спускать'; 'освобождать'; 'оставлять', 'покидать', 'бросать'; 'обходить', 'оставлять в стороне', 'миновать кого-либо'; 'позволять что-нибудь делать'; 'пропускать мимо', 'относиться невнимательно' и ряд других глаголов с указанным выше согласным исходом.

Сравнивая данную группу глаголов с первой, легко заметить, что почти все глаголы с показателем *-р-* образованы от непереходных глаголов, тогда как понудительные глаголы второй группы с аффиксом *-дыр-* образованы от переходных глаголов. На основании этого можно сказать, что в глаголах с показателем понудительности *-р-* последний является формой переходности.

Как правило, аффикс *-р-* имеет узкий гласный, подчиняющийся нёбно-губному сингармонизму. Однако исторически в этом аффиксе, как и в остальных, мог быть также широкий гласный, о чем свидетельствуют приводившиеся глаголы *чыхартмаг*, *гајтармаг*, *гопартмаг* и др. Ср. также аффикс *-р-* с широким гласным в других тюркских языках: тур: *göçermek* 'заставить переселиться, переехать, перекочевать'— от глагола *göçmek* 'перебиваться'; 'переселяться', 'переезжать', 'перекочевывать'; *onarmak//unarmak* 'улучшать', 'исправлять', 'поправлять', 'восстанавливать'; 'вылечивать', 'исцелять' — от глагола *onmak//unmak* 'улучшаться', 'исправляться'; 'выздоравливать', 'заживать'; казах. *шөгер-* 'заставить ложиться'; 'опускаться на колени (о верблюде)'—от глагола *шөк-* 'оседать', 'садиться'; 'опускаться на колени (о верблюде)' и т. п.

По своей распространенности в древнетюркских языках аффикс *-р-* является вторым после *-т-*. Большое количество примеров на глаголы с залоговым *-р-* приводится у Махмуда Кашгарского (M. Kāşgarī, II, 67—69, 71—86; III, 68, 186—187, 392).

Разновидностью [49] (а возможно, и прототипом) аффикса *-р-* (в некоторых случаях *-т-*) является показатель *-з-*, сохранившийся в небольшом числе глаголов: *удузмаг* 'проигрывать' (т. е. «дать кому-либо выиграть»)—от глагола *удмаг* 'выигрывать'; *дадызмаг* 'дать пробовать на вкус'—от глагола *дадмаг* 'пробовать на вкус'; 'отведать'; *дамызмаг//дамыздырмаг* 'капать'; 'дать чуточку отведать', 'пробовать'—от глагола *дам-*

[49] A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, § 6, 7.

маг 'капать', 'падать каплями', 'течь сверху'; 'протекать'; *доғуздурмаг* (форма *доғузмаг* в языке не сохранилась) 'помогать при родах'; 'вызывать', 'порождать'; *галхызмаг//галдырмаг* 'поднимать'—от глагола *галхмаг* 'подниматься', 'сниматься с места', 'вставать'; 'отправляться'; 'восставать'; *горхузмаг* 'пугать'—от *горхмаг* 'бояться' и др.

Аффикс *-з-* известен и в других тюркских языках, в частности в древних. Махмуд Кашгарский рассматривал его как разновидность аффикса *-р-*: «Огузы иногда вместо ر употребляют ز: *ol tawar alduzdı* 'его добро было разграблено'» (M. Kāşgarī, II, 87). В словаре С. Е. Малова приводятся следующие глаголы на *-з-* из древних языков: *tutuz-* '(с)держивать (соразмерно, в пропорции)'; 'удерживать в благоразумных границах'; 'советовать', 'доверять (передавать)' (Малов, Пам., 435); *udyz-* 'вести', 'заставить следовать' (там же, 437), *utuz-* (чит. *uduz-*) 'заставить следовать' (там же, 437)—от *ud* 'следовать' (там же, 437); *utuz-* 'проиграть' (там же, 439).

Более архаическими формами аффиксов *-р-* и *-з-* являются показатели *-гар-//-гыр-*[50] и *-газ-//-гыз-* с чередующимися в начале согласными *г(қ)//к//ғ* и чередующимися в середине гласными любого качества, за исключением *о* и *ө*. Они были живыми продуктивными формами еще в эпоху Махмуда Кашгарского, создавая понудительные глаголы параллельно с формой *-р-* или *-з-*. В современных языках, в том числе и в азербайджанском, названные показатели непродуктивны и сохранились лишь в немногих глаголах. В азербайджанском языке аффиксы *-гар-* и *-газ-* встречаются в единичных случаях, как, например: *гысгырмаг//гысгыртмаг* 'науськивать', 'натравливать', 'напускать на кого-либо'—от глагола *гысмаг* 'жать', 'зажимать', 'прижимать', 'сжимать', 'поджимать'; 'пожимать', 'теснить', 'таить'; 'дать втихомолку', 'подсунуть кому-либо что-либо'; *коркәзмәк* 'показывать', например: *мә јол көркәэззи...* 'показал мне дорогу...' (Муғ. гр. шив., 224)—наряду с *көрсәтмәк*; форма *көркәзмәк* имеется также в туркменском (*гөркезмек*), узбекском (*кўргазмоқ*) и в некоторых других языках с тем же значением «показывать», «указывать»; «демонстрировать»; *дурғызмаг* «ставить»; «велеть встать», например: *балача гардашын дурғузды*ᵘ *әјаға...* 'младшему брату он велел встать...' (Муғ. гр. шив., 225) и т. п.

Примеры из других тюркских языков: *öткäр-* 'заставить проходить', 'пропускать'; 'проводить', 'продевать' (Радл., Сл., I, 1268), *öткäз-* в том же значении (там же, со ссылкой на

---

[50] Аффикс *-гыр-* Г. Рамстедт рассматривал как сращение, образовавшееся из вторичных глагольных основ с аффиксом *-г-* и показателя понудительности *-р-* (G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, S. 177).

чагатайский); *öткўр-* 'провести', 'пробить', 'пронзить' (I, 1270); в современных кыпчакских языках *өткер-* стал также вспомогательным глаголом в составных формах со значением «проводить... (заседание, кампанию и т. д.)»; *äткäр-* (I, 844) //*эттир-* 'заставить делать', в том же значении *äткўр-* (I, 845) с узким гласным; тур. *durgurmak*//*durdurmak* 'оставить'; 'заставить стоять, ждать'; 'задерживать', 'останавливать'; 'заставить замолчать'; 'приучать стоять на ногах (ребенка)'— от глагола *durmak* 'стоять'; 'останавливаться'; 'прекращаться'; 'находиться', 'пребывать'; 'жить', 'проживать'; узб. *озғирмоқ* 'совращать', 'сбивать с пути'— от глагола *озмоқ* 'заблуждаться', 'сбиваться с пути', так же в казахском и киргизском (*азғыр-*); казах. *құтқар-* 'спасать', 'избавлять', 'выручать', так же в киргизском, узбекском, татарском (*коткар-*) и в некоторых других языках; узб. *тўйғаз-* 'насыщать', 'кормить досыта'—от глагола *тўймоқ* 'наедаться', 'насыщаться'; *кийгизмоқ*//*кийдирмоқ* 'надевать что-либо на кого-либо'—от глагола *киймоқ* 'надевать (на себя)'; кирг. *жаргыз-* 'взрывать'— от глагола *жар-*, среди значений которого нет, однако, «взрываться», и др.

Примеры из словаря Махмуда Кашгарского: *argar-*//*argur-* 'утомлять' (Dizin, 31)—от глагола *ar-* 'уставать' (Dizin, 30); *könger-* 'выпрямлять'; 'выправлять'; 'правильно указывать дорогу'; 'говорить правду' (Dizin, 361)—от глагола *kön-* 'выправляться', 'направляться'; 'сознаваться' (Dizin, 360): *ol ok köngerdi* 'он направил стрелу' (M. Kāşgarī, II, 196); в том же значении *köndger* (Dizin, 360); *közger-* 'заставлять видеть, видеться' (Dizin, 371)—от глагола **köz-*, возвратная форма которого—*közün-* 'виднеться' (Dizin, 372, в языке аргу) приводится в «Диване»: *ol atamnı manğa közgerdi* 'он дал мне увидеть моего отца' (M. Kāşgarī, II, 196); *todhur-*//*todhgur-* 'насыщать'; 'опротиветь' (Dizin, 630, 631): *ol meni todhgurdı* 'он насытил меня' (M. Kāşgarī, II, 176)—от глагола *todh-* 'насыщаться', 'наедаться'; *ergür-*//*erüt-* 'плавить', 'топить' (Dizin, 189, 194): *ol yağ ergürdi* 'он растопил сало' (M. Kāşgarī, I, 227; II, 198)— от глагола *er-* 'таять', 'плавиться' и др.

Сравнивая понудительные глаголы с аффиксом *-гар-* из словаря Махмуда Кашгарского с отыменными глаголами, образованными при помощи того же аффикса, можно установить, что в залоговом значении этот аффикс имеет узкий гласный, тогда как в словообразовательном значении—широкий. Случаев, нарушающих такое разделение единого аффикса, немного. К ним относятся уже приводившиеся *argar-*, *könger-*, *közger-*— среди залоговых форм и *udhgur-*, *tozgır-*, *kuzgır-* — среди производных глаголов, не считая подражательных глаголов с аффиксом *-гыр-*, связь которого с понудительным аффиксом *-гар-* остается пока проблематичной.

Таким образом, можно считать, что в аффиксе *-ғар-* наметилась тенденция к его дифференциации на словообразовательную форму—с широким гласным—и словоизменительную форму—с узким гласным, что подтверждается материалом также других памятников. Ср., например, у Ибн-Муханны *oyanğırmak* 'будить' (Battal, 54), *toygırmak* 'насыщать' (там же, 75), *yatgırmak* 'усыплять'; 'укладывать'— от *yatmak* 'лежать' (там же, 87). Ср. также в приписках к сочинению Абу-Хайяна, а также у Шейхи: *durgurmak* 'останавливать' (Izbudak, 17); *ergürmek* 'доводить' (Şeyhî, 49) и др. В словаре С. Е. Малова почти все глаголы с *-ɣur-*... также имеют понудительное значение.

В связи с тем, однако, что аффикс *-ғар-* не получил дальнейшего развития, наметившаяся дифференциация его на формы с широким и узким гласными также потеряла свое значение, и в современных тюркских языках функции этих форм сместились.

В современном азербайджанском языке в единичных случаях сохранился другой показатель понудительности — *-сат-*, известный в неогузских языках. Аффикс *-сат-* представляет, по-видимому, сращение глаголообразующего аффикса *-са-* и показателя понудительности *-т-*. На такой анализ дают право медиальные формы *-сал-* и *-сан-*, в которых присутствует тот же общий элемент *-са-* и аффикс страдательного (*-л-*) или возвратного (*-н-*) залога [51]. К глаголам с показателем *-сат-* в азербайджанском языке относится *көрсәтмәк* 'показывать'.

В азербайджанских диалектах известна также медиальная форма данного глагола — *көрсәнмәк* 'показываться'.

Понудительная форма имеет в сущности одно значение, которое выявляется уже в ранних памятниках тюркских языков, хотя в последних в некоторых случаях сохранилось и более древнее значение аффиксов *-р-*, *-т-* и др., а именно — значение действия, направленного от действующего лица вовне, на объект.

Понудительный залог в азербайджанском языке семантически противоположен страдательному и означает действие, навязываемое действующим лицом кому- или чему-нибудь. Значение навязывания действия может ослабляться, доходя до пассивного допущения, но во всех случаях инициатива действия приписывается грамматическому действующему лицу. Таким образом, поскольку по типу своего значения понудительный залог тяготеет к грамматике, а не к лексике, он выражает отношение между действием и действующим лицом. Разнообразие продуктив-

---

[51] Примеры на глаголы с аффиксами *-сал-* и *-сан-* приводятся у А. Зайончковского (A. Zajączkowski, *Sufiksy imienne i czasownikowe...*, s. 124, 125).

ных форм понудительности носит строго фонетический характер, т. е. применение формы *-р-* или *-т-* не зависит от значения исходной глагольной основы. Наконец, понудительный залог образуется от любого глагола, в том числе от глаголов возвратного и страдательного залогов в их медиальном значении, создавая из них формы с переходным значением (если только таких форм нет в языке). Показатель *-р-* почти всегда, а показатели *-т-* и *-дыр-* во многих случаях являются лишь формами переходности, доказательством чего служит производство от них страдательных форм, не образующихся от собственно понудительных значений, но которые возможно образовать от глаголов, способных иметь при себе дополнение с предметным значением.

В понудительном залоге сливаются две тенденции: тенденция к обязательной выработке переходного значения рядом с непереходным и тенденция к выработке собственно залогового — понудительного значения. Обе тенденции объединяются значением понудительного залога, исторически означавшего действие, направленное от действующего лица вовне, на объект.

Переходное и собственно понудительное значение понудительных глаголов подметил уже Махмуд Кашгарский: «Эти двубуквенные глаголы при помощи формы, которую вы видели в этом отделе, превращаются в переходные (собственно, «действительные»—«müteaddi».—*Э. С.*). Или же... будучи переходными, они принимают ر или ز: *er ya kurdı* 'человек натянул лук'. Здесь одно действующее лицо. Когда хотят заставить лицо выполнить какое-либо действие или принудить его к чему-нибудь, к глаголу добавляют ر или ز, как, например, *ol anğar ya kurturdi* 'он заставил (велел, дал) его натянуть лук'. Здесь два действующих лица: одно из них приказывает, другое—исполняет...

Или к глаголу прибавляют ر, غ либо ر, ك; например, из *at turdı* 'конь исхудал' получается *er athin turgurdı*, которое означает «человек заморил своего коня»; ...точно так же из слова *erüdi* в предложении *yağ erüdi* 'сало растопилось' получается переходный (*«müteaddi»*) глагол *ergürdi* в предложении *er yağ ergürdi* 'человек растопил сало'» (M. Kāşgarī, II, 198, 199).

Так же трактуется понудительная форма в кыпчакском памятнике «Ettuhfet-üz-zekiyye» (стр. 91, 92).

Регулярное образование переходных глаголов от непереходных при помощи форм понудительности в современном азербайджанском языке поддерживается не только постоянной тенденцией к строгому разделению глаголов на переходные и непереходные, но также употреблением страдательного залога

в его страдательном значении, образование которого возможно в первую очередь от переходных глаголов.

Таким образом, понудительный и страдательный залоги тесно связаны не только полярностью своих значений, но и системой действительных и страдательных оборотов, первые из которых предполагают непременное существование вторых и наоборот.

Присоединяя к этому сказанное раньше относительно тенденции к регулярной выработке медиальных значений в возвратной и страдательной формах, справедливо утверждать, что категории переходности и непереходности в современных языках грамматизуются, т. е. что они становятся больше грамматической, нежели лексической характеристикой глагола. Тем самым преодолевается двойственность этих категорий, с одной стороны, выражаемых лексически, с другой стороны, — грамматически, их способностью сочетаться или не сочетаться с прямым дополнением.

Тесные связи страдательного и понудительного залогов восходят, по-видимому, к отдаленным периодам в жизни тюркских языков. В качестве рудиментов сохранились случаи, когда значения обоих залогов совпадают. Как уже говорилось, оттенки значения понудительного залога могут варьировать от понуждения до пассивного допущения, и если объектом такого пассивного допущения оказывается само действующее лицо, то оно в реально-физическом отношении ничем не отличается от действующего лица при страдательном залоге, так как и в том и в другом случае действующему лицу навязывается какое-то действие. Вот почему в некоторых тюркских языках, в частности в крымскотатарском, реальный смысл предложений *мен союлдым* 'я был ограблен', 'меня ограбили' и *мен сойдурдым* 'я дал себя ограбить' — один и тот же. Заметим, что такое толкование в грамматическом отношении является неверным, так как приведенные предложения совпадают лишь в реально-вещественном смысле, явно различаясь грамматически. Однако возможно грамматическое совпадение сравниваемых залогов [52]. Ср. уже приводившийся пример *ben ona soyulur muyum?* 'разве я позволю ему ободрать себя?' Так же можно было бы перевести и другой пример: *düşman bize yenildi* 'враг дал нам победить себя'. Совпадение страдательного и понудительного значений в тюркских языках впервые специально для алтайского языка было описано в «Грамматике алтайского языка» (стр. 52), где были установлены также условия совпадения обоих залогов. Позд-

[52] Более обстоятельное и углубленное освещение вопроса о страдательном значении понудительного залога см.: T. Kowalski, *De la nature du causatif et du passif dans les langues turques*, p. 431—435.

нейшие исследования вновь подтвердили эти наблюдения и внесли в них отдельные уточнения [53].

Формы, значения и условия образования понудительного залога в азербайджанском языке в принципе и даже в деталях те же, что и в морфологически наиболее развитых старописьменных тюркских языках. Однако в одном отношении азербайджанский язык отличается от остальных: в нем параллельно с обычными, одинарными формами понудительности существуют во многих случаях двойные понудительные формы с тем же значением, например наряду с понудительной формой *ичир-*—от глагола *ич-* 'пить' имеется двойная понудительная форма *ичирт-*, тождественная по значению первой форме *ичир-*, а именно 'дать (заставить) пить'; 'поить'. Нельзя сказать, что двойная понудительная форма стала всеобщей в азербайджанском языке, но едва ли она составляет исключение в ряду понудительных форм [54]. Наряду с двойной понудительной формой можно отметить случаи параллельного образования второй понудительной формы с другим аффиксом, например *даддырмаг* наряду с древним *дадызмаг* 'дать пробовать на вкус', 'дать пробовать'. Этот же прием образования второй понудительной формы применяется иногда и для глаголов с переходным значением, например *галдырмаг* наряду с *галхызмаг* 'поднимать' и некоторые др.

К случаям образования параллельных глаголов с двойным или другим аффиксом понудительности, помимо приводившихся выше *кечирмәк||кечиртмәк*, *көчүрмәк||көчүртмәк*, *учурмаг||учуртмаг*, *шиширмәк||шиширтмәк*, *дамызмаг||дамыздырмаг*, *гысгырмаг||гысгыртмаг*, относятся еще следующие:

биширтмәк||биширтдирмәк — понуд. от глагола *биширмәк* 'варить'; 'печь', 'жарить'; 'стряпать'; 'обжигать (кирпич)';

дојурмаг||дојуздурмаг||дојдурмаг 'накормить', 'насыщать'— от глагола *дојмаг* 'насыщаться', 'наедаться', 'поесть досыта';

дөјдүрмәк||дөјдүртмәк — понуд. от *дөјмәк* 'бить', 'ударять по чему-нибудь', 'колотить', 'стучать'; 'молотить'; 'толочь'; 'ковать'; 'драть', 'очищать зерно (о рисе, крупе)'; 'убить';

дүшүрмәк||дүшүртмәк 'снимать', 'ссаживать', 'спускать — от глагола *дүшмәк* 'падать', 'попадать'; 'опускаться', 'спускаться'; 'слезать';

доғурмаг||доғдурмаг||доғуздурмаг 'рождать', 'порождать', 'вызывать' — от глагола *доғмаг* 'рожать'; 'возникать', 'зарождаться'; 'восходить (о небесных светилах)';

сөјдүрмәк||сөјдүртмәк — понуд. от *сөјмәк* 'ругать', 'бранить', 'поносить';

---

[53] Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, М.—Л., 1941, стр. 138—141; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, т. II, стр. 339—346.

[54] А. А. Азер, *Категория залога в современном азербайджанском языке.*

сөјләтмәк||сөјләтдирмәк — понуд. от *сөјләмәк* 'говорить', 'рассказывать'; 'передавать', 'сообщать'; 'высказывать';

суватмаг||суватдырмаг||суваглатмаг — понуд. от *суламаг||сувагламаг* 'штукатурить';

сүпүртмәк||сүпүртдүрмәк — понуд. от *сүпүрмәк* 'мести', 'подметать';

танытмаг||танытдырмаг 'знакомить'; 'высказывать' — от глагола *танымаг* 'знать', 'быть знакомым', 'узнавать', 'признавать', 'верить';

чевиртмәк||чевиртдирмәк — понудит. от *чевирмәк* 'поворачивать', 'переворачивать'; 'перелистывать'; 'опрокидывать'; 'переводить с одного языка на другой'; 'перелицовывать';

чағыртмаг||чағыртдырмаг — понудит. от *чағырмаг* 'звать', 'вызывать', 'приглашать'; 'петь';

јаматмаг||јаматдырмаг — понудит. от *јамамаг* 'чинить', 'класть заплату'; 'заделывать';

јатыртмаг||јатыздырмаг 'укладывать спать'; 'подавлять' — от глагола *јатмаг* 'спать', 'ночевать'; 'лежать', 'ложиться'; 'склоняться'; 'сидеть в тюрьме'.

Обратимся к эволюции значений некоторых понудительных глаголов. Здесь, как и в других залоговых формах, возможно изменение понудительного глагола под влиянием древней словообразовательной функции показателя понудительности; кроме того, возможна потеря залогового значения формы, которая объясняется отчасти причинами, рассматривавшимися в разделе, посвященном историческому положению категорий переходности-непереходности. Однако в других случаях направление семантической эволюции понудительного глагола остается скрытым от нас, так как еще не восстановлены более древние значения показателей понудительности, а также исходных глаголов, от которых образовались исследуемые понудительные формы. Имеются в виду глаголы типа общетюркских *қайт-* (азерб. *гајыт-*) 'возвращаться', *айт-~айыт-~эйит-* 'говорить', в которых корень *қай-* пока не объяснен удовлетворительным образом, а корень *ай-~эй-* известен в том же значении «говорить», что и понудительная форма *айт-~эйт-*. Не зная значения *қай-* и более древнего значения *ай-~эй-*, равно как и показателя понудительности *-т-*, нельзя, естественно, наметить ход семантической эволюции этих глаголов. То же самое наблюдается в глаголах *кәмиш-дирмәк* 'напускать', 'натравливать', 'приучать к охоте (ястреба, сокола)' — от глагола *кәмишмәк* в аналогичном значении «пускать на дичь (сокола, ястреба)»; *титрәт-* 'трястись от лихорадки', 'знобить' — понудит. от *титрәмәк* 'дрожать', 'трястись'; *марчылдатмаг* 'чмокать', 'чавкать' — от глагола *марчылдамаг* в том же значении и ряд других подражатель-

ных глаголов, понудительные формы которых имеют те же значения, что и исходные; чув .*чăшла-//чăшлат-//чăшăлтат-* 'шипеть (о змее, о сковороде с маслом на огне)', 'шелестеть'; тат. *алалат-* 'пестрить', 'испещрять', 'делать пестрым' — от глагола *алала-* с тем же значением; *авырт-* 'болеть', 'ныть'— от глагола *авыр-* 'болеть', 'хворать', 'недомогать'. Число подобных примеров из других тюркских языков значительно больше приведенных здесь случайных иллюстраций, но все они в общем однородны с азербайджанскими, так как представляют собой случаи возвращения понудительного глагола к семантике исходного.

Видимо, этой тенденцией можно было бы объяснить образование двойных понудительных форм азербайджанского языка, рассматривавшихся выше.

В отдельных случаях выявляются другие, незалоговые и, возможно, более древние значения понудительного залога, как, например, усилительное в глаголе *ачытдырмаг* 'перекваситъ (тесто)' — от *ачытмаг* 'давать прокисать', 'проквасить', 'заквашивать' или *jara-* 'быть годным', 'быть приличным', 'нравиться', понудительная форма которого *jarat-* означает «нравиться», «показывать себя с лучшей стороны» (Малов, Пам., 385), и где, следовательно, аффикс *-t-* может быть интерпретирован как выразитель действия, совершаемого для другого. Иногда может сохраняться древнее дозалоговое значение аффикса понудительности, выражавшего действие, направленное вовне, например *кејмək* 'одевать', 'надевать на себя' и *кəjдирмək* 'надевать на кого-, что-либо'.

Для понимания семантики понудительного глагола имеет существенное значение вопрос о том, как совершается действие, выражаемое глаголом. Так, глагол *сəjиртмək* в азербайджанском означает «скакать», «пускать вскачь», «нестись галопом». Этот же глагол встречается в «Терджумане», изданном Хоутсма, в значении «погонять лошадь» (سكرت). На основании последнего азербайджанские значения глагола *сəjиртмək* необходимо рассматривать как выражение действий, которые конь совершает под воздействием седока, т. е., иными словами, понудительность в данном примере имеет не грамматическое, а реально-вещественное значение[55].

[55] Глагол *сəjиртмək* непосредственно восходит к * *сəjир-*, не сохранившемуся в азербайджанском, но известному в других языках, например кирг. *секир-* со значением «вскакивать», «прыгать» (так же у Л. Будагова, I, 631). В свою очередь этот глагол необходимо рассматривать в качестве образования на *-ыр-* (см. стр. 196—199) — от первичного синкретичного корня * *сəк*, который в глагольном значении «ходить на одной ноге», «подпрыгивать», «перешагивать» отмечается в словаре Л. Будагова (سكمك (Буд., I, 630) со ссылкой на турецкий и азербайджанский в значении «семенить», «быстро ходить», «ходить мелкими шажками».

Потерю значения понудительности в некоторых случаях можно объяснить тем, что исходный глагол исторически был нейтрален к категории переходности-непереходности и показатель понудительности явился средством фиксации переходного значения. Так, можно рассматривать глагол *jыртмаг* 'разрывать', 'раздирать', 'рвать'; 'прорезать', 'прорубать'; 'изнашивать', происходящий из **jыр-*, сохранившегося в азербайджанском не в этой, а «джекающей» форме *чырмаг* 'рвать', 'разрывать', 'изорвать ; 'удирать', 'улизнуть', в других же языках известного в форме на *-йыр-*, например, в туркм. *йырмак* 'рвать', 'прорывать', 'расщеплять', в якут. *сиир-* 'разрезать'; 'прорывать перемычку', гагауз. *jip-* 'разорвать', Ettuhfet. *yir-* 'рвать', 'разрывать' (Dizin, 285), в казах. *жыр-* 'прорывать'; 'царапать', в тат. *ер-* 'прорывать (о плотине)'; 'прокапывать (канаву)'; 'расталкивать (толпу)', в хак. *чір-* 'откалывать', 'сломать что-либо'; 'рассекать что-либо'[56] и др.

Потеря значения понудительности в некоторых случаях может быть вызвана тем, что при помощи показателя закрепились определенные значения исходного глагола. Так, можно было бы объяснить значения глагола *басдырмаг*: 1) 'хоронить', 'предавать земле'; 2) 'зарывать', 'закапывать', 'покрывать слоем земли или чего-нибудь'; 3) 'вкапывать', 'врыть', 'ставить в яму', 'сажать'; 4) 'укрывать', 'покрывать', 'укутывать (для содержания в теплоте)'; 5) 'случать (самку)', которые представляют собой закрепление и дальнейшее развитие значений «заваливать», «засыпать»; «запихивать», «всовывать» исходного глагола *басмаг*. Так же можно объяснить значения «науськивать», «натравливать» в понудительной форме *гысгырмаг*, происходящей от глагола *гысмаг* 'жать', 'зажимать', 'прижимать', 'сжимать', 'поджимать'; 'пожимать'; 'теснить'; 'таить'; 'давать что-либо кому-либо втихомолку', 'подсовывать кому-либо что-либо'.

Обращаясь к случаям изменения значения исходного глагола под влиянием словообразовательной функции показателя понудительности, необходимо отметить, что здесь фигурируют глагольные корни или основы, образованные при помощи непродуктивных аффиксов.

Основы, образовавшиеся при помощи продуктивных аффиксов, как правило, не меняются под воздействием форм понудительности, так как последние имеют в них по большей части залоговое значение.

Можно ли семантически изменившиеся глаголы с показателем понудительности (или с другим залоговым аффиксом)

[56] Хак. *чар-* и *чір-*, соответствующие общетюркским *яр-* и *йыр-*, имеют в общем одинаковые значения «колоть», «рассекать», на основании чего можно предположить генетическое единство обоих глаголов.

рассматривать в качестве лексикализованных форм? Мы полагаем, что лексикализованными можно считать те грамматические формы конкретных слов, которые семантически разошлись с исходными словами вследствие того, что общее значение формы сузилось и модифицировалось в результате применения ее к какой-либо конкретной области.

К подобным глаголам относятся следующие: *бәнзәтмәк* 'принимать за кого-, что-либо'; 'обозначаться'; 'уподоблять', 'делать схожим'; 'подражать' — от глагола *бәнзәмәк* 'походить', 'быть похожим', 'быть подобным'; третье значение формы *бәнзәтмәк* представляет собой видоизменение основного понудительного значения, которое можно описательно передать как «уподоблять себя (кому-либо)»; *долдурмаг* 'заполнять', 'наполнять', 'набивать', 'начинять', 'фаршировать'; 'доводить до нормы'; 'выполнять'; 'заряжать (огнестрельное оружие)'; 'положить', 'вносить', 'вводить', 'вгонять во что-либо' — от глагола *долмаг* 'наполняться', 'наливаться'; 'полнеть'; за исключением двух первых основных значений, остальные представляют собой модификации основного значения «наполнять» применительно к разным предметам действия, а именно: «набивать» — по отношению к сыпучим и другим телам, «начинять», «фаршировать» — применительно к соответствующим блюдам, «доводить до нормы», «выполнять» — от утерянного в азербайджанском, но известного в других языках (например, в турецком) значения глагола *долмаг* 'быть завершенным, законченным'; 'заряжать' — по отношению к огнестрельному оружию; «положить», «вносить» и т. д. — в применении к различным предметам.

К понудительным глаголам с частичным изменением значений относится также *једирмәк//једиртмәк* 'кормить'; 'втирать (мазь или другое вещество)'; 'травить', 'пускать скотину в поле, на луг для потравы' — от глагола *јемәк* 'кушать', 'есть'; 'разъедать'; 'сносить', 'смывать'; 'проживать', 'проматывать'; 'присваивать'; как и в предыдущих случаях, здесь изменившиеся значения представляют модификации основного значения «дать есть»; «кормить» в применении к конкретному предмету действия — скоту или металлу (значения «пускать скотину для потравы» и «травить»); значение «втирать (мазь и др.»), возможно, представляет вторичную модификацию от «травить»; *ишләтмәк* 'заставлять работать', 'давать занятие, работу'; 'содержать (рабочих)'; 'дать проникнуть'; 'проводить (политику)'; 'приводить в действие, в движение', 'пускать в ход, в оборот'; эксплуатировать (железные дороги, рудники и пр.)'; 'расходовать', 'употреблять на что-нибудь' — от глагола *ишләмәк* 'работать', 'действовать', 'функционировать'; 'проникать'; 'сильно действовать'; 'причинять'; 'совершать

рейсы', 'курсировать (о поезде, пароходе)'; 'нарывать'; 'украшать', 'расписывать', 'расшивать', 'вышивать'; изменившиеся значения — третье и пятое — являются модификациями основных значений «заставлять работать»; «приводить в действие» в применении к различным объектам (политике, денежным средствам); *охутмаг* 'обучать', 'заниматься обучением, преподаванием', 'отдавать, посылать к школу', 'давать образование'— от глагола *охумаг* 'читать', 'петь', 'учиться'; значения глагола *охутмаг* представляют модификации третьего значения *охумаг*; *өтүрмәк* 'пропускать время', 'опаздывать', 'прозевать'; 'провожать', 'сопровождать', 'сопутствовать с целью охранения или указания дороги'; 'пропускать'; 'быстро залпом выпивать (о спиртных напитках)' — от глагола *өтмәк* 'опережать', 'обгонять', 'оставлять позади себя', 'миновать'; 'перевалить'; 'промчаться', 'пролетать'; 'петь', 'издавать приятные звуки', 'заливаться', *метаф.* 'болтать языком', 'пустословить', 'говорить без умолку', 'трещать'; значения «петь», «издавать приятные звуки», «заливаться» и их метафорическое выражение должны быть отделены от остальных как принадлежащие к другому омонимичному глаголу.

Как показывают примеры, модификация понудительного значения не имеет произвольного характера, но в большинстве случаев она зависит от применения общего понудительного значения данного глагола к конкретному объекту действия, вследствие чего понудительное значение конкретизируется и таким путем возникают семантические модификации. Нетрудно заметить, что процесс модификации понудительного значения во многом напоминает образование значений производных глаголов.

Можно, по-видимому, считать, что лексикализация (семантическая модификация) понудительных (и других залоговых) форм в более ранние периоды имеет отношение к словообразованию, что подтверждает уже высказывавшуюся мысль о глаголообразующей функции залоговых показателей на начальных этапах истории тюркских языков.

ВЗАИМНО-СОВМЕСТНЫЙ ЗАЛОГ

По разнообразию своих значений, как продуктивных, так и непродуктивных, взаимно-совместный залог является самым богатым, превосходя в этом отношении возвратный. Вместе с тем данный залог можно считать наименее грамматикализованным, поскольку его продуктивные значения в азербайджанском языке образуются не механически, а зависят от определенных условий.

В отличие от остальных залогов взаимно-совместный залог является моноформным. Во всех тюркских языках он имеет

единственный показатель *-ш-* ~ *-с-*. Что касается соединительного гласного, то он, как правило, бывает узким, хотя исторически можно наблюдать параллельное употребление широкого гласного, как и в прочих залоговых формах. Об этом свидетельствуют глаголы *туташмаг*//*тутушмаг* 'сцепиться', 'схватиться друг с другом'; 'быть не в ладах' — от глагола *тутмаг* 'держать'; 'ловить'; 'арестовать', 'хватать', 'задерживать', 'поймать'; к *туташ-* восходит именная форма *tutašy* 'вместе', 'заодно', засвидетельствованная в «Кутадгу билиг» (Малов, Пам., 434); глагол *көрәш-* наряду с *көрүш-* 'взаимно видеться', который имеется в том же памятнике (там же, 396) и немногие другие.

Не всегда ясно, что́ представлено в формах на *-ш-*: отглагольная форма или отыменный глагол. Даже в тех случаях, где можно с большой долей вероятности допустить образование данного глагола при помощи залогового аффикса, не устраняется возможность вторичного характера такого глагола, учитывая широко развитый в древности глагольно-именной синкретизм корней и основ.

Рассматриваемый залог имеет два центральных значения — взаимный и совместный, из коих второй мог развиться из первого значения на базе глаголов с медиальным значением. Взаимно-совместный залог в бо́льшей мере отражает действительные отношения между действием и его исполнителями. Он образуется лишь от тех глаголов, которые могут служить обозначением как односторонних, так и двусторонних, т. е. взаимных, действий, при этом не всяких, но таких, в которых взаимный характер составляет специфику действия, как, например, в глаголе *гуршагламаг* 'хватать за пояс (прием борьбы)'. Образование взаимного значения от глагола зависит от того, насколько специфично для глагола значение взаимодействия. Взаимно-совместный залог отличается от словопроизводной глагольной формы с тем же значением прежде всего условиями своего образования. Различие между ними состоит также в том, что форма взаимно-совместного залога всегда соотносится с основной формой глагола, а также с другими залогами, образованными от основного глагола. Словопроизводная форма взаимного действия сама всегда является основной и находится в обратном (в сравнение с взаимно-совместным залогом) отношении к образованным от нее залоговым формам. Следующее различие между рассматриваемыми формами имеет отношение к их семантике.

Все словообразовательные формы обозначают сам процесс, разные виды действий и состояний, нередко вместе с их видоизменениями и последствиями. Взаимно-совместный залог, как и все залоговые формы вообще, обозначает отношение между действием и его исполнителем.

Эти отличия взаимно-совместного залога препятствуют безоговорочному отнесению его к области словообразования. Но нельзя рассматривать его и в качестве чистой грамматической формы, поскольку она образуется не от любого глагола. Взаимно-совместный залог в азербайджанском языке следует квалифицировать как недостаточно развитую грамматическую форму, переходную от словообразования к словоизменению, с наиболее ограниченными среди залоговых форм возможностями образования. Верхнюю ступень залогообразования составляет понудительный залог, свободно образующийся от любого глагола. Между взаимно-совместным и понудительным залогами располагаются возвратный и страдательный, из коих второй в отношении некоторых значений столь же универсален, как и понудительный залог.

Формы с залоговым показателем *-ш-* составляют не более одной трети учтенных здесь глаголов азербайджанского языка.

Обращаясь к значению совместности в форме на *-ш-*, следует указать, что нельзя рассматривать это значение как простое выражение действий, в которых совместность составляет их специфику. Весьма показательно отсутствие взаимно-совместной формы у глаголов на *-ла-*, образованных от названий материала, при помощи которого овеществляется действие (см. стр. 39—41), т. е. у глаголов типа *асфалтламаг* 'асфальтировать', *бетонламаг* 'бетонировать' и др., действия которых реально выполняются обычно совместными усилиями нескольких или многих людей. В таком же положении находятся почти все глаголы на *-ла-*, исходные основы которых означают орудия или средства действия, выполняемого обычно коллективно. Тем более это верно для обозначения действий, которые могут выполняться как одним, так и многими действующими лицами. Ср., например:

Әл-әлә тутушуб дејәк, күлүшәк,
Тутаг бир хош үлфәт икимиз белә

'Взявшись за руки, поговорим, посмеемся
И так сохраним вдвоем хорошую дружбу'.
(Вагиф, 32).

Взаимно-совместное значение может иметь ряд модификаций, реализация которых зависит от семантики исходных глаголов.

Прежде всего глаголы в форме на *-ш-* имеют значение взаимодействия или взаимосвязи, как, например, уже приводившийся *тутушмаг//туташмаг*. Глаголы со значением взаимодействия и взаимности составляют 31% всех глаголов на *-ш-*.

Типичным значением рассматриваемого залога является также значение совместности. Ср., например:

Еш̆г одуна јанышмадыг, аjрылдыг
'Мы не горели вместе в пламени
любви и расстались'
(Вагиф, 24)

Совместное значение формы на *-ш-* весьма часто встречается в подражательных глаголах и в других глаголах с медиальным значением. По подсчетам, подражательные глаголы во взаимно-совместной форме составляют четвертую часть всех глаголов, употребляемых с аффиксом *-ш-*. В целом глаголы с совместным значением составляют почти половину форм с аффиксом *-ш-*.

Значение совместности образуется от значений медиальных глаголов и в других тюркских языках; ср., например, туркм. *бӣригишмек* 'объединяться', 'соединяться', 'сливаться' — от глагола *бӣриқмек* 'соединяться'; тат. *язылыш-* 'регистрироваться в загсе', 'оформлять брак' — от глагола *языл-* 'записываться'; глагол *язылыш-* представляет, по-видимому, кальку с русского «расписаться (в загсе)»; *өйләнеш-* 'жениться', 'венчаться' — от глагола *өйлән-* 'жениться'.

В азербайджанском языке нам не встретилось значения взаимности или совместности в применении к предмету действия, что наблюдается в других тюркских языках, например кирг. *кагыш-* 'ударять один предмет о другой' (помимо значения «сталкиваться», «стукаться», «ударяться друг о друга»; «драться», «ссориться»).

Совместное значение формы на *-ш-* нередко осложняется значением множественности:

Зүлфүндән гохушур күлү рејһанлар,
Гурбан һәр мүјинә јүз мин чаванлар

'Твои локоны пахнут розой и мятой,
За каждый твой волосок пожертвуют
собой сотни тысяч юношей'
(Вагиф, 19).

Можно полагать, что именно в подобных глаголах со смешанным значением совместности и множественности выработалось известное еще из древности значение множественности действующих лиц, которое особенно развилось в современном киргизском, отчасти в узбекском, уйгурском и некоторых других языках[57]. В азербайджанском языке значение множественно-

[57] В частности, в кюэрикском, где показатель *-ш-* в значении множественности действующих лиц несомненен в форме 1-го лица множественного числа повелительного наклонения (см. W. Bang, *Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen*, 2 Stück: *Über das Verbum al-«nehmen» als Hilfszeitwort*, — SPAW, Jahrgang, 1915, Halbband 2, Berlin, 1916, S. 912.

сти действующих лиц не получило развития, и в соответствующих случаях оно сопровождается значением совместности.

Частичное развитие получила в азербайджанском языке другая разновидность множественности в форме *-ш-*—значение многократности или учащательности. К приведенным ранее примерам можно присоединить еще глаголы: *әлләшмәк* 'стараться', 'силиться'; 'работать', 'трудиться'; 'копаться', 'возиться'; 'тягаться'— от глагола *әлләмәк* 'трогать рукой'; 'пробовать рукой', 'щупать', 'ощупывать'; *сораглашмаг* 'расспрашивать', 'разузнавать', 'собирать сведения' – от глагола *сорагламаг* в том же значении; *сорушмаг* 'спрашивать', 'осведомляться', 'допрашивать'— от глагола *сормаг* в том же значении; *кәзишмәк* 'разгуливать'—*кәзмәк* 'гулять'. Данное значение с приводимыми ниже относится к непродуктивным.

В привлеченных нами материалах не встретилось значения распространенности действия на множество объектов, что можно, например, отметить в туркменском языке: ср. *бекешмек* 'укрепляться (повсеместно)', в азербайджанском языке соответствующий глагол *бәркишмәк* означает «закаляться», «окрепнуть»; «сгущаться (о жидкости)».

Не получило почти никакого развития значение помощи или содействия, хорошо известное в других тюркских языках. В азербайджанском языке встречаются лишь единичные глаголы, например *јапышмаг*, среди значений которого отмечается также «браться за какой-нибудь предмет с целью помочь перенести, перетащить или поднять его»— от глагола *јапмаг*, имеющего в азербайджанском языке весьма конкретизированную семантику: «лепить для печенья или сушки (о хлебе, кизяке)». В других огузских языках значение помощи или содействия довольно часто встречается в глаголах на *-ш-*. Ср., например, в туркменском: *аралашмак* 'помогать разнимать (спорящих)'; *аргашмак* 'помогать очищать, пропалывать', *басгылашмак* 'помогать кому-либо растаптывать, раздавливать'; *безешмек* 'помогать украшать, разрисовывать, убирать, наряжать'; *битиришмек* 'помогать окончить, довести до конца, выполнить'; *какышмак* 'помогать стучать, вбивать, выбивать, вытряхивать, трясти' и др.

Некоторые примеры из других тюркских языков: тат. *табыш-* 'находить друг друга', 'встречаться'; 'помогать находить'; *озатыш-* 'помогать при отъезде'; 'провожать'; казах. *жасас-* 'помогать делать', 'мастерить'; ср. *мен оған жұмыстың жоспарын жасастым* 'я ему помог составить план работы'; *жыйыс-* 'помогать кому-нибудь собирать, убирать'; *сауыс-* 'помогать доить'; *құрас-* 'помочь составить или собрать что-либо'; якут. *оҥорус-* 'помогать делать'; 'делать вместе' и др.

Значение соревнования, известное в других языках (ср.

туркм. *йөрешмек* 'соревноваться в ходьбе'; *адыш-* 'состязаться в стрельбе'— Радл., Сл., I, 493; *окуш-* 'вместе читать', 'состязаться в чтении'— Радл., Сл., I, 998 и др.), в азербайджанском не встретилось.

Отметим еще начинательное значение: азерб. *јатышмаг* 'укладываться спать', 'улечься спать многим вместе и одновременно', узб. *қурушмоқ* 'начинать засыхать', 'съеживаться'.

Перечисленные значения взаимно-совместного залога нередко сочетаются между собой, так что при одном глаголе возможно одновременно несколько значений формы на *-ш-*. Ср., например, туркм. *бакышмак* 'заглядывать', 'смотреть друг на друга' (взаимное значение); 'помогать кому-либо пасти, кормить, ухаживать за скотом' (значение помощи); 'совместно с кем-либо наблюдать, следить, присматривать' (совместное значение); *алышмак* 'обмениваться' (взаимное значение); 'привыкать', 'приучаться' (медиальное значение); 'помогать кому-либо взять, брать, получать, покупать что-либо' (значение помощи).

Различные значения показателя *-ш-* довольно отчетливо видны из следующего фольклорного образца, помещенного в словаре Махмуда Кашгарского:

Qar buz qamuγ erüšdi
Taγlar suwy aqyšdy
Kökšin bulyt örüšdi...
Tuman turyb tüšnedi
Adγyr qysyr kišnedi
Ükür alyb oqrašur...
Syγyr buqa müŋräšür...
Qyš jaj bilä toqušty
Qyŋyr közün baqyšty
Tutušqaly jaqyšty...
Jaj qyš bilä qaryšty
Ärdäm jasyn quryšty
Žerik tutub körüšti
Oqtaγaly otrušur...
Ärkäk tiši užrašur...
Dük miŋ qoju tümänlär
Quzruq tikib jügrüšür...

'Снег и лед совершенно растаяли,
И потекли воды гор!
Серые облака поднимаются!..
И туман стелется (по земле)!
Жеребцы и кобылицы ржут,
Они собираются в стада и фыркают...
И замычали быки с коровами!..

Зима и лето заспорили
И, скосив глаза, смотрели друг на друга.
Они сошлись, и
Каждый имел целью — победить...
Лето с зимой враждуют!
И натянули уже лук энергии!
И выстроились напротив, чтобы стрелять из лука!..
Встречаются самцы и самки!..
По многу тысяч, без числа!
Они поднимают хвосты и бегают!'
(Малов, Пам., 308—310).

Наряду со значениями взаимодействия и совместности значительное место в системе значений взаимно-совместного залога занимает медиальное значение (около 13%). Среди форм на *-ш-*, имеющихся в словаре С. Малова, медиальные глаголы составляют третью часть.

Все медиальные глаголы восходят к корневым или древнейшим непродуктивным формам. Медиальные глаголы от новых или новейших производных основ в азербайджанском языке не встречаются, на основании чего можно говорить о прекращении дальнейшего воспроизводства медиального значения формы на *-ш-*.

Большинство медиальных глаголов на *-ш-* имеет изменившиеся значения. Можно отметить, что медиальность определенных глаголов на *-ш-* и изменение первоначальных значений исходных глаголов находятся, видимо, во внутренней связи.

Большая часть медиальных глаголов принадлежит к активной части азербайджанского словаря, а некоторые из них широко употребительны, как, например, *јарашмаг,* ср.:

Јарашыбдыр ағ синәси мәрмәрә,
Гылыб чох чијәрләр пара шамама[58]...

'Ее белая грудь подобна мрамору,
Много сердец разбила она...'
(Вагиф, 21).

Глагол *јарашмаг* происходит от непереходного глагола *јарамаг* 'быть годным', 'годиться', 'быть полезным'. Помимо него, к непереходным восходит и ряд других медиальных глаголов на *-ш-:*

гамашмаг 'быть временно ослепленным ярким блеском' светом'; 'набивать оскомину'— от утерянного в азербайджан-

[58] Название сорта мелких несъедобных дынь.

ском языке глагола **гама-* со значением «набивать оскомину» (кирг.) и «быть ослепленным (ярким блеском, светом)», что отмечено у Махмуда Кашгарского: *künge baksa köz kamar* 'кто посмотрит на солнце, у того глаза ослепнут' (M. Kāşgarī, I, 340; II, 311); *сығышмаг* 'умещаться', 'помещаться'— от глагола *сығмаг* с тем же значением, что наблюдается также в туркменском.

Медиальные значения в форме на *-ш-* известны также в других языках, из материала которых можно привести следующие отдельные примеры: туркм. *совашмак* 'становиться холодным', 'прохлаждаться', 'охлаждаться', 'остывать'; *метаф.* 'охладеть', 'разочаровываться', 'становиться равнодушным', 'терять интерес'— от глагола *совамак* с тем же значением; казах. *майыс-* 'гнуться', 'сгибаться'— от непереходного глагола **май-* или **майы-*, который восстанавливается из понудительной формы *майыр-* 'загибать', 'сгибать'; *süçüşdi* 'стал сладким'— из словаря Махмуда Кашгарского (M. Kāşgarī, II, 92)—от глагола *süçi-* 'становиться сладким и красивым'; *tınıştı* 'он отдохнул' (Ettuhfet., Dizin, 12)—от *tın-* 'отдыхать' (M. Kāşgarī, Dizin, 616); тур. *buruşmak* 'покрываться морщинами', 'морщиться'; 'сжиматься', 'съеживаться'; 'мяться', 'измяться'; 'хмуриться', 'насупиться'— от глагола *burmak* 'крутить', 'вить'; 'скручивать', 'закручивать'; 'морщить'; 'выхолащивать животных'; *silkişmek* 'стряхивать с себя', 'отряхиваться'— от *silkmek* 'трясти', 'встряхивать', 'стряхивать', 'отряхивать'; 'выколачивать', 'выбивать пыль'.

Форма взаимно-совместного залога служила для закрепления отдельных значений исходного глагола, которые впоследствии могли отпасть.

Характеризуя в целом отношения между значениями взаимно-совместного залога, можно сказать, что грамматическая эволюция этого аффикса выразилась в том, что от него постепенно отпали более конкретные значения (помощи, соревнования) и получили развитие более общие значения взаимности и совместности, а в некоторых других тюркских языках — и множественности действующих лиц.

Примеры глаголов на *-ш-* с измененными значениями:

ачышмаг 'свербеть', 'зудеть', 'жечь (о ранах)' — от глагола *ачымаг* 'страдать', 'испытывать огорчение, боль'; 'жалеть', 'сожалеть', 'сжалиться', 'сочувствовать', 'входить в чье-либо положение'. Сравнение между обоими глаголами показывает, что семантика *ачышмаг* представляет собой конкретизацию общего значения «страдать», «испытывать боль (в применении к ране)»; нельзя вместе с тем отвергать возможности того, что в форме *ачышмаг* закрепилось одно из исходных значений глагола *ачымаг*, впоследствии в нем исчезнувшее; ср. узб. *ачитмоқ*

'щипать', 'жечь' (о лекарстве, кислоте и т. п.) и т. д.; тат. *ачыт-* 'зудеть', 'саднить', 'свербеть (о боли)' еще ближе к семантике *ачышмаг*, а киргизское значение «вызывать жгучую боль» образует переход от значения «испытывать боль» в глаголе *ачымаг* к значениям глагола *ачышмаг;*

бәркишмәк 'закаляться', 'крепнуть'; 'сгущаться (о жидкости' — от *бәркимәк* 'крепнуть', 'затвердевать'; взаимно-совместная форма является средством модификации общего значения «укрепляться» в применении к конкретным предметам: металлу и жидкости;

битишмәк 'сходиться концами'; 'срастаться'; 'зарубцовываться'— от глагола *битмәк* 'расти', 'произрастать'; 'прививаться'; в глаголе *битишмәк* ясно выступает взаимно-совместное значение; значения же «сходиться концами» и «срастаться» представляют обобщения исходного значения «прививаться» в глаголе *битмәк;* значение «зарубцовываться» — модификация первых двух обобщенных значений (в применении к ране); таким образом, модификация исходного значения глагола может привести не только к конкретизации его, но и к обобщению; модифицироваться может не только исходное, но и вторичное значение глагола, образовавшееся благодаря залоговой форме. Вместе с тем возможны и другие объяснения значений глагола *битишмәк*: так, принимая во внимание значения узбекского глагола *битмоқ* 'заживать', 'зарастать (о ране)', а также значения «излечиваться», «закрываться (о ране)», приводимые Л. Будаговым при том же глаголе (I, 242—244), теоретически нельзя исключить, что родственные значения могли быть и в азербайджанском глаголе *битмәк,* но затем от него отпали, сохранившись лишь в производной залоговой форме *битишмәк;*

бүрүшмәк 'покрываться морщинами', 'морщиться', 'съеживаться', 'мяться'; 'терять свежесть (о фруктах)'; второе значение находится в причинном отношении с первым («терять свежесть» и в результате «съежиться») и применено к конкретному предмету — плодам; рассматриваемый глагол известен в ряде языков (тат. *бөреш-,* кирг. *бүрүш-,* узб. *бураш-* и др.) со значением «ежиться», «съеживаться»; в турецком имеется весь круг приведенных значений: «ежиться», «сжиматься», «морщиться», «покрываться морщинами»; «мяться»; «хмуриться», «насупливаться», но передаются они одним глаголом *buruşmak,* приводимым также Л. Будаговым со значениями «стягивать», «сморщить»; «насупиться», «нахмуриться» (Буд., I, 276). В основе последнего лежит глагол *бур-* и «распространенная» форма *бура-* (узб., казах., кирг.); *бур-*, известный, кажется, во всех тюркских языках со значением «крутить», «вертеть», «скручивать» (отсюда «выхолащивать», «винтить»), в турецком означает еще «морщить»; форма *бура-* означает то же, что и *бур-*.

Следовательно, азербайджанский глагол *бүрүшмәк* восходит к глаголу *бур-*, что поддерживается еще и известным в тюркских языках нёбным-ненёбным чередованием гласных во многих глагольных и именных корнях.

Однако во многих кыпчакских языках существуют глагольные имена *бүрме, бүрмө, бөрмә, бурма* со значением «сгиб», «сборки (на платье)», «складка», «плойка», «гофрировка» (казах., кирг., тат., узб., алт. и др.), происходящие от глагола *бөр-*, *бүр-*, существующего в татарском, казахском, киргизском языках со значением «шить складками». Едва ли можно отрицать семантические связи азербайджанского глагола *бүрүшмәк* с последним глаголом (который в азербайджанском не сохранился), однако он все же ближе к *бур-*, чем к *бөр-*, *бүр-* (тат., кирг. и др.); поэтому необходимо признать вполне приемлемой идентификацию глаголов *бүрүш-* и *буруш-*, к которой прибегнул Л. Будагов, отметивший в своем словаре: بورشماق, بورمك (=بورشمق) 'собирать сборы', 'делать фалды' и пр. (I, 276, 277).

Из сказанного следует, что в залоговой форме *бүрүшмәк* закрепилось одно из основных значений исходного глагола * *бүр-*, который не сохранился в азербайджанском языке;

салышмаг 'приставать'— от глагола *салмаг,* среди значений которого, приводимых в словарях, нет значений, родственных «приставать»; однако *салмаг* имеет также значение «причинять», обычно не отмечаемое в словарях, но выявляемое из ряда составных глаголов с *салмаг,* как, например, *азара салмаг* 'вызывать какую-нибудь болезнь'; 'причинять мучения, неприятности'; *чәтинә салмаг* 'ставить в затруднительное положение', 'затруднять' и др.; «приставать» представляет собой, по-видимому, модификацию значения «причинять», хотя для безоговорочного принятия такой этимологии требуются посредствующие семантические звенья;

сарышмаг//сармашмаг 'обвиваться'; 'обниматься'— от глагола *сарымаг,* среди значений которого нет, однако, близких к названным; такие значения можно найти в других тюркских языках, например в турецком, где глагол *sarmak* имеет свыше десятка значений и в числе их — «обнимать», «охватывать», «виться», «обвиваться»; учитывая близость огузских языков, можно допустить, что эти значения были также в азербайджанском языке, но сохранились лишь в форме на *-ш-*, которая внесла в глагол *сарышмаг* еще собственное значение взаимности, отсюда — значения «обвиваться», «обниматься»; таким образом, форма взаимно-совместного залога выполнила в данном случае две функции: сохранила некоторые значения глагола *сарымаг,* в дальнейшем исчезнувшие в нем, и придала этому глаголу залоговое значение взаимности;

hүркүшмәк 'перепугаться', 'прийти в смятение'— от глагола *hүркмәк* 'пугаться', 'бояться', 'тревожиться'; из сопоставления значений вытекает, что вторичный глагол является количественной модификацией исходного глагола, так как в нем еще достаточно ясно выступает усилительное значение показателя *-ш-*;

чәкишмәк 'тягаться'; 'спорить', 'держать пари'— от глагола *чәкмәк* с основным значением «тянуть», «тащить», не сохранившимся, однако, в «чистом» виде среди множества значений этого глагола в азербайджанском языке; значения *чәкишмәк* представляют модификации взаимно-совместного значения «тянуть», «тащить» в применении к акту заключения пари, которое обычно сопровождалось указанным действием.

Как показывают примеры, изменившиеся значения лексикализованных форм взаимно-совместного залога могут получить вполне закономерные объяснения, если только в распоряжении исследователя имеется вся сумма необходимых значений. И если отдельные вторичные формы с показателем *-ш-* остаются семантически неразъясненными, как в некоторых из приведенных примеров, то объясняется это тем, что мы не располагаем начальными и промежуточными значениями, при помощи которых можно было бы показать закономерную модификацию исходных значений в залоговой форме на *-ш-*.

Таким образом, некоторые глаголы, которые в форме понудительного или взаимно-совместного залога нарушают в азербайджанском языке регулярное проявление важнейших значений названных глаголов, на самом деле находят вполне удовлетворительное объяснение на базе тех же самых значений залогов в применении их к конкретным предметам.

* *
*

Обратимся к наблюдениям Махмуда Кашгарского, относящимся ко взаимно-совместному залогу.

О значениях взаимно-совместного залога неоднократно говорится в «Диване», и там же приводятся многочисленные примеры на употребление этого залога (M. Kāşgarī, I, 20, 180—190, 229—242; II, 87—114, 202—227; III, 70—75, 100—105, 188—189, 194—195 и др.). «Глаголы этого рода,—писал Махмуд Кашгарский о формах на *-ш-*,—бывают двух видов. Во-первых, это переходный (букв. действительный.—*Э. С.*) глагол, выражающий действие между двумя действующими лицами. Он подобен отделу فاعله в арабском языке. Выражает также взаимопомощь и соревнование в каком-либо действии. Во-вторых, этот глагол выражает действие, распространяющееся на все части действующего лица, проникающее внутрь него: *sirke*

açişdı 'уксус весь прогорк'; *ton terni içişdi* 'одежда пропи талась потом'. Многие глаголы относятся к этому виду...» (M. Kāşgarī, I, 181). И дальше: «Кто хочет отличить значение помощи от значения соревнования, может узнать об этом по соединительной частице. Если присоединить к глаголу كَنِكْ, то он означает „для меня"; в этом случае глагол выражает помощь. Если к глаголу прибавить بِرْلَا مَنَكْ, он означает „со мной". Во всех действиях, совершающихся между двумя лицами, это составляет основу» (M. Kāşgarī, I, 183, 184). Эти значения Махмуд Кашгарский иллюстрирует такими примерами: в значении помощи—*ol manğa ton tikişdi* 'он помог мне сшить одежду' (I, 113); в значении соревнования—*ol meninğ birle çalişdı* 'он поборолся со мной' (I, 114). Ср. еще в значении совместности и множественности—*kapuğlar açlişdı* 'двери растворились' (I, 239, 240—242); в значении полноты и множественности—*kişi kamuğ sıxtaşdı* 'весь народ заплакал' (II, 211). В приведенных примерах и аналогичных им значение полноты действия усилено включением местоимения *kamuğ* 'весь'; 'все'.

О взаимно-совместном залоге специально говорится также в памятнике «Ettuhfet-üz-zekiyye...», где упоминаются примерно те же значения, что и в словаре Махмуда Кашгарского.

Сравнивая перечень значений взаимно-совместного залога в «Диване» с современными, можно отметить полное их совпадение, в том числе и значение действия, «распространяющегося на все части действующего лица, проникающего внутрь него», которое представляет собой выражение полноты и интенсивности действия. Однако замечания Махмуда Кашгарского важны в другом отношении. Все значения, описанные им, в эпоху составления словаря были, по-видимому, продуктивными, и, сравнивая их с современными, мы можем, таким образом, ясно представить, какие из значений взаимно-совместного залога оказались ведущими. Ведущими оказались грамматические значения взаимности и совместности, которые Махмуд Кашгарский называет первыми в своем перечне («глагол, выражающий действие между двумя лицами»). Значения помощи и соревнования — особенно второе — в настоящее время стали значительно менее производительными, а в азербайджанском, турецком, гагаузском языках вообще не имели развития. И даже там, где названные значения еще не стерлись и не распались (как, например, в татарском, киргизском и казахском), они все равно занимают в перечне значений взаимно-совместного залога второстепенное место. Значение полноты и интенсивности действия повсюду потеряло свою продуктивность и частью распалось.

Возможно, что некоторые современные глаголы с показателем *-ш-*, совпадающие с исходными глаголами, а также отдельные медиальные глаголы на *-ш-*, образовавшиеся от медиальных же глаголов, было бы правильнее возводить к формам полноты и интенсивности с показателем *-ш-*.

Махмуд Кашгарский не упоминает значение совокупности, которое столь часто сопровождает значение совместности в многочисленных глаголах, приводящихся в «Диване» (ср., например, фольклорный отрывок, приводившийся выше) и к которому прямо восходит значение множественности грамматических субъектов в современном киргизском и узбекском языках (ср., например, типичные в киргизском *аталышат* 'называются', *тутумдашышат* 'объединяются', *колхозчулар иштешет* 'колхозники работают' и др.).

Отсутствие указаний на описываемое значение в правилах «Дивана» можно объяснить, вероятно, тем, что в эпоху Махмуда Кашгарского значение множественности еще не выработалось, а было лишь значение совокупности, не отделившееся от значения совместности и весьма близкое последнему, поскольку оно из этого значения и развилось.

Принимая во внимание, что взаимно-совместное значение засвидетельствовано в самых ранних памятниках тюркской письменности (ср., например, в «Гадательной книжке»: *är qoγu qušqa soqušmyš...* 'муж с птицей-лебедем повстречался...', Малов. Пам., 53, 82), можно сказать, что продуктивные и развивающиеся значения взаимно-совместного залога являются вместе с тем древнейшими. Исключение составляет медиальное значение, которое сложилось позднее остальных, но в рассматриваемом залоге не получило большого развития.

Прямое дополнение при взаимно-совместном залоге в огузских языках применяется реже, чем в остальных современных и древних языках. В словаре Махмуда Кашгарского употребление прямого дополнения наблюдается в ряде случаев, например: *ol anıŋ birle at yarışdı* 'он устроил с ним скачки' (M. Kāşgarī, III, 72); *ol aŋar töşek yadhışdı* 'он помог ему разостлать постель' (там же, 70); *ol maŋa bugday yıgışdı* 'он помог мне собрать пшеницу' (там же, 73) и др.

В современном азербайджанском литературном языке прямое дополнение при глаголах с аффиксом *-ш-* употребляется редко.

* *
*

В свете сказанного о залогах и их отношении к словообразованию следует по-иному взглянуть также на комбинированное употребление залоговых аффиксов при одной глагольной основе.

Глагол может одновременно находиться лишь в одном отношении к действующему лицу. Он не может, например, одновременно означать действие, навязываемое действующему лицу и навязываемое им другому, т. е. одновременно иметь страдательное и понудительное значения. Точно так же он не может одновременно иметь безличное и страдательное, безличное и понудительное значения и т. д. Поэтому при одной глагольной основе нельзя иметь более одного аффикса с собственно залоговым значением, как невозможно присоединять два падежных или посессивных аффикса с двумя грамматическими значениями к одной именной основе. Другой или другие залоговые аффиксы, присоединяющиеся к данной глагольной основе, обычно не имеют грамматического залогового значения и вместе с исходным глаголом образуют основу. Не имеют, в частности, залогового значения многочисленные пары переходных-непереходных глаголов. Возможны случаи, когда все залоговые аффиксы в глаголе лишены грамматического значения и в сочетании с исходной глагольной основой образуют лексически новую глагольную основу.

Так как к развитым грамматическим залоговым значениям относятся страдательное, безличное и понудительное, то сказанное выше касается лишь этих значений и выражающих их форм.

Этому положению не противоречат случаи, когда при одной глагольной основе имеется два аффикса с понудительным значением, поскольку при двойном понудительном аффиксе действие, выражаемое глаголом, находится лишь в одном отношении к действующему лицу, так же как и в глаголах с одним понудительным аффиксом.

Сказанное выше позволяет также выяснить вопрос о порядке расположения различных формальных показателей залогов в одном глаголе. Конечным, замыкающим элементом здесь может быть лишь аффикс страдательности, безличности или понудительности; остальные залоговые показатели, не выражающие грамматического залогового значения, должны предшествовать этим аффиксам, поскольку морфологически они составляют часть основы и входят в структуру его лексического значения. Следовательно, после залогового аффикса с собственно залоговым значением невозможны залоговые показатели с неграмматическими значениями.

Обратимся к иллюстрациям.

Глаголы, в которых грамматическое значение страдательного залога сочетается с неграмматическим значением:

анлашылмаг 'быть понятым'—от лексикализованной формы **анлашмаг*, восходящей к залоговой форме на *-ш-* от глагола *анламаг* 'понимать', 'соображать'; ср. *һәр бир фикринин анлашылдығына архајын олмајынча, ајры мәсәләјә кечмир*

'пока он не уверен, что его мысль понята, он не переходит к другому вопросу' (Һ. Мећди, Вәт. чичәк., 74);

охшадылмаг 'быть уподобленным'—от глагола *охшатмаг* 'уподоблять', 'делать похожим', 'принять один предмет за другой, одно лицо за другое', который по отношению к форме *охшадылмаг* является всего лишь переходным глаголом;

өјрәнилмәк 'быть заученным', 'заучиваться'—от глагола *өјрәлмәк*, представляющего лексикализованную форму возвратного залога со значением «учиться», «изучать», «приобретать знания, навык», «выучиваться»; «узнавать», «разузнавать» и другие значения, в отношении которых показатель *-н-* исторически означал заинтересованность субъекта в названных действиях;

өтүрүлмәк 'быть пропущенным'—от глагола *өтүрмәк* с лексикализованными (модифицированными) значениями «пропускать время», «опаздывать», «прозевать»; «провожать», «сопровождать», «сопутствовать с целью охранения или указания дороги»; «пропускать», «быстро, залпом выпивать (о спиртных напитках)»; исходный глагол—*өтмәк* 'опережать', 'обгонять', 'оставлять позади себя', 'миновать'; 'переваливать'; 'промчаться', 'пролетать';

сорушулмаг 'быть допрошенным'—от глагола *сорушмаг* 'спрашивать', 'расспрашивать', 'осведомляться', 'допрашивать', представляющего собой учащательную форму на *-ш-* от глагола *сормаг*, потерявшую, однако, свое значение;

сөндүрүлмәк 'быть погашенным'—от переходного глагола *сөндүрмәк* 'гасить', 'тушить', в свою очередь восходящего к непереходному глаголу *сөнмәк* 'гаснуть', 'тухнуть'; показатели *-дүр-* и *-н-* здесь являются соответственно формами переходности и непереходности;

сығышдырылмаг 'быть помещенным, умещенным, втиснутым'—от потерявшей свое значение взаимно-совместной формы *сығышмаг*, восходящей к глаголу *сығмаг* со значением «умещаться», «вмещаться», «помещаться»; по отношению к страдательному глаголу *сығышдырылмаг* исходный глагол *сығышдырмаг* представляет переходную форму, соотносительную с непереходной формой *сығышмаг*; иными словами, в глаголах *сығышмаг* и *сығышдырмаг* аффиксы *-ыш-* и *-дыр-* соответственно представляют формы непереходности и переходности;

фырландырылмаг 'быть вращаемым'—от глагола *фырландырмаг*, образующего переходную форму при непереходном глаголе *фырланмаг* 'вертеться', 'кружиться', 'вращаться', 'крутиться';

јарашдырылмаг 'быть приспособленным, прилаженным'; 'быть украшенным'—от глагола *јарашдырмаг*, составляющего

переходную форму при непереходном глаголе *јарашмаг* 'подобать', 'подходить', 'идти кому-либо'; 'быть к лицу'; 'приличествовать', в котором залоговый показатель *-ш-* привел к некоторой семантической модификации значения исходного глагола *јарамаг* 'быть годным', 'годиться', 'подходить', 'быть полезным';

јахынлашдырылмаг 'быть приближенным, сближенным'— от *јахынлашдырмаг*, составляющего переходную форму к непереходному глаголу *јахынлашмаг*.

Случаи сочетания залоговых аффиксов с показателем понудительности, которым оканчивается основа, здесь опущены, так как они не представляют ничего принципиально нового в сравнении с предшествующими глаголами.

Отметим лишь, что на практике глагольная основа наращивается не более чем двумя аффиксами понудительности. Даже в тех случаях, когда глагол содержит три понудительных аффикса, он чаще всего имеет лишь два значения—переходности и понудительности, как в литературном языке, так и диалектах; ср., например: *Падшаһ диди*: «*Ареад, әгәр бир дә гыз доғсоң, сәнүн өзүви өлдүртдирәкәм*» 'Падишах сказал: «Жена, если ты еще раз родишь дочь, я велю убить тебя самое»' (М. Ширәлиев, *Бакы диалекти*, 218)– понудительная форма от переходного глагола *өлдүрмәк* имеет обычно вид *өлдүртмәк*.

Глаголы, в которых сочетающиеся залоговые показатели не имеют грамматического значения:

ачылышмаг 'объясняться', 'быть взаимно откровенным', 'выговаривать друг другу'; 'привыкать', 'свыкаться'; 'развиваться умственно', 'успевать', 'делать успехи'; 'становиться развязным', 'держать себя непринужденно', представляющий собой лексикализацию залоговых форм *-л-* и *-ш-* от глагола *ачмаг* 'отпирать', 'открывать', 'отворять'; 'расстегивать'; 'распускаться', 'расцветать'; 'выпрягать', 'распрягать', 'отпрягать'; 'нравиться', 'устраивать', 'удовлетворять кого-либо'; 'начинать (разговор, беседу, процесс, военные действия)', 'приступать к чему-либо';

дағылышмаг 'расходиться', 'рассеиваться (многим)', например: *Гаранлыг күчәнин тининдән чыхан адамлар ојана-бујана бахынараг дағылышырдылар* 'Люди, выходившие из-за поворота темной улицы, расходились, оглядываясь по сторонам' (Һ. Мећди, Вәт. чичәк, 142);

кәсилишмәк 'покончить счеты', 'рассчитаться'- от глагола *кәсилмәк*, среди значений которого имеются и лексикализованные, например «определяться», «решаться»; значение глагола *кәсилишмәк* представляет собой дальнейшую семантическую модификацию значений «определяться», «решаться»;

как показатель страдательности, так и взаимности *-ш-* здесь не имеет грамматического значения;

үзүлүшмәк 'покончить счеты', 'рассчитаться с кем-нибудь'; значения данного глагола не поддаются удовлетворительному анализу, так как отсутствуют промежуточные значения, без которых невозможно понять переход от глагола *үзмәк* 'отрывать', 'рвать'; 'ослаблять', 'изнурять' к *үзүлүшмәк* 'покончить счеты'; страдательная форма *үзүлмәк* имеет медиальные значения «изнашиваться», «истрепаться»; «слабеть», «обессилеть», вполне родственные значениям глагола *үзмәк*; следовательно, семантика глагола *үзүлүшмәк* связана не с этим, а с другим значением, возможно, с омонимичным глаголом **үзмәк*, что и в том, и в другом случае требует дополнительных изысканий;

шиширдилмәк 'вздуваться', 'надуваться', 'вздыматься', 'подниматься' — от переходной формы *шиширтмәк* при глаголе *шишмәк* 'пухнуть', 'опухать', 'набухать'; 'толстеть', 'делаться толстым'; 'вздуваться', 'надуваться', 'раздуваться'; 'вздыматься', 'подниматься (об уровне воды)'; *метаф.* 'чваниться', 'спесивиться', 'хвастаться', 'задирать нос'; как показывает сравнение значений глаголов *шиширдилмәк* и *шишмәк*, первый глагол со своими залоговыми показателями является всего лишь формой закрепления третьего и четвертого значений исходного глагола.

* *
*

Подытоживая описание залогов азербайджанского языка в их отношении к аффиксальному словообразованию и, в частности, к глаголообразующим аффиксам *-лан-*, *-лаш-*, *-лат-// -ландыр-//-лашдыр-*, можно следующим образом сформулировать отличие последних от залоговых форм на *-н-*, *-ш-* и *-т-// -дыр-*:

1. Перечисленные словопроизводные формы глагола выражают не отношение действия к грамматическому субъекту, а лексические значения, производимые от семантики имен.

2. Они относятся между собой как переходные и непереходные глаголы, и, следовательно, различие между ними сводится к возможности или невозможности иметь при них в предложении прямое дополнение.

3. Вследствие своей словообразовательной природы перечисленные аффиксы не образуют, подобно залогам, системы обратимых форм, связанных между собой единым грамматическим значением отношения действия к грамматическому субъекту.

4. Как и любой глагол азербайджанского, турецкого, туркменского и некоторых других языков, глаголы со словопроизводными аффиксами *-лан-*, *-лаш-* и *-лат-//-ландыр-//-лашдыр-* могут принимать наиболее грамматически развитые залоговые формы, каковыми являются понудительный и страдательный залоги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Грамматическое словообразование (синтетическое, т. е. аффиксальное, и аналитическое), в том числе и глагольное, принадлежит морфологии тюркских языков, поскольку продуктивная форма основы в них есть в то же время форма части речи. Поэтому, обслуживая словарь, грамматическое словообразование тем не менее остается в системе морфологии, равно как грамматические формы слов, обслуживая синтаксис, также остаются в границах морфологии.

2. Система глаголообразующих форм азербайджанского языка, как и соответствующих форм любого тюркского языка, представляет прежде всего систему типов значений, присущих языку в определенную эпоху его существования, поскольку эта система обеспечивает снабжение словаря глаголами определенных типов значений.

3. При этимологическом анализе глагольной основы одной лишь повторяемости в различных словах ее структурных элементов (исходной основы и аффикса), предположительно выделяемых нами, недостаточно: важны еще наличные в языке либо восстанавливаемые сравнительным или сравнительно-историческим путем реально-вещественные и грамматические значения этих элементов. Структурные элементы глагольной основы взаимосвязаны; выяснение значения одного из них невозможно без выяснения значения другого.

4. Продуктивными словопроизводными, в том числе и глагольными, формами называются такие, которые в каждую данную эпоху способны создавать новые слова. С продуктивностью не следует смешивать производительность формы, т. е. ее способность к массовому производству слов. Аффикс может быть

в обследуемую эпоху уже не продуктивным, но исторически производительным.

5. Между значением отыменного производного глагола и значением его именной основы имеется определенное отношение: именная основа означает орудие, средство (материал), предмет, название, признак, результат, место, время и исполнителя действия, обозначенного в производном глаголе. Эта система соотношений пронизывает все глагольное словообразование как продуктивное, так и непродуктивное, вплоть до древнейших приемов глаголообразования, в которых она являлась главным регулятором выработки глагольных значений. В новейшем глаголообразовании указанные отношения также формируют значения производных глаголов в определенном направлении, однако в этой сфере, кроме них, действуют и другие факторы.

6. Отношения орудия, предмета действия и пр. составляют преобладающие значения основ глаголообразования, но, помимо них, возможны смешанные значения: орудия-средства, названия — признака действия, признака-результата и т. д.

7. Для образования отыменного глагола не имеет значения принадлежность основы к какой-либо именной части речи — существительному, прилагательному и т. д., поскольку именная основа входит в производный глагол лишь своим реально-вещественным, но не грамматическим значением части речи.

Однако в новейших глаголах, образованных при помощи аффикса *-лаш-*, наблюдается уже семантико-грамматическая унификация основ, которая выражается в том, что в качестве основ глаголообразования выступают определенные именные части речи. Отмечаемый процесс начался еще в глагольной форме на *-лан-* и вполне развился в форме на *-лаш-*.

8. Значения производных глаголов имеют определенное строение, в котором различаются четыре типа:

а) значение именной основы, выражающей название процесса или его признака, отчасти название результата и направление процесса, предстает в производном глаголе в грамматически преобразованном виде — как глагол;

б) значение именной основы растворяется в значении основной функции, прямо или косвенно связанной с предметом (явлением), названным в именной основе;

в) значение именной основы сохраняется и входит в семантику производного глагола; собственное значение производного глагола выражает один из типичных процессов, осуществляемых с участием предмета, или, наоборот, процессов, приводящих к образованию явления (предмета), обозначенного основой;

г) значение основы исчезает в производном глаголе: 1) гла-

гол теряет свой «внутренний объект» или «внутреннее обстоятельство», и его первоначально конкретное значение обобщается; 2) значение глагола метафоризуется.

Многозначность производного глагола имеет своим источником многозначность именной основы, многозначность функциональных отношений между значениями именной основы и глагола и многозначность глаголообразующего аффикса.

9. Все продуктивные, равно как и непродуктивные, формы глагольного словопроизводства являются выразителями определенных типов значений, зависящих друг от друга и находящихся в строгой исторически преемственной связи, без знания которой невозможно понять ни настоящее, ни прошлое глагольного словообразования, составляющего, таким образом, исторически подвижную систему.

10. Наиболее существенное деление глаголообразующих форм состоит в распределении их на выражающие переходность и выражающие непереходность. Это деление отражает основную тенденцию в истории тюркского глаголообразования — к строгому распределению всех глагольных основ на переходные и непереходные.

11. Подобно тому как в современном азербайджанском языке существуют продуктивные и непродуктивные формы глаголообразования, так и в составе значений продуктивных глаголообразующих форм существуют продуктивные и развивающиеся значения и уже непродуктивные, или умирающие, значения. В соответствии с этим и именные основы, от которых производятся глаголы, также делятся по аффиксам глаголообразования на продуктивные и непродуктивные.

12. Современные продуктивные глаголообразующие аффиксы *-лан-, -лаш-, -лат-//-ландыр-* и *-лашдыр-* представляют собой звенья в развитии аффикса *-ла-*, образовавшиеся в результате возникших противоречий между тенденцией к разделению глагольных значений на переходные (исторически активные) и непереходные (исторически пассивные) и индифферентностью определенных именных основ в глаголах на *-ла-* к этой категории.

Перечисленные аффиксы связаны между собой не только единством происхождения, но каждый из них связан с предыдущим аффиксом и семантически, так как, повторяя некоторые его значения, он развивает свои специальные значения, малозаметные в предшествующем звене. Через всю эту цепочку преемственных семантических связей проходит глагольное значение развития, становления и превращения, вначале малозаметное в аффиксе *-ла-*, затем утверждающееся в аффиксе *-лан-* и, наконец, господствующее и почти единственное в глаголообразующей форме на *-лаш-*.

13. Непродуктивные формы глаголообразования в азербайджанском языке отличаются от продуктивных в ряде пунктов. За исключением немногих аффиксов, они образуют как переходные, так и непереходные глаголы, притом большей частью от именных основ, индифферентных к признаку активности-пассивности, вследствие чего в этих аффиксах не было внутреннего механизма, регулирующего выработку переходных и непереходных значений. Кроме того, все непродуктивные аффиксы могли создавать глаголы и от имен и от глагольных основ, образуя в последнем случае количественные и отчасти модальные модификации исходного глагола. Все эти черты древних форм глагольного словопроизводства вступали в противоречие с растущей тенденцией к строгому разграничению форм отглагольного и отыменного словообразования и тенденцией к четкому разграничению глаголов и образующих их форм на переходные и непереходные. Несоответствие старых форм и условий их применения новым требованиям глаголообразования и привело к постепенному вытеснению древних форм из числа глаголообразующих средств, что было ускорено также не изжитым в этих формах грамматическим синкретизмом, выражавшимся в том, что формы глагольного словопроизводства были нередко также формами отглагольных имен.

Однако новый механизм глаголообразования был подготовлен в недрах старого, и современные формы азербайджанского глаголообразования унаследовали в основном все элементы старого глагольного словопроизводства, дав им новое, более совершенное применение, вследствие чего появились формы, более гибкие по сравнению со старыми и дифференцированные в своем употреблении.

14. Материалы азербайджанского и других тюркских языков позволяют реконструировать более архаическую ступень в истории тюркского глагола и имени, когда во многих случаях глагольная основа формально не отличалась от имени действия. Такой грамматический синкретизм продолжал действовать и на первых этапах развития аффиксального словообразования и был изжит лишь впоследствии.

15. Семантические отношения между членами синкретичных глагольно-именных пар те же, что и между производным глаголом и его именной основой, причем господствующими являются значения, индифферентные к признаку активности-пассивности.

16. Источником или одним из источников глагольно-именного синкретизма корней-основ является комплексный и, в частности, каузативный характер значений древнейших корней-основ.

17. Одним из результатов грамматического синкретизма корней-основ, а на первых порах и словообразующих аффиксов,

явилось образование так называемых «распространенных» глагольных и именных корней-основ.

18. Залоги в азербайджанском языке исторически скорее категория словообразования, лишь в дальнейшем развившаяся в категорию глагольного формообразования. В своем древнейшем применении залоговые формы смыкаются со словообразовательными аффиксами отыменных глаголов и подобно им нередко образуют глаголы от именных основ.

19. Все залоговые формы азербайджанского языка, как грамматически развитые, так и недостаточно развитые, выражают отношение действия к грамматическому субъекту и в принципе относятся к грамматике.

20. Однако грамматически развитыми в азербайджанском языке являются лишь понудительный и страдательный залоги, из которых первый легко образуется от любой глагольной основы и даже от понудительных глаголов, а второй — от любого глагола, способного иметь при себе дополнение с предметным значением.

21. Как страдательный, так и действительный оборот в азербайджанском и некоторых других тюркских языках по своему значению шире, чем в индоевропейских языках.

22. Грамматические значения возвратного и взаимно-совместного залогов развиты недостаточно, что выражается в ограничении производства этих залогов определенными лексическими условиями.

23. В залоговых формах необходимо различать продуктивные и непродуктивные значения. Как правило, продуктивны обобщенные, грамматические значения, а непродуктивны более конкретные значения. К первым относятся понудительное, страдательное, безличное и медиальное значения.

24. Категория переходности-непереходности и категория залога лежат в разных сферах. Они могут пересекаться, но не совпадают.

25. Переходность-непереходность — историческая категория. Материалы тюркских языков позволяют реконструировать такую эпоху, когда значение глаголов было нейтрально в отношении этой категории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ал-Замахш. — Монгольский словарь «Мукаддимат ал-адаб», М.—Л., 1938.
Буд. — Л. Будагов, *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*, т. I, СПб., 1868; т. II, СПб., 1871.
Вагиф — Молла Пənаһ Вагиф, *Есəрləри*, Баки, 1937.
Вəдади — М. В. Вəдади, *Шеирлəр*, Бакы, 1939.
Гафф. — Мирза Абдулла Гаффаров, *Персидско-русский словарь*, т. I, М., 1914; т. II, М., 1927.
Грамм. алт. яз. — «Грамматика алтайского языка», составлена членами алтайской миссии, Казань, 1869.
Грамм. шор. яз. — Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, М.—Л., 1941.
Ибн-Мух. — С. Е. Малов, *Ибн-Муханна о турецком языке*, — «Записки коллегии востоковедов», т. III, вып. 2, Л., 1928.
Малов, Пам. — С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, Тексты и исследования, М.—Л., 1951.
Мел., Ар. фил. — П. М. Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, СПб., 1900.
Һ. Мəһди, Вəт. чичəк. — Һ. Мəһди, *Вəтəн чичəкləри*, Баки, 1943.
Муғ. гр. шив. — «Азəрбајчан дилинин Муған групу шивələри», Бакы, 1955.
Радл., Сл. — В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, I—IV, СПб., 1888—1911.
Фүзули — Фүзули, *Есəрləри*, ч. I, Баки, 1944.
Хəтаи — Хəтаи, *Дəһнамə*, Баки, 1946.
абб. — чəфəр чаббарлы, *Есəрləри*, ч. II, *п'есləр*, Бакы, 1950.
Юдах. — К. К. Юдахин, *Киргизско-русский словарь*, М., 1940.

Abu-Hay. — Ahmet Caferoğlu, *Abû-Hayyân, Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk*, Istanbul, 1931.
Al-Qawānīn — S. Telegdi, *Eine türkische Grammatik in arabischer Sprache aus dem XV Jhdt.* — «Körösi Ssoma Archivum», Ergänzungsband I, H. 3, Budapest—Leipzig, 1937.
Atebet., Fihr. — R. R. Arat, *Edib Ahmed b. Mahmud Yükneki — Atebetü'l-Hakayık*, Istanbul, 1951.
Battal — Aptullah Battal, *Ibn-Mühenna lûgati*, Istanbul, 1934.

Bulġat. I — A. Zajączkowski, *Manuel arabe de la langue des Turcs et des Kipchaks (Époque de l'État Mamelouk)*, Warszawa, 1938.
Bulġat. II — A. Zajączkowski, *Słownik arabsko-kipczacki z okresu Państwa Mameluckiego*, Cześć II, *Verba*, Warszawa 1954.
Çarhname — Ahmed Fakih, *Çarhname, yayımlıyan ve işleyen Mecdud Mansuroğlu*, İstanbul, 1956.
Dast. Harami — *Dastan-ı Ahmet Harami*, nakili Talât Onay, İstanbul, 1946.
Deny — J. Deny, *L'armeno coman et les «Ephémérides» de Kamieniec (1604—1613)*, Wiesbaden, 1957.
Die seldsch. Vers. — W. Radloff, *Über alttürkische Dialekte*, Bd I. *Die seldschukischen Verse im Rebâb-namê*, SPb., 1890.
Dizin — «Divan-i lûgat-il-Türk Dizini — Endeks», yazan Besim Atalay, Ankara, 1943.
Eş-şüzûr. — Molla Salih, *Eş-şüzûr-uz-zehebbiyye vel-kitai'l-Ahmediyye fil-Lûgat-it-Türkiyye*, çeviren Besim Atalay, İstanbul, 1949.
Ettuhfet., Dizin — «Ettuhfet-üz-zekiyye fil lûgat-it-Türkiyye», çeviren Besim Atalay, İstanbul, 1945.
Houtsma — M. Th. Houtsma, *Ein türkisch-arabisches Glossar*, Leiden, 1894.
İzbud. [ak] — Velet İzbudak, *El-İdrak haşiyesi*, İstanbul, 1946.
A. Joki — Aulis J. Joki, *Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache*, — «Studia Orientalia», vol. XIX, Helsinki, 1953.
M. Kāşgarī — «Divanü lûgat-it-Türk tercümesi», çeviren Besim Atalay, I—III, Ankara, 1939—1941.
KW — K. Grønbech, *Komanisches Wörterbuch*, København, 1942.
La «Regola» — Alessio Bombaci, *La «Regola del Parlare Turcho» di Filippo Argenti*, — «R. Instituto Superiore Orientale», Napoli, 1938.
Müyessiret-ül-Ulûm — Bergamalı Kadri, *Müyessiret-ül-Ulûm (Muyassıratu-'l-'Ulûm)*, yayınlıyan Besim Atalay, İstanbul, 1946.
Pav. — M. Pavet de Courteille, *Dictionnaire turk-oriental*, Paris, 1870.
Próby liter. — H. Seraja Szapszał. *Próby literatury ludowej turków z Azerbajdżánu perskiego (wstęp, teksty, tłumaczenie i słownik azerbajdżańsko-polsko-niemiecki)*, Kraków, 1953.
Przekł. Kalili i Dim. — A. Zajączkowski, *Studia nad językiem staroosmańskim. I. Wybrane ustępy z anatolijsko-tureckiego przekładu Kalili i Dimny*, Kraków, 1934.
Przekł. Koranu — A. Zajączkowski, *Studia nad językiem staroosmańskim. II. Wybrany rozdziały anatolijsko-tureckiego przekładu Koranu*, Kraków, 1937.
R., CC — W. Radloff, *Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus*, SPb., 1887.
Rossi — Ettore Rossi, *Il «Kitāb-ı Dede Qorqut»*, 1932.
Sözlük — «Türkçe sözlük», 2-nci baskı, hazırlıyan Mehmet Ali Ağakay, Ankara, 1955.
Şeyhi — «Şeyhi Divanı», İstanbul, 1942.
Trakt. o łucz. A. Zajączkowski, *Mamelucko-turecka wersja arabskiego traktatu o łucznictwie z XIV w.*, — «Rocznik orientalistyczny», t. XX, Warszawa, 1956.
Turf., VIII — A. von Gabain, *Türkische Turfan-Texte VIII*, — «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften», Klasse für Sprache, Literatur und Kunst, Jahrgang 1952, № 7, Berlin, 1954.
Yusuf ve Zel. — Şeyyad Hamza, *Yusuf ve Zeliha*, nakleden Dehri Dilçin, İstanbul, 1946.
Zabytek — A. Zajączkowski, *Zabytek językowy ze Złotej Ordy «Husrev u Širin» Qutba*, — «Rocznik orientalistycznay», t. XIX, Warszawa, 1954.
Պ. Կարապ.-Մեծ բառարան օսմաներենէն հայերեն, երկասիրութիւն Պետրոս Զեքի Կարապետյան, Կ. Պոլիս, 1912.
Կամենից — Կամենից, Տարեգիրք հայոց Լեհաստանի և Ռումենիոյ հաւաստչեայ յաւելածուլք, Վենետիկ, 1896.

ДАН-В — «Доклады Академии наук». Серия В.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества».
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft».
MSOS — «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin».
SPAW — «Sitzungberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften».
WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».

азерб.	— азербайджанский
алт.	— алтайский
араб.	— арабский
армяно-коман.	— армяно-команский
башк.	— башкирский
гагауз.	— гагаузский
др.-тюрк.	— древнетюркский
иранск.	— иранский
казах.	— казахский
калм.	— калмыкский
к.-калп.	— каракалпакский
кирг.	— киргизский
крым.-тат.	— крымскотатарский
межтюрк.	— межтюркский
общетюрк.	— общетюркский
перс.	— персидский
русск.	— русский
тат.	— татарский
тув.	— тувинский
тур.	— турецкий
узб.	— узбекский
хак.	— хакасский
чув.	— чувашский
шор.	— шорский
якут.	— якутский

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ И ФОРМ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

В указателе аффикс с дефисом слева является именным, аффикс с дефисом слева и справа — глагольным. Слово с дефисом справа означает глагольную основу (корень), иногда основу или корень слова вообще.

Слова и формы, содержащие буквы с диакритическими знаками, следуют за теми же словами и формами, содержащими буквы без знаков, например, за а следует ā, затем ă, ä; за у следует ӯ, затем ў, ӱ. Греческая «альфа» следует после а, как в первом, так и во втором разделе указателя. Буква j в первом разделе следует после й, i — после и, h — после х, ҳ. Буква ç во втором разделе следует после č, ɣ — после g, ı — после i, ş после š.

Глаголы приводятся в словарной форме (в виде инфинитива или основы).

I

а

-а- 14, 15, 23, 27, 28, 33, 34, 69, 75, 90, 136, 137, 203—206, 208, 211—214, 216, 217, 219—223, 227—233, 235—243, 248, 249, 258, 259, 262, 263, 267, 270, 277, 288, 296, 305, 309, 311, 313, 317, 319, 320, 323, 324, 335, 336, 340, 343, 345, 346, 349, 388, 390, 418, 423, 424, 439—441, 443, 444, 457, 468, 469
аар («тяжелый») 306, 386
аар («дальше») 446
аар («пчела») 446
аарсы- 306,1
*аары 333
аарчы- 333, 335
аас 366
аас- 366
аат 54
аат 252
ааттар- 252
аатаа 54
абад 154
абадий 181
абадийлаштирмоқ 183
абадланмаг 154
абадлашмаг 154
абру 44,94
абстрактлан- 101
абстрактлашмаг 139
абстрактный 101, 139
абыр 44, 94, 95, 105
абырламаг 44, 45, 94, 95
абырланмаг 105
ав 386
ава- 231, 386
аван 101
аванлан- 101
аванс 54
авансла- 54
авж 183

авжлантирмоқ 183
автомат 141, 144, 148
автоматлаш- 144
автоматлашмаг 141
авун- 231, 386
авур 386
авы- 231
авыз 110
авызлан- 110
авыр 143, 386
авыр- 525
авырай- 275
авыргала- 351
авырлаш- 143
авырсын- 306, 309
авырт- 525
авыша- 386
-аг 90
-агар- 249
агза- 227
агзамак 210, 213, 228
агитация 53
агитациле- 53
агла- 346
агралмак 275
агрармак 249
агуламаг 287
агы 23
агыз 210, 213
агыл- 138
агыр 144, 250, 275
агыр- 386
агыралмак 275
агырармак 249
агырлаш- 450
агырлашмак 142
агыры 387
агы этмек 23
ағ («плач») 22, 23, 25
ағ («белый») 248, 249
*ағ (корень в ағыр) 386
ағ- 337
аға 109, 120, 279
ағаі- 279
ағаланмаг 109, 120
ағар- 249, 279
ағармаг 249
агзыгара 11
ағла- 22, 23, 26, 117, 470, 503
ағна- 334
ағру- 232, 238
ағры 375, 386, 387
ағры- 375, 387
ағрық 309
ағрықсын- 309
ағу 285
-ағу 424
ағы 38, 64
ағыз 212
ағыл- 138
ағыламаг 38, 64
ағыр 386, 387
агыр- 375, 386, 387
ағыры 387
аҕыр 101, 232, 236
аҕырлан- 101
ад 209
-ад- 393, 394
ада- 209, 227
адабий 181
адабийлаштирмоқ 181
адал 308
адалсын- 308, 314
адам 307
адамсын- 307, 314
адаттан- 106
аддым 13, 64
аддымламаг 13, 64
адеп 101
адептен- 101
адрес 54
адресла- 54
адым 50
адымла- 50
адын- 463
адыр 463
адыш- 533
-ад- 279, 281, 282, 288
аек 101
аеклан- 101
ажаб 106, 342
ажабланмоқ 106, 342
ажабсинмоқ 342
ажап 310
ажапсын- 310
ажырға- 328
аз 274, 280, 301, 304, 307, 408
аз- 408
азай- 274, 280
азалмаг 274
азар 95, 106
азарламаг 95, 115
азарланмаг 95, 106
азах 110
азахтан- 110, 123
азган 303
азгансы- 303
азірган- 328, 330
азмаг 293
азра- 511
азсын- 307
азымахта- 487
азымахтан- 487
азыра- 137

азырал 137
азыхмаг 293
аі 266
аіғыр- 266
аіла- 467
аіна 110
аіналан- 110
аір- 463
ай 56, 443
ай- 524
-ай 239, 396
-ай- 259, 269, 274, 275, 276, 278—283, 288, 342, 394, 396
айа 198
айақ 364
айала- 198
айас 407
айас- 407
айаста- 407
айäп 53
айäпла- 53
айб 283
айбык- 285
ай-вай 198
ай-вайла- 198
айғыр- 266
айдынлашмак 143
айдың 143
айдыс 137
айла- 54, 467
айланыс 137
аймағыр- 251
аймах 248, 251
айт- 339, 395, 510, 524
ай-һай 198
айһайла- 198
айыл 285
айыр- 463
айырд 392
айыт- 524
ajar 38, 167
ajarгламаг 38
ajarлашмаг 167, 169
ajақ 403
ajak- 403
ajдын 177
ajдынлатмаг 177
ajдынлашмаг 177
ajрыл- 531
ajыб 95
ajыбла- 430
ajыбламаг 95
акса- 91
аксакла- 91
актив 144
активлаш- 144
активлашмоқ 144
акыл 308
акылдуу 308
акылдуусун- 308
акыр- 267, 269, 488
акырын- 488
акыш 106
акыштан- 106
ак 92, 365
ак- 91, 365
акла- 91
ақ 279
ақ- 138, 364
-ақ 230, 239, 411, 434
ал 192, 471
ал- 270, 303, 350, 509
-ал- 28, 269, 270, 271, 273, 274, 275—278, 283, 288, 338, 343
-ала- 346—348, 352, 355
алаг 46
алагламаг 46
алак 303
алаксы- 303
алақсы- 306, 316
алала- 525
алалат- 525
аламан 429
алгала- 350
алган 303
алгансы- 303
алғас 137
алда- 92, 192, 356, 471
алдала- 92
алдан- 192, 471
алдат- 192, 471
алдаў 364
алдаш- 356
алка 109
алкалан- 109
алма 101
алмалан- 101
алов 41, 176, 187
аловламаг 14, 41, 185, 187
аловланмаг 176, 185
аловлатмаг 176, 185
аловлу 187
алтаіла- 55
алтан- 121
алты 443
алчаг 117, 176, 271, 272
алчагланмаг 117, 176
алчаглатмаг 176
алчал- 272, 273
алчалмаг 271
-алы 239
алынмаг 487
алышмак 533
-ам 230

аманлас- 450
ан 265
-ан 223, 239, 322
ан- 439
-ан- 27, 316, 317, 318, 345
анач 117
аначланмаг 117
ангырмаг 265, 269
андар- 515
анжак 364
аниқ 144
аниқлашмоқ 144
аниқов 311
аниқовсирамоқ 311
анла- 83
анламаг 541
анламак 211
*анлашмаг 541
анлашылмаг 541
ант 165
антташ- 165
анткар 303
анткорсу- 303, 314
анчак 364
анълас 137
анънас 137
аң 365
аң (аиг) 240, 260, 365
аң- 223, 365, 439, 515
аңгар- 260, 262
аңгыра 101, 342
аңгыра- 267, 269
аңгырай 342
аңгыралан- 101, 342
аңдар- 515
аңков 311
аңкоосу- 311
аңкаі- 240, 241, 242
аңламақ 211
аңсат 143
аңсатлашмак 143
апар- 484
апат 51
апатла- 51
ар 104, 116
*ар 398
-ар 386
ар- 284, 313
-ар- 30, 70, 247—249, 253—255, 257—259, 262, 269, 270, 271, 278, 288, 338, 341, 386, 457, 477
ара 82, 168
араз 164
аразлашмоқ 164
араламаг 80
аралан- 479
аралашмоқ 168
арам 307
*арамаг 357
арамсын- 307, 314
арамсынт- 307
арашдырмаг 357
арвад 109, 114, 120
арвадланмаг 109, 114, 120
аргашмак 532
арзан 281, 282
арзанай- 281
арзон 144, 307
арзонлашмоқ 144
арзонсинмоқ 307
арзу 45
арзуламаг 45
аркайын 311
аркайынсырамак 311
арқалы 498
арқаш- 136
арланмаг 104, 116
арпа 14, 46
арпаламаг 14, 46
аррык 311
аррыксырамак 311
аррыксын- 311
арсар 306
арсарсы- 306
арсы 314
арсыз 99
арсызланмаг 99
арт 261, 262, 366
арт- 366, 463
артельдеш- 175
артельләш- 175
артқар- 261, 262
артмаг 516
артык 308
артыксын- 310
артын- 463
артырмаг 516
ару 333
арув 333
аруу 333
арха 110, 114, 122
архаланмаг 110, 114, 122
архач 49, 60, 80
архачламаг 49, 60, 80
арчи- 398
аршын 38, 58
аршынламаг 38, 58
ары («чистый») 333, 397, 398
ары («пчела») 446
ары- 397, 398
арыг 44, 95
арыгай- 281
арыгламаг 44, 95, 115
арыз 167

арыздаш- 167
арык 281
арық 282
арықсын- 311
ас («память») 29, 329
ас («голодный») 366
ас («пища») 209, 224
ас- 463, 481
аса- 209
асабий («нервный») 147
асабий («родственный») 147
асабийлашмоқ («нервничать») 147
асабийлашмоқ («защищать свою нацию») 147
асан 151, 177
асанлатмаг 177
асанлашмаг 151, 177
с ăрха- 29, 329—331
асгырмаг 265
аскер 144
аскерлеш- 144
асқы 429
ас + ла 52
асмак 357
аста- 52
астар 46
астарламаг 46
асудә 154
асудәләнмәк 154
асудәләшмәк 154
асфалт 39
асфалтламаг 39, 58, 66, 530
асылын- 494
асын- 481
асышдырмак 357
аҫ- 366
ат («лошадь») 91, 111, 260
ат («имя») 209, 227, 285
ат- («бросать») 91, 292, 351
ат- («стрелять») 350, 481
ат- («разинуть») 463
-ат- 393, 394
ата- 209, 221, 228, 240, 241, 494
ата 25
атаг 292
аталын- 494
аталыш- 540
атгар- 260
атік- 286
атқа- 240—242
атказ- 260
аткала- 351
аткар- 260
атқала- 349
атқар- 260
атла- 91
атланмаг 111, 121
аттан- 121
атык- 286
атыл- 503
атыла- 93
атылық- 292
атым 304
атын- 481
атынмак 487
атыы 53, 429
атыыла- 53
ау- 244, 246, 515
аудар 515
аулақ 305
аут- 246
аутқу- 246, 247
аўру 375
аўру- 375
аўры 375
аўры- 375
афсус 106
афсусланмоқ 106
ах 201
ахмаг («глупец») 44
ахмаг («течь») 516
ахмагла- 430
ахмагламаг 44
ахтар- 260
ахтармаг 260
ахшам 14, 49
ахшамламаг 14, 49, 115
ахылда- 200
ахытмаг 516
аһаа- 209
аһылланмаг 154
аһыллашмаг 154
ач («голодный») 288, 328, 366
ач («светлый») 366
ач- («чувствовать голод») 366
ач- («открывать») 366, 459
ачдырмаг 516
ачи- 398
ачитмоқ 535
ачла- 52
ачмаг 481, 516, 543
ачу 330
ачулан- 330
аурқа- 330
ачуу 399
ачўў 398
ачў 328
ачўрқан- 328, 330
аччиқ 398
ачы 398
ачы- 398
ачығ 398
ачык 283, 288
ачыл- 116, 503

ачылышмаг 543
ачынмак 481
ачырқа- 328, 330
ачыт- 536
ач 283, 366
ач- 366
ачыз 154
ачызләшмәк 154
ачызләшмәк 154
ачы («горький») 177, 398, 399
ачы («боль») 399
ачы-(«горкнуть») 398, 399
ачы- («страдать») 399, 459, 485
ачыгмаг 283
ачыглан 428
ачыламаг 185
ачыланмаг 177, 185
ачылатмаг 177, 185
ачылашмаг 85, 177
ачымаг 535, 536
ачынмаг 491
ачытдырмат 525

ачытмаг 525
ачышмаг 535, 536
аш 211, 224, 225, 366
аш- 463
аша- 209, 210, 221, 224
ашағы 179
ашағылатмаг 179
ашан- 488
аш аша- 25, 488
ашăк 55
ашăкламак 55
ашна 165, 169
ашналашмаг 165, 169
ашы 39, 47, 328
ашыламаг 39, 47
ашырқан- 328, 330
аъттан- 121
аяз 408
аяк 468
аяқлан- 123
аяқта- 468
аяқтан- 123

ā

āгармак 249
āгдармаг 515
āгламак 312
āгмак 337
āгнамак 337
āдат 106
āдатланмак 106
āжа- 398, 433
āжы- 433
āжыкмак 283
āзалмак 276
āзык 108
āзыкланмак 108

āламжырамак 312
āлдамак 357
āлдашдырмак 357
āң 333, 365, 421, 439
āң- 366, 421, 439
āңшыр- 333
āңшырмак 335
āр 386
ār- 386
āралашмак 532
āрт 168
āртлашмоқ 168

ă

ăк 364
ăн 51, 260
ăнкар- 260

ăнкарт- 260
ăнла-51
-ăр- 418

ä

-ä- 259, 343
ävăр- 259
äг- 462
äзä- 210, 228
äіт- 351
äіткälä- 351
äк- 462
äм 305
ämзä- 305
äң- 278, 462

äңäі- 278
äңкäі- 278
äр 209, 211, 286
-äр- 253
äрä- 209
äрік- 286, 287
äрк 309
äркä- 468
äркälä- 467
äрксін- 309

äс 29, 210, 260, 262, 328, 329
äскäр- 260, 262
äскіl- 271
äскір 271
äткäр- 519
äткўр- 519

ɑ

-(ɑ)г 91, 352
-(ɑ)гла- 351, 532
-(ɑ)к- 352
-(ɑ)й- 203
-(ɑ)кла- 90
-(ɑ)қ- 203, 404
-(ɑ)кдə- 351
-(ɑ)л- 203
-ɑм 430
-(ɑ)мсын- 308
-ɑн- 316—321
-(ɑ)р 203, 323

б

*ба 408
ба- 57, 291, 408
-ба- 396
баас 138
баатыр 304
баатырсы- 304
бабат 151
бабатлашмаг 151
баг 56, 208
баға 252
бағар- 252
бағдаш 380
бағдаш гур- 381
бағилламоқ 268
бағламаг 57, 60, 66
бағыр 268
бағыр- 237, 268, 269
бағырмаг 268
бағыш 47
бағышламат 47
бадаг 45
бадагламаг 45
бадараан 55
бадарааннаа- 55
базар 163, 169
базарлашмаг 163, 166, 169
бай 164, 211, 232, 233
бай қилмоқ 164
байлашмоқ 164
байы- 232, 249
бајатымаг 238
бајрам 167
бајрамлашмаг 167
бак- 348
бакала- 348
бакылда- 201
бакынмак 487
бакышмак 533
бақ 268
бақ- 253, 364, 429
бақ ет- 268
бақирламоқ 268
бақыр- 237, 268, 269
бала 32, 110, 307
балаламаг 82
балалан- 110
баланд 147
баландлашмоқ 147
баласын- 307
баласынт- 307
балача 154
балачаланмаг 154
балачалашмаг 154
балзам 39
балзамламаг 39
балк 202
балкылдамак 202
балку- 202
балқимоқ 202
балқы- 202
балтала- 87
балық 364
бан 45
бан- 496
бандерол 58
бандеролламаг 58
банламаг 45
бар 98, 113
бар- 511
бар бар бағыр- 420
бардан 60
барданламаг 60
барланмаг 98, 113
бармаг 38, 58
бармагла- 428
бармагламаг 38, 58
барығ бар- 25
басгылашмаг 532
басдырмаг 526
басмаг 526
бастыр- 395
басын- 319
бат- 494
батылын- 494

батыр 107, 342
батарай- 342
батырлан 106, 342
*бауыз 54
бауызда- 54
бауыр 165, 166
бауырлас- 165, 166
бафта 39
бафталамаг 39
бах- 503
бахдырмаг 517
бахмаг 517
бахтсиз 100
бахтсизланмоқ 100
бахс 164
бахслашмок 164
баһа 99, 117, 154, 177
баһаланмаг 99, 117, 154, 177
баһалатмаг 177
баһалашмаг 154, 177
баш 58, 261, 262
башақ 364
башга 139
башгалашмаг 139
башда 58
башдан 58
башкар- 261, 262
башла- 83, 485
башламаг 58
башлан- 485
башыәтли 12
бәзар 147
бәзарлашмак 147
бәй 207
бәйы- 233
бәямак 207, 228
бәкү- 236
бәнзә 298
бег 363
без 408
без- 408
без бол- 408
без болмаг 289
безешмек 532
безикмек 289
безикмәк 289
безмәк 289
бейнет 106
бейнеттен- 106
бек 232, 342, 365, 366
бек- 366
бекелмек 342
бекемек 342
бекешмек 532
беки- 232, 236, 469
бел 13, 409
бел- 75, 409
белги 75, 409
белде- 75, 409
белес 100
белестен- 100
белир- 75
белле- 409
белләмәк 13
бензе- 221
бер 165
бергее 208
берек- 284
берік 365, 366
берк 208, 211, 232, 236, 342, 366
беркелмек 342
беркемек 342
берки- 232, 366
берклемек 342
берклешмек 342
берләш- 165
бетёр 159
бетёрлемек 159
бетёрленмек 159
бетон 39, 51
бетонда- 51
бетонламаг 39, 66, 81, 530
беһ 169
беһбуд 38
беһбудламаг 38
беһләшмәк 166, 169
бә 22, 265
бәдбин 145, 151
бәдбинләшмәк 145, 151
бәдир 98
бәдирләнмәк 98, 117
бәj 363
бәjәнмәк 322
бәjирмәк 265
*бәкирмәк 265
бәл 26
*бәл 74, 75
бәлә- 22
бәләмәк 74, 228
бәллә- 26, 74, 75
бәлләмәк 74
бәлли 74
бәнзә- 459
бәнзәмәк 211, 224, 514, 527
бәнзәт- 513
бәнзәтмәк 513, 527
бәниз 211, 212, 225, 429
бәркі- 488
бәркимәк 536
бәркинмәк 488, 489, 491
бәркитмәк 238
бәркишмәк 532, 535
бәс («заклад») 164
*бәс 409 (корень глагола бәслә-) 409

бәсеке 164
бәсекелес- 164
*бәсилә- 409
бәсит 154
бәситләнмәк 154
бәситләшмәк 154
бәслә- 409
бәстес- 164
бәхjә 39
бәхjәләмәк 39
бәһс 163, 169
бәһсләмәк 162
бәһсләшмәк 162, 163, 169, 172
бәчә 82
бәчәләмәк 82
биз 38, 60, 80
бизлә- 87
бизләмәк 38, 60, 80
биіксін- 310
бийик 310
бийиксин- 310
бик 232, 366
бикар 139
бикара 151
бикаралашмаг 153
бикарлашмаг 139
бил- 75
биланглямоқ 196
билжира- 324
билжи 326
билжи: алжи-билжи 324
билжирамоқ 324
билинмәк 484
билмәк 484
билөв 38
билөвләмәк 38
бир 284
бирге 165
биргелеш- 165
бирик- 284
бириқмәк 283
бириқмоқ 284
бирчәк 47, 174
бирчәкләмәк 47, 174
бирчәкләшмәк 174
бит- 435, 464
битәрәф 139
битәрәфләш- 21
битәрәфләшмәк 139
битирмәк 515
битиришмәк 532
бітишмәк 536
битмәк 515, 536
битмоқ 536
бичдирмәк 516
бичмәк 61, 516
биширмәк 523
биширтдирмәк 523
биширтмәк 523
биэр- 494
биэрилин- 494
бйригишмек 531
бйрикмек 531
бірік- 284
блан 499
блокада 53
блокадала- 53
*бо 291
боғаз 174
боғазламаг 174
боғазлашмаг 174
боғмаг 291
боз 248, 249
бозар- 249
бозор 147
бозор- 249
бозорлашмоқ 147
бозармаг 249
бой («рост») 50, 55, 233, 366
бой («богатый») 236
бойи- 233, 238
бойіламак 50, 55
бojан- 483
бojлан- 428
бокчо 278
бокчой- 278
бол 154, 207, 211
боламак 207, 212, 228
болга- 242
болланмаг 119, 154
боллашмаг 119, 154
болтала- 87
болыт 159
болытла- 159
болытлан- 159
бомба 51
бомбала- 51
бор- 351
боргала- 351
борилмоқ 502
бормоқ 502
борозда 51
бороздала- 51
боруобуй 46
боруобуйдаа- 46
борын 50
борынла- 50
борыш 108
борыштан- 108
бос 233
бош 43, 207, 211, 232, 274
боша- 207
бошалмаг 274
бошамаг 207, 228, 486

бошамак 207, 212
бошамоқ 207
бошанмаг 486
бошламаг 43
боя 399
боя- 399
бөгмак 291
бө 265
бөгрек 364
бөҕө 329
бөҕөргөө-329
бөҗук 109, 120
бөҗукләнмәк 109, 120
бөҗурмәк 265
бөк- 334
бөкчөйі- 334
*бөкурмәк 265
бөүкут- 338
бөүкудмәк 338
бөр- 537
бөреш- 536
бөрмә- 537
брак 52
бракта- 52
брошүраламаг 44
бу 22
буғ 98, 111, 446
буғаланмаг 157
буғланмаг 98, 111
будаг 98, 113
будагланмаг 98, 113
будамаг 229
будан 166
буданлас- 166
бузов 82
бузовламаг 82
бујнуз 38, 160
бујнузламаг 38, 160
бујнузлашмаг 160
букла- 367
букле- 367
букмоқ 334
букчаймоқ 334
бул- 210
була- 22, 430
буламаг 242, 489
буланмаг 489
булк- 444
булку- 444
булт 210, 212, 248
бултаа- 113, 210
булут 98, 101, 145, 212
булутланмаг 98, 113
булутлашмаг 145
булуттан- 101
уң 435
уом 52
буомпаа- 52
буоска 51
буоскалаа- 51
бур- 330, 536, 537
бура- 230, 468, 536
бурамоқ 230
бурахдырмаг 517
бурахмаг 517
бураш- 536
бурғу 58, 60, 64
бургуламаг 58, 60, 64
бурқ 234
бурқамоқ 245, 247
бурқимоқ 234
бурқир 234
бурқирамоқ 234
бурмаг 60, 289
бурмоқ 230, 245
буруп 47, 59, 193, 405
бурулаг 193
буруламаг 47, 59, 77, 78
бурумак 405
буруус 51
буруустаа- 51
бурухулмаг 289
бурхулмаг 289, 292
буруш- 537
бут 413
буў 446
бухар 98, 118
бухарланмаг 98, 118, 157
бухов 80
буховламаг 80
буш 281
буша- 281
бушай- 281
бў- 464
бўг 251, 341
бўгармаг 251, 255, 341
бўгланмак 341
бўзар- 249
бўй 100
бўйланмоқ 100
бўкирмоқ 269
бўш 233
бўшалмоқ 274
бұл 252
бұлқ 252
бұлт 252
бұлтар- 252
бўгўн- 334
бўктәр- 334
бўдре- 409
бўдрәмәк 215, 228
бўдўр: бўдўрсўдўр 409
бўдўр-сўдўр 215, 409
бўдўрўй- 215

бүк 367, 421
бүк- 282, 334, 367, 421
бүкте- 367
бүкүр 278, 282
бүкүрөй- 278
бүкши- 334
*бүр- 537
бүргәс 87
бүрме 537
бүрмө 537
бүрүмәк 238, 479
бүрүнмәк 479
бүрүш- 459, 536, 537
бүрүшмәк 536, 537
бүт 367, 426
бүт- 367, 435, 464
бүтүн 435
быа 408
бығ 206
быйык 206
быjыг 206
былжыра- 220
былч 220
былч былч чайна- 220
былчыл 220
былчылда- 220
бытбылдық 429
бытыра 400
бытыра-400
бытыраа 400
бытырағ 400
быһах 87, 110
быһахтан- 110
бычаг 38
бычагла- 87
бычагламаг 38, 481
бычакта- 87
быш 265
быш- 378
бышкыр- 265, 267
бышык 378
бышык- 378
бюрократ 145
бюрократлашмоқ 145

В

ваг 200
вагай- 281
вагыр 200
авгырдамаг 200
вағ 433
вағирла- 433
вада 164
вадалашмак 164
вай 198
вайламак 198
вај 194
вајыл 194
вајылдамаг 194
вајылты 195
вак 107, 281, 342, 474
вакла- 107, 342
ваксын- 342
вакырдамак 201
вақ 433
вақирла- 433
вақлан- 450
вал- 474
валај 46
валајламаг 46
ванғ 433
ванғилла- 433
ваңңырдамак 201
вар 117
вараг 47, 49
варагламаг 47, 49
варкылдамак 201
варланмаг 117
ват- 474
ватӑ 276
ватӑл- 276
ваһимә 104
ваһимәләнмәк 104
вӑй 367
вӑй- 367
вӑш-вӑш 321
вӑшкӑн- 321
вејл 156
вејлләнмәк 156
вејлләшмәк 156
верилмәк 502
вәгъдә 165
вәгъдәләш- 165
вә'дә 166, 169
вә'дәләшмәк 166, 169
вәнкилдәмәк 199
вәрдәнә 38
вәрдәнәләмәк 38
вәрәм 45, 82
вәрәмләмәк 45, 82
вәһши 139
вәһшиләшмәк 139
вида 164, 169
видалашмаг 164, 169
видолашмоқ 164
визилламоқ 193
винт 47
винтләмәк 47

ур- 416
урмаг 65, 77
урнухмаг 293
вурунмаг 293
урһавур 374
ыз-выз 194, 195

-г 90, 272
-г- 299, 503
га 22
-га- 75, 238—247, 278, 322, 343, 345, 349, 457
габ 60, 255
габа 139
габа- 272
габаг 49, 163, 167
габагламаг 49, 163
габаглашмаг 139, 163, 167
габалашмаг 169
габар 98
габарланмаг 98
габармаг 255
габламаг 60
габыг 98, 113
габырланмаг 98, 113
гаврамаг 327
гаггылдамаг 193, 199
гагшамаг 333
гагылдамак 266
гагырмак 266
гағылдамаг 193, 199
гадыр 100
гадырланмак 100
гаҗәп 308
гаҗәпсән- 308, 314
газ 98
газ- 444
-газ- 518
газдамаг 45, 46
газламаг 45, 46
газланмаг 98, 157
газмаг 99
газмагланмаг 99
газы- 444
газынмаг 487
-гай- 282
гайнадынмак 487
гайрәт 107
гайрәтлән- 107
гајмаг 99
гајмагланмаг 99
гајсаг 95
гајсаг бағламаг 95
гајсагламаг 95
гајтармаг 516, 517
вызыл 420
вызыл-вызыл 194, 195
вызылда- 194, 420
вызылдамаг 193
вызылты 420
выјылдамаг 199

г

гајырмаг 258
гајыт- 524
гајытмаг 516
гал 240
гал- 289
гала- 22
-гала- 346, 349, 355
галай 446
галај 66
галајламаг 66
галамаг 229
галгамак 240,
галдир 207
гаядирамоқ 207
галдыра- 241
галдырмаг 239, 518, 523
галцамак 212
галпылда- 240
галх- 289, 445
галхмаг 289, 518
галхызмаг 289, 518, 523
галын 154, 158
галынламаг 158
галынланмаг 154, 158
галынлашмаг 154, 158
галың 207, 212
галыңнамак 207
*гама- 535
гамашмаг 534
гамчы 58, 65
гамчыламаг 58, 65
ган 208, 211, 221
-ган 419
-ган- 316—318, 320—322
ганад 110, 114, 120
ганадланмаг 110, 114, 120
ганамаг 208, 222, 223
гандал 38
гандал(аг) 39
гандалламаг 38, 39
гансыз 140
гансызлашмаг 140
ганун 181
гануни 181
гануниләшдирмәк 181
гануплашдырмаг 181
ганырмаг 258
гап 209, 211, 213, 225, 248, 252, 306

гапаг 60
гапагламаг 60
гапаз 174
гапазламаг 174
гапазлашмаг 174
гапамаг 209, 213, 225, 272, 484
гапанмаг 484
гапирмоқ 252, 263
гапмаг 355, 357
гапышдырмаг 357
гар 33, 50, 266, 287
гар- 460
гар 386
-гар- 253, 254, 259—262, 264, 269, 278, 338, 386, 457, 518, 519
гара 39, 40
гараламаг 39, 40, 77
гаран 388
гаранг 305
гарангсимоқ 305
гаранлыг 142
гаранлыглашмаг 142
гаранмаг 487
гараңкы 324, 388
гараңкырамак 324
гарға 243
гарғы- 243
гардаш 165
гардашлашмаг 165, 166
гарла- 87, 430
гамаламаг 352
гарламаг 39, 50
*гарпмаг 355
гарпышмаг 355
гарт 95, 275
гартламаг 95
гартмаг 99
гартмагланмаг 99
гаршы 49, 60
гаршыламаг 49, 60
гары 144, 150
гарылашмаг 144, 150
гарыхмаг 285, 287
гарыш 38
гарыш- 460
гарышламаг 38
гат 144, 367
гат- 40, 367
гатар 81
гатарламаг 81
гатламаг 69
гатлашмаг 144
гатран 39, 66
гатранламаг 39, 66
гатыг 39
гатыгламаг 39
гачмаг 490
гачһагач 374
гачынмаг 490, 491
гашов 60
гашовламаг 60
гашы 60
гāнамак 222
гāп 274
-гӕр- 519, 520
гезмек 354
гезмелемек 354
гејз 105, 112, 176
гејзләнмәк 105, 112, 176
гејзләтмәк 176
гејрәт 105
гејрәтләнмәк 105
гең 328
геңиргемек 328, 330
гер- 369
геринҗиремек 312
геринмек 488
гермек 312, 488
гетиринмек 487
гәбе 248, 254
гәбәрмәк 254
гәзәб 105
гәзәбләнмәк 105
гәлиз 154
гәлизләнмәк 154
гәлизләшмәк 154
гәм 105
гәмләнмәк 105
гәп 306
гәрар 141
гәрарлашмаг 141
гәриб 301
гәрибсәмәк 301, 302, 314
гәрибсимәк 301, 314
гәһәт 141
гәһәтләшмәк 141
-ги 409
гида 107
гидаланмаг 107
гијмәт 182
гијмәтләндирмәк 182
гипс 39, 50
гипсла- 50
гипсләмәк 39, 58
гӣң 275, 343
гӣңелмек 343
гӣңемек 343
-гле- 90
* го 514
гов 252
говаламаг 347, 348
говламаг 93
говмаг 93, 347
говур- 445

ғовурмаг 252, 258, 263
ғоза 95
ғозаламаг 95
ғој- 502
ғолай 159
ғолайламак 159
ғолайлашмак 159
ғолтуг 14, 47
ғолтугламаг 14, 47
ғомуми 181
ғомумиләштер- 181
ғон- 116
ғондармаг 514
ғонмаг 514
ғоншу 146, 152
ғоншулашмаг 146, 152
ғопартмаг 517
* ғор- 290
ғору- 231, 376
ғоруг 376
ғорхмаг 290, 516
ғорхузмаг 518
ғорхутмаг 516
* ғорых- 290
ғотур 95, 141
ғотурламаг 95
ғотурлашмаг 141
* ғох 234, 236
ғоху 47, 375
ғоху- 375, 439
ғохуламаг 47
ғохумаг 234
ғохуш- 531
ғоһум 165, 169
ғоһумлашмаг 165, 169
ғоча 273
ғочалмаг 117, 273
ғоша 140
ғошалашмаг 140
гӧра- 231
гӧр-429
гөвүш 206
гөвүшемек 206
гөркезмек 518
гөрмек 357
гөрүшдүрмек 357
гөт 435
гөч- 435
грим 39, 50
гримла- 50
гримләмәк 39
грунт 50
грунтла- 50
группа 148
группалашмаг 148, 150
гувоҳ 183
гувоҳлантирмок 183
гудуз 53, 432
гудузламак 53
гудур- 433
гуjруг 47
гуjругламаг 47
гуjу 49
гуjуламаг 49
гулаг 47, 59
гулагламаг 47, 59, 77
гулдура- 214
гулдурамок 216
гулдур-гулдур 199, 216
гулдурла- 214, 216
гулун 222
гум 81
гумбур-гумбур 199
гумбурламок 193
гумламаг 81
-гун- 316, 322
*гур 232, 236, 332, 334, 477
гурагланмаг 110, 112, 120
гургун 143
гургунлашмак 143
гурд 93, 118, 211, 223
* гурда- 93
гурдаламаг 93
гурдамак 223, 272
гурдланмаг 118
гурт 272
* гурт- 477
гуртар- 460, 477
гуртул- 460, 477
гуру 43, 412
гуру- 412
гуруламаг 43
гурулдамаг 199
гурумаг 232, 238, 513
гурутмаг 513
гурша- 332, 474
гуршаг 38, 60, 110, 120
гуршагламаг 38, 60, 529
гуршамаг 332, 335—336
гучаг 38, 60, 61, 340
гучагламаг 38, 60, 340
гучамаг 340
гучмаг 60, 61, 340
гучумаг 340
гўры 412
гўры- 412
гүйч 100
гүйчленмек 100
гүл 100
гүлден- 100
гүлмек 312
гүлүмсиремек 312
гүнеш 50
гүнешлемек 50

гүр 217
гүреш 339
гүрле- 217
гүрүлде- 217
-гы- 238, 243, 246, 247, 289, 345, 457
гывраг 152
гывраглашмаг 152
гығылчым 99
гығылчымланмаг 99
гыдыг 14
гыдыгламаг 14
гыжһагыж 199
гыж 119
гыжамак 119
гыжырдатмак 119
гыз 322
гыз- 378
-гыз- 518
гызармаг 258
гызғын 146, 152
гызғынлашмаг 146, 152
гызык 378
гызык- 378
гызыл 40, 66
гызылламаг 66, 185
гызыллатмаг 185
* гыйгыр-266
гыйын 206
гыj 188
гыjғач 43
гыjғачламаг 43
гыjламаг 188
гыкылык 266
гыкылыклаш- 450
-гыл- 266
-гыла- 346, 349, 350, 355
гылынч 58
гылынчламаг 58
гымыл 192
гымылда- 192
гымылдамаг 201
гымылданмаг 491
гын 205, 206, 211
-гын- 316, 317, 321, 322
гына- 206
гынамаг 205, 228
гынчанмаг 320
гыр 40
-гыр 217
-гыр- 214, 254, 260, 262—269, 278, 337, 518, 519
гырламаг 40
гырмаг 290
гырманч 65
гырманчламаг 65
гырп- 333
гырхмаг 290
гыс- 318, 337
гыса 270, 274
гысалмаг 274
гысганмаг 321, 322
гысгынмаг 337, 518, 523, 526
гысгыртмаг 518, 523
гысмаг 321, 327, 518, 526
гыснамаг 337
гыфыл 65, 66
гыфылламаг 65
гыч 195, 320
гычанмаг 320
гычганмаг 320
гычгырмаг 258
гычыг 112, 116
гычыгламаг 113, 484
гычыгланмаг 112, 116, 484
гычырдамаг 193, 195, 199
гычырдатмаг 219
гычырты 195
гыш («зима») 49, 152
гыш (подражат. корень) 265
гышгыр- 237
гышгырмаг 265
гышламаг 49, 152
гыгырмак 266
-газ- 518
-гар- 518—520

Ғ

-ғ- 381
-ға- 239, 240, 243, 343, 465
-ғай 239
-ғак 239
-ғала- 349, 354, 355
-ғалы 239
-ған 239
-ған- 472
-ғам- 472
ғижилламоқ 193
-ғла- 90
-ғы- 239
-ғы- 243, 246
-ғыла- 268, 349, 350, 351, 355
-ғыр 391
-ғыр- 391

Д

д- 514
-д- 393, 395
да 259
-да 15
-да- 35, 187, 189, 192—199, 201, 205, 214, 219, 267, 269, 281, 327, 387, 393, 394, 420, 503
-да- 230
дагда 52
дагдала- 52
-даги 15
даг 42
дағал 144
дағаллашмоқ 144
дағламаг 42
-дағы 15
дағы- 476
дағыл- 476
дағылышмаг 543
дағыт- 476
дад 181, 184, 320, 367, 443
дад- 320, 367, 466
даданмаг 320, 488—490
даддырмаг 523
дадландырмаг 181, 184
дадмаг 488, 517
дадызмаг 517, 523
дажа- 211, 213, 226
дажы- 235
дајан- 471
дакаас 46
дакаастаа- 46
-даки 15
-дақы 15
дал 371, 396
дал- 371, 396
дала- 22, 71, 72
даламак 72
далаш- 71
далба 396
далба- 396
далбаа 396
далбаала- 396
далда 14, 49, 81, 362
далдаа 362
дал дал 72
далдаламаг 14, 49, 81
далы 109
далылан- 109
дамға 42, 95
дамғаламаг 42, 95
даммаг 518
дамыздырмаг 517, 523
дамызмаг 517, 523
дан 89
данғылдамак 199
данламаг 89
дар 274, 284, 285, 409
дара гыснамаг 284
дара дүшмәк 284
дара салмаг 284
*дар- 409
-дар- 394
дараг 60
дарагламаг 60
даралмаг 274
дарамак 60, 61, 479
даранмаг 479
дарашмаг 245
дардай 407
дардай- 407
дардый 407
дармадағын 4
дартмаг 357
*дары- 409
дарыхмаг 284
дарышлыг 499
дат- 367
даулаш- 164
даш («камень») 38, 40, 144, 213, 226
даш («наружная сторона», «даль») 147, 235, 236
-даш- 135
даша- 231
дашла- 68, 69
дашлашмаг («каменеть») 144, 148, 226
дашлашмак («удаляться») 147
дашта- 211, 226
дашы- 231, 235, 236, 481
дашымаг 235
дашын- 481
дашынмаг 481
даърс де- 218
даяндыр- 471
дәва 164
дәвалашмак 164
дәрәл- 274
дәт- 367
де- 192, 494, 497, 530
-де- 219
девирмәк 258
дег- 363
дегирмен 363
дејишмәк 487
декрет 182
декретлаштыр- 182
дел- 497
делиш- 494
дем 283, 285
демәк 487

демик- 285
демократ 100, 144, 148
демократлан- 100
демократлаш- 144
деңе- 431
деп- 300, 325
депсин- 300
дер 202
дер-дер ит- 215
дерелдә- 202
дери 443
деталь 182
детальләштер- 182
-дә- 35, 187, 192
дәва 108
дәвалан- 108
дәј- 363, 484
дәјирман 363
дәјиш- 460
дәјишәк- 460
дәм 41
дәмләмәк 41
дән 47
дәнләмәк 47
дәрд 162
дәрдләмәк 162
дәрдләшмәк 162
дәрин 177
дәринләмәк 185
дәринләтмәк 177, 185
дәринләшмәк 177, 185
дәстәк 47, 95
дәстәкләмәк 47, 95
дәһшәт 104
дәһшәтләнмәк 104
джав 447
ди 22, 543
диванлән- 117
дидирә- 215
дидишдирмәк 357
дидмәк 215, 357
диже- 209
диз 65, 446
дизләмәк 65
дијирлән- 475
дијирләт- 475
дик 111, 274, 309, 435
дикелмек 274
дикәлмәк 274
дикләнмәк 109
диксин- 431
диксинмәк 309
дил 23, 110, 167, 170, 210—212, 223, 224
дил- 42, 60
дилдира- 215
дилә- 22, 210
дилә дүшмәк 170, 171
диләмәк 210, 211, 223, 225, 486
диләнмәк 486
диләнчи 144
диләнчиләшмәк 144
дилим 42, 43, 60, 352
дилимләмәк 42, 60, 352
дилләнмәк 110
дилләшмәк 167, 170, 171
димдик 58
димдикләмәк 58
дин 22—25
диң- 24
диңлә- 25, 83, 394
диңлә- 22, 23, 26
диң 25
диң- 372
диңлә- 25
диң сал- 25
дир 202, 220
-дир- 514
дир-дир титрамоқ 215
* диридирә- 215
дири 274
дирилдә- 220
дирилмәк 274
диркирә- 220
дирсәк 110
дирсәкләнмәк 110
дирч 274
дирчәлмәк 274
диш 38, 80, 209, 211, 222
дишемек 209
дишәмәк 209, 222, 223
дишләмәк 38, 80
дӣз 446
дӣрелмек 270
дӣри 400
дӣри- 400
дӣрилмек 270, 274
дӣш 222
дӣшемек 222
дікäl- 271
дікіl- 271, 274
дӣш- 222, 460
до 22
довдир 209
довдирамоқ 209
дог- 461
догралмак 270
догум 312
догумсырамак 312
доғ- 229, 460, 461, 543
доғдурмаг 523
доғмаг 523
доғрамаг 229, 327
доғру 415

доғрулмак 270
доғуздурмаг 518, 523
доғузмаг 518
доғурмаг 523
дојмаг 523
дојдурмаг 523
дојуздурмаг 523
дојурмаг 523
доказ- 46
дол- 293, 461
дола- 22
долдурмаг 527
долмаг 293, 527
долу 284
долухмаг 284, 287, 293, 300
долухсунмаг 293, 300
долуш- 461
дон 368, 415
дон- 368
донгулдамаг 199
донмаг 290
донугмаг 290
доң- 368
доозун 223
дост 165, 169
достлашмаг 165
дошман 165
дошманлаш- 165
дөвүнмәк 487
дөјмәк 523
дөјдүрмәк 523
дөјдүртмәк 523
дөјәч 91
дөјәчләмәк 91
дөндәрмәк 514, 515
дөнмәк 514
дөшәк 364
дөшәмәк 229
-ду- 393
дузламаг 484
дузланмаг 484
дул 152, 446
дуллашмаг 152
дуогабар 165
дуогабардас- 165
дур- 290, 504
-дур- 415
дургызмаг 518
дурмаг 504, 505
дуру 270, 504
дуруланмаг 505
дурулмаг 504
дурухмаг 290
дуслаш- 165, 166
дүз 274
дүз- 116, 435
дүзәлмәк 274
дүзкүн 180
дүзкүнләшдирмәк 180
дүзүл- 503
дүйш 29
дүйшүрге- 29, 428
дүјмә 118
дүјмәләнмәк 118
-дүр- 514, 542
дүрсемек 228
дүртмәк 61
дүш- 479
дүшмәк 515, 523
дүшүнмәк 322
дүшүрмәк 515, 523
дүшүртмәк 523
-ды- 393
-дыг 56
дыгылдамаг 200
дыгыр 89
дыгырламаг 89, 484
дыгырланмаг 484
-дык- 212
-дық 419
-дық- 512
дыл 223
дым 55, 343
дымлан- 343
дымык- 343
дынгылдамаг 200
дынгырда- 201
дыңна- 24
-дыр- 175, 356, 395, 485, 513—517, 521, 542, 544, 545
дырдыр 215
дыр-дыр къалтыра- 215
дыр берІп үрк- 215
дырма- 402
дырманмаг 353, 354
дырмашмаг 353, 354
дырмыг 353
дырна- 402
дырнагламаг 487
дырнагланмаг 487
дырыл дырыл 215
дыш 235
дьап 54
дьапталаа- 54
дьэгкэ 251
дьэгкэр- 251
дэң 177
дэңцэт- 177
дэхси 52, 443
дэхсилээ- 52

е- 210, 224, 444
ев 107
евдәки 15
евимдәки 15
евленмәк 107, 122
еге- 409
егеу 409
егөө 409
едилмәк 498
едирмәк 513
ejбәчәр 99
ejбәчәрләнмәк 99
ejи 252
ejирмәк 252, 257, 258
ела- 23
елам 311
еламсыра- 311
елим 210, 212, 223
елләмәк 357
елләшмәк 357
еллик 180
елликләшдирмәк 180
елмемек 210, 223
елп 215
елпимоқ 215
елт 390, 391
елт итеп кит- 391
елтыр 390

ёв 447
ёл- 245
ёлмаламак 354
ёлмак 354
ёлукмак 286

ёмёт 108
ёмётлен- 108

ә 22
-ә- 69, 136, 203, 270, 323
әj- 89, 363
әjл 89
әjләмәк 89, 483
әjләнмәк 483
әjри 270, 275, 443
әjрилмәк 275
әксик 271, 272
әксилмәк 271, 273
әл («рука») 26, 38, 317

е

елтыра- 390
елтыр елтыр кил- 390
енгил 159
енгилланмоқ 159
енгиллашмоқ 159
енигилламоқ 159, 179
-енъ 410
еӈ- 334
*еӈ- 246
еӈбек 106
еӈбектен- 106
еӈкäi- 278
еӈкей- 246
еӈчäi 334
ер 55
ер- 526
ераклаш- 147
еркәк 109
еркәкләнмәк 109
ес 260, 262
ескäр- 260
ескі 248, 550
ескір- 250
ет аса- 224
етмек 498
ећли 140
ећлиләшмәк 140

ё

ёмон 144
ёмонлашмоқ 144
ёт 307
ётсинмоқ 307
ёшармоқ 250

ӗ

ӗн- 292
ӗнӗх- 292

ә

әл («состояние») 313
-әл- 28, 269
әлә- 22
-әлә 346
әләмәк 242
әлләмәк 38, 532
әллә- 26
әлләшмәк 358, 532
әлсерә- 313
әлсіре- 313
-ән- 26, 316, 317

-әр- 70, 247
әри- 461
әрин- 461
әришмиш 461
*әс 329
с- 431
әсәби 146, 152
әсәбиләшмәк 146, 152
әсиркәмәк 28, 328, 329
әснәмәк 337
әт 109
әтәк 86
әтәкләмәк 86, 479
әтирләнмәк 479
әтләшмәк 99
әттир- 519
әһвал 167
әһваллашмаг 167

Ж

жабык- 403
жабық- 403
жабыл- 138
жабыр 240
жавдирамоқ 216
жавдир-жавдир 216
жаз 385
жай- 326
жайка- 244
жайра- 326
*жакса 250
жакшы 249, 250
жакшыр- 249, 250
жақсар- 250
жақсы 248, 250
жақшы 248
*жақын 168
жақында- 168
жақындас- 168
жал 333
жалб 215, 219
жалбыр 215
жалбыра- 209, 215
жалбыр-жұлбыр 215
жалқау 106
жалқаулан- 106
жалп 280
жалпай- 280, 282
жалп жалп ет- 215
жалпый- 280
жалт 250, 318, 319, 389, 391
жалтан- 319, 321
жалтар- 252, 319
жалтат- 319
жалт бер- 390
жалт бұрыл- 252, 390
жалт-жулт эт- 216
жалт-жұлт 252, 390
жалтыл- 390
жалтыр 390, 391
жалтыр- 390
жалтыра- 216
жалт эт- 390
жалчы 333, 335
жан 235, 236, 368
жан- 368
*жана- 235
жанаш- 235
жаны- 235—237
жаң 305
жаңар- 250
жаңса- 305, 315
жаңы 248, 250
жаңыр- 250
жап- 138
жар- 464, 481, 519
жаргыз- 519
жарк 234
жаркы- 234
жарна- 167
жарналаш- 167
жарын- 481
жасар- 250
жасас- 532
жаска- 92
жаскала- 92
жат- 378
жатык 378
жатык- 378
жау 165, 447
жаулас- 165
жаў- 87
жафо 106
жафоланмоқ 106
жаш («молодой») 256
жаш («слеза») 234, 236, 248
*жаш- 475
жашар 250
жашы- 234
жашын- 475
жашыр- 475
же- 210, 497
жел- 497
желби- 236
желбіре- 215
желимде- 497
желимдел- 497
желп 219, 234

желп дегиз- 234
желпи- 215, 234, 236, 237
желпиг 215
желпилде- 215, 219
жеңил 407
жеңил- 407
жер 302
жерси- 302, 315, 316
жиі 101
жиілен- 101
жим 233
жимжи 238
жимимоқ 233, 236
жойлаш- 450
жокто- 89
*жоқ 89
жоқта- 89
жоқшы 89
жсла- 343
жолда- 343
жолук- 286
жолық- 286, 343
жоо 166, 447
жоола- 428
жоолаш- 166
жооло- 428
жоош 233, 236
жоошу- 233, 238
жөтел 407
жөтел- 407
жөтөл 407
жөтөл- 407
жуба- 474
жубан- 474
жубат- 474
жул- 444
жум- 410
жут- 322
жутун- 322
жұл- 293, 354
жұлқ- 293
жұлмала- 354
жұм- 410, 411
жұмыл- 138
жұт 207
жұт- 211, 227, 489
жұта- 207, 227
жұтын- 322, 489
жы 23
жый- 348, 511
жыйна- 338
жыйыс- 532
жық 510
жыл 378
жыл- 334, 377, 378, 402
жыла- 23
жылжы- 334
жылт 216, 390, 391
жылт жулт эт- 216, 391
жылт жылт ет- 216, 391
жылтыр 216, 390, 391
жылтыра- 216, 228, 390
жылт эт- 391
жылы 377, 402
жым$_1$ 279
жым$_2$ 279
*жым 410
жымый-$_1$ («улыбаться») 279, 282
жымый-$_2$ («сжиматься») 279, 410, 411
жымыр 279
*жымыр 279
жымырай- 279
жыт 468
жытта- 468

Ж

-жа- 331, 398
жалт 391
жалтыр 391
жара- 444
жат 443
жау- 87
жаш 443
же- 210, 444
-же- 331
жең 219
жеңжел 164
жеңжелдешмек 164
жең 219
-жи- 331
жик:жик күр- 310
жиксен- 310
жилб 216
жилбер жилбер 215
жилбер жилбер кил- 215
жир 147
жирләш- 147
жум- 410, 411
жут- 320, 411
жүр- 445
жы 23
-жы- 331
жый- 338
жыйна- 338
жылт- 390, 391
жылтыр 390, 391
жыр 443
-жыра- 312

З

-з- 457, 517, 518
забыр 240
забырка- 240
закон 147
законлаш- 147
замазкаламаг 81
зар 159, 233, 236, 283
зарафат 164
зарафатлашмаг 164
зарла- 158
зарлан- 158
зарылдамаг 233
зарымаг 233
зәгыйфь 176
зәгыйфьлән- 176
зәгыйфьләт 176
зәиф 158
зәифләмәк 158
зәифләнмәк 158
зәифләшмәк 158
зәнк 196
зәһәрләнмәк 482
зибилләмәк 185
зибилләтмәк 185
зибилләшдирмәк 185
зий-чув 91, 266, 388
зијидләмәк 201
зинәт 108, 114, 119
зинәтләнмәк 108, 114, 119
зинк 195, 196
зинкилдәмәк 195, 196
зинкилти 195
зоггулдамаг 201
зоғ 82
зоғламаг 82
зор 279, 282, 285
зорай- 279
зорба 152
зорбалашмаг 152
зорикмоқ 285
зөвг 104, 116
зөвгләнмәк 104, 116
зурай- 279
зўраймоқ 279
зүјүлдәмәк 201
зыгг 195
зыггылдамаг 195
зыггылты 195
зыл 263
зын 307
зынгылдамаг 200
зың 220, 263
зыңгыра- 220, 263
зыңкылда- 220, 263
зың эт- 220
зыпылда- 285
зыр-зыр 194, 196
зырпы 152
зырпылашмаг 152
зырылдамаг 197
зырыл-зырыл 197

Ҙ

-ҙаш- 135

И

-и- 215, 230, 231, 232, 353
иб 253, 257
ибір- 253, 256, 257
ибіріл- 257
иблен- 122
*иг- 253
-иг- 301
игәү 409
*иги- 253
*игик 253
игир 410
игір 410, 443
*игір- 410
игіренъ 410
игіренъле- 410
игіренъне- 410
игри 443
-игсе- 299
ид 337
идеал 183
идеаллашдырмаг 183
идін- 487
идэ 107
идэлэн -107
ие 111
иелен- 111
из 243
изғимоқ 243
изи- 402
изиг 402
из излемек 91
излә- 192
иик 252
иинэ 87

иіс 111
иіске- 240
иіскеле- 240
иістен 111
ий 23, 240, 337
ий- 462
-ий- 278
ийик 252
ийлен- 450
ий 111, 234, 240
ийи- 241
ийимәк 234, 240, 340
ийлә- 467
ийләмәк 459
ийләнмәк 111, 340, 467
ийләтмәк 459
ийнәлә- 87
ийрәнмәк 322, 327
-ик 231
-ик- 282
ики 44, 140
икиләмәк 44
икиләшмәк 140
ил 410
ил- 410, 463
-ил 220
-ил- 497
илақмоқ 292
иланг-биланг 196
илашмоқ 292
илге- 243
илгиәлээ- 350
илериле- 272
илерле- 272
илә 499
илиш- 410
илкип — салкып 376
илмоқ 292
илон 196
илыг 177
илыгланмаг 177, 179
илыглатмаг 177
илыглашмаг 177, 179
илээт 251
илээтир- 251
им 317
*ин 197
-(и)н- 378
-ин- 316
инан- 379
инанмаг 498
инанылмаг 498
ингир- 216
ингира- 216
инграмоқ 216
инде 394
ишилде- 216
ишилдәмәк 197
ишқил - 216
ишқилла- 216
ишкилламоқ 216
инле- 216, 394
инләмәк 197
интенсив 140
интенсивләшмәк 140
инчә 44, 275
инчәләмәк 44, 185, 357, 358
инчәләшдирмәк 185, 357
инчәлмәк 185, 275
ипчи- 461
ипчин- 461
*иц 216
ир- 442, 443, 461
-ир 216, 234, 267, 443
-ир- 263
ираг 160
ираглашмаг 160
ирёл- 461
ирәли 14, 49, 58, 59, 60, 82
ирәлиләмәк 14, 49, 58, 60, 82
ириш 14, 42, 67, 234
иришләмәк 14, 42, 67
ириц 234
иришг 101
ириш 101
иришгәлән-101
-иркә- 327
ис 267, 337
иси- 402, 471
исин- 471
исит- 471
искамоқ 240
искәр- 250
исқамоқ 240
исқыр- 266
ислан- 475
ислат- 475
исле- 193, 394
ислиқ 403
иссиқ 402, 403
иссиқламоқ 179
исте- 193, 394
истираһәт ет- 470
истифадә 104
истифадәләнмәк 104
ит 168, 169
ит- («делать») 437
ит- 487, 513
-ит- 338, 513
итар- 347
ите- 437, 444, 488
итен- 488
итер- 347
итәләмәк 347, 348

ити 14, 44, 177, 410
итиләмәк 14, 44, 185
итиләнмәк 177, 185
итиләтмәк 177, 185
итиләшмәк 177, 185
итләшмәк 168, 169
*итмәк 347
ихтисас 155
ихтисасланмаг 155
ихтисаслашмаг 155
ич- 523
ичим 304
*ичир- 513, 523
ичирмәк 516
ичирт- 513, 523
ичиртмәк 516
ичмәк 513, 516
иш 45, 59, 443
иш 268
ишарәләмәк 482
ишарәләнмәк 482

іг- 462
ізі- 402, 471
ізіг 402
-іл 219
ілік- 292
іл- 291
ілäк- 291
*іна- 378
інақ 378, 383

іс 240
іскä- 240, 241, 242

-й- 278, 392
-й- 188
-(й) ажақ 419
йақ 382, 383
йақ- 382
йан 383
йарық 364
йах 369
йäх- 369
йи- 210
йигит 363
йиғла- 23
йиғмоқ 337
йиғнамоқ 337
йилтилла- 434
ишармаг 268, 269
иш ишле- 25
ишкил 65, 66
ишкилләмәк 65
ишлә- 431
ишләдилмәк 503
ишләмәк 45, 59, 527
ишләнилмәк 498
ишләнмәк 490
ишләтмәк 503, 527
ишонилмоқ 598
иштаһ 116
иштаһланмаг 116
иштеш- 540
ишы 182
ишыг 182, 268
ишыгландырмаг 182
ишыл 201
ишылдамаг 201, 268
йл- 463
йңлемек 216

і

інақ- 378
ің- 463
ір 234
ірі- 234
іс 260
іт- 488
ітіш- 488
ічкäрlä- 55

Ї

їстä-489
їстäн- 489

Й

йилтира- 434
йир- 526
йириқ 144
йириқлашмоқ 144
йироқ 147
йироқлашмоқ 147
йоқ 364
йоқла- 309
йол 444
йолк- 293
йолу- 286
йөк 272
йөрешмек 533
йўқла- 89
йўлиқмоқ 286

йўтал- 407
йутал- 407
йүзүк 364
йүк 414
йүр- 445
йүрек 364
йүрү- 445
йы 23
йыг 23
-(й)ыҗы 32

ја 22
*ја- 291
јава 117
јаваланмаг 117
јаваш 132, 232, 236
јавашланмаг 132
јавашымаг 132, 232, 238
јағ 130
јағ- 87
јағламаг 130
јағланмаг 130
јағыр 176
јағырланмаг 176
јағырлатмаг 176
јад 28, 140, 328
јадәлли 28
јадлаш- 28
јадлашмаг 140
јад ол- 28
јадырға- 28
јадырғамаг 328
јаз- 510
јазыл- 501
јаї- 490
јаїқал- 490
јај- 464, 490
јајлаг 111, 363
јајлагланмаг 111
јајмаг 244, 350, 490
јајхаламаг 350
јајхан- 244
јајханмаг 244, 247
јајын- 490
јајынмаг 490, 491
јак 148
јаклаш- 148
јакын 382
јакын- 382
јакшы 330
јакшырка- 330
јақын 383
јал 23, 209, 211, 226
јала- 22, 23, 226
јаламаг 209
йый 23
йыла- 23
йылдыра- 390
йылт 390, 391
йылтыр 390, 391
йыр 443
*йыр- 526
йырга- 137
йыргал 137
йыт 240

j

јалғыз 99
јалғызланмаг 99
јалла- 23, 209
јалтаг 116
јалтагланмаг 116
јамаг 402
јамамаг 229, 524
јаматдырмаг 524
јаматмаг 524
јан 82, 136, 368
јан- 368
јанашмаг 136, 498
јанашыл- 498
јанламаг 82
јанмаг 291
јаныш- 531
јапмаг 532
јапышмаг 532
*јар 389
*јар- 389, 434
јара 182
јараг 108, 120
јарагланмаг 108, 120
јаралан- 479
јараландырмаг 182
јарамаг 486, 534, 543
јаран- 479
јаранмаг 486, 489
јараш- 534
јарашдырмаг 542
јарашдырылмаг 542
јарашмаг 534, 543
јарлаг 119
јарпагланмаг 119
јары 81
јарыламаг 81
јарым 14
јарымламаг 14
јарыш 389
јарыш- 380
јарышмаг 339
јасты 134
јастыг 61
јастыгламаг 61, 77

јастыламаг 132
јат- 501
јатмаг 524
јастыланмаг 132
јатыздырмаг 524
јатыртмаг 524
јатышмаг 533
јаханмаг 244
јахдырмаг 516
јахмаг 291, 516
јахшы 140, 178
јахшыланмаг 178
јахшыландырмаг 186
јахшылатмаг 178, 186
јахшылашдырмаг 186
јахшылашмаг 140, 178, 186
јахын 160, 177
јахынлатмаг 177
јахынлашдырмаг 543
јахынлашдырылмаг 543
јахынлашмаг 160, 177, 543
-(ј)ачаг 56
јаш («возраст») 206, 211, 213
јаш («влага») 99, 251
*јаш- 353
јаша- 221, 227
јашамаг 206, 213, 228
јашармаг 251
јашланмаг 99
јашманмаг 353
јашыл 156, 157, 178
јашылламаг 185
јашылланмаг 155, 156, 178, 185
јашыллатмаг 178, 185
јашыллашмаг 155, 156, 178, 185
јашын 475
једди 43
једдиләмәк 43
једирмәк 524, 527
једиртмәк 513, 524, 527
јејин 82
јејинләмәк 82
јекә 274
јекәлмәк 274
јекун 181
јекунлашдырмаг 181
јел 48
јелләмәк 48
јемәк 513, 524, 527
јен- 300
јенсе- 299
јер 150, 235, 236
јеримәк 235, 237
јерләшмәк 159
јетим 141
јетимләшмәк 141
-(ј)әчәк 56
јиҗә 122
јиҗәләнмәк 122
јовуг 136, 152
јовуглашмаг 152
јовушмаг 136, 152
јоғал- 272
јоғурмаг 259
јоққыл- 138
јоққыш- 138
јол 81, 163, 286
јола- 444
јолдаш 165
јолдашлашмаг 165
јолламаг 81, 163, 483
јолланмаг 483
јоллашмаг 163
јолух- 286
јолухмаг 286
јорт 369
јорт- 369
јосун 118
јосунланмак 118
јохалмаг 89, 272
јохла- 89
јохсул 152
јохсуллашмаг 152
*јөн 273
јөнәлмәк 273, 277
јуд 322
јујунмаг 480
јук 332
јум 332, 334, 336
*јум 332
јум 65
јумаг 81
јумагламаг 81
јумру 43, 67, 129
јумруг 65
јумругламаг 65
јумруламаг 43, 67, 129
јумруланмаг 129
јумуруг 65
јумшаг 272
јумшалмаг 271, , 332, 335, 336
јун 119
јунланмаг 119
јунмаг 479
јуху 56
јухуламаг 60
јүјүрмәк 258
јүкләнмәк 482
јүксәк 271
јүксәл- 273
јүксәлмәк 271
јүрү- 444
јығыл- 503

jым 332
jымыжа- 332
jына- 383
*jына- 383
jынан 383
jынан- 383
*jыр- 434, 526
jырга- 73
jыргал 73
jырғаламаг 93
*jырғамаг 93
jырмаг 526
jырт- 434, 510
jыртмаг 526
-(j)ыш 56

К

-к (словообраз. аффикс) 272, 273, 416
-к (модификатор при подражат. корнях) 217
-к- 202
кағып- 481
кағыш- 531
кағыз 163
кағызламаг 163
кағызлашмаг 163
кадай 122
кадайлан- 122
каз 369
каз- 369, 444
кайгы 252
кайгыр- 252
как- 481
какша- 333
какшы- 333
какыр- 267
какышмак 532
калбый- 281
калбында- 281
калк- 289
калкы- 289
кам 280, 282, 319
камай- 280
камдан- 319
ками- 232, 280
камын- 319, 321
*кан 411
кан- 293, 411
-кан- 322
кана- 208
канатта- 134
канатташ- 134
канлӗ 411
канлӗх 411
кансӗр- 411
кансыра- 313
канӳн 181
канӳнлашдырмак 181
канык- 286, 293
кап 443
кап- 355
кар 369
кар- 369
кара 40
кара- 23
караңгы 382
карҕыр- 268
карма- 353
карык- 88, 287
касад 146
касадлашмаг 146
касыб 142
касыблашмаг 142
каҫӑр 406
каҫӑр- 406
кат 69
кат: кат кат күл- 267
каткы 264
каткыр- 264, 267
катта- 69
катуу 411
катыш- 351
катышкала- 351
кафтар 157
кафтарланмаг 157
кафтарлашмаг 157
каһал 154
каһалланмаг 154
каһаллашмаг 154
кац- 465
кач- 465
к'ачаjламаг 45, 46
к'ачатдамаг 45, 46
кӑвакар- 250
кӑң 161
кӑңі- 161
ке 389
кейп 106
кейпленмек 106
кеj 177, 232, 284, 342
кеjикмәк 284, 342
кеjимәк 232, 238, 284, 342
кеjин- 497
кеjләтмәк 177
кеjләшмәк 177, 284, 342
кек 389
кек- 389
кеке- 389

кекеш 389
кекирмоқ 269
кекір 279
кекіреї- 279
кеккаї- 279
кем 207, 212, 232, 233, 236, 308, 423
кем- 423
кеме- 207, 212
кеми- 237, 238
кемі- 232, 233
кемсин- 308
кемсинт- 308
кемсит- 308
кенг 275, 280
кенгай- 280
кенеш 303
кененси- 303
кең 233, 236, 275, 280
кеңей- 275, 280
кеңеш 382
кеңеш- 382
кеңи- 233
кеп 306
кер 429
кер-369
керек 404
керек- 404
керексинт- 309
керт- 339
кеф 118
кефләнмәк 118
кече 281
кечерәй- 281
кечид 399
кечик- 284
кечикмоқ 284
кечир- 513
кечирмәк 515, 516, 523
кечиртмәк 513, 516, 523
кечмәк 513, 515
кӗреш- 354
кӗрмеш- 354
кӗсӗ 338
*кӗсӗ- 339
кӗскел- 274
кӗҫӗт- 338, 339
кәдәр 104
кәдәрләнмәк 104
кәкә 50, 82
кәкәләмәк 50, 82
-кәлә- 349
кәләф 42
кәләфләмәк 42
кәнәк 146, 152
кәнәкләшмәк 146, 152
-кәр- 259
кәрки 80
кәркиләмәк 80
кәртәлмәк 271
кәртик 93
кәртилмәк 271, 275
кәртләмәк 93
*кәртмәк 93
кәсәк 155
кәсәкләнмәк 155
кәсәкләшмәк 155
кәсилишмәк 543
кәсилмәк 543
кәф 118
кәфләнмәк 118
кәһилдәмәк 200
-ки 15
кидир 406
кидир- 406
кийгизмоқ 519
кийдирмоқ 519
кийлик 407
кийлик- 407
килид 38, 65, 66
килидләмәк 38, 65, 484
килидләнмәк 484
кимсен- 308
киң 275, 280
киңәй- 280
кип 43, 148
кипләнмәк 43
кипләшмәк 148
кир 159, 176
-кир 220
кирәк 309
кирәксен- 309, 315
кирил- 502
киримәк 238
киришил- 502
кирламоқ 159
кирланмоқ 159
кирләмәк 185
кирләнмәк 176, 185
кирләтмәк 176, 185
кирпи 109
кирпилен- 109, 122
киртилдәмәк 200
киршапламаг 479
киршапланмаг 479, 482
киф 342
кифајәтләнил- 501
кифләнмәк 342
кифсимәк 342
кичек- 284
кичел- 275
кичер- 281
кичи 275, 281
кичилмәк 275
кичир- 275

кичирей- 275, 281
кичүү 281
киш 198
киши 86, 148, 153, 156, 304
кишиләнмәк 156
кишиләшмәк 148, 152, 156
кишилик 86
кишимси- 304
кишимсин- 304
кишләмәк 188
кишне- 337
киэнг 208
кібірік 159
кібірікте- 159
кібіріктен- 159
кідір- 406
кір 159
кірле- 159
кірлен- 159
кіші 281
кішірей- 275, 281
-кле- 90
коен- 351
коенгала- 351
козго- 245
козгол- 245
кэк 411, 439
кок:йс кок 411
кок- 411, 439
кокс 144, 150
кокслашмаг 144, 150
кол 118
колланмаг 118
коллектив 145
коллективләшмәк 145, 157, 174, 186
колхоз 145
колхозлашмаг 145, 157, 174
колхозлашмақ 145
колхозлашмоқ 145
кома 131
комаламаг 131
конкрет 180
конкретләшдирмәк 180
кооператив 145, 152
кооперативлашмоқ 145
кооперативләшмәк 145, 152, 157, 174
коп- 465
кор 310
*коргак 306
коргаксы- 306
корсун- 310
коры 412
коры- 376, 412
коткар- 519
котыр- 433
көбік 101
көбіктен- 101
көгер- 250, 251
көк 250
көр- 428
көс 429
көврәклән- 117
көгер- 250
көгөр- 250, 251
көек 379
көз («глаз») 109, 412
көз («горящий уголь») 67, 251, 257, 432
*көз- 412
көздөн- 109
көзәрмәк 251, 257
көзләмәк 42, 67, 251
көзүн- 412
көй- 432
көјнәмәк 337
көјрәк 271, 273, 327
*көјрәмәк 327
көјрәлмәк 271, 273
көк («полный») 275, 341
көк («корень») 118, 130
көк («гармония звуков») 130
көк («строчка») 130
көк («небо») 325, 326
көкәлмәк 275
көкләмәк («прошивать») 130
көкләмәк («настраивать») 130
көкләнмәк («полнеть») 341
көкләнмәк («пускать корень») 118, 130
көкләнмәк 130
көкләшмәк 341
көкре- 325
көксө 403
көксө- 403
көкүре- 325
көлкә 132, 181
көлкәләмәк 132, 185, 486
көлкәләндирмәк 181
көлкәләнмәк 132, 486
көлкәләшдирмәк 181, 185
көмәк 164
көмәкләшмәк 164, 169
көмүр 145
көмүрләшмәк 145
көмүс 51
көмүстәә- 51
көп- 292
көпләш- 450
көпүк- 292
көпүл 310
көпүлсүн- 310
көпей- 275
көпүк 82, 118, 158
көпүкләмәк 82, 158

көпүкләнмәк 118, 158
көпүрмәк 259
көр- 412, 429
көркей- 282
көрсүөр 251
көрсүөр- 251
көс- 369
көт 435
*көт- 494
көтер- 494
көтөр- 458
көтөх 404
көтөх- 404
көһнә 270
көч 369
көч- 369, 435
көчәй- 280
көчмәк 515, 516
көчүрмәк 515, 516, 523
көчүртмәк 523
көш- 369
кристал 145, 150
кристаллашмаг 145, 150
куала- 347
куба 250
кубала- 347
куда 385
кудан 385
кудан- 385
куданда 385
куданда- 385
*кудандаа 385
*кудандаў 385
кузгат- 245
куй- 351
куйгала- 351
кул 109
кулдан- 109
кулюмсиремек 312
кур 232
курак 364
кураш 380
кураш- 380
курдаа- 54
куркыткала- 351
куру 412
куру- 412
куршанак 364
куҫ 287, 435
куҫăх- 285, 287
кут 435
кутур- 433
куу 232
куур 232
*куур 412
куур- 252, 412, 445
кууру- 445
кучаймоқ 280
кучан- 26
куш- 292
кушăх- 292
куыр- 252
кўкармоқ 250, 251
кўп 280
кўпай- 280
кўр 432
кўргазмоқ 518
*кўг 217
кўгре- 217
кўгўр 217
кўгўре- 217
кўз 217
кўзўр 217
кўзўре- 217
кўзўрт-хазырт 217
кўлімзіре- 312
кўс 29, 329
кўчен- 26
кўчўрке- 29, 329—331
кугәр- 250
күжең- 26
күз 310
күзсең- 310, 315
күй- 379
күйік 379
күйіре- 273
күйірек 273
күйүк 379
күйүк- 379
күj 45, 217
күjләмәк 45
күjүлдәмәк 200
күк 325
*күк 411
күке- 411
күкрә- 325
күл 123
күлләнмәк 123
күлләшмәк 124
күлүмсүрә- 312
күлүш- 530
күмбірле- 193
күн 306
күнсү- 306, 315
*күр 380
күр 217
күр- 354
күреш 354, 380
күреш- 338, 354, 380
күрә- 230
күркүрә- 217
күрү- 230
күт 154
күтләви 180

күтләвиләшдирмәк 180
күтләнмәк 154
күтләшмәк 154
күү 217
күүс 248, 251
күүһүр- 251
күче- 221
күчө- 27, 206, 213, 228, 468
күчүн 82
күчүкләмәк 82
күш 280
күшей- 280
күшен- 26
кыек 177
кыекла- 186
кыеклан- 177, 186
кыеклат- 177, 186
кый- 43
кыйгы 264
кыйгыр 264
кыйкыр- 266
кыйынсы- 310
-кыл 220
-кын- 322
*кын 404
кынык 404
кынык- 404
кыҥ 217, 333
кыҥгыр 217
кыҥгыра- 217
кыҥк 217, 333
кыҥк кыҥк 217
кыҥк әт- 335
*кыҥшы 412
кыҥшы- 333, 412
кыҥшыла- 333, 412
кыҥылда- 333
кыпчы 333, 335
кыр- 290
кырп- 333
кырсык 404
кырсык- 404
кыскы 264
кыскыр- 264
кыт 201
кытырда- 201
кыштырда- 201
къабарлан- 450
къас къас куль- 267
къокъла- 439
къокъламакъ 234
къокъукламакъ 234
къорчала- 376
кьусакьлас- 450
кэм 51
кэмнээ- 51
*кэп 306
*кэҥ 208, 212
кэҥгээ- 208
кэпсээ- 306, 314

қ

-қ (словообраз. аффикс) 32, 272, 273, 365, 374, 378, 380, 383, 402, 403, 419, 422, 511
-қ (модификатор) 217
-қ- 36, 289, 365, 374, 378, 383, 422
-қа 230, 365, 388, 413, 440
-қа- 365, 388, 413
қаб 443
қавур- 445
қағилламоқ 193
қаз- 437
қазған- 509
қазы- 437
қаі 369
қаі- 369
қаір- 445
қаірі- 445
қаіры- 445
қай- 524
-қай 278
қайғирмоқ 252
қайна- 336
қайра- 402
қайт- 339, 395, 524
қајыр- 445
қақ («сухой») 333, 334, 369
қақ (подраж.) 305
қақ- («стучать») 354, 465, 466
қақ- («сушить») 369
-қақ 424
қақилламоқ 193
қақпала- 354
қақса- 305, 315
қақша- 333
қақшамоқ 333
қақылда- 305
қала- 469
-қала- 244, 354, 355
қалайи 446
қалқ- 289
қалқи- 445
қалтыра- 215
қам 283, 285
қамқор 303
қамқорсы- 303, 314
қамық- 285
қан 313
-қан 230, 434

қана- 208, 213, 221, 469
қансыра- 222, 313
қап 429
қапла- 225
қапта- 225, 429
қар 446
*қар 353
қар- 439, 460
-қар- 267, 353, 477
қарақ 309
қарақсы- 309
қарақсын- 309
қараңғы 388
қар-: қат- қар- 460
қарғыр- 36
қаржы 446
қари- 439
қарі 353
қарлық- 36
қарма- 352, 353
қармақ («крючок») 352
қармақ («щупать») 352, 353
қармала- 353
қармамақ 352
қармоқ 352
қарп- 357
қартай- 276
қару- 353
қары («рука») 353, 446
қары («старый») 439
қары- 439, 460
қарық 379, 403
қарық- 88, 379, 403, 404
қарыш- 407
қат 367, 411
*қат 411
қат- («твердеть») 375, 411, 439
қат- («добавлять») 460
қатай- 411
қатақ 411
қат-қар 460
қатнаш 382
қатнаш- 382
қаттық 411
қатты 411
қауіп 310
қауіпсін- 310
қауіптен- 310
-қач 397
қашимоқ 92
қашламоқ 92
қашы- 443
қән 328
қәнырқа- 328, 330
кері 353
қизи- 445
қизиқ 307, 378
қизиқсинмоқ 307
қий 266
қийқирмоқ 266
қоз- 245, 246, 465
қозға- 245—247, 465
*қоқ 375
қоқ- 375
қол 123, 412
қолдан- 123
қомлаң- 450
қонамоқ 208
қониқмоқ 293
қонмоқ 293
қонсирамоқ 313
қопламоқ 225
қопул- 462
қор (корень в қорша-) 376
қор («раскаленный уголь») 424
қор- («охранять») 376
қор- («примешивать») 460
қоронғилаш- 450
қоруқ 376
қорша- 376
қос- 373
қот- 367
қотур 412
*қотур- 412
қотурған 412
қош- 373
-қу 56
қуба 250
қуваламоқ 347
қувламоқ 92
қувмоқ 92
қуз 424
қузғун 364
қулна- 223
қурға- 412
қур 412
қутул- 477
қутур- 433
қуюқлаш- 450
құдай 304
құдайсы- 304, 318
құрас- 532
құтқар- 519
құлламоқ 123
құрбоши 376
құри- 376
қшырла- 193
-қы 230, 239, 264, 365, 388, 419
-қы- 365, 388
қыбыр 192
қыбырла- 192
қыз- 378, 445
қызған- 322
қызық- 378

қыйна- 206, 227
қыйын 205, 227, 310
кыйынсын- 310
-қыла- 268, 349, 350, 351, 355
қын 211, 213, 226, 263
-қын 230, 419, 434
қына- 211, 213, 226
қыңгыр 263
қыңгыра- 263
қыңсыл 412
қыңсыла- 412
қыпыр 192
қыпырда- 192
-қыр- 214, 264
қыра- 263
қыс- 440
қыса 248
қысқа 248, 440
қысқар- 274, 440
қытық 106
қытықтан- 106
-қыч 397, 425
қычқыр- 237
қычыр- 237

Қ

қат 367
қат- 367

К

кејдирмәк 525
кејин- 480
кејишмәк 340
кејирмәк 259
кејмәк 525
кен 275
кенәлмәк 275, 341
кениш 176, 233
кенишләнмәк 176, 341
кенишләтмәк 176
кери 42, 59, 60, 82
кериләмәк 49, 59, 60, 82
керчәк 142
керчәкләшмәк 142
кет- 484
кеч 284
кечә 49, 284
кечәләмәк 49
кечикмәк 284
кәзинмәк 487, 491
кәзишмәк 532
кәзмәк 487, 532
кәјин- 479
кәјирмәк 259
кәл- 479
-кәлә- 349
кәмишдирмәк 524
кемишмәк 340, 524
-кән- 316
кәнчләш- 21
кәркин 146, 155
кәркинләнмәк 146, 155
кәркинләшмәк 155
кәрмәк 337
кәрнәшмәк 337
кизлә- 476, 483
кизләмәк 483
кизлән- 475
кизләнмәк 483
кизләт- 465, 476
кизләтмәк 483
кин- 316
-кир- 501, 503
кирдә 99
кирдәләнмәк 99
кич 275, 341
кичәлләнмәк 341
кичәлмәк 275, 341
копамаг 229
көвшәмәк 206
көдәк 271
көдәлмәк 271
көз 167
көзләшмәк 167
көј 251
көјәрмәк 251, 257
көјчәк 206, 212
көјчәкләнмәк 154
көјчәкләшмәк 154
көјшәмәк 206
көл 99, 118
көлләнмәк 99, 118, 119
көр- 516
көркәзмәк 518
көрсәнмәк 300, 520
көрүн- 484
көрсәтмәк 518, 520
көрүнмәк 479
кумбулдамаг 193
купп 195
куппулдамаг 193, 195
куппулту 195
кур 196
кур кур курулдамаг 192, 196
күвәнмәк 323
күј 195

күҗүлдәмәк 195
күҗүлтү 195
күл- 304
күләш 380
күләш- 380
күләшмәк 339
күллә 41
күлләләмәк 49
күлүмсәмәк 304, 312
-күн- 316
күч 26, 104, 206, 211
күчә- 26
күчән- 26, 27
күчәнмәк 206
күчләнә- 26, 104
күчлү 26
күчсүз 26
күчүнә 26

л

-л 57, 73, 388, 419
-л- 137, 138, 185, 246, 269—263, 277, 285, 317, 320, 332, 341, 431, 458, 460, 476, 477, 485, 488, 494, 497, 500—503, 505, 506, 508, 511—513, 529, 543
ла 22, 131
-ла 385
-ла- 13, 15, 17, 22, 32, 35, 37, 39, 41, 44, 45, 47—49, 52, 55, 56, 59, 60, 63—66, 74—88, 90—98, 103, 104, 109, 112, 113, 115—121, 124, 126, 127, 128, 131—133, 135, 139, 149, 150, 153, 157, 158, 161, 162, 168, 169, 171, 173, 175—179, 183, 184, 187, 192—194, 196—198, 203—205, 208, 210—212, 214—216, 219—221, 223—228, 236, 248, 249, 253, 255—257, 261, 267, 277, 281, 287, 303, 305, 312, 317, 323, 335, 338, 340—346, 349, 352, 353, 355, 376, 385, 390, 394, 395, 418, 423, 424, 457, 467, 475, 476, 479, 503, 530, 548
лаггылдамаг 200
лай 413
лаj 182
лajландырмаг 182
лак 50, 51
лакламак 50
лакламоқ 51
лалыг 117, 158
лалығламаг 117, 158
лалыгланмаг 158
-лан- 11, 17, 28, 32, 34, 70, 83, 88, 93, 96, 97, 103, 104, 107, 111—116, 118—121, 123, 124, 126—135, 139, 141, 149, 150, 153, 155—159, 174—179, 184, 185, 203, 212, 249, 255, 287, 306, 317, 340—342, 494, 503, 544, 545, 547, 548
-ландыр- 32, 34, 175—176, 179—181, 183, 184, 186, 187, 205, 544, 545, 548
-лар- 355
-лат- 32, 34, 175—177, 180, 184, 186, 187, 205, 212, 214, 476, 544, 545, 548
лахла- 467
лахламаг 458, 459
лахлан- 467
лахланмаг 458
лахта 155
лахталанмаг 155
лахталашмаг 155
-лаш- 11, 17, 21, 32, 115, 133—135, 138—142, 144, 146—153, 155—158, 160, 161, 174—178, 183—187, 203, 205, 212, 249, 255, 273, 277, 287, 340—342, 355, 417, 503, 544, 545, 548
-лаш-ı 162, 168, 170—174, 355
-лашдыр- 32, 34, 175, 176, 179—181, 183, 184, 186, 187, 205, 544, 545, 548
лӑкӑртат- 201
лӑкӑштат- 202
лӑклат- 202
-лӑх 364
-леш- 160
-лё 411
-лёх 411
-лә- 35, 192
ләкәлә- 185
ләкәләмәк 185
ләкәлән- 185
ләкәләнмәк 185
ләкәләндирмәк 185
ләлимәк 238
-лән- 93, 96
-ләндир- 175
лә'нәт 183
лә'нәтләндирмәк 183
ленк 232, 236
ләнкәр 69, 158
ләнкәрләмәк 69, 76, 158
ләнкәрләнмәк 158
ләнкимәк 232, 238

лэпэ 42, 111
лэпэләмәк 42
лэпэләнмәк 111
лэрзэ 104
лэрзәләнмәк 104
-лэт- 175
-лэш- 133
-лэшдир- 175
-ли 123
лил 131, 177
лилләмәк 131
лилләнмәк 131, 177
лилләтмәк 177
лилләшмәк 177
-лиш- 160
-лла- 74
ловға 156
ловғаланмаг 156
ловғалашмаг 156
логгулдамаг 200
лой 144, 148, 423
*лой- 423

лойқа 412, 423
*лойқа- 412
лойқат- 412
лойлашмоқ 144
лоту 152
лотулашмаг 152
лүл 100
лүлә 14, 48, 81
лүләләмәк 14, 48, 81
лүлләнмәк 100
-лы 411
-лы- 36, 396, 423
-лыг 409
лық 411
-лық- 36, 396
-лы-қ- 36
лық тол- 280
лықый- 280
лықылда- 280
-лын- 396, 493, 494—498, 512
-лыш- 160, 161, 396, 495, 512
лэхсилээ- 52

М

-м 74, 392, 419
ма 267, 402
-ма 56, 396, 402, 420
-ма- 352—354, 396
мааріф 116
мааріфләнмәк 116
магнит 51, 141
магнитла- 51
магнитләшмәк 141
маз- 46
маздамаг 45, 46
мазламаг 45, 46
мазут 13, 39
мазутламаг 13, 14, 39, 81
*май 477
*май- 477, 535
майлан- 450
*майы- 477, 535
майыр- 477, 535
майыс- 477, 535
маје 145, 152
мајеләшмәк 145, 152
-мак 425
макăр- 267
*мақ 385
*мақ- 385
-мақ 230
мақтаў 364
мал 108
мал- 356
-мала- 346, 352—355
маллан- 108
малыш- 356
мамăк 364
мандаш 380
мандаш- 380, 383
мандаш кур- 380
мандаш токун- 381
мандаш ур- 380
мандаш урун- 381
манра- 217
ма'ра- 217
мараг 104
марагланмаг 105
марчылдамаг 524
марчылдатмаг 200, 524
мас/т/ 283, 284
масық 284
матыр 110
матырлан- 110
маһлыч 42
маһлычламаг 42
-мач 397
машăлтат- 201
машина 182
машиналашмоқ 143
машиналаштыр- 182
машинăлат- 179
машлат- 201
машын 145, 181
машынлашдырмаг 181
машынлашмаг 145

мăй 425
мăйкăç 425
мăйкăч 425
мăка 276
мăкал- 276
мăрăлтат- 201
меен- 445
меени- 445
мен 299
менен 499
менменси- 304
меңзе- 221
меңземек 224
меңиз 225, 429
меркез 143
меркезлешмек 143
мес 29, 328
месирге- 29
месиргемек 328, 330
метал 181
металлашдырмаг 181
механик 140
механика 184
механикалашдырмак 184
механикләшмәк 140
мешә 182
мешәләндирмәк 182
мешшан 145, 152
мешшанлашмаг 145, 152
мĕ 267
мĕкĕр- 267
мә 188
-мә 56
мәгрур 105, 112
мәгрурланмаг 105, 107, 112
мәдәни 140
мәдәниләшмәк 140
мәктуб 166
мәктублашмаг 166
-мәлә- 352
мәләмәк 188
мән 303
меним 303
мәнимсәмәк 303
мәңземек 211
мә'рифәт 104
мә'рифәтләнмәк 104
мәркәз 141, 148, 156
мәркәзләнмәк 156
мәркәзлешмек 141, 156, 157
мәсләһәт 169
мәсләһәтләшмәк 169
-мзра- 296
*-мзыра- 296
милли 180, 181
миллиләшдирмәк 180, 181
мингашмоқ 245, 247
минікі 308
миниксин- 308
минмоқ 245
миске 54
мискеле- 54
мискин 140
мискинләшмәк 140
мин 210, 211, 435
мине- 210, 228
мойын 310
мойынсҳн- 310, 315
моламаг 188
монгре- 217
монопол 181
монополлашдырмак 181
монтаны 135
монтаныс- 135
морармакъ 249
мо-о 198
мөлдир 208
мөлдире- 208, 212, 228
*мөң 218
мөңире- 217
мөңре- 217
мөһкәм 154
мөһкәмләнмәк 154
мөһкәмләшмәк 154
-мса- 304
-мсы- 304
*-мсыра- 296
мувофиқ 147
мувофиқлашмоқ 147
мумија 14, 42, 67
мумијаламаг 14, 42, 44, 67
муқ 418, 435
муқ- 418
мут 147
мутлаш- 147
мухмăр 53
мухмăрла- 53
мухтав 364
муш 350
мушгурмаг 265
мушт 350
мушта- 350
муштагыла- 350
мўнъ 218
мўнъўр 217
мўнъўс 218
мўңре- 218
мўўр 217
мўўре- 217
мўўс 218
мўңре- 218, 221
мўркў 45
мўркўләмәк 45

мүсепір 302
мүсепірсі- 302, 314
*мыж 241
мыжгамаг 241, 242
мыжжык 241
мыжлык 241
мызмыз 196
мызмызы 196
мызылдамаг 196, 200
мызылданмаг 487
мыйык 206
-мык 230
мырт 194
мыртылдамаг 194
мырылдамаг 200
мырылдамак 200
мырылданмаг 487, 491
мых 41, 80
мыхламаг 41, 80, 483
мыхланмаг 483, 484

Н

-н 374, 382, 383—385, 388, 389, 396, 405, 422, 440
-н- 27, 28, 96, 97, 119, 126, 127, 129—132, 137, 138, 306, 316, 317, 319, 324, 327, 331, 336, 345, 353, 374, 382—385, 388, 389, 396, 422, 440, 442, 458, 471, 475, 476, 479, 481—483, 486—489, 491—493, 497, 500—502, 511, 512, 520, 542, 544
-на 402
-на- 323, 336, 402
наа [1] 53
наала- 53
наалы- 231
нагмәлән- 116
наз 45, 80
назаддамаг 49
назадламаг 49
назик 178
назикләнмәк 178
назикләтмәк 178
назикләшмәк 178
назламаг 45, 80
нал 14
налламаг 14
налы- 231
нам 283, 284
намиқмоқ 284
н'аңа 53
нахош 44
нахошламаг 44
национаљ 181
национаљлаштыр- 181
-наш- 135
нејтрал 180
нејтраллашдырмаг 180
-нә- 336
нәм 154
нәмләнмәк 154
нәмләшмәк 154
нә'рә 196
нәрилдәмәк 196
нәтичә 99
нәтичәләнмәк 99
нәш'ә 118
нәш'әләнмәк 118
-ни 15
никаһ 104
накаһланмаг 104
-ники 15
нифрәт 104
нифрәтләнмәк 104
нишастасыз 140
нишастасызлашмаг 140
нінъ 218
нінъир 218
нінъире- 218
нінъле- 218
нінъре- 218, 219
-нк- 219
норли- 231
норма 52, 140
нормал 140
нормала- 52
нормаллашмаг 140
нөвбә 156, 174
нөвбәләнмәк 156, 174
нөвбәләшмәк 156, 174
нөмрә 39
нөмрәләмәк 39
нур 111, 182
нурландырмаг 182
нурланмоқ 111
-нч 397
-ны 15
ныгаїї- 280
нық 280
-нықы 15
-ныл- 497, 498
-ның 15
-ныңки 15

-ӊ 218, 281
-ӊ- 381
-ӊда- 281

-ӈала 347

*о- 253, 280
объ̈ектив 180
объ̈ективлəшдирмəк 180
обой 40
обойла- 50
ов 14
ов- 244, 349
оваламаг 347, 348
овламаг 14
овмаг 244, 347
ов овламаг 91
овхамаг 244
*овханмаг 244
овханты 244
оғур 406
оғур- 406
ого 101
оголон 101
оғолоо- 101
оғру 50
оғруламаг 50
оғы- 235
од 42
ода- 92, 225
одала- 92
одламаг 42
одун 405
одун- 405
одунна- 54
одунъ- 54
одунъна- 54
одын- 405
одынъ 405
*одынъ- 405
одыр- 251, 256, 258, 263
оз 280
озай- 280
озатыш- 532
озғирмоқ 519
озиқ 108
озиқланмоқ 108
озмоқ 519
оі («мысль») 260, 262, 318
оі («яма») 369
оі- 369

Ң

-ңк- 219
-ңң- 219

Ӈ

-ӈхалаа 349

О

оіған- 320, 321
оіғар- 262
оіғат- 320
оіғор- 260
ой 320
ой 244
ойгон- 472
ойгоо 472
ойгот- 320, 472
ойған- 472
ойғат- 471
ойлас- 450
оймаг 244
ојан- 472
ојандыр- 472
ојат- 472
ојнаг 174
ојнагламаг 174
ојнаглашмаг 174
ојнамаг 206, 228
ојун 206, 212
окурь- 387
оқ («стрела») 443
оқ («крик», «голос») 236, 370, 376, 421, 441
оқ («подобный») 392
оқ- («звать», «кричать») 235, 370, 376, 421, 441
оқар- 253
оқла- 253
оқта- 253
оқу- 235, 237, 441, 470
оқуш- 533
оқы- 235, 236, 237, 441
ол- 270, 484, 502, 503
олмаг 116, 488
олунмаг 488
омзак 90
омзакламак 90
омзамак 90, 211, 213, 227
омуз 90, 211, 212, 213, 227
омурт 406
омурт- 406
*онъ 253
онъар- 253, 258

оң («правый») 324, 443
оң («подходящий») 370
оң- 370
оңай 176
оңайла- 186
оңайлан- 176, 186
оңайлат- 176, 186
оңра- 324
оңорус- 532
оо 285
оо- 246
ооз 318
оозан- 318, 323
оорсун- 306
оору- 489
ооруксун- 309
оорун- 489
оох- 285, 287
ор («яма») 413, 440, 446
ор («стыд») 106
ор- («копать») 413, 440
ор- («жать») 445
ора 168
оракъ орамакъ 91
орланмоқ 106
орна- 211, 213, 221, 223, 227, 440
орных- 280, 287
оро 446
орой- 494
ороюлун- 494
орта 48
орталамаг 48
орун 147, 212
орунлашмак 147
орын 211, 213, 223, 286, 405, 440
орын- 405, 440
орыш- 351
орышкала- 351
оста 252, 258
остар- 252, 256
от («трава») 16, 30, 82, 118, 210, 211, 225, 253, 260, 262, 278, 281
от («огонь») 251
от- 351
ота- 14, 15, 30, 210, 225
отаj- 281
отай- 278
отамақ 210
отар- 30
отармаг 253, 258
откала- 351
откар- 260, 262
отла- 210, 467
отламаг 82
отлан- 467
отланмаг 118
ото- 225
отта- 210
отурук 148
отурукташ- 148
отхар- 260
оф 195
офул 195
офулдамаг 195
офулту 195
*ох («крик», «голос») 235, 333
*ох («подобный») 332, 334
оху 376
оху- 376
охумаг 235, 528
охутмаг 528
охшадылмаг 541
охшамаг 332
охшатмаг 542
оч 241, 343
оч- 351
очиқмоқ 343
очкала- 351
очқомоқ 241, 242, 343
очуса- 351
ош 224
оша- 224
оякъ буякъ 136
оякъкъа буякъкъа 136
ою- 291
оя 472
*оя- 472
оян- 320, 472
ояр- 472
оят- 320, 472
ояу 472

Ö

ö- 253
ӧзӓ 137
ӧк 310
ӧкӯн- 469
ӧlчӓ- 449
ӧп 370
ӧп- 370
ӧрӧ 137
ӧрт 206, 213
ӧртӓ- 206, 212, 228
ӧрте- 206
ӧртек 54
ӧртекте- 54
ӧрттӧ- 206
ӧт- 91, 387
ӧткӓз- 518

ӧткӓр- 518
ӧткӧр-387
ӧткӯр- 387, 519
ӧтӀӓ- 91
ӧч 136

*ө- 324
өг- 349
өге- 349
өгей 302
өгейсин- 302
өгейсі- 302, 315, 316, 431
өгө- 409
*өгре- 472
*өд 211, 226
өде- 435
өдәмәк 209, 226
ө̄же- 136
өзгє 248, 249
өзгер- 249
өзгермек 249
өзгөр- 249
өзімсін- 318
өй 53, 338
өйдөө- 53
өйлән- 531
өйләнеш- 531
өйт- 338
*өј 324, 349
өј- 349
өјкәләмәк 349, 350, 484
өјкәләнмәк 484
өјрән- 324, 472
өјрәнилмәк 542
өјрәнмәк 324, 542
өјрәт- 472
өјүн- 480
өкде 159
өкделемек 159
өкделешмек 159
өкір- 387
өксі- 302
өксү 401
өксү- 401
өкүр- 387
*өк 324
өл- 464
өлдүрмәк 543
өлдүртдир- 543
өлдүртмәк 543

-п 272
-па- 229

ӧчӧ- 136
ӧчӯк- 136
ӧштӧ- 136
ӧц 207
ӧцӓ- 207, 228

Ө

өлім 311
өлімсіре- 311
өлмек 458
өлүшмек 458
өлүш- 464
өлче- 397
өлчө- 397, 440
өлше- 397, 440
өң 324
өңгүн 219
өңүн 219
өр- 370
өрк- 291
өрт 211
өрте- 206, 227
өртөө 206
өртмәк 479
өртүнмәк 479
өрү- 370
өс 165
өс- 350
*өскеле- 350
өскелең 350
*өскер- 249
өскертир- 249
өскүрмәк 265
өст 212, 213
өстә- 208, 213, 227
өстөс- 165, 208
өт- 387
өткер 519
өткір 387
өткір- 388
өткөр- 387
өткүр 387
өтмәк 516, 528, 542
өтүрмәк 515, 528, 542
өтүрүлмәк 542
өч 136, 211
өч- 435
*өчә- 136
өчәшмәк 136, 207
өш- 435
өҷешмек 136

П

пазан- 481
пай 233, 329 330

пайы- 233
пайыр 219
пай(ы)рамак 219
пайырдамак 219
пайырка- 230
пайырха- 229, 330
пај 174
пајламаг 174, 185
пајлашдырмаг 185
пајлашмаг 174
-пала- 354
палӯ 138
палчыг 81
палчыгламаг 81
палыҕ 138
памуқ 364
паң 310
паңдан- 310
паңсын- 310
пар пар парылдамаг 197
парә 48
параламаг 48, 197
парә 48
партламаг 197
партылдамаг 197
парча 81
парчаламаг 81
парылдамаг 197
пас 252
пас- 481
пасар- 252, 256
пастах 111
пастахтан- 111
пасха 101
пасхалан- 101
патӑртат- 201
патрон 47
патронламаг 47
*пах- 92
пахала- 53
пахла- 92
пахыл 111, 116, 156
пахылланмаг 111, 116, 156
пахыллашмаг 156
пахырланмаг 157
пӑх- 364
пӑшӑлтат- 201
пек 367
печать 51
печатьламоқ 51
пӗве 401
пӗве- 401
пӗлет 429
пӗр- 350
пӗркеле- 350
пӗтпӗлтӗк 429
пәнчә 167, 170
пәнчәләмәк 171
пәнчәләшмәк 167, 170—172
пәрдә 61
пәрдәләмәк 69
пәрдәләнмәк 482
пи 188
пиј 100, 117
пијләнмәк 100, 117, 157
пикир 106
пикирленмек 106
пиләмәк 188
пинти 140
пинтиләшмәк 140
пистон 47
пистонламаг 47
питра 400
пичоқла- 87
пиӣ 330
пиӣірке- 330
план 182
планлашдырмаг 182
планлаштыр- 182
позы- 233
пос 233, 236
пошкыр- 267
пәрт 427
пөрт- 424, 461
пөртлә- 424
пөртләмәк 93
пөртмәк 93
пөһрә 82
пөһрәләмәк 82
пробуӣ 46
пудраламаг 81, 132, 482
пудраланмаг 131, 482
пул 117
пулӑ 364
пулланмаг 117
пур 320
пурӑн- 320, 321
пус 52, 55
пус- 292
пусӑх- 292
пуста- 52
пуҫ 319
пуҫӑн- 319, 321
пут 413, 423, 426
пут- 413, 494
путлан- 494
пучах 364
пӳгӳр 281, 282
пӳгӳрей- 278, 281
пӳк 421
пӳк- 92, 367
пӳкте- 92
пӳр 101
пӳре 264

пўрлен- 101
*пўт 413
пўт- 413, 423, 426
пўфкўр- 267
пўк 267
пўс 265
пўскўрмәк 265
пўф 198
пўфләмәк 198
пыггылдамаг 200
пыр 265
пырғыр- 265
пырпыз 158
пырпызламаг 158
пырпызлашмаг 158
пырылдамаг 200
пыс 265
пысқыр- 265
пысхыр- 265
пычахта-87
пыч-пыч 194
пычылдамаг 194, 200

р

-р 332
-р- (словообраз. аффикс) 28, 247, 264, 274, 275
-р- (залог. аффикс) 30, 258, 334, 457, 460, 472, 477, 485, 513—518, 520—521
-р- 323
-ра- 214, 323, 326, 327, 329
радио 181
радиолашдырмаг 181
разылаш- 450
разылашмаг 166, 169, 172
район 182
районлашдырмаг 182
ранж 234, 236
ранжимоқ 234
-рах- 364
рапат 156
рапатланмаг 156
рапатлашмаг 156
рационал 181
рационаллашдырмак 181
-ре- 325
-рә- 323
рәғбәт 183
рәғбәтләндирмәк 183
рәнксиз 180
рәнксизләшдирмәк 180
рүһ 105
рүһланмаг 105
рүтүбәт 100, 117
рүтүбәтләнмәк 100, 117

с

-с- 529
са-206
-са- 295—302, 304—306, 308, 313, 314—316, 320, 330, 331, 335, 342
саадак 429
саба- 212
сабамак 207, 228
сабун 41, 80
сабунламаг 41, 80, 482
сабунланмаг 482
*сав 381
саваламоқ 92
савамоқ 92
саваш 381
саваш- 381
савык- 284
сағ 275, 381
сағай- 275
сағалмаг 275
садәләш- 21
саз 132
сазламаг 132
сазланмаг 132
сай 325, 326
сайлаў 364
сайра 101
сайра- 325
сайрал 341
сайралан- 101, 341
сајыг 82
сајыгламаг 82
сак: сак-сакта- 23
сакит 154
сикитләнмәк 154
сакитләшмәк 154
сақ 341
сақи- 341
сақта- 341
сақ 23, 53
сақ бол- 24
сақла- 23
сақта- 23, 53
сақтық 53
*сал 377
сал 26, 74.
-сал- 520
салақ 305
салақсы- 305, 306

салам 80, 167
саламат 167
саламатлашмаг 167
саламламаг 80
саламлаш- 450
саламлашмаг 167
салда- 74
салдам 74
салдыр 217
салдыр- 395
салдыра- 217
салдыр-гүлдір 217
салк-: илкип салкып 401
салкы: илки-салкы 401
салл 74
салла- 26, 74
салламаг 74
саллан- 484
салланмаг 489
салмаг 537
салмаг: азара салмаг 537
салмаг: чәтинә салмаг 537
салп 280
салпай- 280, 282
салпылда- 280
салық- 377, 401
салыкы 377, 401
салынмаг 479
саман 86
саманламаг 86
самыр 219
сам(ы)рамак 219
самырдамак 219
сан 206, 212, 342, 440
-сан- 479
сан- 306, 520
сана 206, 221, 479
санаа 389, 418
санаа- 330, 389, 418
санамаг 206, 228
санарка- 330
санда- 342
санҗы 53, 377
санҗыламак 53
сансы- 342
санъ 52
санъна- 52
саңрау 303
саңраусы- 303
сап 207, 212, 370
сап 370
*сар- 249
сар 442
сара- 425
сара 442
сарамак 425
сараң 101, 342
сараңдан- 101, 342
сараңсы- 342
сарар- 249
сарармакъ 249
саргай- 280
саргар- 249, 280
сарғай- 272, 280
сарғы 352
сарик 280
*сармаг 352
сармашмаг 352, 537
сарна- 207, 227
сарса- 465
сарсаг 43, 44, 67, 158
сарсагламаг 43, 44, 67, 158
сарсагланмаг 158
сарсаглашмаг 158
сарсы- 444, 465
сары 249, 280
сары- 249, 423, 442
*сарықай- 272
сарымаг 537
сарын 207, 212, 227
сарыр- 249
сарышмаг 537
сасы- 413
сасық 413
-сат- 520
саты 53
сау 284
сауал- 275
саудыр 220
саудыра- 220
саудыр ет- 220
саудырла- 220
сауық- 284
сауыс- 532
сафламаг 185
сафланмаг 185
сафландырмаг 185
сафлашдырмаг 185
сафлашмаг 185
сах 22, 23, 25
сахла- 22, 23, 24, 26
сахланмаг 498
сахланылмаг 498
сахта 180
сахталашдырмаг 180
сәһиб 111, 119
сәһибләнмәк 111, 119
сач- 326
сачаламак 347, 348
сачламаг 481
сачмак 348
*сачмоқ 326
сачрамоқ 326
сачыл- 503

сăя 54
сăяламак 54
себееле- 347
себеле- 347
себер- 414
севилмәк 500, 549
севин- 496
севинмәк 484, 489
севмәк 484, 489, 500
*сегрәк 271
сез 318, 320, 370
сез- 370
сезген- 321
сезмәк 61
*сејрә- 341
сејрәк 43, 157, 271, 273
сејрәкләмәк 43, 157
сејрәклән- 117
сејрәкләшмәк 157, 341
сејрәл- 341
сејрәлмәк 271, 273, 341
сејрәт- 429
секиш 159
секишламоқ 159
секишланмоқ 159
секишлашмоқ 159
секир- 441, 525
селчең 51
селчеңлемек 51
семир 445
семре- 445
семуре- 445
сенăгат 181
сенăгатлашдырмак 181
сеңер- 266, 414
сеп 370
сеп- 370
*сер- 354
серлемек 92
серме- 354
сермек 92
сермелемек 92, 354
серп- 354
сес 320, 470
сескан- 469
сескен- 320, 469, 470
сечдирмәк 516
сечелемек 347
сечмек 348, 516
-сĕр 411
-сә- 295
*сәјир- 525
сәјиртмәк 525
сәјримәк 327
*сәк 525
сәмәрә 141
сәмерәләшмәк 141
сәмир- 377
сәмри 377, 418
сәмри- 377, 418
сәмтләмәк 185
сәмтләшдирмәк 185
сәмтләшмәк 185
сенајеләш- 21
сәнкимәк 238
сәп- 461, 462
сәпәләмәк 347
сәпмәк 347
сәрвәт 102
сәрвәтләнмәк 100
сәрп- 461, 462
сәрт 155
сәртләнмәк 155
сәртләшмәк 155
сәрхош 100
сәрхошланмаг 100
сәс 41, 99, 167, 169
сәскән- 320
сәсләмәк 41
сәсләнмәк 99
сәсләшмәк 167, 169
сәфа 104
сәфаланмаг 104
сәфиһ 157
сәфиһләмәк 157
сәфиһләшмәк 157
сәһман 146
сәһманлашмаг 146
си- 298
-си- 295
сибәлә- 347
сиден 52
сиденне- 52
сиз 342
-сиз 123
сизламоқ 342
сизсирамоқ 342
сиир- 526
сий 429
сијрак 144
сијраклашмоқ 144
сикер- 441
*сил 208, 211
силамоқ 207, 228
силаһ 108, 114, 119
силаһланмаг 108, 114, 119
силаһсыз 181
силаһсызландырмаг 181
силис 101
силистән- 101
силк- 350, 445, 481
силкәләмәк 437
силкәлән- 481
силкәләнмәк 481

силки- 445
силкинҗиремек 312
силкмәк 312, 347
силлик 208
сим 81
симләмәк 81
сии 211, 222
-син- 295
сине- 211, 222, 228
сир (подраж. корень) 263
сир («земля») 55
сира- 297
сирдәә- 55
сире- 273
сирек 273
сирекси- 305, 306
сиректен- 273
сиркә 150
сиркәләшмәк 150
сирң 217
сирңира- 263
сирңирамоң 217
сискән- 470
система 182
системаламаг 185
системаланмаг 185
системалашдырмаг 183, 185
сичил 48
сичилләмәк 48
сичим 41
сичимләмәк 41
сі- 298
сібір- 414
сілкіле- 347
сімір- 259
сінъір- 414
сіңбір- 414
сов- 466
сова- 441
совамак 535
совашмак 535
совет 141
советләшмәк 141
сову- 441
совуш- 465
соғу- 441
соғуш 381
соғуш- 381
соғыс- 381
соғыш- 381
соз 341
соз- 36, 350, 512
созаланмаг 341
созалмаг 275, 341
созгула- 350
созғыла- 350
создук- 36, 512
сойдур- 522
сојмаг 479
сојуг 142
сојуглашмаг 142
сојунмаг 479
сок- 36, 512
сoктук- 36, 512
*соң 413
соң- («впихивать») 413
*соң- («ударять») 381
соң:соң бармақ 413
*соққур 415
*соққыр- 415
соңмақ 364
соңур 414, 415
соңыр 414, 415
солмаг 290
солухмаг 290
соң 261, 262
соңгар- 261, 262
сор- 437, 438, 444
сора- 90, 346, 437, 438
сораг 90
сорагламаг 90, 352, 532
сораглашмаг 90, 532
сораштыр- 357
сормаг 352, 355, 357, 532, 542
сорт 52
сортта- 52
сорул- 501
сорушдур- 444
сорушдурмаг 357
сорушмаг 355, 359, 532, 542
сорушулмаг 542
сох- 413
сохмаг 356
сохулмаг 358
сохушмаг 358
сочмоң 326
союл- 522
сöjlä- 173
сöсте- 45
*сө 442
*сө- 442
сөвдә 164
сөвдәләшмәк 164, 166
сөглээ- 45
сөгмек 312
сөгүнҗиремек 312
сөе- 363
сөег 363
сөē 363
сөз 45, 167, 169
сөздө- 45
сөзлемек 45
сөзләшмәк 167, 170, 171
сөй- 429

сөйлє- 189
сөйрә- 231
*сөйү- 442
*сөј 45
сөјдүрмәк 523
сөјдүртмәк 523
сөјкәмәк 243
сөјләмәк 45, 500, 524
сөјләп- 500
сөјләшилмәк 498
сөјләнмәк 487, 498, 500
сөјләтдирмәк 524
сөјләтмәк 524
сөјмәк 481, 523
сөмелемек 312
сөмелҗиремек 312
сөп- 442
сөндүрмәк 542
сөндүрүлмәк 542
сөнмәк 522
сөрт- 350
сөрткәлә- 350
су 131, 253, 301, 342
-су 297
-сү- 295
суар- 253
субај- 67
субајламаг 67
сув 253
сува- 229
сувагламаг 524
сувагламаг 524
сувамаг 229, 524
сувар- 253, 275
сувармаг 253, 255, 258, 341
суватмаг 524
суватдырмаг 524
сувгар- 276
сувсамоқ 301
сугар- 253, 261
суггар- 261
суғар- 253
суғармоқ 253
судыр 220
судыра- 220
судырла- 220
судыр судыр ет- 220
суйлав 364
сук- 466
суккăр 414, 415
сукмак 364
сукыр 342
сукырай- 342
сукырлан- 342
суламаг 131, 341
суланмаг 131
сулуг 157
сулугланмаг 155, 157
сулуглашмаг 155, 157
-сун- 295
супур- 414
сура- 392
сурамжы 392
сурамжы- 392
сурастыр- 355
сураштыр- 355, 357
сусамаг 301, 315, 316, 342
сусар- 261
сусуз 140
сусузламаг 140, 342
су суламаг 91
сууса- 302
сўзламоқ 45
сўл- 370
сўра- 444
сұйал- 271
сұйыл- 271
сұқ- 413
сұрастыр- 357
*сўр 414
сўр- 413
сўрлў 413
сўс 70
сўслен- 70, 71
сү- 414
-сү- 295
сүгә 87
сүд 99
сүдләнмәк 99
сүз- 116, 435
сузул- 503
сүй- 429
сүйкмек 291
сүйлө- 45, 46
сүймек 292
сүйре- 231, 441
*сук 414
сүк- 414
*сүм 414
*сум- 414
сүмгүр- 414
сүмгүрмек 266
сүмүк 142, 414
сүмүкләшмәк 142
сүмүрмәк 259
*сүң 414
-сүн- 295
сү'нни 140
сү'нниләшмәк 140
*сүң 266
*сүпүр 414
сүпүр- 414
сүпүркәләмәк 349, 350
сүпүрмәк 259, 349, 524

сүпүртдүрмәк 524
сүпүртмәк 524
сүр- 483
сүрмәк 483
сүртәләмәк 347, 348
сүртмәк 347, 354, 483, 503
сүртиәләмәк 354
сүртүлмәк 503
сүртүнмәк 483
сүрү- 90, 231, 441
сүрүк 90
сүрүкләмәк 90, 91
*сүрүт 91
сүрүтләмәк 91
сүс 70
сүсәр- 70
сүт 278
сүтей- 278
сүүл 370
сүүл- 370
сы- 208, 296, 298
сы- 296
-сы- 295, 297—302, 304—308, 313—316, 330, 331, 335, 340
сывăх 248, 254
сывăхар- 254, 258
сывхăр- 254
сыға- 229
сыгал 57, 73, 91, 208
сыгалламаг 57, 91
сыгамаг 57, 73, 208, 229
сығмаг 486, 535
сыгынмаг 486, 491, 542
сыгышдырмаг 542
сыгышдырылмаг 542
сыгышмаг 358, 535, 542
сыз 197
сыз- 435
-сыз 313, 411
сызгыр- 267
сызла- 420
сызламаг 197
сызылда- 431
сызылдамаг 197
сыйба- 229
сыйгырмак 266
сыйпа- 229
сыпыш 356
сыҗырмаг 259
сық- 415
-сық- 354, 511, 512
сықпала- 354
сыгла- 208
сылдыр 229
сылдыра- 220
сылдырла- 220
сылқый- 282
сын 213
сын: сын сөөгү кал- 284
*сын 206, 284
сын- 475, 484
-сын- 295, 296, 299, 306, 307, 309, 315, 349, 476
сына- 206
сынақ 206
сынамаг 206, 228
сынмаг 290, 291
сыныхмаг 284, 290
сынъ 218
сынъ-санъ 218
сынъыр 218
*сынъыра- 218
сынъра- 218
сыңғыр 218
сыңғырла 220
сып 285
сыпылда- 285
сыпылда- 285
сыпырт- 285
сыпыхмаг 285
сыр 425
-сыр 311, 313
сыра 14, 48
-сыра- 295, 297, 305, 310—313, 315, 342
сыраламаг 14, 48, 483
сыраланмаг 482, 483
сыркоо 217
сырқ 217
*сырқа- 217
сырқау 217
сырқыр 217
сырқыра- 217
сыртыг 271
сыртылмаг 271
сырчан 425
сыс 137
-сыт- 306, 476
сыхча 43
сыхчаламаг 43
сыһыт- 494
сыһытылын- 494
сычрамаг 327

ҫ

ҫавăрăнкала- 351
ҫаврăн- 351
ҫаврăнкала- 351
ҫап- 351
ҫапкалан- 351
ҫатăртат- 201
ҫĕрĕ 364
ҫук 364
ҫур- 350
ҫурак 364
ҫуркала- 350
ҫут- 291
ҫӳре- 445

т

-т- 392, 396
-т- 175, 339, 351, 392, 393, 395, 457, 472, 475, 476, 485, 513, 514, 517, 520, 521, 524, 544
-та 22
-та- 394
таб 146
таблашмаг 146
табыш- 532
тавлаш- 164
тавыш 25
таггылдамаг 200
тагыллданмаг 487
тай- 246
тайгак 246
тайгыл- 246, 247
тайға 55
*тайға- 246
тайғақ 246
тайғала- 55
тайғана- 246
тај 182
тајлашдырмаг 182
такмил 148
такыр 342
такырай- 342
такырлан- 342
тал- 371, 445
тала- 22, 71, 72
таламаг 229
таланмаг 484
талас 71
талаш- 71, 72
талы- 371, 445
там 309
там 415
там- 415
тамамламаг 484
тамамланмаг 484
тамах 309, 429
тамахсына- 309, 315
тамаһ 309
тамаһланмаг 305
тамаһсыланмаг 305, 306
тамаһсымаг 305, 306, 314
тамаша эт- 429
тамсан- 329
тамсынмаг 309
тамчы 415
тамшан- 309
тамшы- 415
тан 235, 236
тан 441
тана- 441
тан ол- 441
тан олмоқ 235
таны- 441
танымаг 235, 484, 524
танынмаг 484
танытдырмаг 524
танытмаг 524
таңқы 280
таңқый- 280, 282
тап- 431
тапдаламаг 93
*тапдамаг 93
тапыл- 501
тар («тесный», «узкий») 284, 288, 308, 379, 409
тар («насест») 111
тар- («расходиться») 245
*тар- 379
-тар- 394
тара- («расходиться») 245, 468, 469, 476
тара- («чесать») 402
тараз 180
таразламаг 185, 186
таразлашдырмаг 180, 185, 186
тарай- 274
тарал- 271, 469, 476
тарат- 245, 476
тарах 379
тарах- 379
тарқамоқ 245, 247
тарланмаг 111
тармашмок 353
тарпылдамаг 200
тарс 218

тарса-тарс 218
тарс-турс 218
тарсыл 218
тарсыла- 218
тарсын- 307
тарс эт- 218
тарт- 292, 466
тартых- 292
тарык- 284
тарық- 284, 288
тарыл- 271, 274
тарын- 285
тарых- 284
таста- 68
тасы- 235
тат 234, 236, 320, 368, 443
тат- 318, 320, 368, 466
-тат- 188
тати- 466
татимоқ 234
таткан- 320, 322
таш («камень») 75
таш («наружу») 75, 235, 236
-таш- 135
ташла- (от таш «наружу») 76
ташла- (от таш «камень») 68, 69, 76
ташы- 235, 236
тая- 471
тäпра 364
тебеле- 348
тебірен- 218
тебранмоқ 218
тегиз 443
тез 144
тезлашмоқ 144
телефон 167, 169, 181
телефонлашдырмаг 181
телефонлашдырылмаг 187
телефонлашмаг 167, 169
темаша эт 429
тең 52, 261, 262, 341
теңгер- 261, 262
теңде- 219
теңе- 261, 241
теңге 20
теңңе 219
теп- 218, 299, 326, 348
тепмоқ 325
тепре- 218, 221, 325
тепсин- 300
тербел- 326
тери 443
тешə- 209, 222
*тёк 364
тёр 403
тəдбир 166, 169
тəдбирлəшмəк 166, 169
тəəччүб 105
тəəччүбланмəк 105
тəзəлəмəк 186
тəзəлəндирмəк 186
тəзəлəнмəк 186
тəзəлəшмəк 186
тəк 48, 49, 55
тəкläмəк 48, 55
тəлім 303
тəлімсі- 303, 314
тəмиз 81
тəмизläмəк 81, 479
тəмизläнмəк 479
тəнбəл 142
тəнбəллəшмəк 142
тəнк 232, 236
тəнкимəк 232, 238
тəнläшмəк 174
тəпик 60
тəпикläмəк 60
тəпинмəк 489, 491
тəпмəк 60, 61, 325, 489
тəпрəт- 479
тəравəт 100
тəравəтläнмəк 100
тəрбијə 105, 117
тəрбијəläнмəк 105, 117
тəрəфиндəн 499
тə'рифläмəк 479
тə'рифläнмəк 479
тəрк («круп») 168, 169
тəрк («оставление») 513
тəркläшмəк 168, 169
*тəркн- 513
тəркит- 513
тəркитмəк 513
*тəрпə- 326
тəрпəн- 326
тəрпəнмəк 218
тəрс 140
тəрсläшмəк 140
*тибір 218
тибіре- 218
тибрəн- 218
тигилин- 494
тиз 444
тик 435
тик- 494
тикей- 274
тикий- 274
тил 223
тил- 42
тила- 210
тиле- 210, 221
тиллес- 450
тилтир 215

тин 24, 197
тин- 24
тингла- 24
тин ол- 24
тинч 233, 236
тинчимоқ 233, 238
тинъ 52
тинъне- 52
тиң 25
тип- 466
тир («бревно») 109
тир («шкура») 443
тир (подражат. корень) 202, 215
тирес 182
тиресле- 185
тиреслəндер- 182, 185
тирил- 274
тирлəнмəк 109
тирмашмоқ 353
тирнамоқ 353, 354
тиртир 215
*тиртире- 215, 403
тис 254
тисармоқ 254
тисгинҗиремек 312
тисгинмек 312
тисқармоқ 267
тисламоқ 254
тисл с- 450
тит- е215
*тити р 215
титир гын- 215
титир е- 215
тчтра 215
титре- 215, 403
титрə- 215
титрəмəк 215, 228, 524
титрət- 524
тифтик 110
тифтикləнмəк 110
тиш 36, 512
тишамоқ 209
тише- 209
тиштик- 36, 512
тізе 446
тіle- 210
тіс 108
тісе- 209, 222
тістен- 108, 431
тітіре- 215
тоғру 415
тоз 211, 223, 371
тоз- 223, 371
тозан 223
тозанла- 223
тозанлан- 223
тозанна- 223
тозаң 223
тозаңда- 223
тозун 223
той 371
той- 371
тойғанмоқ 246
тойғо- 246
тойғоқ 246
тоймоқ 246
токтон- 476
токъта- 476
токътал- 476
токътат- 476
тоқмоқ 364
тол- 293
толға- 243
толук 333, 334
толукшу- 333
толық- 293
томар 48
томарламаг 48
томонидан 499
томоқ 429
томчи 415
тон 415
тоң 368
тонъ- 368
тоң- 368
топ 38
топламаг 38
топланмаг 498
топланылмаг 498
топрақ 364
тор 241
торго- 241, 242
торгуй 46
торгуйдаа- 46
тормоз 39
тормозламаг 39
торо- 241
*тот («вкус») 234, 367
тот («ржавчина») 285, 288
тот («сытость», «сытый») 372
тот- («насыщаться») 372
тот- («пробовать на вкус») 466
тотук- 285, 380
тотық 380
тотық- 285, 287, 288, 380
*тох- 483, 489
тохмаг 65
тохмагламаг 65
тохум 82
тохумламаг 82
тохунмаг 483, 488—490
төрі- 473
төз 208

төзә- 208
төзәл- 274
төл 473
төле- 447
төлө- 447
*төр 473
төре- 473
төрә- 462, 473
төрән- 462, 472
төрәт- 473
төрткәлә- 350
төшек 364
ту- 461
тубан 52
тубанна- 52
туга- 473
туган- 473
тугат- 473
туғ- 461
тузалмоқ 274
тузанлан- 223
тузонланмоқ 223
тукмак 364
тул 75, 76, 446
тула- 75
тулға- 75
тулла- 75
тулламаг 75, 76
тулланмаг 483
тумдашыш- 540
тумлы- 35, 36
туң- 368
туор 372
туор- 372
туп 269
тупламоқ 269
тупурмоқ 269
тур- 290
тура 402
тура- 402
турт- 351
турткала- 351
турткиламоқ 350
турш 21, 232, 340
туршлаш- 21, 29
туршлашмаг 340
туршлуг 21
туршу 21
туршу- 21
туршумаг 232, 238, 340
тут («вкус») 443
*тут («ржавчина») 380
тутам 304
туташ- 431, 529
туташмаг 529, 530
тутӑ 443
тутӑх 380
тутӑх- 380
тутдур- 509
тутмаг 504, 529
тутулмаг 504
тутуш- 431, 530
тутушмаг 529, 530
тутһатут 374
тутык 380
тутык- 380
туура 415
тууры 415
тух- 364
тұтам 430
тӱйғаз- 519
тӱймоқ 519
тӱнгмоқ 368
тӱқынмоқ 488
тӱгел- 473
тӱген- 473
тӱгет- 473
тӱзе- 207, 228
тӱзел- 274
тӱк 101
тӱктен- 101
тӱс 207
тӱшек 364
тү 22
түге- 473
түгес- 473
түгөн- 473
түгөт- 473
түз 208, 211
түзел- 274
түзә- 208
түзөл- 271, 274
түјләмәк 229
түк 119, 364
түкә- 473
түкән- 473
түкәндир- 473
түкәт- 473
түкләнмәк 118
түксі- 431
түкүр- 488
түкүрүн- 488
түлә- 22
түләк 145, 146
түләкләшмәк 145, 146
түләмәк 229
түлкі 109
түлкілен- 109
түн 211
түн:үн түн жоқ 25
түне- 211, 221
түпүрмәк 266
түрт- 350

түрткіле- 350
түрткүлө- 350
түт- 445
түте- 445
түтүн 445
түфәнк 108, 119
түфәнкләнмәк 109, 119
түш 211
түше- 221
-ты 420
тыал 254
тыалар- 254
тыгылдамаг 194, 200
тыг-тыг 194
тығын- 490
тық- 334, 435, 446, 490
тықа- 435
тықсыр- 334
тыл 223
тым 326
тым- 372
*тымағу 326
тымныы 36
тымо 325, 326
тымора 325
тын («тишина», «спокойствие») 24, 25, 197
тын («дыхание», «отдых») 106, 285, 372
тын- 24, 372
-тын- 316
тын : тавышы тыны юк 25
тын : ын тын эшитильмей 25
тынтын 199
тынық- 24, 285
тынъна- 24
тыңа (корень в тыңла-) 25
тыңа («бодрый») 372
тыңа- 372
тыңда- 24, 25
тыңла- 24, 25
тыңа тында- 25
тыңчы 25
тыңшы 25
тыппылдамаг 200
-тыр- 339
*тыр («ноготь») 354
тыр (звукоподр. корень) 202
*тыр- 353, 402
тырба- 353
*тырға- 353
тырғах 353
тырма- 353
тырмавуч 402
тырмақ 353
тырна- 353, 354, 402
тырнавуч 402
тырнақ 402
тыртыр 215
тырылдамаг 200
тырыл тырыл 215
тысылдамаг 200
тых- 446
тыха- 446
тыш 76, 235

у

у 56, 415, 416
у- («растирать», «толочь») 244
*у- («спать») 56, 57, 416
-у 420
-у- 230, 259
уа- 91, 244
уақ 307, 474
уақсын- 307
уала- 91
уат- 474
убат- 474
-уг- 282
уғ- 280
уғуз 280
уғулдамаг 200
уд («стыд») 27, 317
уд («заем», «долг») 209, 226
уд- («глотать») 318, 322
уд- («выигрывать») 322
удгунмаг 322
удмаг 322, 517
удузмаг 517
уды- 57
ужуқ- 291
*уз (корень в уза-, узун) 248, 250, 280, 473
уз («хороший», «красивый») 250, 280
*уза 384
уза («удлиняться», «тянуться») 250, 280, 384, 473
уза- («плотничать») 227
узаг 152
узаглашмаг 152
узай- 250, 280, 384
узақ 384
узал- 250, 280
узан- 319, 321, 473
узар- 250, 384, 473
узат- 473
*узу- 384

узу 384
узун 140, 383
узунлашмак 140
уй («ум», «сознание») 320
уй («стыд») 276, 392
уй- 392
уйал- 28
уйах 443
уйғат- 318
уйғу 312
уйғумзыра- 312
уйкусураа- 312
уйқусирамоқ 312
уйу- 57
уйуқу 57
уйу- 291
уйуқ- 291
укала- 349
укта- 23
уқ («мнение») 372
уқ («сон») 57
уқ («подобный») 392
уқ- 372
уқала- 244, 349
уқӀа- 57, 415
уқы- 312
уқымсыра- 312
ул- 446
-ул- 497
ула- 442, 447
уламаг 188
улға- 343
улғаі- 343
улла- 343
улт 443
ултав 364
ултă 443
улттă 443
улу- 442, 446
улуқ 303, 307
улуқсу- 303
улуқсін- 307
улы- 446
ум 416, 442
ум- 416, 442
уммаг 300
умсан- 300
умсун- 300
умсунмаг 300
умсынмақ 300
ун 30
-ун- 316
-(у)н 378
унт- 322
унут 396
унут- 396
унчуқ 30
уңа 443
уоп 372
уоп- 372
уот 235, 236,
уоту- 235
ур 416
ур- 292, 416, 445
-ур- 267
ура 364
-урға- 327
уршмоқ 230
урна- 230, 343
урнық- 343
уруғ ур- 25
урунуқ- 292
урь 370
ус 227, 317, 319
ус- 435
усанмаг 323
усқан- 472
уста 248
усхун- 472
усхур- 472
ут 27, 317, 319, 384
ут- 322, 384
-ут- 338
ута- 225
утан 384
утан- 27, 28, 321, 384
утанмаг 319
у-у 198
ууру- 375
ууры- 375
уф 195
уфул 195
уфулдамаг 195
уфулданмаг 487
уфулту 195
ух 392
-ух- 282
ухă 443
ухӀла- 57, 415
ухмак 364
ухша 392
ухша- 392
уч- 291
учмаг 515
учуг 82
учугламаг 82
учуқ- 291
учунмаг 488, 489, 491
учурмаг («дать улететь») 515, 516, 523
учурмаг («обваливать») 515
учуртмаг 516, 523
учух- 291
уча 275

учалмаг 275
учуз 155
учузланмаг 155, 178
учузлашмаг 155, 178
ушаг 114
ушагланмаг 114
ую- 291
уюл 243
уюлгу- 243

ұза- 250
ұзай- 250
ұзар- 259

ўзгармоқ 249
ўк 302
ўкирмоқ 387
ўкси- 302, 315, 316
ўксин- 302, 315
ўлча- 397, 440

ўйлен- 122
ўк 310
ўк- 351
ўккеле- 351
ўксўн- 310

-ү- 230, 259
үз («лицо») 89
үз («сам») 308
үзгәр- 249
үзләмәк 88, 89
үзлү 89
үзмәк 544
*үзмәк 544
*үзсен- 308
үзүл- 503
үзүлмәк 544
үзүлүшмәк 544
үйлен- 122
үйлән- 122
үйүр- 473, 474
үјүдүл- 473
үјүн- 473
үјүт- 473
үјүшмәк 339
үк- 349, 473, 474
-үк- 282

*үя- 472
үял- 28
үялмоқ 276
үян- 320, 472
үяр- 472
үят 392, 396
үят- 28, 392, 472
ў 232

ұ

ұйқысыра- 312
ұю- 291

ў

*ўинг 254
ўнгармоқ 254, 256, 258
ўртамоқ 206
ўтказ- 387
ўткар- 387
ўткир 387

ӱ

ӱргӱ- 291, 442
ӱрс 137
ӱрк 92
ӱркlä- 92
ӱрӱк- 291, 442

ү

үксе- 302
-үл- 497
үлкүчләнмәк 482
үлчә- 397
үлә : үлә-камнас 443
*үм 311
үн : үн түн жок 25
-үн- 316, 412
-(ү)н- 378
үр 442
үр- («лаять») 196
*үр- 442
-үр- 267
үрәк 123
үрәкләнмәк 123
үрк- 291
үркмәк 291
-үркә- 327
үрүлдө- 196
үсгүрмек 265
үст 27, 317, 320

үсте- 320
үстө- 320
-үт- 338
үткер 387
үткәр- 387
үф 268, 341
үфләмәк 268, 341

фајда 108, 114, 119
фајдаланмаг 108, 114, 119
фәрг 105, 116
фәргләнмәк 105, 116
фәрәһ 105
фәрәһләнмәк 105
фикир 146, 156
фикирләнмәк 156
фикирләшмәк 146, 156
фынхырдамак 188

-х 272
ха 267
хаар 87
хаарда- 87
хабылын- 494
хағыр- 267
хаз 217
-хала- 349
хан 52
хана- 208, 213
ханла- 52
ханна- 52, 208, 213
ханчал 174
ханчалламаг 174
ханчалашмаг 174
хап- 494
хара 251
хараар- 251
хараб 140
хараба 145, 146, 152
харабалашмаг 145, 146, 152
хараблашмаг 140
харахсын- 310, 315
харба- 352
харланмаг 157
хармах 352
хароб 147
хароблашмоқ 147
хартламаг 197
хартылдамаг 197
хар-хар 194, 199
харылдамаг 194, 199
харәлтат- 201
харых- 201

уфүрмәк 268, 341
үч 48, 49, 55
үчләмәк 48, 55
үш 266, 267
үшкүр- 266
үшүмәк 238

ф

фынхырмаг 266
фыр 105, 112
фырландырмаг 542
фырландырылмаг 542
фырланмаг 105, 197, 542
фырылдамаг 197
фырылданмаг 487, 491
фысылдамаг 200
фышгырмаг 266
фышылдамаг 200

х

хата- 69
хаткы- 264
хаткыр- 264
хатығ 411
хач 182
хачландырмаг 182
хәйра- 402
хәр- 440
хах- 92
хахта- 92
хён 205
хәбәр 169
хәбәрләшмәк 169
хәнчәр 174
хәнчәрләмәк 174, 481
хәнчәрләшмәк 174
хәстә 117
хәстәнләнмәк 117
хирёч 406
хирёч- 406
-хла- 90
ховп 329
ховпургамак 329, 330
ход вермәк 46
ходуну азалтмаг 46
ходдамаг 45, 46
ходламаг 45
холи 179
холилатмоқ 179
хор 373
хор- 373, 494
хоруз 109, 114, 120
хорузланмаг 109, 114, 120
хорулун- 494

хорых- 290
хос 373
хос- 373
хоф 105, 116
хофланмаг 105, 116
хошланмаг 100
хошлаш- 450
хуба 248, 250
хубар- 250
худаһафиз 164
худаһафизләшмәк 164
хуйӑх 252
хуйхӑ 252
хуйхӑр- 252
хумарлан- 503
хуп 373, 443
хуп- 373
хупӑ 443
хур 54, 332
хурча- 332, 476
хус 70
хуста- 70
хуу 248, 250
хуур- 251, 440
хүлден- 124
хык 219
хыкгылдамак 219
хыкыламак 219
хылын- 487
хыналамаг 479
хыналанмаг 479, 482
хыр- 290
хырда 130
хырдаламаг 130
хырдаланмаг 130
хыркӑч 364
хыртылдамаг 200
хырылдамаг 200
хысхара- 440
хысхы 264
хысхыр- 264
хыҫ- 443
хышылдамаг 200
хуркы- 442
хуркмоқ 291

һ

һаваланмаг 116
һагг 166
һаглашмаг 166
һазыр 14, 146, 156
һазырламаг 14
һазырланмаг 156
һазырлашмаг 146, 156
һај 198, 217
һај-күј 217
һајламаг 198
һајхыр- 267
һајхырмаг 266
һакълан- 450
һал («падеж») 130
һал («здоровье») 167
һалал 164
һалаллашмаг 164, 169, 172
һалга 66, 77
һалгаламаг 65, 77
һалламаг 130, 186
һалландырмаг 186
һалланмаг 130, 186
һаллашмаг 167
һамар 100
һамарланмаг 100
һарын 158
һарынламаг 158
һарынлашмаг 158
һаф-һаф 194
һафылдамаг 194
һача 43, 44
һачаламаг 43, 44
һеј 198
һејләмәк 198
һејван 86
һејрәт 105
һејрәтләнмәк 105
һејф 306
һејфсиләнмәк 306
һесаб 174
һесабламаг 174
һесаблашмаг 174
һеча 48, 59
һечаламаг 48, 59, 77
һечәләмәк 59
һәдә 56
һәдәләмәк 56
һәлим 155
һәлимләнмәк 155
һәлимләшмәк 155
һәрбә 56
һәрбәләмәк 56
һәрдәләмәк 479
һәрдәләнмәк 479
һәрәкәт 183
һәрәкәтләндирмәк 183
һиддәт 118
һиддәтләнмәк 118
һипноз 45, 148
һипнозламаг 14, 45
һис 99
һисләнмәк 99

ҳиссис 180
ҳиссизләшдирмәк 180
ҳовхурмаг 266
ҳопп 318, 319
ҳоп- 462
ҳопдур- 462
ҳоппан- 321
ҳоппанмаг 319
ҳоппулдамаг 200
ҳүркмәк 291, 538
ҳүркүшмәк 538
ҳыг 318 ;319
ҳырылдамаг 200

ч

-ч 396
-ч- 396
-ча- 331, 345, 416
чаа 381
чаажын 384
чаал 447
чабаламаг 347, 348
чаггылдамаг 200
чагын 384
чагын- 384
чағ («крик», «шум») 388
*чағ 268, 381
чағир-чуғур 434
чағламаг 197
чағна- 336
чағылдамаг 197
чағыр 434
чағыр- 237, 268, 388, 433, 434
чағырмаг 268, 524
чағыртдырмаг 524
чағыртмаг 524
чадра 108
чадраланмаг 108, 113
чадык- 73
чадыр 73, 469
чай- 244, 350
чайка- 244
чайқамоқ 244, 249
чаймоқ 244
чайна- 336, 337
чак 336
чакыр- 351
чакыргала 351
чақ 268
чақ- 381, 384
-чақ 425
чақыр- 237, 268, 434
чақ- 384
чал 158
чалгъы чалмакъ 91
чалламаг 158
чалланмаг 158
чаллашмаг 158
чалмаг 244, 349, 489
чалтыра- 389
чалхаламаг 349, 350
чалхамаг 244, 247, 349
чалы 447
чалынмаг 489
-чан 425
чанг 234, 236, 340
чангимоқ 234, 340
чангланмоқ 340
чанкӑртат- 201
чанч- 377
чанчуу 377
чаң 269
-чаң 52, 425
чаңк 269
чаңк чаңк 269
чаңыр- 269
чап- 466
чапмаг 347
чар- 526
чарп- 433, 446
чарпы- 446
чартылдамаг 197
чары- 469
чарыс- 380
час 385
чат 73, 416
чат- 73, 381, 382, 416
чатаг 43
чатагламаг 43
чатал 73, 129
чаталламаг 129
чатан 53
чатанла- 53
чаташ 381
чаташ- 381
чатламаг 197
чатмаг 43, 72, 73
чатоқ 382
чатр 73
*чаттра- 73
чатырда- 192
чахмаг 337
чахнашмаг 337
чачай- 238
чашкӑр- 267
чашла- 267
чая 107

чаялан- 107
чăт- 443, 446
чăшăлтат 525
чăшла- 525
чăшлат- 525
чăвĕр- 488
чăвĕрĕн- 488
-че- 331
чевирмәк 48, 259, 524
чевиртдирмәк 524
чевиртмәк 524
чевре 417
чевре- 417
чеврә 48, 80
чеврәләмәк 48, 80
чейне- 336
чек 449
чекелемек 348
чекмек 348
четан 52
четин 143
четинлешмек 143
чечек 364
чечә- 230
чечи- 230
чечимәк 238
чешид 42
чешидләмәк 42
*чĕр 403
чĕр- 403
чĕре 364
*чĕртĕр 403
*чĕтĕр 403
чĕтре 403, 418
чĕтре- 403, 418
чәк- 462
чәкилмәк 504
чәкинмәк 490
чәкишмәк 504, 538
чәкмәк 61, 490, 491, 538
чәмкирмәк 266
чәнә 167, 170, 171
чәнә: чәнәдән мөһкәм 170
чәнәләшмәк 167, 170, 172
чәнкәл 66
чәнкәлләмәк 66
чәпәр 42, 81
чәпәрләмәк 42, 81
-чи- 331, 398
чиг 363
чиген- 504
чигин 363
чиғанақ 430
чиділ 407
чиділ- 407
чиј 363
чијин 363
чикĕ 443
чил 99
чиләмәк 228
чилик 43
чиликләмәк 43
чилләнмәк 99
чим («дерн») 130
чим («щипок») 416
чим- 416
чимдик 56, 333
чимдикләмәк 56, 481
чимләмәк 130
чимләнмәк 130
*чимлик 333
чирк 142, 178
чиркин 181
чиркинләнмәк 178
чиркинләшдирмәк 181
чиркинләшләк 178
чиркләнмәк 178
чиркләтмәк 178
чиркләшмәк 142, 178
чирмәләмәк 93
чирмәмәк 93
чист 248, 250
чистар- 248, 250
читен 144
читенләш- 144
чифтә 66
чифтәләмәк 66
чичек 364
чичәк 99
чичәкләнмәк 99
чĭр- 526
чодир 73
чокта- 89
чолаг 99, 117
чолагланмаг 99, 117
чоң 281
чоңой- 281
чорба 224
чох 275, 341
чохалмаг 275, 341
чохлашмаг 341
*чөк- 275
чөк 275
чөкәлмәк 275
чөкмәк 61
чөл 55
чөлдө- 55
чөмчөк 54
чөмчөхтөө- 54
чубуг 65
чубугламаг 65
чугас 208
чугаһаа- 208
чуғул 56

чуғулламаг 56
чукур 273, 278, 281
чукурай- 278, 281
чукурал- 271
чукуралмак 273, 277
чукурар- 271
чул 240, 242
чул- 354
чулға- 242
чулғамаг 93, 240, 241, 242
чулғаламаг 93, 240
чулламаг 240, 242
чулмала- 354
чуп- 350
чупкала- 350
-чуу 388
чӱрек 306
чӱрексі- 306
чүйре- 442
чүрү- 441
чүрүш 407
чүрүш- 407
чүчкүр- 267
-чы 24, 25, 359
-чы- 331, 416
чыг 269, 388
чығыр 388, 420, 434
чығыр- 388, 420, 433, 434
чығыр-бағыр 269, 388, 434
чығырмаг 269, 363
*чығыр чығыр 363
чыда- 138, 443, 446
чыдал 138
чык 386
чыкыр 388
чыкыр- 434
чыкырчуу 388
чык- 31
чылпаг 158, 177
чылпагламаг 158
чылпагланмаг 158
чылпаглатмаг 177
чылпаглашмаг 158, 177
чылтыра- 390
чым 333, 416
чымхырмаг 266
чымчы- 333, 335
чымыр 320
чымыран- 320, 321
чымыркан- 320
чын 261, 262
чынгар- 262
чынгармак 261
чыңг 208, 212
чыңа- 208, 212, 228
чыңыр- 269
чыр чығырмаг 363
чырмаламаг 93
чырмамаг 93
чырп- 433
чырпмаг 487
чырпынмаг 487
чырт 196
чыртламаг 196
чыртлашмаг 196
чыры- 469
чыхармаг 516
чыхартмаг 516, 517
чыхмаг 516
чычкы 106
чычкылан- 106
чыг 386

Ч

-ч 91
чаван 142
чаванлашмаг 142
чадар 119, 156
чадарланмаг 119, 156
чадарлашмаг 156
чала- 90
чалаг 90
чалагламаг 90, 91
чамал 117
чамалланмаг 117
чан 117
чанланмаг 117
чәлдләш- 21
чәркә 109, 148, 150, 156
чәркәләнмәк 109, 156
чәркәләшмәк 148, 150, 156
чәсарәт 105
чәсарәтләнмәк 105
чәфтә 66
чәфтәләмәк 66
чиб 49, 81
чибләмәк 49, 81
чиккилдәмәк 200
чилвә 100, 120
чилвәләнмәк 100, 120
чилд 80
чилдләмәк 80
чин 176, 184
чинләнмәк 176
чинләтмәк 176, 184
чинс 142
чинсләшмәк 142
чифтә 66
чифтәләмәк 66
чод 155

чодланмаг 155
чодлашмаг 155
чуммаг 498
чумулмаг 498
чур 168
чурлашмаг 168
чүт 48
чүтләмәк 48
чүчә 255
чүчәрмәк 255
чывылдамаг 200
чыгылдамаг 200
чыз 373
чыз- 373

чызыг 81
чызыгламаг 81
чызылдамаг 200
чынгылдамаг 200
чыр 158
чырламаг 158
чырланмаг 158
чырлашмаг 158
чырмаг 526
чырнамаг 337
чырмаламаг 481
чырмалан- 481
чырмаланмаг 481
чырылдамаг 200

Ҕ

Ҕёр 373

Ҕёр- 372, 417

ш

-ш 57, 198 374, 380, 382, 406, 420, 422
-ш- 135—138, 160, 162, 172, 173, 175, 245, 346, 352, 353, 355, 356, 374, 380, 382, 422, 458, 477, 485, 529—534, 536—538, 540—544
-ша 392
-ша- 331—335, 345, 376, 392, 398, 416
шаггылдамаг 200
шай- 244
шайқа- 244
шақ-шұқ 384
шалдира- 214
шалдирла- 214
шаллаг 65
шаллагламаг 65
шаң 219
шаңгылдамак 219
шаңламак 219
шаңңырдамак 219
шапалаг 65
шапалагламаг 65
шарылдамаг 200
шат 73
шатақ 382
шатыр 73
шәвар- 253
шәи 266
шәнкәр- 266
шәпәр 414
-шдир- 356
-шдүр- 356
-шдыр- 356—358
шегін- 504
шеир 166, 169
шеирләшмәк 166, 169, 172
шејтан 89
шејтанламаг 89
шек («сомнение») 334
шек («рубеж») 443
шекси- 334
шекши- 334
шемал 50
шемалламаг 50
шешә 120
шешәләнмәк 120
шёв- 373
-шә- 331
шәкләмәк 89
шән 155
шәнләнмәк 155
шәнләшмәк 155
шәрт 166
шәртләшмәк 166
шәфәг 117
шәфәгләнмәк 117
шәффаф 155
шәффафланмаг 155
шәффафлашмаг 155
-ши- 331
шиллә- 65
шилләләмәк 65
*ширин 143, 154, 178, 284, 287
ширинлешмек 143
ширинләнмәк 155, 178
ширинләтмәк 178
ширинләшмәк 155, 178
ширникмәк 284, 287
шит 140
шитләш- 21, 140
шиш 373
шиш- 373
шишрдилмәк 544

шиширмәк 513, 516, 523
шиширтмәк 513, 516, 523, 544
шишмәк 513, 544
шқырла- 193
шорпа 224
шөгер- 517
шөк- 517
-штыр- 346
шу 373
шур 249, 373
шур- 373
шурал- 249
шурпа 226
шүур 100
шүурланмаг 100
шӯ- 373
-шы 392
-шы- 331, 334, 392, 416
шыба- 229
шыбыр 241
шыбыра- 241
шыбырка- 241, 242
шыв 373
шыға- 230
шығы- 230
шыж- 467
шық 386
шықырла 193
шымша- 416
шырылдамаг 200

ы

-ы 230, 239, 374, 375, 398, 418, 422, 439, 440
-ы- 206, 230—232, 235—238, 241, 242, 248, 249, 268—271, 317, 326, 340, 343, 374, 375, 377, 398, 401, 402, 422, 423, 439—442, 444, 457, 469
-ыг- 36, 245, 282, 285—295, 315, 323, 342, 343, 345, 404
ыгла- 23
ығ 23
-ығ 239
-ығ- 301
-ығса- 301, 314
ығы- 235, 237
ыд 240
-ыд- 393
ыж 267
ыжгыр- 266
ыжылда- 267
ызы-чуу 388
-ый- 278, 280, 281, 411
-ыйы- 206
ык («крепкий») 334
ык («направление ветра») 334, 418
ык- 418, 429
-ык- 343
ыкжам 334
ыкжамак 334
ыкмак 334
ыкша- 334, 335
ық 235, 236
-ық 230, 239, 434
-ық- 231
ықшам 334
ыл 378
ыл- 378
-ыл 57, 194—199, 214, 219, 220, 420
-ыл- 231, 267, 270, 271, 282, 283, 477, 497
-ыла- 268
-ылда- 194, 195, 199, 201, 420
-ылды- 420
-ылла- 194
-ылты- 420
ылы 377, 378, 402
ылы- 377, 378, 402
ым 286, 334
-ым 230, 317
-(ы)м 15, 304
-(ы)мдакы 15
-(ы)мжыра- 312
-(ы)мса- 304, 305, 311, 312
-(ы)мсы- 304
-(ы)мсыра- 311, 312
ымшы- 334, 335
ымык- 285, 287, 288
ын 25
-ын 32
-(ы)н 15
-ын- 316, 317, 322
ынак 303, 379
ынаксы- 303
*ынч 265
-(ы)ң 15
ыңгылдамак 219
ыңгыран- 216
ыңқ 197, 216
ыңқыл 216
ыңқылда- 216
ынқ эт- 197, 216
ыңқыр 216
ыңқылдамак 219
ыңранмак 216
ыр (корень в ырамак) 219
ыр («песня») 443

-ыр (словообраз. аффикс) 386, 387
-ыр (модификатор при подражат. корнях) 194—199, 214, 217, 219, 263, 282, 323, 389, 391, 420
-ыр- 263, 265, 267, 269, 338, 341, 279, 337, 386, 389, 391, 420, 525, 526
ырамак 219
ырах 308
ырахсын- 308
ырга- 469
ыргыл 219
ыргылдамак 219
-ырға- 28, 327—331
-ырған- 331
-ырда 194, 195, 420
-ырды- 420
ыркыр 220
ыркыра- 220, 263
-ырты- 420
ырыа 443
ырыл 220
ырылда- 220
ыс 240, 329, 403
ысгамаг 240
*ыслы 403
ыссы 363, 402, 403
ысы 363, 402
ысы- 363, 402, 471, 472
ысык 402
ыт 240
-ыт- 338, 343, 393
ытыс 408
ытыс- 408
-ых- 282
ыч- 265
ычгырмаг 265
ыш 267, 268
-ыш 409
-ыш- 339, 542
ышкыр- 266
ышы 201
ышыл 268
ышылда- 266
ыы 23
ыят- 28
*ыс 329
ысгамак 329
ысырганмак 329, 331

э

эб 257
эв 257
эвир 257
эвирмек 256, 257
эвлен- 122
эг- 253, 278, 363, 410, 443
эге 409
эге- 409
*эги- 253
эгир 443
эгир- 443
эгов 410
эгөө 409
эгри 443
эгэлгэ 107
эгэлгэлэн- 107
эе 312
еемсиремек 312
эй («гнуть») 278, 443, 462
эй- («говорить») 524
-эй- 279
эйит- 524
эйт- 526
экин экмек 91
электрик 145
электриклешмек 145
электрлеш- 145
элэк- 292
эн- 246
энкаймоқ 246
эң- 246
эңкей- 246
эңремек 216
*эр 442
эр- 442
эре- 442
эри- 442
эркимси- 309
эрмегү 248
эскер- 260
эски 249
эскимоқ 250
эскир- 249, 250
эсте- 260
эт 54, 101
эт- 189
эттен- 101
эттээ- 54
эчкир- 265
эшитиль- 25

ю

юваш 233
юдум 304
юк 25, 309
юксын- 309, 315

юқ 57
юқла- 57
юл- 245, 444
юлқамоқ 247
юлқимоқ 245
юлмоқ 245
юлык- 286
юм- 279, 410
*юмша- 332
юмшалмаг 332
юна- 292
юнăх- 292
юрекли 123
юрексиз 123
ют («чужой») 307, 443
ют («глоток») 411
ют («выигрывать») 322
ют («глотать») 411
ютă 443
ютмоқ 307, 322
ютшăн- 307
юх- 351, 364
юхкала- 351
юхла- 57
юху 57

Я

ян («бок», «сторона») 211, 232, 446
ян («эхо») 417
*ян- 417
янамак 211
янăр 417, 418
янăр- 417, 418
янăра 417
янăра- 417, 418
янғира- 221, 418
янра 417, 418
янра- 417, 420
янъ 267
яң 267, 391, 417
яңар- 250
янғира- 391, 417
янғыра- 391
яңра 391
яңра- 391
яңыр 391
яңыра- 219
яр- 350, 464, 526
яра 418
яра- («годиться») 444
яра- («ранить») 418
яры- 469
ят 443
ятсын- 307
яхшы 248, 250
яхшыр- 250
яш 443
яш- 299
яшă 443
яшəй- 250
яшəр- 250
яшын- 299
яшыр- 299
ябык 403
ябык- 403
яваш 233
явмақ 135
яву- 136
явуқ 248, 254
явуқта- 136
явықланмақ 136
явықмақ 136
явымақ 136
яғ 446
яғуқ 248, 254
ядыргамак 328
яз- 470
зыл- 531
я зылыш- 531
й- 464
кынлаш- 450
қинлаш- 450
лбырак 216
лбыракта- 216
лкын 101
ялкынлан- 101
лт 216, 389, 391
лтăра 389
ялтăра- 216, 389
ялтирамоқ 389
ялт ит- 390
ялт-йолт ит- 390
ялтыр 390, 391
ялтыр- 390
ялтыра- 389
ялт эт- 216
ялт эт-: ялт этиб қарамоқ 390
ялт ялт ялтыра- 216
ямақ 400
ямаў 400

II

a

acep 106
aceplenmek 106
acı 399
acı- 399
acıkmak 502
acıkılmak 502
ačyl- 506
aç- 160
açığsa- 297
açığsı- 298
açıl- 509
açış- 539
açlın- 493
açlış- 160, 495, 53
ada- 209
adryl- 506
adyryl- 506
-ad- 394
-ad- 279, 281, 282
af 266
afallamak 159
afallaşmak 159
afal tapal 159
afkırmak 266
agar- 261
agır 386
agır- 386
agırla- 84
agırlal- 497
agırlan- 126
agız- 407
agızmak 407
ağaç 182
ağaçlandırmak 182
ağıl- 488
ağın- 488
ağır 143
ağırlaşmak 143
ağla- 304
ağlamsamak 304
ağmak 488, 515
ağna- 336
ağsır- 265
aγ 362, 363
aγ- 515
ahbap 165
ahbaplaşmak 165
ahit 166
ahitleşmek 166
aida- 393
airyl- 506
aja 498
ajda- 394
ajyγlan- 102
ak- 161, 261
akıla- 84
aklış- 161
aksırmak 265
aksır tıksır- 265
al- 71, 438, 510
-al- 37
-ala- 244
alaca 106
alacalanmak 166
alçak 271
alçakla- 468
alçaklamak 178
alda- 393, 394
aldara- 393
alduz- 518
al- 71
ali- 71, 438
alığsa- 301
alık 146
alıklaşmak 146
alımsın- 297
alın- 492, 506
alla- 394
altmış 52
altmışlamak 52
altunlaş- 173
aly- 338
-am 36
aman 6
an 365
an- 366
-an 36
anaç 52
anaçlamak 52
anğ 211, 212
anğa- 211, 435, 439
and 261, 262
andgar- 261, 262
anırmak 267, 269
anla- 365
ansır- 265
ant 285
antlaş- 173
antyq- 285
aŋdan- 393
aŋdar- 394
aŋdy- 393
aptyra- 393
-aq 36
ar- 519

-ar- 37
aramak 357
araştırmak 357
argar- 519
argur- 519
arim 438
arı 438
arı- 397, 463
arığ 398
arıγ 388
arıl- 506
arın- 397, 463
arıt- 397, 463
arī 388
arīγ 388
arkalaş- 168
arqa 136, 397
arqa- 397
arqaš- 135, 136
arsık- 511
art 126
arta- 393
aru 397, 388
aru- 397
aru bol- 397
*aruw- 388
aqyš- 533
astyq- 394
aš 109
-aš- 37
ašlan- 109

äbir- 256, 257
ägid- 393, 395
äil 89, 318
äilin- 318
äilkäk 6
äksü- 272
äksüt- kärgät- 272
äl 89, 318
älin- 318, 321
ält- 366, 393
ält ber- 366

ba- 193, 291, 408, 436
bagır 285, 299
bagırsa- 299
bagışlal- 497
bagrık- 285
bağ 192, 235, 237, 334
bağda- 192
bağımak 235, 237
bağır bağır bağır- 420, 469

aş 224, 297
aşagılamak 178
at 262, 437
-at- 37
ata 437
ata- 209, 457
atadh- 282
atan 437
atan- 495
atat- 282
atgar- 260, 262
atlan- 121
atlaş- 173
atsa- 288
avka- 469
avkı- 469
avlanmak 106
aw 362, 363
-ay 397
-ay- 396, 397
aya- 408
ayrın- 496
az 304, 408
az- 507
azad 423
azalmak 274
azat 423, 426
azat- 423, 426
azdır- 408
azıl- 505
azımsamak 304

ä

*äm- 239
ämä- 239
ämän 6
ämgä 239, 474
ämgän- 474
ämgät- 474
änit- 394
äsid- 507
äšit- 298, 395
ävür- 256

b

bağışla- 84
bağla- 192
bağlık 268
bağla- 510
bağšurmaq 333
baha 53
baj- 436
baju- 435
bak- 535

bakıl- 508
bakın- 492
balk 234
balky- 234
balşıra- 281
balşıray- 281
baltala- 87
bangır:bangır bangır bağırmak 268
bar- 91, 450
barıgsa- 301
barığ bar- 91
barıl- 508
barımsın- 309
barın- 492
barış 406
barış- 406
bas- 444
basamak 444
baqyš- 533
basık- 294
basın- 496
basırgamak 329
basmak 329
bassık- 294, 511
bašad- 393, 394
baş 138, 317—319, 387
*baş- 387
başar 381
başar- 387
başın- 327
başınmak 318, 319
başkar- 387
başla- 485, 509
başmaklan- 125
batıkmak 292
batmak 292
batqaq 425
bay 236, 248, 249, 366, 439
bay- 366, 439
bayat 143
bayatlaşmak 143
bayi- 233, 439
bayırmak 249, 263
baymaq 366
bayu- 236
baz 165
bazlaş- 165
bädiz 408
bädiz- 408
bäkü- 237
bälg'ü 251
bälg'ür- 251
beçkemlen- 125
*bek 53, 236
bekçi 53
beklemek 53
bekü- 236
benzemek 224
beril- 505
berk 366
berk- 366
bes 409
bes- 409
besi 409
besili 409
besi: besiye komak 409
besli 409
bey 363
bil- 300
biläwü 51
biläwülä- 51
bilemsin- 309
bilezük 129
bilezüklen- 129
bilge 281
bilgedh- 281
bilget- 281
bilil- 505
bilin- 495
bilsä- 300
bilsi- 300
bilsik- 511
bilüsä- 300
bir 165
biril- 503
birleşmek 165
biti 399
biti- 399
bitik 399
bitil- 492
bitin- 492
bıçakla- 87
bıngır bıngır ağlamak 268
bod 437
boda 437
boglun- 493
bognaklan- 128
boğa 301
boğasa- 301
boγuzlan- 496
bol 143
bol- 507
bollaşmak 143
bolul- 495, 497
bolun- 495
bošγur- 392
bošγut 392
bošγut- 392
bošqun 392
bošun- 495
boş 236, 318
boşa- 207
boşamak 207
boşalmak 274

boşgun- 321
boşu- 236
boy 148, 437
boy boylamaq 91
boya- 399
boylaşmak 143
boymaq 366
boz 367
boz- 463, 464
bozlan- 367
bozna- 337
bögür: bögür bögür aglamaq 265
bögürle- 84
bögürmek 265
bön 207, 302
bönsemek 302
buçgaklan- 125
buğu 446
buğur 301
buğursa- 301
buk- 424
bukagu 424
bulut 102, 128
bulutlan- 102

čagīl- 360
čap- 466
čaq 360
čaq- 360
čačäk 102
čačäklän- 102
čäk- 509
čig 386
čij 386
čin 210, 212, 418
čin- 418
čine- 210
čiv 333
čivšä- 333

çağalan- 102
çağ çuğ 268
çağı 268
çağır- 434
çak- 470
çalçene 170
çalış- 539
çangır-çungur 199
çap- 299
çapsa- 299
çarp- 431, 433
çarpık 431

bunak 271
bunamak 207
*buñ 276
buñalmaq 276
buñlį 276
buñlu 276
buŋ 392
buŋad- 392—394
burçaklan- 125
burmak 535
buruşmak 535, 536
butaklan- 124
buz («лед») 100
buz («порча») 366, 373
buz- 366, 373
buzagula- 84
buzlanmak 100
büdirmek 409
bükrey- 281
bükülün- 493
bür 102
bürge 128
bürgelen- 128
bürlen- 102
bysqyrmak 267

č

čov 107
čovlan- 107
čövrün- 495
čüčükse- 306
čyn 284
čynyq- 284
*čyz 417
čyz- 417
čyzłaš- 417
*čux 91
čux čula- 91
čuv 91
čuvla- 91

ç

çarpıl- 431
çat- 73, 467
çatal 143
çatallaşmak 143
çatı 73
çatmak 72
çaw 133
çawlan- 125, 133
çek- 462
çeneçalmak 171
çenesi düşük 171
çepçevre 443

çepeçevre 443
çer 129
çerlen- 129
çeşni 100
çeşnilenmek 100
çevre 417
çevre- 417
çigillen- 124
çiğ 305, 363, 386
çiğne- 336
çiğsemek 305
çiğsimek 305
çilä 386
çilä- 386
çirkinlemek 178
çirkinlenmek 178
çirkinleşmek 178
çisä 386
çisä- 386
çiselemek 348
çisemek 348
çisimek 348
çiwgünlen- 128
çıbıkla- 84
çigır- 434
çıgırışmak 269
çığlan- 125
çığlık 269
çıkıl- 508
çıkra- 221
çıkraş- 356
çıng 221
çıngra- 221
çırp- 433
çoğı 268
çoğlan- 124
çoğna- 336
çoğumsamak 303, 304
çok 303, 304
çoksamak 303
çoksımak 303
çöp 102, 108
çöplen- 102, 108
çukur 179
çukurlatmak 179
çüçkür- 267
çükreklen- 125
çür- 507

d

-d- 395
-da- 394
dağıl- 476
dağın- 476
dagıt- 476
dala- 71
dalamak 71
dalaşmak 71
dalmak 371
-dan 36
dar 178
-dar- 37
darılmak 285
darlanmak 178
darlaşmak 178
darlatmak 178
dayan- 428
dayat- 471
değ- 363
değirmen 363
değirmi 176
değirmilenmek 176
değirmiletmek 176
değiş 382
değiş- 382
delü 248
denk 147
denkleşmek 147
der- 424
derin 100, 134, 143, 178
derinlenmek 100, 178
derinleşmek 134, 143, 178
derinletmek 178
derle- 424
*derne- 336
dernek 336
dert 164
dertleşmek 166
deşelemek 348
deşmek 348
deyirgi 429
dik- 510
dillä- 92
dillere düşmek 171
dilleşmek 171
din 24, 25, 106
din-24
dinlen-24
dinlenmek 106
diñ diñlemek 25
dirim: ölüm dirim 400
dirüm 400
dız- 435
-dır- 408, 475
dog- 461
doğ- 461
dolamak 242
don 368
donmak 368
doqu- 442

dost 165
dostlan- 173
dostlanış- 173
dostlaş- 165, 173
doştlasmak 134
doymak 502
doyulmak 502
dönmek 502
dönülmek 502
döŋder- 515
dört 168
dörtleşmek 168
dur- 304
duraklamak 352
durdurmak 519, 520
durgurmak 519, 520
durmak 352, 519

-e- 231
edhger-261
edhgü 262
edinmek 487
*egeğ 410
eğ- 363
eğe 409, 410
eğe- 349
eksik 271
eksimek 273
eksü- 401
ekşi 400
ekşiğ 400
elge- 243
er 126, 128, 297
er- 519
-er- 410
ergür- 519, 521
ergürmek 520
ermegü 254

fayda 108
fayadalanmak 108
fenalaşmak 151

-g- 289
-ga- 243
gebe 254
gebermek 254
gencelmek 341
genç 341
gençlemek 341
gençleşmek 341
genişlemek 178

duruk 302
durukmak 290
duruksamak 302
duruksımak 302
durulmak 504
durumsamak 304
*duyna- 336
duynak 336
düpdüz 443
düpedüz 443
düz 368
düz- 368
düzelmek 274
-dy- 395
-dyn 36
-dyr- 37

e

ermegür- 254
ersin- 310
erü- 521
erüš- 533
erüt- 519
es 260
esirgemek 328
esker- 260
eski 400
eski- 400
eskir- 250
esne- 336
eşil- 505
etse- 297
evirmek 257
evirmek çevirmek 256
ew- 161
ewleş- 161
eyileşmek 151

f

fış 266
fışkırmak 266

g

genişlenmek 178
geŋ- 367
gerçek 147
gerçekleşmek 147
gevşek 271
-gi- 278
*-gi- 288
git- 470
gıcırdamak 219

gïrgır 135
gïrgïr 360
gırgırışmak 135
göç- 369
göçermek 517
göçmek 517
gök 324, 325, 326
gökre- 325, 326
gökremek 324
*gököre- 324
göl 100
göllenmek 100
görüş- 431
gösän- 300
göy- 432
goz 432

-γ- 278
γam 285

haberleşmek 151
harcamak 207, 212, 228
harç 207, 212
harğ 446
havî 329
hay 266

-i- 231, 441
iç 261, 262, 286
içgär- 261, 286
içik- 287
içkur- 264
içsä- 300
iç- 300
içiş- 539
içse- 297, 300
idi 284
id'ikmek 284
ige- 499
igid- 393, 395
iğ 102
iği 252
iğlen- 102
iğnele- 87
iğrilmek 274
ihtiyar 159
ihtiyarlamak 159
ihtiyarlaşmak 159
ijiś 240
ijiśk'a- 240
iken 37

-gu- 288
güç 302
güçsümek 302
gülümsün- 304
güneş 110
güneşlenmek 110
güpegündüz 443
güpgünduz 443
güreş 380
güreş- 380
gürük 302
gürüksemek 302
güzel 114
güzellenmek 114, 134
güzelleşmek 134
güžä- 206

γ

-γur- 520

h

hayır 165
hayırlaşmak 165, 166
haykırmak 266
helal 164
helallaşmak 164

i

ikin 37
il- 410, 463
ile 559
iler- 410
ilgäk 6
ili 363
ili- 363
ilik 363
ilin- 138, 495, 496
ilkäk 6
imgän- 241, 321
-(i)mse- 295
-(i)msi- 295
in- 246
ince 342
incelenmek 342
inceleşmek 342
incelmek 275, 342
inç 368
inç- 368
indä- 393
inil- 508
init- 394
*inlä- 394

ır- 442, 464
irinč 241
irinčkä- 241, 242
irk- 464
irkäk 102
irkäkläп- 102
irkil- 464
irklenmek 111
is 193
isi 402
isi- 402
isirgä- 228
istä- 193, 393, 394
išid- 393
išit- 395

-ı- 231
ık 318, 319
-ık- 293
ıkınmak 319
iklamak 319
-ıla- 268
ılı 377, 402
ılı- 377, 402
ılığ 377, 402
ılık 377, 402
ınçkır- 265
-r- 441, 467
-ır 264
ırgan- 496
-ıq 264

īl- 360

-j- 436
jaj- 441
*ja 383
jajy- 441
jaγ- 383
jaγyl- 506
jalda- 393, 394
jan- 383
jan taš- 393, 394
jaп 267
jaпγur- 219, 267
jaпra- 219
jaпyl- 496
jaq 136
jaq- 136, 243, 383
jar- 91
jara- 525

iş 267
it 437
it- 444
ita 437
iti- 410
itin- 495
itmek 347
iyi («хороший») 143
iyi («запах») 375
iyi- 375
iyileşmek 143
iylenmek 111
iz- 442
izdä- 393, 394
*izlä- 394

ı

ısla- 475
ış 424
*ış 424
*ış- 424
*ışi 268, 424
ışı- 201, 424
ışık 201, 424
ışıla- 424
ışılamak 266
ışıl:ışıl ışıl bakmak 268
ışıl ışıl ışımak 268
ışımak 201, 268
işın 201, 424
ışkırmak 266
ığla- 23

ï

-īr- 360

j

jarat- 525
jarγu jar- 91
jaqyš- 553
jasta- 394
jastan- 495
jaš 259
jaš- 353, 475
jašar- 259
jašy- 475
jašyl 259
jašu- 475
*jat- 291
*jaw- 136
jägäd- 393, 394
jägni- 410
jegni 410
joγun 276

joγun- 276
jol- 286
joluk- 286
joluq- 286
jonty- 393
joq 309
joqad- 393, 394
joqsyq- 511
jow- 136
juγčy 23
julq- 243
julx- 286
jumut- 393
jūda- 394
jūd- 393
jügrüš- 533
jük- 243
jükün- 496

k

-k 291
-k- 243
kaçıl- 508
kadruklan- 125
kağirmak 269
kağiş 207, 212
kağşamak 207
kak 269, 299
kak- 445
kakı- 445
kaksı- 299
kalın 236, 282
kalınmak 490
kalk- 289, 300, 445
kalkımak 289
kalksa- 300
kalmak 490
kalnadh- 282
kalnat- 282
kalnu- 236
kama- 535
kan 222, 236, 286, 293
kana- 208, 236, 468
kanamak 222
kanan- 496
kanat 145
kanatlaşmak 145
kanı- 236
kanıkmak 286, 287, 293
kanıksamak 286, 293
kanıksımak 286, 293
kap 299
kapamak 272
kapsa- 299
kara 261, 388
karan 388
karan- 388
karangğu 324, 388
karangı 388
karangi- 388
*karangılık 388
karar- 261
karık 379, 403, 404
karıla- 84
karınca 145
karıncalaşmak 145
karınla- 84
karış- 460
karlan- 126
karluklan- 125
kart 276, 396, 397
kart- 397
kartalmak 275
kartay 396
kartay- 396
karumak 352, 353
*kasna- 336
kasnak 336
kaşuklan- 124
kat 411, 439
kat- 439
katı 375, 400, 411, 439
katı- 375, 400
katıglan- 124
kavga 164
kavgalaşmak 164
kaygi 248, 252
kayğırmak 252
kayırmak 252
kayna- 336
kayrak 271
kayuklan- 124, 126
kaz- 509
käing 6
käl- 288, 300, 509
kälsä- 300
kälü sä- 300
kän 161
kändi- 394
känl- 161
känläš- 161
känrän- 219
keç 369
keç- 369
keçil- 271
kehlen- 321
kej 236
keke 389

keke- 389
kekele- 389
kekre 401
kekre- 401
kelig 301
keligse- 301
kençeklen- 125
kengil- 271, 275
keŋ 367
kerikmek 292
kerit- 290
kermek 292
kertin- 496
kert- 290
kesin- 496
kez 261, 262
kezger- 261, 262
kiŋg 236
kiŋgü- 236
kirimsin- 309
kirin- 492
kirtgün- 320
kirtin- 320
kirtü 320
kišne- 336, 533
kişne- 336
kıçıla- 84
kılıçla- 84
kınış- 404
kır- 509
kırıl- 508
kırk- 445
kırki- 445
kırtış 128
kırtışlan- 128
kisa 251
kısar- 251
kısırgamak 329
kıska 251
kıskar- 251
kısmak 329
kısraklan- 125
kışlağlan- 128
kıtır 199
kıtır kıtır 199, 201
kıvır: kıvır kıvır kıvrıl- 469
kıvır- 469
kıvıra- 469
kıvra- 469
kıvrıl: kıvır kıvır kıvrıl- 469
kıwçaklan- 125
kıy 446
kİyı 446
kız 221
kıza- 221
kızar- 254
kızgırmak 267
kızgut 128
kızgutlan- 128
kızlan- 124, 125, 127
ko- 514
koca 400
koca- 400
koç- 445
kok 375, 411
kok- 234, 375, 411
kokla- 375
kokmak 234
kol 123
konak 84
konakla- 84
konğra- 221
konğur 221
kop- 268, 298
kopsa- 298
koru 376
koru- 231, 376
*koruğ 376
koruk- 290
kosık 84
kosıkla- 84
kotur- 510
koy- 509
kozγa- 245
kozu- 246
köç- 369
kök 248
köke 438
kökrä- 325
kökre-221, 325
kökremek 325
köl 254
köler- 254, 410
kön- 261, 519
köndär- 394, 519
köndger- 261, 519
könger- 519
kör- («видеть») 294, 299, 353
kör- («разгораться») 432
köräš- 529
körk 282
körkedh- 282
körket- 282
körse- 299
körügse- 301
körün- 495
körüš - 533
körüvse- 301
kötüleşmek 151
kötürse- 298
köz 326, 424
*köz- 519
közät- 393, 509
közegü 424

közet- 509
közger- 519
közin- 412
közün- 519
kubuz 221
kubza- 221
kuca- 445
kudur 433
kudur- 433
kuduz 433
kukusin 438
*kulla- 123
kullanmak 123
kulna- 223
kur 236, 241, 424
kur- 508, 521
kurga- 241, 242
kurgak 424
kurı- 236
kurtur- 521
kuru 412
kuru- 412
kuşan- 474
kuşanmak 332
kuşat- 474
kuşatmak 332
kut 281
kutat- 281
kutgar- 261
kutxar-260
kuzgır- 263, 519
kübän- 323
küç 102, 129, 159
küçe- 27
küçle- 159
küçlen- 102, 129, 159
küçük 271
kükre 401
kükre- 325, 401
kükremek 325
külčir- 251
külčirä- 311
küllenmek 124
külsir- 311
külüčir- 251
külümsin- 309
künçüklen- 125
kündäm 393
küŋäd- 393, 394
küŋdä- 393
küz 221, 254
küze- 221
küzer- 254
küzger- 254

l

-la- 415
-laşmak 151
-läš- 161
-leşmek 151
liq 280
-ly- 36, 37

m

mahmur 53
magra- 218
makta 385
makta- 385
mançuklan- 128
mañğır 221
mañğra- 221
mañra- 218, 323
maqta- 393, 394
mäkrä- 323
mänzä- 211
mektublaşmak 134, 151, 166
min- 429
monçuklan- 125
mor 248
morarmak 249
muñ 261, 262, 281
muñadh- 281
muñkar- 261, 262
muñra- 218, 323
mükrä- 218
mülk 325
mülkre- 325
müñrä- 217
müñräš- 533

n

naz 159
nazla- 159
nazlan- 159
näle 232

odh 262
odhgar- 260
odun- 472
oguzlan- 124
oğ- 244, 349
oğalamak 244
oj 262
okarmak 253, 256, 257
oklamak 253
olursuq 512
olursyq 298, 512
onarmak 517
onga- 211, 435, 439
onğ- 370
onğu- 271
onmak 517
oñ 244
oŋ 251
oŋar- 251
oŋul- 271
oqımaq 235
oqraş- 533

* õ 387
öç 430
öçür- 507
ög («мысль») 102, 313
ög («мать») 302, 431
öglän- 102
ögläs- 173
ögrätin- 472
ögsirä- tynsyra- 313
ögür 387, 420
ögür- 387, 420
ögürde- 387
ök 106, 434
öklän- 106
öksi- 431
öksü- 431
öksür- 264, 265
öktem 107
öktemlen- 107
öktä- 393
öl 236
ölç 397, 440
ölç- 397, 440
öldür- 68

parıl- 233
pas 102
paslan- 102

o

or 209, 212, 222, 430
ora- 440, 445
orak 429
oramak 209, 222, 223
orna- 211
orul- 505
orun 211
ot 437
ota- 437
otar- 465
otgar- 260
otruš- 533
otunğ 405
otur- 300, 510
otursa- 300
ovalamak 244
oy- 389
oyanğırmak 520
oyna- 173
oyul 389
ouylga 390, 398
oyulga- 390, 398

ö

öli- 236
*ölüč- 397
ölüş- 397
öngü 135
öngüşmek 135
öŋ 282
öŋäd- 282
öŋdür- 394
ör 370, 421
ör- 370, 421
örtä- 393, 394
örte- 206
örüš- 533
öskür- 264
öt 418
öt- 160, 418
ötkür- 265
ötleş- 160
ötür- 265
öw- 474
*öz 405
özen 405
özen- 405

p

peki 366
pençelemek 171
pençeleşmek 171

pos 437
puf 385
pufla 385, 421

-q- 239, 243, 278
-qa 36
-qač 36
qaɣan 313
qaɣansıra- 313
-qala- 37
-qan 36
-qanča 37
qandyn 37
qantar- 394
qapta- 393
qar- 445
-qar- 37
qara-' 445
qaraly: jaruqly qaraly 388
qaraŋɣu 388
qarmamaq 352
qarvamaq 352
qary 401
qary- 401
qaryš- 460, 533
qašaɣu 424
qat 367
qat- 367
-qaz- 37
qičīqīr- 265
qıçqur- 265
qılıl- 506
qımlanmaq 201
-qır- 264
qod- 393
qoj- 393, 509
qol- 412
qolt- 393

razlaš- 173

sa- 294, 296, 298
saçıştırmak 357
saçlan- '126
saçmak 357
sad- 393, 395
safdiçlan- 125
saglıklan- 125
ıɣyt 109, 207
saɣytlan- 109
ɣyš 207

pufla- 385, 421
pūfkürmek 267
pūskürmek 265

q

qor- 290
qoruqmaq 290
qov 91
qov qovlamaq 91, 93
qoz- 239
qoza- 239
qozɣa- 239
qozu- 465
qulna- 209, 239
qulun 212
quptar- 394
qur 239
qurɣa- 238, 239
quryš- 533
quš 91
quš qušlamaq 91
qutad- 393
qutrul- 506
qutqaruvsa- 301
-qy 36
-qyč 36
-qyla- 37
qylyn- 496
-qyn 36, 205
-qynča 37
-qyr- 37
qyrq- 243
qystа- 161, 393
qystalyş 161
qyz 259
-qyz- 37
qyzar- 259
qyzyl 259

r

s

saɣyša- 207
saɣuš- 212
saŋla- 23, 53
saj- 365, 393
*sak 319
sakılda- 201
sakın- 469
sakınmak 319
saklı 53
sal- 465

salkı 376, 401
salkı- 376, 401
san 440
san- 440, 507, 509
-san- 301
sana- 440
sancı 377, 440
sancı- 377
*sanç 441
sanç- 294, 377, 440, 441
sançık- 294
sangı 53
sangılamak 53
sapan 405
sapan- 405
sapanla- 405
sapasağlam 443
sapsağlam 443
sar 360
*sar 423
sar- 360, 423
saraguç 129
saraguçlan- 129
sarar- 261
sararmak 249
sargar- 261, 262
sarı 261, 262
sarığ 404
sarığ- 404
sark- 429
sarkmak 280
sarla- 423
sarmak 537
sarna- 207
sars- 444, 465
saru- 423
sası 413
sasığ 413
sat- 299, 301
satıg 301
satıgsa- 301
satsa- 299
sav- 466
savaš- 380
savruk- 294
say- 440
sayramlan- 129
säkri- 441
säkiri- 441
säksän- 321, 470
säs 318, 328
säsirgä- 328
sävlän- 494
semiz 236
semri- 236
senet 166
senetleşmek 166
sep 339
septür- 339
serin 159
serinlemek 159
serinlenmek 159
serinleşmek 159
serp- 452
sert 143
sertleşmek 143
ses 110
seslenmek 110
sezek 379
sezik 379
sezik- 294, 379
-si- 431
silâh 110
silâhlanmak 110
silin- 496
silkelemek 347
silkin- 496
silkişmek 535
silkmek 535
siltä- 394
sivirmek 342
sivri 276, 342
sivrilenmek 342
sivrileşmek 342
sivrilmek 276, 342
sı 298
-sı 301
sığa- 229
sığamak 208, 229
sığışmak 356
sığmak 356
sık-371, 442
sık 371, 442, 443
sın- 475
-sın- 301
sındır- 475
sırısıklam 443
sırsıklam 443
sırt 254
sırtarmak 254, 257
sıskır- 266
sıva 229, 402, 421
sıva- 229, 402, 421
sıvamak 208, 229
sıvalamak 229
sıxtaş- 539
sız 420, 424, 442
sız- 420, 424, 442
sızı 420, 442
sızla- 420, 423
sogli- 424
soğuk 50
soğuklamak 50
soḫrat-339

sohur et- 339
sok 424
sok- 424
sokmak 356
sokulmak 356
sokuşmak 356
soqbarmak 413, 424
soquš- 540
soruşturmak 357
soy- 294, 390, 507
soysu- 390
soysuk- 511
soyuk- 294
soyul- 500, 522
söğüş- 507
söy söylemek 91
söyün- 442
sözlä- 45
sözlätil- 506
su 111
-su 296
subı 401
subı- 401
susa- 302
susamak 301
suv 260
suvγar- 260
suw 35, 261, 262, 276, 297, 299
*suwa- 276
suwal- 276, 277
suwar- 261, 276
suwgar- 261, 262, 276
suwlan- 126
suwsa- 299
suwsı- 298, 299

sux 107
suxlan- 107
-sü 431
süči- 535
süčüs- 535
sümkür- 264, 266
sümkürmek 266
sür- 299, 350
sürç 371
sürç- 371
sürkile- 350
sürküle- 350
sürse- 299
sürt- 290
sürü- 231
sürüklemek 90
sürüt- 290
süt 126, 261, 262
sütger- 261, 262
süye- 243
sy- 292, 474, 475
syγyt 207, 212
syγ(y)ta- 207
syγytčy 23
-syl 259, 296
-symak 296
-symal 296
-syman 296
syn- 291, 292, 474
synyγ- 292
synyx- 291
syqqur- 414
syqta- 207
syqty- 393
syt- 474

š

-ša- 37
šurt 369

šurt- 369
-šy- 37

ş

şaka 166
şakalaşmak 166
şevre- 417

şüphe 114
şphelenmek 114
şuşkür- 267

t

-t- 395, 525
-ta- 394
tabuvsa- 301
tacan- 321
tacanmak 318
taç 318

tağı- 476
taγ 286
taγyq- 286, 287
takınmak 481
takıştırmak 357
takmak 357

talula- 84
tam 415
tamaşalan- 107
tancga- 343
tança- 343
tançı- 343
tap- 509
tapır 236
taprıl- 236
tar 233, 236
tar- 476
tara- 239
*taraγa- 239
tarafından 499
taran- 496
tarγa- 238, 240
tarıglan- 124
tarıl- 476
tarın- 492
tarmut 128
tarmutlan- 128
taru- 233, 236
tart- 393, 395, 445
tarta- 445
taš 69
tašla- 69
taş 371
taş- 372
taşi- 231
taşımak 235
tat 234, 318, 321, 367
tat- 301, 367, 368
tatgan- 320, 321
tatıg 301
tatıgsa- 301
tatın- 492
taty- 234
tav 305
tavsamak 305
tavuş 382
tavuş- 382
tawgaçlan- 125
tayaklan- 124, 125
taz 68, 254
tazar- 254
tazgar- 254
tazgır- 254
tazla- 68
täril- 506
tebiz 221
tebze- 221
tekese 301
teli 102, 341
telilen- 102, 341
telü 341
telür- 341
teng 208, 212
tenge- 208
tep- 429
tepin- 429, 496
tepre- 326
tepremek 218
teprenmek 218
tepreşmek 218
teps 231
tepsimek 231
ti- 507
tike- 507
tikiš- 539
tilä- 210
tile- 210
tilki 168
tilkileşmek 168
tilkü 128
tilkülen- 128
tilemsin- 309
tin 24, 25
tiril- 274
tirimsin- 309
titiş- 507
titre- 429
tizlin- 494
tıdhlın- 493
tıgrak 128
tıgraklan- 128
tık- 446
tıka- 446
tılık- 285, 286
tın- 429, 535
tınça- 343
tınçı- 343
tınıl- 509
tınış- 535
tınlan- 24
tırıl : tırıl tırıl tıtremek 215
tırlamak 354
tırmanmak 353
tırmaşmak 353
tırmık 353
tıskırmak 267
tod- 393
todh- 519
todhgur- 519
todhur- 519
togral- 138
tograš- 138
togru 415
togru- 415
toγ- 457
toḫtalmaḫ 476
toḫtatmaḫ 476
toj- 393
tol- 457
ton 128, 210, 415

ton- 415
tona- 210
tonan 415
tondürmek 415
tonğ- 368
tonmik 415
toq 372
*toq- 372, 442
toqı- 442
toqmaq 442
toqta- 394
toquš- 533
tosta- 393
toy- 372
toygırmak 520
toz 209, 211, 222, 252, 338, 441
toz- 371, 441
toza- 441
tozamak 209, 222, 223, 338, 343
tozar- 263
tozarmak 252, 256, 338
tozgır- 263, 519
tozutmak 209, 222, 338, 343
töklün- 494
töl 221, 430
töl- 225, 447
tölçek 425
töle- 221
törü- 462
töskürmek 267
töşen- 496
tugrag 128
tugraglan- 128
tuγ- 461
tuly 446
tum 36, 424
tumağı 424
tumlı- 35
tumliğ 424
tumluglan- 128
tumluγ 36
tumly 36
tumly- 36
tumyl- 36, 271
tuplun- 493
tur- 521
turgur- 521
turkiğlan- 128, 130
turuk- 290
turumsun- 309
tusu 276
tusulmak 276
tuşgulan- 125
tut- 430, 444, 507
tutam 430
tutamak 444
tutašy 529
tutsuk- 511
tutsuq- 511
tutul- 500
tutuz- 518
tuz 221
tuza- 221
tuzul- 271, 277
tū! 266, 269
(tüf!)
tükür- 264, 266
tükürmek 266
tümsek 271
tün 372, 424
tün- 372
tünä- 211
tüne- 211
tüngak 424
tüp 261, 262, 325, 326
tüpir- 509
tüpkär- 261, 262
tüpre- 325
tür 447
türe 447
türe- 462
türgä- 239
türlün- 493
*türügä- 240
tüskür- 264
tüšnä- 338
tüšne- 533
tüş 372, 421
tüş- 338, 372, 421
tüt- 383, 445
tütün 383
tütün- 383
tütüş- 509
tüz 276, 283, 284, 368
tüzäl- 276, 277
tüzer- 494
tüzlün- 494
tüzük- 283, 284, ?
tüzül- 509
tyn 313
tyŋla- 24
tynlyγ 25

u

u 233, 236, 442
u- 250, 280, 442
ucuzlamak 178
ucuzlanmak 178
uç 430
ud 319

udh 263
udhgar- 263
udhgur- 263, 519
udlu 319
uduz- 518
udy- 393
udysyq 298
udyz- 418
ufak 271
ufalan- 474
ufan- 474
ufat- 474
uj 240
ujal- 28
ujat- 28
uju- 393
uk- 434
ulγad- 238
ulu 402
ulu- 402
*uluγad- 238
um 416, 442
um- 234
umdumak 234
umud 234
umudumak 234, 236
unarmak 251, 517
unmak 517
unut- 393
ur 416
ur kılışmak 416
urugla- 84
urul- 505, 506
ursuk- 511
ursuq- 511
ursyq- 511
uruş- 507
us 102
usan 405
usan- 405
uslan- 102
ut 27, 319
utan- 384, 431
utuz- 384, 518
uv- 474
uvan- 474
uvut- 27, 319
uw- 474
uwut 261, 262
uwutgar- 261, 262
uy- 433
uyku 233
uyu- 352, 442
uyuk 312
uyuklamak 312, 352
uyuksıra- 312
uyuku 233
uyumak 233, 352
uz («мир») 164
uz («хороший», «красивый», «подходящий») 250, 280, 433
uzal- 506
uzāmak 250
uzlaşmak 164
uzun 384
uzun- 384
užraš- 533

ü

üstän- 321
üşel- 505
üşen 406
üşen- 406
üz : üz buz 367, 373
üz- 160, 338, 373
üzä 137
üzäl- 506
üzen- 405
üzlüş- 160, 495
üznä- 338

v

var- 510

y

ya dhış- 540
yadhsa- 299
yadh- 299
yadhın- 496

yadırgamak 328
yagı 400, 446
yagı : sarı yagı 446
yagı- 400
yagmalan- 125
yağ 299
yağı 400, 447
yağsa- 299
yağsı- 299
yak- 510
yakın 148
yakınlaşmak 148
yakre 128
yakrılan- 128
yal 239
yalabımak 233
*yalaγa- 238
yaldır yaldır yaldur- 362
yalap 233
yalγa- 238, 239
yalın 102
yalınlan- 102
yama 400
yama- 400
yamağ 400
yamav 400
yan («бок») 261, 424
yan (подражат. корень) 305
yana 446
yanğak 424
yanı- 400
yankarmak 261, 262
yankı 305, 391
yankılamak 218
yansı 391
yansak 271
yansımak 305
*yaŋi- 400
yap- 299
yapayalnız 443
yapınmak 487
yapsa- 499
yapyalnız 443
yar- («раскалывать») 239
yar- («быть полезным») 444
yarat- 500
yarγan- 239
yarık 129
yarıklan- 129
yarıq 101
yarıqlan- 109
yarış- 540
*yaruγar- 239
*yaš 360
yaš- (подражат. корень) 360
yaş- («прятать») 299, 475
yaşamak 470
yaşın 221
yaşmak 353
yaşna- 221
yaşsa- 299
yat 369, 418
yat- 299, 369, 418, 510
yatčı 359
yatgırmak 520
yatıčı 359
yatmak 520
yatsa- 299
yawaş 129
yawaşlan- 129
yawganlan- 128
yay 385
yaykamak 244
yayla- 363, 385
yaylâ 363, 385
yaylağ 363, 385
yaylâk 363
yaz 221, 385
yaz- («ошибаться») 507
yaz- («развязывать») 493
yaza- 221
yazıl- 493
yazın- 493, 496
yazlın- 493
ye- 300
yegni 410
yeğni 418
yegni- 418
yelin 221
yelne- 221
yemişlen- 124
yenil- 500, 522
yer 126, 147, 148
yerleşmek 148
yet- 299, 300
yetmek 73
yetse- 299
yetsi- 300
yeyse- 297
yi- 300
yig 107
yiglen- 107
yiğit 363
yiy 234
yiy- 444
yiyse- 300
yiyimek 234
yıdhı 236
yıdhı- 236
yığaç 126
yıgaçlan- 126
yıgış- 540
yığışur- 358
yığşurmak 358

yıkamak 244
yıldır 216
yıldıra- 390
yıldırmak 216
yıldızlan- 126
yır- 467, 526
yıra- 441
yıraklan- 128
yırın- 496
yīl- 463
-yl- 36, 37
-ym 36
-yn 36
yoğur- 509
yoğ 418
yoğ- 418
yok 212
yoka- 207, 228
yol- 293, 435
yolk- 293
yory- 507
yōn 369
yōn- 369
yq 36
yr- 37
yrγal- 506
-yš- 37
-yt- 37
yu- 507
yufgadh- 382
yufgat- 382
yulaklan- 126
yumşa- 272
yumurlan- 124
yutkunmak 320
yuw- 128, 493
yuwgalan- 128
yuwlun- 493
yuwul- 493
yüce 275
yücelmek 275
yük 303
yüksek 271
yüksümek 303
yüksünmek 303
yülü- 435, 444
yürči 359
yüreklen- 128
yürüči 359
yüzleş 173

z

zır 233
zırıldamak 233

ž

-žaq 36
-žyq 36
žyz 417
žyz- 417

ا

اتر 265

آرُق 107
ارقلاش 168
آرْقَلَنْ 107
اری سو : اری 398
اُزْلشْدِی نَانْك : اُزْلُشْدِی 160
ازفغل 384

اَتْسادِی : اَتْسادِی 297; اَرْ اَتْسادی 298 اُلْ یا اَتْسادِی
اج 366
اُجْدی 25
سُفْ اِجْسَدی : اِجْسَدِی 297
اَرْ اَجْغْسَادِی : اَجْغْسَادِی 297

اُزُمْ اَجِغْسِيدِى : اَجِغْسِيدِى 298

قَبُغْلارْ آجْلِشْدِي : اَجْلِشْدِى 160

اجيمق 398

اچيمق 398

اَخْشام 49

اذْتِي 281

آر 25

آرت 463

آرْ شُنَل 38

اُلْ مَنْدِينْ يَرْمَاقْ اَلْمِسْنْدِى : اَلْمِسْنْدِى 297

اِمْ 241

امان 6

اُمكاتمق 241

اُمكندى 241, 318

اُمكانماقْ 318

اُمكاتمق 318

امىلامك 241

امنامك 241

اَوْ 108

اود («стыд») 27, 276

اود («заем») 435

اورتا 206

اورل 370

اوس 328

اُسْتَانْ 27, 320

آط 108

آطْنَنْ 108

آغِل 506

آغِن 506

اقسُر 265

كِشِي اَقْلَشْدِى : اَقْلَشْدِى 161

اكسر 265

الت 366

الت بر 366

اوص 328

اَوْلَنْ 108

اوم 414

ايا 408

ايامق 408

ايراق 107

ايردى 506

ايس 328

ايسيمك 402

ايل 6, 89, 318

ايلكاك 6

ايلين 318

ايم 27, 318

اِيْم 241

ايماتمق 241

ايمانمق 27, 318

ب

267 بسقرمق

51 بلاوُو

51 بلاوولا

138 بُلَتْماق

138 بُلدی

460, 537 بورشمق

460, 537 بورشمک

537 بورمگ

405 بورونماق

399 بویا

399 بویاـ

38 بَهْبُودْ

ت

210, 223 تِلا

35 تُمْلِیدِی

488 توخنمق

42 تیلمك

24 تِیِنْ

25 تِینِي

ج

386 جی

چ

6 چیکات

98 بار

413 بُتْ

400 بَتَرْ

506 بتیلدی

98 بدر

142 بُرکُو

51 برمق

51 برمقلا

294 بَسِّقْتِي اَرْ : بَسِّقْتِي

294 اَرْ یَغِیقا بَسقْدی : بَسقْدی

521 ت

274 ترل

138 تُغَرْشِدی

138 تُغَرْلْدی

430 تقیش

266 تُکُرْ

310 جك کورو

6 چیك

638

ح

حس 328

د

دم کردن 41
دورتمق 505
دورلتمق 505
دوستلاش 165
دتلمك 42

دان ماتمق 89
دِلَّ 92
دلمك 42
دم 42

ر

ر 521

ز

زَنْك 196

س

سکرت 526
سکمك 525
سِنْ 292
سِنغْ 292
سوترمق 339
سوز 341
سُوزْ 275
سوڤْ 35

س 297
سا 298
سَايَه 55
سرمساق 6
سِقُّو 414, 415
سَقَلْ 109
سقلا 53
سُجْك سَقْسِيدِى : سُقْسِيدِى 298

ص

6 صن

197 صزلامق
108 صَقَلْلانْ

ع

147 عَصَبِي

غ

521 غ

ق

375 قاتى
40, 375 قاتيماق
460 قَرْدْيِ
290 قرق
324 قَرَنْكُغُو
332 قورقوشاق
332 قورلا
266 قيقرغجى
506 قيلدى

294 ق
40 قاتماق
352 قارماق
352 قارمامق
375 قاطى
163 قباق
163 قباقلامق
163 قباقلامق
412 قترغان
375 قتى
290 قرت

ك

325 ككرمك
412 كوزن
130 كوُكْ
6 كينك

294 ك
298 اَرْ يُلْك كُتْرسادِي : كُتُرْ سادِي
306 كَپْ

گ

گَپْ 306

ل

ل 492, 493

لادی 84, 127

مست 328

ن

ن 492, 423

و

وَرْدَنْ 38

وَرْدَنه 38

ی

یاوقلانمق 136

یاوقمق 136

یاومق 136

یاویمق 136

یخینلامق 177

یراتیلغان‌لار 506

یِرَاْقَلَنْ 107

یوت 411

یوو 136

یووقتا 136

اَشْ یَیسَدِی : یَیسَدِی 297

լիք 280

զանգ 196

տելմեք 42

օլտուր- 509

օլտուրուլ- 509

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Введение 9
Глава I. Формы отыменных глаголов 35
Продуктивные формы 35
Аффикс *-ла-//-лә-* 35
Группировка производных глаголов на *-ла-//-лә-* по значениям их основ 35
Значения производных глаголов на *-ла-//-лә-* 55
Аффикс *-лан-//-лән-* 93
Группировка производных глаголов на *-лан-* по значениям их основ 98
Значения производных глаголов на *-лан-* 112
Аффикс *-лаш-//-ләш-* 133
Группировка глаголов на *-лаш-* по значениям их основ 139
Значения производных глаголов на *-лаш-* 149
Аффикс *-лаш-*$_1$ 162
Группировка глаголов на *-лаш-*$_1$ по значениям их основ . . . 162
Значение глаголов на *-лаш-*$_1$ 168
Аффиксы *-лат-//-ләт-, -ландыр-//-ләндир-, -лашдыр-//-ләшдир-* . 175
Аффикс *-да-//-дә-* 187
Глава II. Формы отыменных глаголов 203
Непродуктивные формы 203
Аффикс *-а-//-ә-* 203
Группировка глаголов с аффиксом *-а-* по значениям их основ 205
Значения глаголов с аффиксом *-а-* 221
Аффикс *-ы-//-и-//-у-//-ү-* 230
Аффикс *-га-//-гы-* 238
Аффикс *-ар-//-әр-* 247
Аффикс *-гар-//-кәр-* 259
Аффикс *-л-//-ал-//-әл-* 269
Аффикс *-ыг-//-ых-//-уг-//-их-//-ик-//-үк-* 282
Аффикс *-са-//-сә-//-сы-//-су-//-сү-//-сын-//-син-//-сун-//-сүн-* . . . 295
Аффиксы *-ан-//-ән-//-ын-//-ин-//-ун-//-үн-* и *-ган-//-кән-//-гын-//-кин-//-гун-//-күн-* 316
Аффикс *-ра-//-рә-* 323
Аффикс *-ырға-//-иркә-* 327
Аффикс *-ша-//-шә-* 331
Аффикс *-на-//-нә-* 336
Аффиксы *-ыт-//-ит-//-ут-//-үт-, -дыр-//-дир-//-дур-//-дүр-* 338
Приложение к главе II 345
Отглагольные формы глаголов 345
Количественные формы 345
Аффикс *-ала-//-әлә-* 346
Аффикс *-гала-//-гала-//-хала-//-кәлә-//-кәлә-* 349

ОПЕЧАТКИ

стр.	строка	напечатано	следует читать
45	15 сн.	сөзләмәк-сөjләмәк	сөзләмәк//сөjләмәк
53	4 св.	санжы	санҗы
93	8 сн.	-лан-//-лән	-лан-//-лән-
102	5 св.	çöplendı	çöplendi
169	9 св.	мәсләһәтләшмәкәт	мәсләһәтләшмәк
220	7 св.	судыр-судыр-ет-	судыр-судыр ет-
239	6 св.	-ак < -ғақ	-ақ < -ғақ
361	1 сн.	аманимдер	омонимдер
366	7 св.	-са	as-
"	"	-аш	аш-
443	1 св.	sik	sık
479	21 сн.	һәмдәрдиндә нараланмыш	һәмдәрдиндән араланмыш
481	2 св.	өзшәj-	өз шәj-
488	18 св.	توجنمق	توجنمق
513	6 сн.	Эһли	Ehли
552	1 сн.	յավելյածուլը	յավելյածուլը
558	18 св.	càрха-	асăрха-
566	13 св.	гар 386	-гар 386
597	23 сн.	сеңер-	сеңгер-
617	20 сн.	ağaçlandırmak	ağaçlandırmak
"	16 сн.	ağırlaşmak	ağırlaşmak
624	20 св.	iklamak	ıklamak
624	25 св.	ilık	ılık
625	15 св.	kağırmak	kağırmak
"	16 св.	kağiş	kağış
"	5 сн.	karangi	karangı
"	14 св.	kariş	karış
"	22 сн.	kaygi	kaygı
"	9 сн.	käŋl-	käŋi-
626	24 св.	kosikla-	kosıkla-
629	5 сн.	safdiçlan-	safdıçlan-
"	4 сн.	sagliklan-	sağlıklan-
630	25 сн.	sığişmak	sığışmak
"	4 сн.	sogli-	soglı-
631	3 св.	-sü 431	-sü- 431
632	29 св.	taşi-	taşı-
"	30 св.	taşimak	taşımak
"	20 сн.	tıtremek	titremek
633	17 сн.	tumliğ	tumlığ
633	8 сн.	turkiğlan-	turkığlan-
635	20 сн.	*yaŋi-	*yaŋı-
639	4 св.	دان ماتمق	دان صاتمق
"	8 св.	دتلمك	ديلمك

Зак. 1072

Аффикс *-мала-//-мәлә-* 352
Аффикс *-ш-* 355
Аффикс *-шдыр-//-шдир-//-шдур-//-шдүр-* 356
Глава III. Древнейшее состояние глагольных основ 359
Синкретичные основы 359
А. Первичные глагольно-именные основы 365
Б. Вторичные глагольно-именные основы 374
В. Глагольно-именные основы неясного происхождения 397
Г. Омоморфные глагольно-именные основы, выявляемые сравнительным путем 408
Д. Отношения между значениями членов омонимических пар . .418
Об источниках синкретизма корней и основ 427
Причинная связь значений 430
О явлениях внутренней флексии 432
О так называемых распространенных основах 436
Глава IV. Залоги в азербайджанском языке и их отношение к словообразованию 448
Историческое положение категории переходности-непереходности и ее отношение к залогу 456
Возвратный залог 478
Страдательный залог 497
Понудительный залог 512
Взаимно-совместный залог 528
Заключение 546
Список сокращений 551
Предметный указатель 554

Эрванд Владимирович Севортян

АФФИКСЫ ГЛАГОЛООБРАЗОВАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Опыт сравнительного исследования

Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР

*

Редакторы *В. Д. Артамошина* и *М. В. Лазова*
Художник *В. М. Рыклин*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Л. М. Каменецкий* и *М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 4/VII 1961 г.
Подписано к печати 4/V 1962 г.
А05039. Формат 60×92¹/₁₆
Печ. л. 40,25. Уч.-изд. л. 40,88.
Тираж 1000 экз. Зак. 986.
Цена 2 руб. 50 коп.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4.

DM 73,90
78023/62
143840/2